

This is a digital copy of a book that was preserved for generations on library shelves before it was carefully scanned by Google as part of a project to make the world's books discoverable online.

It has survived long enough for the copyright to expire and the book to enter the public domain. A public domain book is one that was never subject to copyright or whose legal copyright term has expired. Whether a book is in the public domain may vary country to country. Public domain books are our gateways to the past, representing a wealth of history, culture and knowledge that's often difficult to discover.

Marks, notations and other marginalia present in the original volume will appear in this file - a reminder of this book's long journey from the publisher to a library and finally to you.

Usage guidelines

Google is proud to partner with libraries to digitize public domain materials and make them widely accessible. Public domain books belong to the public and we are merely their custodians. Nevertheless, this work is expensive, so in order to keep providing this resource, we have taken steps to prevent abuse by commercial parties, including placing technical restrictions on automated querying.

We also ask that you:

- + *Make non-commercial use of the files* We designed Google Book Search for use by individuals, and we request that you use these files for personal, non-commercial purposes.
- + *Refrain from automated querying* Do not send automated queries of any sort to Google's system: If you are conducting research on machine translation, optical character recognition or other areas where access to a large amount of text is helpful, please contact us. We encourage the use of public domain materials for these purposes and may be able to help.
- + *Maintain attribution* The Google "watermark" you see on each file is essential for informing people about this project and helping them find additional materials through Google Book Search. Please do not remove it.
- + *Keep it legal* Whatever your use, remember that you are responsible for ensuring that what you are doing is legal. Do not assume that just because we believe a book is in the public domain for users in the United States, that the work is also in the public domain for users in other countries. Whether a book is still in copyright varies from country to country, and we can't offer guidance on whether any specific use of any specific book is allowed. Please do not assume that a book's appearance in Google Book Search means it can be used in any manner anywhere in the world. Copyright infringement liability can be quite severe.

About Google Book Search

Google's mission is to organize the world's information and to make it universally accessible and useful. Google Book Search helps readers discover the world's books while helping authors and publishers reach new audiences. You can search through the full text of this book on the web at <http://books.google.com/>

Это цифровая копия книги, хранящейся для потомков на библиотечных полках, прежде чем ее отсканировали сотрудники компании Google в рамках проекта, цель которого - сделать книги со всего мира доступными через Интернет.

Прошло достаточно много времени для того, чтобы срок действия авторских прав на эту книгу истек, и она перешла в свободный доступ. Книга переходит в свободный доступ, если на нее не были поданы авторские права или срок действия авторских прав истек. Переход книги в свободный доступ в разных странах осуществляется по-разному. Книги, перешедшие в свободный доступ, это наш ключ к прошлому, к богатствам истории и культуры, а также к знаниям, которые часто трудно найти.

В этом файле сохраняются все пометки, примечания и другие записи, существующие в оригинальном издании, как наименование о том долгом пути, который книга прошла от издателя до библиотеки и в конечном итоге до Вас.

Правила использования

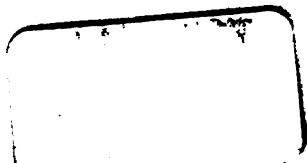
Компания Google гордится тем, что сотрудничает с библиотеками, чтобы перевести книги, перешедшие в свободный доступ, в цифровой формат и сделать их широкодоступными. Книги, перешедшие в свободный доступ, принадлежат обществу, а мы лишь хранители этого достояния. Тем не менее, эти книги достаточно дорого стоят, поэтому, чтобы и в дальнейшем предоставлять этот ресурс, мы предприняли некоторые действия, предотвращающие коммерческое использование книг, в том числе установив технические ограничения на автоматические запросы.

Мы также просим Вас о следующем.

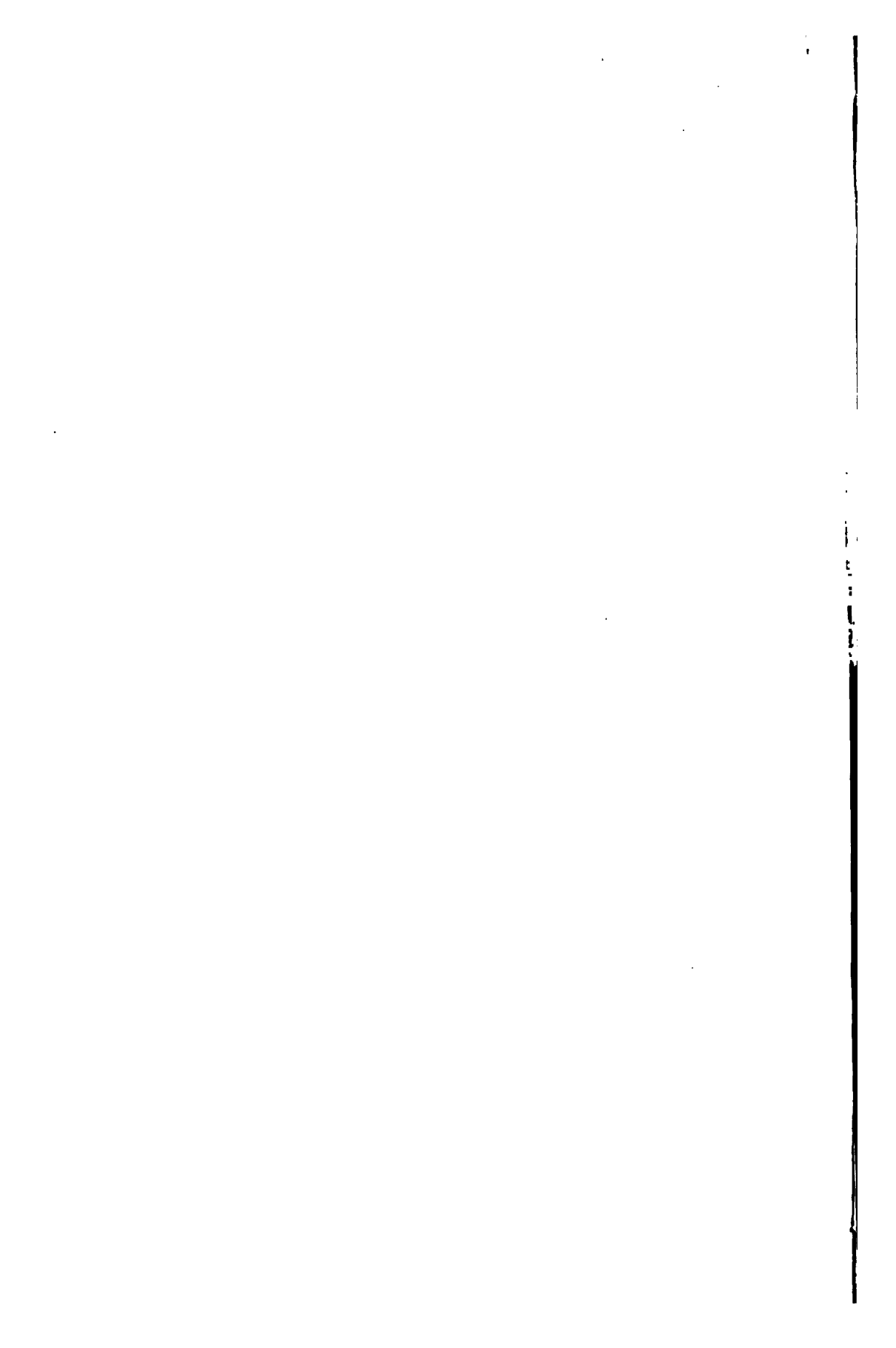
- Не используйте файлы в коммерческих целях.
Мы разработали программу Поиск книг Google для всех пользователей, поэтому используйте эти файлы только в личных, некоммерческих целях.
- Не отключайте автоматические запросы.
Не отключайте в систему Google автоматические запросы любого вида. Если Вы занимаетесь изучением систем машинного перевода, оптического распознавания символов или других областей, где доступ к большому количеству текста может оказаться полезным, свяжитесь с нами. Для этих целей мы рекомендуем использовать материалы, перешедшие в свободный доступ.
- Не удаляйте атрибуты Google.
В каждом файле есть "водяной знак" Google. Он позволяет пользователям узнать об этом проекте и помогает им найти дополнительные материалы при помощи программы Поиск книг Google. Не удаляйте его.
- Делайте это законно.
Независимо от того, что Вы используете, не забудьте проверить законность своих действий, за которые Вы несете полную ответственность. Не думайте, что если книга перешла в свободный доступ в США, то ее на этом основании могут использовать читатели из других стран. Условия для перехода книги в свободный доступ в разных странах различны, поэтому нет единых правил, позволяющих определить, можно ли в определенном случае использовать определенную книгу. Не думайте, что если книга появилась в Поиске книг Google, то ее можно использовать как угодно и где угодно. Наказание за нарушение авторских прав может быть очень серьезным.

О программе Поиск книг Google

Миссия Google состоит в том, чтобы организовать мировую информацию и сделать ее всесторонне доступной и полезной. Программа Поиск книг Google помогает пользователям найти книги со всего мира, а авторам и издателям - новых читателей. Полнотекстовый поиск по этой книге можно выполнить на странице <http://books.google.com/>

ЖУРНАЛЪ

ИСТОРИИ-ПОЛИТИКИ

ЛІТЕРАТУРЪ

ВОСЬМОЙ ГОДЪ. — КНИГА 8-ая.

АВГУСТЪ, 1873.

ПЕТЕРБУРГЪ.

КНИГА 8-ая. — АВГУСТЪ, 1873.

	Стр.
РАСПОРЯЖЕНІЕ г. Уралскаго Министер. Внутр. Дѣлъ, 6-го іюля	432
I.—ВѢНА, МЮНХЕНЪ, ВЕНЕЦІЯ.—Художественныя замѣтки.—Евг. Л. Маркова	433
II.—ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ ВЪ 1848 ГОДУ.—Б. Л.	469
III.—САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ.—Вилни.—И. Сурикова	510
IV.—РУССКІЙ РАБОЧИЙ У АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА.—Разказы и воспоминанія.—IV.—А. К***	519
V.—ВОПРОСЪ О РЕФОРМѢ МОНАСТЫРЕЙ.—Д-въ	559
VI.—ВЗЯТІЕ ХИВЫ И ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ.—Материалы для исторіи похода.—Статья первал.—Ф. И. Лобьсевича	583
VII.—ИЗЪ БАЙРОНА.—I-II.—В. П. Попова	620
VIII.—ЭСКИЗЫ ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.—II-IV.—Анж. Де-Губериатисъ	622
IX.—ЛЮДИ И ПРАВЫ ВРЕМЕНЪ ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦІИ.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—VI-VII.—С.	648
X.—ХРОНИКА.—СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНІЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ ВЪ ЕВРОПѢ И АМЕРИКѢ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и повѣншимъ результатамъ статистическихъ работъ.—Франція.—IV-IX.—И. Ф.	696
XI.—ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Труды комиссіи сельскаго хозяйства.—Значеніе собранныхъ данныхъ.—Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о нѣнствѣ.—Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣній спеціальныхъ судовъ пообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необычайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?	736
XII.—ОДИНЪ ОТВѢТЪ НА ВСѢ ВОПРОСЫ.—Отъ редакціи	760
XIII.—ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ.—Предстоящее родство съ королевскимъ домомъ Англій.—Конецъ сессіи французскаго національнаго собранія.—Отъѣздъ протекціонизма и очищеніе территоріи.—Правительство Пи-и-Маргалла.—Правительство Сальмерона.—Новыя возстанія и война съ карлистами	763
XIV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.—Военный вопросъ въ Пруссіи и Германіи.—К.	778
XV.—КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.—Политическій кризисъ въ Италіи.—D. G.	801
XVI.—НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.—Англійскій рабочий.—De la situation des ouvriers en Angleterre, par le Comte de Paris	809
XVII.—НОВЫЯ КНИГИ.—Russian Folk-tales, by W. Ralston.—М. Капустина	820
XVIII.—ЛИТЕРАТУРНАЯ ЗАМѢТКА.—Поддѣлка Гоголя.—Д.	822
XIX.—ПИСЬМО ВЪ РЕДАКЦІЮ.—Возраженіе на критическую замѣтку г. А. И.—А. Траутвольда	840
XX.—НЕКРОЛОГЪ.—Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.—М. С.	847
XXI.—ИЗВѢСТІЯ.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ	851
XXII.—ВИВНОГРАФИЧЕСКІЙ ЛИСТОКЪ.	

ОБЪЯВЛЕНІЯ и ПРИЛОЖЕНІЯ см. ниже: I—VIII стр.

Объявленіе объ изданіи журнала „Вѣстникъ Европы“ въ 1873 г. см. на оборотѣ.

1879. Oct. 6.
Gift of
Eugene Schuyler,
U. S. Consul at
Birmingham, Eng.

РАСПОРЯЖЕНІЕ

УПРАВЛЯЮЩАГО МИНИСТЕРСТВОМЪ ВНУТРЕННИХЪ ДѢЛЪ.

6-го іюля 1873 г.

Принимая въ соображеніе:

что въ статьѣ «Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ годовъ», помѣщенной въ 7-й книгѣ журнала «Вѣстникъ Европы», высказывается мысль о томъ, что осужденное въ 1849 г. общество съ преступными цѣлями возникло будто бы въ слѣдствіе мѣръ самаго правительства,

что въ другой статьѣ того же номера: «Передѣлки судебныхъ уставовъ», подрывается довѣріе къ правительству, и

что такое превратное истолкованіе дѣйствій правительства, обнаруживающее явно вредное направленіе этого журнала, продолжается, не смотря на объявленное уже ему предостереженіе,—

Управляющій министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, на основаніи ст. 29 гл. II Высочайше утвержденнаго 6-го апрѣля 1865 года мнѣнія Государственнаго Совѣта, и согласно заключенію Совѣта Главнаго управленія по дѣламъ печати, *опредѣлилъ*: объявить журналу «Вѣстникъ Европы» *второе* предостереженіе въ лицѣ издателя и редактора, дѣйствительнаго статскаго совѣтника Стасюлевича.

P Skw 176.25

137.84

~~Stav 302~~

ВѢНА, МЮНХЕНЬ, ВЕНЕЦІЯ

Художественныя замѣтки.

...Св. Стефанъ въ Вѣнѣ, по высотѣ своей башни и по старинѣ своей, считается въ числѣ замѣчательнѣйшихъ памятниковъ готики. Дѣйствительно, врядъ ли найдется въ Европѣ болѣе характерный храмъ готическаго стиля; онъ насквозь пронивнутъ наивностью и цѣльностью средневѣковаго міросозерцанія; въ камняхъ его вы до сихъ поръ можете читать мистическую поэзію и фанатическій жаръ людей тяжелаго темнаго времени. Вы не видите св. Стефана пока не очутитесь подъ нимъ. Его до послѣдней минуты прячетъ отъ васъ сѣть узкихъ глубокихъ улицъ, вьющихся кругомъ него, улицъ не новой роскошной Вѣны, а той, которую осаждали турецкіе султаны, которая городила свои башнеподобные дома тѣснѣ другъ на друга и другъ къ другу, чтобы умѣститься въ своихъ стѣнахъ и окопахъ, чтобы добыть безопасность цѣною воздуха, свѣта и красоты. Теперь сами окопы эти уже обратились въ фешенебельный Грабенъ, сверкающій роскошными магазинами, въ элегантные бульвары Schottenring и множества всякихъ другихъ Ring, въ эти главные артеріи Вѣны, по которымъ безостановочно течетъ шумная толпа людей, лошадей, экипажей, одинаково днемъ и ночью, при ослѣпительномъ свѣтѣ газа. Новая Вѣна ушла давно за старыя окопы, и тамъ, на просторѣ предмѣстій, воздвигла свои изящные дворцы, театры, церкви, разбила свѣтлыя улицы и широкія площади съ веселыми садами. Все та же исторія, что съ Парижемъ, съ Москвою, со всѣми историческими городами; древніе валы вездѣ обращаются въ кольцо оживленныхъ бульваровъ, и новый городъ вездѣ ух-

дить за черту когда-то необходимыхъ, теперь уже стѣсняющихъ укрѣпленій, оставляя тѣсноту вмѣстѣ съ историческимъ интересомъ на долю старому ядру. Эти старинные кварталы, съ потемнѣвшими постройками страннаго вида, съ пустынными переулками, напоминающими подземелья, съ мистическими памятниками, потерявшими свой смыслъ,—производятъ на меня то же самое впечатлѣніе среди роскошнаго и шумнаго простора новой цивилизаціи, какое производитъ на посѣтителя свѣтской гостинной неожиданная встрѣча, среди пышныхъ нарядовъ моды, какой-нибудь чопорной бабушки, съжившейся отъ старости и сохранившей на себѣ всѣ наивныя складочки, всю смѣшную обтянутость и всѣ туалетныя реликвіи давно исчезнувшаго вѣка. Они также странны, но и также почтенны какъ она.

Когда вы вынырнете изъ глубокой продушины старой улицы на Стефанову площадь, соборъ появится передъ вами такъ внезапно и такъ близко, что васъ чуть не отбрасываетъ назадъ. Собственно говоря, онъ не передъ вами — для этого нужно бы было гораздо болѣе простора отдаленія, а онъ буквально надъ вами, надъ вашею головою. Вы копошитесь у самыхъ ногъ этой необъятной каменной массы, поднимающейся подъ облака, и если хотите взглянуть на верхъ, должны чуть не опрокинуть голову. Это ужъ какъ будто не зданіе, а естественное произведеніе, какъ скала, лѣсъ. Незыблемое и огромное какъ скала; сквозное, многовершинное какъ лѣсъ; вѣками росло и все еще продолжаетъ расти, переживая царства; именно, росло, а не строилось; на работѣ смѣнялись не люди, а поколѣнія людей. Изумительная смѣлость и цѣльность мысли: задумавъ полетъ къ небу, и этотъ полетъ воплощенъ въ камень. Всѣ отдѣльныя части, всякое мелкое украшеніе — выражаютъ одну мысль, одно стремленіе. Главная башня—лѣсъ узорчатыхъ стрѣлъ, уносящихся все выше и выше, догоняющихъ другъ друга; чѣмъ выше, тѣмъ они легче, сквознѣе, воздушнѣе; вахетса, оторвутся и взлетятъ къ облакамъ. Глядя на эту воздушность, забываешь, что она запечатлѣна въ камнѣ, и не постигаешь, куда могъ стряхнуть художникъ тяжкую и однообразную неподвижность, присущую камню. Въ башнѣ главное выраженіе готической мысли, этой молитвы, поднимающейся къ небу легко и тихо, какъ свѣча, горящая передъ образомъ. Если римскій куполь геометрическимъ совершенствомъ своего свода выразилъ идею неба, то готическая стрѣла съ неменьшею силою выразила стремленія человѣка къ небу. Италия вдохновила художника созерцаніемъ вѣчно объемлющей его красоты южнаго голубого свода; старая Германія, туманная и лѣсистая, могла вложить

въ чуткую душу только одинъ страстный порывъ къ тому, что такъ недоступно ему и такъ мало знакомо; германецъ не видѣлъ небеснаго свода иначе какъ сквозь частія стѣны сосноваго бора, возносящіяся другъ надъ другомъ, все выше и выше, все легче и острѣе, и потому, можетъ быть, его готическій храмъ и вылился въ форму каменнаго лѣса, со всею его таинственною и безшумною тьмою, съ безконечными колоннадами стволовъ, съ узорчатыми просвѣтами листвы, сквозь которую свѣтъ солнца проникаетъ въ лѣсную тьму во всевозможныхъ фантастическихъ краскахъ. Боковыя остроконечныя «*шпелли*» храма—всѣ сплошь изъ каменнаго кружева, вполне отвѣчаютъ характеру башни. Но самъ центръ зданія имѣетъ въ себѣ что-то массивное и неуклюжее. Впечатлѣніе этой неуклюжести усиливается огромною крутою кровлею самаго прозаическаго вкуса, изъ оригинальныхъ пестрыхъ черепицъ.

Когда я вошелъ черезъ маленькую почернѣвшую дверь за темный суконный пологъ, внутрь храма, меня охватило неизъяснимое чувство. Высота, громадность, темнота, обставшія вдругъ кругомъ меня—были слишкомъ необычны. Колонны уходили полчищами къ алтарю, не одинокія, а по нѣскольку вмѣстѣ, скученныя какъ стебли въ снопѣ; между рядами этихъ колоннъ открывались перспективы пересѣкающихся острыхъ сводовъ. Алтари казались въ большой дали. Строгостию и страхомъ вѣяло отъ этихъ ветхихъ сводовъ и почернѣвшихъ колоннъ. Все тутъ было, или черно, или темносѣро; свѣжей яркости красокъ нигдѣ. Длинные и узкія окна готическаго рисунка, почти въ высоту храма, пропускаютъ сквозь свои узорно-раскрашенныя цвѣтныя стекла какой-то особенный свѣтъ, еще болѣе усиливающій таинственность. Пыльные столбы солнечнаго луча стоятъ и дрожать въ этомъ полумракѣ, какъ что-то матеріальное и осязательное. Тишина полная. Народу довольно, но всѣ безмолвно сидятъ на скамьяхъ или бродятъ затерянные въ какомъ-нибудь углу храма; шума ихъ шаговъ не услышишь подъ этими громадными сводами. Не обращайтесь вниманія на подробности, проникнитесь общимъ впечатлѣніемъ храма, перспективами колоннъ, пересѣченіемъ сводовъ, игрою свѣтотѣней; проникнитесь чувствомъ его древности, громадности, тишины. Пыль и копотъ вѣковъ вѣялись въ эти черные камни вмѣстѣ съ преданіями вѣковъ. Потъ и слезы молившихся, прахъ тысячи усопшихъ слышатся въ этомъ тяжкомъ воздухѣ. Тутъ все исторія, все вѣковѣчное. Каменные сѣдалища, на которыхъ сидятъ молящіеся, не передвигаются какъ стулья

новыхъ храмовъ. Это неподвижное наслѣдіе дѣдовъ и прадѣдовъ, общее цѣлымъ семействамъ, какъ земли и замки. Они полны прогибшихъ воспоминаній, оборвавшихся надеждъ, стихнувшихъ вздоховъ цѣлыхъ поколѣній. Вонъ еще на нѣкоторыхъ видна рѣзьба старинныхъ гербовъ, видны слова, начертанныя вѣка тому назадъ въ минуту какого-нибудь тяжелаго раздумья.

Каждая колонна — работа поколѣній. Здѣсь поймешь легко, что для созданія подобныхъ храмовъ необходимо было посвящать имъ всю свою жизнь, заператься какъ въ монастырь въ строгіе мистическіе уставы цеха и отказываться отъ своихъ личныхъ правъ во имя интересовъ великой цѣли, великаго дѣла. Только художники-подвижники, сохранявшіе какъ реливію тайну своего святого искусства, и передававшіе его по наслѣдству, могли доводить до конца эти многовѣковыя постройки, эту работу не корыстнаго спѣха, а благоговѣйнаго и самоотверженнаго подвига. Печать религіознаго чувства видна на каждомъ камнѣ Стефанова храма. Его бы не могли построить ни евреи, ни магометане, ни равнодушное поколѣніе христіанъ XIX-го вѣка. Стефанъ — настоящій средневѣковой храмъ, сурово-мрачный и наивно-теплый въ одно и то же время. Каждый камень — какое-нибудь олицетвореніе; не найдешь угла, выступа, карниза, который бы дѣтская фантазія средневѣковаго художника не обратила въ фигуру. Лавки, колонны, каедры, стѣны — все украшено безхитростною скульптурою. Капители безчисленныхъ колоннъ — тоже статуи на кронштейнахъ, подъ навѣсомъ рѣзныхъ готическихъ балдахиновъ. Черные, неподвижные ряды мужей страннаго вида, толпящіеся на недостигаемой высотѣ сводовъ, производятъ такое впечатлѣніе, словно это люди давно протекшихъ вѣковъ, пришедшіе молиться въ свой старый храмъ вмѣстѣ съ живыми людьми настоящаго. На цвѣтныхъ стеклахъ оконъ опять фигуры. Около алтарей ихъ особенно много. Алтарь — центръ молитвенныхъ помысловъ, и сюда перенесенъ весь внутренній міръ простодушнаго художника, котораго религіозность еще не въ силахъ освободиться отъ языческой образности. Вокругъ главнаго алтаря цѣлая іерархія статуй во всѣхъ позахъ; однѣ выше и ближе, другія дальше и меньше; онѣ почти сливаются съ фигурами иконъ и съ фигурами живого причта; священника почти трудно замѣтить въ этой толпѣ изваяній. Тутъ все: епископы и цари, иноки и витязи, вѣсты и мечи вмѣстѣ. Возлѣ меня каедра, вся рѣзная, изъ камня, будто изъ кружева. Тутъ цѣлый сонмъ святителей: строгіе, изсушенные постомъ лики, съ глубокимъ и сильнымъ выраженіемъ, въ которомъ сказывается глубокій и сильный духъ, способный на по-

двиги—лики Амвросіевъ, Иеронимовъ, Августиновъ глядятъ на васъ во всей исторической правдѣ, постигнутой созвучною душою художника. И самъ художникъ тутъ же внизу, подъ каедрою, съ циркулемъ въ рукѣ. Онъ счастливъ этимъ сосѣдствомъ даже и въ фантазіи. По стѣнамъ другіе лики и изваянія, еще болѣе реальныя. Бургомистры, рыцари, епископы съ своими надгробными надписями и портретами, въ шапкахъ и вѣнкахъ, неумѣло, но любовно изсѣченные въ камнѣ. За честь этого увѣковѣченія дарились земли и капиталы храму Стефана. Тутъ и настоящіе черепа, кости. Стѣны изрыты склепами; гробницы и гробовыя плиты снаружи и внутри храма. Въ каждой складѣ стѣны дверочки и проходы, а въ подземныхъ глубинахъ цѣлая система склеповъ, лѣсенокъ и таинственныхъ пыльныхъ сводовъ съ заржавленными замками. Вотъ на стѣнѣ одна изъ характерныхъ средневѣковыхъ фигуръ: какое-то худое, горькое лицо, съ воздѣтыми въ небо ладонями, и подъ нимъ обычная аллегорія смерти—черепъ съ двумя перевернутыми востями; этотъ каменный покойникъ уже нѣсколько столѣтій возсылаетъ въ правосудію потомства свою трагически-наивную жалобу: «Hier bin ich, Peter M... verschlossen meuchelmörderisch durch den Neid erschossen Gott gebe Ruhe meiner Seele!» то-есть: «здѣсь заключенъ я, Петръ М., застрѣленный въ-роломною завистью; даруй, Господи, миръ душѣ моей!» Вотъ рядомъ пирамиды гражданскимъ доблестямъ и воинской славы тѣхъ славныхъ герцоговъ, которыхъ имена давно позабыты міромъ. Одни камни Стефана живутъ еще ими, сохраняя и память стараго тщеславія, и теплоту старой молитвы. Въ нѣкоторыхъ придѣлахъ впрочемъ громкія историческія имена. Драгоценная рака изъ рѣзного краснаго мрамора торжественно стоитъ на возвышеніи посрединѣ праваго придѣла. Это настоящая императорская гробница: въ ней лежитъ прахъ императора Фридриха III. Гробница Евгенія Савойскаго, какъ подобаетъ солдату: въ получасовѣ плита съ мѣднымъ щитомъ и тяжелыми мѣдными кольцами, украшенная Савойскимъ вѣстомъ; тутъ же фреска знаменитаго Эндерса.

Вдругъ заигралъ большой соборный органъ. Не видно было, откуда неслись и кто извлекалъ эти звуки. Старые черные своды постепенно наполнялись гуломъ этихъ торжественныхъ звуковъ и медленно перекачивали ихъ. На строгомъ, густомъ фонѣ органной музыки едва были замѣтны слуху тонкіе женскіе голоса, запѣвшіе вмѣстѣ съ нимъ. Они только обвивались и переливались кругомъ этого мощнаго безличнаго голоса, потухая въ немъ и съ нимъ сливаясь, какъ нераздѣльная съ нимъ система нѣж-

ныхъ живыхъ флейтъ; точно безъ этой могучей всенапоминающей волны они были безсильны плыть одни черезъ бездны громаднаго храма. Участіе органа въ церковной молитвѣ производитъ потрясающее впечатлѣніе. Органъ какъ нельзя болѣе идетъ къ служенію, въ которомъ человѣкъ стремится забыть все мелкое, личное, измѣнчивое и вознестись духомъ къ своимъ абсолютнымъ идеаламъ. Въ звукахъ органа нѣтъ личности; въ нихъ тонетъ всякая субъективность. Онъ не знаетъ ни утомленія, ни переменъ въ настроеніи духа; всегда одинаково торжественъ, одинаково глубокъ. Это ужъ не голосъ людей, а голосъ цѣлаго храма; въ немъ поютъ сами многовѣковныя своды храма, колоннады и полчища статуй. Органъ почти не инструментъ, а скорѣе учрежденіе, созданіе вѣковъ, какъ самый храмъ. Органу св. Стефана, напр., 170 лѣтъ. Оттого органъ и служитъ постоянною школою музыки для народовъ, которые ввели его въ свои храмы. Онъ не даетъ сбиться ни голосу, ни уху молящагося. Каждый нищій, каждая невѣжественная поселанка, научатся пѣнію подъ сводами католическаго храма, поддерживаемые этимъ общимъ учителемъ поколѣній, не знающимъ ошибки и измѣненія методовъ. Я приблизился къ главному алтарю—посмотрѣть на поющихъ. Впечатлѣніе растроганныхъ женскихъ голосовъ, возносящихся и падающихъ вмѣстѣ съ перекатами органа, было для меня ново и сладостно. Снизу былъ видѣнъ цѣлый букетъ бѣловурыхъ, голубоокихъ Гретхенъ, съ благоговѣйно сложенными ручками, углубленныхъ въ тетради нотъ. Въ эту минуту своего сердечнаго умиленія эти хорошенькія молодыя дѣвушки въ бѣлыхъ платьяхъ и золотистыхъ кудряхъ, поющія священные гимны,—были дѣйствительно похожи на хоръ ангеловъ.

Скамьи молящихся тоже пѣли. Даже беззубые старики и старухи съ увлеченіемъ участвовали въ общемъ голосѣ молитвы; ихъ разнохарактерное и нетвердое пѣніе со всей своей старческой хрипкостью и рѣзкостью отдѣльныхъ возгласовъ,—исчезало, какъ въ морской пучинѣ, въ величественныхъ октавахъ органа, наполнявшихъ храмъ.

Въ темныхъ отдаленныхъ углахъ храма тоже молящіеся. Передъ статуями, передъ иконами, особенно чтимыми, передъ огнемъ лампадокъ и длинныхъ восковыхъ свѣчей, изношенныя старческія уста торопливо шепчутъ боязливую и жалостную молитву. Слезящіеся глаза прикованы съ фанатическимъ упорствомъ къ золотой фигурѣ святого, и сухая рука судорожно прижата къ груди; такъ молятся только на краю могилы, когда надежды міра уже кончились. Дѣвушки почти всегда передъ мадоннами, ни передъ кѣмъ

больше. Ихъ встревоженные губки тоже что-то шепчутъ, и влажные глаза, въ которыхъ дрожатъ огоньки восковыхъ свѣчей, тоже устремлены въ умиленномъ самозабвеніи на лицъ Дѣвы. Но въ этомъ взорѣ уже гораздо болѣе для всѣхъ очевидныхъ земныхъ надеждъ, и горе, скорѣе исцѣлимое. Много такихъ дѣвушекъ увидите вы предъ одинокими иконами св. Стефана. Кончики пальцевъ благочестиво сложены вмѣстѣ, и глаза не оторвутся отъ Богородицы въ парчѣ съ золотымъ Младенцемъ, окруженной кисейными цѣвтами, стекломъ, бархатомъ и позументами. Она кажется имъ дѣйствительно въ раю и изъ рая. Онѣ прильнули къ рѣшеткѣ, за которою статуя Дѣвы, и боятся упустить на мгновеніе это лицезрѣніе, точно имъ удалось увидѣть сходженіе съ неба истинной Дѣвы. Въ другихъ углахъ вы увидите вмѣсто молящихся — преспкойно спящихъ; они, можетъ быть, тоже молились и заснули отъ утомленія; а можетъ быть, зашли подъ своды Стефана отдохнуть отъ солнечнаго жара и уличной бѣготни на неподвижныхъ скамьяхъ. Храмъ открытъ цѣлый день, и всѣ могутъ пользоваться этимъ пріютомъ. Я нахожу такой обычай очень почтеннымъ и полезнымъ, вполне соответствующимъ значенію храма. Это не театръ, куда ходятъ въ опредѣленные дни за деньги. Доступъ къ молитвѣ, къ самосозерцанію, долженъ быть открытъ всегда и всѣмъ. Одинъ наслаждается красотою храма, другой поучается по его картинамъ священной исторіи, третій служитъ молебень, четвертый углубляется въ самого себя; утомленный отдыхаетъ, взволнованный успокаивается. Тутъ никто не мѣшаетъ, тутъ всѣхъ право одинаково — богатаго и бѣднаго.

Католичество портитъ свои величественные храмы пестротою, безвкусіемъ и идолопоклонническою расписанностью безчисленныхъ алтариковъ. Въ св. Стефанѣ 38 алтарей, всѣ въ сусальномъ золотѣ, въ раскрашенныхъ статуйкахъ, въ разноцвѣтныхъ лоскутикахъ.

За то способъ служенія — нельзя не одобрить. Строгая тишина и изумительное благоговѣніе. Священникъ и причетъ двигаются стройно, какъ одинъ; личности священника не замѣчаешь, богослуженіе течетъ само собою, точно одна отъ безчисленныхъ статуй, обстоящихъ кругомъ алтаря, двигается и произноситъ слова молитвы. Тутъ вы уже не замѣтите улыбочки отца Ивана, кивковъ попа Матвѣя. Вмѣстѣ съ неизмѣнными звуками органа и несокрушимостью храма — католическое богослуженіе производитъ впечатлѣніе неподвижности. Дѣйствительно, католицизмъ самъ по себѣ есть вѣчный органическій *non possumus*.

Строго говоря, только такая неподвижность, только такая неуступчивость и послѣдовательна. Католицизмъ по своей сущности не можетъ терпѣть компромиссовъ. Онъ есть полное отрицаніе современной цивилизаціи, современной науки; онъ — живое воплощеніе средневѣкового мистицизма. Поэтому папа Пій IX и другой *черный папа*, незримо направляющій его на пути своей корпорации, и опутавшій его сѣтью этой корпорации, гораздо логичнѣе всѣхъ старо- и нео-католиковъ, всѣхъ оппонентовъ и реформаторовъ. Каменная твердыня готическаго собора, обросшая мхомъ вѣковъ, выросшая въ землю, какъ скала, устоявшая противъ стихій и времени, полная преданій, управляющаяся цѣлымъ капитуломъ, какъ провинція, — вѣрное изображеніе той несокрушимой католической церкви, которая изъ-за своей идеи сокрушала имперію, выжигала еретиковъ цѣлыми царствами, двигала Европу умирать въ Азіи, отрицала науку Галилея и открытіе Колумба, которая во всемъ была безусловна и безпощадна, во всемъ проявляла глубокую выработанность, настойчивость и силу, и съ помощью ихъ сѣмъ въ всѣхъ странахъ свѣта утвердиться единою, нераздѣльною, не взирая на различіе языка, племени и интересовъ.

На кафедре взошелъ сытый и важный каноникъ, коротко остриженный, съ перстнями на жирныхъ пальцахъ. Это былъ хорошо выдрессированный ораторъ; ему очевидно немного стоили его ораторскіе эффекты руки и голоса. Съ какимъ-то холоднымъ и строго-приличнымъ пафосомъ произносилъ онъ необыкновенно звучныя и красивыя слова, строя ихъ въ пышныя, закругленные періоды. Тексты отборнаго сорта сыпались направо и налево. Ораторъ, кажется, проповѣдовалъ на текстъ: «Не о хлѣбѣ единымъ живъ будетъ человекъ». Возлѣ него, тоже на кафедрѣ, стоялъ истощенный сѣдой клирикъ, повидимому, болѣе другихъ нуждавшійся въ утѣшительной проповѣди сытаго прелата. Когда проповѣдникъ слегка вскинулъ къ небу свои хладнокровныя глаза и простеръ съ дипломатическою сдержанностью свои изнѣженные бѣлыя руки, въ золотыхъ перстняхъ, къ статуѣ мадонны — тощій клирикъ благоговѣнно взялъ тетрадь изъ этой пухлой руки и напечатлѣлъ на ней умиленный поцѣлуй. Проповѣдь кончилась, и сановитый ораторъ съ медленнымъ величіемъ сходилъ со ступеней кафедры, придерживая пышныя складки своихъ одеждъ. Въ воздухѣ будто звенѣли еще его надутые безсодержательные періоды, и толпа молящихся тѣснилась еще вокругъ кафедры, отъ которой вѣяло на всѣхъ холодомъ безучастія.

Передъ главнымъ алтаремъ начинается собираться толпа гораздо болѣе для меня интересная. Монахи разныхъ орденовъ, одни въ рыжихъ уродливыхъ капюшонахъ, другіе въ черныхъ капотахъ, кто съ бритыми, какъ тарелка, макушками, кто съ босыми ногами въ сандаляхъ, появились вдругъ, не знаю откуда и зачѣмъ. Пришли три ордена, и всѣ выстроились вдоль стѣны. Я смотрѣлъ съ нѣкоторымъ отвращеніемъ на эту коллекцію безкровныхъ, золотушныхъ людей, на эти безлобья угреватія лица, выражающія почти идиотическую тупость и апатію. Въ изуродованномъ тѣлѣ этихъ кастратовъ можетъ, конечно, жить только изуродованный духъ. Каждый орденъ выставилъ впередъ, какъ знамя, свое огромное распятіе. Эти жалкіе и бесполезные уроды въ своихъ неестественныхъ душевныхъ одѣяніяхъ, съ лысыми на молодыхъ головахъ, считаютъ себя, разумѣется, избранною дружиною того Страдальца за человѣчество, котораго ученіе была одна жизненная правда и простота.

Привалили семинаристы, громоздіе, неуклюжіе, съ грубыми и изломанными чертами, въ грязныхъ бѣлыхъ кофтахъ. Все какія-то животныя, забытыя или злостно-мстительныя лица, у всѣхъ невѣрующія и неуважающія. Машинально и быстро, хотя неповоротливо, преклоняли они колѣно передъ алтаремъ и сбивались въ свою кучу. Вотъ стали появляться одинъ за однимъ всѣнды, въ кружевныхъ кофтахъ, снимаютъ свои черныя четырехъ-угольныя шапочки и съ смиреніемъ фарисея кланяются алтарю, на поученіе семинаристовъ; это, большею частью, сѣдые, полныя, геморроидальныя фигуры, съ отталкивающимъ выраженіемъ лица, въ которомъ лицемѣріе сквозитъ сквозъ каждую черту. За черными шапочками начинаютъ подходить фіолетовыя, съ фіолетовыми же пелеринами, съ осанкою гораздо болѣе важною; это должно быть каноники. Монахи и семинаристы усердно кланяются каждому вновь входящему. Скоро весь придѣлъ наполнился арміею священниковъ, монаховъ, пѣвчихъ. Оказалось, что хоронятъ какого-то патера. Церемоніймейстеръ, во фракѣ, устроилъ, какъ на театрѣ, погребальную процессію и двинулся впередъ, поминутно оборачиваясь и командуя своей палочкой. Пѣвчіе и трубачи тоже шли во фракахъ; носильщики гроба не только во фракахъ, но и съ шляпами на головѣ въ стѣнахъ храма. Гробъ былъ забитъ заранѣе. Среди толпы фіолетовыхъ одеждъ елѣдвигался почти уже развалившійся худой старикъ, въ бѣлой епископской митрѣ, со спиною, перегнутою въ стулъ, собраніе старческихъ морщинъ безъ костей и мяса, окутанное въ дорогія одежды. Процессія тянулась на полверсты и шла шагъ за шагомъ въ

удивительно стройномъ порядкѣ, съ пѣніемъ, трубнымъ звукомъ, съ крестами впереди. Всякая подробность была обдумана и рассчитана на эффектъ. Сразу было замѣтно, что духовное воинство католицизма дисциплинировано и организовано также прочно, какъ любая армія свѣтскаго монарха.

Въ Вѣнѣ необходимо зайти въ Augustiner Kirche. Едва вы переступите порогъ церкви, васъ поразитъ необыкновенная и неожиданная картина. Передъ вами черный зѣвъ гробовой пещеры, выбитой въ пирамидѣ бѣлаго мрамора. Цѣлая группа бѣлыхъ мраморныхъ изваяній у входа въ этотъ гротъ. И расположеніе группы, и отдѣльныя фигуры — исполнены благородства стіля, глубокой поэзіи и классическаго совершенства. Это монументъ Маріи-Кристины, дочери Маріи-Терезіи, работы Кановы. Я думаю, это одно изъ самыхъ обширныхъ и удачныхъ произведеній его. Тутъ не отдѣльныя статуи, а цѣлая драма, исполненная въ мраморѣ. Трудно вообразить себѣ лучшій памятникъ смерти. На порогѣ склепа въ грустномъ снѣ покоится левъ — вѣроятно, эмблема царственной семьи; геній жизни — прекрасный величественный юноша — въ нѣмомъ изнеможеніи упалъ около гробового входа и опрокинулъ потухающій фавель. Бѣломраморныя дѣвы въ широкихъ льющихся складкахъ своихъ античныхъ одеждъ, благоговѣнно наклонившись, съ глубокою, но безропотною печалью входятъ въ черное отверстіе могилы, бережно неся въ своихъ траурныхъ урнахъ священный для нихъ прахъ. Вы знаете, что это статуи, что это мраморъ, и между тѣмъ вы просто видите ихъ величавое и поворное движеніе.

Другой chef-d'oeuvre Кановы въ отдѣльномъ аѳинскомъ храмикѣ въ Volksgarten. Онъ не проникнуть тою сердечною поэзію, какъ гробница Кристины, но чрезвычайно замѣчательнъ по мастерству исполненія громадной и необыкновенно оживленной группы. Это — бой Тезея съ кентавромъ, почему и храмикъ называется *храмомъ Тезея*. Современники Фидія, безъ сомнѣнія, воздвигли бы для этой статуи дѣйствительный храмъ. Задача художника была очень сложна и трудна. Необходимо было *убѣдить* глаза зрителя, что это гармонически-сложенное, умѣренно-развившееся, прекрасное человѣческое тѣло дѣйствительно *въ состояніи* задавить это тяжкое и ужасное чудовище, на него навалившееся. Для этого потребовалось одушевить каждый мраморный мускулъ, каждый поворотъ члена Тезея всесокрушающею энергіею. Кромѣ того, было необыкновенно трудно слить въ одно гармоническое цѣлое позу борющагося титана въ верхней половинѣ кентавра съ повою брыкающагося дикаго коня въ нижней

его половинѣ. Художникъ всё побѣдилъ: подъ его рѣзцомъ глыба камня выразила съ недосыгаемымъ совершенствомъ моментъ величайшаго внутренняго одушевленія и величайшей энергій нервовъ. Я увѣровалъ, стоя передъ этимъ мраморнымъ колоссомъ, что дисциплинированная, благоустроенная и красивая мощь Тезея, мощь разумнаго человѣка, — повергнетъ въ прахъ другую, животную мощь, грозную, разъяренную, неповоротливую, которая бѣшено впиалась въ него всѣми своими десятью звѣроподобными пальцами...

II.

...Мюнхень кажется такимъ скромнымъ послѣ шумной и блестящей Вѣны; тихо, безлюдно, мало магазиновъ, мало движенія. За то улицы поразительной чистоты и ровности, и постройки какого-то величественнаго характера. Все задумано въ античномъ стилѣ. Даже частные дома исполнены художественнаго чувства и художественнаго образованія. Лудвигова улица — отрывокъ Рима. Университетъ, семинарія съ прекраснымъ фонтаномъ, триумфальныя ворота, увѣнчанныя прекрасною статуею Баваріи на колесницѣ, запряженной львами, портитъ полководцевъ, — все въ римскомъ стилѣ. Частныхъ домовъ на этой улицѣ мало. Дворецъ простъ, изященъ, не давить своею громадностью; театръ — эгинскій храмъ съ голубымъ фономъ портика, съ живописью снаружи. Почтамтъ — римскія аркады съ фресками. Въ громадномъ зданіи роскошной итальянской архитектуры, со статуями и каріатидами — помѣщается національный музей. Передъ нимъ, среди бульвара, скромный памятникъ съ скромною надписью: *Шеллингу, великому философу, отъ благодарнаго ученика* (короля Максимилиана). Около стараго королевскаго замка XIII-го вѣка огромныя аркады, въ родѣ Палеройяля; среди нихъ садъ для народа, а подъ ними, въ прекрасныхъ яркихъ фрескахъ, — всѣ виды Греціи, Испаніи, Италиі и исторія освобожденія Греціи. Всегда и всѣмъ доступный музей, въ которомъ народъ можетъ воспитываться, какъ при Периклѣ, на созерцаніи художественныхъ произведеній.

Но настоящія Аѳины — на королевской площади. Тамъ и Парѳенонъ, и Пропилеи. Бѣлыя колонны, античные «гигели» съ прекрасными барельефами и статуями, вырѣзаются на голубомъ небѣ. Фантазіи чудится Акрополь. Кругомъ ни одного дома, только зеленѣютъ сады и зеленыя площадки. Въ этомъ Парѳенонѣ знаменитая мюнхенская Глиптотека, собраніе античныхъ статуй.

Пинакотеки, и старая, и новая, кажется, одинаково хороши: въ старой — богатство колоннадъ и классическая строгость стиля; въ новой — чудные фрески и стиль также высокаго благородства. Обѣ онѣ среди широкой зелени садовъ, и ничего вблизи ихъ. Есть что-то аристократическое, что-то истинно-художественное въ этомъ царственномъ уединеніи знаменитыхъ общественныхъ построекъ.

Въ Мюнхенѣ нужно остаться долѣе, чѣмъ въ Вѣнѣ тому, кого интересуютъ сокровища искусства. Со всѣми музеями Мюнхена ознакомиться не легко. Какъ бы ни насмотрѣлся глазъ на европейскія картинныя галереи, въ Мюнхенѣ вы найдете много такого, передъ чѣмъ приходится постоять. Мурильо и вообще испанцы тутъ особенно хороши. Рубенсъ, по выбору, чуть-ли не лучше всѣхъ другихъ галлерей. Тутъ его «Страшный Судъ» въ нѣсколькихъ экземплярахъ, «Магдалина», «пьяный Бахусъ», «Далила», «похищеніе Европы», «битва за Сабинянокъ», и много другихъ прекрасныхъ картинъ. Рубенса многіе бранятъ и еще болѣе многіе не понимаютъ. Его надобно судить, какъ художника-язычника. Его картины — апотеоза тѣла, здоровья, физическихъ наслажденій. Подъ его кистью бушуетъ плоть, сытая, румяная и веселая; онъ широкъ и обилень какъ природа, организмы кипать на его картинахъ, потому что онъ въ неудержимомъ порывѣ создавать и создавать. Всѣ позы, всѣ позы и возрасты, можно сказать, всѣ породы животныхъ вмѣстѣ. Никто не обладаетъ такою могучею силою изобразить организмъ во всевозможныхъ, даже самыхъ необыкновенныхъ положеніяхъ, съ соблюденіемъ самой поразительной естественности. Рубенсъ будто забавляется этою легкостью и свободою изображенія. Посмотрите на его «Страшный Судъ», на эти вспалзывающія и скатывающіяся тѣла, вытянутыя и упирающіяся, на это кипѣнье людей, будто червей; или на знаменитое его «Quos ego!» дрезденской галлерей. Кисть Рубенса вовсе нейдетъ въ религіознымъ сюжетамъ; ему не слѣдовало писать ни Мадоннъ, ни святыхъ. Этотъ матеріалъ-язычникъ боготворитъ грѣховное тѣло и изъ Мадонны нечувствительно дѣлаетъ Діану. Не ищите у него также романтической поэзіи и глубины чувства. Берите то, что онъ самъ даетъ. Миеологическая жизнь древняго грека, веселая, дѣтски-простая, полная осязательныхъ наслажденій и минутныхъ радостей — вотъ истинная сфера Рубенса. Беззаботный эпикуреизмъ — вотъ характеръ его наиболѣе типическихъ картинъ. Толпа прыгающихъ сатировъ съ весело-уродливыми харами, жирныя опьянѣвшія вакханки съ пѣснями, съ хохотомъ; красавцы-мальчишки, плоды без-

порядочной, но и безпечальной любви—снують тутъ же, несутъ сочные грозды винограда, кошницы плодовъ, убитую дичь. Всего вдоволь, всѣмъ достанетъ напиться и наѣсться, а завтра опять та же веселая бѣготня, тотъ же сладострастный разгуль, пѣніе и игры; все на распашку, все общее: за душею ни у кого ничего, ни тайны, ни мѣдной копѣйки. Коммунизмъ и простота, доведенные до крайняго рубежа. Можетъ быть, такое понятіе о жизни сатировъ и нимфъ сочинилось не даромъ въ фантазіи древняго грека. Можетъ быть, это неясное воспоминаніе тѣхъ первобытныхъ временъ, той Urleben человѣка, когда обитатель роскошныхъ долинъ Малой Азіи и Греціи еще стоялъ въ ряду зоологической классификаціи, и въ нему еще не было нужды прибавлять видового названія *sapiens*. Рубенсъ — живописецъ мяса во всѣхъ смыслахъ. Жизненность изображенія нагого тѣла у него превосходить все, что существуетъ въ области живописи. Его колоритъ видѣнь сразу: это свѣтъ и день. Даже темныя тѣни пышутъ у него краснымъ огнемъ; а розовые и рѣзныя тоны женскаго и дѣтскаго тѣла придаютъ этимъ фигурамъ совершенную прозрачность, искупающую даже обычную Рубенсовскую дѣбелость формъ.

Хотя я большой поклонникъ старинныхъ мастеровъ и вполне цѣню ихъ глубокія достоинства, однако не могу не сказать, что знаменитыя галереи Европы, наполненныя тысячами этихъ драгоценныхъ старыхъ картинъ, всегда производятъ на меня странное впечатлѣніе. Миръ отжитыхъ чувствъ и передуманныхъ мыслей, несмотря на все совершенство свое, смотреть все-таки можно. Васъ давитъ этотъ тѣсный и бѣдный кругъ, въ которомъ было когда-то такъ широко фантазіи художника и его поклонниковъ. Поразительное однообразіе и повторяемость того же сюжета, той же идеи, даже тѣхъ же позъ и выраженій, утомляетъ впечатлѣніе. Тутъ кругомъ столько ненужнаго вамъ, ребячески-наивнаго и ребячески-бесильнаго; и вмѣстѣ съ тѣмъ тутъ нѣтъ почти ничего того, чего требуетъ вашъ духъ, въ чемъ онъ находитъ свое удовлетвореніе. Старинные мастера останутся и должны остаться учителями новыхъ художниковъ. Дѣйствительно, сила и вѣрность изображенія у лучшихъ изъ нихъ (хотя далеко не у всѣхъ знаменитыхъ) достигла предѣла совершенства. Пусть ихъ списываютъ, пусть изучаютъ на нихъ тайну краски и рисунка, но пусть не стараются проникаться ихъ духомъ и подражать имъ въ самомъ характерѣ картинъ. Въ этомъ отношеніи наши новые мастера стоятъ на недосыгаемой отъ нихъ высотѣ, стоятъ въ положеніи зрѣлаго учителя въ молодымъ ученикамъ. Мы не будемъ

спорить, будто изображенія Рубенса, Тиціана, Мурильо ниже изображеній новыхъ художниковъ,—будто рисунокъ ихъ не такъ правиленъ и не такъ смѣлъ, или колоритъ ихъ не такъ близокъ къ жизненной правдѣ. Но мы не сомнѣваемся ни малѣйшимъ образомъ, что *картины* Каульбаховъ, Деларошей, Лессинговъ, — для насъ, людей XIX-го вѣка, создавшихъ науку и политическую жизнь, — выше всевозможныхъ «Преображеній» Рафаэля, «Страшныхъ Судовъ» Микель Анджело и «Тайныхъ Вечеръ» Винчи. Ни одна изъ этихъ послѣднихъ картинъ или имъ подобныхъ не производитъ непосредственнаго впечатлѣнія на современнаго человѣка и требуетъ довольно настойчиваго размышленія для своей оцѣнки. Я знаю людей съ прекраснымъ художественнымъ образованіемъ, съ живымъ художественнымъ чувствомъ, которые оставались холодны при созерцаніи классическихъ знаменитостей того рода, о которомъ я говорю, и которые тѣмъ не менѣе умѣли глубоко цѣнить историческое значеніе и мастерство выполненія картины. Но когда эти самые люди стоятъ передъ «Реформаціею» Каульбаха или его «Столпотвореніемъ Вавилонскимъ», или передъ «Констанцскимъ соборомъ» Лессинга, тогда они съ глубоко-потрясеннымъ чувствомъ созерцаютъ понятныя имъ и поучительныя драмы, начертанныя во всемъ поразительномъ живѣй кистью художника, мыслящаго мыслію ихъ вѣка и живущаго интересами этого вѣка. Романтикъ Жуковскій, описывающій свои впечатлѣнія передъ Сивстинскою Мадонною, весьма искренно, хотя, повидимому, незамѣтно для самого себя, признался въ отсутствіи непосредственнаго художественнаго впечатлѣнія отъ этого *chef-d'oeuvre* итальянскихъ школъ. Я увидѣлъ въ первый разъ эту знаменитую картину въ 1859 году, въ пору самаго слѣпота и беззавѣтнаго поклоненія своего стариннымъ мастерамъ. Помню, меня очень удивило, что со мною повторилась исторія Жуковскаго; я долженъ былъ возвратиться другой разъ въ залу Мадонны, сѣсть противъ нея и упорно всматриваться и вдумываться, прежде чѣмъ меня объялъ восторгъ отъ ея совершенствъ. Восторгъ этотъ пришелъ, и я былъ доволенъ. А это просто означаетъ, что Сивстинская Мадонна для людей XIX-го вѣка имѣетъ только историческое значеніе.

Идеи Прудона объ искусствѣ не только преувеличены, но, по моему мнѣнію, даже просто невѣжественны. Я съ особеннымъ любопытствомъ бросился во время всемірной парижской выставки 1867 года въ Exposition Courbet, которая дѣлала торжественное *vis-à-vis* выставкѣ всемірной—Exposition universelle, уступивъ ей лѣвый, а себѣ предоставивъ правый берегъ Сены. Эта выставка всѣхъ произведеній Курбе долженствовала, вѣроятно, убѣдить все-

ленную въ истинѣ прудоновской теоріи, провозгласившей Курбе царемъ искусства и родоначальникомъ истинной живописи. Признаться, я долго не могъ оправиться отъ изумленія, увидя себя среди множества небрежно и грубо набросанныхъ картинъ дюжиннаго характера, по большей части неконченныхъ и уступающихъ, даже съ точки зрѣнія прудоновской идеи, множеству современныхъ жанристовъ, далеко не такъ прославленныхъ. Нашъ талантливый Перовъ, съ своими глубоко-сатирическими и вмѣстѣ вполне мастерскими произведеніями, годился бы въ учителя прудоновскому царю живописи.

Но какъ ни ошибочна теорія Прудона, въ ней есть одна глубокая и несомнѣнная истина: искусство не можетъ отрѣшиться отъ жизни вѣка. Оно — живая и великая сила, пока отвѣчаетъ живымъ понятіямъ и чувствамъ; оно — археологія, драгоценная рѣдкость, святая реликвія, когда умретъ идея, его одушевлявшая. Наши дѣды были не безсильнѣ насъ. Они проявили, можетъ быть, еще болѣе напряженія воли и разсуда въ своихъ дѣлахъ, чѣмъ мы въ своихъ. Эти полезныя черты ихъ достойны изученія, подражанія и почета. Но было бы страннымъ и вреднымъ ослѣпленіемъ возстановлять ихъ міросозерцаніе и выработанныя ими системы хозяйственныхъ или политическихъ дѣйствій. Таковъ долженъ быть и взглядъ нашъ на старинныхъ художниковъ. Ихъ силы были велики, ихъ качества почтенны и достойны стать образцами; но въ цѣломъ они ребята въ сравненіи съ нами, и потому не могутъ сдѣлаться нашими наставниками.

Къ этому надо прибавить, что въ каждой большой галлерей Европы, въ одной менѣе, въ другой болѣе, значительный процентъ такихъ картинъ, которыя даже не имѣютъ достоинства вѣрнаго изображенія. Цѣлыя поколѣнія художниковъ, оказавшихъ безсмертныя услуги искусству, имена которыхъ высоко чтятся, и произведенія которыхъ цѣнятся чрезвычайно дорого, теперь уже кажутся робкими и неумѣлыми дѣтьми: такъ неправиленъ ихъ рисунокъ, такъ блѣдна и плоска ихъ живопись. Всѣ эти Ванъ-Дайки, Луки Кранахи, Чимабуэ, Джіотто, Перуджино вызываютъ только улыбку снисхожденія да историческій интересъ. Совершенно то же чувство, когда просматриваешь гдѣ-нибудь отвопанную тетрадку своихъ первыхъ дѣтскихъ опытовъ, гдѣ всѣ члены фигуръ связаны и непропорціональны, о перспективѣ нѣтъ помину, замыселъ наивно-ограниченный, и все искупается однимъ теплымъ желаніемъ выразить что-то хорошее. Съ другой стороны, картины очень многихъ художниковъ до такой степени утратили первоначальный тонъ своихъ красокъ, что ихъ уже трудно цѣ-

нить. На картинахъ, напримѣръ, Микель Анджело Караваджіо видѣнь не колорить, а грубыя пятна, рѣзко переходящія отъ непріятныхъ черныхъ тѣней къ такому же непріятному желтому цвѣту; Сальваторъ Роза весь вылинялъ, и его пейзажи съ бандитами и пастухами обратились въ какія-то туманныя облака индѣго, гдѣ уже ничего не разберешь. Сильно выцвѣлъ также Рюисдалъ и многіе другіе. Если принять во вниманіе всѣ эти обстоятельства, а съ другой стороны вспомнить, что нѣкоторые новые художники дошли въ изображеніи предметовъ и тѣла человѣка до жизненнаго правдоподобія, переходящаго почти въ оптической обманъ, то нельзя не удивляться, какъ мало мы еще цѣнимъ до сихъ поръ наши современныя сокровища и въ какомъ мы находимся ненормальномъ отношеніи къ памятникамъ старины. Наше прошлое должно оставаться всегда предметомъ нашего благоговѣнія. Общество людей, въ которомъ нѣтъ сознанія родственной связи съ своимъ прошлымъ, въ которомъ нѣтъ достаточнаго уваженія къ заслугамъ прежнихъ членовъ общества, недостойно носить имя человечества. Только въ стаѣ звѣрей, отцовъ и дѣдовъ забываютъ сейчасъ послѣ ихъ смерти, не тревожа себя ихъ памятью. Но все-таки это уваженіе къ мертвому не должно заслонять и подрывать настоящей жизни. Изъ естественнаго благоговѣнія къ предшественникамъ своимъ на полѣ общаго труда человѣкъ не долженъ строить какого-то культа, съ обязательнымъ и насильственнымъ символомъ вѣры, не долженъ отрицать всѣмъ очевиднаго и вполне необходимаго преимущества новой жизни изъ-за напраснаго опасенія оскорбить этимъ сознаніемъ тѣни предковъ и потрясти созданный для нихъ культъ. Собственно говоря, это то же грубое заблужденіе, которое раскололо теперь на два лагера ревнителей народнаго образованія; это вопросъ классицизма и реализма на почвѣ искусства. Тутъ реализмъ не въ томъ, какъ понимаютъ многіе, чтобы замѣнить такъ-называемый историческій родъ живописи такъ-называемымъ жанромъ. Истинный реализмъ искусства, напротивъ того, долженъ требовать широкаго развитія историческаго и политическаго рода живописи, какъ изобразителя высшихъ сторонъ современной дѣйствительной жизни. Такъ-называемый жанръ имѣетъ сферу слишкомъ мелкую, будничную и ограниченную. Онъ не можетъ совмѣстить въ себѣ всѣхъ задачъ живописи, какъ семейная и общественная жизнь не совмѣщаютъ въ себѣ всей жизни человечества. Историческій родъ не только долженъ существовать, но долженъ почти создаться заново; тотъ историческій родъ, въ которому обыкновенно относятъ картины великихъ итальянскихъ мастеровъ XVI-го и XVII-го столѣтій, можетъ

назваться *историческимъ* только по своему значенію, но никакъ не по *характеру*. По характеру, это *миѳическій* родъ живописи, — миѳическій съ одной стороны въ религіозно-христіанскомъ, съ другой — въ антично-языческомъ духѣ. Школы позднѣйшія, напр., французская классическая школа Пуссена, Давида, тоже не историческія, а *риторическія*. Онѣ не могли быть историческими уже потому, что въ ихъ время исторія, какъ наука, еще почти не существовала. Настоящая историческая живопись только теперь начинается. «Марія-Антуанетта, осужденная на казнь», «Кромвель передъ гробомъ Карла», «Смерть Валленштейна», «Гуссъ на соборѣ», «Христосъ предъ намѣною Іуды» — вотъ образцы современной исторической живописи. Они могли явиться только съ широкимъ развитіемъ и популяризациею исторической науки, какъ ея естественный результатъ и какъ ея пополненіе.

Мюнхенская новая пинакотека обладаетъ дѣйствительными сокровищами новаго искусства, за которыя можно отдать цѣлыя залы древнихъ итальянскихъ мастеровъ до-рафаэлевской эпохи. Тутъ между прочимъ картина Каульбаха «Разрушеніе Іерусалима», фрескъ которой, вмѣстѣ съ другими пятью великими историческими фресками этого царя современной живописи, находится въ знаменитомъ Тгерренхаус'ѣ берлинскаго музея. Тутъ высоко-драматическая картина Пилоти — «Астрономъ Зени предъ убитымъ Валленштейномъ»; тутъ картины Риделя, дышація солнцемъ и нѣвою Італіи; тутъ поразительные пейзажи Ротмана...

III.

...Ночь захватила меня какъ разъ въ томъ мѣстѣ, гдѣ мы приблизились къ странѣ прелестныхъ маленькихъ озеръ и прелестныхъ маленькихъ горъ, которыми грозная швейцарская красота переходитъ въ смѣющіяся равнины сѣверной Італіи. Я видѣлъ только немногіе уголки этого края, нѣсколько городковъ на утесахъ, съ живописными воловьими и укрѣпленіями, нѣсколько повѣтрическихъ ущелій съ лѣсами и дачами, но и то видѣлъ мелькомъ, безъ всякихъ эффектовъ освѣщенія. Бурная и дождливая ночь заслонила все, нагоняла тоску; хотѣлось бы промчаться не оглядываясь, не останавливаясь, чрезъ всевозможныя замѣчательности Европы, прямо до своего прозаическаго домашняго очага въ глуши щигровскихъ полей, благо теперь есть возможность вымолнить подобную мечту, не выѣзая изъ вагона отъ Неаполя и Мадрида до самыхъ предѣловъ Щигровскаго уѣзда. Я-было

серьёзно рѣшился остаться на венеціанскомъ вокзалѣ до триестскаго поѣзда, который долженъ былъ отправиться черезъ $\frac{1}{2}$ часа.

Мрачное настроеніе и дождливая погода убаюкиваютъ скорѣе, чѣмъ радужныя надежды и веселый блескъ солнца.

Вдругъ, среди дремоты, слышу, что-то сырое прохватило меня. Гляжу въ окно—море подъ самымъ вагономъ; бросился къ другому окну—и тамъ море. Поѣздъ несется по морю цѣлыя версты; отсюда не видно даже насыпи полотна, въ дополненіе иллюзіи. Только стукъ колесъ напоминаетъ о рельсахъ, о землѣ. Мы прорѣзаемъ венеціанскую лагуну по безконечной прямой нитѣ изъ камня. Днемъ эффектъ не такой, видны острова, берега; но ночью и лагуна представляется безбрежною, и вы испытываете странное чувство.

Остановились; вокзалъ. Никто не остается. Всѣ идутъ къ выходу, въ Венецію. Машинально двигаюсь и я за своимъ носильщикомъ, который меня даже и не спрашиваетъ, желаю ли я въ городъ. Онь, конечно, и не подозревалъ возможности такого вандальскаго рѣшенія, какое было-засѣло мнѣ въ голову: проѣхать Венецію, не вида ее еще ни разу въ своей жизни, и проѣхать кому же? русскому варвару съ ржаныхъ полей, съ капустниковъ, съ конопляниковъ!.. Отворилась дверь; ждешь истинногитивно толпы омнибусовъ съ сквозными надписями, ряда лакеевъ изъ гостиницъ съ мѣдными ярлыками на шапкахъ, скромно декламирующихъ: *Hôtel des Princes, H. d'Angleterre, H. Belle-Vue, H. Britannique etc. etc...*

Нивого и ничего. Вода прямо подъ носомъ, и на водѣ качаются гондолы. Не успѣлъ я назвать свой отель, чемоданы уже были перекинуты и я втянуть подъ палашъ гондолы. Весла сверкнули, я плыву съ быстротой стрѣлы по широкому каналу. Я еще такъ мало оправился отъ своей дремоты и такъ мало думалъ о томъ, что долженъ былъ увидѣть, что, признаюсь, смотрѣлъ на все словно во снѣ. Лежу себѣ въ настоящей венеціанской гондолѣ, которой рисунки всѣ мы такъ часто видѣли, о которой такъ много читали,—и которая дѣйствительно такая точно, какъ ее рисуютъ и описываютъ; и меня везетъ настоящій гондольеръ, который стоитъ съ своею классическою граціею, налегая всею грудью на весло, и одѣтъ въ свой классическій беретъ, какъ на любой картингѣ, съ заходящимъ солнцемъ, съ Ріальто вдали. Каналъ переливаетъ какимъ-то чернымъ металломъ; отраженіе фонарей трепещетъ въ черной водѣ и рабѣтъ ее искрами золота. Съ моря дуетъ намъ на встрѣчу, въ открытую часть канала, свѣжій вѣтеръ. Гондола съ граціозною легкостью, будто на сталь-

ной иглѣ, повернула въ отверстіе узкой улицы. Она не плыветъ, а скользитъ сверху. Мы пробираемся между непрерывными рядами спящихъ гондолъ, пріютившихся подъ стѣнами домовъ. Рѣдкія попадаются навстрѣчу въ этотъ полуночный часъ. Гондолеры мои изрѣдка перекидываются непонятными для меня словами; одинъ стоитъ на кормѣ, другой на носу. Они работаютъ веслами какъ могутъ работать только люди, родившіеся на водѣ и живущіе водою. Гондола ихъ слушается, будто живая. Она пробирается сквозь тѣсноту и огибаегь углы не убавляя хода, не дѣлая лишняго шага, не задѣвая ни за что ни однимъ волоскомъ. Вы подумаете, она извивается какъ рыба, изъ одной узкой улицы въ другую, то направо, то налево, черезъ цѣлый безконечный городъ. Если могъ показаться сновидѣніемъ первый шагъ по каналу, то теперь уже это, дѣйствительно, сновидѣніе. Лабиринтъ темныхъ безлюдныхъ *canalotto*, изъ которыхъ, кажется, никогда не выберешься. Высокіе старинные дворцы тяжелаго камня, оригинальной, еще незнакомой глазу архитектуры, съ выскими мраморными балкончиками, съ мавританскими арками оконъ, съ колоннами, со статуями, стоятъ прямо въ водѣ этихъ каналовъ, освѣняя ихъ своими ночными тѣнями, сплошною отвѣсною стѣною, величественные, мрачные, всё похожіе другъ на друга. Вы на днѣ этой каменной безысходной темницы. Изрѣдка огромный фонарь, прикрѣпленный къ стѣнѣ верхняго этажа, бросаетъ отъ себя косыми лучами красноватый свѣтъ, еще болѣе усиливающий впечатлѣніе таинственности и пустынности. Черныя гондолы стоятъ кругомъ какъ черныя гробы. Ежеминутно приходится пробѣгать подъ темными арками мостиковъ, перекинутыхъ черезъ каналы. Иногда видишь на нихъ подозрительныя безмолвныя пары, пробирающіяся на другую сторону. Когда вы пробѣгаете мимо отверстій другихъ улицъ и переулковъ, выдающихся въ вашу, глазу открываются необыкновенно характерныя перспективы: эти переулки иногда кажутся такъ узки, будто ихъ прорѣзали ножомъ; насколько хватить зрѣнія, вездѣ плескъ и трепетанье черной воды, вездѣ дома сплошною стѣною, вездѣ перекинуты арки мостиковъ и толпа спящихъ гондолъ. Эти боковые каналы и каналчики кажутся издали еще безлюднѣе и мрачнѣе. Все впереди и кругомъ васъ молчитъ, какъ въ могилѣ. Не вѣрится, чтобы вы были въ сердцѣ громаднаго и богатаго города, котораго веселью издавна завидовалъ самъ Парижъ, города нескончаемыхъ карнаваловъ и нескончаемыхъ любовныхъ интригъ. Ни ресторановъ, выходящихъ шумною полуночною толпою, ни ослѣпительно освѣщенныхъ магазиновъ, ни непрерывнаго ряда каретъ съ ихъ не-

молчнымъ топотомъ бопыть и стувомъ колесъ; ничего того, что бы напомнило вамъ парижскіе бульвары, и безъ чего вы почти не мыслите современнаго большого города. Вода—самая безшумная изъ всѣхъ мостовыхъ, и, вонечно, ни у кого нѣтъ болѣе покойнаго сна, какъ у обитателей венеціанскихъ палаццо, окруженныхъ водою.

Лежу себѣ, покачиваясь, подъ отрывистый говоръ своихъ гондольеровъ, а узорные балконы, арабскія окна старыхъ палаццо смотрять на меня сверху, провожая отъ одного къ другому. Поглядишь внизъ—тамъ тѣ же палаццо, со всѣми ихъ балюстрадами и мраморомъ, колышатся и гнутся, цѣлкомъ перекинутые на голову. Некуда шагу ступить. Вода не только ждетъ сейчасъ за дверью, но даже вливается въ двери, въ подъѣзды. Рѣдко-рѣдко попадетъ коротенькій и бесполезный отрывочекъ набережной. Мнѣ, жителю твердой и сухой земли, кажется скучно, тѣсно и страшно въ этомъ вѣчномъ плѣну у воды, въ этомъ царствѣ безысходной сырости. Совершая свое полуночное путешествіе по пустыннымъ сапалетто, я невольно вспомнилъ, что надъ головою моею стоятъ два дюжихъ итальянскихъ малыхъ съ длинными веслами, которымъ ровно ничего не стобитъ отправить меня подъ свай сосѣдняго дома. Итальянцы — народъ не особенно разборчивый на средства, и Венеція — почти такая же классическая страна кинжаловъ, какъ и Корсика. Нѣсколько десятковъ лѣтъ тому назадъ ни одна венеціанская дама не являлась на свиданіе съ возлюбленнымъ безъ кинжала въ карманѣ, не исключая монахинь и даже куртизанокъ. Къ тому же иностранецъ всегда представляется итальянскому пролетарію празднымъ богачемъ, у котораго карманы набиты ненужнымъ ему золотомъ. Вышелъ кто-то въ полночь изъ вокзала, никому неизвѣстный, нигдѣ незаписанный, неизвѣстно куда и откуда ѣдущій; кто будетъ справляться, *вошелъ ли* онъ куда-нибудь потомъ, или окончилъ свои странствованія подъ сваями венеціанскаго палаццо?

Однако я такимъ трагическимъ образомъ не повончилъ своего путешествія, а просто-на-просто позвонилъ съ гондолы у огромной рѣзной двери Hôtel de l'Europe. Дверь распахнулась, и прямо съ темныхъ плещущихъ водъ ванала я очутился среди мраморовъ, ковровъ, зеркалъ и газовыхъ лампъ блестящей гостиницы, среди услужливой толпы швейцаровъ и лакеевъ въ черныхъ фракахъ и бѣлыхъ галстукахъ.

Итальянскія гостиницы мнѣ очень по вкусу. Постели — настоящіе алтари богу сна; торжественныя и парадныя, какъ алтари, покойныя какъ перины Гоголевской Коробочки. Столъ едва ли не лучше французскаго. Изобильный, тонкій, разнообразный, съ прекраснымъ десертомъ и роскошною обстановкою столовой. Ббльшую частью эти столовыя въ залахъ древнихъ палаццо; оттого они такъ богаты скульпурою и позолотою, оттого они исполнены таковаго античнаго вкуса.

Гондоляръ меня ждалъ уже съ утра. Къ счастью, дождя не было, и мнѣ можно было предпринять поѣздку по городу. Моя отель оказалась на самомъ эффектноиъ мѣстѣ: въ нѣсколькихъ шагахъ отъ св. Марка, прямо предъ моремъ, и какъ разъ у начала Canale Grande. Характерная Chiesa di Salute съ своимъ греческимъ куполомъ — напротивъ; напротивъ же и таможня съ высокоподнятымъ золоченыиъ шаромъ. Гондолы кишать у дверей, скользятъ по каналу, по заливу; у большихъ домовъ, особенно у отелей, цѣлыя биржи гондолъ. Для этого вбиты въ разсыпную крашенныя столбы съ кольцами, между которыми гондолы стоятъ какъ въ стойлахъ во время волненія и бури. Мнѣ прежде всего нужно описать вамъ гондолу, потому что, не видавъ ее на дѣлѣ, я имѣлъ о ней не совсѣмъ точное понятіе. Гондола не похожа на рыбу, какъ наша обыкновенная лодка. Она скорѣе напоминаетъ какую-нибудь граціозную морскую птицу. Она очень длинна, узка и остра. Ея носъ поднятъ вверхъ какъ лебединая шея, и кончается широкими зубьями изъ стальной доски; эти зубья и придаютъ носу гондолы птичій обликъ. Не только носъ, вся передняя часть гондолы приподнята надъ водою до самой середины; сзади точно также приподнята кормовая часть, хотя ея конецъ не задранъ вверхъ. Только небольшая часть лодки, ея середина, сидитъ въ водѣ. Это сообщаетъ гондолѣ со стороны какую-то воздушную легкость, словно она не прикасается къ поверхности воды. Гондолы всѣ черныя, по старой памяти; указъ строгой республики запрещалъ раскрашивать гондолы въ другой цвѣтъ, чтобы поданные ея, даже до послѣдняго рыбака, не отличались въ этомъ отношеніи другъ отъ друга. Только гондоламъ иностранныхъ пословъ да официальнымъ гондоламъ республики предоставлено было право пестрыхъ и яркихъ красокъ. Однако, и черныя гондолы встрѣчаются очень парадныя: всѣ въ деревянной рѣзбѣ, съ бронзовой отдѣлкою, бронзовыми гербами. Посреди гондолы, въ той части ея, которая погружена въ воду, шата-

никъ, закрытый со всѣхъ сторонъ. Онъ тоже весь черный, покрытый чернымъ суконнымъ покрываломъ снаружи, обитый чернымъ бархатомъ или сукномъ внутри, съ подушками изъ черной тисненой кожи. Мѣсть—шесть: два въ глубинѣ, по два съ боковъ, но занимаются обыкновенно только два задніе мѣста. Спереди дверцы съ замкомъ и стекломъ, съ боковъ подъемныя окна, жалюзи, занавѣски, совершенно такъ, какъ въ нашихъ дорожныхъ каретахъ. Хотите—запритесь и закройте со всѣхъ сторонъ; хотите—отворите все настежь и любуйтесь видами. Для этого только приходится полулежать, и вообще изъ гондолы не совсѣмъ удобно осматривать городъ. Говорятъ, будто гондольеры—народъ испытанной вѣрности, и что они не выдаютъ тайнъ, которыя такъ часто совершаются и еще чаще совершались въ ихъ гондолахъ. Не знаю, какъ повліяла на венеціанскіе нравы австрійская военная дисциплина и демократическій духъ возрожденія единой Італіи, но въ послѣдніе годы республики нравы венеціанскихъ nobles имѣли широкую славу. Это была смѣсь азіатской ревности и непоколебимаго этикета съ самою циническою распущенностью. Дѣвушка изъ патриціанской семьи, послѣ помолвки своей, не смѣла показываться на глаза мужчинъ безъ маски, исключая, разумѣется, своего суженаго. Благородная дама, позволившая себѣ самую легкую связь съ человѣкомъ перодовитымъ, подвергалась жестокому преслѣдованію и осужденію. Но та же самая дѣвушка, цѣломудріе которой сохранялось такъ мусульмански, послѣ замужества своего дѣлалась обыкновенно достояніемъ всѣхъ членовъ семьи и, сверхъ того, была обязываема условіями свѣтскаго приличія непремѣнно имѣть любовника, только не иначе какъ съ громкимъ именемъ и важными связями. Въ то время самые знатные вожди республики не стыдились садиться прямо съ площади св. Марка въ закрытыя гондолы съ извѣстными всей Венеціи куртизанками. Дамы также имѣли обычай ѣздить въ гондолахъ безъ провожатыхъ, но, конечно, не всегда желали оставаться безъ нихъ. Религія, повидимому, не спасала своихъ ревнительницъ отъ общаго удѣла, потому что путешественники XVIII столѣтія вспоминаютъ о прекрасныхъ обитательницахъ венеціанскихъ монастырей съ особенно сладостнымъ чувствомъ. Помню, одинъ изъ нихъ рассказываетъ, какъ во время его посѣщенія Венеціи три ордена инокинъ боролись другъ противъ друга за то, кому изъ нихъ выпадетъ честь доставить изъ своей среды подругу папскому нунцію. Безъ сомнѣнія, эта честь была сопряжена съ какими-нибудь политическими выгодами, если изъ-за нея было столько хлопотъ цѣлымъ орденамъ. Такая жизнь огороженной любви рѣдко могла

кончатся трагическими развязками, благодаря могильной вѣрности гондольеровъ. Если бы одинъ изъ нихъ вздумалъ измѣнить тайнѣ, на другой день его бы утопили въ каналѣ его товарищи по ремеслу. Они слишкомъ хорошо понимали выгоду молчанія для своихъ коммерческихъ цѣлей. Вспоминая о нравахъ старыхъ венеціанскихъ аристократовъ, я не удивляюсь, что такой гениальный развратникъ, какъ лордъ Байронъ, предпочиталъ палатцо венеціанскихъ красавицъ всѣмъ городамъ міра.

Гондола не полна безъ гондольера. Только онъ сообщаетъ ей ту характерную живописность, которая всѣмъ знакома по картинамъ. Гондольеръ не сидитъ, какъ наши лодочники; онъ всегда на ногахъ. Это позволяетъ ему лучше направлять, ловчѣе лавировать; гондольеръ почти всегда строенъ, красивъ, легокъ: безъ сомнѣнія, эту красоту и ловкость развиваетъ въ немъ его привычка работать стоя. Онъ налегаетъ всею грудью на ручку весла, которое вложено въ подвижной стоячій рычагъ. Оттого у него должна быть развитая грудь и сильная нога. Въ эту минуту и гондольеръ и гондола особенно живописны. Впрочемъ, и самъ нарядъ гондольера красивый и ловкій. Синяя матросская куртка съ отложнымъ широкимъ воротомъ, короткіе панталоны съ кушакомъ, на головѣ ббльшую частію синій беретъ.

Хотя я объѣхалъ всю Венецію на гондолѣ, однако другимъ совѣтую этого не дѣлать. Гораздо удобнѣе сдѣлать путешествіе въ совершенно открытой баркѣ, особенно если компанія порядочная, а не одинъ человекъ. Барка значительно больше гондолы, а, главное, ничего не скрываетъ, не вынуждаетъ пригнаться или лежать. Но, конечно, въ дождь—гондола спасенье. Барка—слово настоящее итальянское, и они его произносятъ также отчетливо, какъ и мы, русскіе; это пустое обстоятельство меня не мало изумило, хотя бы, казалось, я долженъ былъ давно догадаться о венеціанскомъ происхожденіи нашей бурлацкой барки по одному названію венеціанскихъ баркаролъ. Вообще въ итальянскомъ языкѣ много звуковъ, сродныхъ русскимъ: ясный и отчетливый выговоръ словъ, чуждый вздутыхъ носовыхъ звуковъ французскаго языка, чуждый шипѣнья и гортаннаго хрипѣнья языковъ германскаго корня,—общее свойство итальянскихъ и русскихъ. Легкости и пріятности выговора много способствуетъ быстрое чередованіе гласныхъ съ согласными, чему такъ противорѣчитъ тяжкое стеченіе множества согласныхъ, обычное въ англійскомъ и нѣмецкомъ языкахъ. Кромѣ того звучныя, твердыя окончанія словъ на *a*, *e*, *o*, *u*, съ предшествующими согласными, очень часто встрѣчаются въ итальянскомъ и русскомъ языкахъ и очень рѣдко

въ другихъ. Тамъ, гдѣ французъ проглатываетъ свое *E tmet*, или расплавляетъ свой *l*, или вдуваетъ свой *N nasal*, тамъ итальянецъ произноситъ красиво оконченный слогъ, не оставляющій недоразумѣнія слуху. Картавый *r* француза и всѣхъ грассирующихъ по его подобію у итальянца превращается въ металлически-звонкій и вмѣстѣ съ тѣмъ чисто русскій *p*. Можетъ быть, по причинѣ этой родственности выговора, мы, русскіе, и сохранили въ гораздо бѣльшей чистотѣ названія итальянскихъ городовъ, исковерканныя другими иностранцами, и не перекрестили итальянскую *Venezia* ни въ *Venise*, ни въ *Venedig*.

«Большой каналъ» значительно уже нашей петербургской Невы, но за то онъ безъ всякихъ набережныхъ, безъ всякихъ тротуаровъ. Старые дворцы аристократовъ старой республики высятся по обѣ стороны канала прямо изъ воды. Конца имъ нѣтъ! Тутъ что ни окно, что ни балконъ, то исторія или археологія. Весь каналъ—музей рѣдкостей. Замѣчательнаго такъ много снаружи и внутри, что единственно-разумный шагъ, который предстоитъ человѣку, не имѣющему времени и не объятому археологическою маніею—это насладиться Венеціею какъ цѣлымъ, безъ спеціальнаго погруженія въ изученіе безчисленныхъ рѣдкостей, наполняющихъ ея безчисленные дворцы. Нѣсколько типическихъ образцовъ и общая фізіономія города вполне удовлетворяютъ любопытство. Наружный видъ даже знаменитѣйшихъ палаццо Венеціи производитъ нѣкоторое изумленіе. Несмотря на то, что эти драгоценныя мраморныя шкатулки сплошь наполнены сокровищами художества, что въ нихъ каждая фреска—великое имя, каждая подробность отдѣлки—чудо искусства; несмотря на то, что нѣтъ цѣны всѣмъ этимъ мраморамъ, этой рѣзбѣ по дереву и слоновой кости, несмотря на все это,—знаменитые дворцы смотрятъ такими заплатанными и замазанными нищами, что дѣлается совѣстно за ихъ прошедшее. Все грязно, ветхо, осыпалось, оборвалось; сейчасъ видно, что это не живые, а мертвецы, хотя и съ громкимъ именемъ. Оттого вся Венеція, весь знаменитый *Canale Grande*—имѣютъ тусклый, поблекшій тонъ. Впечатлѣніе давно изношенной жизни на всякомъ камнѣ. Но вмѣстѣ съ тѣмъ это господство полинявшихъ и потертыхъ цвѣтовъ сообщаетъ Венеціи глубокую оригинальность. Весь каналъ дрожитъ тѣми же обезцвѣченными красками, и оттого вы нигдѣ не встрѣтите такой струи, какъ въ каналахъ Венеціи, разноцвѣтной, пестрой и, вмѣстѣ, тусклой. Помню, меня это давно поражало на картинахъ Каналетто, графа Мордвинова и др. художниковъ, изображавшихъ Венецію. Что я

приписывалъ несовершенству кисти, оказывалось характерною чертою живого пейзажа.

Но и при всей своей изношенности, лучшіе дворцы Венеціи все-таки удивительны. Если вы ихъ не видали, то уже нигдѣ не увидите ничего похожаго. Ихъ архитектуру называютъ часто готическою; и, дѣйствительно, у нихъ почти всегда острая, такъ называемая готическая, арка оконъ и розетка изъ готическаго портала. Но, мнѣ кажется, на эти постройки вліяла не готика, а азіатскій востокъ. Это дворцы скорѣе мавританскаго, чѣмъ нѣмецкаго стиля. Изобиліе балконовъ, галлерей, террасъ, плоскихъ кровель—напоминаетъ скорѣе Багдадъ или Кордову, чѣмъ Бѣльнъ. Рисунокъ оконъ, самой типической части дворцовъ, тоже вполне въ арабскомъ вкусѣ, хотя и имѣетъ нѣкоторое кажущееся сходство съ готическими. Замѣтимъ два основные типа венеціанскихъ палаццо, и эти два типа повторяются съ удивительнымъ однообразіемъ. Одинъ типъ—дворецъ Фоскари, можетъ быть, самый характерный и самый интересный изъ старыхъ дворцовъ. Къ тому же онъ стоитъ на очень замѣтномъ мѣстѣ, тамъ, гдѣ Большой каналъ дѣлаетъ колено, и гдѣ въ него впадаетъ другой каналъ. Такъ какъ рядомъ съ Фоскари стоятъ три-четыре другихъ знаменитыхъ историческихъ палаццо, Бальби, Пизани и др., то немудрено, что этотъ типическій отрывокъ Венеціи изображается чаще всѣхъ другихъ на картинахъ и фотографіяхъ, и поэтому болѣе знакомъ публикѣ. Въ палаццо Фоскари рядъ островерхихъ арокъ съ окнами занимаетъ только середину фасада, и надъ этимъ рядомъ во 2-мъ этажѣ идетъ рядъ арокъ той же длины, но уже съ сквозными розетками надъ каждымъ окномъ; около каждаго окна особый мраморный балкончикъ; крайнія окна нѣсколько поодаль, удивительно граціозной формы. Этотъ типъ дворцовъ, по-видимому, самый старинный и самый венеціанскій. Балкончики бывають чудной рѣзьбы, а розетки часто просвѣчивають чѣмъ-нибудь цвѣтнымъ. Другой типъ, кажется, новѣе, потому что постройки имѣють болѣе свѣжій видъ и болѣе обширный размѣръ. Тутъ уже весь фасадъ, отъ одного края до другого, состоитъ изъ галлерей колоннъ, двойныхъ или одиночныхъ, завершенныхъ арками; подъ арками окна, а надъ арками новый рядъ колоннъ, арокъ и оконъ во весь фасадъ. Тутъ арка круглѣе и слѣдовъ готики незамѣтно. Таковъ дворецъ префектуры и сосѣдній съ Фоскари роскошный дворецъ, котораго я забылъ имя, и который принадлежитъ теперь одному генералу итальянской арміи.

Двигаясь по Большому каналу, вы поражаетесь его типиною. Эта главная артерія торговой Венеціи спокойна, какъ деревен-

ская улица. Нѣтъ ни зазывающихъ выѣсокъ, ни соблазнительной *étalage* въ окнахъ магазиновъ. Нѣтъ даже самихъ магазиновъ. Изрѣдка встрѣчаете латиническую надпись какого-нибудь склада или конторы. Гондолы, барки, правда, двигаются, ходятъ даже пароходы, но все это рѣдко — сравнительно съ обычнымъ движеніемъ экипажей и толпы, а, главное, совсѣмъ беззвучно. Никакъ не привыкнешь къ отсутствію лошади и экипажа. Городъ безъ животныхъ имѣетъ въ себѣ что-то невѣроятное. Пресловутый *Ponte di Rialto* издали не производитъ ни малѣйшаго впечатлѣнія, а кажется весьма дюжиннымъ и некрасивымъ мостомъ, весьма нестали загроможденнымъ лавками. Только когда вы подъѣдете подъ него, вы оцѣните смѣлость полета этой бѣломраморной арки, переброшенной сразу, безъ всякихъ подпоръ, черезъ весь Большой каналъ, притомъ арки значительной ширины; тяжесть ея огромна: на ней три проулка въ рядъ съ мраморными рѣпотами по краямъ и два ряда лавокъ, а между тѣмъ кривизна свода ничтожна и не видно никакихъ желѣзныхъ скрѣпъ. Одинъ математическій расчетъ поддерживаетъ эту массу камней, которая должна бы, кажется, раздавить сама себя. За Ріальто вы наткнетесь на рынки, такіе же безшумные, какъ и весь каналъ; одинъ рынокъ овощной, другой — рыбный, а овощи и рыба постоянно купаются въ свѣжей водѣ; рыба сохраняется въ круглыхъ плетупкахъ, опущенныхъ въ воду, въ цѣлыхъ лодкахъ, затопленныхъ совсѣмъ съ палубою.

Фабрикація такъ-называемыхъ *articles de Venise* — мозаики, бусъ, пуговицъ, стеклянныхъ нитокъ и пр. — не лишена интереса. Я посѣтилъ извѣстную фабрику Томази. Все по отдѣльности дѣлается чрезвычайно просто и легко; кажется, сѣлъ бы да и сдѣлать. Распредѣленіе труда облегчаетъ задачу каждого работника до невозможности. Одинъ плавить изъ цвѣтного стекла тонкія четвероугольныя палочки всевозможныхъ діаметровъ, другой нарѣзаетъ эти палочки и распредѣляетъ ихъ по цвѣту и величинѣ въ отдѣльныя коробочки. Третій, самый искусный, имѣя подъ рукою эти коробочки стеклянныхъ красокъ, а въ рукѣ пинцетъ, вставляетъ нарѣзанныя палочки торчкомъ въ мастику, покрывающую каменную подкладку броши или пуговики; онъ рисуетъ на глазъ безъ модели; фигуры у него вырастаютъ въ одно мгновеніе: ущипнетъ нѣсколько бѣленькихъ, одну голубенькую, двѣ-три красненькихъ палочекъ — и предъ вами прекрасно нарисованный бѣлый голубокъ съ голубымъ глазомъ, съ краснымъ клювомъ. Онъ дѣлаетъ только фигуры бабочекъ, цвѣты, виды зданій; потомъ сдаетъ брошь мальчику, который уже пополняетъ оставлен-

ные промежутки палочками одного цвѣта, то-есть дѣлаютъ фонъ. Особый мастеръ дѣлаетъ оправу, особый полируетъ—и вотъ вамъ готовы брошь, серьги, что хотите. Проворство и искусство во всякомъ случаѣ удивительныя. Стекланныя венеціанскія бусы, которыя теперь въ модѣ, дѣлаются еще проще и достигаютъ необыкновеннаго разнообразія. Всякій работникъ имѣетъ передъ собою чрезвычайно сильный паяльный снарядъ, который приводится въ дѣйствіе педалью. На столѣ куча длинныхъ стеклянныхъ палочекъ всѣхъ цвѣтовъ, а въ рукѣ металлическая трубочка. Не успѣетъ работникъ поднести стеклянную палочку къ пламени, уже стекло обращается въ жидкую краску; работникъ го выдуваетъ шарикъ, то раскрашиваетъ его какъ хочетъ, прикладывая на мгновеніе расплавленные концы цвѣтныхъ палочекъ или закатывая шарикъ въ пластинку золота. Маленькій мальчикъ сидитъ у большого стекляннаго колеса, которое вертится одною педалью, въ то время какъ другая раздуваетъ паяльный снарядъ; расплавляющійся конецъ длинныхъ стеклянныхъ палочекъ мальчикъ едва прикасаетъ къ окружности вращающагося колеса, и на это колесо тотчасъ же начинаетъ наматываться гибкая нитка застывающаго стекла. Тутъ же сидятъ прядильщицы и кружевницы, которыя мастертятъ изъ этихъ нестараемыхъ стеклянныхъ нитокъ всевозможныя вещи. Конечно, нужно было поплатиться за осмотръ фабрики попушкою разныхъ бездѣлицъ, за которыя, безъ сомнѣнія, взяли втрое, чѣмъ въ любой лавчонкѣ.

Академія художествъ помѣщается въ зданіи такого нехудожественнаго вида, которое гораздо было бы приличнѣе для модельни квакеровъ. Академія довольно однообразна, потому что заключаетъ въ себѣ произведенія одной венеціанской школы, Тиціана, Паоло Веронеза, Тинторетта, Пальмы Векіо, Бассано и др. У всѣхъ у нихъ есть общая типическая черта: широкая, смѣлая, разнообразная группировка, блескъ и движеніе, яркость тона. Богатая республиканская Венеція съ ея всесвѣтною торговлею, съ ея политическою свободою, съ ея аристократическою роскошью—во всемъ живѣѣ глядитъ съ этихъ громадныхъ полотень и картоновъ, на которыхъ кишатъ толпы разодѣтаго народа, сверкаетъ парча и золото, и собраны произведенія всѣхъ странъ міра, негры, попугаи, обезьяны, восточныя благовонія, перья африканскихъ страусовъ. Особенно типична кисть Паоло Веронеза, который даже сцены Библии умѣлъ превратить въ бытовую сцену родной Венеціи; его волхвы, его пирующіе въ Канѣ Галилейской, его исторія Эфири—все это отрывки одной и той же картины—изъ жизни венеціанскихъ патриціевъ. Паоло смѣло наря-

жасть библейскія фигуры въ одежды современныхъ ему венеціанцевъ или тѣхъ народовъ, которые имѣли въ его время сношенія съ Венеціею. Съ этой точки зрѣнія, картины знаменитыхъ венеціанцевъ могутъ служить важнымъ пособіемъ для изученія внутренняго быта республики.

Тиціанъ, Павелъ Веронскій, Тинторетто,—въ лучшихъ своихъ картинахъ достигаютъ поразительной силы изображенія. Но, все-таки почти невозможно имъ сочувствовать. Вы видите прекрасное изображеніе пира, мастерское выраженіе страданія, любопытства, ужаса, радости. Вы цѣните это гениальное мастерство, но оно васъ не удовлетворяетъ. Тутъ нѣтъ необходимой вамъ идеи, тутъ ничто не говоритъ глубокой потребности вашего духа и не оставляетъ поэтому глубокаго впечатлѣнія. Если бы я не зналъ заранѣе, что въ великолѣпной залѣ Тиціана, съ чуднымъ потолкомъ золотой рѣзьбы, помѣщается одно изъ величайшихъ художественныхъ сокровищъ Италіи — «Успеніе Богоматери» Тиціана, то, право, прошелъ бы мимо безъ всякаго вниманія.

Оказалось однако, что Венеція далеко не такъ тиха и бѣдна торговлею, какъ это кажется на каналахъ. Оказалось, что Венеція имѣетъ не одни каналы, а и настоящія улицы. Прямо съ Ріальто до самой площади св. Марка тянется цѣлая система узенькихъ улицъ, буквально залитыхъ магазинами. Это *Merceria*, торговая часть города, соотвѣтствующая московскому гостиному двору, Ильинкѣ, Нивольской. Тамъ уже непролазная толпа, шумъ и движеніе. Изъ *Merceria* вы проходите черезъ ворота оригинальной башни или колокольни на знаменитую площадь св. Марка, старый центръ торговой, политической и общественной жизни Венеціи. Вы очутились въ огромномъ квадратѣ, обнесенномъ со всѣхъ сторонъ зданіями въ родѣ парижскаго Палеройяля. Три стороны — громадныя корпуса съ арками, украшенные скульптурою; прежде это были прокуратуры республики. Теперь въ новой прокуратурѣ дворецъ итальянскаго короля, въ старой чуть ли не частныя дома. Подъ широкими благородными аркадами всѣхъ корпусовъ, неисключая и дворца, — безконечный рядъ магазиновъ и кофеенъ замѣчательной роскоши; магазины ювелировъ, полныя безцѣнныхъ коралловъ и мозаикъ, и магазины фотографій — можетъ быть, единственныя въ Европѣ. Подъ аркадами постоянная несмѣтная толпа. Четвертую сторону квадрата занимаетъ соборъ св. Марка. Дворецъ дождей хотя тутъ же, рядомъ съ нимъ, но заслоняется весьма некстати поставленною и весьма не изящно задуманною колокольнею св. Марка, такъ-называемою *Campanilla*; кромѣ того, онъ дѣлаетъ фасъ не площади, а бого-

вой сторонѣ королевскаго дворца; между этимъ дворцомъ, дворцомъ дожей, кампаниллою и моремъ — другой четверугольникъ, поменьше главной площади, почему и называется Piasetta (площадка). Это былъ когда-то самый аристократическій уголокъ Венеціи; его называли Broglio, потому что нобили, правившіе республикою, задумывали на этой площадке всѣ возни и интриги другъ противъ друга. Еще въ концѣ XVIII столѣтія никто не осмѣливался гулять по той привилегированной сторонѣ Piasetta, которая была предоставлена для прогулокъ однихъ патрициевъ. Здѣсь же совершались униженные представленія и просительства горожанъ, почтительно цѣловавшихъ широкіе рукава дворянскихъ мантій. Въ старое время путешественники старались посѣщать Broglio и площадь св. Марка въ какой-нибудь изъ карнаваловъ. Эти дни повальнаго сумасшествія повторялись не одинъ разъ въ годъ; по вычисленію одного путешественника XVIII столѣтія, венеціанецъ около шести мѣсяцевъ ходилъ въ маскѣ. Во время карнавала по площади нельзя пройти отъ множества театровъ и толкущихся масокъ. Бѣснованіе до такой степени овладѣвало толпою, что невозможно было никому уклониться отъ общаго безобразія. Монахи, священники, архіепископы — всѣ были обязаны ходить эти дни въ маскахъ, иначе всякій исповѣдникъ потерялъ бы свой приходъ. Сенаторы, входя въ залы совѣта, переважно снимали въ переднихъ свои маски и домино. Ночью развратъ доходилъ до того, что, по выраженію путешественника, котораго мы привели выше, на площади Марка можно было видѣть столько же лежащихъ женщинъ, сколько и на ногахъ.

Соборъ св. Марка большая знаменитость, но, — не во гнѣвъ ему будь сказано — и большая безвкусица. Сразу не поймешь, что это такое: христіанскій ли храмъ, индійская ли пагода? Пропорціональности частей, строгихъ геометрическихъ линій — ничего этого не сыщите. Его относятъ въ греческому стилю, и это, пожалуй, вѣроятно, хотя не легко объ этомъ догадаться снаружи. Соборъ пестрѣтъ позолотою, красками, бездѣлушками всякаго рода, напоминая не то разноцвѣтный артосъ съ сусальнымъ золотомъ, который раздають у насъ церквахъ, на Красную Горку, не то персидскій коверъ. По пестротѣ св. Маркъ нѣсколько сходенъ съ нашимъ Василиемъ Блаженнымъ. Василій Блаженный тоже имѣетъ въ себѣ что-то индійское или тибетское, хотя характеръ его пестроты и тѣмъ болѣе архитектуры не тотъ, что у Марка. Въ Маркѣ вы не увидите архитектуры за множествомъ

деталей дурного вкуса, искажающихъ цѣлое. Его семь тяжелыхъ сутуловатыхъ куполовъ сѣрой краски словно раздавили ижезенькое и широкое основаніе. На этихъ куполахъ не кресты, а высокіе шпили съ цѣлыми гроздами шаровъ—чистыхъ бубенчиковъ! Теряюсь въ догадкахъ, что за фантазія явилась вдругъ у художника — замѣнить этими игрушками карнавальнаго паяца благородную форму вреста. Вся крыша въ уродливыхъ сквозныхъ башенкахъ съ флагами; въ каждой башенкѣ статуя, а между башенками неуклюжія мраморныя пальмы и цвѣты. Къ довершенію всего, надъ главнымъ входомъ четверка темныхъ бронзовыхъ коней, а надъ ними, тоже изъ бронзы, крылатый апокалипсическій левъ. Хотя коней этихъ приписываютъ одному изъ великихъ мастеровъ древней Греціи, и хотя крылатый левъ есть символъ святого Марка евангелиста, патрона старой венеціанской республики, однако въ связи съ флагами, башенками, цвѣтками, бубенчиками и раскрашенными стѣнами — всѣ эти мистическіе звѣри гораздо бы болѣе шли для украшенія цирка волтижеровъ, чѣмъ христіанскаго собора. Если вы зайдете сбоку, со стороны Мерсегіа, то вы окончательно примете храмъ св. Марка за что-то азіатское. Портки въ стилѣ индусовъ, фигуры такого дѣтски-наивнаго и дѣтски-неумѣлаго рисунка, который можно видѣть только на барельефахъ Ниневіи и Египта: аллегорическіе бараны, человѣчки съ простертыми руками, будто окоченѣвшіе, разбросанныя арабески. Читатель можетъ здѣсь остановить меня и усумниться, неужели подобная сплошная безвкусица могла прослыть за европейскую знаменитость и привлечь къ себѣ толпы любопытныхъ. Надо сказать всю правду: соборъ св. Марка, все-таки, очень любопытенъ и очень замѣчательнъ. Уже при самомъ входѣ вы поражаетесь необыкновеннымъ богатствомъ его: наружныя арки главнаго входа изъ безцѣнныхъ цвѣтныхъ мраморовъ съ безцѣнными мозаиковыми картинами по золотому фону. Нѣкоторыя изъ этихъ картинъ такъ живы, арки и прекрасны, что вы любуетесь ими еще съ половины площади. Особенно прекрасна большая картина Успенія Богоматери, занимающая весь сводъ арки налѣво отъ входа. Краски ея и рисунки напоминаютъ самыя мастерскія произведенія Тинторетто, но я не справлялся объ авторѣ. Затѣмъ, какъ только вы переступили порогъ, вы въ царствѣ мраморовъ и золотой мозаики. Притворы, громадныя галлерей кругомъ самого святилища, двери, окна, полы, арки, альковы, колоннады, каедры, хоры—все это сплошной мраморъ разныхъ темныхъ тоновъ необыкновенной красоты: вишневаго, зеленого, чернаго, пестраго; это мраморъ разныхъ странъ міра: одна

Греція или одна Италия не дали бы столько разнообразія. Мраморъ этотъ художественно обточенъ, художественно вырѣзанъ. Гдѣ нѣтъ мрамора—тамъ такая же сплошная мозаика изъ золотыхъ камней, по которымъ выведены великими мастерами древности строгіе библейскіе рисунки камнями всѣхъ цвѣтовъ. Это единственныя непогибающія краски, вѣчно одинаковыя, вѣчно яркія. Старѣйшія изъ мозаикъ сдѣланы 800 лѣтъ тому назадъ, по греческимъ образцамъ, греческими художниками; ихъ нарочно выписали, чтобы первый разъ пересадить въ Италію византійское искусство неразрушимой каменной живописи. Вы догадываетесь сразу объ ихъ глубокой древности, но не по яркости, а по окончательному византійскому рисунку. Внутреннее впечатлѣніе собора гораздо цѣльнѣе и гармоничнѣе, чѣмъ наружное. Темнокрасныя тоны мраморныхъ частей чрезвычайно ладятъ съ золотыми стѣнами и сводами. Даже вся внутренность громаднхъ куполовъ, опрокинутыхъ надъ храмомъ — сплошная мозаика по тому же золотому фону. Если вспомнить, какую цѣну имѣетъ каждая мозаичная бездѣлушка въ вершювъ величины, безъ золота, безъ имени великаго художника, безъ обаянія древности, то отказываетесь составить себѣ приблизительное понятіе о несмѣтной цѣнности этого собора. Общее впечатлѣніе собора св. Марка внутри отчасти напоминаетъ наши древніе кремлевскіе и вѣвскіе соборы, Успенскій, Киевопечерскую лавру, стѣны и своды которыхъ точно также покрыты старою живописью по золоту. Но сходство это, конечно, такое же близкое, какъ между изящнымъ мраморнымъ ларчикомъ и досчатымъ раскрашеннымъ сундукомъ. Вмѣсто мозаики—известка, вмѣсто мрамора—кирпичъ, вмѣсто Тиціана и Тинторетто — суздальскій богомазь. Когда вы стоите внутри собора св. Марка вы уже не сомнѣваетесь болѣе, что это храмъ византійскаго стиля и не вспоминаете ни о пагодахъ Индіи, ни о циркѣ. Тутъ все дуга, какъ въ готическихъ храмахъ, все стрѣла: глубокія полушарія куполовъ, круглыя своды, круглыя арки, круглыя альковы. Золотая живопись и строгія безгвѣсныя фигуры святыхъ — тоже сразу говорятъ вамъ о Греціи. Даже устройство алтаря болѣе греческое, чѣмъ католическое. Высокая колоннада темнокраснаго мрамора съ прекрасными статуями отдѣляетъ алтарь отъ остальной церкви, нѣсколько на подобіе греческаго иконостаса. Самъ престолъ подъ мраморнымъ рѣзнымъ навѣсомъ на четырехъ мраморныхъ колоннахъ, обвитыхъ тончайшею скульптурою. Мнѣ не случалось видѣть этого въ другихъ католическихъ храмахъ, гдѣ престолъ обыкновенно не по срединѣ, а въ глубинѣ алтаря, всегда открытъ и имѣетъ

не греческую квадратную форму, какъ престоль св. Марка, а продолговатую. Бродя по храму, я невольно заглядѣлся на мраморную мозаику половь. Она представляетъ непонятный видъ: это не полъ, а волна морская; завѣвавшись, не трудно упасть. Можно подумать, что эту драгоценную мозаику разноцвѣтныхъ мраморовъ покорило землетрясеніемъ, но никакъ не хочется вѣрить, чтобы ее такъ выбили и выгнули усердные поклонники мольщиковъ или ихъ ноги. Однако, несмотря на это, связь отдѣльныхъ кусковъ нигдѣ не нарушилась, словно весь этотъ громадный полъ сдѣланъ изъ одного куска.

Вдругъ до слуха моего донеслось наше русское дьячковское завыванье, столь знакомое прихожанину деревенской церкви, завыванье, въ которомъ вмѣсто «Господи помилуй» вы слышите торопливую и назойливую дребедень: «паміось, паміось, паміось!» Я бросился на родные звуки, и открылъ въ темномъ алтарѣ цѣлое сборище католическихъ поповъ. Службы не было, а, повидимому, читалось правило для назиданія соборнаго капитула. Скамьи капитула по обѣ стороны алтаря были заняты. Впереди сидѣли черные человѣчки въ бѣлыхъ пелеринахъ, но безъ шапокъ, бѣльшею частью молодежь съ старческими лицами; повыше ихъ — въ пелеринахъ и черныхъ шапкахъ, люди постарше и повиднѣе, а на самыхъ почетныхъ креслахъ сѣдые старики въ фіолетовыхъ пелеринахъ и фіолетовыхъ шапкахъ, съ золотыми распятіями на шеѣ. Чтеніе шло на почтовыхъ, такъ что невозможно было разслушать словъ, и латынь легко было принять хоть бы за славянщину. То вскочить одинъ, на передней скамьѣ, сорветъ съ себя шапочку и живо отрапортуетъ по книжкѣ что ему указано, сядетъ, втянетъ въ носъ понюшку табаку; всакиваетъ другой, въ другомъ концѣ, читаетъ свое, также однообразно, торопливо и уныло. То фіолетовая шапочка поднимется, произнесетъ въ носъ молитву, то гудитъ и гнуситъ безбородый юноша въ родѣ семинариста, но тому нечего съ головы снимать. У всѣхъ носы длинные, какъ на подборъ, у всѣхъ, отъ старца до юноши, набиты табакомъ. Лица, то худыя и злыя съ густыми надвинутыми бровями, то полныя и геморроидальныя; всѣ коротко остриженныя, всѣ блѣдные, на всѣхъ одно и то же выраженіе искренней скуки и фальшиваго смиренія. Эта толпа зрѣлыхъ и старыхъ людей напоминаетъ мнѣ толпу школьничковъ, незнающихъ, какъ высидѣть обычные часы своего урока. Всѣ относятся съ замѣтнымъ нетерпѣніемъ къ собственнымъ своимъ махинаціямъ и не дождутся конца. То одинъ выскользнетъ изъ алтаря и возвращается съ глубокимъ поклономъ, то другой: не сидится на

имѣтъ этимъ сѣдымъ шволярамъ. Одинъ фіолетовый старикъ, вѣроятно, самый почетный, до того старый, что вмѣсто молитвы его видишь только беззвучное чавканье губъ, совсѣмъ спитъ въ своемъ довойномъ креслѣ и даже пересталъ подыматься вмѣстѣ съ другими при возгласахъ старшихъ канониковъ. Должно быть не одинъ десятокъ лѣтъ слушаетъ онъ тѣ же самыя слова и случаетъ безсмысленно тѣ же самыя часы. Меня очень забавляло это старческое сборище, и я смѣялся внутренно, вглядываясь и вслушиваясь въ эту бесполезную комедію. Специализація занятій почти всегда дѣйствуетъ губительно на человѣка. Эти служители идеи, высокой и жизненной по своей сущности, оспеціализировались тутъ въ трушу какихъ-то авгуровъ, которые ревниво охраняютъ въ своей средѣ искусство продѣлыванія разныхъ церемоній и произнесенія разныхъ заклинаній, которые за этими механическими процессами позабыли внутреннюю душу и конечную цѣль своего призванія. Эта армія индульгенцій, непогрѣшимости, силлабуса, не имѣетъ ничего общаго съ интересами современнаго человечества; эта стая наслѣдственныхъ заговорщиковъ противъ цивилизаціи, позабывая исторію, приноситъ съ собою гибель всякій разъ, какъ только она усиливается вмѣшаться въ нее. Наше православное духовенство, въ великому счастью, никогда не имѣло ни этой болѣзненной отчужденности отъ міра, ни этихъ заговорщицкихъ цѣлей. Вдругъ всѣ повалили вонъ, шумно и дружно, какъ распущенный классъ; откуда взялась прыть даже у дремавшего старца. Безъ сомнѣнія, для почтенныхъ канониковъ это была самая пріятная статья всего правила. Чуть не на перегонку выбѣгали они изъ храма, съ комическою торопливостью присѣдая передъ алтаремъ, мимо котораго пробѣгали.

Сидѣвшій въ темномъ углу, передъ освященнымъ распятіемъ, худой богомолецъ, съ воспаленными фанатическими глазами, провожалъ эту прыгающую стаю черныхъ птицъ неодобрительнымъ и сердитымъ взоромъ.

По выходѣ изъ собора непременно взойдите на его колокольню, на эту четырехугольную Campanilla, съ высоты которой вы не только увидите всю Венецію съ далекими окрестностями, но и отлично поймете весь планъ ея. Входить очень легко, хотя и очень высоко. Ступеней нѣтъ до самаго верху; все одинъ гладкій наклонный полъ, вьющійся кругомъ каменнаго стержня башни. Кампанилла очень бѣднаго вкуса по архитектурѣ, и только фасъ ея нижняго этажа, обращенный ко дворцу и собору, украшенъ роскошною мраморною скульптурою.

Море распалилось въ это утро. Схожу съ колокольни—площади Марка нѣтъ, а на ея мостовой бушуютъ морскія волны. Публика, отрѣзанная внезапнымъ разливомъ, толпится подъ аркадами. Это никого впрочемъ не удивляетъ. Черезъ часъ уже можно было гулять по тѣмъ самымъ камнямъ, черезъ которые на нашихъ глазахъ перебѣгали волны моря.

Дворецъ старыхъ дождей стоитъ однимъ фасадомъ на Пьяцетту, другимъ на море. Около него символы могущественной торговой республики. На огромныхъ колоннахъ въ видѣ маяковъ — крылатый левъ св. Марка. Онъ видѣнъ издали прибывающимъ кораблямъ, которые особенно толпятся въ виду стараго дворца. Тутъ таможня, тутъ входъ въ Большой каналъ, тутъ выходъ въ открытое море. Дубовыя палки огромной толщины цѣлыми пучками, штукъ по 20-ти въ каждомъ, вбиты въ дно моря и разбросаны по всей гавани. Къ ихъ кольцамъ притягиваются корабли. Отъ дворца идетъ широкая каменная набережная, любимое мѣсто прогулокъ, порою она подъ водою, порою суха. Она идетъ на довольно далекое разстояніе и переходитъ при поворотѣ берега тоже въ сухопутную и тоже довольно длинную улицу Гарibaldi. Это, кажется, самое большое пространство въ Венеціи, по которому можно гулять пѣшкомъ.

Дворецъ дождей имѣетъ очень странную архитектуру. Больше всего въ немъ восточнаго, мавританскаго. Но бѣдность украшеній, обнаженность стѣнъ на значительномъ пространствѣ, низкое расположеніе оконъ, наконецъ зубцы, его вѣнчающіе, придаютъ ему характеръ какой-то темницы или крѣпости, скорѣе чѣмъ дворца. Впрочемъ это и на дѣлѣ былъ дворецъ-темница, дворецъ-крѣпость. Въ его квадратномъ дворѣ, обнесенномъ высокими корпусами, не трудно было выдерживать осаду какъ въ цитадели. Главная красота дворца — его наружныя галереи арабскаго стиля съ мраморными рѣзными рѣшетками и колоннами; они идутъ въ два этажа вкругомъ обоихъ фасадовъ и сообщаютъ физиономіи дворца ея типическій характеръ. То, что въ другихъ палаццо въ миниатюрѣ и въ отрывкахъ, то здѣсь сплошное и въ размѣрахъ колоссальныхъ. Стѣны сложены шахматомъ, и это нѣсколько оживляетъ ихъ однообразную наготу. Только въ двухъ мѣстахъ, по одному съ cadaго фасада, балконы роскошной мраморной отдѣлки, отъ фундамента до крыши. Съ нихъ провозглашались землѣ и морю избранные дожи. Входныя ворота съ Piazzetta и весь вообще корпусъ, въ которыхъ они находятся, отличаются отъ массы дворца богатствомъ, разнообразіемъ и вкусомъ своей мраморной скульптуры; эта часть не испортила бы и Альгамбры. Во дворѣ нужно

полюбоваться огромными цистернами старой бронзы драгоценнаго чекана; галереи и тутъ со всѣхъ сторонъ опять въ два этажа; кромѣ того одна галерея изъ воротъ къ заднему (главному) корпусу дворца. Стиль тотъ же, только надворный фасадъ задняго корпуса въ изящныхъ мраморныхъ украшенияхъ. Вы входите въ этотъ корпусъ по пресловутой «*лѣстницѣ мантово*», увѣнчанной статуями двухъ боговъ, въ которыхъ была сила старой Венеціи: Марса, бога войны, и Нептуна, бога моря. Надъ ними вверху крылатый левъ, символическій патронъ республики. Изъ галереи входите въ залы совѣтовъ по другой не менѣ знаменитой «*золотой лѣстницѣ*», своды которой—сплошныя тончайшія арабески изъ позолоченной рѣзбы. Залы огромныя, подавляющаго богатства. Потолки, стѣны,—цѣлый музей громаднхъ картинъ и медальоновъ, писанныхъ великими мастерами Венеціи; картины да драгоценная золотая рѣзба—вотъ все что вы видите кругомъ. Полы—мраморная мозаика. Зала Большого Совѣта самая обширная и самая богатая. По стѣнамъ ея и другихъ залъ древнее книгохранилище, собранное дожами, все почти латинскіе и греческіе фоліанты въ мергаментѣ. На картины почти не стоить смотрѣть; они хороши въ общемъ, какъ украшеніе залъ, но нисколько не интересны въ частности; это все почти искусственная и холодная аллегорія, непріятная пестрота, шаржировка, однообразіе сюжета. Битвы безъ конца, безъ перспективы, безъ группировки, всюду официальная лесть, официальная религія. Васъ утѣшаютъ только славныя имена, связанныя съ этимъ заказнымъ искусствомъ, имена Тиціано, Паоло, Тинторетто, Пальма, Бассано и пр. Пробѣгая эти великолѣпныя залы, поневолѣ вспоминаешь ту бессмысленную систему недоверія, выработанную старою республикою, которая въ корень подорвала ея силы. Зала совѣта нобилей, залы Сената, залы совѣта Десяти, залы совѣта Трехъ, наконецъ залы дожа. Сколько надзору другъ за другомъ, сколько нянекъ за няньками! Государственная инквизиція не оставляла самого верховнаго вождя безъ строгой и подозрительной опеки. Мнѣ показывали въ разныхъ мѣстахъ ящики для анонимныхъ писемъ, въ которые всякій имѣлъ право вкладывать доносы и обвиненія на дожа, на сенаторовъ, на всѣ совѣты. Частныя комнаты дожа также богаты, но и также непріютны, какъ всѣ остальные. «Изъ всѣхъ пѣбниковъ республики хуже всѣхъ помѣщенъ ея дожъ»—писалъ одинъ изъ французскихъ путешественниковъ прошлаго столѣтія. Въ залѣ собранія дожа собраны всѣ портреты дожей, даже послѣдняго «дожа минуты»—Даніила Манина. Это единственныя картины дворца, меня интересовавшія, потому что

подъ кистью Тиціана и Тинторетто, старыя вожди Венеціи смотрятъ съ своего полотна какъ живые. Я всматривался въ нихъ съ большимъ любопытствомъ, также какъ всматривался въ прекрасныя статуи знаменитыхъ венеціанцевъ во внутренней галереѣ дворца. Все это строгія, пронизательныя лица, съ жельзною волею, застывшіе въ рѣзкихъ морщинахъ, характеры, умѣвшіе приказывать и умѣвшіе приводить въ исполненіе свои замыслы, чего бы они ни стоили.

Дворецъ дождей вмѣстѣ и вѣрѣность, и темница. Таковы были въ старое тяжелое время почти всѣ дворцы. Даже Шильонскій замокъ на Женевскомъ озерѣ, полный подводныхъ темницъ, застѣнковъ и западней, — былъ въ то же время дворцомъ герцога Савойскаго, и вы до сихъ поръ можете любоваться, почти рядомъ съ склепами Бонивара — опочивальнями герцога и его супруги, и заломъ пиршества. Во дворцѣ дождей цѣлый большой корпусъ посвященъ темницамъ и въ настоящее время, когда уже уничтожены пресловутыя кельи подъ свинцовою крышею. Корпусъ этотъ сзади дворца, черезъ узенькій каналетто; знаменитый «*ponto dei sospirî*», «*мостъ воздыханій*», снаружи весь изъ бѣлаго скульптованнаго мрамора, — ведетъ въ этотъ мрачный корпусъ, высоко надъ каналомъ. Собственно это не мостъ, а мраморный корридоръ съ крышею и окнами, висящій надъ водою; внутри его два прохода, совершенно разобщенныхъ: одинъ въ темницу уголовную, обыкновенную, другой — въ политическую. Первая занята и теперь, а вторую, пустую, только посѣщаютъ любопытные. Я тоже сошелъ въ эти затхлыя и душныя подземелья, пропитанныя кровью мучениковъ, историческихъ и невѣдомыхъ. Я увидѣлъ при свѣтѣ фавела могилы живыхъ мертвецовъ, камни, на которыхъ пытали ихъ, черныя дыры, куда бросали ихъ. Даже теперь, когда всѣ эти пещеры отворены и безлюдны, воздухъ въ нихъ невыносимо спертъ и запахъ отвратителенъ...

Евг. Марковъ.

1873 г.

ПОЗНАНСКІЕ ПОЛЯКИ

ВЪ 1848 ГОДУ.

Если невелика сумма нашихъ свѣдѣній о жизни польскаго народа въ періодъ его государственности,—періодъ; окончившійся за сто лѣтъ предъ нами и, слѣдовательно, дающій возможность вполне спокойнаго отношенія къ нему,—то что сказать о новѣйшей исторіи Польши,—Польши погосударственной, послѣ раздѣла? Нельзя объяснять ограниченности нашихъ свѣдѣній по этому вопросу одними стѣснительными условіями прежней цензуры. Нельзя допустить,—какъ бы щекотлива ни была цензура—чтобы поэтому одному, всѣ событія новѣйшей польской исторіи осуждены были на вѣки оставаться покрытыми мракомъ неизвѣстности. Дѣйствительно, гораздо вѣрнѣе будетъ объяснять причину недостаточности нашихъ свѣдѣній въ этомъ дѣлѣ нашимъ равнодушіемъ вообще ко всему, что касается внутренней политической жизни. Крайніе позитивисты во всемъ другомъ, мы все еще не можемъ отстать отъ метафизическаго метода въ области политики. Въ этой сферѣ у насъ, Богъ вѣсть какъ и почему, составилъ цѣлый лексиконъ положеній а ригіоі. Все-то мы знаемъ, все-то предусмотрѣно, во всему мы готовы; что ни случись на бѣломъ свѣтѣ, ничѣмъ насъ не удивишь: стоить прикинуть мѣрку—доморощенную политическую схему—и отвѣтъ готовъ.

Съ 1768 года, слѣдовательно, въ теченіи ста съ небольшимъ лѣтъ, Польша семь разъ возставала; въ томъ числѣ пять разъ въ борьбѣ съ нами. Казалось бы—ужь не говорю о любовнательности—что очевидноѣе необходимости для русскаго, какъ близко и возможно толково ознакомиться съ такой кровавой ли-

хорадой Польши? Не наталкиваетъ ли на эту необходимость хотя бы даже одно только чувство самосохраненія? Что поляки возстаютъ, побуждаемые постоянной мыслью о политической независимости. въ этомъ никто не сомнѣвается. Но жизнь поляковъ, какъ и всякая другая, также видоизмѣняется,—каждое изъ возстаній имѣеть факторомъ новое поколѣніе, каждое изъ потрясеній совершается при различныхъ условіяхъ, подъ вліяніемъ различныхъ идей, событій и данныхъ; каждое поэтому изъ нихъ, независимо отъ общаго характера, носитъ свой, вполне самостоятельный отпечатокъ. Нельзя всѣ эти возстанія гуртомъ подвести подъ одну рубрику: «возстаютъ, молъ, потому, что Рѣчи-Посполитой захотѣлось!» Безспорно, никто больше не теряетъ отъ такого метафизическаго взгляда на вещи, какъ мы же. И никогда, быть можетъ, такая отвлеченность не была болѣе опасна для Россіи, какъ теперь, когда у насъ въ перспективѣ, за горстію польскихъ косиньеровъ, наткнуться на штыки, только-что побѣдившіе «непобѣдимыхъ».

Но намъ возражать, что если историческія изслѣдованія о бытѣ Польши передъ раздѣлами дѣйствительно встрѣчаютъ врага болѣе въ общественномъ равнодушіи, чѣмъ въ строгости прежней цензуры, то этого никакъ нельзя сказать объ исторіи Польши послѣдняго времени. Не публики вина, если она должна довольствоваться въ этомъ отношеніи весьма немногимъ. Но что мѣшаетъ нашей печати ближе знакомить публику съ тѣми изъ польскихъ движеній, которыя вовсе не были направлены противъ Россіи? А между тѣмъ, по нимъ довольно близко узнается характеръ и система польской погосударственной жизни послѣднихъ временъ. Изъ всѣхъ польскихъ возстаній, движеніе познанскихъ поляковъ противъ Пруссіи 1848 года наименѣе непосредственно коснулось Россіи, и въ то же время, это было событіе крайней важности, крупнѣйшее въ новѣйшей исторіи Польши какъ по громадности замысла, такъ и по программѣ организаціи и даже по началу выполненія. Между тѣмъ, не боясь особенной ошибки, можно сказать, что въ русской литературѣ нѣтъ даже самаго легкаго очерка, самаго поверхностнаго разсказа объ этомъ событіи. И немудрено, впрочемъ. Нѣмецкіе писатели, — которые вообще далеко не подвержены, подобно намъ, политической водобоязни по равнодушію, но въ то время занятые событіями болѣе важной для *нихъ* важности (какъ берлинская и вѣнская революціи, какъ франкфуртскій парламентъ и, наконецъ, кровавый финаль въ вел. герц. баденскомъ),—весьма скупы и поверхностно отнеслись къ эфемерному возстанію *ихъ герцогства по-*

жанскаго. Еще болѣе неважнымъ могло показаться это движеніе для западныхъ писателей, особенно по сравненію съ страшнымъ взрывомъ 1848 года, потрясшимъ до основанія почти всё государство Европы. О русскихъ оригинальныхъ памятникахъ той эпохи, трактующихъ о польскомъ возстаніи, нечего и говорить. Остаются польскіе.

Настоящій очеркъ долженъ быть потому основанъ на этихъ послѣднихъ. Что эти источники пристрастны, односторонни, въ этомъ не можетъ быть сомнѣнія; но, съ другой стороны, нельзя допустить, что рассказъ объ этихъ событіяхъ, вылившійся изъ-подъ нѣмецкаго пера, былъ бы безпристрастенъ. Выборъ между двумя одинаково односторонними взглядами обусловленъ тѣмъ, который изъ двухъ ближе, проще относится къ предмету, который сильнѣе выставляетъ на видъ, быть можетъ, вопреки собственной волѣ, тѣ характеристическія подробности, которыя не могутъ закрыться никакими изворотами фразы? А такими именно качествами отличаются польскіе источники данной эпохи.

Надо замѣтить, что вообще польскіе документы послѣднихъ временъ отличаются еще одной крайне важной для изучающаго ихъ особенностью.

Кто сколько-нибудь знакомъ съ характеромъ польскихъ возстаній, тому извѣстно, что въ каждомъ изъ этихъ движеній, параллельно съ войной внѣшней за независимость шла война внутренняя, гражданская. Начиная съ перваго раздѣла Польши, и даже раньше, польское общество рѣзко распалось на два господствующія мнѣнія: 1) одни, объясняя паденіе Рѣчи-Посполитой, искренно или нѣтъ, однимъ фактомъ внѣшняго нашествія, смотреть на борьбу съ точки исключительно національной, то есть понимаютъ *освобожденіе* въ смыслѣ восстановленія государства, такимъ, какимъ оно было, или почти такимъ; 2) другіе смотреть на фактъ потери независимости иначе. Не отрицая важности факта нападенія извнѣ, они объясняютъ успѣхъ нападенія внутренними условіями государственнаго и соціальнаго быта древней Польши. Внѣшнее нашествіе съ ихъ точки зрѣнія — слѣдствіе, результатъ; причина же — въ политической и общественной дезорганизациі самой страны. Отсюда — отличное отъ первыхъ воззрѣніе на борьбу *освобожденія*.

Пруссія, Австрія и Россія, по ихъ мнѣнію, могли уничтожить Польшу потому только, что основа ея — общество — было въ полномъ разстройствѣ ¹⁾. Для восстановленія польской независимо-

¹⁾ «Polska niezładem stoi» (Польша держится безпорядкомъ) — народная поговорка XVII-го вѣка.

сти, освобожденіе отъ внѣшняго врага — не цѣль, а средство. Для возстановленія Польши нуженъ новый базисъ — реорганизація общественныхъ отношеній.

Но такая реорганизація немыслима подъ внѣшнимъ давленіемъ. Въ свою очередь, національное освобожденіе немыслимо безъ этой перестройки. Такимъ образомъ, по силѣ этой двойной доктрины, Польша осуждена одновременно на двойную борьбу: національную, съ врагомъ внѣшнимъ; политическую и социальную, — съ противниками реорганизаціи.

Такія два крайнія воззрѣнія на постоянно дѣйствующія причину и цѣль создали въ Польшѣ двѣ постоянныя партіи: консервативную, извѣстную подъ именемъ: то *магатовъ*, то *аристократовъ*, то *дипломатовъ*, то партіи *чарторыжскихъ* (*czartoryszczyzna*), то символически — партіи *бѣлыхъ* (1863 годъ), то просто партіи *шляхетской*; родоначальниками же этой партіи были такъ-называемые *республиканцы*, противившіеся еще въ древнемъ польскомъ государствѣ всякой реформѣ, и, въ концѣ концовъ, изъ ненависти къ нововведеніямъ общественнымъ и политическимъ, предпочитавшіе паденіе самого государства (Тарговицкая конфедерація). Другая партія — разбитые на безконечные отбѣнки приверженцы реорганизаціи. Члены этой партіи наиболѣе извѣстны подъ слѣдующими популярными наименованіями: «патріоты», «демократы», «революціонеры», «лежелесты», «мѣрославчики», а въ эпоху волненій 1863—64 годовъ, вообще пристрастную къ символамъ, подъ именемъ партіи «красныхъ». Въ древней же Польшѣ расадникомъ этой партіи были *реформисты* Станислава Конарскаго, потомъ *барскіе конфедераты* и, наконецъ, приверженцы *конституціи 3-го мая*. Словомъ, во весь столѣтній періодъ борьбы за независимость, въ Польшѣ вездѣ и во всѣхъ случаяхъ замѣтны слѣды и вліяніе двухъ глубоко враждебныхъ лагерей.

Въ эпоху, которой мы намѣрены посвятить нашъ рассказъ, печать этихъ партій выразилась съ особенной силой и даже съ крайней незастѣнчивостью. Понятно поэтому, что и польскіе документы, касающіеся этой эпохи, носятъ на себѣ двойной характеръ, именно національный и полемическій. По нимъ, такимъ образомъ, внутренній процессъ борьбы выясняется вполне; внѣшній же, если и затемненъ національнымъ пристрастіемъ, то сама полемическая форма этихъ источниковъ, форма доведенная до крайности, до разнузданности даже, выясняетъ внимательному читателю самыя сокровенныя черты лицъ, идей и фактовъ, какъ бы мало этого ни желали рассказчики.

Что же касается до фактовъ внѣшнихъ, умышленно искаженныхъ польскими писателями, то одно простое сопоставленіе ихъ съ официальными реляціями и частными мемуарами нѣмецкихъ источниковъ способно почти безусловно раскрыть истину непредрешденному и внимательному читателю.

Вотъ тѣ главные источники, по которымъ составлена настоящая статья. Именно:

1) „*Stan rzeczy w W. Ks. Poznańskiem*, przez Jana Koźmiana“ — точка зрѣнія крайняго консерватизма и перечень тѣхъ въ официальныхъ документахъ, казіе понадобились для отстоянія консервативнаго взгляда.

2) „*Powstanie Poznańskie w r. 1848*, przez Ludwika Mięrowskiego“ — антитеза предыдущаго какъ въ смыслѣ диаметрально противоположной доктрины, такъ и въ смыслѣ дополненія въ недостающихъ у Козмяна официальныхъ актовъ.

3) „*Wyypadki Poznańskie w r. 1848*, przez Andrzeja Moraczewskiego“ — довольно блѣдный сборникъ анекдотовъ и эпизодовъ, тѣмъ не менѣе драгоценный, какъ ключъ къ разъясненію многихъ недомолвокъ двухъ вышеупомянутыхъ авторовъ. Морачевскій на каждомъ шагѣ наивно пробалтывается именно о томъ, что Козмянъ и Мѣрославскій одинаково силились закрыть, несмотря на весь жаръ полемики.

Для сопоставленія польскихъ документовъ съ нѣмецкими, авторъ пользовался, главнымъ образомъ, меморіалами гг. *Фонъ-Арнима* и *Виллисена*, а также официальными реляціями генераловъ: *Коломба*, *Ведела*, *Блюмена* и *Бранта*.

Наконецъ, мнѣ не мало послужилъ чрезвычайно добросовѣстный и подробный военный очеркъ прусскаго офицера-очевидца: „*Das Gefecht bei Miloslaw*, von F. K. von-Rothenburg.“

Мы сказали, что познанское возстаніе 1848 г., въ ряду всѣхъ другихъ политическихъ попытокъ современной Польши, представляетъ особенное значеніе не только по громадности замысловъ, но и по силѣ программы и, особенно, по своеобразному ходу организаціи. До тѣхъ поръ возстанія Польши игляли корнемъ,—или кружокъ конспираторовъ въ самой странѣ, которымъ удалось въ конкуренціи съ другими подобными кружками одолѣть ихъ, добившись въ свою пользу исключительнаго вниманія страны и вліянія на массу патріотовъ—такъ было въ возстаніе Костюшко и въ возстаніе 1830 года; или же корень революціи таился внѣ страны, въ замыслахъ нѣсколькихъ честолюбцевъ.

а иногда, просто, заинтересованныхъ иностранныхъ правительствъ. Этотъ разъ впервые возстали поляки по приготовленному плану не тайнаго кружка нѣсколькихъ юношей и не для осуществленія честолюбивыхъ надеждъ какой-нибудь одной личности. Планъ возстанія, средства и цѣль организаціи обдумывались и дебатировались, въ теченіи пятнадцати лѣтъ, специально выдѣлившимся съ этою цѣлью изъ польскаго общества тѣломъ: это былъ дебютъ польской эмиграціи.

Впервые, изъ разсыпанной массы 10,000 выходцевъ 1831 г., сплотилось крѣпкое общество, въ четыре тысячи слѣшкомъ членовъ, безусловно преданныхъ, свободно подчинившихся чисто военной дисциплинѣ, обязавшихся въ слѣпому повиновенію періодически избираемой центральной власти. То было пресловутое польское демократическое общество со знаменемъ революціонной централизаціи.

Нѣтъ сомнѣнія, что если общество это не обратило на себя исключительнаго вниманія западной Европы, то только потому, что оно само, съ перваго шага, во всеуслышаніе, строго опредѣлило границы своей дѣятельности: «всей задачей его—Польша, а до Запада ему нѣтъ дѣла»—иначе, безспорно, карбонаризмъ, мацциниевская «Молодая Италия», самое даже франмасонство, встрѣтили бы въ этой демократической организаціи польскихъ выходцевъ весьма серьезнаго конкурента. Едва ли, послѣ знаменитаго ордена іезуитовъ, исторія представляетъ гдѣ-нибудь болѣе сильную политическую организацію внѣ государства.

Основанное въ 1832 году небольшимъ только кружкомъ выходцевъ, оно съ безопадной логикой и послѣдовательностію идетъ къ предначертанной цѣли. Первые 10 лѣтъ оно какъ-бы игнорируетъ родную землю; оно занято исключительно собственной организаціей. Но за то горсть основателей въ это время почти безусловно подчинила себѣ эмиграцію и выставила «для дѣла» 4-хтысячный сплоченный, единодушный легіонъ.

До 1842 года, Польша знала объ обществѣ только по его разрозненнымъ бюллетенямъ о «преніяхъ централизаціи» (такъ назывался исполнительный комитетъ общества). Бюллетени эти доходили до мѣста назначенія тайкомъ, контрабандой; судя по нимъ, кипучій патріотизмъ польской молодежи относился въ обществу скорѣе недовѣрчиво: пренія о надѣлѣ крестьянъ землею, о собственности, о свободѣ совѣсти и слова—казались имъ какимъ-то вялымъ доктринерствомъ, абстракціями, по меньшей мѣрѣ не ведущими къ дѣлу, а само общество—школой досужныхъ философовъ (parlament studenckiego prożniactwa). Но затѣмъ, окрѣпнувъ,

общество бросаетъ въ Польшу разомъ сотню своихъ дисциплинированныхъ агентовъ. Это не политическія иллюминаты, не эмиссары, подобные Волловичу, Завишѣ и Симону Конарскому: холодные, молчаливые, они ничего не имѣютъ въ себѣ миссіонерскаго; они скорѣй напоминаютъ лазутчиковъ враждебнаго лагеря. Они не посвящаютъ, не вдохновляютъ, не пропагандируютъ даже; они только спрашиваютъ и вывѣдываютъ—что?—то, что имъ нужно знать не а priori, а а posteriori... Они узнаютъ, что Польша, по прежнему и какъ всегда, покрыта сѣтью разрозненныхъ, но одинаково безумныхъ юношескихъ конспираціонныхъ кружковъ;—они видятъ, что не будь этихъ кружковъ, полиція и люди, живущіе этого рода охотой, лишились бы куска насущнаго хлѣба;—они замѣтили, каково отношеніе помѣщиковъ и людей имущихъ къ этому вѣчному культу иллюзій;—они не преминули развѣдать, чего хочетъ крестьянинъ и горожанинъ-мѣщанинъ;—въ ихъ записныхъ книжкахъ всякій приходскій священникъ, каждый монастырь нашелъ свою специальную помѣтку. Тутъ же, мимоходомъ помѣчены статистическія и этнографическія данныя; на живую руку подѣланы топографическія съѣмки, очерчены планы укрѣпленій, обозначены пути сообщеній, собраны свѣдѣнія о дислокаціи войскъ, о настроеніи духа корпуса офицеровъ, о характерѣ и привычкахъ начальствующихъ лицъ... Однимъ словомъ, все и вся.

Затѣмъ, опять, въ обществѣ слѣдуютъ два-три года преній по вопросу о фактическомъ состояніи Польши даннаго момента, преній, правда, нѣсколько болѣе секретныхъ. Только за годъ до взрыва, въ 1845 году, являются въ Польшу настоящіе эмиссары исполнѣ обдуманнаго заговора, основательно приготовленной организаціи. Польша изумилась при видѣ такой полной перемѣны дѣвораціи. «Студенты-теоретики» — «заграничные мечтатели» — называются изумительно посвященными во всѣ самыя интимныя подробности общественной жизни всѣхъ сословій. Нечего и говорить, что мѣстные эфемерные кружки заговорщиковъ, при первомъ прикосновеніи сильной организаціи, лопаются одинъ за другимъ, какъ мыльные пузыри. Крестьяне и мѣщанство (которое, также какъ и русскіе мѣщане, какъ извѣстно, ничего не имѣетъ общаго съ западной буржуазіей) изумлены не менѣе другихъ. Впервые заговорщики-патріоты не только говорятъ съ ними, но говорятъ языкомъ простымъ и практическимъ; не декламируютъ на тему «равенство, братство и свобода», а касаются самыхъ реальныхъ нуждъ этого угнетеннаго класса, по преимуществу. Шляхта не знаетъ что и думать? теоретики революціи не только

не напоминаютъ ей «кровавыхъ призраковъ 1793 года», но дружески привываютъ ее на «общее дѣло»—и не именуемъ «высокихъ идей», а именуемъ ее же собственныхъ интересовъ. Короче, въ самый непродолжительный періодъ времени все, что было въ Польшѣ живучаго элемента, до деревенскаго всендза включительно, все это становится подъ знамя демократическаго общества, все приносить присягу повиновенія «централизаціи». Эта послѣдняя уже отъ своего имени назначаетъ полномочныхъ комиссаровъ и главнокомандующихъ. Въ Познань, въ качествѣ таковаго военачальника, прибываетъ совершенно еще молодой человѣкъ, хотя уже участвовавшій въ возстаніи 1830 года, (18 лѣтъ отъ роду), въ чинѣ подпоручика пѣхоты. Это столь извѣстный впоследствии,—Людвигъ Мѣрославскій.

Но тутъ оканчивается первый актъ драмы.

Еще прежде нѣкоторые изъ предусмотрительнѣйшихъ вожаковъ общества (Дорашъ), не скрывая своихъ опасеній, относились съ крайнимъ недовѣріемъ къ черезчуръ поспѣшному развитію заговора, наперекоръ прежней крайней осмотрительности. Дѣйствительно, на первыхъ же порахъ и по горячимъ слѣдамъ прусская полиція, благодаря болтливости юныхъ конспираторовъ (тѣхъ, которые «не прошли сквозь организаціонную реторту общества», какъ говорилось тогда,—а ихъ было большинство), распутала и раскрыла всѣ нити замысла.

Тѣмъ не менѣе, послѣ ареста и заключенія цѣлой массы людей всѣхъ сословій, драма не только не оканчивается, а напротивъ, принимаетъ еще болѣе серьезный характеръ. Процессъ полутораста поляковъ въ Берлинѣ обращаетъ на себя вниманіе всей западной Европы. Пораженная, но непобѣжденная «централизація» съ прежнимъ хладнокровіемъ руководитъ судебными преніями подсудимыхъ, какъ недавно руководила законодательными преніями организаціи. По ея волѣ, Мѣрославскій, судимый за государственную измѣну, и, какъ таковой, подлежащій смертной казни, принимаетъ на себя роль адвоката всѣхъ подсудимыхъ. Но къ крайнему ужасу многихъ изъ нихъ, о ихъ защитѣ никто и не помышляетъ. Мѣрославскій беретъ за адвокатуру одной Польши,—конечно, съ точки зрѣнія демократическаго общества. Изъ скамьи подсудимыхъ онъ дѣлаетъ кресло прокурора; вмѣсто защиты онъ представляетъ публикѣ обвинительный актъ «противъ правительствъ, раздѣлившихъ Польшу...»

Берлинскіе суды,—тѣ традиціональные суды, которыхъ обезсмертилъ извѣстный мельникъ изъ Савь-Суси,—теряютъ, набопецъ, терпѣніе; они не могутъ долѣе выносить странной метаморфозы,

превращающей ихъ изъ судей въ подсудимыхъ, взятыхъ съ личнымъ. Два раза Мѣрославскій начинаетъ свою рѣчь, и оба раза трибуналь останавливаетъ его прежде конца. Наконецъ, прусскій судъ произноситъ свой вердиктъ, которымъ больше сотни поляковъ приговаривается, кто къ смертной казни, кто къ ваторажной работѣ, кто къ тюремному заключенію. «И все это *безъ выслушанія защиты!*» — кричитъ европейская пресса, а за ней народныя массы... наканунѣ однако переворота 1848 года.

Такимъ-то образомъ демократическая организація заговора 1846 года оказывается не только непобѣжденной, а, напротивъ, усиленной союзомъ революціи всей Европы. 17-го марта 1848 года, берлинская революція разбиваетъ двери тюрьмы и на рукахъ выноситъ оттуда приговореннаго къ смерти Мѣрославскаго. Толпа привѣтствуетъ его крикомъ: «Да здравствуетъ *воскресшій!*»

Этого еще не довольно. Самая неподатливая часть польскаго консерватизма, не внимавшая до сихъ поръ никакимъ увѣщаніямъ, глухая на призывъ національной агитаціи 1846 года, и та теперь опеломлена необычнымъ успѣхомъ демократіи. Ей кажется опаснымъ остаться нѣмой зрительницей такого перелома, предоставивъ судьбы страны «горсти шалопаевъ». И вотъ, столпы познанскаго консерватизма, Хлаповскій, Т. Дзялынскій, Рачинскій протягиваютъ руку нѣмецко-польской революціи.

Остается только изолированное отъ всѣхъ правительство прусскаго короля, правда, пополненное уже либеральными членами, но, тѣмъ не менѣе, переживающее крайне опасный кризисъ. Безъ компромисса и для него нѣтъ выхода изъ этого положенія.

Королевскій патентъ октроируетъ автономію «Великаго Герцогства Позанскаго» и тѣмъ косвенно санкціонируетъ революцію. Королевскій комиссаръ вступаетъ въ переговоры съ Мѣрославскимъ.

Это кульминаціонный пунктъ познанскаго возстанія. Съ этой высоты, очевидно, возможны только два выхода: полное торжество, или полное паденіе.

Съ демократической организаціей польскаго заговора въ этотъ моментъ стояли: молодыя и бродячія силы всего народа, если не весь народъ; нѣмецкая революція, съ французской республикой и итальянскимъ движеніемъ въ резервѣ; въ то же время, съ нимъ была, болѣе или менѣе искренно, вся познанская шляхта и, наконецъ, само берлинское правительство. Последнее, конечно, по необходимости и пока была необходимость.

Тутъ начинается движеніе регрессивное. Странная агломерация безусловно чуждыхъ другъ другу элементовъ медленно, но

систематически, распадается на свои составныя части, и въ обратномъ порядкѣ по сравненію съ тѣмъ, въ которомъ механически нарастала этотъ уродливый сфинксъ.

Первымъ отстаетъ берлинское правительство, ни одного дня, естественно, не желавшее оставаться въ этомъ «плѣну революціи».

Освободившись, правительство успѣшило парализировать своихъ неудобныхъ союзниковъ. Прежде всего ему удалось отдѣлать въ свою пользу элементъ консервативный отъ элементовъ болѣе революціонныхъ въ Германіи, точно также, какъ и въ Познани. Ловкими и своевременными уступками, данными привилегированному сословію, познанское движеніе съ изумляющей быстротой выродилось въ гражданскую войну. Вражда польскаго шляхетства, вполнѣ довольствовавшагося сдѣланными правительствомъ уступками, и польской демократіи, вооруженно добивавшейся немедленнаго и полнаго осуществленія своего идеала,—вражда эта, въ конецъ парализируя познанское движеніе, дѣлаетъ его непригоднымъ даже, какъ простую диверсію, для германской революціи.

Этимъ положеніемъ опять, какъ нельзя лучше, пользуются друзья берлинскаго правительства. Подъ ихъ вліяніемъ, германскіе революціонеры все больше и больше охлаждаются къ дѣлу познанскихъ поляковъ. Ихъ нѣмецкіе патріоты начинаютъ понемногу упрекать себя въ національной узкости, въ эгоизмѣ, въ равнодушіи къ дѣлу «общаго освобожденія» — потому уже дальше, въ аристократизмѣ, въ косности, въ іезуитизмѣ и двуличности. Наконецъ, франкфуртскій парламентъ, эти революціонныя сливки народнаго представительства единой Германіи, устами Вильгельма Йордана, генерала фонъ-Радовица и князя Лихновскаго, произносятъ свой окончательный вердиктъ: «Познань должна остаться навсегда за Германіей, потому что она вспахана плугомъ нѣмецкой цивилизаціи».

Такимъ образомъ, заговоръ очутился съ собственными только силами, какъ въ 1846-мъ году, но съ силами, не прикрытыми никакой тайной, и лицомъ къ лицу съ оправившейся отъ пораженія Пруссіей. Кромѣ сдачи или борьбы отчаянія, ему не было другой, альтернативы. Но, естественно, даже въ этой крайности не было и не могло быть равнодушія: одни благоразумно не видѣли никакой пользы для страны въ борьбѣ безъ надежды на успѣхъ; другіе не столько надѣялись, сколько хотѣли надѣяться. Началась шестинедѣльная кровавая и жестокая война, ознаменованная двумя значительными, но безплод-

ными побѣдами польскихъ восставшихъ, борьба, окончившаяся полнымъ усмирениемъ Познани и торжествомъ нѣмецкихъ колонистовъ; но борьба, тѣмъ не менѣе, замѣчательная и крайне поучительная. Со временъ Костюшки, тутъ въ первый разъ непосредственно въ борьбѣ принялъ участіе польскій крестьянинъ.

Такова тѣнь познанскихъ событій 1848 года. По ней, старательно обозначая главные фазисы и насколько возможно точно главные подробности, мы попытаемся прослѣдить одно изъ самыхъ крупныхъ движеній современной Польши.

I.

Начнемъ бѣглымъ очеркомъ организаціи «демократическаго общества».

Сколько извѣстно, первая мысль подобной организаціи принадлежитъ извѣстному Коллонтаю, современнику и личному другу Костюшки. Мысль эта основывается на слѣдующихъ главныхъ началахъ:

Общество, союзъ постоянныхъ членовъ демократическихъ убѣждений, выдѣляетъ изъ своей среды два органа: одинъ, коллективный, занятый—въ мирное время (періодъ пропаганды и организаціи) администраціей самого общества, — а, въ періодъ революціонный, концентрирующій въ себѣ всѣ вѣтви гражданскаго управленія въ странѣ; другой органъ, одноличный, именно военный организаторъ, въ періодъ приготовительный, но облакающійся властью военнаго диктатора и главнокомандующаго всѣхъ вооруженныхъ силъ страны, въ періодъ революціонной борьбы. Этотъ дуализмъ балансируется въ своихъ взаимныхъ отношеніяхъ слѣдующимъ образомъ: въ періодъ мирно-органическій преобладаетъ коллективный комитетъ, а военный организаторъ остается въ подконтрольной отъ него зависимости; обратно, въ періодъ военно-революціонный господствуетъ диктаторъ, а гражданскій комитетъ подчиняетъ ему свои дѣйствія. Такимъ образомъ, комитетъ ведетъ пропаганду, организацію, заготовляетъ средства для борьбы и даже опредѣляетъ моментъ возстанія; но съ этой минуты онъ сходитъ на роль подчиненнаго по отношенію къ диктатору. Передъ борьбой, комитетъ, какъ руководитель *мысли*, отвѣтственъ передъ обществомъ, какъ-бы передъ «Орденомъ хранителемъ тайной еще воли народа». Послѣ борьбы, диктаторъ, какъ исполнитель этой «тайной воли», отвѣтственъ передъ самимъ народомъ.

Въ извѣстное пасхальное возстаніе, кончившееся третьимъ раздѣломъ Польши, авторъ этой нѣсколько мистической системы, Коллонтай, былъ душою и руководителемъ подобнаго, имъ созданнаго комитета ¹⁾. Диктаторомъ же по этой системѣ, какъ извѣстно, былъ Фаддей Костюшко. Во время самой борьбы, Коллонтай самоотверженно держался буквы своего революціоннаго кодекса и ни разу не измѣнилъ самому себѣ, хотя Костюшко далеко не отвѣчалъ его ожиданіямъ.

По мысли Коллонтая, народное освобожденіе должно было совершиться путемъ поголовнаго ополченія, для достиженія котораго, чтобы привлечь въ дѣлу крестьянъ-земледѣльцевъ, онъ намѣревался освободить ихъ, но освободить не только отъ барщинной зависимости, по примѣру современной ему Франціи, но дать крестьянину въ собственность усадебную землю, очищеніемъ земли пахатной и выгоновъ въ пользу гмины (общины) ²⁾. До пріѣзда Костюшки и до начала возстанія, комитетъ Коллонтая широко провелъ пропаганду въ этомъ именно смыслѣ. За это, до сихъ поръ еще, шляхетскіе писатели не могутъ хладнокровно говорить объ этомъ человѣкѣ. Только въ послѣднее время польская литература успѣла очистить память Коллонтая отъ самыхъ гнусныхъ обвиненій въ воровствѣ, мошенничествѣ, продажности, въ самой грубой развращенности нрава (Коллонтай былъ священникъ).

Приготовленное имъ, такимъ образомъ, сельское и мѣщанское населеніе Польши отвѣтило, съ небывалымъ до тѣхъ поръ восторгомъ и единодушіемъ, на призывъ революціонной ночи въ Варшавѣ. Но Костюшко только въ теоріи раздѣлялъ мнѣнія Коллонтая; на практикѣ, онъ не рѣшился принять на себя отвѣтственность за водруженіе знамени соціальной революціи въ минуту внѣшней войны. Напрасно Коллонтай увѣрялъ его, что дѣло обойдется проще, почти безъ кровопролитія, что строптивая на словахъ только шляхта, въ сущности, бессильна для сколько-нибудь серьезнаго отпора и немедленно подчинится простому декрету вождя, стоящаго во главѣ вооруженнаго народа. Костюшко не могъ одолѣть ужаса при извѣстїи о первыхъ симптомахъ ярости возстающаго народа; казнь епископа Массальскаго въ Вильнѣ и нѣкоторые другія, менѣе важныя расправы своевольной толпы потрясли до основанія его впечатлительную душу. Первый декретъ Костюшки былъ острастой противъ своеволія.

¹⁾ См. „*Mrówka*“ г. 1869. Lwów. „H. Kollontaj“.

²⁾ „*O stosunkach rolniczych w Polsce*.“ Krysztopor.

Тѣмъ не менѣе, если это было ударомъ для кровожадныхъ инстинктовъ столько выстрадавшей отъ пановъ «хлопской ватаги», крестьяне еще толпились подъ знаменемъ Костюшки въ надеждѣ на обѣщанную волю. Но Костюшко былъ уже въ рукахъ шляхты, обольстившей его обѣщаніями безусловныхъ жертвъ въ пользу вызванной имъ борьбы за независимость, если только онъ откажется отъ коллонтаевской программы. Давно жданный декретъ, наконецъ, вышелъ. По немъ барщина не сносилась, а только количество рабочихъ дней въ пользу помѣщика было уменьшено. О личной волѣ въ немъ не было помину; напротивъ, даже тѣ изъ крестьянъ, которые уже поступили въ военную службу охотниками, обязывались декретомъ революціоннаго диктатора, по окончаніи войны — вернуться къ помѣщику и отработать дни, проведенные на службѣ отечеству ¹⁾.

Не мудрено, если разочарованные хлопы стали расходиться по домамъ съ понижшею головой; восторжествовавшая же шляхта, конечно, и не думала о данныхъ обѣщаніяхъ. Въ своемъ презрѣніи къ обманутому Костюшкѣ она дошла даже до цинизма. Въ мемуарахъ Огинскаго разсказывается, что помѣщики пріѣзжали въ лагерь и въ глазахъ Костюшки, узнавъ между воинами своихъ мужиковъ, выгоняли ихъ изъ рядовъ домой, въ село: «Do domu, prziniasy, nie do wojny shworzeni, do sochy! do sera!» ²⁾. Что думалъ Костюшко въ такія минуты? Быть можетъ, въ умѣ его тогда не разъ мелькнуло то легендарное восклицаніе: «Finis Poloniae!»

Для насъ въ этомъ случаѣ важнѣе то, что Коллонтай, до глубины души огорченный такой слабостью друга, — произнесшіи даже желчную фразу: «Польшу погубилъ Костюшко!» — тѣмъ не менѣе, ни разу не попытался посягнуть на власть своего диктатора. Была ли это вѣрность своей доктринѣ *ad absurdum*, — вѣрность понятная въ фанатическомъ священникѣ римской церкви? Или же дѣло было проще: разъ поднявъ Костюшку до этой высоты, коллонтаевскій комитетъ не чувствовалъ въ себѣ силъ для низверженія идола? Какъ бы то ни было, но доктрина, послѣ этой первой неудачной пробы, вмѣстѣ съ крайней непопулярностью ея автора, оклеветаннаго, какъ было сказано, шляхетскими писателями, подверглась полному забвенію въ теченіи тридцати пяти лѣтъ.

¹⁾ Даже извѣстный революціонный коноводъ крестьянства, Гловацкій, бывшій личнымъ другомъ Костюшки и произведенный имъ въ чинъ капитана, вынужденъ былъ своимъ помѣщикомъ вернуться на барщину. См. Wiktor Heltman, *Demokracja polska*.

²⁾ Домой, лѣтяги! не для войны вы созданы; пошли пахать и молотить!

Только во время возстанія 1830 года, историкъ этой эпохи, Маврикій Мохнацкій, съ небольшою кучкой приверженцевъ своего «клуба», попробовалъ-было примѣнить эту доктрину къ генералу Хлопицкому.

Но этотъ генералъ меньше всего напоминалъ Костюшку. Старый наполеоновскій «ворчунъ», недовѣрчиво относившійся даже къ молодому солдату, хотя бы и отлично вымуштрованному, но не *попыхавшему еще пороху*,—а такой была вся тогдашняя армія царства польскаго, Хлопицкій не скрывалъ своего презрѣнія къ волонтерамъ, а къ народному ополченію, къ «рухавѣ» онъ питалъ даже чувство сильнѣйшаго отвращенія. Когда къ нему обратились съ просьбой принять диктатуру, Хлопицкій отвѣтилъ: «Согласенъ, но только съ тѣмъ, чтобы немедленно сложить оружіе передъ императоромъ Николаемъ. Дайте мнѣ триста тысячъ солдатъ, хвастливо добавилъ онъ, но настоящихъ солдатъ, а черезъ два мѣсяца буду въ Москвѣ, а съ этой сволочью я не берусь дать и одно сраженіе». Назойливые патріоты, не отставая отъ генерала, стали умолять его именемъ отчизны: «Сентименты! воскликнулъ Хлопицкій; мое отечество—палатка, и другого я не знаю».

Такого-то человѣка фантазія Мохнацкаго изобразила себѣ въ образѣ Костюшки; самъ же Мохнацкій и его «клубисты» брали на себя роль коллонтаевскаго комитета. Хлопицкій, какъ извѣстно, несмотря на свою далеко недвусмысленную откровенность, тѣмъ не менѣе, былъ облеченъ диктаторскою властью. Но лишь Мохнацкій, съ трибуны клуба, потребовалъ освобожденія крестьянъ и, особенно, когда онъ предалъ «народному правосудію» противниковъ этой мѣры, потребовалъ *головы* князей Чарторыжскаго и Любецкаго,—диктаторъ, не долго думая, повелѣлъ своимъ лекторамъ схватить «крикуна, мелющаго вздоръ» и разстрѣлять его, для примѣра. Надо думать, что Мохнацкій еще сильнѣе Коллонтая раскаивался въ своей ошибкѣ, когда для спасенія своей головы ему пришлось просить убѣжища именно у своего противника.

— Князь, сказалъ онъ Любецкому, врываясь ночью въ его кабинетъ,—вчера я требовалъ у народа вашей головы; но произошло недоразумѣніе, и, вмѣсто васъ, меня хотятъ лишить головы.

— Соболезную, отвѣтилъ саркастически Любецкій; но я тутъ ни при чемъ. Вопросы этого рода не входятъ въ область министра финансовъ.

— Да; но я обращаюсь къ хозяину этого дома, и прошу у васъ убѣжища въ виду преслѣдующихъ меня преторіанцевъ моего диктатора?

— Это другое дѣло, и я счастливъ, что моею уцѣлѣвшей головой предстоитъ случай спасти вашу. Вы внѣ опасности въ моемъ домѣ.

Послѣ усмиренія возстанія, ученики Мохнацкаго, разсѣянные по Франціи, Швейцаріи и Германіи, вдумываясь въ событія, все же не усомнились, однако, въ самой доктринѣ. Они озаботились только утвердить ее на болѣе прочныхъ основаніяхъ. Диктатура Костюшки, человѣка искренно и глубоко любившаго свой народъ, убѣдила ихъ въ той истинѣ, что вождь народнаго движенія не только долженъ быть человѣкомъ принципа, но и обладать характеромъ и сильной волей. Съ другой стороны, комическая диктатура Хлопицкаго еще нагляднѣе убѣдила ихъ въ другомъ, — какъ недостаточны одни личные качества, честность, мужество и военные таланты, чтобы выдвинуть человѣка, поставить его диктаторомъ. Короче, они пришли къ убѣжденію, что выборъ одноличной военной диктаторской власти — вопросъ капитальный въ преслѣдуемой ими задачѣ.

Двойной опытъ диктатуры не привелъ польскихъ патриотовъ, подобно революціонерамъ современной Франціи, къ полному ея отрицанію, а только обусловилъ самый выборъ. Дѣйствительно, по доктринѣ польскаго демократическаго общества выборъ диктатора не долженъ производиться подъ впечатлѣніемъ минуты, въ рѣшительный моментъ, но долженъ быть постоянной и главной заботой организаціи, съ перваго дня ея дѣятельности. Такимъ образомъ, общество, далеко до начала дѣйствія, притягиваетъ къ себѣ цѣлую группу кандидатовъ, военныхъ по ремеслу, и демократовъ по принципу, — которыхъ оно, въ теченіи многихъ лѣтъ, испытываетъ во всѣхъ отношеніяхъ.

Общество пошло даже дальше и, словно заботливая мать, занялось самымъ воспитаніемъ своихъ будущихъ «генераловъ». Такъ, Мѣрославскій, Іосифъ Высоцкій и многіе другіе записаны были въ общество еще совершенными юношами и получили военно-теоретическое образованіе въ лучшихъ спеціальныхъ заведеніяхъ этого рода во Франціи, на счетъ общества. Потомъ, молодые люди, все же на счетъ общества, посылались на *практику*, какъ только представлялся случай, — въ Испанію, Сицилію, Баденъ или Венгрію, — не говоря уже о практикѣ «малой войны», случай въ которой представлялся во Франціи первыхъ годовъ царствованія Луи-Филиппа чаще, чѣмъ бы того можно было желать. Такъ выросъ штабъ молодыхъ польскихъ «генераловъ». Изъ нихъ именно общество выбирало надежнѣйшаго, въ качествѣ своего *военнаго организатора*, родъ начальника штаба и военнаго министра въ

то же время,—но, главнымъ образомъ, кандидата въ *диктаторы*, если выдержать онъ и этотъ послѣдній экзаменъ.

Что же касается средствъ упроченія гражданскаго комитета, который бы, по прежнему, не будучи нисколько помѣхой для диктатора въ періодъ революціи, тѣмъ не менѣе имѣлъ бы возможность серьезно контролировать его дѣятельность въ смыслѣ принципиальномъ,—задача была труднѣе. Безспорно, что печальная роль комитетовъ Коллонтая и Мохнацкаго была прямымъ слѣдствіемъ ихъ безсилія, какъ самостоятельнаго органа; но откуда взять такую силу внѣ диктатуры?

Основателямъ демократическаго общества пришло на мысль—окружить комитетъ своего рода ликторской стражей, но ликторовъ мыслящихъ, вполнѣ сознающихъ цѣль и посвященныхъ во всѣ тайны организациі. По доктринѣ общества, долженъ былъ составиться съ этой цѣлью родъ рыцарскаго ордена демократическихъ крестоносцевъ. Выходцы, сгруппированные на свободной землѣ, должны были во весь періодъ организациі нести двойную обязанность. Какъ члены какого-нибудь конституціоннаго собранія, они свободно дебатировали всѣ положенія демократическаго ученія,—тутъ подлежали преніямъ: политика и экономія, гражданское и уголовное право, финансы и военная организациа. Но, разъ пренія исчерпаны, положеніе вотировано большинствомъ голосовъ,—оно уже законъ. Комитетъ («Централизациа») становится его суровымъ исполнителемъ, а всѣ члены—почти слѣпыми его орудіями. — «Rób со́ powinien, a o końcu, durniw, się nie rутaj!» ¹⁾ говаривалъ секретарь этого общества, старикъ Матвѣй Стахерскій.

Но этотъ своеобразный орденъ политическихъ трапистовъ не только обязываетъ членовъ къ описанному дуализму въ періодъ организациі; двойная роль преслѣдуетъ ихъ и въ періодъ самой борьбы. Съ открытіемъ дѣйствій, какъ было сказано, верховная власть «централизациі» прекращается и переходитъ на диктатора, но не безусловно. Становясь гражданскимъ департаментомъ диктатуры, ступевываясь передъ ней, комитетъ оставляетъ за собой привилегію блюстителя доктрины, тайнаго цензора всемогущаго военачальника. Онъ не вмѣшивается въ его распоряженія, не санкціонируетъ ихъ, но молча повинуетъ, наравнѣ съ другими. Однако, въ рѣшительную минуту,—въ случаѣ явнаго нарушенія принципа или очевидной измѣны, онъ налагаетъ *veto*

¹⁾ „Дѣлай, дуракъ, что обязанъ, а про конецъ не спрашивай!“

и низлагаетъ диктатора ¹⁾. Средство для этого, силу «централизація» опять находятъ въ тѣхъ же своихъ граппистахъ. Какъ въ періодъ организаціи члены общества были слѣпыми орудіями вомитета, но слѣпыми въ границахъ ими же принятаго закона; такъ во все время борьбы они остаются столь же слѣпыми орудіями диктатуры, но опять подъ условіемъ, именно: что сама диктатура останется вѣрной знамени общества. Стоить «централизаціи» блюстительности доктрины произнестъ свое *veto*, и всѣ самые преданные сподвижники вождя должны мгновенно его оставить. По сигналу: «принципъ въ опасности!» вся армія диктатора должна перейти подъ власть «централизаціи»...

Этой теоретической идилліи, не отрицая ея логически строгой послѣдовательности и цѣльности, можно, однако, поставить простой практической вопросъ:—А если эта армія комиссаровъ, генераловъ, полковниковъ и адъютантовъ диктатора не вся послѣдуетъ по условному лозунгу?

Но таково ученіе общества, которому принадлежитъ починъ въ дѣлѣ познанскихъ возстаній 1846 — 48 годовъ. Съ самымъ же развитіемъ этого ученія, съ путями дѣятельности общества, настъ ознакомить бѣглый взглядъ на его исторію.

Общество, какъ сказано, было основано во Франціи, въ Пуатье, въ мартѣ 1832-го года. Основателями его были десятковъ юныхъ эмигрантовъ, изъ статскихъ, преимущественно студентовъ, усердныхъ повлонниковъ Мохнацаго и постоянныхъ посѣтителей его *клуба*. Политическая и частная жизнь этихъ людей, или совсѣмъ неизвѣстна, или извѣстна — далеко не къ ихъ чести. Это обстоятельство подало даже поводъ въ слѣдующей штукѣ, долгое время повторяемой между польскими демократами: говорилось, что демократическое общество, подобно древнему Риму, было основано горстью бродягъ, мошенниковъ и разбойниковъ.

¹⁾ Очевидно, что, по смыслу этой системы, революціонная организація, во весь періодъ борьбы, не допускаетъ нормальнаго представительства страны. Символически, жизнь демократіи раздѣлена на три періода: 1-е. Демократія *страждущая* (періодъ организаціи); 2-е. Демократія *воюющая* (періодъ революціи); и 3-е, наконецъ, Демократія *торжествующая*. Т.-е. только послѣ освобожденія отъ порабощенія національнаго и общественнаго, правительство берется созвать нормальнымъ путемъ представителей страны, и передъ ними, «уже освобожденными и реальными гражданами», диктаторъ слагаетъ свою власть.

Но во главѣ этого десятка молодыхъ людей стоялъ однако человекъ, до сихъ поръ пользующійся уваженіемъ польской эмиграціи, именно — Викторъ Гельтманъ. Онъ уже въ эпоху основанія общества не былъ юношей. Сколько намъ извѣстно, начало его политическихъ тревоженій должно быть отнесено къ 1821-му году. Уличенный въ одной изъ конспирацій, — если не ошибаемся, въ той именно, которая разразилась потомъ такъ-называемымъ «коронаціоннымъ заговоромъ» 1828-го года, — Гельтманъ, по конфирмаціи тогдашняго намѣстника, В. К. Константина Павловича, былъ сосланъ рядовымъ на Кавказъ. Тамъ, попавъ въ артиллерію, онъ снискалъ довѣріе и расположеніе начальства какъ своимъ краткимъ характеромъ и блестящимъ образованіемъ, такъ, въ особенности, усердіемъ, съ какимъ онъ принялся обучать грамотѣ своихъ сослуживцевъ — солдатъ. По ходатайству своего генерала, за отличіе въ какомъ-то сраженіи противъ горцевъ, Гельтманъ былъ произведенъ въ офицеры, подалъ въ отставку и вернулся на родину въ самый разгаръ возстанія 1830-го года.

Нѣтъ сомнѣнія, что личность этого человека, бывалаго, — съ одной стороны основательно знакомаго съ силой военной дисциплины, — съ другой стороны, мистическаго поклонника франмасонской символистике, — не мало повліяла на сформированіе такой именно доктрины, съ какою мы познакомились. Гельтманъ, дѣйствительно, во все время существованія «демократическаго общества», оставался постояннымъ и дѣятельнымъ членомъ *централизации*. Но несправедливо было бы ему одному приписать все ученіе школы; оно было плодомъ четырнадцатилѣтнихъ горячихъ преній всего общества.

Группа основателей, о которыхъ мы говорили, собственно не дала даже никакой доктрины. Она ограничилась заявленіемъ необходимости единодушія демократіи, единства дѣйствія, выработки формулы революціи и, наконецъ, обдуманія системы дѣйствія. Восемнадцатилѣтнее (съ 1832-го по 1850-й г.) существованіе общества было отвѣтомъ на это заявленіе ¹⁾. Все же время этого существованія можетъ быть раздѣлено на пять періодовъ.

¹⁾ Людвигъ Мірославскій, въ 1865-мъ году, пытался было воскресить это общество, болѣе или менѣе, на прежнихъ основаніяхъ; но попытка его кончилась полнымъ неуспѣхомъ, въ виду очевиднаго отвращенія послѣдней польской эмиграціи ко всякаго рода дисциплинированію. Послѣ 4—5-лѣтняго, скорѣе номинальнаго, чѣмъ дѣйствительнаго существованія, новое демократическое общество пало, разбившись на нѣсколько враждебныхъ группъ. Впрочемъ, число его членовъ никогда не превышало 300 человекъ.

Первый періодъ—съ 1832—36-й годъ,—былъ не болѣе, какъ группировкой членовъ демократіи, и не во имя уже признанной программы, а исключительно—въ виду необходимости издать такую программу. Число членовъ возрастало крайне медленно, и въ четыре года едва ли ихъ набралось больше полутора ста человекъ. Общество, однако, успѣло въ это время договориться до нѣкоторыхъ общихъ принциповъ, и въ 1836-мъ году, какъ результатъ такого соглашенія, появился первый манифестъ общества ¹⁾.

Въ этомъ актѣ, хотя далеко не категорически, часто совсѣмъ туманно, выражены слѣдующія важнѣйшія положенія. Въ отношеніи *національномъ*: границы 1771-го года; а аргументъ: «потому что столько именно (sic!) нужно этому народу (польскому) воздуха и пространства, чтобы исполнить свою миссію (?)». Въ отношеніи *политическомъ*: республика, какъ формула равновѣсія «между свободой лица, ведущей въ абсолютъ—къ деспотизму, и свободой всѣхъ, ведущей—въ томъ же абсолютѣ—къ анархіи». Въ отношеніи *соціальномъ*: свобода совѣсти, свобода печати, прогрессъ науки, даровое образованіе и т. п. Въ отношеніи *экономическомъ*: платоническое и неясное заявленіе, что молъ «конечно врестьянинъ, вѣками въ потѣ лица обработывавшій польскую пашню, не можетъ законно быть ея лишеннымъ».

Численному росту общества въ этотъ первый періодъ особенной помѣхой было явное нерасположеніе къ нему всѣхъ вліятельныхъ членовъ тогдашней польской эмиграціи. Не только Лелевель, пророкъ и первосвященникъ польскаго демократизма 1820—30-хъ годовъ, презрительно смѣялся надъ «швольническими упражненіями недоучившихся студентовъ», но самъ М. Монацкій отвернулся отъ нихъ, предпочтя мягкія кресла *отеля Ламбергъ* ²⁾.

Второй періодъ (1836—42-го г.). Публикація манифеста, какъ блѣдны ни были высказанные въ немъ принципы, вызвала въ эмиграціи горячіе и продолжительные споры. На «общество» посыпались нападки со всѣхъ сторонъ; оно отвѣтило. Такъ завязалась многолѣтняя полемика, предпочтительно характеризующая этотъ именно періодъ. Полемика тройная, по тройному характеру критиковъ общества.

¹⁾ См. французскій переводъ въ сочиненіи: «L'Europe sur les bords de la Vistule», par Raspail.

²⁾ Дворецъ кн. Чарторыхскихъ въ Парижѣ.

Сначала, молодое общество подняло только перчатку, которую ему бросилъ элементъ польскаго консерватизма въ эмиграціи. Въ этомъ спорѣ роль общества была не изъ трудныхъ; ему пришлось отстаивать общіе принципы, присущіе всякой демократіи. Къ тому же, во главѣ этого рода противниковъ стояла фракція Чарторыхскихъ, съ ихъ странными притязаніями на польскую корону. Полемика съ ними вскорѣ и незамѣтно перешла въ беспощадную сатиру. Общество стало издавать періодическую брошюрку, родъ польскаго «Фонаря» той эпохи, подъ заглавіемъ: «Pszonka». Редакторомъ памфлета считался Леонъ Зенковичъ, лицо подставное, въ качествѣ отвѣтственной фирмы; но въ дѣйствительности брошюрка наполнялась съ крайнею свободой всѣмъ, что только могло придти на умъ любому эмигранту—злого или смѣшного, позорнаго или остроумнаго, лишь бы на счетъ честолюбиваго семейства. Сатира выходила тѣмъ болѣе удачною, что «семейство» — какъ вульгарно называютъ поляки партію Чарторыхскихъ, давало возможность тѣмъ болѣе осмѣивать себя, чѣмъ правдивѣе былъ рассказъ. Комизмъ заключался въ серьезной подлинности фактовъ,—сатира въ совершенной дѣйствительности помысловъ. И въ самомъ дѣлѣ, что можетъ быть комичнѣе подобнаго явленія:—одно изъ семействъ польской шляхты претендуетъ на польскую корону, а глава семьи, въ какомъ-то лунатизмѣ, принуждаетъ кружокъ своихъ друзей и дворню — признавать и титуловать себя *королемъ de-facto* ¹⁾.

Читая курьезы «Pszonki», вы смѣетесь, словно читая одинъ изъ французскихъ водевилей, — а между тѣмъ все это не фарсы, а факты. На чемъ основано это притязаніе?... Бывшіе удѣльные князья Руси, Чарторыхскіе, — обѣднѣвъ, приняли католицизмъ, и съ тѣхъ поръ играли самую скромную роль въ ряду шляхтичей Рѣчи-Посполитой. Такихъ князей въ Польшѣ было не мало: Массальскіе, Любецкіе, Четвертинскіе, Шуйскіе и т. д. Вдругъ, въ XVIII-мъ вѣкѣ, словно въ связѣ, рождаются три брата: одинъ, праздный тунеядецъ, безшабашный волокита, побѣждаетъ сердце французской авантюристки, вдовы съ громаднымъ состояніемъ, женится и вноситъ въ «семью» недостающее ей *богатство*; другой—изящный денди, лихой наѣздникъ, неутомимый болтунъ, тоже женится и роднитъ «семейство» съ однимъ изъ самыхъ аристократическихъ домовъ Австріи, открывая для

¹⁾ Авторъ имѣлъ случай видѣть собственными глазами такого рода визитную карточку: „Ladislas Czartoryski *prince royal*“ — это было еще при жизни его отца кн. Адама Чарторыхскаго.

своихъ салоны всѣхъ вліятельныхъ лицъ Европы, — словомъ, приносить въ даръ семейному дѣлу драгоценныя *связи*; третій, наконецъ, не женится вовсе, не даетъ «семейству» ни богатства, ни блеска, но за то, — какъ всегда бываетъ въ сказкѣ, — третій братъ даетъ «семейству» *свой умъ*. Дѣйствительно, Михаилъ Чарторыйскій, великій канцлеръ литовскій, былъ человекъ огромнаго ума и настоящій основатель вліянія своего дома на общественныя дѣла Польши. Онъ не мечталъ о коронѣ, — его честолюбію этого было мало; онъ хотѣлъ подчинить себѣ корону. Это былъ геній олигархіи. Его планъ преобразования Польши заключался въ пересозданіи анархической республики въ такого рода оригинальную пирамиду: внизу, въ видѣ прочнаго фундамента, крестьяне-рабы, глубоко вбитые въ землю; на нихъ шляхта нѣсколькихъ слоевъ, въ видѣ разноцвѣтной мозаики, — сѣрая, черная, до пурпуровой включительно (*кармазину*); дальше, избранникъ этой шляхты, — король, но не правитель, конечно; надъ нимъ, въ видѣ драгоценной короны, олигархія, — маленький замнутый кружокъ магнатовъ: они законодатели страны, король ихъ орудіе; но надъ этой еще короной, — перлъ изъ перловъ, вершина зданія, нѣчто въ родѣ японскаго микадо — *семейство Чарторыйскихъ*. Они не судятъ, не правятъ, не законодательствуютъ даже, — они выше этихъ вульгарностей; они только направляютъ, вдохновляютъ мысль олигархіи, такъ сказать — священнодѣйствуютъ. Для осуществленія такого сложнаго плана, какъ сказано, былъ геній, было богатство, были связи, но не доставало живыхъ машинъ, — арміи. Какъ ни низко упала шляхта того времени, какъ ни дешево покупались ея услуги и преданность, тѣмъ не менѣе, по преданію: «*Szlachcic na zagradzie równie wojewodzie* ¹⁾». Шляхтичъ не охотно брался затягивать петлю на собственной шеѣ. Мало-помалу, блестящій планъ утратилъ всю прелесть своей оригинальности и преобразился въ скромную и блѣдную конституцію 3-го мая 1791-го г., въ которой оригинальности только и осталось, что въ доктринѣ «систематическаго облагораживанія крестьянъ», такъ что, въ концѣ концовъ, всѣ жители Рѣчи-Посполитой стали бы... шляхтичами. За исключеніемъ же этой маленькой эксцентричности, конституція 3-го мая — копія умѣренной конституціонной монархіи Монтескьё. Но на ней, въ сущности, и основываются притязанія потомковъ трехъ братьевъ ²⁾.

У князя Льва Сапѣги была любовница еврейка, съ которой магнатъ прижилъ ребенка, получившаго фамилію *Понятовскій*.

¹⁾ Шляхтичъ въ своихъ владѣніяхъ (у себя въ оградѣ) равенъ воеводѣ.

²⁾ См. „*Les révolutions en Pologne*“ — Рильера.

Это былъ отецъ знаменитаго посланника Карла XII, надѣлавшаго такого шуму въ Стамбулѣ. Сначала горячій приверженецъ Станислава Лещинскаго, Понятовскій потомъ вернулся съ повинной къ саксонскому дому и женился на княжнѣ Констанціи Чарторыжской, поэтической мечтательницѣ,—родной сестрѣ трехъ сказочныхъ героевъ. Братья были глубоко оскорблены такимъ «пятнающимъ ихъ» выборомъ сестры. Констанція была не только мечтательницей, но и фаталисткой,—если вѣрить Рульеу. Во время ея беременности, какая-то скитающаяся цыганка пророчить ей за десять грошей, что если родится сынъ, — быть ему королемъ. Дѣйствительно, рождается сынъ, и госпожа Понятовская не задумывается прибавить къ его, вульгарному въ Польшѣ, имени Станислава, другое: *Августъ*¹⁾. Мать въ немъ души не чае; холить его, учить всѣмъ наукамъ, внушая ему при этомъ, въ видѣ поощренія, что «королю нужно много знать!» Мальчикъ учится прилежно, но, подростая, онъ задается, въ сущности, весьма рациональнымъ вопросомъ:—«Если я будущій король, думаетъ онъ, то кому же и веселиться, какъ не королю?» Мать посылаетъ юношу для окончанія наукъ въ Парижъ, и юноша принимается немедленно за осуществленіе своего афоризма. Красавецъ, ловкій кавалеръ, краснорѣчивый салонный ораторъ, будущій король дѣлаетъ въ Парижѣ одновременно до сорока любовныхъ предложеній неразборчивымъ маркизамъ эпохи Людовика XV. При этомъ, не стѣсняясь, вездѣ и всякаго посвящаетъ въ свои будуарныя тайны. Напрасно наивная мать увѣряетъ, что «корона ждетъ его за гражданскіе подвиги, а не за альбовныя». Скандальная хроника молодого человѣка доходитъ до крайнихъ предѣловъ; его выгоняютъ отсюда, грозятъ, преслѣдуютъ, и онъ вынужденъ оставить Парижъ. Чарторыжскіе, навонецъ, сжалились надъ сестрой, и, по ихъ просьбѣ, Понятовскій попалъ въ секретари великобританскаго посольства въ С.-Петербургѣ.

Мы не будемъ говорить о походженіяхъ молодого человѣка въ русской столицѣ, хотя тутъ-то именно и положено было серьезное основаніе для осуществленія пошлаго пророчества цыганки. Скажемъ только, что ошибся не юноша, а его мать, и до короны онъ дошелъ строго придерживавшись своего афоризма о короляхъ-весельчакахъ. Извѣстно, что выборы Станислава-Августа Понятовскаго въ короли совершились не только при участіи русскихъ войскъ, но что

¹⁾ Впрочемъ, семейныя хроники иначе объясняютъ мысль этой двушменности: ребенокъ былъ наваянъ, по ихъ словамъ, Станиславомъ-Августомъ въ честь двухъ королей: Лещинскаго и Августа II.

эти послѣдніе выборы въ Польшѣ окончились только по разогнаніи штыками всѣхъ противниковъ русскаго кандидата. Императрица Екатерина II-я, поддерживая силой избраніе своего клиента, независимо отъ другихъ соображеній, въ сущности руководилась весьма рациональной политической мыслью.

Предложенный Пруссіей планъ раздѣла Польши, а затѣмъ и полнаго уничтоженія ея самостоятельности, напелъ сочувствіе императрицы гораздо позже, — несомнѣнно, только подъ впечатлѣніемъ французской революціи. Но русской политикѣ, очевидно, важно было имѣть на тронѣ польскомъ человека ей преданнаго, ей обязаннаго своимъ возвышеніемъ, къ тому же, — человека тщеславнаго, легкомысленнаго и такъ мало способнаго къ серьезному дѣлу, какъ Станиславъ Понятовскій.

Замѣчательно, что Чарторыжскіе далеко не были польщены этимъ. Въ особенности ихъ олигархическій гоноръ былъ возмущенъ тѣмъ, что клиентомъ императрицы могъ стать «этотъ бездарный *экономистъ*». Считая выборъ не болѣе, какъ капризомъ, они предлагали императрицѣ въ кандидаты умнаго, милаго, увлекательнаго князя Огинскаго. Но выборъ Понятовскаго не былъ капризомъ только, а обдуманнѣе политическимъ шагомъ! Чарторыжскимъ осталось смириться, и такъ какъ, очевидно, ихъ политическая система не могла больше примѣняться къ даннымъ обстоятельствамъ, то они рѣшились сами стать королями, но королями — «не малеванными, а настоящими». Такъ явилась конституція 3-го мая, а въ Петербургъ былъ отправленъ Адамъ Чарторыжскій, сынъ одного изъ трехъ братьевъ, — Августа. Этотъ молодой человекъ назначался семействомъ въ наслѣдники послѣднему королю Польши; въ Петербургъ онъ ѣхалъ для снисканія санкціи на эту кандидатуру. Но Понятовскому, какъ извѣстно, суждено было не имѣть преемниковъ. Тѣмъ не менѣе, послѣ отреченія Станислава-Августа, Адамъ Чарторыжскій сталъ почему-то считать себя «королемъ *de-facto*» — хотя его никто ни приглашалъ, ни избиралъ, — ни народъ, ни русская императрица. Такъ появилась эта юмористическая *династія*, и въ убогой фантазій горсти блюдолизовъ, живущихъ подачѣю «семейства» — ни для кого не вѣдомо, — въ Польшѣ царствовалъ Адамъ I-й, а теперь — Владиславъ V-й...

Если такіе государи, какъ Людовикъ XVIII-й, Генрихъ V-й, Наполеонъ II-й, возбуждаютъ улыбку, то что сказать о польскихъ *короляхъ de-facto*, предки которыхъ никогда не царствовали, а только фантазировали, интриговали и окончательно погубили отечество? Понятно, какъ легка была задача юмористическаго жур-

нала польской демократіи. Успѣхъ публикаціи былъ полный. Эмигранты всѣхъ оттѣнковъ хоромъ присоединились къ смѣху и презрѣнію демократовъ. Съ тѣхъ поръ, еще при жизни Адама Чарторыжскаго, дѣло «семейства» было окончательно проиграно въ общественномъ мнѣніи. Когда, въ 1854-мъ г., безпокойный старикашка взялся трактовать съ западными правительствами по польскому вопросу, — протестація эмигрантовъ, въ 8000 подписей, заявила, что семейство Чарторыжскихъ менѣе вѣждаетъ полагая имѣть право говорить отъ лица Польши; со смертью же старика, когда главою дома сталъ бездарный и крайне ограниченный его сынъ, даже единственный въ Польшѣ преданный ихъ дѣлу журналъ «Czas» — больше имъ служить молчаніемъ, лишь изрѣдка пропечатывая рѣчи, писанныя гг. Калинка, Клячко и Галензовскимъ, но которыя Владиславъ Чарторыжскій выдаетъ за свою импровизацію.

Болѣе трудностей представляла демократамъ полемика съ той частью того же консервативнаго элемента, которая держалась самостоятельно и поодаль отъ дипломатическихъ интригъ отеля Ламберъ. «При старо-шляхетскомъ крикѣ: *Kochajmy się!*» — соединяя жизнь съ смертью, бытіе съ небытіемъ, они, огромнымъ большинствомъ голосовъ, декретировали всеобщее соединеніе для высшаго разъединенія». Такъ характеризуетъ ихъ «Pszonka». Само же общество ограничилось относительно ихъ афоризмомъ: «Чтобы быть, надо родиться; рождаться, значитъ выдѣляться. Мы желаемъ быть и отдѣляемся отъ васъ». Дальнѣйшая же полемика на эту тему опять-таки была предоставлена «Pszonke».

Если, по отношенію къ этой части консерваторовъ, успѣхъ не былъ также безусловенъ, какъ относительно Чарторыжскихъ, — за то эта полемика сильно подняла общество въ глазахъ эмиграціи. Правда, это еще называли успѣхомъ скандала; но, все-таки, чтó было въ эмиграціи независимаго — сочувственно отнеслось къ демократамъ.

Менѣе благодарной была полемика со вторымъ элементомъ шляхетства. Это были шляхтичи демократствующіе, претендовавшіе, что, «въ принципѣ», они согласны съ обществомъ, но, какъ люди свободы, отвергаютъ «трибуналь студентовъ и сержантовъ». Особенную силу этому элементу придавало то обстоятельство, что во главѣ ихъ стояли такія личности, какъ Іоакимъ Лелевель, Адамъ Мицкевичъ, Богданъ Залѣвскій, генераль Дембинскій и прочіе.

Первый, въ особенности, былъ настоящимъ Авраамомъ этой платонической демократіи. Извѣстный историкъ, какъ нельзя полнѣе,

олицетворялъ въ себѣ дуализмъ этого элемента шляхты демократовъ. Подобно имъ, въ теоріи, Лелевель благоговѣлъ передъ памятью Робеспьера и Марата, Іоаннъ Зижко былъ для него прототипомъ славянскаго революціонера. Но изъ практической его политики, какъ главы демократической партіи 1830-го года, достаточно привести слѣдующіе два примѣра. Въ смыслѣ политическомъ, ему непосредственно принадлежитъ доктрина, что Польша возстала не за независимость, а за свои «поруганныя конституціонныя права»; возстаніе 1830-го года было, по его формулѣ: *войною конституціоннаго короля Николая противъ самодержавнаго императора Николая*. Въ смыслѣ социально-экономическомъ, Лелевель, неутомимый проповѣдникъ освобожденія крестьянъ, краснорѣчиво убѣждавшій свою аудиторію, что безъ этого освобожденія нѣтъ гражданъ, а безъ гражданъ,—Польша, Лелевель, членъ революціоннаго сейма, вотировалъ *противъ освобожденія*, говоря: «это необходимо, но еще рано!»

Представляемый Лелевелемъ элементъ вертѣлся въ подобномъ же хаосѣ понятій и крайнихъ возрѣній. Всѣ члены огромнаго безпринципнаго союза, называемаго «*Zjednoczenie*»—мыслили и дѣйствовали каждый на свою руку. Одни, съ Товьянскимъ во главѣ, полагали, что Польшу спасетъ горячая молитва, и «небо сошлетъ своихъ архангеловъ для освобожденія своего вѣрнаго народа 1)». Другіе, съ повѣтомъ Мицкевичемъ, полагали, что эти неземныя силы уже воплотились въ лицѣ Наполеонидовъ, и авторъ «пана Тадеуша» проходя съ обнаженной головой передъ Вандомскою колонной, писалъ апокалипсическія пророчества «о будущемъ великомъ человѣкѣ». Третьи, наконецъ, съ графомъ Станиславомъ Ворцелемъ, дошли до бѣшенства гайдамацкой теоріи и, вмѣсто молитвы, поэзіи или мысли,—съ усердіемъ, достойнымъ лучшей доли,—точили ножи на шляхту 2); а то, просто, какъ Круликовскій, убаюкивались опіумомъ «Икарія» Кабе 3).

Къ этому хаосу демократическое общество, хотя малочисленное, но сильное своимъ единствомъ и, особенно, свѣжей побѣдой надъ шляхетскимъ консерватизмомъ, обратилось не съ сарказмами «*Pszonki*», а съ суровой проповѣдью аскета. «Польская Икарія, писалъ органъ общества «*Demokrata polski*»,—должна быть особенно внимательна и бдительна, чтобы наша революціонная трагедія опять не выродилась въ шутовскую плясую конфедера-

1) См. „Pisma Adama Mickiewicza“: корреспонденція его съ А. Товьянскимъ.

2) См. „Былое и Думы“ А. И. Герцена. Его воспоминанія о Ворцелѣ.

3) Круликовскій, редакторъ Кабетовскаго журнала: „la Fraternelle“

товъ, — чтобы, по случаю Иисуса Христа, мы не увѣровали въ Товьянскаго, чтобы, восторгаясь Робеспьеромъ и Сень-Жюстомъ, мы не принялись обезьянничать Эбера и маркиза де-Сень-Юрюгъ, а идя по слѣдамъ Килинскаго и Коллонтая, не завалились бы пьяными въ кабаки Гоноратки».

Этотъ отечески суровый тонъ, если вырвалъ изъ хаоса что способно было увлечься трезвымъ языкомъ небывалыхъ проповѣдниковъ, но за то возмутилъ и возбудилъ беспощадную ненависть въ другихъ. Кадры демократическаго общества пополнились отчасти отпавшими членами разбитаго «zjednoczenia», но большинство перенесло только свою злобу въ среду европейскихъ революціонныхъ кружковъ. Такъ наполнились поляками общества: «Молодая Италия», «Молодая Германія» — отчасти жандармскія команды Бема, въ Испаніи и Алжирѣ; такъ, наконецъ, стали на ноги безобразные турецкіе казаки Чайковскаго (Садыкъ-Паши). Шляхетско-демократическій союзъ разбился, правда, — но, падая, натолкнулъ общество на новую полемику, именно — съ элементомъ всесвѣтнаго революціонизма.

Эта послѣдняя полемика не привела ни къ какимъ результатамъ и выродилась въ безконечныя препирательства. Еще накануне заготовляемаго возстанія 1846 года, делегаты разныхъ европейскихъ революціонныхъ союзовъ торжественно упрекали польское демократическое общество, что оно «своимъ сектаторскимъ обособленьемъ нарушаетъ солидарность народовъ»¹⁾.

Полемическій періодъ существованія общества привелъ его къ слѣдующимъ двумъ результатамъ: увеличилъ число членовъ до 2-3-хъ тысячъ и рѣзкими чертами обозначилъ принципы польской демократіи: Республика въ границахъ 1771 года; полная централизація въ періодъ революціонный, и столь же полная административная и экономическая децентрализація послѣ освобожденія; община, какъ самостоятельная единица въ народной жизни и хозяйствѣ; республика, — федеративный союзъ этихъ общинъ, — какъ конкретная единица, въ смыслѣ политическомъ; всѣ жители Польши полноправные и свободные граждане; земля и «орудія труда» — неотчуждаемой собственностью общины и т. д. Таковы были эти принципы.

Періодъ III. (Съ 1842 по 1845 г.). Упрочивъ свое вліяніе на эмиграцію и выяснивъ совершенно свою задачу, общество, какъ мы говорили, тогда только обратило свое вниманіе на самую страну. Что именно нашли въ Польшѣ той эпохи эксперты —

¹⁾ См. „Konferencye Sekcyi Towarzystwa Demokratycznego“. Августъ, 1844 г.

агенты общества, объ этомъ мы будемъ говорить въ своемъ мѣстѣ. Здѣсь же замѣтимъ, какъ отразились на обществѣ отчеты этихъ согладатаевъ.

По выраженію «Demokraty polskiego», общество рѣшилось «сомкнуть свою штурмовую колонну и готовиться къ бою». Третій періодъ сталъ, по преимуществу, періодомъ военной организаціи. Члены общества распредѣлили между собой должности; общество выработало революціонную конституцію, военный кодексъ, тактическій уставъ и, наконецъ, самый планъ кампаніи. Фигурно вся эта работа выражена Мѣрославскимъ въ его защитительной рѣчи передъ берлинскими судьями, въ слѣдующихъ словахъ:

«Мы рѣшили, что цѣлая польская демократія должна быть штурмовой колонной,—ничѣмъ больше. Мы поняли, что приступъ къ нашему Сіону мы можемъ совершить только въ боевомъ порядкѣ, въ молчаніи и въ солдатской субординаціи:—риторику мы предоставили барабану, а дорогую свободу напимъ дѣтямъ. Мы рѣшили, что всѣ гражданскія права должны оставить на порогъ революціи, какъ солдатъ снимаетъ ранецъ передъ приступомъ, — чтобы лѣзть на валъ только во всеоружіи долга. Побѣдителю не нужно безповоитъся о потерѣ ранца, побѣжденному—смерть на умѣ, а не запасныя вещи».

IV и V періоды (1845—48—50. г.). Это время самой борьбы и время паденія общества. Побѣжденные въ Познани, польскіе демократы кинулись спасать тухнущій пожаръ европейской революціи. Одни—съ Іосифомъ Высоцкимъ, составили польскій легіонъ въ венгерской арміи 1849 года; другіе — штабъ Мѣрославскаго, призваннаго главнокомандующимъ сначала въ Сицилію, а потомъ къ нѣмцамъ В. Г. Баденскаго. Послѣ окончательнаго паденія революціи, члены грознаго общества печально разошлись, каждый въ свою сторону, словно стыдясь глядѣть другъ другу въ глаза. Только двѣ группы сохранили еще на нѣкоторое время особый родъ солидарности. Именно: одна, которая вовсе не поняла глубины паденія:—это былъ десятокъ такихъ самодовольныхъ бездарностей, какъ Леонъ Зенковичъ. Выселившись изъ Франціи въ Лондонъ и унеши съ собой архивы общества, они дѣтски продолжали себя тѣшить призракомъ прежней силы: возстановили между собой, за рюмкой джина, «централизацію», пописывали циркуляры и прокламаціи, словомъ, сидя спокойно у камина и злобствуя на реакцію, были безцѣннымъ кладомъ для полицейскихъ сыщиковъ, лишенныхъ матеріала для своей дѣятельности послѣ разгрома 1849—50 г.; другая группа, не

болѣе численная, но солидарная,—напротивъ—слишкомъ глубокимъ сознаниемъ паденія—были люди, какъ Гельманъ, какъ Либельтъ, какъ Мѣрославскій. Ихъ соединялъ роковой вопросъ: «Что дальше?..» Большинство изъ нихъ такъ и не додумалось ни до какаго отвѣта; одинъ Мѣрославскій, человекъ по истинѣ изумляющей энергій, бросился на путь самыхъ крайнихъ экспериментовъ. Но это уже выходитъ за предѣлы нашего очерка.

II.

Познанскія событія 1848 года имѣли главнымъ двигателемъ описанное нами общество, но первымъ союзникомъ заграничной организаціи былъ мѣстный демократизмъ. Чтобы составить ясное понятіе о такомъ доморощенномъ продуктѣ польскаго общества, нужно взглянуть на составные элементы этого послѣдняго.

Польское общество сложилось подъ давленіемъ трехъ культурныхъ токовъ и прежде всего—своего собственнаго, такъ сказать, естественнаго, славяно-польскаго.

Неоспоримо, характеристическія черты этого славянскаго нрава — культъ семейственности, миролюбіе, пожалуй восность и безобидно веселый нравъ. Эти черты вполне уцѣлѣли только у польскаго крестьянина. Его не коснулись вовсе, или весьма мало, приливы иноземной цивилизаціи. Послѣдняя, по требованію своего идеала, перемолола и стерла только верхній слой польскаго общества: людей сильныхъ вліяніемъ или имуществомъ—города и мѣстечки, но презрительно обошла село, не коснувшись почти польскаго земледѣльца. Отрѣзанные, такимъ образомъ, отъ мнѣшлаго общества крестьяне, сквозь цѣлый рядъ вѣковъ, въ Польшѣ, какъ и въ Россіи, остались, почти безусловно, тѣмъ, чѣмъ были ихъ предки въ эпоху предъисторическую. Кромѣ врожденной славянину нелюбви къ перемѣнамъ, восности этого класса польскаго народа способствовалъ самый родъ ихъ занятій. Земледѣлецъ, какъ намъ доказываетъ исторія всѣхъ народовъ, былъ всегда и вездѣ худшимъ проводникомъ прогресса; тѣмъ болѣе это можно сказать о земледѣльцѣ польскомъ, въ примѣненіи къ которому исторія Рѣчи-Посполитой была систематическимъ, все дальше и глубже идущимъ порабощеніемъ села.

Древнее государство польское издавна находить своего *кмета* (крестьянина) свободнымъ членомъ свободной общины. Но вотъ, отъ его общинной земли отрѣзываютъ часть въ пользу востела и кляштора (монастыря); изъ его полевыхъ плодовъ берутъ часть

въ пользу казны и князя; изъ его семьи берутъ юношей для военной службы. Это еще тяжесть, но не насиліе. Однако, болѣе зажиточные изъ этихъ юношей выѣзжаютъ верхомъ, записываются во всадники,—существенно важную часть военныхъ силъ тѣхъ временъ. Въ ихъ пользу логически создается первая привилегія: остающіеся члены общины обязываются «обрабатывать поле отсутствующаго «рыцаря». Пѣхотинцы созывались почти исключительно для внутренней обороны республики; далекіе же походы дѣлались предпочтительно конницей. Всадники возвращаются домой съ туго набитой мошной, — съ добычей. Такъ выдѣляется частная поземельная собственность. Первые собственники-рыцари, люди сильные и богатые, *облагороженные войной*, дома уже не увидятъ своихъ рукъ «отъ меча и копья» грязной работой за плугомъ. Силой или по найму, но за нихъ будетъ работать община — къ тому же, политическая сила государства растетъ, а съ ней — вліяніе и могущество рыцарскаго (шляхетскаго) сословія. Правдой или неправдой рыцари-собственники увеличиваютъ свои поземельные участки: не они будутъ ихъ обрабатывать! — правдой или неправдой они заставляютъ кметовъ работать на себя. Такъ рождается барщина; такъ завербоцается вольный кметъ — силой одного факта, безъ вписанія этого насилія въ какой-бы то ни было кодексъ, безъ узаконенія его какимъ-нибудь декретомъ законодательной власти. Лучшіе изъ королей, особенно Казимиръ II Справедливый, пробуютъ вступить за крестьянъ; но шляхта уже не слушаетъ своихъ государей. Казимиръ IV Великій, презрительно названный шляхтой «королемъ хлоповъ», не видитъ для крестьянъ другого спасенія, какъ въ насильственномъ переворотѣ.

— Вы спрашиваете правосудія?—говоритъ онъ пришедшимъ къ нему съ жалобой крестьянамъ, — купите огниво, поищите по дорогѣ камень, сдѣлайте трутъ — и добьетесь правосудія!

Однако, тотъ же король, чтобы какъ-нибудь облегчить участь своихъ бѣдныхъ хлоповъ, рѣшается узаконить актъ насилія. По Внипоцкому статуту, кметъ обязанъ въ барщинѣ, но не болѣе двухъ дней въ недѣлю, а земля остается еще, по закону, собственностью общины. Только въ 1573 году Великій (*sic!*) Янъ Замоискій оканчиваетъ процессъ полнаго порабощенія крестьянъ. Вдохновленный имъ сеймъ записываетъ и крестьянъ, и ихъ землю въ собственность помѣщика... Польское государство только на двѣсти лѣтъ пережило этотъ экономическій финалъ. Понятно, что крестьянинъ остался съ тѣхъ поръ равнодушнымъ ко всему. Какъ въ началѣ исторіи, такъ и до послѣднихъ ея дней — ро-

дину, отечество, крестьянинъ понималъ въ образѣ своей гмины или околотка, не зная даже, что дѣлается за сто верстъ отъ него.

Однако, какъ бы ничтожно ни было вліяніе на польскихъ крестьянъ иноземной цивилизаціи, нельзя отрицать, что на нихъ не легла хоть отчасти и ея печать.

Цивилизацію извнѣ польское общество всасывало въ себя непосредственно, путемъ военныхъ столкновеній, торговыхъ сношеній и черезъ колонизацію ¹⁾ — отъ нѣмцевъ; посредственно — черезъ католицизмъ оно усвоило культуру латинской расы. На крестьянствѣ изъ двухъ приливовъ сильнѣе отразился нѣмецкій, повліявъ даже на его языкъ и нравы. Но, въ смыслѣ тенденціи, идеалы нѣмецкаго гения остались безусловно чужды духу польскаго кмета. «*Jak świat światem, nie będzie Niemiec Polakowi bratem*» — пословица, пользующаяся искони полнымъ правомъ гражданства въ польскихъ селахъ. Въ суевѣрной фантазіи крестьянина дьяволъ изображается на вурьихъ ножкахъ и въ нѣмецкомъ фракѣ.

Менѣе ненавистно народу было вліяніе католическаго латинства. Но тутъ мы обязаны сдѣлать оговорку.

Христіанство вошло въ Польшу двумя путями и двумя методами. Еще въ эпоху доисторическую, задолго до официальнаго крещенія, христіанство проникало въ Польшу мирно, незамѣтно, черезъ Богемію. Это было христіанство мораво-славянское, не столько организованная іерархическая церковь, сколько ученіе, утѣшительное и близкое народному чувству, о загробномъ правосудіи. Трудно сказать, какъ велико было число принявшихъ это мирное ученіе. Исторически несомнѣнно только, что легкость, съ какою официальные проповѣдники католицизма, при Мечиславѣ I-мъ, добились всеобщаго признанія новой церкви въ Польшѣ, объясняется именно тѣмъ, что ученіе это давно уже было извѣстно въ народѣ.

Но, если, благодаря этому обстоятельству, введеніе христіанской церкви обошлось въ Польшѣ безъ кровавыхъ сценъ латинскаго «крещенія огнемъ и мечомъ», то католицизмъ въ Польшѣ сразу выразился въ особой формѣ дуализма. Такъ, не оспаривая ни одного изъ догматовъ католицизма (какъ это было у арианъ или альбигойцевъ), безропотно подчиняясь іерархіи церкви и требованіямъ культа, словомъ, вполне, повидимому, принимая латин-

¹⁾ Начало колонизаціи относится къ царствованію Казимира IV. Первыми колонистами были голландцы, и это имя (*holendry*) дается въ Польшѣ вообще всѣмъ почти колонистамъ, какой бы они ни были націи.

скій католицизмъ, народъ понималъ его по-своему, такъ-сказать, безусловно передѣлывалъ его на свой ладъ. Изъ такого своеобразнаго отношенія къ универсальной церкви, не терпящей, какъ извѣстно, никакихъ послабленій, выродилась въпослѣдствіи національная польская церковь, нѣчто въ родѣ французскаго галликанизма. Естественно, что эта невинная ересь могла быть усмотрѣна римскою куріей лишь настолько, насколько бы ее сформулировали люди теологически компетентные. До такой формулы, и то только въ видѣ отрицанія, дошла польская церковь лишь во времена Гуссовой реформы въ Богеміи; именно: она отнеслась къ ученію чешскаго реформатора весьма спокойно, скорѣе дружелюбно. Гусситство стало широко распространяться по Польшѣ, нигдѣмъ не преслѣдуемое, часто поощряемое польскимъ духовенствомъ ¹⁾. Это заставило папъ, наконецъ, обратить вниманіе на своеволие ихъ «младшей дочери». Преданные Риму епископы потребовали на сеймѣ репрессивныхъ мѣръ противъ еретиковъ; другіе изъ нихъ воспротивились. Такъ закипѣла двухвѣковая борьба польской церкви, присоединившейся къ протестантамъ, съ римскимъ ультрамонтанизмомъ ²⁾. Извѣстно, что, благодаря введенному Стефаномъ Баторіемъ ордену іезуитовъ, борьба эта въ Польшѣ кончилась полнымъ торжествомъ «порядка» и официальнымъ уничтоженіемъ національной церкви.

Но торжество это могло воснудиться и воснулось лишь тѣхъ, которые такъ или иначе формулировали народную мысль въ вопросѣ вѣры. До массы польскаго крестьянства ни это торжество, ни это пораженіе не относилось. Ни въ польскомъ духовенствѣ, ни въ польскомъ образованномъ обществѣ, кромѣ развѣ весьма рѣдкихъ исключеній, не найти теперь и тѣни побѣжденной церкви; но населеніе сель, по прежнему, незамѣтно, безсознательно почти, все сохранило древнюю вѣру. Изъ всего католическаго ученія оно поняло культъ брава, загробной жизни, небснаго правосудія и покаянія за грѣхи, но за грѣхи, понятые по-своему. Культъ Іисуса сведенъ на второй планъ, но культъ Богородицы сталъ чисто-народнымъ, и именно культъ Матери (Пресвятая Дѣва считается «Королевой Польши»). Также церковная іерархія и внѣшнее богослуженіе перетолкованы своеобразно. Таинство причащенія вышло у нихъ какимъ-то средствомъ отъ физическихъ

¹⁾ Бантке увѣряетъ, что число протестантовъ въ Польшѣ время Сигизмунда II доходило до 2/10 населенія. Онъ, вѣроятно, говоритъ только о шляхтѣ.

²⁾ Рафалъ Лециньскій требовалъ даже изгнанія изъ сената римскихъ епископовъ, какъ «новинующихся иноземной власти (папѣ)».

недуговъ. Папа и все высшее духовенство понимается въ народѣ, какъ абстракція зла, какъ гени преслѣдованія, «терзающіе ихъ добрыхъ всендзовъ». Къ безбрачію этихъ послѣднихъ народъ относится саркастически: «Cóż mi za księdz bez księdzowej, cóż mi bo kgorielle bez wody święsonej», подшучиваютъ самыя богомольныя крестьянки ¹⁾).

Но въ нравственно-культурномъ отношеніи главной чертой народно-польскаго католицизма — безусловная вѣротерпимость. Христіанскія севтаторства ему даже непонятны. Въ селахъ смѣшаннаго населенія, католическій крестьянинъ идетъ въ свой костелъ или въ православную церковь, смотря по тому, которая ближе. Такъ объясняется успѣхъ *уни* между католиками. Кирка болѣе чужда, но не столько по отсутствію внѣшняго культа, сколько потому, что приходится «siedzieć na niemieciam kazanie» ²⁾, то-есть слушать проповѣдь, ничего не понимая. Даже къ нехристіанскимъ церквямъ польскій крестьянинъ не чувствуетъ вражды. Татарскія поселенія вполнѣ натурализованы въ странѣ, и самого ненавистнаго (za szachrojstwo — плутовство) еврея развѣ путники — *для смѣху* — окропляютъ святой водой или заставляютъ съѣсть колбасу; и то первый старикъ или старуха не преминутъ остановить проказниковъ словами: «Нехорошо! пусть Бога всякій *свалитъ* (поклоняется) по-своему».

Совершенно иначе отразился римскій католицизмъ и сама нѣмецкая культура на образованномъ слоѣ польскаго общества. Но и тутъ замѣчаются два различія. Мѣщанство (горожане) и мелкая шляхта (Szarakі, Szlachta zagopowa), изъ двухъ вліяній, больше подчинились латино-католической культурѣ, чѣмъ нѣмецкой. Къ тому-же, они далеко не совсѣмъ чужды славянской традиціи, уцѣлѣвшей вполнѣ между крестьянами. Они, по большей части, безусловно, нерѣдко фанатически, преданы католической доктринѣ; они раздѣляютъ всѣ предрасудки католическаго духовенства, включительно до религіозной нетерпимости. Фанатическіе поклонники свободы, но непонимающіе демаркаціонной линіи, отдѣляющей ее отъ своеволія, они считаютъ насиліе и право почти синонимами. Но германская культура, съ ея педантической іерархіей классовъ, кропотливой и мелочной системой экономіи и администраціи, съ ея абстрактными (объективными) взглядами на живую жизнь, имъ также ненавистны, какъ простому народу.

¹⁾ «Что мнѣ за поль безъ попадѣ» — намекъ на *экономовъ*, ведущихъ хозяйство польскихъ всендзовъ.

²⁾ Сидѣть на нѣмецкой проповѣди.

Тѣмъ не менѣе, рыцарское кулачное удалство, страстная приверженность къ личной собственности, право сильного, — все это вполне чуждое для польскаго крестьянина, и вполне привившееся къ этому классу, — внесено ими въ жизнь именно подъ нѣмецкимъ вліяніемъ, точно также, какъ рыцарское поклоненіе женщинѣ, совсѣмъ непонятное польско-славянскому кмету ¹⁾.

За то нѣмецкая цивилизація восторжествовала и почти безусловно сгладила славянскіе зачатки между крупнымъ шляхетствомъ. У магнатовъ она выразилась не только въ языкѣ и нравахъ, не только въ любви къ войнѣ и культѣ женщины, но и въ формѣ политической и экономической доктрины. Дѣйствительно, крупнымъ собственникамъ изъ рыцарской касты шляхтичей какъ нельзя болѣе по нраву пришлась германская геральдика. Правда, нѣмецко-норманскій феодализмъ на польской почвѣ переродился въ олигархію, строптивость и чувство личнаго достоинства бароновъ древней германской имперіи—въ оргію въ частной жизни, и въ анархію—въ жизни политической. Однако, этотъ «гоноръ», часто доходившій до безобразія, и страсть къ боевымъ похождениямъ, долгое еще время охраняли Польшу, даже подъ эгидой этихъ олигарховъ, отъ внѣшнихъ враговъ и отъ притязаній центральной власти. Къ несчастію, эти качества всегда обусловлены другими. Шляхетскій «гоноръ», съ роскошью и извѣженностью, выролдился въ самый грубый развратъ—мысли, чувства и поступковъ. Теперешніе потомки олигарховъ, «продавшихъ отечество на словъ сосѣдямъ» ²⁾, стали извѣженными сибаритами, грубыми обскурантами, какими-то арендаторами, настолько же чуждыми своему вѣку, насколько они чужды интересамъ своей родины. Заносчивые и гордые, по традиціи, они всегда готовы на самую черную сдѣлку, если того потребуютъ ихъ грубо-матеріальные интересы. Таковой именно сдѣлкой съ совѣстью нужно, говоря вообще, считать ихъ наружную принадлежность къ католической церкви. Въ сущности, философскіе и религіозные вопросы ихъ менѣе всего интересуютъ, но къ католицизму ихъ обязываетъ традиція, потребность въ помощи польскаго духовенства и, наконецъ, извѣстное положеніе въ европейскомъ обществѣ, какъ «представителей католическаго народа».

¹⁾ Это обособленіе шляхты отъ народа подало даже нѣкоторымъ историкамъ основаніе сомнѣваться въ ея польскомъ происхожденіи. Шайноха рѣшительно выводитъ шляхту отъ норманновъ.

²⁾ Между 1-мъ и 3-мъ раздѣломъ, Австрія выдала магнатамъ 46, а Пруссія 5 графскихъ дипломовъ.

Такимъ образомъ, три струи цивилизаціи, только отчасти смѣшиваясь въ одинъ общій характеръ, отличающій *польскую идею*, въ сущности, достигли только того, что разбили еще глубже польскую народность на три класса. Раздѣленіе это гораздо серьезнѣе, чѣмъ это можетъ показаться поверхностному наблюдателю. Магнаты, шляхтичъ и хлопь, не только три класса одного общества, но три самостоятельныя Польши. Польша нѣмецкаго феодализма, Польша латинскаго (католическаго) романтизма, Польша земско-общиннаго славянства.

До паденія польскаго государства, три эти Польши жили каждая вполнѣ самостоятельно. Въ Рѣчи-Посполитой понятны были интересы магнатовъ, интересы шляхетства, интересы *хлопства*; но слова «интересы польскіе», какъ странный неологизмъ, послышались между поляками только въ минуту уже очевиднаго упадка республики.

Сама исторія польскаго народа была, поочередно, исторіей этихъ трехъ несмѣшивавшихся элементовъ. Съ эпохи доисторической и почти до Болеслава III-го, Польша выражалась въ формѣ славяно-общинной; это была патриархальная демократія. Затѣмъ, до Людовика Венгерскаго, въ формѣ рыцарски-католическаго шляхетства, а крестьяне отошли на второй планъ, какъ классъ низшій, не рыцарскій (*Stan nietycersai, nie szlachecki*); это еще была полиархія. Наконецъ, до избранія саксонскаго дома, крестьяне сдѣлались рабами, шляхта номинальнымъ гражданствомъ, а вся власть очутилась въ рукахъ нѣмецко-феодалной касты магнатовъ: олигархія. Съ развращеніемъ же и нравственнымъ паденіемъ этой послѣдней касты, Польша перешла въ анархію; власть, сила, право — къ каждому, кто хотѣлъ и могъ. Захотѣли и могли содѣи.

Но, странное явленіе! именно съ этой минуты рождается польская мысль, являются польскіе патриоты. Кто они, и во имя идеи которой изъ трехъ Польшъ станутъ они изображать національную мысль и народные интересы?.. По идеѣ, они меньше всего олигархи, по происхожденію, они меньше всего крестьяне; предпочтительно, они шляхтичи-католики. Предпочтительно, но безусловно. Первичная форма польскаго патриотизма выражается въ стремленіи—*примирить классы* (*Pobesczenie Stanów*), и предвозвѣстникомъ этого движенія является шляхтичъ-католикъ, ксендзь (іезуитъ даже) Петръ Скарга, извѣстный проповѣдникъ при Сигизмундѣ III. Вторичной формой того же патриотизма—*просвѣщеніе массы*, какъ средство къ восстановленію задавленныхъ классовъ, и во главѣ движенія—опять шляхтичъ, ксендзь, монахъ ордена

пiarовъ, Станиславъ Конарскій. Наконецъ, третья форма патриотизма, уже въ самую эпоху паденія государства, *уравненіе классовъ* (Zrównanie Stanów), и тутъ вождь—ксендзь-шляхтичъ, Гуго Коллонтай. Такимъ образомъ, патриотическая польская часть общества неизмѣнно, почти исключительно, ревертируется въ классъ шляхетско-католическомъ, въ этомъ, до нѣкоторой степени, среднемъ сословіи Польши, а идея его постоянно больше и больше приближается къ идеаламъ славянскаго крестьянства. Наконецъ, съ упадкомъ государства и подъ очевиднымъ вліяніемъ нивелировки французской революціи и Соединенныхъ Штатовъ Сѣверной Америки ¹⁾ польскій патриотизмъ принялъ демократическій характеръ, хотя съ несмываемымъ знаменемъ своего шляхетскаго происхожденія.

Польскій патриотизмъ нашего вѣва, демократическій по принципу, но шляхетско-католическій по характеру, представляетъ фактъ постояннаго балансированія между двумя низшими классами. Онъ видоизмѣняется въ безконечные отгѣнки, начиная отъ инквизиціоннаго нивелизаторства и кастоваго равенства (Równosc szlachecka), до крайняго коммунизма, до расправы гайдамаковъ, до самой бѣшеной демагогіи. Если же въ этомъ омутѣ всевозможныхъ и невозможныхъ помышленій, самыхъ крайнихъ взглядовъ можно добратся до какого-нибудь общаго принципа, характеризующаго этотъ пестрый элементъ, то имъ, безспорно, присуще всѣмъ общее стремленіе къ независимости и общая ненависть къ магнатамъ, какъ къ предполагаемымъ виновникамъ потери этой независимости.

Патриотизмъ этотъ, впрочемъ, выразился, не какъ примиряющая среда разрозненныхъ классовъ, а скорѣе, какъ самостоятельный, «четвертый» классъ общества. Настоящій шляхтичъ, шляхтичъ касты, къ нему равнодушенъ; крестьянинъ о немъ не вѣдаетъ, или сознательно игнорируетъ; магнатъ презрительно насмѣхается. Между тѣмъ, Польша, какъ Польша, въ наше время именно жила жизнью этого четвертаго сословія. Это классъ самый дѣятельный, неутомимый, конспирація и политическая интрига его хлѣбъ насущный. Всѣ польскія возстанія имъ ведены и имъ начаты. Только во время самаго уже возстанія, косные классы

¹⁾ Главными проводниками этой нивелировки были: съ одной стороны, молодые люди, вернувшіеся изъ Франціи, именно изъ Лотарингіи, гдѣ они получили образованіе подъ покровительствомъ Станислава Лещинскаго и его дочери, жены Людовика XV; съ другой стороны, сподвижники Костюшки и Казимира Пулавскаго, принимавшіе дѣятельное участіе въ войнѣ за независимость Соединенныхъ Штатовъ С. Америки.

польскаго общества расшевеливаются дѣйствіями патриотовъ; равнодушіе тогда уступаетъ мѣсто безпощадной дѣятельности, но сама эта дѣятельность, — отношеніе трехъ классовъ къ дѣйствующему уже патриотизму, при каждомъ возстаніи различна, смотря по характеру и господствующей идеѣ каждаго изъ этихъ движеній.

Мы говорили, что демократическое общество, прежде высылки на родину своихъ эмиссаровъ-пропагандистовъ, послало въ Польшу своихъ агентовъ-наблюдателей. Это относится къ 1842-му году. Агенты эти, за первымъ привосновеніемъ къ патриотическому *сословію*, благодаря крайней болтливости и довѣрью поляковъ шляхетскаго закала, не замедлили открыть десятка два конспирирующихъ кружковъ, которыми, какъ бисеромъ, была усѣяна тогдашняя Польша, несмотря на крайнюю суровость правительства, — прусскаго и, особенно, австрійскаго и русскаго. Агентамъ важнѣе всего было развѣдать, какъ относится эта суетливая часть польскаго народа къ доктринѣ ихъ общества, по скольку доктрина эта могла проникнуть въ строго охраняемую страну. Оказалось, что шляхетско-демократическій патриотизмъ принялъ ее, но понявъ по-своему. Реорганизаторская доктрина демократовъ заграничнаго общества понята была мѣстнымъ демократизмомъ исключительно въ смыслѣ ненависти и мщенія. Политическое равенство гражданъ и надѣлъ крестьянъ землею, понаты были «какъ отместка олигархіи»; республиканская форма для возрожденной Польши и мысль о всеславянскомъ освобожденіи, — «какъ отместка тремъ правительствамъ, раздѣлившимъ Польшу»; — самая даже милитарная форма предстоящей борьбы, — «какъ ловко придуманная система, чтобы вооруженный могъ кроваво разсчитаться съ панствомъ за свои вѣковыя обиды».

Такое пониманіе доктрины демократическаго общества огорчило и встревожило членовъ централизаціи. «Развѣ одна *Бесыда* (Biesiada) Андрея Товьянскаго (родъ богословско-патриотическаго посланія извѣстнаго мистика, еще и теперь живущаго въ Цюрихѣ), развѣ она одна могла больше оскорбить нашу революціонную школу, чѣмъ этотъ скучный и растянутый катехизисъ конфедерацкой демагогіи», — говоритъ Мѣрославскій по поводу вышедшей тогда въ Польшѣ книжонки подъ заглавіемъ «Prawdy zuwotne», Prawdoskiego; — это была тайно-распространяемая въ Польшѣ брошюра, отпечатанная мѣстной демократіей, съ цѣлью пропаганды идей демократическаго общества, понатыхъ какъ было сказано. Заграничные организаторы весьма справедливо сочли это «первой своей неудачей». Дѣйствительно, въ Польшѣ судили о демократическомъ обществѣ по этой пошлой брошюрѣ шля-

хетско-демагогическаго пера, тѣмъ болѣе гибельной для общества, чѣмъ искреннѣе были убѣжденія ея автора. Брошюрка, къ тому же, была посвящена членамъ централизаціи «съ чувствомъ сыновней признательности»... Тайный плодъ этой скудной фантазіи пронизалъ во всѣ слои общества съ удивительной быстротою. Крестьяне зашумѣли... Шляхта пришла въ ужасъ.

Въ это же время шляхетскій демократизмъ въ эмиграціи, какъ нельзя болѣе гармонируя съ мѣстнымъ демократизмомъ, проникшись вдругъ тоже уваженіемъ къ демократическому обществу, и полагая дѣйствовать въ его видахъ, пустилъ въ свѣтъ другую брошюрку въ томъ же духѣ: «Partyzantka, jago wojna dla pogodow prawstajescych najlwsasciwsza.» Авторомъ этой послѣдней былъ нѣкто Стольцманъ. Это была капля, переполнившая чашу. О *замыслахъ* демократическаго общества заговорила вся тогдашняя Польша—одни съ ужасомъ, другіе съ восхищеніемъ; но подъ этими *замыслами* исключительно понимались демагогическія идеи Правдовскаго (псевдонимъ) и стратегическіе планы Стольцмана; т.-е. меньше всего идеи и планы демократическаго общества.

Такия обстоятельства вынудили «централизацію» дѣйствовать съ крайней поспѣшностью, чтобы исправить ошибку, пока есть время. Съ этой цѣлью были посланы, какъ мы говорили, эмиссары, и во главѣ ихъ вліятельнѣйшіе члены общества, какъ Викторъ Гельтманъ и Теофілъ Висневскій.

Эмиссары поспѣли въ самое время. Расшевеленное надеждами крестьянство уже на половину было въ рукахъ агентовъ-подстрекателей. Габсбургская монархія, дѣлами которой въ то время завѣдывалъ знаменитый кн. Меттернихъ, въ виду повсемѣстно распространенныхъ въ имперіи заговоровъ, — въ Ломбардіи и въ Богеміи, въ Галиціи и въ Венгріи, подъ угрозой полнаго разложенія, ухватилась за демагогическую пропаганду мѣстныхъ польскихъ конспираторовъ, какъ за свой послѣдній якорь спасенія. Разнузданная злоба крестьянъ въ Галиціи не только не сдерживалась правительственными агентами, а скорѣе поджигалась ¹⁾, и минута кровавой расправы ускорила. Съ другой стороны, приведенная въ ужасъ шляхта, приписывая все

¹⁾ Извѣстно, что эта политика князя Меттерниха привела австрійскую Польшу къ такъ-называемой „Галиційской рѣзнь“. Крестьяне, подъ предводительствомъ *Шеля*, ходили отъ двора къ двору, безопасно умерщляли помещиковъ. Движеніе это сообщилось-было уже и русской Польшѣ, но остановлено вовремя энергическими мѣрами русскихъ властей.

тому же демократическому обществу, рѣшилась на самыя крайнія сдѣлки съ вѣнскимъ и берлинскимъ правительствами, лишь бы спасти свои головы и привилегіи. Съ этой цѣлью, при посредничествѣ извѣстнаго польскаго поэта Винцента Поля, между галиційской и познанской шляхтой было заключено «оборонительный союзъ» т.-е. простое, взаимное обязательство—выдавать полиціи всѣхъ эмиссаровъ демократіи.

Положеніе эмиссаровъ, очевидно, было не изъ легкихъ. Однако, Гельманъ и Висневскій, дѣйствуя съ большою ловкостью, успѣли хоть отчасти. Ошибочное толкованіе доктрины было исправлено; вожаки крестьянства были успокоены обѣщаніемъ «возвращенія земли безъ кровопролитія», а шляхта тѣмъ, что уступкой крестьянамъ земли, по выкупу отъ всего народа, она можетъ избавиться отъ перспективы печальной соціальной войны.

Конечно, соглашеніе это было непрочно; всѣ договаривавшіеся дѣйствовали съ задней мыслью. Во всякомъ случаѣ, эмиграціонному посольству удалось уговорить и шляхту, и крестьянъ, выслать своихъ делегатовъ на общій съѣздъ «представителей всѣхъ классовъ и всѣхъ частей бывшей Рѣчи-Посполитой.» Съѣздъ этотъ имѣлъ мѣсто въ Краковѣ, тогда еще пользовавшемся независимостью вольнаго города. Въ числѣ делегатовъ «частей» должны были находиться и представители эмиграціи; ими были главы эмиссаровъ и вызванные туда въ качествѣ военныхъ организаторовъ,—Мѣрославскій и Высоцкій ¹⁾.

Задачей краковскаго съѣзда было условиться на счетъ, рѣшенной въ принципѣ, войны за независимость. Но съ самаго уже начала преній явно обнаружилось два направленія: *крестьянское*, отвергавшее мысль народной войны внѣ своихъ областей: «Пусть всякій воюетъ у себя дома и каждый со *своимъ* врагомъ», говорили делегаты крестьянъ, хотя и не противились составленію національной арміи изъ охотниковъ; другое — *шляхетское*, допускавшее войну, въ сущности, только противъ одной Россіи, но явно нерасположенное серьезно враждовать ни съ прусскимъ, ни съ австрійскимъ правительствами.—Къ этому надо прибавить вліяніе духовенства, согласнаго на восстаніе «противъ еретиковъ и схизматиковъ», но горячо защищавшаго католическую Австрію.

Въ видахъ такихъ, неподлежащихъ сомнѣнію стремленій классовъ, делегаты эмиграціи предложили политическій планъ

¹⁾ Польскія провинціи подъ скипетромъ русской имперіи своихъ делегатовъ выслать не могли, но мѣсто ихъ заняли, по полномочію, — члены эмиграціи изъ этихъ провинцій.

движенія, принятый съѣздомъ. Планъ заключался въ слѣдующемъ.—Революціонное движеніе начнется одновременно въ Познани и Галиціи, но только какъ средство для организаціи военныхъ силъ противъ Россіи (о чемъ, въ свое время, можно конфиденціально сообщить Берлину и Вѣнѣ). По окончаніи времени, крайне необходимаго для сколько-нибудь серьезной военной организаціи, польскіе инсургенты (мнимые) Пруссіи и Австріи вторгнутся, одновременно съ трехъ сторонъ, въ русскую Польшу. Во время же этихъ организаціонныхъ возстаній въ Познани и Галиціи, шляхта обязывалась миролюбиво разрѣшить земско-крестьянскій вопросъ, *до выступленія народныхъ силъ въ русскую Польшу*, и подъ угрозой, что, въ случаѣ обмана, революціонныя силы народа будутъ обращены противъ нея.

Въ видахъ стратегическихъ, этотъ политическій планъ былъ дополненъ по мысли Мѣрославскаго слѣдующей комбинаціей. Чтобы исключительное движеніе поляковъ, направленное только противъ Австріи и Пруссіи, не возбудило подозрѣній русскаго правительства, и въ то же время, чтобы помѣшать русскимъ—сконцентрированіемъ своихъ войскъ на прусской и австрійскихъ границахъ, сдѣлать опасную для революціонной организаціи диверсію, Мѣрославскій придумалъ, такъ сказать,—*фигтивное* возстаніе въ русской Польшѣ одновременно съ Галиціей и Познанью. Возстаніе это, предполагавшееся предпочтительно въ Литвѣ и Бѣлороссіи,—назначалось не для серьезной войны съ русскими, а для отвода ихъ силъ отъ границы. Эти партизаны должны были только беспокоить тылъ русской арміи въ царствѣ польскомъ и разбѣгаться при первомъ выстрѣлѣ, дѣлая только больше шуму, «пуская пыль въ глаза». Для настоящей же «войны» назначались мнимые инсургенты Познани и Галиціи. Вождями серьезной организаціи назначались: Высоцкій (въ Галиціи) и Мѣрославскій (въ Познани), организаторомъ же *фигтивного* возстанія въ русской Польшѣ,—Брониславъ Домбровскій.

Планъ былъ утвержденъ собраніемъ, и рѣшено было немедленно приступить къ его осуществленію. Но извѣстно, что эта попытка 1846 года кончилась неудачей. Заговоръ, дебатированный почти при открытыхъ дверяхъ, естественно, не могъ остаться тайной. Если Австрія, въ видахъ подобныхъ же революціонныхъ приготовленій въ другихъ своихъ областяхъ, могла счесть выгоднымъ для себя *дѣлать видъ*, будто она не видитъ махинацій поляковъ своего «вѣрнаго королевства Галиціи съ Лодомеріей», то ничто не обязывало Пруссію въ такого рода двуличности, по крайней мѣрѣ, въ то время. Дѣйствительно, прусская полиція,

обо всемъ предупрежденная, и дѣйствуя навѣрняка, дала только время организациі созрѣть вполнѣ, а затѣмъ, гуртомъ накрыла всѣхъ заговорщиковъ.—12-го февраля 1846 г. былъ арестованъ Людвигъ Мѣрославскій—подъ именемъ пивоварскаго сына Шатковскаго; при немъ найдены прокламаціи, планы, инструкціи и пр.

Но этотъ финаль «патріотическаго» соглашенія—былъ только вступленіемъ въ революціонной драмѣ 1848 года.

Первымъ слѣдствіемъ такого образа дѣйствій прусскаго, а потомъ и австрійскаго правительства (на которыхъ, Богъ вѣдаетъ по какимъ соображеніямъ, шляхетскій патріотизмъ всегда разсчитываетъ, какъ «на естественныхъ союзниковъ Польши противъ Россіи») было полное разочарованіе и упадокъ кредита двухъ правительствъ въ лагерѣ польской шляхты.

Краковское соглашеніе шляхетскихъ и крестьянскихъ делегатовъ, съ обѣихъ сторонъ, было одинаково и весьма неискренно. Среди организационныхъ приготовленій въ возстанію 1846 года, крестьяне, принимавшіе въ нихъ участіе, мало таили свою мысль, что, молъ: «Лиха бѣда начать, а тамъ посчитаемся и съ нѣмцами, и съ панами». Быть можетъ, что пылкіе агенты Демократическаго Общества недовольствовались выслушиваніемъ съ улыбкой такихъ сознаний, а ободряли крестьянъ, хотя отчасти. Во всякомъ случаѣ, шляхта, не безъ трепета подписавшая краковское соглашеніе, теперь стала въ ужасѣ думать, какъ бы скорѣе и вѣрнѣе выпутаться изъ этой кабалы. Если мы не имѣемъ никакихъ данныхъ, чтобы повѣрить обвиненію демократовъ,—будто бы успѣхъ прусской полиціи имѣлъ источникомъ самую шляхту,—то, съ другой стороны, не отрицая болтливости, прирожденной шляхтичу, мы имѣемъ нѣкоторые основанія полагать, что при иныхъ условіяхъ шляхта была бы сдержаннѣе. Какъ бы то ни было, а несомнѣнно, дѣятельность познанской шляхты въ этихъ приготовленіяхъ носила печать нежеланія и вялости. Февральскіе аресты 1846 г., одинаково и одновременно поражая всѣхъ,—и демократовъ, и шляхту, и крестьянъ, лишая ихъ всѣхъ одинаково свободы и гуртомъ наполняя тюрьмы Зонненбурга и Берлина,—рѣзко и вкрито перемѣнили ихъ взаимныя отношенія.

Всѣ польскіе и нѣмецкіе писатели той эпохи одинаково согласны между собою, что именно съ этого времени началось *серьезное* соединеніе, гораздо болѣе искреннее, нежели краковскій оффиціальныи договоръ. Только шляхетскіе писатели, говоря объ

этомъ, обыкновенно выражаются: «Крестьяне поняли (?), что противъ нихъ не шляхта, не господа (*ich panowie*), а общій нашъ врагъ, — иноземныя правительства». Въ сущности, оно было не совсѣмъ такъ.

Заключенные съ панамы и съ хлопами демократы, получая строго опредѣленныя инструкціи своей централизаціи, — были единственными, если не виновниками, то проводниками этого соглашения. Но самое соглашеніе велось на почвѣ далеко не крестьянскаго раскаянія. Сворѣе, напротивъ; демократическая пропаганда, пользуясь фактомъ въ пользу своихъ теорій, исключительно почти «демократизировала» шляхту, убѣждая, не столько крестьянъ, сколько пановъ и особенно паничей, какъ «ложны ихъ надежды на иноземную помощь». Демократы убѣждали шляхту, что ея собственное спасеніе только въ союзѣ съ народомъ; крестьянъ же они не столько приглашали къ соглашенію, сколько къ терпѣливому выжиданію конца борьбы. «Освободите страну, — говорили они имъ, — и тогда, какъ побѣдители и единственная сила, вы устроите отечество на его древнихъ общинныхъ основаніяхъ. Преждевременная же борьба съ панствомъ насъ ни къ чему не приведетъ, такъ какъ иноземныя силы всегда поддержать *насъ* противъ *васъ*».

Тюремныя рѣшетки казались и крестьянамъ, какъ и шляхтѣ, краснорѣчивымъ аргументомъ въ пользу ученія. Словомъ, острожная пропаганда демократовъ была менѣе пропагандой соглашения, чѣмъ средствомъ — привлечь къ теоріямъ Демократическаго Общества всѣхъ заключенныхъ крестьянъ и той части шляхты, которая могла еще увлечься теоріями патриотизма, наперекоръ сословнымъ предубѣжденіямъ. Особенно почастливилось этой пропагандѣ въ берлинской тюрьмѣ, называемой «*Моабитъ*». Вышедшіе оттуда узники словно переродились; вопли они туда панамы и хлопами, а вышли *моабитами*. Подъ этимъ условнымъ именемъ, во все время возстанія 1848 года, былъ извѣстенъ бессловный вряжъ патриотовъ, восторженно исповѣдывавшихъ идеи Демократическаго Общества.

Конечно, не всѣ шляхтичи «поязались», не всѣ крестьяне искренно примирились съ теоріей «терпѣливаго выжиданія»; тѣмъ не менѣе, безспорнымъ результатомъ поголовнаго прусскаго заключенія было торжество Демократическаго Общества въ средѣ познанскихъ патриотовъ, какъ между шляхтой и мѣщанствомъ, такъ и между крестьянствомъ.

САДКО У МОРСКОГО ЦАРЯ

I.

Вдѣтъ Садко-купецъ на своихъ корабляхъ
По широкому синему морю;
Расходилась вдругъ буря на синихъ волнахъ
Ко великому Садкину горю.

Ходить буря, реветъ, корабли на-богъ гнетъ,
Паруса рветъ на мелкія части,
За волною волна въ синемъ морѣ встаетъ,
И трещать корабельныя снасти.

Струсилъ Садко-купецъ предъ бѣдою такой,
И поникъ головою въ пучинѣ:
Не придется, знать, Новгородъ видѣть родной,
А придется погибнуть въ пучинѣ.

Говорить онъ дружинѣ своей удалой:
«Много лѣтъ мы по морю ходили,
А морскому царю дани мы нивагой
За проходъ кораблей не платили.

«Знать за это, на насъ разсердася, царь морской
Причинить хочеть злое намъ горе.
Вы берите боченокъ съ казной золотой
И бросайте его въ сине море.»

И дружина боченокъ съ казной золотой
Въ волны синяго моря кидаетъ...
Волны, гвнясь, кипять надъ морской глубиной,
Корабли точно щепки швыряетъ...

Видить Садко, что море все больше бурлитъ,
Все сильнѣй и сильнѣе влоочеть,
И дружинѣ своей удалой говорить:
«Видно, царь головы данью хочеть!

«Такъ давайте же, братцы, видать жеребья —
Кому жертвою быть синю морю;
Если вашъ, то быть вамъ, если мой—буду я,
И видайте меня — не поспорю.»

Всѣ берутъ жеребья, Садкѣ въ шапку кладутъ;
Садко въ море съ своимъ ихъ кидаетъ.
Жеребья всей дружины не тонуть,—плывутъ,
Только Садкинъ во дну упадетъ.

«Выпалъ жеребій мой морю жертвою быть,
Заплатить дань своей головою;
Безъ меня въ Новугороду, братцы, вамъ плыть,
Увидаться съ сторонкой родною.

«Посадите меня на дубовой доскѣ,
Дайте гусли мои золотыя,
На дубовой доскѣ и съ гуслими въ рукѣ
Опустите на волны морскія.»

На дубовой доскѣ посадили его
 И на синее море спустили;
 Не взявъ Садко съ собою добра ничего,
 Съ нимъ одни его гусельки были.

И затихла вдругъ буря на синихъ волнахъ,
 Улеглася морская пучина,
 И безъ Сади-купца на его корабляхъ
 Понеслася по морю дружина.

~~~~~

II.

На морской глубинѣ, въ свѣтломъ царскомъ дворцѣ,
 Ходятъ рыбы-киты и дельфины,
 И сѣдые усы у царя на лицѣ
 Очищаютъ отъ грязи и тины.

Съ неба солнца лучи свѣтать въ царскій дворець,
 Зажигаютъ огни-изумруды,
 Вотъ въ палаты царя входитъ Садко-купецъ,
 За плечомъ у него звонкогуды.

«А! здорово дружище! давно тебя ждемъ,»
 Молвилъ Садкѣ морской царь, зѣвая,
 Ротъ широко раскрывъ, и зубчатымъ жезломъ
 Прочь придворныхъ своихъ отгоняя.

«Много лѣтъ ты возилъ на своихъ корабляхъ
 Нашимъ моремъ безъ дани богатство,
 Такъ за это потѣшь ты игрой на гусляхъ
 Нашу царскую милость въ пріятство.»

Садко кудри съ лица прочь рукою отвель,
 Взявъ онъ гусли свои звонкогуды,
 И придворныхъ царя смѣлымъ взглядомъ обвелъ,
 И подумалъ себѣ: «да, не худы!»

«Ладно!» молвилъ царю. «Я потѣшить непрочь
 Вашу царскую милость игрою.»
 И хватилъ по струнамъ во всю русскую мочь —
 Моря гладъ заходила волною.

Царь ладонями уши закрылъ и кричить:
 «Что за чортъ за игра за такая!
 Она царскій нашъ слухъ намъ совсѣмъ оглушить;
 Эта штука для насъ, брать, плохая!»

Садко руку отвель — замираетъ струна,
 Звуки тихіе чуть издавая,
 Надъ морской глубиной улеглася волна,
 Передъ солнцемъ горя и свергая...

Точно муха, кружась, зацѣпляетъ струну,
 Точно мошки, жужжа, гдѣ-то вьются,
 Точно капли дожда тихо бьютъ о-волну —
 Звуки стройнѣе, чудные льются.

Точно кто-то, рыдая, глубоко скорбитъ
 О потерянномъ счастьѣ когда-то,—
 Точно тихая рѣчь чья-то грустно звучитъ
 О погибшей любви безъ возврата.

И подъ звуки игры у морского царя
 Голова наклонилась сѣдая,
 Хороша какъ по-утру на небѣ заря,
 Загрустилась царица морская.

Ей припомнился Новгородъ вольный родной,
 Ея дѣвичья выпека-свѣтлица,
 Что стояла надъ Волховомъ быстрой рѣкой,
 И рыдаетъ морская царица.

Загубилъ ея вѣкъ — золотые деньки
 Сынь боярскій, свѣнчавинись съ другою;
 Она бросилась въ Волховъ-рѣку отъ тоски,
 Да и стала царицей морскою.

И придворные всѣ, ротъ разинувъ, ревуть,
 Точно горе какое стряслося,
 И изъ рыбныхъ ихъ глазъ слезы льются, текутъ,
 Власть въ первой имъ поплакать пришлось.

Садко дернулъ плечомъ и кудрями тряхнулъ,
 И забѣгали пальцы быстрѣе,
 И отъ струнъ побѣжалъ одуряющій гулъ,
 Звуки льются живѣй и живѣе.

Точно дождикъ шумить, точно свачеть волна,
 Ударяясь о берегъ скалистый,
 Зазвенѣла морская кругомъ глубина, —
 Понеслись гоготанье и свисты.

Ошалѣлъ царь морской, головою трасеть,
 Плечи сами собой тагъ и ходять,
 И руками вертять, и ногами толчетъ,
 И, моргая, глазами поводитъ.

Свачеть царь водяной, ходить ферткомъ кругомъ
 И покой своей шубы онъ машеть, —
 По хрустальнымъ палатамъ вертится въяномъ,
 Присѣдаетъ и съ присвистомъ пляшетъ.

Садко день проигралъ, проигралъ и другой,
 Звукъ прыгають, скачуть, дробятся,
 Все сильнѣй и сильнѣй пляшетъ царь водяной,
 Тамъ что началъ дворець весь шататься.

Надъ морской глубиной волны, пѣнясь, кинять
 И, свистя, другъ на друга несутся,
 И трещать корабли, мачты въ воду летать,
 Крики, стоны кругомъ раздаются.

Корабельщики всѣ предъ бѣдою такой
 Затужились о ждущей ихъ долѣ,
 Что придется погибнуть имъ въ глуби морской,—
 И взмолились святому Николѣ.

~~~~~

III.

Два дня Садко игралъ и играть ещё,
 На щекахъ разгорѣлся румянецъ...
 Кто-то Садку рукой тихо дергъ за плечо...
 Глядь—стоитъ передъ нимъ сѣдой старецъ.

-Перестань на звончатыхъ ты гусляхъ играть,>
 Говорить ему старецъ сурово:
 -Не чести православной душѣ потѣшать
 Не пригоже—царя водяного.>

— Не моя, старче, власть, на морской глубинѣ
 Я въ водѣ здѣсь слуга подневольный,
 И играя грущу о родной сторонѣ,
 Человѣкъ Новагорода вольный.

Не охотой попалъ на морское я дно,
 Съ водянымъ мнѣ не радость возиться,
 Я и самъ пересталъ бы играть ужъ давно,
 Да вѣдь какъ отъ игры мнѣ отбиться?

— «А ты вырви колки изъ гуслей золотыхъ,
 Зашвырни ты ихъ въ море далече,
 Возьми струны порви, и скажи, нѣтъ другихъ,
 На чемъ стану играть, человѣче?»

«Будетъ царь водяной тебя въ морѣ женить,
 Будетъ дочекъ давать тебѣ въ жены,
 Не бери, а то въ морѣ останешься жить,
 Не увидишь свѣтъ вольный, крещенный.

«Не прельщайся ты, Садко, морской красотой,
 Хороши царя дочки на-славу,
 У царя водяного возьми ты женой
 Некрасивую дѣвку, Чернаву.

«И когда, послѣ свадьбы, отправишься спать
 Со своей молодою женою,
 Ты не смѣй еѣ, Садко, ласкать, обнимать,
 Не цѣлуй—захлебнешься волною.

«А когда спать ты ляжешь въ палатахъ царя,
 Отъ жены молодой отвернешься,
 И какъ только по-утру займется заря,
 Въ Новѣгородѣ вольномъ проснешься.»

Старецъ сталъ невидимъ,—Садко струны рвануль,
 На гусяхъ точно струнъ не бывало,
 И замокъ подъ водою рокошующей гуль,
 И въ палатахъ царя тихо стало.

Пересталъ царь морской и скакать и плясать,
 Говорить такъ онъ Садеѣ съ грозой:
 — Что-жъ ты, Садео, умолежъ, или насъ погѣшать
 Не желаешь ты больше игроу?

— «Я бы тѣшить не прочь, — да вѣдь какъ же мнѣ быть,
 На губахъ наиграешь немного, —
 Царь, порвались всѣ струны — другихъ захватить
 Не пришло мнѣ въ умншко убогой.»

— Дѣлать нечего, вижу, вина не твоя,
 А хотѣлось еще поплясать бы, —
 Ужъ утѣшилъ бы всѣхъ своей плясвою я,
 А особенно въ день твоей свадьбы.

За игру твою, Садео, хочу наградить
 За большую услугу такую;
 Я хочу тебя, Садео, на дочкѣ женить,
 Изъ царевнѣ облюбивъ какую!

— «Нѣтъ ужъ, батюшка-царь, не изволь награждать,
 Награжденье твое — мнѣ кручина,
 Мнѣ царевна морская женой неподстать —
 Я простой новгородской людина.

«Для простого людина мнѣ честь велика,
 Взять женою царевну морскую,
 Подошью, иногда, раззудится рука —
 Ни зачто твою дочку одую.

«За царвною нуженъ великій уходъ,
 Одѣвать, обувать, нужны слуги,
 А для этого скуденъ мой будетъ доходъ,
 Не возьму твоей дочки въ супруги.

«Царь, мнѣ надо жену вотъ такую бы взять,
 Чтобы съ ногъ сапоги мнѣ снимала,
 Какъ побью, иногда, чтобы стала молчать,
 Говорить предо мной не дерзала.

«Чтобы дѣлала то, что ей дѣлать велю,
 Моему-бъ не перечила праву,
 Дай ты въ жены мнѣ, лучше, прислугу твою,
 Некрасивую дѣвку Чернаву.»

И женилъ его царь на Чернавѣ рябой,
 На нечесаной дѣвкѣ косматой,
 Сорокъ бочекъ казны за Чернавой женой
 Далъ въ приданое царь тароватый.

Послѣ свадьбы легъ Садко въ палатахъ царя,
 Отъ жены молодой отвернулся,
 И какъ только по-утру зажглася заря,
 Въ Новѣгородѣ вольномъ проснулся,

И надъ Волховомъ, быстрой рѣкою, стойтъ,
 Недалеко отъ дома родного,
 И предъ нимъ сорокъ бочекъ съ казною лежитъ,
 Награжденъ царя водяного.

Вотъ и Садки суда принеслись по волнамъ.
 Удивленъе дружинѣ — загадка,
 Что за чудо такое? не вѣрятъ глазамъ —
 Какъ ни въ чемъ не бывалъ, стойтъ Садко.

Москва.

И. СУРНКОВЪ.

РУССКІЙ РАБОЧІЙ

АМЕРИКАНСКАГО ПЛАНТАТОРА

Разсказы и воспоминанія.

IV *).

Разнокалиберная партія рабочихъ.—Повѣзка по желѣзной дорогѣ.—Остановка въ Пексенѣ и побѣгъ китайцевъ.—Первый ночлегъ на плантаціи брумъкорнъ.—Первая недѣля работы на плантаціи.—Мистеръ Треберъ и миссъ Треберъ.—Составъ рабочихъ на плантаціи.—Осѣдлые индѣйцы.—Постройки на плантаціи.—Способъ храненія инструментовъ и машинъ.—Мѣры, принятыя противъ кражи хозяйскихъ вещей.—Распрежденіе дня.—Работы въ сараѣ.—Взаимная ненависть ирландцевъ и негровъ.—Постановленіе противъ дракъ и воровства.—Починка паровой машины на русскій манеръ.—Назначеніе меня въ старшіе форманы.—Побочныя отрасли хозяйства на плантаціи.—Бухгалтерія на плантаціи.—Отношенія между хозяиномъ и его работниками.—Похищеніе персикового варенья изъ кладовой миссъ Треберъ.—Посѣщеніе мистриссъ Треберъ на плантаціи.—Прямая выгода хозяйна отъ хорошихъ отношеній съ рабочими.

Въ агентствѣ рабочихъ я засталъ самого плантатора и часть моихъ новыхъ товарищей по работѣ. Плантаторъ, мистеръ Треберъ, пожилой человекъ, лѣтъ 40, съ лицомъ, внушающимъ довѣріе. Онъ—янки, говоритъ хорошо по-нѣмецки и по словамъ нѣкоторыхъ рабочихъ, знавшихъ его прежде, очень богатъ. По слѣднему обстоятельству трудно повѣрить, глядя на его сильно поношенный костюмъ, старую широкополую соломенную шляпу и мозолистыя руки, по которымъ видно, что никакая работа,

*) См. выше: июль, 681; июль, 19 стр.

какъ бы тяжела она ни была, изъ нихъ не вывалится. Впрочемъ, по наружному виду трудно вездѣ судить о богатствѣ или бѣдности человѣка, а въ Америкѣ это труднѣе, чѣмъ гдѣ-либо.

Трудно себѣ представить болѣе разнообразную группу, чѣмъ ту, какую представляла наша партія рабочихъ. Состояла она, главнымъ образомъ, изъ ирландцевъ и нѣмцевъ, какъ и всякая партія чернорабочихъ, но кромѣ этихъ, такъ сказать основныхъ элементовъ, кажется, не было ни одной націи Европы, не имѣвшей здѣсь своего представителя. Тутъ были испанцы и шведы, англичане и португальцы, чехи, мадьяры и я, русскій. Наконецъ, было три китайца и два негра. Относительно слоевъ общества, къ которымъ видимо они принадлежали, было такое же разнообразіе: отъ клерка или художника, которыхъ не трудно было узнать по блѣднымъ лицамъ, мягкимъ, никогда еще невиданнымъ тяжелой работы рукамъ и нѣкоторому щегольству въ костюмѣ, до грубой, обезсмыслившейся отъ пьянства и утомленія фигуры ирландскаго землекопа; отъ красиваго шведа, вся фигура котораго дышетъ непоколебимою твердостью, спокойствіемъ и несомнѣнною честностію до крайнихъ мелочей,—до личности, неизвѣстно къ какой націи принадлежащей, вѣроятно, порожденіе трущобъ какого-нибудь большого города, способнаго, какъ съ разу видно по нахальнымъ хваткамъ, испытаному лицу и мошеническимъ глазамъ, на всякую гадость. Въ четыре часа вся партія собралась. Намъ сдѣлали переключку, выдали каждому по билету желѣзной дороги, и мы отправились въ вокзалъ. У многихъ были взяты съ собою довольно тяжелые сундуки, тащить которые было бы очень неудобно. Плантаторъ нанялъ на свой счетъ экспрессо, чтобы отвезти крупную кладь до вокзала, сдать сундуки, но возвратилъ владѣльцамъ кладь соответствующіе чеки. Затѣмъ, попросивши насъ держаться поближе другъ къ другу, чтобы не вышло какой-нибудь ошибки, нашъ новый хозяинъ предоставилъ насъ самимъ себѣ. Усѣлись въ вагоны и черезъ нѣсколько минутъ, послѣ обычнаго крика кондуктора (ол-райтъ), безъ звонковъ или другихъ сигналовъ, поѣздъ отправился въ путь. Кондукторъ пробѣжалъ по вагонамъ, очень проворно прокололъ наши билеты, чтобы сдѣлать ихъ негодными на другую поѣздку и затѣнулъ каждому изъ насъ за шляпу по цвѣтному лоскутку бумаги. По цвѣту этихъ лоскутковъ онъ можетъ узнать, не тревожа пассажира, до которой станціи онъ ѣдетъ и во-время предупредить его, когда пора выходить. Существенная разница между европейскими и американскими поѣздами та, что на послѣднихъ нѣтъ такого множества прислуги, какъ въ Европѣ. Такъ,

на цѣломъ поѣздѣ, кромѣ людей на локомотивѣ, всего одинъ кондукторъ и два или три тормозныхъ, завыдывающихъ также освѣщеніемъ вагоновъ, топкою и заготовленіемъ воды для питья. Если же служащимъ понадобится помощь, напримѣръ, при остановкѣ поѣзда, они обращаются съ просьбою къ пассажирамъ, причемъ никогда не встрѣчаютъ отказа. Несмотря на то, что, повидимому, хлопотъ съ билетами американскимъ кондукторамъ гораздо больше, они чрезвычайно быстро справляются съ ними, съ помощью очень простыхъ и цѣлесообразныхъ приемовъ. При этомъ почти вовсе нѣтъ недоразумѣній, такъ часто встрѣчающихся на европейскихъ дорогахъ, при массѣ служащихъ, безпрестанно повѣряющихъ и билеты пассажировъ и другъ друга. Только на немногихъ дорогахъ въ Америкѣ имѣется два класса вагоновъ, на остальныхъ одинъ классъ для всѣхъ. Пассажиръ не обязанъ сидѣть въ одномъ вагонѣ взаперти цѣлую дорогу и можетъ по произволу мѣнять занимаемое имъ мѣсто на всемъ поѣздѣ. Курить можно вездѣ, кромѣ вагоновъ, на которыхъ крупными буквами написано: «не курить». Стоимость билетовъ на желѣзныхъ дорогахъ съ однимъ классомъ не одинаковая. Для чернорабочихъ дѣлается уступка на $\frac{1}{3}$ стоимости билета. Работниціе билеты выдаются или хозяину, везущему съ собою рабочихъ, или всякому частному лицу, заявившему, что онъ чернорабочій. Несмотря на уменьшенную плату, чернорабочій не подвергается за это никакимъ ограниченіямъ и пользуется тѣми же правами, какъ и другіе пассажиры. За уменьшенную цѣну получаютъ билеты и эмигранты, но тѣхъ везутъ въ особыхъ поѣздахъ, какъ везли и меня изъ Нью-Йорка въ Чикаго. Билеты продаются не только въ кассахъ, на станціи желѣзной дороги, но и въ особыхъ, для этого устроенныхъ, агентствахъ и даже во многихъ частныхъ конторахъ и магазинахъ. Разъ взятый билетъ имѣетъ силу не на одинъ какой-нибудь поѣздъ или опредѣленный срокъ, но до тѣхъ поръ, пока имъ пожелаютъ воспользоваться, до конца существованія компаніи, которой принадлежитъ дорога. Не обязательно ѣхать разомъ все пространство, на которое взятъ билетъ, можно проѣхать часть его, о чемъ заявляютъ кондуктору, который отрѣзаетъ соответствующую проѣзанной дорогѣ часть билета, а остальную возвращаетъ пассажиру, до тѣхъ поръ, пока онъ не вздумаетъ ею воспользоваться. Вагоны передъ отправленіемъ поѣзда отворены для всѣхъ, кто пожелаетъ въ нихъ сѣсть. При входѣ никто не думаетъ спрашивать билета. Куда отходить поѣздъ видно по надписи на флагѣ или доскѣ на переднемъ вагонѣ. Чтобы не безпокоить пассажировъ постѣ каждой станціи

осмотромъ билетовъ, кондукторъ, какъ я уже сказалъ выше, за-тыкается за ленточку шляпы цвѣтной лоскутокъ бумаги, наръзанной на тонкія полоски. Цвѣтъ этихъ лоскутковъ, назначаемый по произволу кондуктора, соответствуетъ станціи, до которой ѣдетъ пассажиръ. Раздавши такимъ образомъ значки по отправленіи съ первой станціи, послѣ другихъ кондуктору остается пройти по вагонамъ и спрашивать билеты только у тѣхъ, у которыхъ нѣтъ значковъ за ленточкой шляпы. Если у пассажира нѣтъ билета, то онъ обязанъ тотчасъ же заплатить его стоимость кондуктору. Сѣсть на поѣздъ можно и между станціями. Для этого стѣтъ передъ проходомъ поѣзда выѣснить бѣлый платокъ, и противъ подающаго сигналъ поѣздъ идетъ тише, если сѣсть желаетъ молодой джентльменъ, и останавливается совсѣмъ, если леди или старикъ. Говорятъ, случается иногда, что на поѣздъ садятся личности безъ билетовъ, не могущія заплатить нужной суммы за проѣздъ. Съ ними поступаютъ очень безцеремонно, т.-е., если кто-нибудь изъ пассажировъ не скажится и не заплатитъ за такого бѣдняка, его выталкиваютъ изъ вагона, не трудясь остановить поѣздъ. Говорятъ, что такъ же поступаютъ сами пассажиры съ тѣми изъ своихъ спутниковъ, которые вздумаютъ безобразничать въ вагонѣ.

Часовъ въ двѣнадцать ночи кондукторъ объявилъ, что сейчасъ поѣздъ остановится въ Пексенѣ, гдѣ простоятъ всего пять минутъ. Разбудили спящихъ, собрали свои мѣшки и, какъ только поѣздъ остановился, вышли на платформу сколоченнаго изъ досокъ вокзала, гдѣ встрѣтилъ насъ м-ръ Треберъ. Онъ помогъ взять вещи, сланныя въ багажъ, нанялъ экспрессо, на которое ихъ навалили, и повелъ насъ въ близлежащую гостинницу, гдѣ уже приготовленъ былъ ужинъ на всю нашу партію, то-есть на 101 человекъ, включая и м-ра Требера. За ужиномъ, неотличавшимся ничѣмъ отъ обыкновеннаго ужина въ лучшихъ бордингъ-гаузахъ Чикаго, оказалось, что вмѣсто 100 человекъ насъ 97. Трое китайцевъ исчезли неизвѣстно куда. Нѣсколько человекъ видѣли, какъ они за нѣсколько станцій вышли съ своими мѣшками изъ вагона и не возвращались болѣе. На это не обратили особеннаго вниманія, полагая, что они перешли въ другой вагонъ. Вѣроятно, имъ нужно было доѣхать до какого-нибудь мѣста, по дорогѣ къ Пексену, а платить за переѣздъ не хотѣлось или было нечѣмъ, вотъ они и нанялись къ м-ру Треберу, воспользовались данными имъ билетами и, доѣхавъ до мѣста, убѣжали. М-ръ Треберъ нисколько не разсердился на эту недобросовѣстную штуку; смѣясь, назвалъ ихъ плутами, и предложилъ

всѣмъ намъ выпить по кружкѣ пива и пожелать, чтобы бѣлые китайцы поскорѣе оправились отъ страха, который они должны чувствовать, зная, что ихъ могутъ начать разыскивать и уличить въ плутнѣ. Послѣ ужина м-ръ Треберъ велѣлъ намъ собираться въ дорогу на плантацію, до которой еще было миль шесть; а такъ какъ идти съ мѣшками было бы затруднительно, то и предложили намъ оставить ихъ въ гостинницѣ, съ тѣмъ, чтобы завтра же прислать за ними лошадей. Почти всѣ согласились на это. Мой мѣшокъ былъ приспособленъ въ путешествію пѣшкомъ и очень нетяжелъ, такъ-что я счелъ за лучшее взять его съ собою, въ чемъ, несмотря на нѣкоторое затрудненіе, сдѣланное имъ при скорой ходьбѣ, имѣлъ уважительную причину не раскayваться.

Часа два шли мы по укатанной, черноземной, проселочной дорогѣ, среди гладкой преріи, какъ здѣсь называютъ степь. Однообразіе преріи, казавшейся при лунномъ освѣщеніи серебристо-сѣраго цвѣта, изрѣдка нарушалось темнымъ пятномъ выступающаго сада какой-нибудь фермы или одинокимъ домикомъ плантаціи. Часто у самой дороги шли на довольно длинное пространство фенсы, или особые американскіе заборы, огораживающіе запаханная поля; но что росло за этими фенсами — разсмотрѣть было невозможно, при быстрой ходьбѣ и неясномъ свѣтѣ луны. Наконецъ м-ръ Треберъ, шедшій впереди, свернулъ съ дороги, перелѣзъ черезъ фенсъ и запагалъ прямо по высокой травѣ къ двумъ видѣвшимся въ нѣкоторомъ разстояніи постройкамъ. Это и была его плантація. Попросивъ насъ переночевать какъ-нибудь эту ночь безъ одѣялъ и подушекъ, которыя обѣщавъ выдать на другой день утромъ, онъ подвелъ насъ къ одной изъ построекъ, оказавшейся конюшней, и указавъ намъ лѣстницу на сѣноваль, гдѣ уже находились, по его словамъ, рабочіе, нанятые имъ прежде насъ. Онъ пожелалъ намъ пріятнаго сна и отправился въ другую постройку, гдѣ помѣщалось его семейство. Влѣзли на сѣноваль. Незанятаго прежними рабочими мѣста оказалось достаточно. Сѣна было заготовлено тоже довольно; такъ-что, устроившись какъ кто съумѣлъ поудобнѣе, мы улеглись отдохнуть и восстановить силы къ предстоящей на другой или, вѣрнѣе сказать, въ этотъ же день работѣ. Но немногимъ пришлось выспаться. Послѣ знойнаго дня наступила, какъ это всегда здѣсь бываетъ, страшно холодная ночь. Въ вагонѣ и при быстрой ходьбѣ холодъ вовсе не былъ чувствителенъ; но когда пришлось пролежать нѣсколько времени безъ одѣялъ, въ легкихъ лѣтнихъ платьяхъ, холодъ сдѣлался невыносимъ. Сѣна было довольно, чтобы лежать мягко, но недостаточно, чтобы зарыться въ него. Хорошо, что я взялъ съ

собою мѣшокъ, гдѣ у меня было на всякій случай одѣяло, которыми я и укрылся. Другіе, не взявшіе съ собою ничего, долго ворочались, старались пристроиться потеплѣе, но видя, что это почти невозможно, раздражались громкими ругательствами. Ругательства, прерываемыя смѣхомъ проснувшихся прежнихъ рабочихъ, завернутыхъ въ два теплыхъ одѣяла, не давали долго мнѣ заснуть. Наконецъ, завернувши голову въ одѣяло, я на нѣсколько времени забылся, какъ вдругъ услышалъ очень близко не то вздохи, не то сдержанныя рыданія и всхлипыванія. При слабомъ свѣтѣ, пробивавшемся сквозь неплотно-сбитыя доски сѣновала, я разсмотрѣлъ, что около меня помѣстился молодой человѣкъ, съ которымъ мы еще познакомились въ вагонѣ, по имени Чарль Вигеръ, родомъ изъ Гамбурга. На видъ ему было лѣтъ семнадцать. По чистенькому платью, нѣжному, почти женскому лицу и такимъ же рукамъ было видно, что ему ни разу не приходилось браться за черную работу и привыкать къ неразлучнымъ съ нею лишениямъ. Онъ долго молчалъ, но наконецъ видно холодъ пришелся ему не подъ силу, можетъ быть, были къ тому еще и другія причины, и онъ заплакалъ. Мнѣ стало жалко бѣднаго малюга, и я предложилъ ему улечься поближе ко мнѣ, такъ чтобы можно было укрыться обоимъ моимъ одѣяломъ. Скоро онъ согрѣлся, и мы проспали до тѣхъ поръ, пока м-ръ Треберъ не разбудилъ насъ. Было уже девять часовъ утра. Прежде нанятые рабочіе давно уже были за дѣломъ. Ихъ одѣялами воспользовались нѣкоторые изъ нашихъ, вновь прибывшихъ, и крѣпче спали подъ ними, такъ-что м-ръ Треберъ съ трудомъ могъ ихъ разбудить. Послѣ бреквеста, за которыми не жалѣли кофе и каждому дали по рюмѣ виски, многіе забыли про неприятно-проведенную ночь. Нѣкоторые же, услышавъ отъ кого-то ночью, что неподалеку есть фермеръ, который охотно платитъ по 2' доллара въ день на его харчахъ рабочему для уборки льна, стали подбивать насъ всѣхъ уйти отъ м-ра Требера, такъ какъ онъ не соблюдаетъ договора и не даетъ на ночь условленныхъ одѣялъ. Завязались горячіе споры, кончившіеся тѣмъ, что партія въ 21 человѣкъ (преимущественно нѣмцы) объявила хозяину, что не желаетъ работать у него, и отправилась въ Пексенъ за своими вещами, а оттуда на льняную плантацію. М-ръ Треберъ на ихъ заявленіе пожалъ только плечами. Такимъ образомъ, изъ 100 человѣкъ, за проѣздъ которыхъ заплатилъ м-ръ Треберъ, осталось всего 76 человѣкъ, которыхъ и отвели на поле съ брумъ-ворномъ.

Поле съ брумъ-ворномъ съ перваго взгляда весьма трудно отличить отъ мансоваго поля: тѣ же высокіе, сажени въ полторы

стебли, съ длинными листьями, только вмѣсто короткаго султанчика на макушкѣ въ брумъ-корнѣ кисть съ длинными волокнами, на которыхъ держатся сѣмена, похожія на просо. Брумъ-корнъ растетъ только на жирномъ, не требующемъ уваживанья пластъ чернозема, составляющемъ преобладающій грунтъ центральныхъ штатовъ Союза, начиная съ южной части Иллиноиса до Техаса, гдѣ онъ приобретаетъ наибольшую толщину, и оканчивается у Мексиканскаго залива. Для посѣва землю поднимаютъ съ осени плугами, весной разбороновываютъ тяжелыми желѣзными боронами, переорываютъ другой разъ плугомъ, опять разбороновываютъ и въ концѣ апрѣля или первой половинѣ мая запахиваютъ сѣмена рядами, помощью особой сѣялки. Когда брумъ-корнъ взошелъ и достигъ около двухъ вершковъ роста, его окучиваютъ, какъ картофель. Землю поднимаютъ съ осени только тогда, когда сѣять брумъ-корнъ на нови. Если же передъ тѣмъ было запахано что-нибудь другое, то довольствуются одною вспашкою весной. Съ конца іюля начинается уборка брумъ-корна, продолжающаяся, смотря по количеству засѣва и числу рабочихъ, которое можетъ выставить хозяинъ, до ноября. Чѣмъ ранѣе собранъ брумъ-корнъ послѣ того, какъ зерна пожелтели и приняли нѣсколько красноватый цвѣтъ, тѣмъ лучшихъ онъ качествъ. Собранный же позже даетъ значительно большее количество щеточнаго матеріала, хотя и не такого высокаго достоинства. Уборка брумъ-корна производится слѣдующимъ образомъ: рабочий идя по бороздѣ, между двумя рядами брумъ-корна, ломаетъ обоими руками стволы съ обѣихъ сторонъ, такъ чтобы сломъ приходился фута на 2 отъ земли и стебли ложились накрестъ другъ на друга сзади рабочаго. Довольно крѣпкая возжура, покрывающая стебель, не даетъ ему переломиться совсѣмъ и надломленные стебли, опираясь другъ на друга, образуютъ плетенку на нѣкоторой высотѣ отъ земли. Затѣмъ, рабочий помощью ножичка, дюйма два длиною, отрѣзаетъ приходящіяся съ двухъ сторонъ плетенки, концы стеблей съ ихъ кистями, и складываетъ небольшими кучками на ту же плетенку. Отдѣльные рабочіе собираютъ эти кучки, идя рядомъ съ парконною фурую, ѣдущею вдоль поля, накладываютъ эти пучки кистей на фуру и отвозятъ въ особый сарай, гдѣ онѣ сортируются, моются, сушатся и прессуются въ большіе тюки, обтянутые проволочными обручами. Брумъ-корнъ сѣять собственно для полученія кистей, изъ которыхъ дѣлаютъ щетки. Изъ сѣмянъ можно бить масло, но такъ какъ это требуетъ много хлопотъ и не даетъ особенно большой выгоды, то этимъ рѣдко занимаются, а кормятъ ими свиней.

На полѣ намъ выдали по ножу и, разставивши въ рядъ, заставили ломать брумъ-корнъ. Форманомъ къ нашей партіи былъ назначенъ шведъ, одинъ изъ прежнихъ рабочихъ. Требера. Какъ ни легка казалась эта работа, но требовала привычки и снаровки. Острые края надломленныхъ стеблей, часто до крови, разрывали ладонь, несмотря на покрывающія ее мозоли. Многие какъ ни старались гнаться за остальными рабочими, а особенно за форманомъ, отстали далеко. Къ этимъ отсталымъ принадлежалъ и я. Напрасно я торопился, старался захватывать по нѣсколькѣ стеблей разомъ. Чѣмъ больше я горячился и дѣлалъ усилій, тѣмъ медленнѣе подвигалась моя работа. Лучше другихъ работали ирландцы. Стебли брумъ-корна не оказывали никакого вліянія на ихъ руки, съ малолѣтства привычныя къ тяжелой работѣ, на которыхъ вся ладонь представляла одинъ сплошной, похожій на подошву мазоль.

Сломавши рядъ до конца участка, мы повернули назадъ и на ходу срѣзали кисти, что хотя очень легко, но требуетъ проворства и здоровыхъ рукъ. А съ изрѣзанными руками это было чистое наказаніе. Послѣ обѣда, состоявшаго изъ свинины, картофеля, развареннаго манса и молока, насъ всѣхъ присоединили къ партіи прежнихъ рабочихъ, состоявшихъ преимущественно изъ негровъ. Хотя за первыя полднія и мы приобрѣли нѣоторую снаровку, но составлять въ работѣ съ неграми было невозможно. Пока наша партія успѣвала сломать и срѣзать два ряда не отдыхая ни минуты и торопясь, такъ что рубашки на всѣхъ были мокрыя, несмотря на не очень жаркій день, негры обанчивали по три ряда безъ всякихъ усилій, безпрестанно отдыхая и покуривая трубки. Форманъ такъ пригналъ работу, что къ тому времени, какъ зазвонили на плантаціи въ 6 часовъ, къ ужину послѣдній рядъ былъ срѣзанъ.

Только шесть человѣкъ, 2 янки, бывшіе вчерка, 1 испанецъ, Чарль Вигеръ, молодой голыштинецъ по имени Амонъ, да я, значительно отстали отъ другихъ. Естественно, что намъ слѣдовало докончить наши ряды, почему намъ пришлось возвращаться отдѣльно почти часомъ позже другихъ. На дорогѣ мы встрѣтили сына мистера Требера, Чарли. Несмотря на молодость (ему 15 лѣтъ) онъ дѣятельно и толково помогаетъ отцу: дѣльно распоряжается работами, ведетъ книги и ѣздитъ за покупками. Все управленіе плантаціи, на которой работаетъ 250 человѣкъ, а иногда и болѣе, лежитъ на м-рѣ Треберѣ и его сынѣ. На плантаціи нѣтъ ничего похожаго на управляющаго или приказчика. Форманы назначаются изъ рабочихъ, за что имъ прибав-

лется жалованье. Теперь, по распоряженію отца, Чарли ѣхалъ приказать намъ бросить работу и идти ужинать. При встрѣчѣ съ нами онъ спросилъ меня о причинѣ того, что мы такъ отстали отъ другихъ. Я показала ему вмѣсто отвѣта свои оворовленные руки, другіе сдѣлали то же. Онъ усмѣхнулся, подогналъ лошадей и поѣхалъ впередъ на плантацію. Два янки и испанецъ отказались отъ ужина, объявили, что не могутъ работать этой работы, прося м-ра Требера отпустить ихъ. М-ръ Треберъ, не говоря ни слова, отправился къ себѣ въ горницу, откуда вышелъ черезъ нѣсколько минутъ и, въ великому нашему удивленію, вынесъ не только по 1½ доллара за сегодняшний день, но и рекомендательное письмо къ одному плантатору, гдѣ требовались люди для обыкновенныхъ домашнихъ работъ, болѣе легкихъ чѣмъ на плантаціи, за то и съ платою 1 доллара въ день. Сначала Вигеръ и Амонъ хотѣли также отказаться отъ работы, но когда я рассказала имъ, какъ мнѣ трудно было привыкнуть къ черной работѣ, особенно на кирпичномъ заводѣ, рѣшились остаться и терпѣливо преодолѣть первыя трудности всякой работы, за которую берешься въ первый разъ. Послѣ ужина насъ троехъ позвали въ комнату м-ра Требера, гдѣ сестра его миссъ Треберъ, незамужняя леди лѣтъ 60-ти, приложила къ нашимъ рукамъ какуто примочку, забинтовала ихъ и велѣла придти къ ней на другой день передъ бреквестомъ, отнюдь не смѣя самимъ разбинтовывать руки. «Ничего, что вамъ придется кушать не умывшись», прибавила она; «никакъ нельзя раздражать ранъ при такой жарѣ. Отъ этой примочки руки заживутъ у васъ очень скоро. Я бы совѣтовала даже не работать дня два.» Отъ примочки боль въ порѣзахъ утихла и кровь перестала изъ нихъ сочиться. На другой день миссъ Треберъ опять перевязала намъ руки и услышавъ, что мы непременно хотимъ идти на работу, дала каждому по парѣ старыхъ зимнихъ рукавицъ, нарочно отысканныхъ ею для этого. Несмотря на то, что рукавицы нѣсколько затрудняли работу, мы такъ уже принаровились къ ней, что отставали отъ другихъ бѣлыхъ работниковъ только до обѣда, а послѣ обѣда не только сравнялись, но даже окончили свои ряды одними изъ первыхъ. Дня черезъ три, руки почти зажили такъ, что не было надобности перевязывать ихъ, а безъ бинтовъ и перевязокъ работа пошла еще успѣшнѣе. Къ концу недѣли, форманъ уже поставилъ насъ не рядомъ, какъ мы работали сначала, а на нѣкоторомъ разстояніи, какъ-бы для того, чтобы подзадоривать ирландцевъ, которые сначала принялись работать усердно, а потомъ, подчиняясь природной лѣни, не только не сдѣлали успѣховъ въ

быстротѣ работы, но даже стали работать медленнѣе, теряя много времени на куренье и на отяжки браться за работу. Такимъ образомъ, въ теченіе одной недѣли намъ удалось изъ самыхъ плохихъ работниковъ сдѣлаться чѣмъ-то въ родѣ вторыхъ формановъ. Но недѣльная работа, несмотря на свою легкость, сильно утомила меня. Трудно человѣку, родившемуся въ холодномъ климатѣ, работать почти подъ отвѣсными лучами солнца, а кромѣ первыхъ двухъ дней жара стояла страшная. Ночью пониженіе температуры было такъ замѣтно, что часто, несмотря на три одѣяла, трудно было заснуть отъ холода. Воскресенье я провелъ, какъ его проводятъ большая часть чернорабочихъ, частью въ безцѣльной ходьбѣ по плантаціи, частью въ лежаньѣ на сѣновалѣ: Пробоваль-было читать, но мысли какъ-то спутывались и послѣ нѣсколькихъ строевъ такъ и клонило ко сну.

Въ теченіи недѣли, проведенной на плантаціи, я успѣлъ ознакомиться какъ съ ея внутреннимъ устройствомъ, такъ и съ ея обитателями. Мистеръ Треберъ, — сынъ фермера изъ штата Огайо. Занимаясь разными денежными спекуляціями въ разныхъ мѣстахъ Союза, онъ нѣсколько разъ составлялъ значительное состояніе и нѣсколько разъ разорялся до нищеты. Теперь у него состояніе, доходящее, какъ говорятъ, до 30,000 долларовъ. Зимой онъ живетъ въ Чикаго, гдѣ у него свой домъ, а лѣтомъ ему душно въ городѣ и постоянно тянетъ въ преріи и къ сельскимъ работамъ, къ которымъ онъ привыкъ съ малолѣтства. Поэтому въ лѣтніе мѣсяцы онъ занимается дѣломъ, болѣе соответствующимъ его наклонностямъ и врядъ ли уступающимъ своею выгодностію городскимъ спекуляціямъ, предъ которыми оно, во всякомъ случаѣ, имѣетъ то преимущество, что почти не сопряжено съ рискомъ. Онъ скупаетъ большіе участки пустопорожней земли, приводитъ ихъ въ культурное состояніе, и разбивъ на мелкіе участки съ большою выгодною продаетъ мелкимъ фермерамъ. Самое приведеніе первобытной преріи въ культурное состояніе, обходящееся такъ дорого начинающему новое хозяйство, приноситъ мистеру Треберу не убытокъ, а значительный доходъ. Мистеръ Треберъ всегда самъ присутствуетъ при работахъ, часто работаетъ самъ и не упускаетъ случая приобрести самые совершенные инструменты и машины. Умѣренный и расчетливый для себя, онъ не жалѣетъ денегъ тамъ, гдѣ затрата ихъ полезна. Умѣнемъ обласкать и поощрить работниковъ, вѣрностію и щедростію расчета онъ дѣлаетъ то, что рабочіе, подъ его толковымъ распредѣленіемъ работъ, въ охотку, не замѣчая усталости, вырабатываютъ почти вдвое противъ того, что они выработали

бы у другого, менѣе толковаго хозяина, въ тѣ же десять часовъ. Наша плантація куплена имъ въ запрошлую зиму. Весь участокъ состоялъ изъ 30,000 акровъ преріи, по которой не была, искони вѣковъ, проведена ни одна борозда плугомъ, и стоилъ по три доллара за акръ, всего 90,000 долларовъ, изъ которыхъ 20,000 долл. м-ръ Треберъ уплатилъ при покупкѣ, а остальные 70,000 д. обязался уплатить въ 7 лѣтъ, по 10,000 долл. ежегодно. Если бы онъ пожелалъ продать часть этого участка, то обязанъ заплатить передъ продажей сполна количество долга, причитающагося на предназначенное къ продажѣ число акровъ. На приобретенномъ пространствѣ земли м-ръ Треберъ отобралъ тѣ части, которыя не сплошь поросли мелкимъ волочимъ кустарникомъ и бурьяномъ, толстые корни котораго представляютъ затрудненія при первоначальной обработкѣ и дѣлаютъ въ первый годъ тщательную обработку подъ зерновые хлѣба почти невозможною. Онъ выбралъ мѣста хорошія, преимущественно поросшія высокою степною травою, съ жирнымъ, легко перегнивающимъ послѣ орева корнемъ, разбилъ ихъ на участки отъ 200 до 500 акровъ каждый, такъ чтобы въ центрѣ cadaго участка приходилась небольшая болотинка, служащая признакомъ имѣющагося здѣсь ключа. Воспользовавшись тѣмъ, что въ ту зиму не было почти вовсе снѣгу, онъ тотчасъ же по покупкѣ выкопалъ колодцы въ болотинкахъ, сжегъ прошлогоднюю сухую траву и поднялъ плугомъ все разбитое пространство, всего 10,000 акровъ. Въ то же время онъ заказалъ на ближайшемъ лѣсопильномъ заводѣ матеріалъ для 30-ти фермерскихъ домовъ, съ надворными постройками. Въ теченіи апрѣля дома были поставлены, и къ началу полевыхъ работъ у него было готово 30 фермъ съ постройками, обошедшимися ему по 500 долларовъ каждая и съ приготовленными для посѣва маиса, картофеля, льна и травы полями. Въ теченіе лѣта не было охотниковъ покупать фермы, почему м-ръ Треберъ, выбороновавъ всѣ 10,000 акровъ, запахалъ ихъ льномъ. Когда ленъ поспѣлъ, его скосили косильной машиной, вымолотили сѣмя, давшее урожай въ 11 разъ, а солому сожгли, такъ какъ выработка волоконъ была бы невыгодна при недостаткѣ и дороговизнѣ рабочихъ рукъ. Земля, послѣ снятія льна, была снова поднята плугомъ и выборонована. Осенью нашлось много охотниковъ купить участки земли, и м-ръ Треберъ распродалъ всѣ свои 30 фермъ, частью за наличныя деньги, частью получивъ только половину и разсрочивъ остальную лѣтъ на пять. Постройки пошли у него на кругъ по 700 долл., а земля отъ 7 до 10-ти долл. акръ.

Одновременно съ обработкою удобныхъ участковъ, шли подготовкѣ къ обработкѣ остальныхъ 20,000 акровъ, поросшихъ кустарникомъ и бурьяномъ и представлявшихъ, кромѣ того, посрединѣ, по берегамъ извилистаго ручья, большое топкое болото, покрытое высокою жесткою травою, похожею на нашу осоку. Эту подготовку производили такъ: весною сожгли кустарникъ и бурьянъ, причемъ сгорѣли только молодыя вѣтви и побѣги, а толстые стебли обгорѣли и замерли. Лѣтомъ, когда болото нѣсколько просохло, ручей спрямили большою двухсаженной канавой, давши водѣ спускъ къ глубокому оврагу или балкѣ, служащей границей владѣнія м-ра Требера. Для осушенія болота проведены во всѣ стороны отъ главной канавы стрѣлки, саженьхъ въ двадцати одна отъ другой. На осушенномъ болотѣ сожгли жесткую сухую траву и по горѣлому мѣсту, выбороновавъ его особю бороною съ лемехообразными зубьями, посѣяли смѣсь различныхъ кормовыхъ травъ и приготовили, такимъ образомъ, отличный покровъ, могущій давать въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ, пока его не найдутъ нужнымъ обратитъ въ пахоту, огромное количество сѣна лучшаго качества. Уже въ этомъ году м-ръ Треберъ, оставивъ некошенными больше половины, для корма своихъ рабочихъ лошадей и подъ выгонъ скоту, продалъ болѣе 5000 тоннъ прессованнаго сѣна.

Въ августѣ мѣсяцѣ, когда уборка и молотьба льна на фермахъ кончились, приступили къ очисткѣ мѣста отъ обугленныхъ стеблей бурьяна и кустарника. Ихъ срубали гладко, подъ корень, особыми ножами и складывали въ большія кучи. Въ безлѣсной степи, каковы окрестности Певсена, эти стебли охотно покупаются на топливо, такъ какъ они все-таки обходятся дешевле привезеннаго каменнаго угля и хорошо горятъ въ каминѣ, давая яркое, красивое пламя.

Очищенное отъ стеблей мѣсто взодрали большимъ плугомъ, запряженнымъ шестью сильными лошадьми. Плугъ переверотилъ пластъ земли толщиною вершковъ на 6, причемъ своимъ толстымъ рѣзакомъ разрѣзалъ и вывернулъ на поверхность большіе корни кустарника и бурьяна. Куски этихъ корней, доходящіе до трехъ вершковъ толщиною, служатъ еще лучшимъ топливомъ, чѣмъ самыя стебли. М-ръ Треберъ отдалъ эти корни фермерамъ съ тѣмъ, чтобы они убрали ихъ съ поля. При этомъ въ видѣ преміи онъ давалъ каждому фермеру, убравшему для себя корней съ 250 акровъ и всѣ стебли, собранные на этомъ пространствѣ. Къ нынѣшней веснѣ не осталось ни одного корня не убранымъ. Фермеры запаслись топливомъ, по крайней мѣрѣ, на двѣ

зимы, а земля, гдѣ прежде росли негодныя растенія, послѣ второй обработки плугомъ и бороною, дала великолѣпный брумъ-корнъ, запаханный на 12,000 акровъ этою весною, и который пришлось убирать нашей партіи рабочихъ. Кромѣ брумъ-корна, 2000 акровъ запаханы маисомъ, выросшимъ тоже отлично. Остальная часть, непроданныхъ 20,000 акровъ, занята отчасти болотомъ обращеннымъ въ сѣновосъ, около 5000 акровъ, отчасти постройками плантаціи, огородамъ и разводящимся фруктовымъ садомъ. Еще одинъ годъ земля будетъ запахана брумъ-корномъ или маисомъ, смотря по тому на что будетъ предвидѣться лучший сбытъ и затѣмъ разобьется на участки и продается. Къ тому мѣсту, гдѣ стоитъ теперь маленький домъ м-ра Требера и разводится фруктовый садъ, м-ръ Треберъ думаетъ прирѣзать до 2000 акровъ, выстроить хорошую ферму и оставить за собою, или продать за очень хорошую цѣну.

М-ръ Треберъ женатъ на настоящей англійской леди, которая живетъ въ Чикаго и только изрѣдка приѣзжаетъ къ мужу на плантацію. Домашнимъ хозяйствомъ занимается старшая незамужняя сестра его, миссъ Треберъ. Это очень добрая старуха, всегда чопорно и изящно одѣтая. Она завѣдываетъ 20-ю женщинами разныхъ возрастовъ, занимающихся стряпаньемъ кушанья, стиркою и другими домашними работами. Несмотря на трудность справиться съ такимъ числомъ женщинъ, помѣщающихся въ одномъ домѣ, въ особенности избалованныхъ американскихъ леди (здѣсь всякая кухарка и прачка леди), она какъ-то умѣетъ держать ихъ въ должной субординаціи, не прибѣгая ни къ какимъ крутымъ мѣрамъ. Къ мистеру Треберу, какъ къ младшему брату, котораго она очень хорошо помнитъ мальчиномъ, она относится какъ-то покровительственно и сильно сомнѣвается въ его опытности и умѣньи вести дѣла, несмотря на то, что въ этомъ отношеніи онъ на практикѣ заявилъ себя мастеромъ. Такъ у нея есть капиталъ въ 40,000 д., котораго она ни за что не довѣряетъ брату и даже не слушаетъ его совѣтовъ о помѣщеніи этихъ денегъ, а заботится объ этомъ сама. Нѣсколько разъ ей удавалось такъ помѣщать свои деньги, что м-ру Треберу стоило много хлопотъ выручать ихъ обратно и чуть ли не приходилось пополнять сумму изъ своихъ денегъ. Но отъ этого онъ нисколько не подвигался въ довѣріи своей сестры, которая продолжала считать его слишкомъ юнымъ для такихъ серьезныхъ дѣлъ, какъ выгодное помѣщеніе ея капитала. Вообще братъ и сестра очень любятъ другъ друга и стараются всѣми силами помогать другъ другу, въ чемъ могутъ. Изъ двухъ дѣтей м-ра Требера съ нимъ

живетъ, въ качествѣ помощника, его сынъ Чарли, о которомъ я уже говорилъ, а дочь, хорошенькая миссъ, лѣтъ 12-ти, живетъ съ матерью въ Чиваго и только иногда прѣзжаетъ на плантацію. Вотъ семейство нашего хозяина. Затѣмъ переходъ отъ хозяевъ къ рабочимъ составляетъ дальняя родственница мистриссъ Треберъ, очень веселая и недурная собой англичанка. Она живетъ въ качествѣ помощницы миссъ Треберъ. Рабочіе, какъ я уже замѣтилъ выше, представляли пеструю смѣсь всевозможныхъ національностей и слоевъ общества, къ которымъ когда-то принадлежали. Дѣлились они на двѣ группы, на бѣлыхъ и цвѣтныхъ. Цвѣтные состояли, главнымъ образомъ изъ негровъ, бывшихъ невольниковъ южныхъ Штатовъ, откуда они переселились послѣ освобожденія, на сѣверъ, гдѣ заработки гораздо выше. Они отличаются чрезвычайно низкимъ уровнемъ развитія и походятъ скорѣе на какихъ-то животныхъ, нежели на людей. Человѣкъ шесть мулатовъ и два негра, рожденные свободными, рѣзко разнятся отъ остальныхъ умомъ, энергіею и смышленостью. Они пользовались большимъ уваженіемъ со стороны своихъ черныхъ сотоварищей, и назначенные въ форманы, чрезвычайно искусно заставляли ихъ преодолевать лѣнь и работать добросовѣстно. Къ цвѣтнымъ принадлежали четыре китайца, неспособные къ тяжелому труду, почему ихъ употребляли для ухода за скотомъ, на накачиванье воды, чистку конюшенъ и тому подобныя, не требующія большого напряженія работы, и два индѣйца, потомки краснокожихъ воиновъ, прежнихъ владѣльцевъ земли, съ которой вытѣснили ихъ блѣднолицыя пришельцы. Недалеко отъ Пексена есть небольшая деревня индѣйцевъ, крещенныхъ и приученныхъ къ хлѣбопашеству въ началѣ этого столѣтія католическими миссіонерами. Но видно, спокойная жизнь хлѣбопашцевъ не соответствуетъ организму пустынного охотника. Народонаселеніе, когда-то многочисленное, быстро уменьшается. Кругомъ бѣлые переселенцы быстро достигаютъ благосостоянія и даже богатства, безъ особенно усиленнаго труда, единственно благодаря плодородію почвы, а индѣйцы, несмотря на то, что принадлежатъ къ однимъ изъ первыхъ, начавшихъ заниматься хлѣбопашествомъ въ этихъ мѣстахъ, едва могутъ выработать столько, чтобы удовлетворить первѣйшимъ потребностямъ и находятся въ постоянной борьбѣ съ нуждою. Одинъ взглядъ на моихъ двухъ товарищей по работѣ, а они, какъ мнѣ говорили, вполне похожи на другихъ осѣдлыхъ индѣйцевъ, ясно убѣждалъ, что не на всѣ расы людей цивилизація дѣйствуетъ одинаково благотвѣтельно. Маленькіе, безсильные, раздражительные и трусливые, они, утративъ физическую силу и дикую энер-

гію свирѣпыхъ воиновъ своихъ предковъ, не пріобрѣли ни одного качества бѣлыхъ, и если переняли отъ нихъ что-либо, то развѣ лѣнь и страсть къ пьянству, въ чемъ далеко превзошли не только своихъ учителей, бѣлыхъ, но даже бывшихъ невольниковъ, негровъ. Въ партіи бѣлыхъ было сначала до десяти природныхъ американцевъ-янки, но къ концу недѣли изъ нихъ не осталось ни одного. Уходя съ плантаціи послѣ работы, каждый день, они составили знакомства и устроились или въ Певсенѣ приказчиками въ складахъ и лавкахъ, или взялись управлять паровыми машинами на фермахъ. Такимъ образомъ, артель бѣлыхъ состояла вся изъ европейцевъ. По численности, главную массу ея составляли ирландцы, болѣе другихъ, послѣ негровъ, способные къ тяжелой работѣ подъ вертикальными лучами солнца. Затѣмъ шли шведы и норвежцы, вѣжливый, честный народъ, отличавшійся особою добросовѣстностью при исполненіи работъ. Нѣмцевъ осталось немного, такъ какъ около 20-ти человекъ ушли въ первый же день, не начиная работы, какъ я уже писалъ выше. Затѣмъ шли представители чуть ли не всѣхъ національностей Европы. Это были, частью чернорабочіе по ремеслу, частью люди, которымъ не повезло въ Америкѣ, и волей-неволей пришлось кормиться собственными руками.

Я сошелся ближе другихъ съ Чарли Вигеромъ, очень полюбившимъ меня послѣ того, какъ я подѣлился съ нимъ одѣяломъ, и съ непризнаннымъ живописцемъ Амономъ. Амонъ человекъ лѣтъ подлѣ 30, занимался живописью, но не находилъ сбыта для своихъ произведеній, такъ что долженъ былъ принятися за черную работу, какъ за болѣе вѣрное средство прокормить себя. Онъ очень неглупъ, остроуменъ и большой весельчакъ.

Число рабочихъ на плантаціи доходило до 250. Всякій день нѣсколько человекъ уходило и замѣщалось вновь прибывающими изъ окрестныхъ фермъ. Кромѣ мужчинъ имѣлось еще до 20-ти женщинъ. Это были частью нанятія въ Чикаго, недавно пріѣхавшія изъ Европы, частью приходившія поработать дня на два или на три жены и дочери сосѣднихъ фермеровъ. Женщины не употреблялись не только на полевые, но даже на домашнія работы, которыя требовали напряженія силъ. Онѣ, получая 1½ доллара въ день, занимались приготовленіемъ вупанья, уборкой и мытьемъ посуды, а также стиркою бѣлья для рабочихъ. Постройки на плантаціи состояли изъ наскорою руку сколоченныхъ бараковъ и не были сгруппированы вмѣстѣ, а стояли на значительномъ разстояніи другъ отъ друга. Такъ, баракъ, называвшійся домомъ, помещался у ключа, гдѣ имѣлась сравнительно лучшая вода. Вообще

во всей мѣстности, на нѣсколько десятковъ миль, не было хорошей прѣсной воды. Вода изъ колодцевъ вся болѣе или менѣе содержала желѣзныя соли, отчего на первыхъ порахъ казалась чрезвычайно невкусной. Дня въ три однако къ ней привыкали, и находили ее вполнѣ годною къ употребленію.

Баракъ или домъ былъ двухъ-этажный; внизу помѣщалась комната мистера Требера и Чарли, очень просторная горница, служившая приѣмной, и кухня. Во второмъ этажѣ, комната миссъ Треберъ и помѣщеніе для женской прислуги. Съ одной стороны къ кухнѣ была пристроена изъ тесу большая столовая съ деревянными столами и скамейками, за которыми помѣщались всѣ 250 человекъ. Къ дому примыкалъ съ одной стороны огородъ и садъ; съ другой была оставлена большая площадь съ колодцемъ посрединѣ. Вокругъ колодца проведены жолоба для поенія лошадей, кади съ машинками для стирки бѣлья, длинный столъ съ привѣшенными къ нему въ разныхъ мѣстахъ полотенцами, небольшими складными зеркалами и большимъ запасомъ деревянныхъ лаханей для умыванья. Вода изъ колодца подымалась въ жолоба съ помощью чугунаго насоса, дѣйствовавшаго такъ легко, что ребенокъ могъ свободно накачать сколько нужно воды. Недалеко отъ дома стояла конюшня на 50 лошадей, употреблявшихся на работу. Остальныя лошади, разныхъ возрастовъ, числомъ до сотни, ходили на свободѣ въ полѣ и загонялись въ особое загороженное мѣсто, называемое здѣсь «кораль». Надъ конюшней сѣноваль, гдѣ спала часть рабочихъ. Въ четверть мили разстоянія отъ дома стоялъ скотный дворъ, надъ которымъ въ сѣноваль спали остальные работники, непомѣстившіеся надъ конюшней. Въ концѣ сада стоялъ сарай, служившій мастерской и складомъ машинъ, ненужныхъ при теперешнихъ работахъ. Сарай, гдѣ производилась молотба и окончательная обработка брумъ-корна, былъ сволоченъ на живую нитку, такъ чтобы его можно было легко разобрать и перевезти на другое мѣсто, когда работы въ полѣ подвигнутся такъ далеко, что перевозка сръзаннаго брумъ-корна станетъ затруднительна и стоимость ея превзойдетъ стоимость переноски сарая на болѣе удобное мѣсто. Хозяйство мистера Требера было въ изобиліи снабжено нужными для него машинами и инструментами, содержащимися въ отличномъ порядкѣ. Но было достаточно одного взгляда на способъ храненія этихъ инструментовъ, чтобы убѣдиться, что всѣ рассказы о распространенномъ въ Америкѣ мошенничествѣ и воровствѣ, — даже здѣсь, на западѣ, во вновь развивающемся краѣ, лишены всякаго основанія. Только машины и инструменты, ненужныя для работъ,

были заперты въ мастерской, стоящей безъ всякаго караула, далеко отъ жилыхъ построекъ. Машины, нужныя для работъ, не запирались даже на ночь. Такъ, въ сараѣ для обработки, безъ всякихъ запоровъ стояла паровая машина, молотилка, прессы со всѣми принадлежностями и инструментами, могущими понадобится при работѣ. Фуры, сѣнокосилка, конныя грабли, вилы и лопаты ставились по окончаніи работъ рядами, на опредѣленномъ мѣстѣ, противъ конюшни, подъ открытымъ небомъ. Сбруя висѣла на деревянныхъ гвоздяхъ въ стойлѣ лошади, на которую была пригнана. Несмотря на разнокалиберный составъ безпрестанно мѣняющихся рабочихъ, у которыхъ даже почти не спрашиваютъ имени, несмотря на отсутствие всякаго караула, очень рѣдко пропадаетъ что-нибудь и скорѣе теряется, чѣмъ бываетъ украдено. Обстоятельство, которому съ трудомъ повѣрять тѣ, кому приходилось вести хозяйство въ Россіи, гдѣ воровство веревокъ, ремней и желѣза, мало того что причиняетъ значительный ущербъ хозяину стоимостью пропавшихъ вещей, но даже часто нарушаетъ правильный ходъ работъ, производя остановку для приведенія въ порядокъ оказавшагося неожиданно неисправнымъ инструмента.

Постараюсь выяснитъ причины, по которымъ ничего подобнаго не случается въ хозяйствѣ мистера Требера. Нельзя сказать, чтобы американскіе черноработчіе отличались всѣ безукоризненною честностью; напротивъ того, состоя преимущественно изъ европейскихкихъ переселенцевъ, они переселили съ собой и недостатки европейскихкихъ рабочихъ. Многие должны были бѣжать изъ Европы, оттого что прежнія ихъ дѣйствія дѣлали дальнѣйшую жизнь на родинѣ очень затруднительною. Многѣ не разъ случалось слышать, какъ нѣкоторые хвастались и ставили себѣ въ особое достоинство свое нахальство, безсовѣстность и неуваженіе къ чужой собственности. Подобныя личности, попадающіяся во всякой партіи рабочихъ, набранныя по газетному объявленію, не прочь бы были присвоить себѣ что-нибудь хозяйское и нашли бы возможность сбыть украденную вещь, еслибы ихъ не удерживала самая разнокалиберность партіи, въ которой они работаютъ. Между рабочими всегда найдутся нѣсколько человекъ, которые не согласятся принять участіе въ воровствѣ и употребятъ всѣ усилія, чтобы изобличить виновнаго. А рабочий всегда скорѣе усмотритъ за своимъ товарищемъ, чѣмъ хозяинъ. Кромѣ того, столкнувшіеся случайно на работѣ люди рѣдко сходятся близко и, не зная другъ друга, всегда опасаются одинъ другого, чего не бываетъ въ артели, собранной изъ рабочихъ одной мѣстности, знакомыхъ между собой съ малолѣтства. Кромѣ того самыя отношенія между равноправными

американскимъ хозяиномъ и рабочимъ таковы, что рабочіе не имѣютъ основанія быть недоброжелательными къ интересамъ хозяина. Изъ естественнаго, присущаго всякому человѣку чувства справедливости, незаглушеннаго сословною враждою, обязательною работою и гнетомъ со стороны хозяина, сколько-нибудь порядочный рабочій не потерпитъ, чтобы хозяину причинили ущербъ, нравственная отвѣтственность за который падаетъ отчасти и на него. Человѣка, уличеннаго въ воровствѣ, судятъ скоро и строго. Это тоже служитъ хорошимъ противовѣсомъ желанію присвоить себѣ что-нибудь хозяйское. Кромѣ этой гарантіи со стороны рабочихъ, мистеръ Треберъ съ своей стороны принимаетъ мѣры, несложныя и не требующія большихъ хлопотъ, но все-таки достигающія своей цѣли. Таковы: машины, фуры, плуги, лопаты и пр. снабжены четко написаннымъ на нихъ номеромъ и имѣютъ определенное мѣсто, гдѣ должны стоять, когда они не въ употребленіи. Утромъ рабочіе берутъ инструменты по порядку съ мѣста и обязаны вечеромъ, осмотрѣвъ ихъ, поставить на прежнее мѣсто, причемъ всегда присутствуетъ или самъ мистеръ Треберъ или его сынъ. Если инструментъ получилъ поврежденіе, то онъ ставится въ особое мѣсто, предназначенное для инструментовъ требующихъ починки. Обыкновенно, маловажныя поврежденія исправляются тутъ же самимъ рабочимъ, передъ сдачей инструмента, такъ какъ рабочаго, у котораго часто ломаются инструменты и рвется сбруя, не будутъ держать. Въ случаѣ же инструментъ сломается во время работы, днемъ, то рабочій обязанъ, не теряя времени за починкою въ рабочее время, отвезти или отнести его къ ломанымъ вещамъ и взять для работы запасный. Если во время работы потеряется какая-нибудь часть, то вечеромъ рабочій обязанъ, при сдачѣ, объявить объ этомъ хозяину и тогда не подвергается никакой отвѣтственности. Если же рабочій не объявитъ о потерѣ и ее замѣтитъ хозяинъ, то съ рабочаго производится вычетъ стоимости потерянной вещи. Это заведено съ цѣлью заставить рабочихъ внимательнѣе осматривать вечеромъ исправность инструмента, чтобы въ число поступающихъ на другой день въ работу не попало ломаныхъ, могущихъ задержать работу. Ломанья машины или отвозятся для починки въ городъ, или чинятся по распоряженію м-ра Требера самими рабочими въ мастерской. Тотъ же порядокъ относится и къ лошадямъ, причемъ ни подъ какимъ видомъ не допускается работа на больной лошади. Чуть рабочій замѣтитъ, что съ лошадыю что-нибудь случилось, какъ обязанъ довести объ этомъ до свѣдѣнія Требера или Чарли, которые принимаютъ свои мѣры для леченья. При

такомъ порядкѣ, хозяйство идетъ, какъ заведенные часы, безъ остановокъ и проволочекъ, ходьбы взадъ и впередъ, поглощающихъ столько времени въ нашихъ русскихъ хозяйствахъ.

Рабочіе дни распредѣлялись у насъ слѣдующимъ образомъ: въ шесть часовъ утра, по звонку, рабочіе вставали, умывались у колодца и садились за бреквестъ, состоящій изъ шпеничнаго хлѣба, кофе, картофеля, ветчины или слегка поджареннаго сала, сыра и патоки. Послѣ бреквеста отправлялись на работу и работали до двѣнадцати часовъ. Въ двѣнадцать, по звонку, возвращались на плантацію, умывались, садились за обѣдъ, состоявшій опять изъ тѣхъ же блюдъ, какъ и бреквестъ, но кофе замѣнялся жареною говядиною или, когда ее было трудно достать, солониной или рыбой. Съ часу до шести опять работали. Въ шесть часовъ ужинъ такой же, какъ и бреквестъ, съ прибавленіемъ молока или простокваши. Говорить нечего, что кушанье подавалось не по порціямъ, а всякій ѣлъ сколько хотѣлъ. Послѣ ужина рабочіе могли располагать своимъ временемъ какъ имъ угодно. Нѣкоторые уходили въ городъ или на сосѣднія фермы; другіе занимались чѣмъ придется, большею частію читали газеты, каждый день покупаемыя у мальчика, развозившаго ихъ изъ Пексена по плантаціямъ и фермамъ. Въ воскресенье этотъ порядокъ нарушался. Бреквестъ можно было получить въ семь и въ девять часовъ, смотря какъ кто встанетъ. Обѣдъ былъ готовъ въ часъ. Чтобы женская прислуга имѣла тоже время отдохнуть, желающіе могли взять отъ обѣда чего-нибудь въ вечеру, такъ какъ по воскресеньямъ ужинъ не готовился. Въ воскресенье утромъ желающіе заявляли о своемъ намѣреніи ѣхать въ городъ, на каковой предметъ послѣ второго бреквеста снаряжались фуры по числу заявившихъ свое желаніе. Изъ сказаннаго выше видно, какая огромная разница между положеніемъ американскаго и европейскаго рабочаго. Не мудрено, что массы переселенцевъ, оставивъ Старый Свѣтъ, стремятся въ Америку и тамъ, если не погибаютъ по своей собственной лѣни и испорченности на первыхъ же порахъ, скоро достигаютъ благосостоянія, немыслимаго на родинѣ, и изъ несчастныхъ пролетаріевъ, вслѣдствіе измѣненія окружающей ихъ среды, вырабатываются въ полезныхъ, самостоятельныхъ гражданъ.

Описавши порядокъ, заведенный на плантаціи, буду продолжать мой рассказъ. Въ теченіи недѣли мы нарѣзали достаточный запасъ вѣстей брумъ-корна, чтобы приступить къ дальнѣйшей его обработкѣ. Кромѣ того, м-ръ Треберъ, привычный опредѣлять качества рабочихъ, достаточно присмотрѣлся къ намъ, чтобы назначать на работу, болѣе подходящую къ способностямъ каждаго.

Оставивъ негровъ и ирландцевъ на полѣ, онъ назначилъ шведовъ для возки срѣзаннаго брумъ-корна на фурахъ въ сарай, такъ какъ эту работу трудно контролировать и обхождение съ лошадьми требуетъ большей внимательности, а, какъ я уже говорилъ, шведы отличались чрезвычайною добросовѣстностію работы; остальныхъ 70 человекъ назначилъ въ сарай для обработки брумъ-корна. Управлять машиной взялся самъ, такъ какъ между рабочими не оказалось ни одного знакомаго съ этимъ дѣломъ. Рабочихъ въ сараѣ разбилъ на три артели: двѣ по 25 и одну въ 20 человекъ, назначивъ къ нимъ форманами Амона, Вигера и меня. Артель Амона должна была сгружать привезенные возы брумъ-корна и вносить ихъ въ сарай, моя—сортировать, подносить въ молотилкѣ и отгребать отъ машины намолоченное сѣмя въ большую кучу внѣ сарая; артель Вигера—относить обмолоченныя кисти и раскладывать ихъ для просушки. Для этого въ сараѣ на стойбахъ были прибиты, въ нѣсколько рядовъ отъ земли до крыши, горизонтальные бруски. На эти бруски поперегъ накладывались легкія жердочки, на которыхъ тонкимъ слоемъ разстилались обмолоченныя кисти брумъ-корна. При сквозномъ вѣтрѣ, бывшемъ постоянно въ сараѣ отъ продѣланныхъ для этой цѣли въ стѣнахъ отверстій, кисти высыхали совершенно дня въ три или въ четыре. Сортировка брумъ-корна производилась слѣдующимъ образомъ: охапки привезенныхъ спутанныхъ кистей клались на длинный столъ, у котораго стояли или сидѣли, какъ кому казалось удобнѣе, рабочіе моей артели. Длинные, прямыя, зеленыя кисти откидывались ими отдѣльно; зрѣлыя, имѣвшія не ярко-зеленый, а желтоватый, иногда красноватый оттѣнокъ, отдѣльно. Такимъ же образомъ раскладывались на два сорта короткія кисти и, наконецъ, въ одну общую кучу кривыя, безъ различія цвѣта, составляющія низшій сортъ. Кисти при сортировкѣ складывались такъ, чтобы комли приходились къ комлямъ какъ можно ровнѣе. Каждый рабочій, набравъ передъ собою такимъ образомъ пять кучъ, по ржаному снопу толщиной, относилъ ихъ къ молотилкѣ, гдѣ складывалъ каждый снопокъ въ соответствующую его сорту одну изъ пяти кучъ, расположенныхъ у молотилки рядами. Моя обязанность была наблюдать за тѣмъ, чтобы рабочіе приносили, по возможности, одинаковое количество хорошо разобранныхъ кистей и, при помощи двухъ рабочихъ, выбранныхъ мною изъ артели, подавали въ молотилку сортированныя кисти. Сначала молотили зеленыя, потомъ, когда запасъ ихъ истощался, принимались за желтыя и т. д., давая каждый разъ знать Вигеру, какой сортъ поступаетъ въ молотилку, чтобы онъ могъ распоря-

даться, куда его складывать для просушки и не перемѣшать разные сорта.

Молотилка устроена такимъ образомъ: два горизонтальныхъ деревянныхъ вала, снабженные шипами, или тупыми гвоздями, вбитыми въ нихъ на разстояніи дюйма одинъ отъ другого, въ шахматномъ порядкѣ, вращались въ противоположныя стороны и обмунивали съ попавшихъ между ними кистей брумъ-ворна некрѣпко приросшія сѣмена, нисколько не повреждая самыхъ кистей. Длинное безконечное полотно идетъ по горизонтальному направленію около самыхъ валовъ, составляя съ ними уголъ градусовъ въ 15. Полотно это снабжено по краямъ особыми защипками, между которыми небольшимъ валикомъ, подъ которымъ проходитъ полотно, положенныя на него кисти плотно зажимаются и не могутъ высочить, когда ихъ подтянетъ подъ шипы обмолачивающихъ валовъ. Кисти брумъ-ворна кладутся на полотно такъ, чтобы верхняя часть, покрытая сѣменами, свѣшивалась съ полотна на сторону, гдѣ находятся валы, и попадала между ними. Обмолоченныя кисти, пройдя валы, при поворотѣ безконечнаго полотна, вываливались на полъ, откуда ихъ уносили для просушки. Сѣмена падали по другую сторону валовъ и выгребались черезъ отверстіе въ стѣнѣ наружу сарая, гдѣ складывались въ кучу. Молотилка приводилась въ движеніе ремнемъ отъ 15-ти сильного локобиля, помѣщеннаго внѣ сарая, подъ особо-устроеннымъ навѣсомъ.

Хотя работа въ сараѣ требовала большей внимательности и работать приходилось почти безъ отдыха, все-таки было легче, чѣмъ въ полѣ: не жгло солнцемъ, да и сидя, не употребляя почти усилій руками, не такъ устанешь; какъ отъ постоянной бѣготни по полю между стеблями брумъ-ворна. Относительно физическаго напряженія при молотилкѣ мнѣ было легче другихъ, почему, не желая потерять занятого мною положенія формана, я употреблялъ всѣ усилія, чтобы возбуждать находившихся подъ моимъ вѣдѣніемъ рабочихъ къ добросовѣстной работѣ и зорко слѣдилъ за тѣмъ, хорошо ли разсортированы приносимыя ими охапки брумъ-ворна. Тутъ я на себѣ испыталъ преимущество назначенія распорядителя изъ среды самихъ рабочихъ передъ посторонними, специально для этого нанятыми десятниками, или форманами. Тогда какъ послѣдній, увѣренный въ своемъ положеніи, можетъ поддаться лѣни и смотрѣть на работу не съ одинаково напряженнымъ вниманіемъ, рабочій будетъ, какъ говорится, лѣзть изъ кожи, чтобы не потерять своего непрочнаго положенія исправляющаго должность формана,—обязанность, во-

торая мало того, что всегда сопряжена съ менѣ тяжелой работой, но и лстить самолюбію.

Когда машина не требовала присутствія м-ра Требера, то онъ приходилъ на нѣсколько минутъ въ сарай и, помогая работать той или другой артели, старался поддерживать веселое настроеніе рабочихъ; такъ что при шуткахъ, хохотѣ и разговорахъ рабочіе часы проходили очень быстро, безъ тѣни того томительнаго ожиданія, когда зазвонятъ къ шабашу, проявлявшагося каждый разъ при копаньѣ глины на кирпичномъ заводѣ или при ломаньѣ и рѣзаньѣ взапуски брумъ-корна въ полѣ. Работа въ сараѣ съ перваго раза пошла успѣшнѣе, чѣмъ ожидалъ м-ръ Треберъ, что, видимо, доставляло ему большое удовольствіе, и въ пятницу къ обѣду была окончена молотба, долженствовавшая кончиться въ субботу. По окончаніи молотбы, всѣ три артели заставили снимать и сносить въ кучи просохшій брумъ-корнъ къ тому мѣсту, гдѣ предполагалось установить прессы. Потомъ установили и самыя прессы такъ, чтобы можно было приступить съ понедѣльника, тотчасъ по приходѣ на работу, къ прессованію. Все это заняло часа два времени, то-есть отъ часа до трехъ, послѣ которыхъ м-ръ Треберъ объявилъ намъ, что въ этотъ день мы можемъ болѣе не работать. Это очень обрадовало рабочихъ съ сѣднихъ фермъ, давъ имъ возможность сходить домой почти на цѣлыхъ полдня.

Въ субботу всѣхъ отправили въ поле, кромѣ Вигера, Амона и меня, которыхъ м-ръ Треберъ, въ видахъ поощренія, захотѣлъ избавить отъ сравнительно тяжелой работы и послалъ въ Пексенъ, отвезти для починки ломаные инструменты и привести оттуда проволоки для обручей на брумъ-корнъ и сѣстныхъ припасовъ. Такъ какъ намъ нужно было пробыть въ городѣ до вечера, пока инструменты будутъ починены, то кромѣ записокъ мастерамъ и въ лавки, онъ выдалъ намъ на содержаніе 10 долларовъ, не въ счетъ заработанной платы. Возложенныя на насъ порученія намъ удалось исполнить хорошо. Проволоку мы отыскали и купили не новую, а уже бывшую разъ въ употребленіи, что уменьшало работу на разрѣзку и загибаніе концовъ, а стоимостью она была почти на половину дешевле противъ новой. Такъ какъ всѣ трое мы были непьющіе, то вернулись домой не поздно и трезвые, что доставило опять большое удовольствіе м-ру Треберу. А узнавъ, что при покупкѣ проволоки мы воспользовались тѣмъ, что онъ говорилъ во время работы, что бывшая въ употребленіи проволока выгоднѣе новой и составили ему экономію, рассчиталъ какъ велика эта экономія и объявилъ намъ, что половину ея онъ счи-

таеть принадлежащею по праву намъ, почему мы и получимъ при расчетѣ по 23 лишнихъ доллара каждый. Говорить нечего, что намъ пріятно было заработать въ какіе-нибудь полчаса лишней ходьбы по желѣзнымъ лавкамъ сумму, изъ за-которой пришлось бы работать почти цѣлыхъ двѣ недѣли. Въ воскресенье шелъ дождь, почему большая часть рабочихъ сидѣла на сѣновалѣ надъ конюшней, куда пришли и помѣщавшіеся надъ скотнымъ дворомъ. Въ своемъ помѣщеніи, на сѣновалѣ, мы постарались окружить себя возможнымъ комфортомъ. Изъ досокъ сдѣлали себѣ ящики, въ родѣ тѣхъ, какіе устроены на корабляхъ въ между-палубномъ пространствѣ. Натаскавъ въ эти ящики сѣна изъ большой скирды, бывшей около конюшни, устроили себѣ отличныя постели. Щели, между досками, въ стѣнахъ законопатели и прорѣзали, съ разрѣшенія м-ра Требера, окошки, снабженныя задвижками. Посрединѣ сѣновала, на старыхъ бочкахъ отъ солонины, устроили длинный столъ, у котораго можно было заниматься, сидя на боченкахъ отъ масла, вполнѣ замѣнявшихъ табуреты, такъ что сѣноваль принялъ видъ очень удобнаго жилища.

Послѣ обѣда, въ воскресенье, многіе, въ томъ числѣ и я, сидѣли за импровизованнымъ столомъ и писали письма; вдругъ, послѣ сильнаго взрыва ругательства, у одного конца стола раздался ужасный крикъ, похожій скорѣе на рычаніе звѣря, чѣмъ на крикъ человѣка. Двое рабочихъ, ирландецъ и негръ, поссорились; ирландецъ ударилъ негра до крови въ глазъ, за что негръ хватилъ его ножомъ. Драка могла бы кончиться очень трагично, если бы бывшіе вблизи рабочіе не растащили дерущихся и не поддержали, пока они успокоились. Причина ссоры была слѣдующая: еще въ Чикаго замѣтилъ я, что между нѣмцами и ирландцами существуетъ соперничество, переходящее даже во вражду въ низшихъ слояхъ грубыхъ чернорабочихъ. Но антагонизмъ между нѣмцами и ирландцами можно считать дружескими отношеніями въ сравненіи съ ненавистью и презрѣніемъ, существующими между ирландцами и неграми. До истинной причины этой ненависти я не могъ добратся, но полагаю, что она тождественна съ причиною ненависти къ китайцамъ. Какъ китайцы, такъ и негры довольствуются меньшею задѣльной платою, далеко превосходя способностью работать ирландцевъ: негры на тяжелыхъ работахъ, китайцы на ремеслахъ, требующихъ, при маломъ усилии, впропотливости и терпѣнія. Ирландцы, привыкшіе на родинѣ къ разнымъ стачкамъ и сговорамъ, смотрятъ на всякаго, не считающаго для себя выгоднымъ дѣйствовать за-одно съ ними, какъ на непримиримаго врага. Тутъ-же примѣшивается религіозная нетерпимость,

такъ какъ ирландцы фанатическіе католики, а негры, большею частію, протестанты и цвѣтъ ихъ кожи напоминаетъ цвѣтъ дьявола.

Чарли Треберъ, распорядившись въ полѣ, захотѣлъ воспользоваться этою ненавистью для успѣшнаго хода работъ и потому ставилъ артель негровъ неподалеку отъ артели ирландцевъ съ тѣмъ, чтобы они другъ передъ другомъ торопились работать. Работа, дѣйствительно, пошла успѣшнѣе, но ненависть, выражавшаяся прежде презрительными взглядами, перешла теперь въ насмѣшки и перебранки, которыя, начинаясь на работѣ, продолжались и на сѣновалѣ, гдѣ спали всѣ, безъ различія цвѣта или національности, а по времени поступленія на работу. Въ воскресенье, съ утра, началась перебранка, кончившаяся тѣмъ, что одинъ изъ негровъ назвалъ ирландцевъ ворами, за что и получилъ отъ одного изъ нихъ ударъ въ глазъ. Еще и прежде нѣкоторыя, болѣе горячіе изъ обѣихъ враждующихъ сторонъ, покушались отъ словъ перейти къ кулачной расправѣ, но болѣе разумнымъ удавалось сдерживать эти порывы. Теперь, когда разъ произошла драка, повтореніе ея можно было ожидать на каждомъ шагу; а разъ начнутъ драться—пойдутъ въ дѣло ножи и можетъ выдти очень плохая исторія. Кромѣ того, послѣдніе дни стали пропадать различныя мелкія вещи, какъ-то: ножи, гребни, галстуки, которые рабочіе, уходя на работу, оставляли на сѣновалѣ незапертыми. Очевидно, между нами были личности, которыя, не смѣя попользоваться вещами хозяина, принимались красть у своихъ товарищей. Безнаказанность мелкаго воровства могла поощрить воровъ къ болѣе крупнымъ предпріятіямъ, что было бы очень непріятно. Все это вмѣстѣ побудило насъ устроить какой-либо порядокъ, могущій гарантировать безопасность какъ нашихъ личностей, такъ и вещей.

Надо замѣтить, что мѣстность около Пексена принадлежитъ къ такъ-называемымъ директоріямъ, то-есть большая часть земель принадлежитъ еще Вашингтонскому правительству, а жители, пріобрѣтшіе часть этой земли, слишкомъ малочисленны и недостаточно густо заселены, чтобы быть въ состояніи имѣть свою выборную администрацію, чиновники которой назначаются сюда не по выбору, а отъ правительства штата, и то въ весьма ограниченномъ числѣ. Такъ, въ Пексенѣ и его окрестностяхъ имѣется всего одинъ судья, одинъ констебль и два или три полицмена. Поэтому, сами жители заботятся о своей безопасности, пособляя другъ другу преслѣдовать личностей, нарушающихъ общественный порядокъ, и расправляются съ ними, по усмотрѣнію, или сами, или доставляютъ ихъ къ городскому судѣ.

Вотъ мы и воспользовались этимъ обычаемъ охранять самихъ себя; пригласили м-ра Требера на сѣноваль, и послѣ долгихъ споровъ постановили: 1) Чтобы во время работъ никто не смѣлъ имѣть при себѣ револьвера, ножа или другого оружія; 2) чтобы ежедневно два человѣка, поочереды между всѣми нами, осматривали сѣноваль послѣ ухода рабочихъ, прибирали оставленныя случайно незапертыми вещи и возвращали ихъ хозяину. Если же пропадетъ какая-нибудь вещь, то очередные должны принимать всѣ мѣры къ розысканію ее, имѣя право на этотъ предметъ произвести обыскъ у кого пожелають; 3) всякій, виновный въ нарушеніи двухъ пунктовъ, то-есть уличенный въ ношеніи оружія или въ воровствѣ, долженъ быть тотчасъ же расчитанъ и отправленъ съ плантаціи, причемъ съ укравшаго что-либо удерживается тройная стоимость вещи, въ видѣ штрафа и поступаетъ въ пользу богоугодныхъ заведеній въ Пексенѣ, на постройку которыхъ собираются теперь по подпискѣ деньги; 4) если кто-либо нападетъ на другого и причинитъ ему побой, тотъ также подвергается высылкѣ съ плантаціи и штрафу, смотря по причинѣ, вызвавшей побой, отъ 10 до 20 долларовъ, причемъ побитый не лишается права искать удовлетворенія за обиду у судьи въ Пексенѣ; 5) всякій, кто нанесетъ другому рану острымъ оружіемъ, съ цѣлью лишить его жизни, будетъ препровожденъ къ судѣ въ Пексенѣ, а если окажется при этомъ сопротивленіе, то безъ дальнихъ разговоровъ будетъ повѣшенъ. Эти пять пунктовъ, написанные крупными буквами въ нѣсколькихъ экземплярахъ, были привѣшены у дома, у двухъ сѣноваловъ и сарая, чтобы вновь входящіе рабочіе могли, предъ поступленіемъ на работу, читать ихъ. Кромѣ того, въ предупрежденіе ссоръ, положили, чтобы бѣлые заняли одинъ сѣноваль, а цвѣтные — другой. М-ръ Треберъ, заботившійся о томъ, чтобы не было дѣлаемо никакого различія между рабочими по цвѣту кожи, запротестовалъ-было противъ этого, но долженъ былъ уступить, когда ирландцы стали кричать, что негры издають особый запахъ, дѣлающій ихъ сосѣдство невыносимымъ, и тѣмъ вызвали такой взрывъ негодованія со стороны негровъ, что чуть-было, несмотря на наши новыя постановленія, не пошли въ дѣло ножи.

Мнѣніе, что негръ имѣетъ особый запахъ, распространилось вслѣдствіе ихъ неопрятности во время невольничества, и, по моему, лишено всякаго основанія. Ничѣмъ нельзя такъ разсердить негра, какъ напомнивъ ему о запахѣ, который, будто-бы, издаетъ его тѣло. Кому спать на которомъ сѣновалѣ—предоставили рѣшить жребію. Бѣлымъ пришлось остаться надъ конопшею, а цвѣтнымъ перейти на сѣноваль надъ скотнымъ дво-

ромъ. Мѣры, принятыя нами, оказались дѣйствительными. Дравъ больше не было и вещи перестали пропадать.

Въ понедѣльникъ м-ръ Треберъ растолоковалъ мнѣ, какъ производится прессованіе, далъ мнѣ въ распоряженіе 20 негровъ, какъ болѣе способныхъ на эту работу, и назначилъ меня къ прессамъ. Работа производилась такъ: въ шесть стоячихъ ящико-въ, съ опущенными подвижными днами, накладывали рядами сушенныя кисти брумъ-корна такъ, чтобы тонкіе концы приходились одинъ на другой въ срединѣ, а концы доходили до двухъ, стоящихъ одна противъ другой, стѣнокъ ящика, столько, сколько въ нихъ можно было помѣстить кистей уминая ногами. Когда ящики наполнены, ихъ закрываютъ толстыми крышками и закладываютъ крѣпкими закладками. Тогда, надѣвъ на блокъ ремень отъ паровой машины и помощью особаго механизма съ винтомъ, приподымаютъ къ верху опущенное дно ящика до тѣхъ поръ, пока пространство между дномъ и крышкою, занимаемое кистями брумъ-корна, не уменьшится на $\frac{2}{3}$ противъ прежняго. Ремень снимаютъ съ блока, откидываютъ одну стѣнку ящика, укрѣпленную на шарнирѣ, и затягиваютъ тую брумъ-корна шестью проволочными обручами, пропуская ихъ въ длинныя узвія отверстія стѣнки противуположной съ откидною, и между брусками набитыми на внутреннихъ сторонахъ dna и крышки. Одинъ конецъ проволоки продѣвается въ петлю сдѣланную на другомъ, послѣ чего загибается и завручивается особыми клещами. Въ такомъ тукѣ, имѣющемъ около 4-хъ футъ длины и 3-хъ толщины и ширины и вѣсящемъ отъ 180 до 250 фунтовъ, смотря по качеству матеріала, брумъ-корнъ долго сохраняется, не измѣняя цвѣта и не занимая напрасно мѣста. Онъ перевозится на большія разстоянія, преимущественно въ восточные штаты. При прессованіи брумъ-корна употребляютъ почти такіе же прессы, какъ у насъ при вязаньи льна въ полу-пудки, то-есть кисти лучшаго цвѣта и съ тонкими стеблями кладутся снаружи, а худшее волокно того же сорта внутрь тюка. Это дѣлается не съ цѣлю надувательства, а просто для того, чтобы пощеголять красивымъ видомъ тюко-въ. Подмѣниванье низшаго сорта къ высшему не допускается ни подъ какимъ видомъ, такъ какъ тюки сдаются на совѣсть, и обманъ, если онъ будетъ открытъ, кромѣ наказанія за мошенничество, во всякомъ случаѣ повредитъ личному кредиту какъ самого продавца, такъ и комиссіонера, чрезъ котораго производилась продажа, а дѣловой человекъ въ Америкѣ дорожитъ больше всего на свѣтѣ своимъ личнымъ кредитомъ. При прессованіи брумъ-корна моя обязанность состояла въ томъ, чтобы

наблюдать за правильностью прессованія, т.-е. чтобы прессы накладывались одновременно, чтобы лучшія кисти влялись къ краямъ, чтобы проволока хорошо стягивалась и загибалась и, наконецъ, когда готовые тюки уже вынуты изъ прессы, я долженъ былъ, свѣсивъ ихъ на находившихся тутъ же вѣсахъ, записать вѣсъ каждаго тюка въ особую книгу и надписать на дощечкѣ, прихваченной къ тюку двумя средними обручами, № тюка, его вѣсъ, сортъ и имя плантатора. Какъ бывшему русскому сельскому хозяину, подобная работа была мнѣ очень знакома и не представляла никакихъ затрудненій. Только первый день я не зналъ какъ поддерживать энергію и охоту къ работѣ въ неграхъ, весьма легко поддающихся лѣни. Прибавками я этого сдѣлать не могъ по плохому знанію англійскаго языка, а негры не говорили на другомъ. На слѣдующій день я открылъ, что они очень самолюбивы и остались очень довольны, когда я не покрикивалъ на нихъ въ первый день и не обходился съ ними съ полупрезрительнымъ, покровительственнымъ видомъ, какой имѣютъ обыкновеніе принимать на себя бѣлые рабочіе говоря съ негромъ. Поэтому я сталъ прибавлять къ имени каждаго изъ нихъ слово *мистеръ* (господинъ) и чуть только замѣчалъ, что который-нибудь изъ нихъ начинаетъ прилѣзывать, я, нисколько не возвышая голоса, просилъ одного изъ негровъ, понимавшаго нѣсколько по-французски, передать тому джентльмену, что если онъ усталъ, то пусть лучше выйдетъ отдохнуть и подышать свѣжимъ воздухомъ внѣ сарая, чтобы не задерживать работу остальныхъ, или что ему вѣроятно душно въ сараѣ и было бы пріятнѣе работать въ полѣ на открытомъ воздухѣ, о чемъ, если онъ желаетъ, я могу передать м-ру Треберу. Подобныя замѣчанія вызывали дружный хохотъ негровъ; черный джентльменъ конфузился, какъ-то смѣшно выпучивалъ на меня глаза, умильно улыбался, показывая бѣлые зубы, и принимался работать съ удвоеннымъ стараніемъ. Этотъ методъ удался мнѣ вполне. Негры работали очень хорошо и передали своимъ товарищамъ, что бѣлый формантъ обходится съ ними, какъ съ настоящими джентльменами, за что тѣ стали тоже очень благоволить ко мнѣ, что выражалось умильнымъ ослабленіемъ бѣлыхъ зубовъ, появившихся бѣлымъ пятномъ на черномъ лицѣ, при встрѣчѣ со мною.

Работа шла успѣшно до пятницы, какъ вдругъ, когда надо было спрессовать второй разъ наложенные прессы, надѣтый на блокъ ремень отказался работать. На другомъ концѣ сарая, молотилка, у которой послѣ меня стоялъ Вигеръ, тоже вдругъ остановилась. Между тѣмъ слышно было, что машина работает и м-ръ Треберъ, управлявшій ею, не останавливалъ ее; напротивъ,

поршни заходили въ цилиндрахъ быстрѣе и быстрѣе. Отправился на машину, чтобы сообщить о случившемся м-ру Треберу и узнать о причинѣ остановки. Оказалось, что чугунный блокъ, приводившій въ движеніе ремни на молотилкѣ и прессахъ, по какой-то неизвѣстной причинѣ разлетѣлся на три части. Такъ какъ подобная вещь случается очень рѣдко, то при машинѣ не имѣлось запаснаго блока. На несчастье вблизи Пексена не было ни одного литейнаго завода, гдѣ бы можно было достать блокъ, и приходилось выписывать его изъ Чикаго, на что бы потребовалась по крайней мѣрѣ недѣля; а тѣмъ временемъ машина должна была стоять безъ работы, причемъ остановка молотбы и прессованья могла причинить значительные убытки, какъ въ качествѣ брумъ-корна, могшаго испортиться отъ долгаго лежанья немолоченнымъ въ кучахъ, отчего онъ потерялъ бы цвѣтъ и упругость, такъ и въ срокѣ доставки къ коммиссіонеру. Это неприятное обстоятельство сильно опечалило м-ра Требера. Онъ тотчасъ же отправилъ на почту письмо на механическій заводъ въ Чикаго, а всѣхъ рабочихъ послалъ на поле, рѣзать брумъ-корнъ. Во время занятій хозяйствомъ въ Россіи, мнѣ часто приходилось чинить сломанныя части машинъ желѣзомъ и деревомъ, при помощи доморощенныхъ кузнецовъ и плотниковъ. Никогда не ожидалъ я, чтобы прибрѣтенная мною въ этомъ дѣлѣ опытность пригодилась въ Америкѣ. Но вышло такъ. Я рассказалъ м-ру Треберу какъ это мнѣ приходилось дѣлать и полагаю, что блокъ можно сплести провернувъ въ немъ дырки и пропустивъ въ нихъ желѣзные прутья, и что хотя я самъ, можетъ быть, не въ состояніи это сдѣлать, такъ какъ не умѣю ковать, но указать какъ сдѣлать—могу. М-ру Треберу понравилась эта мысль, а какъ между рабочими не оказалось ни одного кузнеца, то онъ рѣшилъ, что мы вдвоемъ отправимся въ мастерскую и общими силами какъ-нибудь постараемся починить блокъ. Отнесли куски блока въ мастерскую, проработали до вечера, по неумѣнью ковать испортили порядочно желѣза, но все-таки добились своего, починили блокъ, такъ что онъ отлично прослужилъ намъ двѣ недѣли, пока привезли новый изъ Чикаго. Въ это время м-ру Треберу надо было отлучаться часто изъ дому, да и подъ машиной вѣроятно надобно сидѣть, почему онъ назначилъ на мое мѣсто къ прессамъ Амона, а меня приставилъ къ машинѣ. Эта новая должность очень мнѣ понравилась. Во-первыхъ, я могъ научиться управлять паровой машиной, что чрезвычайно полезно американскому рабочему, такъ какъ въ Америкѣ паръ примѣненъ гдѣ только возможно; во-вторыхъ, тяжелой работы мнѣ прихо-

дилось всего какой-нибудь часъ въ день: именно, утромъ до бреквеста, заготовить нужное количество каменнаго угля, затопить печь и развести пары, а вечеромъ—высыпать золу въ особую бучу за сараемъ, смазать масломъ и вычистить нѣкоторыя части машины. Затѣмъ въ теченіи цѣлаго дня, поставивъ разъ огонь такъ, чтобы стрѣлка динамометра показывала девяносто, время отъ времени вкидывать лопату или двѣ угля въ печь для равномернаго поддержанія жара, да еще раза два въ день пособить свалить бочки съ водою, которую конные рабочіе привозятъ для питанія паровика. Остальное время у машины я могъ заниматься тѣмъ хотѣлъ. Въ то же время м-ръ Треберъ, рассчитывая уѣхать съ Чарли по дѣламъ на нѣсколько дней съ плантаціи, не хотѣлъ оставлять домъ безъ караула ночью, а такъ какъ мнѣ приходилось вставать раньше другихъ рабочихъ, что было несовсѣмъ удобно на сѣновалѣ, то онъ и предложилъ мнѣ перебраться въ домъ съ тѣмъ изъ товарищей, котораго я считалъ благонадежнымъ. Я выбралъ Чарли Вигера. Въ теплой комнатѣ на кровати спать было не въ примѣръ лучше, чѣмъ на сѣновалѣ, гдѣ, несмотря на принятые нами мѣры, по ночамъ часто нельзя было заснуть отъ холода.

Впрочемъ, недолго пришлось мнѣ управлять машиной. Чарли Треберу понадобилось уѣхать недѣли на двѣ въ Чикаго, такъ что въ администраціи надо было сдѣлать преобразованія. Кромѣ того въ полевыхъ работахъ стали замѣтны упущенія. Во время частыхъ отлучень Чарли, надзоръ за рабочими въ полѣ лежалъ на форманахъ артелей. Конная артель и артель ирландцевъ, гдѣ форманами были два очень толковые шведа, работали по прежнему. Но артель негровъ, работавшая прежде успѣшнѣе бѣлой, стала сильно отставать. Это происходило оттого, что когда цвѣтныхъ помѣстили отдѣльно отъ бѣлыхъ, мулаты и два негра обидѣлись и ушли съ работы, а изъ оставшихся трудно было выбрать хорошаго формана. Противъ этого надо тоже было принять мѣры.

Мистеръ Треберъ распорядился такъ: поставивъ Чарли Вигера съ помощникомъ по его выбору у машины, поручилъ ему надзоръ за свалкой, сортировкой и молотьбой брумъ-корна, а такъ какъ Вигеръ хорошо владѣлъ англійскимъ языкомъ, то долженъ былъ вести и хозяйственныя книги. Просушку и прессованіе поручили Амону, мнѣ же мистеръ Треберъ довѣрилъ надзоръ за всѣми отраслями хозяйства на плантаціи, прося при этомъ воспользоваться расположеніемъ негровъ и найти способъ заставить ихъ работать успѣшнѣе. Эта новая должность была очень хлопотлива, такъ какъ съ утра до поздняго вечера прихо-

дѣлось бѣгать или скакать верхомъ въ разные концы плантаціи, а также возить миссъ Треберъ въ качествѣ кучера, когда ей вздумается съѣздить къ сосѣдямъ въ гости, сдавать брумъ-корнъ въ Пексенъ и закупать разные нужные въ хозяйствѣ припасы. Но за то эти хлопоты, кромѣ значительной прибавки жалованья, исполнѣ вознаграждались возможностью изучить веденіе американскаго плантаторскаго хозяйства на практикѣ и присмотрѣться къ фермерскому хозяйству на сосѣднихъ фермахъ.

Кромѣ обработки брумъ-корна, составлявшей главный предметъ занятій, на плантаціи были развиты другія отрасли хозяйства, которымъ, по ихъ сравнительно малымъ размѣрамъ, не придавали здѣсь особеннаго значенія, а ставили ихъ на второй планъ, несмотря на то, что сами по себѣ онѣ могли бы составить у насъ въ Россіи огромное хозяйство, съ особою администраціею и массою безтолково суетающихся дешевыхъ рабочихъ. Такъ, у насъ было, кромѣ 50-ти рабочихъ лошадей, преимущественно старыхъ, купленныхъ за возможно дешевую цѣну, лишь бы возили, до 40-ка кобылицъ хорошей полукровной кентугійской породы, негодныхъ на работу, но могущихъ еще имѣть жеребятъ. Эти кобылицы случались съ заводскими жеребцами богатаго фермера Сульвана, миляхъ въ 30-ти отъ Пексена. Кромѣ нынѣшнихъ жеребятъ отъ этихъ кобылицъ, было еще скуплено нѣсколько годовалыхъ и двухлѣтнихъ. Весь этотъ табунъ постоянно пасся въ полѣ и загонялся на ночь въ кораль, до глубокой осени, къ которому времени предполагалось устроить особую конюшню. Для пастбы и надзора за этимъ табунномъ имѣлся одинъ пастухъ, мулатъ, пріучившій до того лошадей къ себѣ, что они слушались его голоса и не представляли никакихъ затрудненій при пастбѣ и загонѣ. На свотномъ дворѣ имѣлось до 150-ти штукъ скота, изъ которыхъ 20 дойныхъ коровъ, остальные телята разныхъ возрастовъ. Для ухода за скотомъ имѣлось швейцарское семейство, состоявшее изъ отца, трехъ сыновей и пяти взрослыхъ женщинъ. Это семейство не получало жалованья, а довольствовалось помѣщеніемъ, опредѣленнымъ количествомъ съѣстныхъ припасовъ и молочными скопами отъ 20 дойныхъ коровъ. Впрочемъ, скопы всѣ покупались мистеромъ Треберомъ на плантацію за наличныя деньги. Какъ лошади, такъ и большая часть скота были скуплены по случаю, поштучно, не приносили дохода и служили, по словамъ м-ра Требера, основаніемъ обширнаго коневодства и скотоводства, которыми онъ думалъ заняться впоследствии. Для улучшенія мѣстной, нѣсколько переродившейся породы скота, м-ръ Треберъ выписалъ одного заводскаго

была и четырехъ коровъ чистой кентукійской породы. Пять штукъ обошлись ему до 2000 долларовъ. У скотнаго двора, въ коралѣ имѣлось до 200 овецъ мясной длиннохвостой породы, а за садомъ, въ особой плотной загороди, около 300 свиней разныхъ возрастовъ. Для ухода за овцами и свиньями не было назначено особыхъ людей; овцы ходили въ полѣ со скотомъ, а о существованіи свиней, кажется, забылъ самъ хозяинъ. Когда навоплялась большая куча сѣмянъ брумъ-корна, такъ что затрудняла откапыванье ихъ отъ молотилки, къ вечеру сами рабочіе нагружали ими нѣсколько фуръ и отвозили къ свиньямъ. Такъ какъ брумъ-корна было много и часто приходилось отвозить сѣмяна, то свиньи не терпѣли недостатка въ кормѣ и сильно жирѣли. Ничтожное число прислуги при домашнихъ животныхъ объясняется тѣмъ, что, въ случаѣ надобности, всякій изъ рабочихъ въ свободное время охотно помогать ухаживать за ними. Такъ, для рабочихъ лошадей нужное количество сѣна рѣдко накапывалось и привозилось въ конюшни по назначенію м-ра Требера. Большою частію послѣ ужина нѣсколько человекъ брали возилку и фуру, запрягали не бывшихъ въ тотъ день на работѣ лошадей и заготавливали нужное количество травы. Рабочимъ конной артели оставалось передъ началомъ работы и въ концѣ ея только напоить лошадей. Шипки маиса, дававшіяся по 10 штукъ на лошадь, два раза въ день, всегда наламывались идущими мимо маисоваго поля съ работы и складывались въ особый ящикъ въ конюшнѣ. Разумѣется, забота о томъ, чтобы все заготавливалось какъ бы само собой, лежала на Чарли, а по его отъѣздѣ на мѣ. Для продовольствія рабочихъ мясо, сыръ, масло, картофель и пр. бралось въ Пексенъ на счетъ, уплачиваемый каждую субботу. Для записыванья взятыхъ продуктовъ имѣлась особая книга, куда хозяинъ лавки всякій разъ вписывалъ взятое количество. И такъ, моя новая должность состояла въ томъ, чтобы, принявъ вечеромъ отъ рабочихъ инструменты, объѣхать и осмотрѣть все хозяйство; дома передать Витеру что сдѣлано въ теченіе дня, для записки въ книги, при чемъ обыкновенно присутствовалъ м-ръ Треберъ, и справиться, какіе запасы приходится купить въ городѣ; на утро разбудить рабочихъ, рассчитать на артели и выдать имъ инструменты; потомъ объѣхать и осмотрѣть порядокъ на всей плантаціи, принять мѣры для заготовленія недостающаго корма или исправленія какого-либо случайнаго беспорядка; нарядить нужное число фуръ для отправки спрессованнаго брумъ-корна въ Пексенъ и отправиться для сдачи его, если м-ръ Треберъ не ѣхалъ самъ. Послѣ обѣда обыкновенно приходилось ѣхать съ

миссъ Треберъ куда-нибудь и возвращаться къ ужину. Если же къ ужину мы не успѣвали вернуться, то вечеромъ, инструменты и отчетъ отъ формановъ принималъ или самъ м-ръ Треберъ, или Чарли Вигеръ. Труднѣе всего было справиться съ неграми, сильно лѣнившимися на работѣ. Придумывалъ я разные способы заставить ихъ работать въ мое отсутствіе, пробовалъ награждать самыхъ прилежныхъ и разчитывать лѣнливыхъ, старался задѣвать самолюбіе, смѣнялъ формановъ—ничто не помогало. На практикѣ подтвердилось, что если нѣтъ внутренней причины, возбуждающей къ работѣ, ни награда впереди, ни страхъ наказанія не могутъ побудить артель работать хорошо, хотя бы рабочіе сами сознавали, что работать слѣдуетъ. Наконецъ, мнѣ удалось выдумать мѣру, которая привела къ желаемымъ результатамъ. Изъ бѣлой артели я отобралъ 20 человекъ лучшихъ рабочихъ и поставилъ ихъ двумя партіями между негровъ. Негровъ разбилъ также на партіи по 11 человекъ, предоставивъ каждой избрать изъ своей среды лучшаго работника въ формана. Форманъ не имѣлъ своего отдѣльнаго ряда для лomanья брумъ-корна, а долженъ былъ помогать отстающимъ, что подвергало послѣднихъ насмѣшкамъ товарищей. Съ одной стороны, конкуренція съ ненавистными ирландцами, съ другой—страхъ подвергнуться насмѣшкамъ и желаніе попасть форманомъ въ свою партію, такъ какъ кромѣ почета эта должность давала возможность погулять,—все это возбуждало охоту къ работѣ, и когда я употребилъ эту мѣру, какъ послѣднюю, отчаяваясь добиться толку отъ черныхъ лѣнтяевъ, безъ помощи мулатовъ, работы вдругъ пошли гораздо успѣшнѣе, чѣмъ я ожидалъ.

Справляться съ такимъ большимъ и сложнымъ хозяйствомъ и содержать его въ порядкѣ, какъ видно изъ моего разсказа, не представляло особеннаго затрудненія. Причиною этого была, во-первыхъ, разумная систематичность разъ заведеннаго порядка, поддерживаемаго потомъ, какъ заведенная машина. Отступленій отъ этого порядка не допускалось, а если таковыя случайно и встрѣчались, то тотчасъ же были исправляемы. Во-вторыхъ, всякое дѣло, какъ бы оно маловажно ни казалось, ни подъ какимъ видомъ не оттягивалось. То, что должно было сдѣлать сегодня, не откладывалось на завтра, если была въ этомъ какая-либо возможность. Наконецъ, въ-третьихъ, строгая отчетность до мельчайшихъ подробностей и правильная бухгалтерія. Бухгалтерія не отличалась сложностью и числомъ повѣряющихъ одна другую книгу, но при простотѣ и подробности, а главное, по вѣрности вписываемыхъ данныхъ, давала возможность во всякое время

опредѣлить состояніе каждой отрасли хозяйства до малѣйшей мелочи. Такъ какъ подобная бухгалтерія могла бы быть съ большимъ успѣхомъ примѣняема въ русскихъ хозяйствахъ, то постараюсь описать ее подробнѣе. Первая и самая важная изъ книгъ — это дневной журналъ. Въ нее вписывалось, какими работами занимались въ теченіе дня и сколько сработано; общее число рабочихъ и число ихъ, употребленныхъ на каждую работу, имена формановъ каждой партіи; число и имена бывшихъ въ работѣ лошадей и хозяйственныхъ орудій записывалось въ особыхъ для этого сдѣланныхъ графахъ. Дальше писалось предположеніе работъ на слѣдующій день, количество инструментовъ оказавшихся не испорченными при приемѣ, количество запасовъ, привезенныхъ въ города и употребленныхъ въ пищу, особыя работы и посылки рабочихъ, количество сданнаго комиссіонеру брумъ-корна и № приемочной квитанціи. Наконецъ, замѣчанія о погодѣ и вліяніе ее на хозяйство, и растительность, и разныя другія мелкія замѣтки. Для повѣрки хода работъ, въ началѣ книги было сдѣлано распределеніе работъ по мѣсяцамъ, съ обозначеніемъ количества запаханной земли и числа рабочихъ, нужныхъ въ каждомъ мѣсяцѣ для успѣшнаго хода работъ и ихъ приблизительная стоимость.

Вторая книга, гдѣ записывалось состояніе инвентаря. Она состояла изъ нѣсколькихъ отдѣловъ. Первый отдѣлъ — лошади. Противъ именъ, прописанныхъ въ рядъ вдоль страницы, помѣщались графы для обозначенія масти и примѣтъ, лѣтъ, стоимости при покупкѣ. Далѣе, болѣе просторныя графы, раздѣленныя соответственно шестидѣтнимъ мѣсяцамъ, по двѣ графы на каждый мѣсяць. Въ одной изъ этихъ графъ отмѣчалось число, въ которое лошадь употреблялась на работу, въ другой — дни, когда она была больна и дни ковки. Наконецъ, въ особой графѣ замѣчанія о ея качествахъ и поровахъ, даже о тѣлности въ разное время. Это для рабочихъ лошадей. Для вобылицъ, послѣ примѣтъ, стоимости и лѣтъ прописывалось время случки, имя жеребца, съ которымъ случена и когда жеребилась. Замѣчанія о характерѣ и молочности. Купленные жеребята записывались съ обозначеніемъ стоимости, лѣтъ и происхожденія, если оно было извѣстно. Въ этомъ же родѣ былъ составленъ отдѣлъ для рогатаго скота. Овцы и свиньи записывались огуломъ, послѣ того, какъ ихъ пересчитывали, что дѣлалось разъ мѣсяца въ два. Затѣмъ шли отдѣлы машинъ, орудій и збруи. Они всѣ прописывались по № съ обозначеніемъ первоначальной стоимости. Въ особыхъ графахъ отмѣчалось, когда они испортились и въ какое время починены и вновь поступили на работу съ обозначеніемъ

стоимости починки, также замѣчаніе о удобствѣ или неудобствѣ въ работѣ. Мелкіе инструменты записывались огуломъ, и каждый день отмѣчалось только число выбывшихъ по негодности или вновь поступившихъ.

Въ концѣ каждой недѣли подводились итоги и свѣрялись съ дѣйствительнымъ состояніемъ хозяйства. По этимъ двумъ книгамъ можно было дать себѣ ясный отчетъ о состояніи хозяйства во всякое время, о томъ, идутъ ли работы успешнѣе предполагаемаго или отстаютъ отъ него. Наконецъ, можно было знать впередъ, отправляясь на распредѣленіе работъ, какими средствами можно располагать, что даетъ возможность быстро распредѣлять работы, не останавливаясь изъ-за какой-нибудь неожиданно оказавшейся въ неисправности машины или фуры или по недостатку годныхъ въ работу лошадей. Понятно, что подобныя книги полезны, когда онѣ ведутся вѣрно, а не составляются на показъ, иначе онѣ только собьютъ съ толка и принесутъ существенный вредъ. Поэтому на аккуратное веденіе этихъ двухъ книгъ обращалось особенное вниманіе. Если же и вкрадывалась ошибка, то она оказывалась тотчасъ при субботней повѣркѣ. Въ такомъ случаѣ, ни подъ какимъ видомъ не дозволялось подводить или исправлять записанныхъ данныхъ, а просто подъ итогомъ прописывалось, что при повѣркѣ оказалось, что цифры въ книгѣ не сошлись съ дѣйствительностью въ томъ-то и томъ-то, почему для дальнѣйшихъ соображеній принимать такіа-то цифры соответствующими дѣйствительности. Кромѣ этихъ двухъ книгъ велась простая приходо-расходная денежная книга, книга расчета съ рабочими и, наконецъ, приходо-расходная книга продуктовъ, состоявшихъ въ вѣдѣніи миссъ Треберъ. Въ ней же былъ расчетъ съ торговцами, у которыхъ забирали продукты.

По возвращеніи Чарли изъ Чикаго, гдѣ онъ пробылъ всего недѣлю и пріѣхалъ съ матерью и сестрою, ему приходилось сопровождать м-ра Требера въ его поѣздкахъ и отлучаться съ плантаціи часто одному. Поэтому м-ръ Треберъ считъ болѣе удобнымъ оставить за мною должность старшаго формана, что очень обрадовало Чарли. Однообразныя занятія на плантаціи не соответствовали еще несложившемуся, живому характеру, да въ его годы врядъ ли полезно было заниматься слишкомъ усидчиво серьезнымъ дѣломъ, когда хочется еще поиграть и пошалить. Къ постояннымъ моимъ обязанностямъ м-ръ Треберъ отнесъ также сдачу прессованнаго брумъ-корна. При сдачѣ ему самому и Чарли, какъ хозяевамъ, неловко было гнаться за каждымъ фунтомъ или полфунтомъ, чѣмъ пользовались пріемщики. Мнѣ же, какъ служа-

щему, гнаться за всякою мелочью было не только не предосудительно, но даже приносило мнѣ личную пользу, такъ какъ самыя пріемщики питали большее уваженіе къ человѣку, заботящемуся объ интересѣ довѣрителя, и могли со временемъ, составивъ хорошее мнѣніе о моей добросовѣстности, во многомъ быть мнѣ полезными. Поэтому, при перевѣшиваніи тюковъ, я торговался изъ-за всякаго полуфунта, даже осьмушки. При большомъ количествѣ сдаваемого брумъ-ворна эти фунты, могшіе пропасть даромъ, составляли очень почтенную цифру, почти покрывающую прибавку къ моему жалованью, которое мнѣ было назначено за все время форманства, по три доллара въ день.

Увлечшись описаніемъ работъ на плантаціи, я оставилъ въ сторонѣ нашу жизнь внѣ работы. Между тѣмъ, именно въ этой жизни находилось основаніе того порядка и добрыхъ отношеній, существовавшихъ между м-ромъ Треберъ и его рабочими. М-ръ Треберъ избѣгалъ всего, что бы могло напоминать намъ разницу между хозяиномъ и наемщиками. За обѣдомъ онъ довольствовался одною пищею съ рабочими, ѣлъ за однимъ общимъ столомъ, причемъ миссъ Треберъ прислуживала намъ вмѣстѣ съ женскою прислугою. Въ случаѣ кому-нибудь изъ рабочихъ встрѣчалась кака-либо надобность въ городѣ, онъ предупреждалъ о томъ м-ра Требера и тотъ всегда, при первой поѣздкѣ, исполнялъ желаніе рабочаго или устраивалъ такъ, что въ городъ съ фурами приходилось ѣхать желающему этого. Довольно часто на плантацію пріѣзжали въ гости сосѣдніе плантаторы и фермеры съ ихъ семействами. Въ такихъ случаяхъ, по окончаніи работъ приглашались въ домъ рабочіе. Но такъ какъ не всѣхъ можно было пустить въ общество леди, а приглашеніемъ по выбору можно было обидѣть остальныхъ, то м-ръ Треберъ устраивалъ такъ: пригласивъ къ себѣ на вечеръ всѣхъ, онъ объявлялъ, что кто хочетъ, пусть придетъ къ нему въ домъ, а для остальныхъ будетъ приготовлено виски и пиво въ рабочемъ сараѣ. Кто предпочиталъ виски и вообще считалъ себя не совсѣмъ пригоднымъ для того, чтобы занимать леди, отправлялся въ сарай, гдѣ тоже не обходилось безъ женскаго общества, такъ какъ нѣсколько леди изъ нашихъ работницъ, недавно прибывшія изъ Ирландіи, а также негритянки, чувствовали себя гораздо свободнѣе въ кругу своихъ нѣсколько подгулявшихъ земляковъ. Если же кто-либо изъ чернорабочихъ и заходилъ въ домъ, то видя, что это ему неподходящее мѣсто, скоро уходилъ. Въ очищенномъ, такимъ образомъ, обществомъ вечера проходили весело. Многіе изъ сосѣдей и рабочихъ были музыканты, такъ

что составлялся очень порядочный хоръ музыки. Устраивались танцы въ приемной и столовой, гдѣ на этотъ случай убирались въ сторону столы и скамейки; послѣ танцевъ игры, которыя особенно любили молодыя леди, чтобы пощеголять ловкостью и остроуміемъ, и, право, забывалось, что находишься работникомъ въ мѣстѣ, чуть ли не со вчерашняго дня отнятомъ у индѣйцевъ. Часто м-ръ Треберъ приглашалъ на плантацію ходячихъ комедіантовъ и фокусниковъ, къ великому восторгу негровъ. Заботы м-ра Требера о своихъ рабочихъ не ограничивались тѣмъ, что онъ старался доставить имъ развлеченіе, чтобы они не соскучились. Многие желали, чтобы часть заработанныхъ денегъ поступала ихъ семействамъ въ Чикаго или помѣщалась въ севингъ-банкъ. Объ этомъ каждую субботу писалось м-ссь Треберъ и дня черезъ три рабочіе получали квитанцію въ томъ, что ихъ деньгами распорядились по ихъ желанію. У многихъ были процессы, съ которыми имъ, какъ людямъ новымъ въ краѣ, было трудно справиться. М-ръ Треберъ посовѣтовалъ имъ обратиться къ своему знакомому адвокату, за которымъ самъ сѣзидилъ въ Чикаго. Всѣ процессы были окончены, нѣкоторые выиграшемъ, остальные, невѣрные, мировую, къ большой радости рабочихъ, уже унавившихъ отчасти, что за расходы и проволочки сопровождаютъ гражданскій процессъ въ Америкѣ. Не знаю, что побуждало м-ра Требера обходиться такъ съ своими рабочими, расчетъ или природная доброта и желаніе пособить каждому въ чемъ можетъ. Вообще въ его характерѣ встрѣчались противорѣчія, которыя и положительно не могу понять. М-ръ Треберъ, нѣсколько разъ разорвавшійся и составлявшій себѣ состояніе, человекъ, выдавшій въ своей жизни всего и худого и хорошаго, врагъ всякихъ почестей и отличій, отказавшійся быть альдерменомъ, когда его выбрали, обыкновенно небрежный въ своемъ костюмѣ, пришелъ въ ребяческій восторгъ, когда купилъ у пелера запонки въ 20 центовъ. Цѣлый день любовался онъ своею покупкой, показывая ее всѣмъ встрѣчнымъ. Всегда спокойный и ровный, онъ увлекался, какъ десятилѣтній мальчикъ, какой-нибудь школьнической шуткой, которую молодежь продѣлывала съ миссъ Треберъ, и всякій разъ хотеть до истерики и часто самъ принималъ участіе, что еще больше утверждало миссъ Треберъ, никогда не сердившуюся за шутку, что ея братъ совсѣмъ еще ребенокъ. Для примѣра расскажу одну изъ продѣлокъ, какими забавлялись въ свободное отъ работъ время цивилизаторы дикаго края.

Садъ нашей плантаціи, посаженный въ прошломъ году, не могъ давать плодовъ, которые составляли у насъ на плантаціи

большую рѣдкость и иногда привозились изъ города или съ фруктовой плантаціи, миль за 10 отъ нашей. Въ одну изъ поѣздокъ на эту плантацію, съ хозяйками которой миссъ Треберъ была хорошо знакома, ей пришла мысль сдѣлать сюрпризъ м-ру Треберу и нѣкоторымъ изъ рабочихъ, чаще другихъ заходившихъ въ домъ. Ей вздумалось угостить насъ персиковымъ вареньемъ, сваривъ его такъ, чтобы никто объ этомъ не зналъ. Но такъ какъ привезти двѣ тяжелыхъ корзины персиковъ, купленныхъ ею безъ моего вѣдома, было нельзя въ маленькомъ беггѣ, въ которомъ я привезъ ее, то она и рѣшилась сообщить мнѣ свое намѣреніе, обязавъ предварительно обѣщаніемъ не выдавать ея секрета. Улучивъ удобное время по возвращеніи домой, я пронесъ эти корзины въ кладовую, причѣмъ миссъ Треберъ и Алиса, ея помощница, посвященная также въ секретъ, караулили, чтобы кто-нибудь не подошелъ случайно и не увидѣлъ, какъ я пронесъ корзины, съ такимъ волненіемъ и страхомъ, какъ будто дѣло было богъ-знаетъ какой важности. На другой день Чарли Треберъ былъ дома, и мы отдыхали, распредѣливши работы и объѣхавъ плантацію, откуда заѣхали въ рабочій сарай, чтобы дать вспыхнуть лошадямъ и поболтать съ Вигеромъ и пришедшимъ сюда же Амономъ. Вдругъ къ намъ послѣшно подходитъ самъ м-ръ Треберъ съ озабоченнымъ видомъ и передаетъ Чарли важное, сдѣланное имъ сію минуту открытіе. Проходя мимо сада, онъ увидѣлъ, что миссъ Треберъ съ Алисой варятъ персики на притащенной въ садъ переносной печи, и такъ увлеклись своимъ занятіемъ, что не замѣтили его. Для какой цѣли варятся персики — онъ не знаетъ; но было бы славно сыграть штуку съ миссъ Треберъ, утащивъ какъ-нибудь ея варенье, и посмотрѣть, какое она состроитъ лицо, когда откроетъ пропажу. Чарли пришла какъ нельзя больше по вкусу мысль отца — пошкольничать и еще при этомъ полакомиться, должно быть, превкуснымъ вареньемъ тетуськи. Послѣ обѣда онъ приласкался къ миссъ Треберъ, утащилъ тихонько изъ ея кармана ключъ отъ кладовой и, при помощи Вигера, вытащилъ секретное варенье изъ глинянаго горшка, послѣ чего въ него было положено для вѣса нѣсколько кусковъ дерна. Обвязавъ горшокъ тщательно бумагой по прежнему, онъ его опять поставилъ на мѣсто, стараясь при этомъ не оставить никакихъ слѣдовъ своего посѣщенія въ кладовой. Все было предусмотрено, и продѣла должна удалась. Варенье было сдѣдено въ рабочемъ сараѣ, и м-ръ Треберъ отдалъ полную справедливость искусству своей сестры варить варенье. За ужиномъ миссъ Треберъ шепнула мнѣ и нѣкоторымъ рабочимъ, къ кото-

рымъ питала особое расположеніе, чтобы они пришли послѣ ужина въ домъ, гдѣ у нея для нихъ приготовленъ сюрпризъ. Когда всѣ приглашенные собрались за столомъ въ приемной, она торжественно внесла тарелочки, ложечки и таинственный горшокъ; прочитала наставленіе м-ру Треберу, что онъ, принадлежа самъ къ обществу трезвости, подкуетъ своихъ рабочихъ спиртовыми напитками и не догадается застисъ какимъ-нибудь лакомствомъ для непьющихъ, которые были бы наказаны за свое воздержаніе, если бы не было здѣсь ее, чтобы вознаграждать ихъ за его невнимательность относительно послѣднихъ превкусными вареными персиками. При этомъ она развязываетъ бумагу, готовится накладывать варенье на приготовленныя блюбочки и... останавливается въ великомъ недоумѣніи, увидавъ, что ея такъ удачно свареннаго варенья въ горшкѣ нѣтъ. Убѣдившись, что оно исчезло, она чуть не пришла въ отчаяніе, но догадавшись по смѣху м-ра Требера и другихъ, принимавшихъ хотя косвенное участіе въ похищеніи, чьи это штуки, оправилась, и сообщивъ, что она только изъ великодушія не наказываетъ насъ и не оставляетъ всѣхъ безъ варенья за такія непростительныя шалости, принесла другой горшокъ, на этотъ разъ дѣйствительно съ вареньемъ, предназначавшійся къ другому разу. Хотя шутка удалась не вполне и миссъ Треберъ вывернулась изъ приготовленнаго ей неловкаго положенія, но м-ръ Треберъ былъ въ восторгѣ отъ ея хотя минутнаго замѣшательства, въ особенности когда старая миссъ напустилась на меня, полагая, что я открылъ ея секретъ. М-ръ Треберъ заступился за меня, рассказавъ, что всему былъ причиною онъ, причемъ не упустилъ случая весь вечеръ подтрунивать надъ конфузившейся старой миссъ, по поводу будто давно уже замѣченнаго имъ пристрастія къ русскимъ и желанію имѣть съ ними разные секреты.

Я говорилъ выше, что жена м-ра Требера не жила на плантаціи. По слабому, разстроенному здоровью, она не могла вынести жизни въ преріи и жила въ Чикаго, гдѣ занималась воспитаніемъ дочери и, при помощи стараго слуги англичанина, пріѣхавшаго съ нею изъ Англіи и привязаннаго къ ней, да и ко всему семейству Треберовъ, какъ собака, управляла дѣлами мужа, которыхъ онъ поручалъ ей на лѣтніе мѣсяцы. Посѣщенія ея на плантацію составляли у насъ праздники. Наканунѣ ея пріѣзда все приводилось въ наилучшій порядокъ. Малшины и инструменты чистились, поддрачивались и ставились въ ряды, какъ будто приготовленные на смотръ. Изъ конюшни и свотнаго двора выгребался навозъ, отвозился подалше отъ плантаціи и замѣнялся

свѣжей подстилкой. Рабочія лошади, вытиравшіяся ежедневно просто сѣномъ или травой, чистились подъ сребницу. Площадки около дома посыпались бѣлымъ пескомъ, привозимымъ за нѣсколько миль. Входныя двери, окна въ домѣ, также ворота и столбики въ конюшнѣ и сараяхъ украшались гирляндами цвѣтовъ. Изъ табуна приводили четверку вороныхъ лошадей, кажется, нарочно для этого державшихся на плантаціи, и пробовали ихъ въ запряжкѣ, выбирая тѣмъ временемъ искуснѣйшаго кучера, чтобы на другой день везти мистриссъ и маленькую миссъ Треберъ изъ Пексена. Изъ рабочаго сарая доставалась хорошенькая коляска и четверочная сбруя съ бѣлымъ наборомъ, бывшая въ употребленіи только когда м-съ Треберъ пріѣзжала къ намъ. Вечеромъ рабочіе, имѣвшіе ружья, отправлялись на охоту, другіе—на ловлю рыбы въ рѣчкѣ, такъ что къ высоко-торжественному дню, кромѣ запасовъ, привезенныхъ изъ города, бывало приготовлено много дичи и рыбы. Въ день пріѣзда, съ ранняго утра м-ръ Треберъ объѣзжалъ плантацію, осматривая, все ли въ такомъ порядкѣ, какъ приведено наканунѣ вечеромъ, причемъ безпрестанно посматривалъ на часы, боясь опоздать пріѣхать въ Пексенъ до 9-ти часовъ утра—время, когда приходилъ поѣздъ, на которомъ обыкновенно пріѣзжала м-съ Треберъ. Часовъ въ 7 утра запрягалась коляска, бегтѣ—на случай порчи коляски дорогой, сѣдлались лошади для м-ра Требера, Чарли и для пяти или шести человекъ, бравшихся тоже на случай порчи моста на дорогѣ или другого непредвидѣннаго обстоятельства. Лошадь для м-ра Джона, стараго англичанина, всегда сопровождавшаго м-съ Треберъ, выбиралась погорячѣе, сѣдлалась англійскимъ, а не американскимъ сѣдломъ и велась до Пексена въ поводу. Вся кавалькада отправлялась въ Пексенъ, встрѣчала дорогую гостью и привозила на плантацію, гдѣ м-ръ Треберъ, давъ женѣ нѣсколько отдохнуть и оправиться отъ дороги, водилъ или возилъ по хозяйству, показывая все до мельчайшихъ подробностей и отдавая полный отчетъ въ ходѣ работъ съ послѣдняго ея пріѣзда. За обѣдомъ м-съ Треберъ и дочь помогали прислуживать, подчиняясь распоряженіямъ миссъ Треберъ, надѣвавшей въ эти дни шелковый капотъ и бѣлый съ туго накрахмаленными оборками чепецъ, и принимавшей какой-то важный, торжественный видъ, на который м-ръ Треберъ не могъ смотрѣть безъ смѣха.

Послѣ обѣда работъ не было; съѣзжались заранѣе приглашенные сосѣди, и пиръ продолжался до поздней ночи. На другой день м-съ Треберъ уѣзжала, и все на плантаціи входило въ обычную колею; только завязлы гирлянды у подъѣзда напо-

минали о прошедшемъ торжествѣ, пока и ихъ кто-нибудь не срывалъ.

хлопоты и расходы, которые дѣлалъ м-ръ Треберъ на наше угощеніе, съ лихвою вознаграждались выгодами, происходящими отъ хорошихъ, такъ-сказать семейственныхъ отношеній между имъ и рабочими. Такъ, по всѣмъ побочнымъ отраслямъ хозяйства, кромѣ обработки брумъ-корна, ему не приходилось почти вовсе тратить рабочаго времени. Кормъ для лошадей и скота заготовляли, какъ я уже сказалъ, въ свободное время. Постройки, заборы и деревянные части орудій чинились также по вечерамъ рабочими безъ вознагражденія. Когда разстояніе между сараемъ и мѣстомъ, гдѣ рѣжутъ брумъ-корнь, увеличивалось, такъ что подвозка становилась затруднительна, рабочіе сами предлагали перенести сарай на болѣе удобное мѣсто и, воспользовавшись дождливымъ днемъ или воскресеньемъ, которыя у насъ не особенно строго соблюдались, несмотря на дѣйствующій съ полною силою воскресный законъ въ Пексенѣ, разбирали сарай, перевозили и вновь составляли его на новомъ мѣстѣ. Кто занимался хозяйствомъ, знаетъ, какъ много времени идетъ на эти подѣлки, безъ которыхъ обойтись невозможно, и какъ часто за ними упускается время для главныхъ работъ. Въ нашемъ хозяйствѣ всѣ эти подѣлки дѣлались сами собой и не стоили хозяину ни копейки. Кромѣ того, рабочіе не упускали случая сдѣлать на плантаціи какое-либо улучшеніе. Однажды м-съ Треберъ рассказывала, въ одинъ изъ своихъ пріѣздовъ, что ей очень понравилось устройство скотнаго двора у одного знакомаго близъ Чиваго. Скотъ тамъ не загонялся въ общій сарай, какъ у насъ, а распредѣлялся по отдѣльнымъ стойбамъ. Къ слѣдующему ея пріѣзду рабочіе, нарубивъ длинныхъ жердей изъ растущихъ по берегамъ рѣчки толстыхъ кустовъ, оскобили ихъ и устроили на скотномъ дворѣ перегородки въ родѣ стойлъ; причемъ не только позаботились о прочности, но постарались придать возможно изящный видъ. Изъ досокъ, которыхъ на плантаціи былъ порядочный запасъ, устроили желоба для поенья скота на скотномъ дворѣ, въ которые провели воду изъ рѣчки, употребивъ въ дѣло старый насосъ, валявшійся въ рабочемъ сараѣ.

Фруктовый садъ увеличивался также безъ большихъ расходовъ. Ямы для посадки копались въ свободное время. Рабочіе изъ окрестностей приносили дички, сажали, и м-ру Треберу оставалось только купить колировокъ, которыя приколировывались опять-таки рабочими, нѣсколько знакомыми съ садоводствомъ.

А. Б***.

ВОПРОСЪ

0

РЕФОРМЪ МОНАСТЫРЕЙ

Наши монастыри, какъ извѣстно, имѣютъ и теперь огромное вліяніе на массы народа, служа центрами религіозно-общественной его жизни. Наши монастыри привлекаютъ къ себѣ постоянныя массы поклонниковъ-паллигримовъ, ежегодное число которыхъ надо считать цѣлыми десятками тысячъ. Эти паллигримы, путешествуя почти круглый годъ изъ одного монастыря въ другой и всюду находя въ монастыряхъ болѣе или менѣе добрый пріютъ, благодаря существующимъ въ большинствѣ монастырей гостинницамъ и заѣзжимъ дворамъ, получаютъ особенный свладъ душевнаго настроенія, условливаемаго любовью къ монастырямъ. Въ свою очередь эти поклонники монастырей разносятъ по обширному отечеству нашему славу о монастыряхъ и сильно вліяютъ своими разсказами о видѣнныхъ монастыряхъ не только на простой сельскій людъ, но и на городскія сословія. Словомъ, общественное значеніе и вліяніе нашихъ монастырей весьма обширно, и утвердилось, благодаря исторической традиціи, слишкомъ глубоко въ жизни нашего народа. При такомъ значеніи монастырей, какъ общественныхъ учрежденій, которыя своеобразно регулируютъ жизнь цѣлыхъ милліоновъ нашего народа, вполне справедливо требовать, чтобы общественное вниманіе зорко слѣдило за тѣмъ, насколько правильно поставленъ бытъ самихъ монастырей и насколько жизнь монашествующихъ въ дѣйствительности соотвѣтствуетъ древней христіанской идеѣ монашества вообще. Дру-

гимъ, столь же важнымъ побужденіемъ въ такому требованію служить и то, что монастыри наши содержатся на счетъ народа и государственнаго казначейства и стоятъ ежегодно нѣсколько миліоновъ рублей. Одна казна отпускаетъ ежегодно на содержаніе монастырей болѣе 407,000 рублей ¹⁾. Что же касается жертвованій нашего народа на монастыри и на монашествующихъ, то ежегодная сумма ихъ простирается до десяти миліоновъ рублей, — сумма весьма громадная. Слѣдовательно и въ этомъ отношеніи вопросъ о монастыряхъ, какъ о потребителяхъ народныхъ пожертвованій, долженъ также имѣть особенно важное значеніе въ интересахъ общественныхъ.

Наша журналистика всегда сознавала, насколько велико вліяніе нашихъ монастырей на народъ, и за послѣдніе годы не мало было говорено о монастыряхъ и о необходимости ихъ реформы. Результатомъ всѣхъ подобныхъ сужденій о монастыряхъ было то, что еще въ 1869 году само духовное начальство, согласившись съ справедливостью разныхъ общественныхъ нареканій на монастыри и на монашествующихъ, возбудило вопросъ о реформѣ монастырей. Что монастыри наши поставлены неправильно, и что монашествующіе часто живутъ въ полномъ противорѣчій съ церковнымъ монашескимъ уставомъ, объ этомъ предметѣ, какъ совершенно несомнѣнномъ, теперь никто не говоритъ; но за то является неменѣе важнымъ вопросъ, въ какомъ именно видѣ нужно реформировать бытъ монастырей, чтобы дать имъ вполнѣ правильное устройство. Въ статьѣ своей мы хотимъ поговорить именно объ этомъ вопросѣ, которому мы придаемъ огромную важность, въ виду тѣснѣйшей связи монастырей съ жизнію темнаго нашего народа.

Скажемъ сначала о томъ, какъ понять и рѣшается вопросъ о реформѣ монастырей въ официальныхъ сферахъ духовнаго вѣдомства. Въ 1869 году св. синодъ при особомъ циркулярѣ разослалъ епархіальнымъ архіереямъ, для обсужденія, записку о реформѣ монастырей. Въ этой запискѣ признавалось необходимымъ реформировать монастыри съ тою цѣлью, чтобы устранить на будущее время въ обществѣ тѣ нареканія, направленныя противъ монастырей и монашествующихъ, которыя въ настоящее время продолжаютъ болѣе и болѣе усиливаться. Чтобы устранить всякіе поводы въ подобнымъ нареканіямъ, въ запискѣ проектировалось ввести въ монастыри такъ-называемое *общеежитіе*, уже

¹⁾ По государственной свѣдѣ на содержаніе монастырей въ 1873 году исчислено всего 407,411 рублей.

существующее въ нѣкоторыхъ, хотя очень немногихъ, монастыряхъ. Надо замѣтить, что монастырское общежитіе, опредѣляемое особымъ византійскимъ уставомъ, гораздо болѣе соответствуетъ идеѣ монашества, чѣмъ внутреннее устройство монастырей не-общежительныхъ. Монашеское общежитіе состоитъ въ томъ, что монахи живутъ въ монастырѣ одною общею жизнію, не получая на руки денегъ, въ видѣ жалованья или доходовъ, какъ это дѣлается въ монастыряхъ не-общежительныхъ, но получая полное продовольствіе и содержаніе отъ монастыря натурою. Общежительный монастырь, смотря по своимъ средствамъ, даетъ каждому монаху совершенно одинаковое содержаніе, требуя при этомъ, чтобы всякій трудъ каждаго монаха, назначаемый монастыремъ же, приносилъ пользу монастырю, но не личную пользу одному только тому, кто трудится. При такомъ строго-корпоративномъ духѣ братской общины монаховъ въ общежительномъ монастырѣ, является болѣе правильнымъ и положеніе начальника такого монастыря, который (начальникъ) избирается изъ среды монастыря самими монахами и управляетъ монастыремъ при участіи самой общины монаховъ, тогда какъ въ монастыряхъ не-общежительныхъ настоятели не выбираются монахами, но прямо назначаются архіереемъ и потому часто, при неудачномъ назначеніи лицъ на эти должности, представляютъ собою для монастырей тяжелое бремя деспотизма и разныхъ злоупотребленій власти. Строгія правила общежитія примѣняются и къ самимъ настоятелямъ монастырей. Въ запискѣ св. синода о реформѣ монастырей дѣлается исключеніе только въ пользу архіереевъ, какъ настоятелей монастырей и въ пользу архимандритовъ—настоятелей большихъ монастырей; тѣ и другія лица не будутъ подлежать обязанности жить наравнѣ съ монахами и подчиняться правиламъ монастырскаго общежитія. Женскіе монастыри точно также предполагается сдѣлать общежительными. Таковъ проектъ реформы монастырей, предложенный на обсужденіе архіереевъ, какъ начальниковъ монастырей. Въ настоящее время, какъ извѣстно по газетнымъ слухамъ, епархіальные архіереи представили уже въ св. синодъ свои отзывы о реформѣ монастырей и вѣроятно въ скоромъ времени уже осуществится желаемое всѣми, заинтересованными въ судьбѣ монастырей, преобразование ихъ во внутренней жизни.

Хотя введеніе общежитія въ монастыри не представляетъ собою полной и рѣшительной мѣры къ возстановленію правильной жизни монашествующихъ, тѣмъ не менѣе эта мѣра сама по себѣ весьма рациональна. Твердо сплоченная община монаховъ въ об-

щежительныхъ монастыряхъ сдѣлаеть весьма много въ пользу возвышенія нравственно упавшей жизни монастырей; взаимный контроль монашествующихъ другъ надъ другомъ несомнѣнно повліяеть на ихъ жизнь. Въ свою очередь, выборное начало по отношенію къ настоятелямъ монастырей дастъ монастырямъ возможность поставлять начальниками монаховъ только людей по призванію, монаховъ вполнѣ достойныхъ. Безъ сомнѣнія, тогда исчезнетъ классъ привилегированныхъ монаховъ, которые принимаютъ монашескій санъ только ради выгоднаго положенія въ роляхъ начальниковъ монастырей, такъ какъ по нынѣшнему порядку допускается назначеніе лицъ изъ привилегированныхъ классовъ общества, при принятіи монашескаго званія, прямо на должности начальниковъ монастырей. Очевидно, что такого рода монашествующія лица, ищущія въ монастыряхъ жизни роскошной и привольной, становясь первыми въ ряду монаховъ, своею далеко не иноческою жизнію подають всѣмъ монашествующимъ самый дурной примѣръ жизни, совершенно противорѣчащей обѣтамъ монашества.

Мы указали на реформу монастырей, какъ она понимается въ официальной средѣ духовнаго вѣдомства. Но чтобы вполнѣ правильно поставить дѣло монастырской реформы, и чтобы предпринять дѣйствительныя средства къ возстановленію нормальной жизни монашествующаго сословія, для этого, по нашему мнѣнію, нужны болѣе рѣшительныя мѣры, чѣмъ одно введеніе въ монастыри общегитія, которое коснется только перемены внутреннихъ отношеній между монахами въ стѣнахъ монастырскихъ, безъ перемены нынѣшнихъ отношеній монастырей къ нашему народу и обществу. Мы уже говорили, что само духовное начальство обратило вниманіе на тѣ нареканія противъ монастырей и монашествующихъ, какія въ послѣднее время болѣе и болѣе усиливаются въ нашемъ обществѣ. Если посмотрѣть, какія это именно нареканія, то мы увидимъ, что общество наше справедливо обвиняетъ монастыри въ совершенно неправильной обстановкѣ, рѣзко противорѣчащей идеѣ монашества. Всякому извѣстно, что такое монашество и какова должна быть жизнь монаховъ, строго опредѣляемая аскетическимъ уставомъ иночества. Въ силу этого устава, монашествующее сословіе, добровольно заключающее себя въ монастыри для жизни уединенно-религіозной и дающее строгую церковную клятву съ обѣщаніемъ полного отреченія отъ всего мірскаго, должно представлять изъ себя общество истинныхъ аскетовъ, строго признающихъ и выполняющихъ монашескій уставъ. Къ сожалѣнію, мы видимъ, что жизнь монастырей

и живущихъ въ нихъ въ дѣйствительности далеко уклонилась отъ аскетическаго духа монашескаго устава, который однако доселѣ считается вполне и законно-обязательнымъ для монаховъ. Наши монастыри поставлены въ настоящее время въ такое положеніе, что рѣшительно не могутъ давать проживающимъ въ нихъ обстановки, которая вполне соответствовала бы уставамъ монашества. Мы разумѣемъ здѣсь тѣ имущественныя средства монастырей и тѣ способы ихъ содержанія, которые никакъ не сообразны съ истиннымъ духомъ иночества. Хотя средства монастырей составляютъ ихъ тайну, которая какъ-будто намѣренно скрыта отъ вниманія и контроля общества (что уже само по себѣ порождаетъ въ обществѣ неблагоприятное мнѣніе о монастыряхъ), тѣмъ не менѣе извѣстно, что весьма многіе изъ нашихъ монастырей владѣютъ такими богатыми средствами, которыя никакъ не могутъ мириться съ монашескимъ уставомъ, требующимъ отъ иноковъ полнаго аскетическаго отреченія не только отъ богатства, но и даже отъ права на малѣйшую собственность.

Вопросъ о реформѣ монастырей необходимо требуетъ указать на нынѣшнія имущественныя средства монастырей и на способы содержанія монашествующаго сословія; тѣ и другіе главнымъ образомъ служатъ причиною уклоненія монашествующихъ отъ требованій ихъ устава. Мы не имѣемъ здѣсь возможности войти въ подробное разсмотрѣніе тѣхъ богатыхъ имуществъ и доходовъ монастырей, о которыхъ не мало было говорено въ нашихъ газетахъ и журналахъ, относительно нѣкоторыхъ по крайней мѣрѣ монастырей. Въ этомъ отношеніи чрезвычайно любопытное и добросовѣстное изслѣдованіе представляетъ намъ обширная статья, подъ заглавіемъ: «Наши монастыри», помѣщенная въ нѣсколькихъ книжкахъ журнала «Бесѣда» за прошлый годъ; авторъ этой интересной статьи весьма обстоятельно и ярко обрисовалъ нынѣшнюю, далеко не нормальную, внѣшнюю жизнь нашихъ монастырей, съ одной стороны снабженныхъ, вопреки духу монашескаго устава, богатыми имуществами разнаго рода, а съ другой—промышляющихъ разнаго рода сборами съ народа, которые составляютъ богатые ежегодные доходы монастырей. Авторъ изслѣдованія о монастыряхъ поставилъ себѣ задачею—фактически, на основаніи цифровыхъ данныхъ (насколько эти данныя возможны при сужденіи о монастыряхъ, тщательно скрывающихъ отъ взоровъ общества свое финансовое состояніе), исчислить съ одной стороны разнаго рода имущества нѣкоторыхъ монастырей, а съ другой—разнообразные виды монастырскихъ доходовъ, собираемыхъ съ народа и общества. Авторъ, при неувѣренности

своихъ цифровыхъ данныхъ, относившихся притомъ же только до нѣкоторыхъ, но не всѣхъ монастырей, старался даже уменьшать цифры монастырскихъ имуществъ и доходовъ, такъ что приводимыя имъ цифры далеко ниже дѣйствительныхъ огромныхъ цифръ монастырскихъ богатствъ. По вычисленію автора, аналогически выведенному изъ подробнаго разсмотрѣнія суммы доходовъ нѣкоторыхъ монастырей, средства которыхъ болѣе или менѣе извѣстны обществу и печати, общая сумма доходовъ всѣхъ монастырей въ 1867 г. была никакъ не менѣе 8.000,000 руб., тогда какъ въ томъ же году на все министерство народнаго просвѣщенія назначено было только 7.255,814 руб.,—менѣе монастырскихъ доходовъ на 755 тысячъ. За этотъ годъ среднимъ числомъ на каждое лицо, проживавшее въ монастырѣ, падаетъ доходу, по расчету автора, по 589 рублей; если же исключить изъ этого расчета число послушниковъ и послушницъ, которыхъ нельзя считать постоянными и обязательными жителями монастырей, имѣющими право на пользованіе монастырскими доходами, то на каждое монашествующее лицо того и другого пола за тотъ же годъ приходится среднимъ числомъ по 975 руб. содержанія, при даровой квартирѣ. Такимъ образомъ, выходитъ, что инокъ—по званію и обязанности самый строгій аскетъ—получаетъ содержанія гораздо больше, чѣмъ, напр., любой провинціальный чиновникъ средней руки, живущій съ семействомъ. Это общее вычисленіе доходовъ монастырей нельзя не признать болѣе или менѣе вѣрнымъ съ дѣйствительностію. Но нельзя не пожалѣть о томъ, что авторъ изслѣдованія о монастырскихъ богатствахъ и о доходахъ монашескихъ, собираемыхъ съ народа, не разъяснилъ съ положительной стороны вопроса о томъ, въ какомъ видѣ монастыри могли бы быть реформированы съ цѣлію болѣе правильной организаціи въ нихъ жизни аскетически-иноческой. Какъ бы то ни было, несомнѣнно то, что огромныя богатства нашихъ монастырей, хотя и тщательно скрываемыя монахами отъ взоровъ общества, но тѣмъ не менѣе извѣстныя обществу, представляютъ поразительную несообразность съ требованіями монашескаго аскетизма, не отмѣненнаго по отношенію къ монастырямъ церковною властью. Въ самомъ дѣлѣ странно видѣть, что тотъ классъ общества, который, по идеѣ, лежащей въ устройствѣ монастырей, долженъ изображать собою представителей строгаго христіанскаго аскетизма, напротивъ, поставленъ въ такія житейскія условія, которыя діаметрально противоположны требованіямъ аскетически-монашескаго устава. Мы здѣсь не входимъ въ подробное разсмотрѣніе того, что должно быть поставлено за принципъ, какъ

неизмѣнно твердый: уставъ ли церковно-монашескій, требующій отъ принимающихъ иноческій санъ торжественнаго и публичнаго отреченія отъ всего мірскаго, какъ наприм., отъ собственности, самолюбія, всевозможныхъ мірскихъ почестей, удовольствій и проч.,—или же нынѣшняя богатая жизнь монастырей на счетъ государственной казны и главнымъ образомъ—самого народа, которая совершенно не соотвѣтствуетъ монашескому уставу. Мы хотимъ сказать только, что общество наше вправѣ желать и ожидать уничтоженія такой монастырской аномалии, тѣмъ болѣе вопіющей, что сознательное и намѣренное нарушение монашескаго устава представляетъ собою страшное преступленіе, равняющееся отрицанію религіи, соединенному притомъ съ лицемѣрнымъ ея признаніемъ. Въ подтвержденіе этому намъ достаточно указать здѣсь на церковный обрядъ той присяги, какую, по требованію монашескаго устава, даетъ каждое лицо, принимающее монашескій санъ; эта присяга требуетъ отъ принимающаго монашескій (такъ-называемый «ангельскій») чинъ вл�твеннаго обѣщанія предъ Богомъ и алтаремъ—отказаться рѣшительно отъ всего мірскаго. Этотъ обрядъ присяги, называемой постриженіемъ въ монашество, представляетъ чрезвычайно суровый и, можно сказать, страшный обрядъ, поразительно и впечатлительно дѣйствующій не только на лицо, принимающее присягу монашества, но и на всякаго посторонняго; въ этомъ обрядѣ подробно исчисляются принимающему монашескій санъ всѣ строжайшія правила иноческой жизни, требующія отъ монашествующаго безусловнаго отреченія отъ всякаго права на личную свободу и самостоятельность, съ подчиненіемъ вполне аскетическому иноческому уставу. Этотъ уставъ, предъявляемый принимающимъ монашество при самомъ обрядѣ присяги, настолько строгъ въ своихъ требованіяхъ отъ монаховъ полнаго отреченія отъ всякой собственности и умственной, и имущественной, что его строгой буквѣ и духу нисколько не соотвѣтствуетъ нынѣшняя жизнь монастырей, не только достаточно обезпеченная въ средствахъ, но и не рѣдко богатая, роскошная. Въ совершенную противность уставу, требующему отъ иноковъ рѣшительнаго и безусловнаго удаленія отъ общества и отъ дѣлъ мірскихъ, общественныхъ, наши монастыри съ своими землями, домами, лавками, промыслами, торговлей, ведутъ совершенно житейскій, мірской образъ жизни, участвуя даже въ общегосударственной службѣ, какова, напр., служба ученыхъ монаховъ по духовно-учебному и духовно-административному вѣдомству. Словомъ, несоотвѣтствіе нынѣшняго быта монастырей съ церковно-монашескимъ уставомъ слиш-

комъ очевидно и рѣзко, чтобы нужно было намъ много распространяться объ этомъ предметѣ. Поэтому, при современной реформѣ монастырей, задуманной духовнымъ начальствомъ, духовнымъ властямъ, естественно, слѣдуетъ прежде всего выяснить тотъ вопросъ: оставить ли на будущее время въ полной силѣ монашескій аскетическій уставъ, завѣщанный древнею церковію византійскаго періода, чтобы затѣмъ уже радикально реформировать нынѣшнюю жизнь монастырей, нисколько не соответствующую духу этого устава, или же, напротивъ, — нашей церкви слѣдуетъ измѣнить строго-аскетическій характеръ монашескаго устава примѣнительно къ болѣе свободнымъ правиламъ и требованіямъ современнаго вѣка, и затѣмъ поставить бытъ монастырей примѣнительно къ этимъ правиламъ. Мы думаемъ, что невозможно долѣе оставлять нынѣшнее *status quo* монастырей въ совершенно ложной постановкѣ жизни монашествующаго сословія. Мы уже говорили объ огромномъ значеніи монастырей въ жизни нашего народа. Съ этой точки зрѣнія справедливо требовать, чтобы указанная нами аномалія въ быту монашества была уничтожена своевременно и неотложно. Если составъ монашествующаго сословія у насъ самъ по себѣ не великъ для нашей обширной имперіи (именно въ монастыряхъ считается монашествующихъ обоюго пола, вмѣстѣ съ послушниками и послушницами до 25,000 человекъ) ¹⁾, то важно то, что монашествующіе и монастыри имѣютъ огромное вліяніе на миллионы нашего народа, привыкшаго смотрѣть на монастыри, какъ на образцовыя, болѣе или менѣе идеальныя учрежденія, установленныя для народа, въ образецъ нравственно-религіозной жизни. Въ этомъ отношеніи все, что существуетъ въ мірѣ монашествующемъ, такъ или иначе, съ хорошей ли, или дурной стороны, непременно вліяетъ на религіозно-нравственную жизнь самого народа. При такомъ значеніи монастырей для народа, было бы въ высшей степени вредно оставлять долѣе нынѣшнюю аномалію въ жизни первыхъ. Нечего уже и говорить, какимъ сильнымъ вредомъ отзывается эта аномалія прежде всего на монашествующихъ, которые, при нынѣшней несоответственности монастырской жизни съ иноческимъ аскетическимъ уставомъ, естественно теряютъ свое достоинство, совершенно измѣняя этому уставу свою жизнь, противорѣчащую аскетическому уставу. Въ свою очередь и народъ, доселѣ набожный и преданный монастырямъ, какъ учрежденіямъ религіознымъ, легко

¹⁾ Въ отчетѣ духовнаго вѣдомства за 1870 годъ значится: монаховъ 5529, послушниковъ 5195, монахинь 3093, послушницъ 10,595; итого 24,322.

и скоро можетъ потерять всякое уваженіе къ этимъ учрежденіямъ, видя въ нихъ полнѣйшій соблазнъ, заключающійся въ ложно поставленной жизни монашествующихъ. Нашъ народъ, какъ замѣтно, уже начинаетъ понимать, что монастыри наши при своей нынѣшней обстановкѣ даютъ монашествующимъ жизнь привольную и роскошную, что нынче идти въ монахи и отречься отъ міра—это значить, другими словами, приобрести жизнь благополучную и счастливую, которая даетъ средства жить людямъ ничего не дѣлающимъ и ни о чемъ не заботящимся,—что даже приходящимъ поклонникамъ изъ народа монастыри имѣютъ средства давать свободный пріютъ и даровое содержаніе и т. п. Въ этомъ отношеніи вредное вліяніе нынѣшней постановки монастырей отражается уже въ томъ пилигримствѣ, которое такъ сильно распространяется въ нашемъ народѣ и которое такъ вредно отражается на его экономическомъ быту; оставляя домашнія занятія, праздные пилигримы, путешествующіе круглый годъ по монастырямъ, привыкаютъ къ бездѣлю, бродяжничеству, нищенству и наконецъ, по тѣсной связи со всѣмъ этимъ, къ самымъ преступленіямъ, какъ напр., воровство, грабежи и убійства, чему бывало уже множество примѣровъ. Всему этому виною служить, такъ или иначе, монастырскіе богатые доходы и имущества, которыя составляютъ полнѣйшую аномалію въ жизни монашествующихъ, добровольно призываемыхъ монашескимъ уставомъ къ жизни строго-аскетической, и которые даже соблазняютъ нашъ простой народъ, обыкновенно завидующій обезпеченной и привольной жизни монаховъ. Сопоставляя эти монастырскія богатства съ вопросомъ объ ожидаемой реформѣ монастырей, мы должны придти къ убѣжденію, что духовному начальству прежде всего слѣдуетъ обратить вниманіе на эти богатства, какъ рѣзко противорѣчащія уставу и духу монашескаго званія. Самый естественный и правильный исходъ реформы монастырей, какую задумало духовное начальство, былъ бы, по нашему мнѣнію, тотъ, еслибъ монастыри наши со всѣми ихъ богатствами были преобразованы въ мірскія благотворительныя учрежденія, гдѣ не имѣли бы вовсе мѣста иноческіе обѣты аскетическаго свойства, формально требуемые отъ монаховъ. Эта мѣра могла бы быть приложена если не ко всѣмъ, то по крайней мѣрѣ ко многимъ монастырямъ, для того, чтобы оставить въ нашемъ отечествѣ нѣсколько монастырей такихъ, въ которыхъ бы строго введена была та истинно аскетическая жизнь, которая по взгляду христіанства должна находить себѣ осуществленіе въ монастыряхъ. Въ такомъ случаѣ у монастырей необходимо отнять совершенно несвойственныя отшельникамъ богат-

ства и оставить за монастырями строго опредѣленные и ограниченныя средства къ самому скромному существованію монаховъ, какія, напр., существуютъ теперь въ тѣхъ весьма немногихъ монастыряхъ, которые носятъ названіе монастырей *бѣдныхшихъ*. Вотъ тогда-то, когда не будетъ болѣе существовать монастырей (такъ-называемыхъ самими монахами) *богатыхъ*, истинно аскетическій духъ монашества водворится въ монастыряхъ, а съ тѣмъ вмѣстѣ возстановится и вполнѣ правильное общественное значеніе монастырей въ жизни народа, какъ пріютовъ строго-подвижнической жизни, любовь къ которой сильна въ нашемъ набожномъ народѣ. Во всякомъ случаѣ отнятіе у монастырей, какъ у обществъ отшельническихъ, огромныхъ богатствъ, является дѣломъ крайне настоятельнымъ и необходимымъ въ государствѣ, которое желаетъ блага народу. Но мы думаемъ, что само духовное начальство не допуститъ того, чтобы монастырское зло могло достигнуть такихъ огромныхъ размѣровъ, что понадобится когда-нибудь такое же энергическое вмѣшательство самого правительства въ это дѣло, какое, напр., было при Екатеринѣ II, принявшей реформу монастырей. Довольно прислушаться теперь же къ общественному мнѣнію о монастыряхъ, чтобы духовное начальство убѣдилось въ совершенной необходимости секуляризаціи монастырскихъ богатствъ, хотя бы въ пользу самой же церкви, которая у насъ на громадныхъ пространствахъ имперіи, при томъ же окруженной по окраинамъ ея различными иновѣрными инородцами, весьма нуждается въ большихъ средствахъ и пособіяхъ на дѣло водворенія повсюду христіанства и истинно-христіанскаго просвѣщенія. Всего лучше, еслибъ святѣйшій Синодъ, съ отнятіемъ монастырскихъ богатствъ, употребилъ всѣ эти богатства средства на просвѣщеніе инородцевъ и нашихъ раскольниковъ, на учрежденіе филантропическихъ учреждений, на улучшеніе быта бѣлаго духовенства, доселѣ осужденнаго на жалкое существованіе, на увеличеніе средствъ духовно-учебныхъ заведеній, чрезвычайно бѣдныхъ въ настоящее время и на другія разныя потребности нашей отечественной церкви, которыхъ у ней весьма и весьма много.

Мы должны связать еще собственно о монастырскихъ поземельныхъ имуществахъ; эти имущества составляютъ самый главный видъ монастырскихъ богатствъ и представляютъ по своему происхожденію своеобразное достояніе монастырей. Отечественная исторія свидѣтельствуетъ, что давно еще наше правительство, и гражданское и церковное, признавало всю ненормальность владѣнія монастырей, какъ учреждений церковно-аскетическихъ, бо-

гатыми поземельными имуществами. Это сознание правительства наглядно выразилось въ замѣчательной правительственной реформѣ 1764 года, когда указомъ Екатерины II отобраны были у монастырей вмѣстѣ съ крестьянами громадныя поземельныя имущества и оставлены были за каждымъ монастыремъ только небольшіе опредѣленные земельные участки для продовольствія монаховъ. Конечно, тяжело было тогда монахамъ расстаться съ богатыми имуществами и получить взамѣнъ ихъ скромныя денежныя *штаты*, по которымъ назначались монастырямъ опредѣленные оклады содержанія. Но въ исторіи записано то обстоятельство, весьма поучительное для нашего современнаго монашества, что святѣйшій Синодъ, какъ высшее административно-церковное учрежденіе, съ благодарностью встрѣтилъ монастырскую реформу Екатерины II и посылалъ къ ней особую депутацію изъ своей среды, которая благодарила императрицу именемъ Синода *за освобожденіе архіереевъ и монастырей отъ суеты суетствій, отъ восточннз*. Благодарственную рѣчь Екатеринѣ говорилъ тогдашній митрополитъ петербургскій Гавріилъ.

Теперь же, спустя болѣе 100 лѣтъ послѣ важной Екатерининской реформы монастырей, тѣ же самыя монастыри, какъ бы нарочно въ противоположность историческому опыту, снова являются владѣльцами огромныхъ поземельныхъ имуществъ. Какимъ образомъ это случилось? Указомъ же Екатерины было повелѣно, чтобы лишеныя земель монастыри на будущее время приобрѣтали какимъ бы то ни было путемъ новыя земли не иначе, какъ исключительно съ Высочайшаго соизволенія. И дѣйствительно, таковой именно порядокъ ведется и доселѣ. Екатерина имѣла въ виду, установивъ таковой, болѣе или менѣе затруднительный, порядокъ приобрѣтенія монастырями поземельныхъ имуществъ, предотвратить на будущее время излишнее обогащеніе монастырей этими имуществами и затруднить для нихъ приобрѣтеніе даже всякаго ничтожнаго земельного участка. Хотя эта мѣра и достигла своей цѣли въ давнее время, когда правительственный контроль зорко слѣдилъ за выполненіемъ плановъ Екатерины II, однако монастыри за это столѣтіе успѣли вновь обогатиться богатыми поземельными имуществами, постепенно съ годами приобрѣтая ихъ больше и больше. Быть можетъ, монастыри въ теченіи настоящаго столѣтія нерѣдко приобрѣтали новыя земельныя участки и путемъ покупки ихъ на собственныя средства; но несомнѣнно то, что болшую часть земельныхъ имуществъ своихъ монастыри приобрѣли за время съ 1764 г. путемъ частныхъ добродотныхъ жертвованій этихъ имуществъ въ ихъ пользу. Въ нашемъ обще-

ствѣ и народѣ доселѣ крѣпко держится любовь и преданность въ отношеніи къ монастырямъ, выражаемая въ щедрыхъ жертвованіяхъ на ихъ пользу разнаго рода имуществъ, и въ томъ числѣ поземельныхъ. Нашъ темный народъ доселѣ строго не отдѣляетъ и не различаетъ собственно религіозныхъ или церковныхъ жертвованій отъ жертвованій въ пользу монашествующихъ, которые, какъ полные хозяева своихъ церквей, употребляютъ всевозможныя жертвованія народа безраздѣльно и безразлично на нужды собственные и на потребности церковныя. Темные люди еще способны заблуждаться, думая, что такія жертвованія въ пользу монастырей суть жертвы чисто-религіозныя и исполнѣ богоугодныя. Народъ не понимаетъ того, что монахи, какъ добровольные аскеты, всего менѣе должны нуждаться въ такихъ жертвованіяхъ, не имѣя даже, предъ судомъ иноческаго аскетизма, права принимать ихъ въ силу требованій монашескаго устава. Таковой неправильный взглядъ народа на монастыри конечно зависитъ главнымъ образомъ отъ того, что само церковное управленіе не принимало доселѣ мѣръ къ искорененію въ народѣ такихъ странныхъ понятій и не запрещало монастырямъ принимать отъ народа всевозможныя жертвованія въ ихъ пользу. Естественнымъ послѣдствіемъ этого явилось то, что наши монастыри въ настоящее время являются, вопреки уставу и духу монашества, владѣльцами огромныхъ поземельныхъ имуществъ, совершенно обременяющихъ аскетическую иночество и мѣшающихъ ему вести жизнь истинно-монашескую. Эта аномалія монастырей, занимающихся не только владѣніемъ, но и непосредственнымъ управленіемъ домами, землями, лѣсами, озерами, рыбными ловлями, мельницами и проч., привела къ тому странному результату, что въ настоящее время, какъ сообщали газетныя извѣстія, предложено внести на утвержденіе государственнаго совѣта проектъ о правѣ участія монастырей въ земскомъ представительствѣ. Наши государственныя законы издавна допускаютъ, конечно въ силу возрѣвнѣй и настояннѣй самого церковнаго управленія, монастыри, или лучше сказать, монашествующую братію, несмотря на ея строго-аскетическія обѣты, владѣть недвижимою и движимою собственностію. Монастыри наши представляютъ собою въ настоящее время весьма крупныхъ земельныхъ собственниковъ, — и земли ихъ, а равно и лѣса, озера, мельницы и проч., облагаются, на основаніи «Положенія о земскихъ учрежденіяхъ», земскимъ сборомъ. Но такъ какъ доселѣ монастыри, какъ юридическія единицы, не участвовали въ земскомъ представительствѣ и не пользовались правомъ дѣятельнаго участія въ раскладѣ падающаго

на нихъ земскаго сбора, то теперь предполагается законодательнымъ порядкомъ предоставить монастырямъ право участія, въ лицѣ ихъ повѣренныхъ, въ земскихъ учрежденіяхъ. Такимъ образомъ, скоро мы будемъ видѣть монаховъ, а можетъ быть и монахинь, какъ представительницъ женскихъ монастырей, въ земскихъ собраніяхъ среди гласныхъ, а со временемъ, если законодательство наше захочетъ быть послѣдовательнымъ, мы будемъ видѣть представителей монашества, пожалуй, и въ роляхъ—предсѣдателей и членовъ земскихъ правъ, мировыхъ судей и на прочихъ земскихъ должностяхъ. Слухъ о правѣ земскаго представительства монастырей считается въ нашей газетной сферѣ несомнѣнно вѣрнымъ. Но вотъ вопросъ: чѣмъ же въ дѣйствительности станутъ тогда монастыри и монашествующіе, которые доселѣ не освобождены отъ исполненія аскетическихъ требованій своего устава, обязывающаго монаховъ строго удаляться отъ вмѣшательства въ жизнь общественную, и будетъ ли тогда уничтоженъ и измѣненъ церковнымъ начальствомъ этотъ уставъ, всецѣло основывающійся на требованіи отъ монастырей и монаховъ совершеннаго отреченія отъ міра и мірскихъ дѣлъ? При возбужденіи вопроса о земскихъ правахъ монастырей рѣзко бросается въ глаза полная и безусловная несовмѣстность устава, духа и цѣлой системы монашества, внесенныхъ въ наши монастыри цѣликомъ изъ древняго быта византійскихъ монастырей, съ каковыми бы то ни было общественными правами монашествующихъ. Было бы странно и весьма печально для будущаго, еслибъ нынѣшнее ненормальное *status quo* монастырей, представляющихъ собой и аскетическіе приюты и въ то же время юридическія единицы крупныхъ собственниковъ, продолжало представлять собою полнѣйшую аномалію. Монастыри — во всякомъ случаѣ учрежденія религиозно-аскетическія, и тѣмъ страннѣе видѣть въ нихъ, вмѣсто образца истинно-аскетической жизни, примѣръ жизни ненормальной, полной внутреннихъ, самыхъ существенныхъ противорѣчій.

При разсмотрѣніи вопроса о реформѣ монастырей, насколько они въ томъ нуждаются, необходимо указать на нынѣшнія отношенія монастырей къ народу, которыя также представляютъ много несообразностей съ духомъ монашества. То несомнѣнно, что наши монастыри могли бы, и съ полнымъ достаткомъ, существовать обезпеченно, — насколько это слово можетъ быть примѣнимо къ добровольнымъ аскетамъ, каковы монашествующіе, — только на свое жалованье, отпускаемое изъ казны, и на тѣ поземельные участки, которые нѣкогда изъ казны же даны монастырямъ въ опредѣленныхъ размѣрахъ. Больше этого ничего не нужно монаше-

ствующимъ, въ силу ихъ же устава. Что же касается собственно церковныхъ доходовъ, получаемыхъ монастырями отъ набожныхъ посьвителей ихъ церквей, то эти доходы даже въ самыхъ скромныхъ размѣрахъ могли бы покрывать собою расходы собственно церковные, напр., на ремонтъ, отопленіе и освѣщеніе собственно монастырскихъ храмовъ. Конечно, въ этомъ случаѣ необходимъ строгій общественный контроль надъ правильностію расходования монастырскихъ церковныхъ доходовъ. Но наши монастыри издавна привыкли, къ сожалѣнію, къ такимъ разнообразнымъ видамъ денежныхъ и всякихъ другихъ сборовъ съ народа, которые никакъ не сообразны съ уставомъ и духомъ монашества. Намъ достаточно только перечислить нѣкоторые изъ этихъ видовъ денежнаго сбора съ народа, чтобы видно было само собою, насколько эти монастырскіе доходы роняютъ достоинство иноковъ, вопреки аскетическому уставу своему измыслившихъ довольно уже давно утвердившуюся въ нашихъ монастыряхъ цѣлую систему эксплуатаціи народа, какая только возможна при полномъ невѣжествѣ и простодушіи нашего темнаго народа. Таковы, напр., доходы отъ народа, приходящаго въ монастыри и останавливающагося въ ихъ гостинницахъ; монахи выставляютъ въ своихъ монастыряхъ повсюду кружки для сбора денегъ, и, кромѣ того, съ выгодой торгуютъ церковными свѣчами, просфорами, иконами, книгами, крестиками и проч., и занимаются даже вообще мелочной торговлей при монастыряхъ. Затѣмъ, монастыри, не исключая даже и находящихся въ центрахъ городовъ, вопреки санитарнымъ правиламъ, почему-то пользуются выгоднымъ правомъ продажи въ своихъ стѣнахъ мѣстъ для могилъ, такъ что каждый монастырь держитъ у себя цѣлое кладбище для погребенія, за весьма высокую плату, людей богатыхъ. Эти кладбища даютъ монахамъ весьма богатые доходы, соединенные съ отправленіемъ монашествующими обрядовъ погребенія и поминовенія умершихъ, погребаемыхъ на монастырскихъ кладбищахъ. Монастыри наши дошли до того, что постоянно изобрѣтаютъ для себя новые доходы, недовольствуясь пользованіемъ денежныхъ богатствъ своихъ; такъ они, напр., пускаются въ хозяйственныя операціи, вновь строя на свои капиталы дома, лабазы, лавки и проч., для полученія съ затраченныхъ такими операціями капиталовъ бѣльшихъ выгодъ. Для примѣра довольно указать на вновь выстроенныя Сергіевскою Лаврою палаты въ Петербургѣ, въ Троицкомъ переулкѣ, или на лабазы Александро-Невскою лавры. При всемъ богатствѣ своихъ средствъ, монастыри не ограничиваются денежнымъ сборомъ съ народа въ самыхъ стѣнахъ монастыря; напротивъ, всѣ монастыри пользуются

правомъ посылать своихъ сборщиковъ подаяній по городамъ и деревнямъ цѣлой губерніи. Нечего и говорить уже о доходахъ монастырей отъ почивающихъ въ нихъ мощей, отъ чудотворныхъ иконъ, отъ часовенъ, которыя притомъ строятся монастырями даже въ отдаленныхъ отъ монастыря мѣстахъ, куда обыкновенно командируются для собиранія доходовъ въ пользу монастыря особыя лица изъ числа монастырской братіи. Въ Москвѣ есть Иверская часовня, съ чудотворною иконою, приносящая богатые доходы одному изъ московскихъ монастырей, которому она принадлежитъ. Икона эта почти ежедневно берется изъ часовни въ дома москвичей, желающихъ помолиться предъ ней. Между тѣмъ, кто бывалъ въ Москвѣ и видѣлъ Иверскую часовню, тотъ хорошо знаетъ, что въ этой часовнѣ всегда есть на лицо икона, привлекающая массы богомольцевъ, которымъ тутъ же въ часовнѣ монашествующіе служатъ почти непрерывно молебны предъ иконою. Монахи, которые постоянно развозятъ по частнымъ домамъ настоящую чудотворную Иверскую икону, ставятъ на мѣсто этой иконы другую, совершенно сходную съ первой, и такимъ образомъ эта копія съ иконы даетъ монахамъ особые доходы ¹⁾. Такимъ образомъ, во имя Иверской иконы монахи собираютъ съ народа двойные доходы. Всмотриваясь серьезнѣе въ такую жизнь монастырей, всецѣло занятыхъ собираніемъ и увеличеніемъ разнаго рода сборовъ и доходовъ, нельзя не удивляться, что духовное начальство доселѣ не запрещаетъ монашествующимъ вести такой образъ жизни и дѣйствій, который совершенно противорѣчитъ духу иночества и самъ по себѣ представляетъ видъ утонченной, прикрывающейся религіозностью, эксплуатаціи нашего набожнаго народа. Конечно, нашъ народъ и самъ, съ полученіемъ ббльшаго развитія и образованія, иначе будетъ смотрѣть на монастыри и не будетъ щедръ на подаянія въ пользу монашествующихъ, когда будетъ сознать, что этимъ онъ дѣлаетъ зло инокамъ, добровольно отрекшимся отъ богатства и даже отъ всякой, малѣйшей собственности; но это было бы вредно для народа въ томъ отношеніи, что тогда онъ вообще утратитъ, съ потерею довѣрія къ монастырямъ, какъ учрежденіямъ религіознымъ, нынѣшнюю религіозную набожность, которая одна только доселѣ сдерживала народъ отъ проявленій грубости и звѣрства, свойственныхъ темному, совершенно невѣжественному люду. Было бы гораздо рациональнѣе, если-бъ само духовное начальство во-время предупредило нравственное паденіе монастырей въ глазахъ народа, и теперь же,

¹⁾ См. «Бесѣда», 1872 г. кн. VI: «Наши монастыри», стр. 198.

при предполагаемой реформѣ монастырей, совершенно запретило монашествующимъ заниматься крайне неблагоприятною эксплуатаціей народа. Если-бъ для монастырей самымъ строгимъ образомъ ограничить тѣ виды собственно церковныхъ сборовъ съ посѣтителей монастырей, какіе еще могутъ быть терпимы въ виду потребностей монастырскихъ храмовъ, тогда мало-по-малу монашествующіе могли бы отвыкнуть отъ нынѣшняго образа дѣйствій, совершенно несообразнаго съ уставомъ и духомъ монашества.

Посмотримъ теперь на составъ лицъ, проживающихъ въ монастыряхъ: въ 1869 году значилось проживающихъ въ монастыряхъ монаховъ и монахинь 8622, послушниковъ и послушницъ 15,790 всего 24,322 ¹⁾). Такимъ образомъ, въ монастыряхъ нашихъ проживаетъ, въ общемъ числѣ ихъ жителей, почти двѣ трети такихъ лицъ, которыя, нося званіе монастырскихъ послушниковъ и послушницъ, не имѣютъ ничего общаго съ людьми монашествующими и не должны бы жить въ монастыряхъ. Какъ извѣстно, въ число монастырскихъ послушниковъ и послушницъ поступаютъ почти исключительно молодые, бѣднѣйшіе и въ большинствѣ случаевъ никуда неспособные люди, и поступаютъ вовсе не съ цѣлю приготовленія къ монашескому званію, что и немислимо по отношенію къ молодымъ несовершеннолѣтнимъ людямъ, а просто за тѣмъ, чтобы найги въ монастырѣ даровой приютъ и содержаніе, найти тамъ жизнь болѣе или менѣе легкую и беззаботную, не требующую какихъ-либо тяжелыхъ и отвѣтственныхъ трудовъ. Въ свою очередь монашествующіе принимаютъ въ монастыри послушниковъ и послушницъ для того, чтобы на нихъ возложить всю черную, служительскую работу въ монастыряхъ, и чтобы самимъ пользоваться готовой прислугой и жить, такимъ образомъ, болѣе или менѣе по-барски. Но, очевидно, что таковой порядокъ вещей вовсе не соотвѣтствуетъ идеѣ монашества, требующей, чтобы иночествующіе всѣ, отъ перваго—начальствующаго до послѣдняго, вели жизнь самую скромную и строгую въ аскетическомъ смыслѣ и чтобы монастыри были мѣстомъ жительства собственно для отшельниковъ, навсегда отречьшихся отъ общества. Монашескій уставъ требуетъ отъ иноковъ самой простой и скромной жизни, обязывая важдаго монаха исполнять даже самыя низшія, черныя монастырскія работы, или таеъ-называемыя *послушанія*, таеъ какъ иноки по самому обѣту своему отказываются отъ всякаго самолюбія, честолюбія, сознанія личнаго достоинства и личныхъ правъ, и т. п. мотивовъ, которыми руководствуются въ

¹⁾ См. Отчетъ по духовному вѣдомству за 1870 г.

жизни своей люди мірскіе, общественные. Такимъ образомъ, проживающій въ монастыряхъ большой классъ послушниковъ и послушницъ, изъ которыхъ среднимъ числомъ приходится двое на одно монашествующее лицо, составляетъ очевидную несообразность съ правилами монашества. Естественно, что этотъ классъ монастырской прислуги портитъ монашествующихъ, съ одной стороны потому, что вноситъ въ монастыри духъ уже не аскетически-иноческій, отъ котораго этотъ классъ и въ монастыряхъ свободенъ, а съ другой—потому, что, какъ классъ прислуги и чернорабочихъ, онъ дѣлаетъ монашествующихъ избалованными баричами. Что касается до послушниковъ и послушницъ, поступающихъ въ монастыри только ради выхода изъ гнетущей бѣдности, то этотъ людъ дѣлается совершенно несчастнымъ и жалкимъ, привыкая въ монастырѣ къ бездѣлю и теряя тамъ безцѣльно время, вмѣстѣ того, чтобы въ монастыряхъ выучиться въ молодые годы какой-нибудь работѣ, ремеслу и проч. Эти послушники и послушницы, по большей части отъ природы малоспособные, и до поступления въ монастырь не подготовленные ни къ какому роду занятій, въ монастырѣ окончательно теряютъ всякую способность къ какому-нибудь опредѣленному труду и занятію, и потому обыкновенно на цѣлую жизнь остаются жить въ монастырѣ, за неимѣніемъ возможности пристроиться въ монастыря. Затѣмъ, эти питомцы монастырей, свываясь по необходимости съ монастырскою жизнью, за свою продолжительную жизнь и службу въ монастырѣ какъ бы въ награду получаютъ со временемъ монашескій санъ и постепенно восходятъ до лучшаго положенія въ монастырѣ, какое только возможно тамъ, напр., въ родѣ начальнива монастыря. Мы не ошибемся, если скажемъ, что наше монашествующее сословіе искусственно поддерживается въ своей значительной численности именно благодаря этому бѣднѣйшему и несчастному люду, поступающему въ монастыри, какъ въ богадѣльни и пріюты, на даровое содержаніе, и постепенно достигающему разныхъ монашескихъ чиновъ путемъ первоначальной службы въ монастыряхъ въ качествѣ послушниковъ. Такимъ образомъ, монастыри наши скорѣе можно назвать именно пріютами и богадѣльнями, но съ тою только разницей отъ этихъ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, что монастырскій людъ, поступающій въ стѣны монастыря на благотворительныя его средства, дѣлаетъ себѣ тамъ хорошую въ своемъ родѣ карьеру, выслуживаясь до почетнаго и обеспеченнаго положенія заслуженныхъ іеромонаховъ, или архимандритовъ. Но понятно, что такого рода людъ, ищущій въ монастыряхъ только добраго пріюта, а затѣмъ, обез-

печенной и даже роскошной жизни, всего менѣе можетъ походить на истинныхъ иноковъ, достойныхъ этого имени по взгляду и требованію устава и духа монашества. Что-нибудь должно быть одно: или монастыри должны быть всецѣло преобразованы въ мірскія благотворительныя учрежденія, которыя руководятся уставомъ, совершенно отличнымъ отъ устава аскетически-монашескаго, или же монастыри должны быть строго поставлены такъ, какъ того требуетъ ихъ аскетическій уставъ. Во всякомъ случаѣ странно и неприятно видѣть въ жизни монастырей полнѣйшее смѣшеніе двухъ совершенно разнородныхъ началъ: аскетически-монашескаго, которое доселѣ формально признается и выражается въ выполненіи такихъ внѣшнихъ требованій, какъ, напр., безбрачіе, употребленіе постной пищи, ношеніе особой одежды, и проч., — и мірскаго, которое въ дѣйствительности вполнѣ преобладаетъ въ монастырской жизни. Нельзя не радоваться, что духовное начальство обратило вниманіе на нынѣшнюю монастырскую безурядицу, въ которой вмѣстѣ уживаются странныя противорѣчія, нетерпимыя ни въ какомъ другомъ учрежденіи. Въ монастыряхъ не должны имѣть мѣста тысячи молодыхъ мірскихъ людей; въ кандидаты монашества должны быть принимаемы исключительно люди зрѣлаго возраста и притомъ на опредѣленный срокъ испытанія, послѣ чего неспособные къ иночеству должны быть непременно удаляемы изъ монастырей. Можно надѣяться, что введеніе всесословной воинской повинности скоро положитъ конецъ нынѣшнему порядку вещей, допускающему принятіе въ монастыри молодыхъ людей, которые, конечно, ищутъ въ монастыряхъ прежде всего дароваго пріюта и готоваго содержанія, но ужъ нивакъ не жизни иночески-аскетической.

Еще замѣчаніе о монастыряхъ и монахахъ. Извѣстно, что тогда какъ простые монахи, такъ-называемая монастырская братія, пользуются въ монастыряхъ средствами, хотя и достаточными, но все же не роскошными, — напротивъ, совершенными богачами живутъ монахи-аристократы, начальники монастырей и ихъ ближайшіе помощники, завѣдывающіе управленіемъ монастырскимъ. Монашескій уставъ строго требуетъ отъ всѣхъ безъ различія иноковъ монастыря полнаго равенства и братства, заповѣданнаго въ Евангеліи, и отъ начальника монастыря въ особенности требуетъ примѣра строго-иноческой жизни, то-есть, жизни смиренной, скромной, бѣдной. Такъ и было въ древнихъ византійскихъ монастыряхъ, выработавшихъ уставъ монашества; такъ было и въ нашихъ древнихъ монастыряхъ, напр., въ Киевскомъ-Печерскомъ,

при игуменѣ св. Феодосіи, жизнь котораго предлагается нашимъ монахамъ для обязательнаго подражанія. Совсѣмъ, не то стало теперь въ нашихъ монастыряхъ, начальники которыхъ почему-то пользуются правомъ брать себѣ цѣлую $\frac{1}{3}$ монастырскихъ доходовъ, что составляетъ въ нашихъ лаврахъ и монастыряхъ богатыхъ 10—30 тысячъ годового содержанія этихъ начальниковъ, а въ монастыряхъ менѣе богатыхъ—отъ 2 до 10 тысячъ. Какъ хотите, такое содержаніе никакъ несообразно съ духомъ аскетическаго монашества. Но мало того, что настоятели монастырей пользуются огромнымъ процентомъ съ суммы общихъ монастырскихъ доходовъ, самое главное для нихъ право заключается въ полнѣйшемъ самовластіи относительно подчиненныхъ имъ монастырей. Съ одной стороны, начальники монастырей однолично пользуются правомъ полной власти надъ монахами своихъ монастырей, а съ другой стороны однолично же распоряжаются монастырскими имуществами. Какъ то, такъ и другое, конечно, ведетъ ко многимъ злоупотребленіямъ этихъ начальниковъ, чему бывали сплошь и рядомъ примѣры, которые даже нерѣдко предавались печатной гласности. Настоятели монастырей, полновластные по отношенію къ подчиненнымъ монахамъ, въ свою очередь вполне подчинены также одноличной власти—именно епархіальнымъ архіереямъ, которые, въ большинствѣ, сами имѣютъ въ собственномъ и непосредственномъ управленіи по одному, а въ нѣкоторыхъ епархіяхъ и по нѣсколькимъ монастырямъ, преимущественно богатыхъ. Если, какъ мы уже замѣтили, полновластіе начальниковъ въ монастыряхъ само по себѣ несообразно съ духомъ и уставомъ монашескимъ, требующимъ отъ иноковъ истинно-братской и строго-общинной жизни, безъ самовластія одного монаха надъ всѣми прочими, то ясно отсюда, что начальники монастырей, поставленные въ такое ложное положеніе, сами являются первыми примѣрными, хотя и невольными, нарушителями уставовъ и обѣтовъ иночества. Богатые по положенію, сильные властію и, поэтому, нерѣдко деспотичные, какъ и вообще начальники единоличные и полновластные, настоятели монастырей совсѣмъ не похожи на иноковъ-аскетовъ, и вотъ они-то естественно даютъ всему монашествующему люду самый дурной и заразителный примѣръ жизни, совершенно противорѣчащей духу монашества, тѣмъ болѣе, что простой монашествующій людъ, какъ весьма невѣжественный и необразованный, совершенно подчиняется нравственному вліянію своихъ начальниковъ, какъ людей болѣе образованныхъ, сравнительно съ массою простыхъ монаховъ. Мы далеки отъ личнаго осужденія этихъ монаховъ-бо-

гачей и аристократовъ среди темнаго монашествующаго класса; намъ хорошо извѣстно, что ихъ богатая и важная обстановка издавна считается въ глазахъ и церковнаго начальства и общества какъ-бы естественною, будто бы необходимою даже для упроченія почетнаго положенія этихъ монаховъ въ монастырѣ, а равно и въ мѣстномъ обществѣ, насколько послѣднее всюду близко къ жизни монастырей по отношеніямъ религіозно-церковнымъ. Но вотъ это-то и дурно, что церковное управленіе исторически, издавна, допустило такой ненормальный взглядъ на жизнь монаховъ-аристократовъ, какъ-бы узаконивши для нихъ жизнь исключительную, высвобожденную изъ - подъ руководства общаго иноческаго устава, почивающаго въ своихъ требованіяхъ всецѣло на духъ суроваго аскетизма. На самомъ же дѣлѣ и монахи-аристократы даютъ такіе же аскетическіе обѣты монашества, при принятіи этого званія, какіе вообще положены безразлично для всѣхъ монашествующихъ.

Намъ остается упомянуть о монахахъ-архіереяхъ, начальствующихъ въ одно и то же время надъ двумя, совершенно различными между собой классами, именно надъ духовенствомъ чернымъ и бѣлымъ. Здѣсь опять нельзя не видѣть существенной несообразности: монахъ, по уставу аскетъ и отшельникъ отъ міра и общества, управляетъ судьбой многочисленнаго благаго духовенства, ведущаго жизнь общественную и семейную и неимѣющаго почти ничего общаго съ монашествомъ. Намъ, пожалуй, скажутъ, что, несмотря на эту очевидную и рѣзко бросающуюся въ глаза несообразность, сама церковь издавна установила такой порядокъ — поставлять начальниками благаго духовенства монаховъ и слѣдовательно какъ-бы придала каноническое значеніе этому порядку. Но мы хорошо помнимъ, что наша русская, богословская литература не разъ возбуждала церковный вопросъ о томъ, исключительно ли монахи могутъ быть возводимы въ санъ архіерея, какъ начальника надъ бѣлымъ духовенствомъ, или же и лица благаго духовенства могутъ быть возводимы въ архіерейскій санъ, не принимая званія монашескаго. Этотъ каноническій вопросъ рѣшался на основаніи науки въ томъ смыслѣ, что обычай возводить въ санъ архіерея исключительно монаховъ не имѣетъ строго-каноническаго значенія и явился въ христіанской церкви только съ IV вѣка нашей эры, когда усилилось и стало господствовать въ византійской церкви ученое монашествующее сословіе. Что же касается до христіанской церкви первыхъ трехъ вѣковъ, примѣръ которой вообще имѣетъ вполне каноническое значеніе, то тогда, при несуществованіи монашества, поставляемы

были архіереями лица бѣлаго духовенства, какъ женатые, такъ и неженатые, безразлично, и женатые продолжали въ этомъ санѣ вести жизнь брачную; при этомъ не допускались до архіерейскаго сана только второженцы, такъ какъ епископу дозволялся только одинъ бракъ. Но если и каноническія правила церкви допускаютъ существованіе архіереевъ изъ среды не монашеской, но общественной, какова, напр., среда бѣлаго духовенства, то съ точки зрѣнія общественной и государственной представляется даже совершенно нецѣлесообразнымъ принятый порядокъ назначенія монаховъ-отшельниковъ архіереями, которые вмѣстѣ съ принятіемъ этого сана дѣлаются духовными начальниками не только надъ духовенствомъ, но и надъ всѣмъ народомъ, вмѣсто того, чтобы на эти чисто-общественныя должности поставлять лицъ хотя духовнаго сана, но мірскихъ, не монашескихъ, не связанныхъ аскетическимъ обѣтомъ отреченія отъ міра. Мы не будемъ говорить здѣсь о весьма многихъ неудобствахъ высшаго управленія церкви архіереями-монахами, отражающихся на жизни бѣлаго духовенства (которое доселѣ не устроено въ своемъ положеніи главнымъ образомъ потому, что не имѣетъ своихъ представителей въ числѣ главныхъ церковныхъ начальниковъ отечественной церкви), и вообще на жизни всей нашей церкви, которая поставлена далеко не въ лучшемъ, желательномъ видѣ. Наша рѣчь собственно о монашествѣ. Говоря объ архіереяхъ-монахахъ, нельзя не признать, что соединеніе въ одномъ лицѣ и званія отшельника-аскета и званія почетнаго мірскаго начальника, управляющаго судьбою цѣлыхъ тысячъ лицъ бѣлаго духовенства, представляетъ собою явленіе въ высшей степени несообразное и ненормальное. Невозможно даже представить, чтобы одно и то же лицо, которое строго обязано выполнять суровыя аскетическія требованія иноческаго устава, могло въ то же время съ успѣхомъ служить на широкомъ поприщѣ общественной службы, безъ существеннаго ущерба монашескимъ своимъ обязанностямъ. Эта-та несообразность, господствующая въ положеніи самихъ начальниковъ и столповъ монашества, представляетъ едва ли не самую главную и первую причину того, что и быть всего монашествующаго класса весь насквозь проникнуть и наполнить всевозможными несообразностями. Естественно, что какъ скоро высшее монашество стало смотрѣть на свое аскетическое званіе только какъ на извѣстную внѣшнюю форму жизни, требующую только условныхъ формальностей, какъ, напр., жительство въ стѣнахъ монастыря, безбрачіе или вдовство, неупотребленіе мясной пищи и только, — вслѣдъ за нимъ и монашество низшее, есте-

ственно, находить для себя основанія понимать свое иночество столь же легко и формально. И что же вышло изъ этого? Монашествующіе, по принципу, съ давнихъ уже временъ принятому въ монастыри, не думаютъ объ исполненіи требованій аскетизма, на которомъ и основана по идеѣ вся особенность иночества, а между тѣмъ носятъ это званіе, и при этомъ, что всего хуже, совершенно далеки отъ мысли, что ихъ положеніе въ высшей степени ложно и потому крайне неблагоприятно въ общественномъ мнѣніи нашихъ образованныхъ сословій. Опять повторяемъ, что мы ничуть не хотимъ осуждать лично главныхъ представителей монашества и вообще лицъ монашествующихъ; мы говоримъ не о лицахъ, а о существующей системѣ, которая, при всей своей ненормальности и фальши, сильно укоренилась, однако, въ сферѣ монашества.

Мы кончили наше обзорѣніе и указали на самыя главные недостатки въ жизни монашествующаго сословія, устраненіе которыхъ было бы весьма полезно при предполагаемой въ настоящее время духовнымъ начальствомъ реформѣ нашихъ монастырей. Мы старались выяснитъ, что монастыри и монашествующіе поставлены въ самое ложное и неправильное положеніе, и что ихъ нынѣшній бытъ не только не соответствуетъ духу аскетическаго иночества, но и совершенно ему противорѣчитъ. Всѣ условія нынѣшней жизни монастырей ставятъ истиннаго аскета, если бы такой вздумалъ исхвать въ монастырѣ возможности вести жизнь истинно иноческую, въ самое неудобное положеніе, совершенно непримиримое съ идеаломъ жизни аскета. Мы убѣждены поэтому, что въ наше время истинные аскеты возможны скорѣе въ жизни мірской, среди насъ, — гдѣ они могутъ дѣйствовать на поприщѣ религиозно-нравственнаго аскетизма въ своей частной жизни болѣе безпрепятственно, чѣмъ въ сферѣ монашествующаго сословія, за стѣнами монастырей. Мы однако ограничились въ своемъ обзорѣніи указаніемъ главнымъ образомъ на *имущественную* сторону быта монастырей и монашествующихъ, и съ этой именно стороны выяснили ихъ весьма ложное положеніе. Мы ограничились такимъ обзорѣніемъ потому, что, во-первыхъ, было бы весьма щекотливо разяснять другія нравственныя стороны жизни монашествующаго люда, напр. относительно того, насколько возможно въ монастыряхъ совершенное безбрачіе, въ смыслѣ самаго строгаго дѣвства или цѣломудрія, и, во-вторыхъ, имущественныя усло-

нѣ сами по себѣ такъ важны, что вполне регулируютъ всякую жизнь, а слѣдовательно и монастырскую, положительно во всѣхъ отношеніяхъ. Что касается того, какая рѣшительная мѣра могла бы уничтожить нынѣшнюю монастырскую ненормальность и несообразность съ духомъ иночества, то, по нашему мнѣнію, необходимо избрать для этого одно изъ двухъ болѣе или менѣе радикальныхъ средствъ, именно нужно — или возстановить въ монастыряхъ строго подвижническую жизнь, требуемую духомъ иноческаго аскетизма, или же — совсѣмъ отвергнуть этотъ строгій аскетизмъ, чтобы затѣмъ сдѣлать изъ монастырей не мнимо-иноческіе пріюты, а обыкновенныя богоугодныя учрежденія, вполне мірскія, опредѣляемая въ ихъ жизни тѣми положеніями и основаніями, какія дѣйствуютъ въ нашихъ филантропическихъ общественныхъ учрежденіяхъ. Тутъ середины быть не можетъ, какъ мы уже и показали все противорѣчіе между требованіями монашескаго аскетизма и тѣми условіями жизни мірской, въ какія поставлены наши монастыри. Духовное начальство, какъ замѣтно, въ послѣднее время старается поставить монастыри въ видѣ общественныхъ благотворительныхъ учрежденій, требуя отъ нихъ, напр., устройства богадѣленъ и пріюта для лицъ мірскихъ, а также отпуска денежныхъ пособій на поддержаніе духовно-учебныхъ заведеній, существующихъ доселѣ на крайне бѣдныхъ средствахъ. Но что касается устройства при монастыряхъ филантропическихъ учрежденій, то мы уже имѣли случай говорить, что монастырская жизнь, какъ строго аскетическая и отшельническая, и жизнь людей мірскихъ — не имѣютъ почти ничего общаго. Иночество требуетъ исключительно религіозныхъ и аскетическихъ подвиговъ жизни, условленныхъ притомъ же рѣшительнымъ и безусловнымъ удаленіемъ отъ міра и общества; напротивъ, духъ общественной филантропіи требуетъ отъ благотворительныхъ учрежденій чисто-практической дѣятельности, выражаемой въ оказаніи житейской помощи призрѣваемымъ, съ цѣлію поставить ихъ затѣмъ на ноги для труда и занятій въ обществѣ же. Совершенно ненормально то явленіе, что въ нѣкоторыхъ монастыряхъ монахи и монахини съ одной стороны воспитываютъ въ своихъ стѣнахъ пріютскихъ дѣтей и, конечно, въ духѣ монашески-аскетическомъ, а съ другой призрѣваютъ въ своихъ богадѣльныхъ мірскихъ людей, требуя, конечно, и отъ нихъ выполненія правилъ монашеской жизни, напр. къ родѣ запрещенія на мясную пищу, и т. п. Особенно же нерационально то, что молодые люди того и другого пола принимаются въ монастыри подъ полное вліяніе монашествующихъ, которые, въ силу своеобразныхъ убѣж-

деній, обыкновенно склоняютъ этихъ молодыхъ людей къ принятію монашескаго званія и чрезъ то навязываютъ ихъ убѣжденію иночество, чрезъ это самое увеличивая число монашествующихъ не по призванію, а по случаю. Такое искусственное навязываніе монашествующими иноческаго аскетизма молодымъ людямъ крайне ложно, вредно и нетерпимо. Совсѣмъ другое дѣло—появившіяся у насъ за послѣднее время *общины*, впрочемъ только женскія; это — учрежденія мірскія, богоугодныя и вполнѣ раціональныя. Учрежденіе этихъ общинъ подъ вѣдомствомъ начальства духовнаго даетъ нѣкоторый поводъ заключить, что наше церковное управленіе вмѣстѣ съ обществомъ сознаетъ все преимущество мірскихъ общинъ, какъ учрежденій благотворительныхъ, предъ монастырями. Но въ чему приведетъ дальнѣйшая судьба нашихъ монастырей,—къ реформѣ ли ихъ въ духѣ истинно-аскетическомъ, или же къ преобразованію ихъ въ учрежденія мірскія, общественныя, не связанныя иночествомъ, объ этомъ судить не намъ. Мы изслѣдовали нашъ вопросъ не столько со стороны церковныхъ законоположеній, сколько со стороны требованій общественныхъ, сознавая съ одной стороны всю огромную силу вліянія монастырей на миллионы нашего темнаго народа, съ другой—громадную стоимость монастырей для государственной казны и въ особенности—для самого народа. При такомъ значеніи монастырей въ жизни нашего народа и государства, вопросъ о правильной постановкѣ быта монастырей, естественно, является столь важнымъ, что нельзя не пожелать, чтобы дальнѣйшая разработка этого вопроса подвинула дѣло пракческаго осуществленія необходимой и коренной монастырской реформы.

Д — в ъ.

ВЗЯТІЕ ХИВЫ

ХИВИНСКАЯ ЭКСПЕДИЦІЯ 1873 ГОДА

МАТЕРІАЛЫ ДЛЯ ИСТОРИИ ПОХОДА.

СТАТЬЯ ПЕРВАЯ.

I.

Хивинское ханство еще въ началѣ XVII-го столѣтія обращало на себя вниманіе русскихъ, потому что его географическое положеніе, въ низовьяхъ важнѣйшей водной артеріи, всегда представляло вопросъ огромной важности въ отношеніи водяного пути по Аму-Дарьѣ и зависимости отъ этого пути всѣхъ нашихъ какъ торговыхъ, такъ политическихъ и административныхъ дѣйствій относительно всей Средней Азіи. Хотя топографія мѣстности не составляетъ нашего предмета, но чтобы читателю удобнѣе было слѣдить по картѣ за движеніями войскъ и видѣть то географическое положеніе, которое занимаетъ Хива въ политическомъ отношеніи къ землямъ, занимаемымъ подданными намъ киргизами, остановлюсь на бѣгломъ описаніи мѣстности, прилегающей къ хивинскимъ владѣніямъ, или, вѣрнѣе сказать, составляющей наши окраины. Официально окраинами своими мы считаемъ: съ сѣвера—Мангышлакъ, съ степями киргизовъ оренбургскаго вѣдомства; съ востока—Аму-Дарью, съ хивинскими и бухарскими владѣніями, и съ юга—Альбуразскія горы, съ Черною рѣчкою, впа-

дающею въ Каспійское море и отдѣляющею Туркменію отъ Астрабадской области Персіи; собственно же оренбургское вѣдомство, съ отдѣленіемъ отъ него, въ 1870 году, Мангишлака, считаетъ своей пограничною чертою, впрочемъ весьма фиктивной, линію, идущую отъ Мертваго-Култука по сѣверной окраинѣ Усть-Урта ¹⁾ къ Аральскому морю. Къ пограничной чертѣ этой примыкаютъ уѣзды Гурьевскій, Эмбенскій и южная сторона Иргизскаго. До 1869 года, несмотря на столѣтнее владѣніе этими мѣстами и всею за-уральскою степью, мы не знали ни разстояній, ни даже отдѣльныхъ пунктовъ всей этой мѣстности, и только съ этого года, сначала по случаю возмущенія киргизовъ, при введеніи у нихъ новаго положенія, а затѣмъ для водворенія спокойствія въ степи и огражденія отъ часто повторявшихся въ это время набѣговъ мелкихъ шаекъ на орско-вазалинскій трактъ, — набѣговъ, которые состояли преимущественно изъ бѣглыхъ нашихъ киргизовъ, оточевавшихъ въ Хиву, и, при участіи самихъ хивинцевъ, вторгавшихся на этотъ трактъ чрезъ Усть-Уртъ, Самъ и Мынь-Су-Алмазъ на Эмбу, или чрезъ Каратамакъ, Барсуки и Мугоджарскія горы, оренбургское начальство вынуждено было принять самыя энергическія мѣры и, кромѣ постройки въ періодъ этого времени трехъ укрѣпленій, Уильскаго, Эмбенскаго и Нижне-эмбенскаго, высылать ежегодно самостоятельные отряды, которые преимущественно занимали важнѣйшіе стратегическіе пункты по линіи отъ Нижне-эмбенскаго укрѣпленія въ низовьяхъ Эмбы, близъ оз. Маспе, вверхъ по рѣкѣ Эмбѣ, чрезъ Эмбенскій постъ, Чупшаккуль и Джебыске къ Каратамаку, поддерживая между собой непрерывную связь посылкою постоянныхъ разъѣздовъ. Одинъ изъ такихъ отрядовъ (конный) еще въ 1870 году, съ цѣлію изслѣдовать пути, ведущіе чрезъ Усть-Уртъ, перешелъ, имѣя при себѣ даже орудіе, на сѣверный чинкъ (чинкомъ киргизы называютъ обрывистый берегъ, которымъ со всѣхъ сторонъ очерчивается плоская возвышенность Усть-Урта). Достигая въ нѣкоторыхъ мѣстахъ значительной высоты, чинкъ спускается къ отлогой, низменной степи такими крутыми террасами, загроможденными утесами и каменными глыбами, что доступъ на него дѣлается возможнымъ только по тремъ извѣстнымъ дорогамъ, идущимъ отъ Эмбы: первая чрезъ уроч. Учъ-ванъ, лѣвѣе горы Джазлы, вторая между Джиддинскими горами на Ичекаварганъ и далѣе къ Ургенчу, и третья еще лѣвѣе, между оврагами Арсаемъ и Караса-

¹⁾ Усть-Уртъ — плоская возвышенность, обрамляющая западный берегъ Аральскаго моря.

емъ, почти по берегу Аральскаго моря. Всѣ остальные мѣста чинка очень круты, и обнаженные камни, висящіе надъ страшными вручами, дѣлають доступъ туда почти невозможнымъ.

Высылкой этихъ отрядовъ, кромѣ того что достигнута цѣль умиротворенія киргизовъ и удержанія ихъ въ постоянномъ повиновеніи, принесена еще и та несомнѣнная и чрезвычайно важная польза, что въ теченіе этого времени территория нашей степи настолько изслѣдована во всѣхъ ея направленіяхъ, что мы, не краснѣя, можемъ отвѣчать, по крайней мѣрѣ, на вопросы о той мѣстности, которая считается уже болѣе ста лѣтъ въ составѣ имперіи. Рекогносцировочныя партіи при отрядахъ составили довольно точныя маршруты отъ Оренбурга чрезъ Акъ-Тюбя къ эмбенскому посту и чрезъ Илецкъ къ Уильскому укрѣпленію, а отъ сего послѣдняго къ Эмбѣ, Маспѣ, Акъ-Тюбя и Иргизу. Кромѣ того, произведены рекогносцировки мѣстности внизъ по теченію Эмбы къ морю, въ глубь Усть-Урта до подошвы чинка у уроч. Мынь-Су-Алмаза, и отъ Эмбенскаго поста, чрезъ оврагъ Джебыске, до оз. Самъ, и отъ того же оврага, а равно и отъ залива Перовскаго, вдоль по сѣверо-западному берегу Аральскаго моря, до конаней (колодцы) Акты-кенды, южнѣе Баратамака и, наконецъ, до мыса Джаманъ-Мурунь (Акъ-Тумсузь). При этихъ рекогносцировкахъ оказалось, что мѣстность за Каратамакомъ, исключая скатовъ чинка къ морю, гдѣ встрѣчаются изрѣдка кормовыя травы, но доступъ куда, по чрезвычайной крутизнѣ скатовъ, очень труденъ, — камениста и совершенно безплодна, лишь кое-гдѣ покрыта полынью и мелкой колючкой. Вода въ колодцахъ встрѣчается хотя въ достаточномъ количествѣ для небольшого отряда (отрядъ въ этой мѣстности, бывший тамъ въ 1872 году отъ войскъ оренбургскаго округа, состоялъ изъ одной роты пѣхоты и двухъ сотенъ казаковъ), но соленая. Съ приближеніемъ же къ Кунграду замѣтно улучшается какъ качество воды, такъ и количество ея, а равно и корма. Такимъ образомъ, то установившееся традиціонное понятіе о трудности подъема чрезъ Усть-Уртъ и о невозможности вообще предпринять какое-либо серьезное движеніе къ Хивѣ со стороны оренбургской, по случаю будто бы совершенной безплодности и безводности Усть-Урта, — отчасти разсѣяно. Хива до сихъ поръ была убѣждена въ недосыгаемости ея для нашихъ отрядовъ, и этому она, кажется, приписывала, что и всѣ ея враждебныя дѣйствія противъ насъ оставались безнаказанными. Убѣжденіе это отчасти поддерживалось въ Хивѣ и нашими дальними киргизами, какъ, на примѣръ, адаевцами и чумичли-табынцами и др., которые, перекочевывая зимой на Усть-Уртъ, были

заинтересованы по своимъ личнымъ выгодамъ поддерживать это мнѣніе, такъ какъ, опасаясь преслѣдованія за безпорядки и грабежи, которые они иногда совершали во время лѣтнихъ воевъ на Мангышлакъ, такіе киргизы были принуждены уходить за Усть-Урть, къ предѣламъ ханства. Проникнувъ, какъ мы уже видѣли выше, до Акъ-Тумсука на югъ по Усть-Урту, отряды наши не встрѣчали тѣхъ непреодолимыхъ препятствій, которыя считались несомнѣнно существовавшими, такъ какъ до этихъ пунктовъ, со временъ Бековича-Черкаскаго, еще ни одна изъ нашихъ командъ не доходила, и всѣ воображали, что Усть-Урть—это какое-то чудовище, усѣянное скорпіонами, фалангами и змѣями. (Въ іюнѣ 1858 года прошла Усть-Урть миссія Игнатьева). Отъ уроч. же Акъ-Тумсука до населенной части Хивы оставалось уже нѣсколько переходовъ, а мѣстныя условія по той сторонѣ Усть-Урта извѣстно, что вполне благоприятныя.

Съ 1620 года начали посѣщать Хиву русскія дипломатическія миссіи: Хохловъ, Ѳедотовъ, Даудовъ, Беневени, Гладышевъ, Муравинъ, Назимовъ, Рукавкинъ, Бланкеннагель, Муравьевъ, Никифоровъ, Данилевскій, Базинеръ, Игнатьевъ и Бутаковъ, отъ 1620 до 1858 года, послѣдовательно посѣтили Хиву, а въ началѣ XVII-го столѣтія начались съ Хивой и вооруженныя столновенія, но, правду сказать всѣ они были крайне неудачны для насъ и потому легко могли нравственно благоприятно повліять на Хиву. Первый походъ туда произошелъ совершенно случайно. Поселившіеся на берегахъ Урала япцкіе казаки, грабившіе и разорявшіе въ то время всѣхъ и все, что ни попадалось имъ подъ руку, поймали однажды нѣсколькихъ хивинскихъ купцовъ, ѣхавшихъ съ товарами въ Россію. Разграбивъ товаръ, казаки допытывали хивинцевъ, что и какъ у нихъ въ Хивѣ. Узнавъ о богатствѣ страны и о томъ, что лѣтомъ тамъ войска не бываетъ, лхіе казаки, недолго думая, скоро собрались и, въ составѣ до тысячи человекъ, безъ всякаго обоза и только съ тѣмъ, что могло помѣститься на сѣдлѣ, пошли на поживу. Быстро прошли они киргизскую степь и, пользуясь дѣйствительно отсутствіемъ хивинскаго войска, совершенно истребили одинъ изъ главныхъ хивинскихъ городовъ—Ургенчъ. Наваливъ до тысячи телѣгъ богатой елადью, забравъ до тысячи женщинъ, казаки возвратились—было уже обратно, но настигнутые хивинцами и отрѣзанные отъ воды, выдержали непримѣрную и ужасную борьбу. Недостатокъ въ водѣ и палящій зной солнца заставилъ казаковъ утолять жажду высасываніемъ крови съ убитыхъ товарищей. Нѣсколько дней отчаянно защищаясь и бросивъ все взятое въ Ургенчѣ, казаки, въ

числѣ только ста человекѣ, успѣли пробиться въ Аму-Дарьѣ, но и здѣсь, въ дремучихъ камышахъ, ихъ вновь настигли хивинцы и уничтожили окончательно, такъ что преданіе объ этомъ походѣ осталось изъ сочиненія Абулгазы-Богадурь-Хана, да изъ одной переходящей изъ рода въ родъ пѣсни самихъ казаковъ.

Вскорѣ послѣ того, яицкій атаманъ Нечай вновь собралъ казаковъ, и вновь пошли они въ Хиву «счастія пытать», вновь разорили тамъ многіе города, вновь побрали много добра всякаго и женщинъ, и вновь, на обратномъ пути, всѣ казаки и самъ атаманъ уничтожены хивинцами. Была и третья попытка этихъ казаковъ проникнуть въ Хиву, но на этотъ разъ она кончилась еще хуже. Застигнутые суровой зимой, со всѣми ея ужасными здѣсь атрибутами — бураномъ и стужей, и сбившись съ дороги, казаки дошли до такого отчаяннаго положенія, что должны были убивать и ѣсть другъ друга, а часть ихъ взята хивинцами въ рабство.

Четвертый походъ противъ Хивы былъ предпринятъ по инициативѣ Петра Великаго, желавшаго, какъ извѣстно, открыть торговныя сношенія съ Индіей, особенно когда (въ 1700 году) самъ хивинскій ханъ Шаниязъ просилъ о принятіи его въ подданство Россіи. Предварительно этого похода было построено нѣсколько опорныхъ пунктовъ, которые могли бы соединять отрядъ съ Астраханью, и, послѣ долгихъ сборовъ, князь Бековичъ-Черкасскій, съ отрядомъ до 3¹/₂ тысячъ при 6-ти орудіяхъ и съ обозомъ изъ 200 верблюдовъ и 300 лошадей, въ началѣ іюня 1717 года, двинулся чрезъ Усть-Урть въ Хиву. Не доходя до этого города 150 верстъ, на берегу р. Аму-Дарьи онъ далъ выступившимъ противъ него хивинцамъ сраженіе, которое продолжалось три дня и кончилось совершеннымъ пораженіемъ непріятели. Ханъ, видя, что дѣло плохо, вступилъ въ переговоры и обѣщалъ исполнить всѣ требованія князя Бековича, который такъ довѣрился увѣреніямъ хана, что, раздѣливъ отрядъ на нѣсколько частей, вошелъ, по приглашенію хана, въ Хиву. Но едва только онъ сдѣлалъ это, какъ хивинцы измѣнически напали на разрозненныя части нашего отряда и перерѣзали всѣхъ до одного человека, а съ самого Бековича, какъ гласятъ преданія, содрали кожу, набили сѣномъ и послали ее въ подарокъ эмиру бухарскому. Пятый и послѣдній походъ на Хиву былъ предпринятъ въ 1839 году главнымъ начальникомъ оренбургскаго края, графомъ Перовскимъ, съ цѣлью занять это ханство, освободить нашихъ плѣнныхъ и дать свободу торговлѣ. Отрядъ гр. Перовскаго состоялъ изъ 3¹/₂ баталіоновъ пѣхоты, 2-хъ полковъ уральскихъ

казаковъ, 5-ти сотенъ оренбургскихъ казаковъ и банкиръ и 22-хъ орудій, всего до 5-ти тыс. человекъ, при обозѣ, въ которомъ было, кромѣ лошадей, до 10-ти тыс. верблюдовъ и до 2-хъ тыс. человекъ верблюдовожатыхъ киргизовъ.

Послѣдній эпизодъ этого несчастнаго движенія нашего на востокъ окончился для насъ полнѣйшей неудачей. Несчастная мысль, что, за неизбѣннѣе въ степи воды, походъ легче дѣлать зимой, когда есть снѣгъ, и убѣжденіе, что морозъ для русскаго человека ничто, побудили назначить выступленіе изъ Оренбурга въ концѣ осени.

Въ свою очередь, не дремалъ и бывшій ханъ хивинскій Алла-кули. Слухи о приготовленіяхъ къ этой экспедиціи вызвали въ Хивѣ энергическія мѣры противодѣйствія. Шайки хивинцевъ были посланы въ разныя мѣста нашей степи для увоза и разграбленія нашихъ киргизовъ, сотни эмиссаровъ возмущали киргизовъ на Эмбѣ и Сыръ-Дарьѣ, чрезъ что поставка верблюдовъ для отряда, несмотря на всѣ принятыя мѣры, оказалась очень затруднительною, да и тѣ, которые доставлены, были до того плохи, что вскорѣ послѣ выступленія отряда и половины ихъ не осталось, а до Хивы было еще очень далеко; замѣнить павшихъ верблюдовъ было крайне необходимо, а достать не было никакой возможности; затѣмъ, вскорѣ по выступленіи, наступили до того сильныя холода и бураны, что графъ Перовскій вынужденъ былъ съ половины пути вернуться обратно. Отступленіе его было поистинѣ ужасно. Недостатокъ въ перевозочныхъ средствахъ и продовольствіи, которое не успѣли доставить, какъ было предположено, изъ ново-александровскаго укрѣпленія, страшный холодъ, бураны, возмущеніе киргизовъ-вожачковъ, изъ которыхъ двоихъ даже разстрѣляли,—все это привело къ тому, что отрядъ возвратился на линію въ числѣ только $\frac{1}{3}$ всего своего состава, и то въ изурннномъ и искалѣченномъ видѣ, а изъ 10-ти тыс. верблюдовъ вернулось не болѣе 1000 штукъ. Такъ кончилась эта послѣдняя экспедиція, не принеся никакой пользы и стоивъ правительству, кромѣ людей, до $6\frac{1}{2}$ милліоновъ рублей ассигн. Очевидцы говорили намъ, что графъ Перовскій, съ примѣрнымъ героизмомъ выносившій всѣ трудности и лишения этого похода, былъ тѣмъ не менѣе такъ нравственно потрясенъ имъ, что возвратился въ Оренбургъ сѣдымъ.

Послѣ этого похода мы не имѣли съ Хивой никакихъ столновеній, и она была надолго оставлена въ покое.

II.

Въ 1847 году, когда мы заняли низовья Сыръ-Дарьи и открыли плаваніе по Аральскому морю, было заложено укрѣпленіе Раимское, и извѣстный нашъ морякъ А. И. Бутаковъ, съ свойственною ему энергіею и неустранимостью, сдѣлалъ на шкунѣ «Николай» обзоръніе всего сѣвернаго берега Аральскаго моря, а въ 1848 году, на военномъ суднѣ «Константинъ», имъ же произведена полная опись Аральскаго моря. Во время двухмѣсячнаго плаванія, Бутаковъ осмотрѣлъ всѣ берега этого моря, за исключеніемъ восточнаго, а въ 1849 году 5¹/₂ мѣсяцевъ вновь ходилъ по Аральскому морю и произвелъ астрономическое опредѣленіе пунктовъ, съемку береговъ, промѣры и вообще всю опись, такъ что съ тѣхъ поръ Аральское море сдѣлалось намъ совершенно извѣстнымъ.

Въ 1858 году отважный морякъ этотъ, крейсирова на пароходѣ по Аму-Дарьѣ, совершенно неожиданно-негаданно на всѣхъ парахъ подлетѣлъ въ Кунграду и у самаго города всталъ на якорь, изумивъ и приведя въ неописанный страхъ все населеніе. Въ 1863 году, на этомъ же пароходѣ, я, въ числѣ другихъ, совершалъ плаваніе по верхнему теченію Сыръ-Дарьи въ Туркестану, и мнѣ не разъ приходилось слышать отъ очевидцевъ о томъ впечатлѣніи, которое было произведено этой смѣлой выходкой. Говорятъ, что населеніе Кунграда при появленіи парохода въ паническомъ страхѣ бѣжало изъ города и только одни смѣльчаки высматривали изъ камыша на шайтана (чортъ). Когда же послѣ нѣкоторой стоянки жители увидѣли, что имъ ничего не дѣлаютъ, а затѣмъ, когда пароходъ нашъ снялся съ якоря и пошелъ нѣсколько верстъ вверхъ по рѣкѣ мимо города, а потомъ назадъ, то массы народа высыпали на берегъ и долго бѣжали слѣдомъ за удаляющимся пароходомъ.

Такимъ образомъ мы применились почти непосредственно къ хивинскимъ владѣніямъ, а потому столкновенія наши съ Хивой, весьма естественно смотрѣвшей очень недружелюбно на такое сосѣдство, сдѣлались очень вѣроятными и вскорѣ, дѣйствительно, обнаружались со стороны Хивы разграбленіемъ, близъ урочища Кармакчи, болѣе тысячи кибитокъ нашихъ киргизовъ и послѣдовательными нападеніями на нашихъ киргизовъ, кочующихъ по всему протяженію праваго берега Сыръ-Дарьи. Несмотря однако на это, противъ Хивы ничего серьезнаго съ нашей стороны не предпри-

нималось, а вскорѣ затѣмъ сношенія Россіи съ этимъ ханствомъ совсѣмъ прервались.

Съ 1853 же года по 1869 все наше вниманіе, силою сложившихся обстоятельствъ, было обращено на другую сторону. Занявъ низовья Сыръ-Дарьи, отерывъ плаваніе по Аральскому морю и двигаясь вверхъ по Сыръ-Дарьѣ, мы взяли Ташкентъ, Самаркандъ и многіе другіе города, всѣ дѣла наши исключительно сосредоточились въ этой части Средней-Азій. Въ послѣднее время, до 1867 года, и хивинское правительство оставалось, повидимому, въ совершенной съ нами дружбѣ, но этому, нужно полагать, много способствовало то обстоятельство, что въ 1865—1866 году вся торговля Бухары съ Россіею по случаю военныхъ дѣйствій шла чрезъ Хиву, отчего казна хана весьма выигрывала; но какъ только въ 1866 году, послѣ взятія Джи-заба, прямыя торговыя сношенія съ Бухарой были возстановлены (съ тѣмъ, чтобы уже болѣе не прерываться, не взирая на продолженіе военныхъ дѣйствій), хивинскій ханъ тотчасъ измѣнилъ свое поведеніе и всякій годъ, все болѣе и болѣе, отерыто заявлялъ себя врагомъ нашимъ.

Продолжая не обращать вниманія на враждебныя дѣйствія Хивы, преслѣдуя цѣль развитія нашей торговли въ Средней Азій и озабочиваясь изысканіемъ удобнѣйшаго и кратчайшаго съ нею пути сообщенія, правительство наше, желавшее устроить укрѣпленную факторію на восточномъ прибрежьи Каспійскаго моря, заняло въ 1869 году Красноводскій заливъ, а по случаю передачи изъ оренбургскаго вѣдомства въ вѣдѣніе кавказскаго начальства Мангишлакскаго полуострова, кавказскія войска упрочились на всемъ восточномъ берегу Каспійскаго моря, основавъ укрѣпленные пункты на полуостровѣ Мангишлакъ — въ форѣ Александровскомъ, въ Красноводскѣ, на низовьяхъ рѣки Атреа-Чекишляръ (на границѣ съ Персіей) и въ Астрабадскомъ заливѣ—Ашуръ-Адѣ, такъ что это послѣднее обстоятельство какъ-бы вновь напоминало Хивѣ возможность распространенія нашего вліянія на нее; но несмотря на временное забвеніе, несмотря и на то, что силою самого положенія средне-азіатскаго дѣла, за послѣднія десять лѣтъ, Хива вдругъ очутилась тѣсно окруженною съ двухъ сторонъ русскими войсками, имѣвшими постоянную возможность, какъ уже въ эти десять лѣтъ видѣла она, безпрепятственно подойти къ ея предѣламъ; несмотря на все это, непріязненное отношеніе этого ханства къ Россіи стало явленіемъ совершенно обыденнымъ. Хивинскій оазисъ, населенный узбеками, сартами, каракалпаками, всегда былъ и есть со-

средоточіемъ всякаго сброда людей преимущественно изъ нашей орды, неимѣющихъ возможности оставаться долѣе не только подъ русскую власть, но даже въ средѣ своего кочевого общества, такъ что и простой разбойникъ и почетный султанъ, мечтающій о какомъ-то возрожденіи киргизскаго народа, все это бѣжитъ въ Хиву, находятъ тамъ пріютъ и если не матеріальную, то всегда нравственную поддержку. Такъ, въ 1869 году, недовольные введеніемъ въ киргизской степи новаго положенія султанъ-есаулъ ханъ-Галій Араслановъ и Авбергенъ Мунайтмасовъ, со всѣми своими однородцами откочевали въ Хиву и не только были приняты ханомъ, но Арасланова ханъ возвелъ въ достоинство киргизскаго хана и при его содѣйствіи неоднократно обращался къ нашимъ мирнымъ киргизамъ съ приглашеніями перейти въ его подданство и съ воззваніями, слѣдующаго содержанія:

«Во-первыхъ, во имя Бога, а во-вторыхъ пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе!

«Онь!

«Всевышній Богъ, который есть жемчужина моря совершенства, перлъ меча шаригата (вѣра), роза сада истины, соловей цвѣтника тариката (секта), свѣча фонаря постоянства, чапа общества велиководущія, пособіе отъ болѣзни просящаго,—да сохранить отъ всѣхъ бѣдствій!

«Великодушнымъ и храбрымъ, адаевскаго рода, біямъ и всѣмъ, отъ малаго до великаго, передаемъ слѣдующее:

«Сынъ Гаита, Хошвакъ-Батыръ, сообщилъ намъ о вашемъ добромъ здоровьѣ и благополучіи, что насъ очень обрадовало. Мы слышали о войнѣ вашей съ подлыми и нечестными русскими. Если это правда, то намъ желательно, чтобы вы объ этомъ извѣстили насъ письменно. Если же вы рѣшаетесь воевать во славу Божію и во имя вѣры пророка, да будетъ надъ нимъ миръ и благословеніе Божіе, уповая единственно на самого питающаго всѣхъ (Богъ), то это послужитъ поводомъ къ тому, что сыны трехъ ордъ соединятся всѣ вмѣстѣ и сядутъ на своихъ коней (вооружатся), и въ такомъ случаѣ вамъ надлежитъ послать письма ко всѣмъ знатымъ лицамъ, пребывающимъ какъ въ разныхъ областяхъ, такъ и въ большой и малой ордахъ. Событіе, которое должно совершиться въ общій намъ вѣкъ, мы должны считать за счастье: уьемъ—прославимся воинами, сражающимися противъ невѣрныхъ, а убьютъ насъ,—тогда причислятъ насъ къ числу мучениковъ. Мы представляемъ себѣ слѣдующую мысль: зачѣмъ намъ, заискивая сей безконечный міръ, лишаться той сча-

сливой доли, которая назначена каждому въ будущей жизни? Радуюсь, что вы, почтеннѣйшіе, уже приступили въ дѣлу, мы денно и ночью пребываемъ, послѣ каждого намаза (пятнадцатое богослуженіе), въ молитвѣ о вашемъ здоровьи и просимъ Всемогущаго Создателя предопредѣлить намъ свиданіе съ вами. Аминь. О, Господи міровъ! Въ заключеніе же свидѣтельствуемъ вамъ наше почтеніе. Письмо это написано въ 13-й день мѣсяца джумади-эль-аввель, 1286 года. На оборотѣ письма приложена печать со слѣдующей надписью: «Садыкъ, сынъ воина Кенисарихана».

Кромѣ того, на всѣ старанія наши въ послѣднее время войти съ хивинскимъ правительствомъ въ мирныя сношенія и дѣлаемые ему по этому поводу заявленія отъ туркестанскаго генералъ-губернатора, ген.-ад. Кауфмана, которому предоставлено было право сношенія со всѣми властелинами Средней Азии, и который въ своихъ сношеніяхъ предлагалъ хану миръ и дружбу Россіи съ условіемъ: возвращенія всѣхъ нашихъ плѣнныхъ, находящихся въ Хивѣ, запрещенія своимъ подданнымъ вмѣшиваться въ дѣла нашихъ киргизовъ и заключенія равноправнаго для обѣихъ сторонъ торговаго обязательства, ханъ Мухамедъ-Рахимъ отвѣчалъ ген.-ад. Кауфману крайне дерзкими и неприличными письмами и не только не исполнилъ нашихъ законныхъ требованій, но, не стѣсняясь, высылалъ цѣлыя шайки грабителей въ нашу степь и въ низовьямъ Сыръ-Дарьи, которыя волновали нашихъ киргизовъ, продолжая взимать съ нихъ именованъ хана закятъ (подать), а въ случаѣ отказа разоряли цѣлыя аулы; кромѣ того, продолжалъ давать у себя убѣжище главнѣйшимъ зачинщикамъ возстанія въ нашей оренбургской киргизской степи и даже награждалъ ихъ. Шайки хивинцевъ и укрывавшихся въ предѣлахъ ханства нашихъ киргизовъ, какъ сказано выше, безпрестанно прорывались на чрезвычайно важный для насъ во всѣхъ отношеніяхъ, орскъ-казалинскій трактъ — единственное сообщеніе Ташкента съ Оренбургомъ, и разоряли станціи, проходящія по пути караваны, угоняли лошадей, убивали проѣзжающихъ и оставили одно время трактъ этотъ безъ сообщенія. Отсюда понятно, почему хивинцы при врожденной склонности къ разбою и напыльѣ навнѣ отвергнутыхъ закономъ и обществомъ личностей, несмотря на осѣдность, до сихъ поръ преимущественно занимаются грабежемъ, которому весьма способствуетъ, впрочемъ, и окружающая Хиву мѣстность.

Соприкасаясь съ владѣніями нашихъ киргизовъ, Хива постоянно

эксплуатировала ихъ и подъ угрозой мести подстрекала къ неповиновенію русской власти, что всегда было главной причиной ослабленія вліянія нашего на киргизовъ и отчасти было причиной, какъ я уже сказалъ, и тѣхъ безпорядковъ и возмущеній, которые были въ степи съ 1869 по 1871 годъ, во время введенія между киргизами Оренбургскаго вѣдомства новаго положенія управленія ими. Кромѣ того, Хива была постоянно центромъ сбыта нашихъ плѣнныхъ, которые и по сіе время находились тамъ въ рабствѣ; достоверно извѣстно и то, что казаки, взятые въ плѣнъ въ извѣстномъ дѣлѣ Рукина, на Мангишлакѣ, проданы въ Хиву, а на требованіе наше выдать плѣнныхъ хивинскій ханъ отвѣчалъ, какъ и прежде, отказомъ и вообще не только не обнаруживалъ желанія исполнить наше требованіе, но дерзкія вторженія отдѣльныхъ хивинскихъ шаекъ въ предѣлы наши стали повторяться еще чаще, такъ что въ ноябрѣ мѣсяцѣ 1872 года нѣсколько мелкихъ шаекъ хивинцевъ прибыли въ южному склону Усть-Урта, гдѣ обыкновенно кочуетъ въ это время года значительное число кибитокъ нашихъ киргизовъ, съ цѣлью вынудить этихъ киргизовъ: выплатить язекъ (подать хану), признать власть хивинскаго хана и не подчиняться русскому правительству, причемъ распустили слухъ, что огромное хивинское войско вслѣдъ за ними идетъ въ нашу степь.

Подобныя ежегодныя дѣйствія хивинцевъ не только всегда волновали населеніе, но и очень вредно отзывались на хозяйствѣ киргизовъ, особенно адаевскаго и чумичли-табынскаго родовъ, которое преимущественно заключается въ скотѣ, такъ какъ для сохраненія своихъ стадъ отъ стужи и зимнихъ бурановъ у нихъ есть только одно убѣжище — это южный склонъ Усть-Урта. Такимъ образомъ, киргизы эти, не имѣя почти никакого оружія и разбросанные на огромномъ пространствѣ, рѣшительно не могли защитить себя отъ произвола хивинскихъ шаекъ. Ограждать же нимою нашими отрядами киргизовъ-кочевниковъ не только тѣхъ, которые откочевываютъ за предѣлы досягаемости отрядовъ, но даже кочующихъ за Эмбой — невозможно. Въ свою очередь и киргизы прикочевывать подъ охрану нашихъ укрѣпленій съ громаднымъ количествомъ скота, который находится у нихъ, по неимѣнію достаточнаго корма и по суровости зимы въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ находятся укрѣпленія, — тоже не могутъ. Въ концѣ 1872 года, во время движенія красноводскаго отряда полковника Марозова для изслѣдованія пути отъ укрѣпленія Джамалинскаго до Хивы, чрезъ колодцы Игды и Ортыкую, на него было сдѣлано открытое нападеніе: партія военныхъ хивинцевъ въ 500 человекъ успѣла отогнать у насъ съ пастбы 146 верблюдовъ и убить 3-хъ.

Необыкновенно пересѣченная мѣстность около Топатана и очень глубокіе пески помѣшали пѣхотѣ и казакамъ перерѣзать путь хищникамъ, и хотя хвостъ послѣднихъ и былъ настигнутъ нашими войсками, но хивинцы успѣли исполнить свое намѣреніе, оставивъ, по показанію нашихъ туркменовъ, нѣсколько человекъ убитыхъ и раненыхъ. Затѣмъ, 8-го октября, по наущенію Хивы у Джамала партія текинцевъ (жители мѣстности, называющейся Теке, по существующему убѣжденію всѣхъ средне-азиатцевъ, до того страшны и воинственны, что противъ нихъ никто и никогда не предпринимаетъ никакихъ враждебныхъ дѣйствій) до 300 человекъ, предводимая лично Софи-ханомъ, сдѣлала попытку отогнать у отряда верблюдовъ, дабы такимъ образомъ лишить его возможности двигаться далѣе; но лишь только замѣчено было приближеніе непріятеля, отрядъ нашъ сталъ въ ружье, а казаки, числомъ 32, при 3-хъ офицерахъ, бросились на встрѣчу текинцамъ, которые уже успѣли изрубить 2-хъ пастуховъ-туркменовъ и погнать верблюдовъ. Завязалась нерестрѣлка, продолжавшаяся, впрочемъ, недолго, такъ какъ съ приближеніемъ пѣхоты казаки бросились въ шанки. Тогда часть текинцевъ спѣшилась и разсыпавшись по кустарнику, покрывающему почти сплошь бугристые пески окрестностей Джамалы, открыла огонь по пѣхотѣ, а остальные встрѣтили казаковъ на боняхъ холоднымъ оружіемъ, послѣ чего стрѣльба скоро превратилась, такъ какъ и пѣхота, добѣжавъ до непріятеля, стала дѣйствовать штыками. Верблюды были отбиты обратно и непріятель приведенъ въ бѣгство. Кромѣ оставленныхъ на мѣстѣ боя 23-хъ убитыхъ, мы взяли у непріятеля 10 человекъ въ плѣнъ (у насъ убитъ 1 казакъ и 2 туркмена и ранены шаншами — 1 офицеръ, 1 урядникъ и 1 туркмень). Говорятъ, что непріятель увезъ еще съ собой своихъ убитыхъ 15 и раненыхъ 30 человекъ. Въ Игды въ полковнику Марьзову прибыли текинскіе посланцы съ просьбою возвратитъ имъ раненыхъ плѣнныхъ и съ письменными извиненіями хановъ за джамалинское нападеніе; въ письмахъ этихъ, между прочими оправдательными аргументами, приводится то обстоятельство, что войска наши похожи на персидскія.

Всѣ эти враждебныя противъ насъ дѣйствія хивинскаго правительства, явно происходящія отъ того вліянія, направляемаго прямо во вредъ нашего значенія въ степи, которое имѣетъ Хива на туркменскія и киргизскія степи, по самому стратегическому положенію ханства, не могли не вызвать даже въ самой Хивѣ сознанія и убѣжденія, что Россія должна быть недовольна политикою хана, что и побудило его, въ началѣ 1872 года, выслать

для переговоровъ свои посольства чрезъ Александровскій форть къ намѣстнику Кавказа и чрезъ Оренбургъ съ подарками къ Государю Императору. На имя великаго князя намѣстника, ханъ написалъ грамоту слѣдующаго содержания:

«Великій Императоръ, нашъ другъ, да продлится любовь ваша къ намъ навсегда! Брату славнаго, уважаемаго, могущественнаго Его Величества Россійскаго Самодержца, Государя, имѣющаго корону, сіяющую подобно солнцу, Государя Исусова народа, желаю много лѣтъ сидѣть на престолѣ и продолжать знакомство и дружескую переписку между нами.

«Да будетъ вашему дружескому сердцу извѣстно, что съ давняго времени между двумя нашими высокими правительствами существовало согласіе; отношенія между нами были откровенныя и основанія дружбы день-о-го-дня укрѣплялись, какъ будто два правительства составляли одно, и два народа — одинъ народъ.

«Но вотъ, въ прошломъ году, ваши войска явились къ Челекеню на берегу Харазмскаго залива ¹⁾, какъ мы слышали, для открытія торговли, и недавно небольшой отрядъ этихъ войскъ, приблизившись къ Сары-Камышу, который издавна находится подъ нашей властью, вернулся назадъ. Кромѣ того, со стороны Ташвента и Авъ-мечети ²⁾ подходили войска ваши къ колодцу Минъ-булагъ, лежащему въ нашихъ наслѣдственныхъ владѣніяхъ. Намъ неизвѣстно: знаетъ ли объ этомъ великій князь или нѣтъ?

«Между тѣмъ, съ нашей стороны не предпринималось никогда такихъ дѣйствій, которыя могли бы нарушить дружественныя съ вами отношенія, и только однажды ³⁾ изъ общества Казака, которое находится подъ нашей властью, пять или шесть храбрецовъ были посланы къ вамъ; но они не переходили за нашу границу и, не сдѣлавъ вамъ никакого вреда, возвратились обратно. Въ то же время нѣкоторыми людьми изъ этого же общества были захвачены четыре-пять человекъ вашихъ людей, но мы отобрали ихъ и бережемъ у себя.

«Въ прошломъ году темиръ-ханъ-шуринскій заслуженный князь сказалъ объ насъ иману: «если они наши друзья, то по какой причинѣ держатъ у себя людей нашихъ?»

«Узнавъ объ этомъ, мы поручили тому же иману отвезти одного изъ этихъ людей къ вамъ, другихъ же оставляемъ, пока, у себя.

¹⁾ Красноводскій заливъ.

²⁾ Гор. Перовскъ.

³⁾ Въ подлинникѣ «въ другомъ году».

«И если вы, желая поддержать съ нами дружескія отношенія, заключите условіе, чтобы каждый изъ насъ довольствовался своей прежней границей, то мы въ то же время возвратимъ и остальныхъ вашихъ людей; но если плѣнные эти служатъ для васъ лишь предлогомъ для открытія враждебныхъ противъ насъ дѣйствій, съ цѣлью расширенія вашихъ владѣній, то да будетъ на это опредѣленіе Всемогущаго и Свѣтлаго Бога, отъ исполненія воли котораго мы увлечься не можемъ».

«Поэтому написано это дружественное письмо въ мѣсяцѣ Шавалла».

На печати изображено: «Сейтъ-Магометъ-Сахимъ-Ханъ».

Но хитрость средне-азиатскаго владыки, сознавшаго близость опасности, была предугадана и посольства потерпѣли полнѣйшую неудачу. Кавказское посольство, доѣхавъ до Темиръ-Ханъ-Шуры, а петербургское до Оренбурга, было принято главными начальниками названныхъ краевъ, которые, не вступая ни въ какіе съ посланцами разговоры, заявили представителямъ хана, что прежде чѣмъ вести какіе бы то ни было переговоры съ ханомъ и допустить посланцовъ къ Государю Императору и великому князю, хивинскій ханъ обязывается:

1) Немедленно освободить всѣхъ русскихъ плѣнныхъ, находящихся въ хивинскихъ владѣніяхъ, и 2) написать генералу Кауфману объясненіе своихъ прежнихъ поступковъ, такъ какъ въ отвѣтъ на дружественныя посланія этого генерала ханъ давалъ дерзкіе отвѣты.

Послѣ этого оба посланца возвратились тотчасъ обратно.

Когда же кавказское начальство послало отъ себя въ Хиву довѣренныхъ лицъ, чтобы разяснить, почему хивинское посольство не принято, то наши посланные, хотя и были приняты ханомъ ласково и переговоры ихъ съ приближенными хана и его сановниками подавали въ началѣ надежду на благопріятный исходъ даннаго имъ порученія, но въ послѣдствіи, черезъ три недѣли, нашимъ уполномоченнымъ ханъ лично объявилъ, что не можетъ дать отвѣта на ихъ заявленіе, пока не получитъ таковаго же отъ великаго князя намѣстника, на посланную къ его высочеству ханомъ грамоту. «Если есть у васъ отвѣтъ, сказалъ ханъ, отпуская уполномоченныхъ нашихъ, то подайте его мнѣ; если же нѣтъ, то привезите назадъ грамоту».

Затѣмъ, вновь начинаются энергическія попытки хивинскаго правительства, особенно послѣ нѣсколькихъ рекогносцировокъ кавказскихъ войскъ по направленію къ Хивѣ, установить внутреннюю связь между имъ и Кальеуттой, посольства въ Турцію,

Индію и Англію съ просьбой о защитѣ противъ Россіи—все это какъ нельзя болѣе показываетъ, что Хива имѣла основаніе бояться Россіи и принимала потому заблаговременно оборонительныя мѣры.

Англія, которая всегда съ напряженнымъ вниманіемъ слѣдила за движеніемъ политики нашей по средне-азиатскому вопросу и которой весьма хотѣлось, чтобы петербургскій кабинетъ призналъ за особенно покровительствуемымъ Англіею кабульскимъ эмиромъ Ширъ-Али непосредственную власть надъ Аванскими провинціями Бадахшаномъ и округомъ Вахшаномъ, заявила притязаніе, относительно тѣхъ границъ, какія мы намѣрены сдѣлать исходною точкою въ нашихъ завоеваніяхъ въ Средней Азіи. Весьма щекотливый и крайне неудобно-опредѣлимый вопросъ этотъ, послѣ долгихъ переговоровъ, рѣшенъ теперь вполне удовлетворительнымъ образомъ. Уступка, сдѣланная нашимъ правительствомъ сентъ-джемскому кабинету въ признаніи правъ кабульскаго эмира Ширъ-Али на принадлежность въ территоріи его владѣній въ Авангистанѣ провинціи Бадахшанъ, съ зависящею отъ нея областью Вахшаномъ, тѣмъ самымъ признавала и за Россіей, со стороны Англіи, полную свободу дѣйствій нашихъ на всемъ пространствѣ, отдѣляющемъ новую демаркаціонную авганскую линію отъ границы нашихъ средне-азиатскихъ владѣній, освобождая насъ вмѣстѣ съ тѣмъ опредѣлять заранѣе status quo нашего движенія на востокѣ.

Отвѣтъ князя Горчакова, опубликованный въ газетахъ, не только развязывалъ намъ руки, но какъ нельзя болѣе удовлетворялъ неудовольствія англійской прессы, парламента и даже всѣхъ тѣхъ, которые до сихъ поръ такъ громко протестовали противъ того, чтобы Англія вступала въ казіе бы то ни было договоры съ Россіей.

Между тѣмъ, непріязненные дѣйствія хивинскаго правительства еще въ октябрѣ мѣсяцѣ прошлаго года поставили главный штабъ въ необходимость составить обо всемъ этомъ подробный докладъ военному министру, и походъ на Хиву былъ уже дѣломъ совершенно рѣшеннымъ, но дальнѣйшія распоряженія не приводились въ исполненіе только потому, что въ теченіи всей осени и зимы 1872 года въ Петербургѣ предполагали, что начальникъ кавказскихъ войскъ на Атрекѣ, полковникъ Марковъ, производившій въ то время рекогносцировки и бывшій въ нѣсколькихъ переходахъ отъ Хивы, покончитъ съ нею. Такъ прошло время до вонца 1872 года, когда съѣхались въ Петербургъ по дѣламъ службы генералъ-губернаторы оренбургскій и туркестанскій, а

затѣмъ и намѣстникъ Кавказа, великій князь Михаилъ Николаевичъ, и тогда уже окончательно составилось предположеніе о необходимости приступить къ рѣшительнымъ противъ Хивы дѣйствіямъ. Безотлагательное нанесеніе Хивѣ рѣшительнаго удара было объявлено совершенно необходимымъ, такъ какъ безъ этого рѣшительнаго шага дальнѣйшее пребываніе нашихъ отрядовъ въ Красноводскѣ, или Чекишлярѣ, сдѣлалось бы бесполезнымъ, а движенія ихъ въ степи, если бы ихъ нужно было предпринимать, могли даже представить серьезныя затрудненія. Приготовленія къ походу въ Хиву предполагалось начать немедленно, дабы имѣть возможность окончить ихъ въ марту мѣсяца этого года; а такъ какъ думали вести военныя дѣйствія съ трехъ сторонъ, именно со стороны округовъ кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго, то имѣя въ виду громадное разстояніе, разделяющее эти округа другъ отъ друга, которое могло бы затруднить согласованіе дѣйствій, если бы поставить имъ въ условіе зависимость отъ взаимныхъ дѣйствій, рѣшено было каждому изъ трехъ отрядовъ дать, сколько возможно, болѣеую самостоятельность. Такимъ образомъ, если бы отрядъ кавказскихъ войскъ достигъ Хивы раньше туркестанскаго и оренбургскаго, то тѣмъ самымъ только упростило бы этимъ войскамъ исполненіе ихъ задачи и облегчило самое слѣдованіе ихъ по степямъ, такъ какъ появленіе русскихъ войскъ въ предѣлахъ Хивы, безъ сомнѣнія, произвело бы громадное нравственное вліяніе на всѣ сопредѣльные кочующіе народы. Численность кавказскаго отряда, который долженъ былъ прибыть къ предѣламъ хивинскаго ханства, предполагалась въ составѣ трехъ баталіоновъ пѣхоты, при 16-ти орудіяхъ, и четырехъ сотенъ кавалеріи. Перевозочныя средства, въ томъ числѣ и продовольствіе отряда до четырехъ мѣсяцевъ, должно было состоять изъ 4—5 тысячъ верблюдовъ, которыхъ предполагалось купить или нанять на Мангишлакѣ.

Ген.-ад. фонъ-Кауфманъ въ общихъ чертахъ предполагалъ тогда именно слѣдующее: сосредоточить въ Казалинскѣ отъ оренбургскаго округа 4 роты пѣхоты, 3 сотни и 4 конныхъ орудія. Войска эти должны были на Сыръ-Дарьѣ соединиться съ 4-мя ротами пѣхоты, 4-мя горными орудіями туркестанскаго округа и слѣдовать въ концѣ февраля изъ Казалинска и Перовска на урочище Ирвибай и Дау-Кара, а оттуда по берегу Аму-Дарьи вверхъ по рѣкѣ, до встрѣчи съ другимъ отрядомъ, который долженъ былъ выдти на берегъ той же рѣчки съ противоположной стороны, то-есть, съ юга, и затѣмъ соединенными силами атаковать Хиву.

Наконецъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій находилъ, что если бы дѣйствовать противу Хивы, какъ предполагалъ генераль-адъютантъ Кауфманъ съ двухъ сторонъ, то оставалась бы открытою третья, весьма важная сторона—пространство въ сѣверо-западу отъ береговъ Аральскаго моря, примыкающее къ району жилищъ мало-поворныхъ намъ усть-уртовскихъ кочевниковъ. Пространство это служило всегда поприщемъ хищныхъ хивинскихъ партій, врывавшихся въ киргизскую степь, и можно съ достовѣрностію полагать, что при движеніи нашихъ силъ на Хиву, если не войска хивинскія, то по крайней мѣрѣ разныя туркменскія или киргизскія сброды, стараясь уйти отъ нашихъ ударовъ, направится въ открытое пространство Усть-Урта, сосредоточится по берегамъ Каспійскаго и Аральскаго морей и въ пескахъ Самъ-Матай, и отсюда вмѣстѣ съ бродячимъ элементомъ нашихъ киргизовъ можетъ произвести значительныя замѣшательства въ степи.

Такъ какъ весеннія воды Аму-Дарьи иногда разливаются на значительное пространство и по своему спаденіи оставляютъ по берегамъ топкія болота, то въ такомъ случаѣ войска со стороны Ташкента могли бы быть задержаны въ бездѣйствіи, и тогда кавказскія войска, пришедшія въ предѣлы ханства, вынуждены были бы занять его сами; но такъ какъ путь кавказскихъ войскъ лежитъ прямо на городъ Хиву, а затѣмъ внизъ по Аму-Дарьѣ, то, дѣйствуя такимъ образомъ, они вытѣснили бы изъ хивинскихъ предѣловъ боящихся встрѣчи съ ними мелкія шайки хищниковъ, состоящія изъ разнаго сброда, на Усть-Уртѣ и въ предѣлы Оренбургскаго края, такъ что по удаленіи нашихъ войскъ изъ Хивы вся эта сволочь, которая до того укрывалась бы на Усть-Уртѣ и въ туркменскихъ степяхъ, вновь явилась бы въ Хиву и, составивъ тамъ свой оплотъ, съ усиленною дерзостію стала бы дѣлать набѣги въ наши предѣлы.

Принимая все это во вниманіе, генераль Крыжановскій полагалъ, независимо отъ отрядовъ со стороны Ташкента и Кавказа, сформировать еще въ Оренбургѣ отрядъ изъ 9 ротъ, 6 сотень и 8 орудій и двинуть его чрезъ пески Самъ и чрезъ Каратамакъ вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Кунградъ, съ такимъ расчетомъ времени, чтобы части этого отряда, соединившись на уроч. Касарма (на серединѣ разстоянія между Каратамакомъ и Ургою) подошли къ послѣднему пункту въ одно время съ прибытіемъ войскъ кавказскихъ и туркестанскихъ къ Хивѣ; такимъ образомъ достигалось, во-первыхъ, то, что самая безпоясная для насъ часть хивинскаго населенія, сосредоточиваю-

щаяся около Кунграда, была бы въ нашихъ рукахъ, во-вторыхъ, хивинскіе жители были бы окружены со всѣхъ сторонъ, въ-третьихъ, затруднительная переправа чрезъ Аму-Дарью для ташкентскихъ войскъ была бы облегчена, и въ-четвертыхъ, въ случаѣ разлитія Аму-Дарьи и невозможности достигнуть ташкентцамъ хивинскихъ предѣловъ, кавказскія войска не остались бы одни и не были бы поставлены въ затруднительное положеніе.

III.

По обсужденіи всѣхъ предположеній, 12 декабря 1872 года состоялось Высочайшее повелѣніе, чтобы, въ виду явно враждебныхъ къ намъ отношеній Хивы въ послѣднее время и для наказанія этого ханства, предпринять противъ него рѣшительныя дѣйствія съ наступленіемъ предстоящей весны 1873 года. Окончательный ударъ Хивѣ предположено нанести совокупными усиленіями трехъ военныхъ округовъ: кавказскаго, оренбургскаго и туркестанскаго. Роль каждаго округа опредѣлена составленнымъ общимъ планомъ дѣйствій, который, въ главныхъ чертахъ, состоялъ въ слѣдующемъ:

Наступательныя дѣйствія будутъ произведены съ двухъ сторонъ, съ востока войсками туркестанскаго округа и съ запада соединенными силами отрядовъ оренбургскаго и кавказскаго округовъ. Общій предметъ дѣйствія всѣхъ отрядовъ есть столица ханства, наказаніе которой и разсѣяніе хивинскихъ скопищъ должно составлять первую заботу войскъ.

Для этого, изъ Ташкента выступаетъ подъ главнымъ начальствомъ командующаго войсками туркестанскаго военнаго округа, генералъ-адъютанта фонъ-Кауфмана, отрядъ изъ 11 ротъ съ саперною командою въ 200 человекъ, 5¹/₂ сотенъ казаковъ, 14 орудій и ракетный дивизионъ. Отрядъ этотъ, слѣдуя чрезъ Джизакъ по дорогѣ, идущей вдоль Бухарской границы на Темиръ-Кудузъ, Тамды и Ильдерь-Ата, у подошвы Буканскихъ горъ, приблизительно на Дау-Кара или въ уроч. Мынь-Булакъ, гдѣ будетъ удобнѣе, соединится съ другимъ отрядомъ туркестанскаго же округа, который выйдетъ изъ горъ Казалинска и будетъ состоять изъ 9 ротъ, 1¹/₂ сотни казаковъ, ракетнаго и горнаго дивизионовъ (общая численность туркестанскаго отряда будетъ слѣдовательно въ 20 ротъ; численный составъ въ ротахъ какъ линейныхъ, такъ и стрѣлковыхъ, который взять въ походъ—140 рядовыхъ, 12—14 унтеръ-офицеровъ и 10 нестроевыхъ-воору-

женныхъ, 7 сотенъ казаковъ и 18 орудій). Затѣмъ, общими силами, отрядъ этотъ двинется прямо на Хиву, совершивъ выше Мынгъ-Булака переправу чрезъ Аму-Дарью и войдя въ сообщеніе съ войсками оренбургскими и кавказскими, которые къ этому времени (въ первыхъ числахъ мая) должны быть уже на лѣвой сторонѣ Аму-Дарьи и поступать подъ общее начальство генерала Кауфмана.

Со стороны Оренбурга сосредоточивается на Эмбѣ отрядъ подъ начальствомъ наказнаго атамана уральскаго казачьяго войска генералъ-лейтенанта Веревкина, силою въ 9 ротъ (2-й оренбургскій линейный баталіонъ и четыре роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона), 6 сотенъ оренбургскихъ и 3 сотни уральскихъ казаковъ и 6 орудій конно-казачьей артиллеріи, 6 ракетныхъ станковъ и 4 полупуд. мортиры. Отрядъ этотъ долженъ двигаться чрезъ Каратамакъ, вдоль западнаго берега Аральскаго моря на Касарму и Ургу; здѣсь, соединясь съ кавказскими войсками, которыя поступаютъ подъ общее начальство генерала Веревкина, идти впередъ и стараться облегчить переходъ туркестанскихъ войскъ чрезъ Аму.

Кавказскія войска хотя предполагалось выслать изъ Красноводска и форта Александровскаго, но за невозможностью доставить на мѣстѣ сосредоточенія главныхъ кавказскихъ силъ, на Атрекѣ, верблюдовъ для поднятія тяжестей, часть этого отряда съ продовольствіемъ перевезена изъ Атрека моремъ въ Киндерли, и такимъ образомъ, изъ Атрека (Чекишляра), отрядъ подъ начальствомъ полковника Маркова вышелъ (26 марта) только изъ 12 ротъ, 16 орудій и 4 сотенъ съ продовольствіемъ людямъ до 1 іюня, а лошадямъ до 9 мая, а другой отрядъ вышелъ изъ Киндерли, подъ начальствомъ полковника Ломакина, въ составѣ 16 ротъ, 6 сотенъ и 8 орудій, съ продовольствіемъ на 3 мѣсяца, такъ какъ на всемъ полуостровѣ нельзя было доставить болѣе 1,500 верблюдовъ. Войска эти, подвигаясь съ Атрека на Измышпарь, а изъ Киндерли къ Илтъ-Иджи, должны будутъ начать соединеніе съ генераломъ Веревкинымъ, не доходя Айбугирскаго залива.

На расходы по снаряженію войскъ, предназначенныхъ для экспедиціи противъ Хивы, и не могущіе быть отнесенными на смѣтные суммы интендантства, какъ-то: на заготовленіе экспедиціонныхъ вещей, подъемныя деньги офицерамъ и чиновникамъ этихъ отрядовъ, на суточные деньги милиціонерамъ или джигитами, на наемъ или покупку верблюдовъ и кибитковъ, содержаніе почтарей и на экстраординарные расходы было ассигновано

сверхсмѣтнымъ кредитомъ въ распоряженіе генерала Кауфмана 287,300 руб., генерала Крыжановскаго 200 т. р.; снаряженіе экспедиціи со стороны Кавказа отнесено на четырехсотъ-тысячную экстраординарную сумму, отпускаемую ежегодно въ распоряженіе кавказскаго начальства.

Степные походы вообще не имѣютъ ничего общаго съ походами войскъ всего міра, но походы по степямъ оренбургскаго вѣдомства, а также, какъ и нынѣшній, по направленію къ Хивѣ, по трудности своей, вслѣдствіе безводія, безкормицы и климатическихъ условій, не можетъ быть сравненъ ни съ походами сосѣдственныхъ войскъ туркестанскихъ и кавказскихъ, ни тѣмъ болѣе съ походами другихъ войскъ цѣлаго свѣта. Можно положительно сказать, что труднѣйшія экспедиціи французскихъ войскъ въ Египетъ и Алжиръ и англійскихъ въ Индію, Кабуль, Авганистанъ и даже въ Абиссинію, не могутъ дать точнаго понятія объ экспедиціи въ степяхъ Средней Азіи и особенно въ степи оренбургскаго вѣдомства по направленію къ границамъ хивинскаго ханства. Степь эта представляетъ зимой мѣстность съ страшными морозами и буранами, истребляющими цѣлыя киргизскія стада и уничтожающими все, что имъ попадается по пути, а лѣтомъ абсолютно-безплодную почву, раскаленную жгучими солнечными лучами неизмѣннаго въ продолженіи многихъ мѣсяцевъ чистаго безоблачнаго неба, отсутствіе всякой растительности, сыпучіе передвижные пески, гонимые почти постоянными вѣтрами, тонкую, всюду проникающую, какъ паръ, пыль, и въ невыносимому жару и совершенному отсутствію не только человѣческаго жилья, но даже признаковъ человѣческой жизни, присоединяется еще и повсемѣстный недостатокъ воды. Уже это одно обстоятельство указываетъ, какъ труденъ долженъ быть степной походъ въ этихъ мѣстахъ, въ особенности относительно перевозочныхъ средствъ. Вода здѣсь составляетъ такой драгоценный матеріалъ, что по вѣрованію киргизовъ «капля воды, поданная жаждущему въ пустынѣ, смываетъ грѣхи за сто лѣтъ».

Всѣ эти крайне невыгодныя для похода изъ Оренбурга условія и сравнительно даже гораздо худшія чѣмъ походъ туркестанскихъ и кавказскихъ войскъ, наконецъ, неоднократно, какъ мы видѣли выше, предпринимаемыя отсюда прежде экспедиціи и кончавшіяся всегда полною неудачею, именно вслѣдствіе естественныхъ преградъ представляемыхъ природою, дали мнѣ поводъ описывать нынѣшнюю хивинскую экспедицію собственно со стороны Оренбурга, тѣмъ болѣе, что снаряженія войскъ и всѣ приготовленія къ походу, направленныя съ цѣлію предотвра-

тить и преодолѣть предстоящія препятствія и трудности, по совершенной, въ тому, исключительности своей какъ въ способѣ движенія, такъ и въ предметахъ снаряженія войскъ, представляютъ совершенно особый интересъ и настолько своеобразны, что достойны занять мѣсто въ походныхъ лѣтописяхъ русскихъ войскъ.

Предполагая въ слѣдующей статьѣ представить движеніе оренбургскаго отряда отъ Эмбы до Хивы, я тѣмъ дамъ читателю возможность видѣть и самое примѣненіе въ походѣ всего того, что было сдѣлано. Все это тѣмъ болѣе представляетъ интереса, что зима 1872—73 годовъ отличалась здѣсь небывалымъ обиліемъ снѣговъ, суровостью и продолжительными, ужасными буранами.

Распоряженіе о приготовленіяхъ въ походу было получено въ Оренбургѣ 21 декабря 1872 года, и тотчасъ же былъ составленъ комитетъ изъ начальниковъ отдѣльныхъ частей войскъ и управленій, до которыхъ относилось это дѣло. Рѣшено было начать съ временно-квартировавшаго здѣсь 4-го туркестанскаго стрѣлковаго баталіона, который по составленной дизоклаціи долженъ былъ 20 февраля прибыть въ Казалинскъ и поступить въ составъ туркестанскаго отряда; по этому расчету времени баталіонъ этотъ пришлось отправить изъ Оренбурга сколь возможно ранѣе; но чтобы облегчить и сократить крайне трудный зимній походъ этого баталіона, распоряженіемъ оренбургскаго окружнаго начальства были сдѣланы въ здѣшнемъ полуарсеналѣ 235 саней, по 50 на роту, а 11 для офицеровъ были крытыя, въ видѣ возковъ, и всѣ вмѣстѣ стоили съ упряжью около 5800 руб. ¹⁾ Въ эти сани были размѣщены люди баталіона по 4 человѣка на каждыя, со всѣми баталіонными тяжестями, путевымъ довольствіемъ и кромѣ того взято, для доставленія въ Казалинскъ, 169 тысячъ малокалиберныхъ металлическихъ патроновъ.

9-го января двинулся обозъ этого баталіона, а 20 января выступилъ первый эшелонъ, затѣмъ послѣдовательно 22-го, 24-го 26-го января вышелъ и весь баталіонъ. Весь путь этого баталіона, отъ Оренбурга до Терекли (въ предѣлахъ Тургайской области) былъ раздѣленъ на части, приблизительно по 60 верстъ, и это разстояніе назначалось суточнымъ переходомъ. Лошадей подъ свозъ, по 118 штукъ, выставляли на каждой станціи или переходѣ до Орска мѣстные жители, а отъ Орска до Терекли

¹⁾ За выставляемыхъ жителями губерній и киргизами лошадей заплачено по расчету прогоновъ.

киргизы Тургайской области. Кромѣ того, такъ какъ отъ Орсеа начинается уже путь по степи, неизмѣющей на всемъ пространствѣ жилья, то для укрытія людей отъ холода, вездѣ на ночлежныхъ и промежуточныхъ станціяхъ, назначенныхъ по маршруту, киргизами Тургайской области, по распоряженію оренбургскаго начальства, были выставлены кибитки и топливо, а для казенныхъ лошадей, слѣдующихъ съ обозомъ,—сѣно; киргизами же, въ назначенныхъ по пути слѣдованія пунктахъ, доставлялся баталіону и порціонной скоть. За все это, конечно, уплачивалось изъ отпущенныхъ войскамъ приварочныхъ (по $6\frac{3}{4}$ коп. на человѣка въ сутки) и фуражныхъ денегъ.

Въ назначенные дни, послѣ напутственныхъ молебновъ, эшелоны вышли въ путь. Слѣдованіе по Оренбургской губерніи производилось съ задержками, по случаю отсутствія на пути слѣдованія полицейскихъ и всякихъ другихъ мѣстныхъ распорядителей, а чрезъ то и несвоевременной поставки мѣстными жителями лошадей; но несмотря на это, въ Орскъ баталіонъ прибылъ по маршруту. Отъ Орсеа же до Тереви, хотя и были сильнѣйшіе бураны и холодъ, доходившій до 30° , стрѣлки дошли по маршруту совершенно благополучно и 19-го февраля вступили въ Казалинскъ, оставивъ на всемъ пути только трехъ больныхъ и сдѣлавъ менѣе чѣмъ въ мѣсяцъ походъ въ 1005 верстъ по степи! Нельзя не упомянуть, что во всей степи войска встрѣчали полное содѣйствіе мѣстной власти: юламейки, мясо, сѣно и топливо были вездѣ своевременно выставлены, и вообще киргизы и ихъ старшины, бии и другія власти оказывали особенное усердіе и готовность услужить войскамъ; когда же, въ Илецкомъ уѣздѣ, войска застигъ трехдневный буранъ, то киргизы добровольно предложили солдатамъ укрыться въ ихъ зимовыхъ стойбищахъ (родъ землянокъ); въ сожалѣнію, крайняя нечистота въ жилищахъ этихъ бѣдняковъ была причиной, что солдаты рѣшились потѣсниться и переночевать кое-какъ въ выставленныхъ кибиткахъ и не могли воспользоваться гостепріимствомъ, во всякомъ случаѣ, весьма знаменательнымъ и отраднымъ въ жизни нашихъ степныхъ дикарей.

Благополучное прослѣдованіе этого баталіона въ самое суровое время года свидѣтельствуетъ, что русскій солдатъ, при малѣйшей заботливости и попеченіяхъ о немъ начальства, можетъ перенести всевозможныя лишенія и преодолѣть препятствія, которыя считаются даже выше силъ человѣка.

Одновременно съ приготовленіемъ къ походу баталіона стрѣльцоваго, начались приготовленія и къ выступленію въ мѣсто со-

средоточенія—въ Эмбенскій постъ, войскъ, назначенныхъ для оренбургскаго отряда. Трудъ этотъ преимущественно палъ на оружный штабъ и интендантство. Много нужно было опытности, энергіи, усердія и труда, чтобы все предвидѣть, не забыть самыхъ мельчайшихъ подробностей и устроить походъ такъ, чтобы солдаты въ состояніи были его сдѣлать.

Впрочемъ, для точнаго понятія о всемъ, что сдѣлано въ снабженіи войскъ всѣмъ необходимымъ для степного похода, а равно и въ снаряженіи ихъ, мы укажемъ ниже всѣ распоряженія, относившіяся до похода.

16-го февраля, послѣ торжественнаго молебствія, совершеннаго епископомъ оренбургскимъ въ присутствіи главнаго начальника края, генераль-адъютанта Крыжановскаго (прибывшаго 28-го января нарочно изъ Петербурга для личныхъ распоряженій по снаряженію экспедиціи) и парада, выступили изъ Оренбурга 4 роты 1-го оренбургскаго линейнаго баталіона, 2 казачьи сотни, 6 орудій казачьей артиллеріи и прислуга отъ мѣстной артиллерійской команды въ четыремъ полупуд. мортирамъ и двумъ нарѣзнымъ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ, назначеннымъ на вооруженіе временнаго укрѣпленія, предназначаемаго возвести въ тылу отряда, и въ 6-ти ракетнымъ станкамъ. Пѣхота и пѣшая артиллерія слѣдовала на Эмбу чрезъ Илецкую защиту на Авъ-Тюбя, а 2 сотни и конная артиллерія, чтобы по одной дорогѣ не было слишкомъ большаго накопленія людей и чтобы можно было заготовить сѣно, какъ для артиллерійскихъ и казачьихъ лошадей, такъ и для впрягаемыхъ въ подводы, на которыхъ ѣхала пѣхота, — должны были слѣдовать на Эмбу другой дорогой, вдоль рѣки Хобды ¹⁾. Всѣ эти войска отправлены въ трехъ эшелонахъ.

Изъ Орска, 25 февраля, въ четырехъ эшелонахъ выступили на Эмбу (406¹/₄ в.) чрезъ Авъ-Тюбя 5 ротъ 2-го оренбургскаго линейнаго баталіона и 4 оренбургскія казачьи сотни, и, наконецъ, изъ Уральска, 24-го февраля, вышли на Эмбу же чрезъ Уиль (625¹/₂ вер.) три уральскихъ казачьихъ сотни. Всѣ пѣхотныя войска слѣдовали на поставленныхъ интендантствомъ, чрезъ подрядчика, паровонныхъ подводахъ по 4 человѣка на каждой, имѣя при себѣ одинъ комплектъ боевыхъ патроновъ и по 1¹/₂ пуда на человѣка собственныхъ тяжестей (для путевого довольствія были подводы особо). Переходы были назначены до 40 верстъ въ сутки, казаки же слѣдовали форсированнымъ маршемъ.

¹⁾ По первому пути отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста считается 495 верстъ, а по второму 548 версты.

Артиллерія казачья и при ней одинъ комплектъ зарядовъ перевезены тоже на саняхъ, тѣла орудій, лафеты, колеса и зарядные ящики все особо; артиллерійскихъ же упряжныхъ лошадей повели въ поводу.

Для безостановочнаго слѣдованія войскъ до Эмбы и для возможнаго сбереженія людей и лошадей, а также для обезпеченія довольствія войскъ въ пути мясомъ, котораго приказано давать непременно по одному фунту на человѣка въ сутки, по распоряженію главнаго начальника Оренбургскаго края, на всемъ пути по киргизской степи Уральской и Тургайской областей, на ночлегахъ было выставляемо киргизами безвозмездно отъ 30—40 кибитокъ, изъ которыхъ снѣгъ обыкновенно вычищался и на землѣ разстилалось сѣно, а съ наружной стороны кибитки оканчивались снѣгомъ; топливо (кизякъ) доставлялось по 12 коп. пудъ въ такомъ количествѣ, чтобы тлѣющаго огня достало съ 5 час. вечера до 8 ч. утра слѣдующаго дня. Равно выставлялся киргизами для продажи на порціи скотъ и бараны по 25 коп. за фунтъ ¹⁾ и сѣно отъ 400—600 пуд. на каждомъ ночлегѣ по 30—50 коп. за пудъ (овса по 4 гарнца въ сутки всѣ лошади имѣли съ собой). Войска, по всему пути, сопровождали должностныя лица изъ киргизовъ, а на ночлегахъ эшелоны встрѣчались старшинами близлежащихъ ауловъ. Все же наблюдение за тѣмъ, чтобы все было въ должной исправности, было поручено уѣзднымъ начальникамъ и ихъ помощникамъ. При отправленіи съ мѣста, войска, какъ регулярныя, такъ и иррегулярныя, снабжены отъ интендантства теплыми полушубками, мѣховыми воротниками, валенками, обшитыми кожей и третьей парой сапоговъ; кромѣ того, сахаромъ, чаемъ (³/₄ фун. чая и 1 фун. сахара на 100 челов. въ сутки), спиртомъ (4 получары въ мѣсяцъ на человѣка), мѣдными чайниками, по одному на 10 человѣкъ и по 3 коп. на человѣка для заведенія чайной посуды, сушеной капустой (собственно казакамъ, а регулярныя войска завели ее на свои средства), подстилочной кошмой по 1 ¹/₂ арш. на человѣка, экспедиціонными и противуцынготными вещами, всѣмъ до 7-ми мѣсяцевъ. Приварочныя деньги войска получили по 6 ³/₄ коп. въ сутки на человѣка ²⁾. Попеченіемъ самихъ войскъ, всѣ люди снабжены теплыми портянками и варежками, равно сдѣланы носилки для раненыхъ (по 2 на роту).

¹⁾ Скотъ или бараны и кибитки выставлялись и далѣе отъ Эмбы до крайнихъ предѣловъ нашей степи: до Чушкакула и Каратамака.

²⁾ Всѣ офицеры получили невзачетъ полугодовой оклады жалованья и сверхъ того натуральныя и денежныя раціоны по военному времени.

Вся пѣхота оренбургскаго отряда вооружена игольчатыми винтовками системы Карле, 6 оренбургскихъ и 1 уральская казачья сотни имѣютъ 7-ми-линейныя наръзные драгунскія ружья, а двѣ уральскія сотни 6-ти-линейныя винтовки, казачья же артиллерія состоитъ изъ 4-хъ-фунт. съ казны заряжающихся пушекъ.

Въ степныхъ походахъ вообще, а въ степяхъ оренбургскаго вѣдомства въ особенности, продовольствіе отряда и пріисканіе перевозочныхъ средствъ—верблюдовъ, представляетъ самую главную заботу и самое главное затрудненіе; затѣмъ на первомъ планѣ должно быть умѣнье сохранить въ пути здоровье людей, свѣжесть и бодрость перевозочныхъ животныхъ, такъ какъ въ этомъ заключается почти весь успѣхъ дѣла, ибо всѣ неудачи наши прошлыхъ лѣтъ имѣли причиною изнуреніе людей и гибель верблюдовъ и лошадей, потому-то здѣсь въ походахъ дѣлаются приспособленія въ одеждѣ, производится особое довольствіе вещами и пищей, опредѣляемой особымъ положеніемъ: «О военномъ устройствѣ въ киргизской степи», и даже выработана особая система походнаго движенія.

Такъ какъ при настоящихъ мѣстныхъ условіяхъ отряду необходимо имѣть съ собой на все время похода продовольствіе для людей, фуражъ, воду и прочіе предметы, о которыхъ будетъ сказано ниже, то очевидно, что вьючный верблюжій обозъ составляетъ изъ громаднаго числа тяжестей и перевозочныхъ животныхъ, такъ что на двухъ человекѣхъ отряда приходится по 1—2 верблюда, и весь отрядъ въ походѣ представляетъ скорѣ огромный вооруженный караванъ, чѣмъ движущіяся войска.

Всѣ войска, выступившія съ линіи, т.-е. изъ Оренбурга, Орска и Уральска, до Эмбенскаго поста, кромѣ вышеизложеннаго, снабжены по числу дней марша (на одинъ мѣсяць и на 7 дней въ запасъ) продовольствіемъ: сухарями, крупой, овсомъ, спиртомъ, чаемъ, сахаромъ и сушено-квашеной капустой.

Приварочныя деньги выданы интендантствомъ при выходѣ войскамъ, а отъ Эмбы и далѣе отпущена на этотъ предметъ находящемуся при отрядѣ чиновнику особая сумма по расчету приблизительно на 6 мѣсяцевъ; такимъ же образомъ устроено и фуражное довольствіе, а равно отпущены деньги на денежныя и натуральныя раціоны и жалованье и другое довольствіе войскъ. Для указанія пути войскамъ и для посылокъ, при отрядѣ находятся вожаки и чабары и вызваны изъ Тургайской и Уральской областей 100 челов. джигитовъ въ видѣ волонтеровъ, изъ числа наиболѣе богатыхъ и надежныхъ киргизовъ.

Въ Эмбенскомъ посту, для обезпеченія отряда въ дальнѣй-

шемъ движеніи его заготовлено слѣдующее по части интендантской.

За неизмѣнимъ въ войскахъ оренбургскаго округа обыкновенныхъ лагерныхъ палатокъ, здѣсь употребляютъ вообще въ степныхъ походахъ, такъ-называемыя, «юламейки». Стѣнки этихъ походныхъ жилищъ (а киргизы живутъ въ нихъ круглый годъ) состоятъ изъ 40 крестообразныхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш.; палки эти укрѣпляются въ пяти мѣстахъ сырмятными ремнями. Кромѣ этого, изъ трехъ такихъ же палокъ образовывается дверной косякъ. Верхъ юламейки (въ формѣ конуса) состоитъ изъ 20-ти прямыхъ березовыхъ палокъ, длиною каждая въ 3 арш. 6 вершк. Всѣ эти палки свѣрзываются сверху ремнемъ вмѣстѣ съ крестообразными поперечинами въ 6 вершк. (для увязки означенныхъ палокъ съ поперечинами употребляется сырмятный ремень). Въ нижнемъ концѣ каждой палки приделываются хомутки изъ толстой бичевы.

Установленный такимъ образомъ остовъ, или основаніе юламейки, покрывается кошмою (войлокъ мѣстной киргизской работы) вакеъ съ боковъ, такъ и сверху, причемъ самый конусъ юламейки обшивается на четверть кожей. Для укрѣпленія юламейки дѣлается въ срединѣ желѣзный приволь съ кольцами, длиною въ $1\frac{1}{2}$ четверти, и къ нему веревка на аршинъ длиннѣ пространства отъ остроконечной части верха юламейки до привола и въ двойномъ количествѣ. Входъ въ юламейку прикрывается однимъ концемъ боковой кошмы. Кошма для юламейки должна имѣть полотно не короче 5-ти арш. и мѣряться на погонную въ 3 арш. сажень. Шириною кошма должна быть не менѣе $2\frac{1}{4}$ арш. Построенная такимъ образомъ юламейка имѣетъ 15 арш. въ окружности и назначается обыкновенно на 10 человекъ. Для всего отряда отпущено такихъ юламейекъ 372 штуки (командирамъ баталіоновъ со штабами дано по 3 юламейки, командирамъ ротъ и сотенъ по 1-й, а прочимъ офицерамъ на троихъ по одной). Кромѣ того походному штабу и его отдѣламъ отпущено 19 юламейекъ.

Для продовольствія отряда при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста и слѣдованія съ нимъ заготовленъ и доставленъ изъ Оренбурга и Орска на Эмбу запасъ продуктовъ состоящій изъ

Сухарей	2,522	четверти.
Крупъ	434	>
Овса	6,739	>
Спирта	312	ведръ.
Чаю	4,595	ф. 77 зол.
Сахару	344	п. 3 ф. 38 зол.
Сушено-квашеной капусты . .	50	пудовъ.

Съ этимъ количествомъ весь оренбургскій отрядъ будетъ удовлетворенъ: сухарями, крупой и овсомъ на 80 дней, чаемъ, сахаромъ и капустой на 6 мѣсяцевъ, а спиртомъ по 1-е мая (съ 1-го мая по 1-е сентября вмѣсто спирта будетъ чай).

Для приварка, на который отпущено, какъ сказано выше, по 6³/₄ коп. и сдѣлано распоряженіе о выставѣ киргизами для продажи порціоннаго скота, отпущены еще, на случай, еслибы нельзя было достать мяса, разные консервы, которые были нарочно съ соответствующими наставленіями о употребленіи ихъ высланы изъ Петербурга:

Картофельной крупы — профессора Киттары	4,000 порцій.
Сухихъ щей — доктора Данилевскаго	663 >
Сухарей для щей — князя Долгорукова	5,577 >
Масного экстракта — Либиха	2,500 >

Относительно довольствія лошадей было сказано выше, но имѣя въ виду, что могутъ встрѣтиться случайности, вслѣдствіе которыхъ нужно будетъ давать лошадямъ усиленную дачу овса, въ Эмбенскомъ посту заготовлено его 1,500 четвертей, изъ коихъ 1000 четвертей должны слѣдовать при отрядѣ вмѣстѣ съ 80-дневнымъ запасомъ довольствія, а 500 четвертей останутся на Эмбѣ для запаса.

Наконецъ, весь отрядъ снабженъ экспедиціонными вещами. Экспедиціонныя вещи имѣютъ у насъ свою исторію, которая состоитъ въ томъ, что на снаряженіе изъ Оренбурга въ степь отрядовъ, по причинѣ необходимости заводить весьма многіе предметы, крайне необходимые для войскъ идущихъ въ степь, вслѣдствіе особыхъ мѣстныхъ и климатическихъ условій, и которыхъ не полагалось ни въ табеляхъ о довольствіи и снаряженіи войскъ, ни въ законоположеніяхъ о томъ, — съ давнихъ временъ отпускалась ежегодно въ распоряженіе бывшаго командира оренбургскаго отдѣльнаго корпуса особая сумма въ 25 т. руб. Въ 1867 году отпускъ этой суммы однако прекращенъ, и всѣ расходы, которые падали на эту сумму, повелѣно относить, или вѣрнѣе примѣнять на соответствующіе §§ интендантской смѣты; такимъ образомъ, заведеніе нѣкоторыхъ экспедиціонныхъ вещей начали относить на § 3-й этой смѣты. Для опредѣленія же нормы всѣхъ этихъ вещей, а равно и для точнаго уясненія всего необходимаго, была составлена особая коммиссія, которая составила подробную таблицу, на основаніи которой, хотя она еще и не утверждена законодательнымъ порядкомъ, руководствуются при снаряженіи степныхъ отрядовъ. На основаніи этой таблицы, для оренбургскаго отряда от-

пущены нижеозначенныя экспедиціонныя вещи въ слѣдующемъ количествѣ (въ числѣ этихъ вещей находятся еще вещи, предназначенныя собственно для предупрежденія цыготной болѣзни, весьма распространенной въ степи):

Котловъ чугунныхъ съ та- ми же крышками	80 штукъ.
Тагановъ желѣзныхъ	80 >
Уполовниковъ	80 >
Ковшей	80 >
Ведеръ желѣзныхъ	160 >
Ножей кухонныхъ	50 >
Топоровъ	136 >
Вязокъ	80 >
Мотыгъ	136 >
Кировъ	136 >
Лопать желѣзныхъ	400 >
Гвоздей односту	800 >
Ливеровъ бѣлой жести	20 >
Косъ съ принадлежностями	90 >
Горбушей	120 >
Коритъ желѣзныхъ	120 >
Бочать въ 3 ведра	34 >
Чарокъ бѣлой жести	112 >
Баклагъ для воды въ 4 ве- дра каждая	3723 >
(Для пѣхоты по 1 на 20, а для кавалеріи по 1 на 10 чел.).	
Къ нимъ воронокъ	163 >
Лопать деревянныхъ	204 >
Бредней	5 >
Мѣдныхъ мѣръ въ ¼ ведра	19 >
Рогожъ	1868 >
Веревокъ	5111 сажень.
Чайниковъ мѣдныхъ	340 штукъ.
(вѣсящихъ 2040 фунтовъ).	
Вѣсовъ	20 >
Баконъ деревянныхъ	100 >
Ложекъ деревянныхъ	1000 >
Перцу зернистаго	5 пуд. 5 фун.
Уксусной эссенціи	1020 бутылокъ.
Соли поваренной	253 пуда.
Круту *)	800 >
Мыла простого	253 >

*) Крутъ — овецій сыръ, киргизской выдѣлки, имѣющій свойство утолять жажду: кусочекъ его киргизы разводятъ въ водѣ и пьютъ, или просто кладутъ въ ротъ и сосутъ. Вкусъ крута солоновато-кислый.

Табаку курит. простого . . .	501	пудъ.
Луку рѣчатого	306	>
Хрѣну сушенанаго	15	> 15 фун.
Перцу стручковаго	10	> 10 >

Кромѣ всего этого оренбургское мѣстное управленіе Общества попеченія о раненыхъ и больныхъ воинахъ, желая съ своей стороны улучшить бытъ больныхъ и раненыхъ, могущихъ поступить въ подвижные при отрядахъ госпитали, заготовило на свои средства на 50 человекъ госпитальнаго бѣлья, приготовило 3 лазаретныя повозки, по особому образцу, и купило въ достаточномъ количествѣ чай, сахаръ, сгущеное молоко, клюквенную эссенцію, ромъ, коньякъ, хересъ, сигары, табакъ, папиросы, всѣ канцелярскія принадлежности для писемъ, шашечницы, разные книги и журналы и много другихъ необходимыхъ вещей. поручивъ все это особому уполномоченному своему, въ распоряженіе котораго Общество ассигновало еще на расходы 3000 руб.

Кромѣ удовлетворенія всѣхъ войскъ, при выступленіи ихъ съ мѣста, полнымъ комплектомъ боевыхъ патроновъ и снарядовъ, положенныхъ по закону, въ Эмбенскомъ посту образовавъ, для дальнѣйшаго слѣдованія съ отрядомъ, артиллерійскій паркъ, въ которомъ находилось:

Боевыхъ патроновъ къ игольчатымъ винтовкамъ	334,800
> > > 6-ти-линейнымъ	23,200
> > > 7-ми-линейнымъ драгунск.	81,200
> > > пистолетамъ	270

Капсюлей ружейныхъ 125,700

Снарядовъ къ 4-хъ-фунтовымъ пушкамъ съ казны заряжающимся:

Обыкновенныхъ гранатъ 600

Зажигательныхъ 120

Картечныхъ шарохъ 530

> гранатъ прежнихъ 190

Картечей соединенныхъ съ зарядами 120

Снаряженныхъ полунуд. гранатъ къ мортир. 600

Зарядовъ въ 1½ ф. 1271

> для навѣсной стрѣльбы 480

> > мортирь 1200 полп. (гранатъ особо) 1200

Боевыхъ ракетъ 750

> > 2-хъ-дюймов. съ приводами 220

Пороху артиллерійскаго 15 пуд.

Къ двумъ пушкамъ 4-хъ-фун. нарѣзнымъ съ дула заряжающимся:

Зарядовъ съ обыкновенными гранатами 140

> > картечными 110

> > картечью 50

и кромѣ того, всѣ необходимыя для артиллерійской лабораторіи и снаряженія принадлежности.

По части инженерной войска оренбургскаго отряда были снабжены 8-ю трубчатыми колодцами, а для облегченія переправъ, во время движенія по хивинской территоріи, изрѣзанной ваналами, двумя разборчатыми мостами, однимъ на возлахъ, а другимъ понтоннымъ. Для разбора, наводки и сборки этихъ мостовъ, кромѣ 4-хъ саперныхъ нижнихъ чиновъ, состоящихъ при отрядѣ, обучены еще при оренбургской инженерной дистанціи 32 рядовыхъ и 4 унтеръ-офицера отъ 1-го линейнаго баталіона. Кромѣ того, взять полный комплектъ всѣхъ необходимыхъ инженерныхъ инструментовъ и матеріаловъ для возведенія полевыхъ укрѣпленій.

По недостатку въ степи лечебныхъ учреждений и по случаю сосредоточенія значительнаго числа войскъ за Эмбой, сдѣланы слѣдующія распоряженія: учрежденъ центральный на 50 человекъ подвижной лазаретъ, который будетъ слѣдовать при отрядѣ. Лазаретъ этотъ снабженъ всѣми госпитальными припасами, противопынготными средствами и другими вещами, въ шестимѣсячной пропорціи. Для помѣщенія больныхъ этого лазарета отпущено 12 вибитокъ съ желѣзными печами. Кромѣ этого, всѣ войска снабжены лазаретными вещами по штатному составу, лазаретъ же Эмбенскаго поста увеличенъ на 15 мѣсть.

IV.

Несмотря на огромные снѣга, морозы, бураны и ужасное состояніе дороги отъ Оренбурга до Эмбенскаго поста, такъ что даже командующій войсками отряда долженъ былъ бросить на дорогѣ свой экипажъ и слѣдовать въ перекладныхъ саняхъ, всѣ войска совершенно благополучно прибыли въ постъ 18-го марта, не имѣя ни одного ознобившагося и всего до 45-ти человекъ больныхъ. Транспорты съ артиллерійскими и интендантскими тяжестими двигались съ большимъ затрудненіемъ, иногда по цѣлымъ часамъ не имѣя возможности выбраться изъ какого-нибудь ухаба, перевозочныя животныя до того изнурились, что большая часть тяжестей должна была остаться на дорогѣ и только въ концѣ марта доставлена въ Эмбенскій постъ.

Когда отрядъ уже выступилъ изъ Оренбурга, было получено съ Кавказа свѣдѣніе, что одинъ мангышлакскій наибъ по имени Кафаръ Караджигитовъ, братъ котораго, Балбинъ (одинъ изъ главнѣйшихъ зачинщиковъ возмущенія адаевцевъ въ 1870 году),

живеть въ Хивѣ и пользуется особенною милостію хана, по наущенію послѣдняго, дѣйствовавшаго чрезъ посредство Калбина, рѣшился взволновать населеніе всего Мангышлака, для чего собравъ, 26-го минувшаго января, ближайшіе аулы, объявилъ имъ, что русскіе намѣрены, будто бы, потребовать съ населенія громаднаго количество разнаго скота, что въ конецъ разорить киргизовъ, а потому, именемъ хана, убѣждалъ адаевцевъ немедленно отвѣчать къ хивинскимъ предѣламъ, гдѣ они найдутъ убѣжище, а всѣ сардари и бии будутъ щедро награждены. Въ противномъ случаѣ, Кафаръ грозилъ, съ помощью хивинцевъ, предать всѣ аулы огню и мечу, не щадя ни женъ, ни дѣтей.

Устрашенные этими угрозами, несчастные киргизы постѣпно начали спасаться съ своими стадами на Усть-Урть, несмотря на суровое время года, грозившее гибелью ихъ скота, составляющаго главнѣйшее богатство населенія. Необходимо было, какъ можно быстрѣе, предупредить обманутыхъ адаевцевъ отъ бѣдственныхъ послѣдствій бѣгства ихъ на Усть-Урть и не дать распространиться волненію.

Съ этою цѣлью, начальникъ мангышлакскаго отряда, полковникъ Ломакинъ, выступившій за нѣсколько дней передъ тѣмъ изъ Александровскаго форта съ небольшимъ отрядомъ, и получившій на пути извѣстіе объ измѣнѣ Кафара, тотчасъ же двинулся на Бузачи, гдѣ кочуютъ самыя дикія адаевскія отдѣленія. У залива Кара-кичу (южная часть Кайдакскаго залива) отрядъ встрѣтилъ множество ауловъ, съ нѣсколькими десятками тысячъ головъ скота, вереницею тянувшихся по направленію къ Усть-Урту. Посланные впередъ казаки успѣли частью успокоить кочевниковъ и уговорить вернуться на свои зимовки. Толпа же въ 400 человекъ киргизовъ, предводимая двумя изъ родственниковъ и сообщниковъ Кафара, не послушавъ мирныхъ увѣщаній, бросились съ пиками и топорами на терскихъ казаковъ, которые, однако, несмотря на свою малочисленность (68 человекъ), сами кинулись на встрѣчу съ кинжалами и мгновенно разсѣяли ее. Стоявшія, во время этого дѣла, на окрестныхъ горахъ массы народа оставались совершенно безучастными зрителями и, несмотря на призывные крики сражавшихся киргизовъ, не трогались съ мѣста.

Послѣ этого дѣла, полковникъ Ломакинъ усиленными переходами продолжалъ движеніе на Бузачи, гдѣ присоединилъ къ себѣ сотню Дагестанскаго конно-иррегулярнаго полка, у которой обманомъ отогнанъ былъ ночью пасшійся въ степи табунъ лошадей, и затѣмъ вернулся въ фортъ.

И въ настоящемъ случаѣ фактъ участія и подстрекательства Хивы въ произведенномъ волненіи не подлежитъ никакому сомнѣнію. Несмотря на самыя разумныя мѣры мѣстной администраціи и даже на сознаніе самого населенія въ гибельныхъ для него послѣдствіяхъ подобныхъ беспорядковъ, трудно оградить легковѣрныхъ киргизовъ отъ вліянія злонамѣренныхъ людей, поддерживаемыхъ сосѣднимъ ханствомъ, доколѣ отношенія наши къ нему не будутъ поставлены въ болѣе опредѣленное положеніе.

Въ виду таковаго положенія дѣлъ и такъ какъ съ движеніемъ нашихъ войскъ противъ Хивы юго-западная часть нашей Тургайской области была бы совершенно открыта со стороны Усть-Урта отъ набѣговъ хищническихъ шаекъ, которыя могли бы вновь волновать киргизовъ, если бы между Эмбою и Аральскимъ моремъ, равно между Каспійскимъ и Аральскимъ морями не будутъ выставлены наблюдательные отряды, а также и для охраненія тыла оренбургской экспедиціи, генераль Крыжановскій приказалъ: 1) на Самѣ, какъ промежуточномъ пунктѣ между Каспійскимъ и Аральскимъ морями и удобномъ для наблюденія этого пространства, выставить наблюдательный постъ изъ 1¹/₂ сотенъ казаковъ, состоящихъ на службѣ въ степныхъ укрѣпленіяхъ и одной роты, которая должна быть отдѣлена отъ отряда генерала Веревкина по соединеніи его съ кавказскими войсками: 2) на Джебыскѣ—пунктѣ, гдѣ всего удобнѣе сдѣлать прорывъ шайкамъ на орско-казалинскій трактъ, поставить одну сотню казаковъ, и 3) назначить въ распоряженіе начальника Иргизскаго уѣзда тоже одну сотню казаковъ, для наблюденія за мугоджарскими горами и барсуками. Между всѣми этими пунктами будетъ во все время производиться сношеніе чрезъ безпрестанно высылаемые разъѣзды.

Что же касается до обезпеченія отряда довольствіемъ, по выходѣ его изъ Эмбенскаго поста, то такъ какъ по соглашенію съ генераль-адъютантомъ фонъ-Кауфманомъ полагалось, что обезпеченіе отряда въ предѣлахъ хивинскаго ханства будетъ найдено на мѣстѣ, то заботы оренбургскаго начальства въ этомъ отношеніи должны были ограничиться лишь обезпеченіемъ отряда довольствіемъ до прихода его въ ханство и заготовленіемъ таковаго для обратнаго слѣдованія изъ Хивы, которое предполагается въ августѣ.

Такимъ образомъ, при выступленіи отряда 30-го марта съ Эмбенскаго поста будетъ взято, кромѣ всѣхъ экспедиціонныхъ вещей, продовольствіе на путь: сухарей и крупъ на 2¹/₂ мѣсяца или даже на 105 дней (смотря потому, сколько будетъ въ сборѣ

верблюдовъ) и на 2—2¹/₂ мѣсяца овса. Считая отъ Эмбы до Хивы 40—45 дней ходу, весь отрядъ будетъ по этому расчету обеспеченъ и по приходѣ въ предѣлы ханства еще мѣсячнымъ запасомъ.

10-го апрѣля изъ Эмбенскаго поста, на 907 верблюдахъ, выйдетъ новый транспортъ съ мѣсячнымъ запасомъ провіанта и полумѣсячнымъ овса. Запасъ этотъ будетъ доставленъ на Ургу, гдѣ предполагается возвести временное полевое укрѣпленіе на 1—2 роты съ казаками и артиллеріей для обезпеченія тыла оренбургскаго отряда.

Здѣсь, то-есть на Ургѣ, будутъ оставлены всѣ освободившіеся отъ тяжестей верблюды, которые слѣдовали съ отрядомъ, и на нихъ-то предполагается доставлять отъ ургинскаго продовольственнаго склада провіантъ и фуражъ къ отряду, а тѣ 907 верблюдовъ, которые доставятъ запасъ, возвратятся обратно на Эмбу и вновь по расчету 25-го мая и 1-го іюня выйдутъ изъ Эмбы въ Ургу съ запасомъ двухъ-мѣсячнаго продовольствія сухарей, крупъ и овса, которые въ крайнемъ случаѣ и обезпечатъ весь отрядъ до 15-го сентября. Все это передвиженіе, конечно, будетъ совершаться подъ прикрытіемъ казавовъ, для чего сдѣланы соотвѣтствующія распоряженія; отъ Урги же до отряда продовольственный транспортъ пойдетъ подъ прикрытіемъ одной роты, двухъ сотенъ и двухъ орудій.

При оренбургскомъ отрядѣ для научныхъ цѣлей командированъ изъ окружнаго штаба геодезистъ и топографъ, а также состоитъ по Высочайшему повелѣнію генеральнаго штаба офицеръ, для составленія изслѣдованій торговаго и экономическаго значенія всего закаспійскаго края и аму-дарьинскаго бассейна, что, конечно, весьма важно, въ виду могущихъ послѣ хивинской экспедиціи значительно развиться торговыхъ сношеній нашихъ съ персидско-средне-азіатскимъ рынкомъ.

Русское географическое общество тоже не осталось безучастно при настоящей экспедиціи и составило весьма подробное указаніе для физическаго наблюденія, для собиранія свѣдѣній по нѣкоторымъ вопросамъ, относящимся до общей географіи, до изслѣдованія по части исторической географіи, до собиранія рукописей и монетъ, до наблюденія по части этнографіи и до наблюденія надъ экономическимъ и культурнымъ состояніемъ населенія хивинскаго оазиса.

Изъ предшествовавшаго описанія снаряженія отряда легко можно видѣть, сколько тутъ положено было труда, заботъ и средствъ, но чтобы дать хотя приблизительное общее о томъ понятіе,

скажу, что для доставленія на Эмбенскій постъ изъ Оренбурга продовольственныхъ припасовъ, артиллерійскихъ снарядовъ, экспедиціонныхъ вещей, медикаментовъ и вообще всѣхъ тяжестей, высылаемыхъ для отряда и вѣсящихъ 56,464 пуда, да таковыхъ же припасовъ, отправленныхъ на Эмбу же изъ Орска и вѣсящихъ 35,987 пудовъ, потребовалось, кромѣ значительнаго числа конныхъ подводъ, до двухъ тысячъ верблюдовъ, запряженныхъ въ сани (на каждыя сани влялось отъ 17 до 22 пудовъ), да кромѣ того, изъ Оренбурга и Орска для перевозки 4-хъ ротъ 1-го и 5-ти ротъ 2-го линейныхъ баталіоновъ и мѣстной артиллерійской команды, а равно для больныхъ, могущихъ быть въ казачьихъ сотняхъ, вмѣстѣ съ тяжестями и путевымъ продовольствіемъ для этихъ войскъ, составляющимъ 13,442 пуда, потребовалось 545 пароконныхъ подводъ (кромѣ подводъ для своза изъ Оренбурга до Эмбы шести орудій казачьей артиллеріи съ принадлежностями и другими при нихъ тяжестями, вѣсящими до 1,400 пудовъ).

Въ Эмбенскомъ посту контрагентъ обязанъ былъ выставить во дню выхода отряда, для поднятія и перевозки за войсками 80-ти-дневнаго запаса продовольствія, фуража и всѣхъ другихъ тяжестей отряда, 4970 верблюдовъ (изъ Эмбы всѣ тяжести будутъ слѣдовать на вьюкахъ верблюдовъ, на каждого верблюда полагается тяжести до 17-ти пудовъ)¹⁾.

Затѣмъ, тотъ же контрагентъ обязанъ доставить въ Эмбенскій постъ къ назначенному времени еще 1,405 верблюдовъ²⁾, для поднятія и перевозки на складочный пунктъ, въ тылу отряда, вслѣдъ за выступленіемъ его, какъ сказано выше, еще мѣсячный запасъ продовольствія, до 24-хъ тысячъ пудовъ.

Цѣны за перевозку вообще всѣхъ тяжестей изъ Оренбурга (495 верстъ) и изъ Орска (406¹/₄ версты), до Эмбенскаго поста утверждены военно-окружнымъ совѣтомъ по 1 руб. 50 коп. съ пуда за все разстояніе, а изъ Уральска туда же (584 версты) по 1 руб. 76³/₄ коп. съ пуда.

За подводы подъ свозь нижнихъ чиновъ по 60 руб. за каждую пароконную подводку.

За наемъ верблюдовъ, на которыхъ будутъ слѣдовать, какъ выше сказано, всѣ тяжести и продовольствіе отряда, при выступленіи его изъ Эмбенскаго поста, утверждена цѣна за первые два

¹⁾ На каждыхъ 5—7 верблюдовъ полагается по одному верблюдовозатому киргизу.

²⁾ Само собой разумѣется, число верблюдовъ будетъ еще больше, ибо нужно имѣть непрежне сверхъ требуемыхъ контрактомъ еще и запасныхъ.

съ половиною мѣсяца по 23 руб., а послѣдующіе по 18 руб. въ мѣсяць за каждаго.

За верблюдовъ же, нанятыхъ подъ свозъ мѣсячнаго запаса продовольствія изъ Эмбенскаго поста на пункты въ тылу отряда, по 23 руб. въ мѣсяць за каждаго.

Кромѣ этихъ расходовъ и тѣхъ, которые пали на смѣты интендантства, израсходовано по 1-е апрѣля изъ 200 тысячъ, отпущенныхъ въ распоряженіе генерала Крыжановскаго:

Въ пособіе чинамъ отряда, закупкѣ подарочныхъ вещей, сдѣланіе саней и упряжи для своза войскъ, приобрѣтеніе подъ свозъ вещей, денегъ и конвоя экипажей, на прогонныя нѣкоторымъ чинамъ и разнымъ другіе расходы 117,740 р. 63 к.

За перевозку изъ Оренбурга и Орска въ Эмбенскій постъ на подводахъ войскъ. 18,402 > — >

На усиленную дачу нижнимъ чинамъ спирта 2,089 > — >

На заготовленіе сушено-квашеной капусты для казачьихъ частей и лазарета 3,021 > 52 >

На теплую одежду казачьимъ частямъ 10,487 > 55 >

На заготовленіе баблагъ для воды 21,742 > 32 >

Чабарамъ, за доставку свѣдѣній въ пути слѣдованія отрядовъ, телеграммы, пересылку почтъ и прочіе почтовые расходы 2,255 > 90 >

На приспособленіе конюшни въ Эмбенскомъ постѣ для временнаго квартированія войскъ отряда, во время перехода ихъ чрезъ этотъ постъ употреблено 528 > — >

Итого 176,275 р. 82 к.

Предъ выступленіемъ отряда въ походъ, генераль-адъютантъ Крыжановскій отдалъ по округу слѣдующій приказъ:

«Предписываю начальникамъ войскъ, входящихъ въ составъ отряда, высылаемаго отъ вѣреннаго мнѣ округа, къ берегамъ Аральскаго моря, обратить особенное вниманіе на знаніе всѣми подвѣдомственными имъ чинами правилъ сторожевой службы, равно и на строгое ихъ соблюденіе при походныхъ движеніяхъ и остановкахъ вѣренныхъ имъ войскъ отъ Эмбенскаго поста да-дѣ по назначенію, какъ необходимаго условія для обезпеченія себя отъ нечаянныхъ нападеній со стороны хищниковъ и для сохраненія въ цѣлости своего обоза, продовольственныхъ припасовъ, транспортныхъ животныхъ и казачьихъ табуновъ.

«Въ то же время, имѣя въ виду, что для успѣха дѣйствій отряда, при встрѣчѣ съ непріятелемъ, необходимо, чтобы войска дошли до него свѣжими и бодрыми, предписываю всѣмъ начальникамъ частей, не исключая и младшихъ, а равно и находя-

щимся при войскахъ врачамъ, обратить самое строгое вниманіе на все, что можетъ сберечь здоровье и сохранить силы и бодрость духа ввѣренныхъ имъ нижнихъ чиновъ. Въ этихъ же видахъ принять надлежащія мѣры, чтобы пища нижнихъ чиновъ была сколько можно болѣе питательна и здорова, чтобы мясо давалось, непременно, не менѣе одного фунта въ сутки на человека, не исключая и въ постные дни, а также чтобы оно было всегда свѣжее и хорошаго качества.

•Вмѣняю также въ обязанность начальникамъ частей обращать должное вниманіе на сохраненіе въ надлежащей исправности во ввѣренныхъ имъ частяхъ какъ холоднаго, такъ особенно огнестрѣльнаго оружія, а равно и на умѣнне подвѣдомственными имъ нижними чинами обращаться съ своимъ оружіемъ.

•Дабы казачьи сотни во время похода находились постоянно въ возможно-полномъ составѣ, предписываю какъ главному начальнику отряда и начальнику кавалеріи, такъ и сотеннымъ начальникамъ, имѣть постоянно наблюденіе, чтобы отъ казачьихъ сотенъ не дѣлался нарядъ вѣстовыми къ лицамъ и мѣстамъ, коимъ таковыхъ не положено имѣть по закону, а также и въ другія нестроевыя должности.

•Главному же начальнику отряда предлагаю, передъ выступленіемъ изъ Эмбенскаго поста, утвердить нарядъ вѣстовыхъ, какъ отъ пѣхоты, такъ и отъ казаковъ и батареи, въ отрядный штабъ, управленія онаго и въ другія мѣста, ограничивъ его самою крайнею необходимостію и имѣя въ виду, что строевымъ офицерамъ дозволяется давать вѣстовыхъ изъ тѣхъ частей, въ какихъ они состоятъ, въ томъ случаѣ ежели они не имѣютъ деньщиковъ. Для того же, чтобы чины, наряжаемые вѣстовыми, не отставали отъ фронта, требовать, чтобы они перемѣнялись, ежели не каждый день, то непременно чрезъ нѣсколько дней. Засимъ имѣть строжайшее наблюденіе, чтобы сверхъ утвержденного главнымъ начальникомъ отряда наряда, вѣстовыхъ ни въ какомъ случаѣ нигде не наряжать.

•Предписываю также наказнымъ атаманамъ оренбургскаго и уральскаго казачьихъ войскъ обратить строгое вниманіе, чтобы всѣ строевые казаки при выступленіи съ линіи въ степной походъ имѣли вполне способныхъ и надежныхъ къ службѣ лошадей. Для безотлагательной же замѣны на мѣстѣ строевыхъ лошадей, утраченныхъ въ походѣ казаками по случаямъ, указаннымъ въ приказѣ по военному вѣдомству 1870 г., за № 275, предлагаю наказнымъ атаманамъ отпустить изъ войскового военного капитала въ вѣдѣніе командировъ сотенъ на вышеупомя-

нутаго предметъ примѣрную сумму денегъ: издержанныя же на покупку утраченных лошадей деньги будутъ возвращены, на основаніи вышеупомянутаго приказа № 275, изъ экстраординарной суммы.

«Для уменьшенія обоза, слѣдующаго при войскахъ, разрѣшаю имѣть въ походѣ офицерскихъ повозокъ: генераламъ не болѣе двухъ, штабъ-офицерамъ по одной, а оберъ-офицерамъ одну на двоихъ, причемъ предлагаю главному начальнику отряда, при выступленіи войскъ съ Эмбенскаго поста, повѣрить находящійся при нихъ офицерскій обозъ.

«Объявляя о вышеизложенномъ по войскамъ вѣреннаго мнѣ округа, остаюсь вполне увѣреннымъ, что всѣ чины экспедиціоннаго отряда, высылаемаго изъ оренбургскаго военнаго округа, при соблюденіи всѣхъ изложенныхъ выше условій и строгомъ, добросовѣстномъ исполненіи своихъ обязанностей, окончатъ предстоящій имъ нелегкій походъ — вполне успѣшно и со славою, исполнивъ тѣмъ священную волю Государя Императора».

Ө. Ловысевичъ.

Оренбургъ.

ИЗЪ БАЙРОНА.

I.

There's not a joy the world can give...

Что можетъ міръ въ замѣну дать того, что онъ беретъ,
Когда въ насъ чувство угасать, слонаяся, начнетъ?
Румянецъ алый на щекахъ; лѣтъ много впереди, —
Но чувства нѣжные цвѣты увянули въ груди!
Теперь и тѣхъ, кто уцѣлѣлъ и всплылъ поверхъ зыбей,
На рифъ порока волны мчатъ, иль въ океанъ страстей.
Компасъ потерявъ иль вотще показываетъ путь:
Корабль разбитый не придетъ въ портъ прежній отдохнуть!
А тамъ — насъ точно смерть сразитъ: въ страданіямъ другихъ
Участія нѣтъ, и вспомнить мы страшимся о своихъ.
Источникъ слезъ замерзъ, и взоръ, хотя еще блеститъ,
Но это блескъ холодный льда, и чувство въ немъ молчитъ!
Пускай въ пирахъ проходитъ ночь и смѣхъ колеблетъ грудь —
Но имъ веселья прежнихъ лѣтъ, надежды не вернуть!
Такъ башню старую кругомъ гирляндой плющъ обвилъ:
Снаружи зелень, но подъ ней развалины онъ скрылъ!
О, если-бъ стать мнѣ чѣмъ я былъ, и чувства возвратитъ,
И если могъ бы снова я, какъ прежде, слезы лить —
Тогда — какъ путнику въ степи влючъ горькій даже мигъ,
Такъ въ одиночествѣ своемъ я слезы бы цѣнилъ.

II.

There be none of Beauty's daughters...

Нѣтъ изъ красавиць здѣсь, нѣтъ ни одной,
 Кто бы сравнялся съ тобою!
 Музыка на морѣ — голосъ мнѣ твой
 Тихой ночью порою;

Музыкой той очаровано,
 Стихло оно, точно сковано;
 Волны въ мерцаньи дрожать,
 Вѣтры, мечтая, молчать.

Мѣсяць полночный слегка по волнѣ
 Цѣпью блестящей колышетъ;
 Море, какъ будто младенецъ во снѣ,
 Тихо колеблясь, чуть дышетъ.

Сердце тобой такъ смиряется,
 Внемля тебѣ, восхищается
 И, какъ дѣтомъ морская волна,
 Грудь колеблется чувства полна.

В. Поповъ.

ЭСКИЗЫ

ИТАЛЬЯНСКАГО ОБЩЕСТВА.

II *).

Мы имѣли случай познакомить читателя съ разнообразными типами итальянской народности и съ индивидуальностью ихъ характера, какъ выработалось то и другое въ теченіи вѣковъ, подъ совокупнымъ вліяніемъ земли и ея исторіи. Намъ остается теперь очертить тѣ извѣстные слои, которые замѣчаются въ каждомъ обществѣ, но которые въ Италіи имѣютъ опять свой характеръ. Мы имѣемъ, какъ и всѣ, и аристократію, и буржуазію, и народную массу; представляя общія черты съ своими сверстниками въ другихъ странахъ, онѣ тѣмъ не менѣе своеобразны и притомъ представляютъ опять замѣтные этнографическіе отгѣнки.

Начнемъ съ нашей аристократіи.

Итальянская конституція не уничтожила дворянскихъ титуловъ, но ограничила исключительными случаями право короля награждать ими. Такимъ образомъ, революціонный писатель Джузеппе Ричарди изъ Неаполя просилъ у короля и получилъ право именоваться графомъ Камальдоли, по примѣру своего отца. Адмиралъ Персано и генералъ Менабреа получили титулъ графовъ за свои воинскіе успѣхи въ 1860 году. Генералъ Чальдини, нѣсколько лѣтъ спустя, получилъ право именоваться герцогомъ Гаттскимъ. Наконецъ, въ одинъ прекрасный день банкиръ Бистоджи изъ Ливорно очутился графомъ, хотя и безъ графства; самые же

*) См. выше: янв., стр. 296.

ловкіе изъ нашихъ банкировъ, съ помощью небольшой суммы, приобрѣтаютъ право величаться баронами. Эта система знакома нашей западной сосѣдкѣ Франціи, гдѣ оба императора, съ цѣлю ли унижить древнее дворянство, нежелавшее признавать дерзкихъ узурпаторовъ, или же въ силу человѣческой слабости, свойственной всякимъ выскочкамъ, напускать на себя аристократическія замашки, дабы импонировать подобострастной толпѣ, сильно злоупотребляли этой системой. Выскочки нуждались также въ придворныхъ, а было бы противно всѣмъ правиламъ приличія, если бы они поручили придворный церемоніаль обыкновеннымъ смертнымъ. Но то, что просто и понятно, когда имѣешь дѣло съ бонапартовскимъ правительствомъ, становится нѣсколько страннымъ, когда оно повторяется при такомъ правительствѣ, какъ наше, которому его подданные могутъ поставить въ упрекъ скорѣе отсутствіе всякихъ пртензій на внѣшніе атрибуты королевской власти.

Что касается титуловъ личнаго отличія, тоже облагораживающихъ въ нѣкоторомъ родѣ, то въ нихъ нѣтъ недостатка въ соединенномъ королевствѣ Италіи. Наши два кавалерскихъ ордена, св. Маврікія и св. Лазаря, украшаютъ грудь тысячъ двадцати итальянцевъ. Вотъ утѣшительная цифра, если только объяснять ее не щедростью правительства, но личными достоинствами такого значительнаго числа людей, признанныхъ достойными, по своей храбрости и по своей набожности, носить шпагу и эполеты, драпироваться въ красивый пунцовый плащъ, подбитый бѣлымъ, и участвовать въ этомъ костюмѣ въ извѣстныхъ церковныхъ церемоніяхъ, съ обязательствомъ служить ежедневно сокращенную обѣдню, отказаться отъ права на вторичный бракъ и поститься по пятницамъ и по субботамъ.

Если число нашихъ новѣйшихъ кавалеровъ, импровизованныхъ такимъ образомъ, никого не пугаетъ, то я охотнѣе всякаго другого готовъ признать этотъ новый титулъ не потомственнаго, а такъ сказать личнаго дворянства, какъ самое приличное, самое законное и самое возвышенное выраженіе современной справедливости. Но такъ какъ, благодаря серьезнымъ взглядамъ той счастливой эпохи, въ какую мы живемъ, — эпохи, свободной отъ предрасудковъ, — нѣкто не впадаетъ больше въ смѣшную крайность, которую мы осуждаемъ въ нашихъ дѣдахъ и отцахъ, прицѣплявшихъ даже въ халату тотъ обрывокъ орденской ленточки, который напоминалъ имъ сладкую мечту о долгой и честно прожитой, трудовой, полезной жизни, и который не позволялъ имъ проходить незамѣченными, при концѣ своихъ дней, среди праздной и безсмысленной толпы, — такъ какъ теперь весьма трудно

угадать, напрімѣръ, что не ростовщикъ или какой-нибудь кутила тоже сдѣлался *probus miles*,—то я и воздержусь отъ составленія статистики новымъ итальянскимъ дворянамъ. Я ограничусь лишь указаніемъ на тѣ достоинства, которыя я еще усматриваю въ нашей старинной аристократіи, не взирая на то, что она осмѣяна, отгѣснена на задній планъ и, повидимому, осуждена жить только своимъ прошлымъ и ничего не общаетъ намъ въ будущемъ.

И тутъ, помимо воли, мнѣ приходится заняться этнографіей. Въ самомъ дѣлѣ, нельзя себѣ представить итальянскаго дворянства какъ однородную касту, отличающуюся одной общей фیزیономіей, общимъ характеромъ и одинаковымъ значеніемъ. Если у насъ и существуетъ такая каста, которая легко поддается объединенію, то можно безошибочно назвать такой кастой буржуазію; она совершила нашу послѣднюю, удачную революцію, она составила, хорошо ли, дурно ли, наши законы, она чаще всего выступаетъ во главѣ управленія, она, такъ сказать, самая эластичная каста. Витторе Альфіери говоритъ въ одной изъ своихъ сатиръ, что она заразилась вмѣстѣ и недостатками дворянъ, и недостатками плебеевъ. Такъ какъ поэтъ-патріцій писалъ сатиры, то и разсматривалъ вопросъ лишь съ той стороны, которую ему желательно было обличить, но можно расширить его сужденіе и сдѣлать его болѣе или менѣе справедливымъ: если буржуазія заражена предразсудками дворянства и предразсудками простонародья, то она не настолько сжилась съ ними, чтобы не имѣть возможности сбросить ихъ при первомъ удобномъ случаѣ съ большою легкостью. Отъ своей собственности отказываешься съ трудомъ, но легко расстаешься съ чужой собственностью, которую взялъ на-прокатъ или получилъ на храненіе. Такъ какъ у буржуазіи нѣтъ ничего своего, то ей приходится жить политивою; а политива ея заключается въ томъ, что она всюду проникаетъ, всѣмъ завладѣваетъ и умѣетъ при случаѣ всѣмъ воспользоваться. Безцвѣтная сама по себѣ, она живетъ отраженіями, куда входятъ всѣ цвѣта и всѣ оттѣнки радуги, которыми она и украшается, смотря по надобности. При помощи своего здраваго смысла, она ворею наблюдаетъ и угадываетъ направленіе вѣтра. Въ этомъ ея искусство; она соображается въ своихъ движеніяхъ съ направленіемъ вѣтра; такимъ образомъ, она оставляетъ за собой почетныя лавейки; она можетъ сегодня дѣлать видъ, что ухаживаетъ за королемъ, а завтра увѣрить народъ, что собирается взять его приступомъ въ его же дворцѣ; а мораль этой басни та, что благодаря тому, что буржуазія рѣдко прибѣгаетъ къ насилію, власть почти

всегда остается въ ея рукахъ. Эта уступчивость въ образѣ дѣйствій придаетъ буржуазіи неоцѣненную силу, и, повторяю, если объединеніе Италіи станетъ дѣломъ возможнымъ, то только благодаря ей. Не отличаясь особеннымъ провинціальнымъ, оригинальнымъ впечатломъ, которымъ бы дорожила, она способнѣе другихъ классовъ справедливо относиться къ другимъ и ловко ассимилировать все, что видитъ кругомъ себя.

Дѣла сложились бы иначе, если бы итальянская революція, зачатая въ Пьемонтѣ, вмѣсто того, чтобы быть буржуазной, оказалась аристократической или демократической. Нашъ аристократъ вообще привязанъ къ своему замку, какъ къ своей раковинѣ. Въ немъ сосредоточивается его жизнь, его обаяніе и его сила; всякая другая жизнь будетъ для него искусственной и тяжелой. Его традиціонная гордость препятствуетъ ему слѣдовать за теченіемъ; онъ не допускаетъ увлечь себя; онъ настолько смышленъ, чтобы понять, что міръ измѣняется и превращается вокругъ него, но не считаетъ возможнымъ отбросить традиціонные принципы и обычаи, какъ какое-нибудь старое платье. Онъ не отказывается отъ уступокъ своему времени, но желаетъ, чтобы онъ такъ и оставался уступками, причемъ не хочетъ поступиться своей гордостью. Нельзя отказать въ уваженіи такой благородной манерѣ уступать силѣ вещей, не склоняясь передъ ней. Тутъ говорить не личное, оскорбленное самолюбіе, тутъ цѣлая каста отрывается отъ историческихъ правъ, стараясь сохранить свое достоинство и не завершать своей невзгоды униженіемъ. Нашъ дворянинъ, даже падая, не забываетъ, что онъ умный человѣкъ; если онъ палъ, то потому, что пожелалъ этого; онъ предпочитаетъ улыбаться, а не роптать. Къ этой улыбкѣ примѣшивается иронія; онъ утѣшаетъ себя тѣмъ, что относится къ дѣлу такъ, какъ будто находитъ его забавнымъ. Обратите вниманіе на нашихъ аристократическихъ писателей, когда они удостоиваютъ говорить о народѣ и объ его правахъ; въ нихъ по большей части замѣтенъ юморъ. Они трогательно великодушны; они уступаютъ народу все то, въ чемъ не могутъ ему отказать, съ любезностью, исполненной граціи. Они дѣлаютъ видъ, что благодѣтельствуютъ своему естественному врагу и воздаютъ добромъ за зло. И въ самомъ дѣлѣ, благодаря своему утонченному воспитанію, своимъ рыцарскимъ инстинктамъ, своему честолюбивому желанію оказывать покровительство, они кончаютъ тѣмъ, что дѣлаютъ много добра, но мало-по-малу и не выдавая своей тайны. Подобная система можетъ быть примѣняема въ небольшомъ размѣрѣ и постепенно, но немислима въ большихъ размѣрахъ и сразу. Мнѣ кажется поэтому, что было бы не только

трудно, но и невозможно осуществить итальянское объединеніе съ помощью дворянства. Къ тому же каждый дворянинъ стариннаго рода слишкомъ ревниво оберегаетъ свое собственное достоинство, чтобы не уважать чужого и рѣшиться предложить своему собрату, другому дворянину, плясать по его дудочкѣ; а между тѣмъ именно въ этому принудила одна часть итальянской буржуазіи другую часть.

Простонародье, какъ и аристократы, въ свою очередь, отличается своего рода гордостью и ревностью. Оно слишкомъ любитъ свой очагъ и почву, которую воздѣлываетъ, свое село и свою церковь, своего господина и своего патера, свое нарѣчіе и свои пѣсни, чтобы добровольно отказаться отъ всего этого и объединиться съ народомъ, который фабрикуется въ столицѣ. Оно лучше любитъ свои недостатки, чѣмъ чужія добродѣтели, и держится ихъ. Оно, можетъ быть, неправо, но до этого ему нѣтъ никакого дѣла. Оно также умѣетъ производить революціи, когда терпѣніе его истощится, но лишь затѣмъ, чтобы добиться того, что ему нужно. Оно идетъ прямо къ цѣли, не заботясь о томъ, плохая то политива или нѣтъ; оно держится своей собственной политивы, а отнюдь не политивы своихъ сосѣдей или своихъ согражданъ. Народъ не стоитъ ни за объединеніе, ни за провинціальную независимость; отчизна для него — это его приходъ; за его предѣлами онъ ничего не усматриваетъ, кромѣ тумана, а поэтъ сказалъ бы: мечтаній! Пѣсня знаменитаго Мамели заходитъ слишкомъ далеко, когда показываетъ народу въ вихрѣ археологической пыли шлемъ *Сципіона* (*l'elmo di Scipio*), призывая его къ обновленію. Иностранецъ, который въ 1848 году слышалъ, какъ съ одного конца Италіи до другого раздавалось имя Сципіона Африканскаго, конечно долженъ былъ получить высокое понятіе о впечатлительности и исторической фантазіи націи, способной возстать изъ-за имени героя, о существованіи котораго она не подозрѣвала; но и это явленіе слѣдуетъ отнести на счетъ буржуазіи, которая хорошо изучила латынь въ школѣ и хорошо помнила Тита-Ливія и Вѣчный-Городъ. Пришлось будить живыхъ именемъ мертвецовъ, и если революція 1848 года не имѣла счастливаго исхода, то слѣдуетъ упрекнуть въ этомъ риторику буржуазіи (аристократія и народъ не сочиняли риторики, а потому и не любятъ ее) и безучастіе народа. Тамъ, гдѣ народъ выступалъ на сцену, какъ на улицахъ Милана, Венеціи и Рима, онъ творилъ чудеса. Въ заключеніе о революціонныхъ способностяхъ буржуазіи, признавъ за ней рѣдкое искусство направлять революціи и еще болѣе рѣдкое умѣнье ихъ перемаривать, я дол-

женъ однако необходимо упомянуть о томъ, что буржуазія нуждается въ особомъ провидѣннн и въ рукахъ, которыя поднесли бы ей тѣ питательныя вещества, вкусъ и запахъ которыхъ оцѣнены ею по достоинству. Но обратимся къ нашей аристократіи.

Я сказалъ выше, что итальянская аристократія не однородна, а теперь это докажу.

Во-первыхъ, ея происхожденіе не вездѣ одинаково. Въ Пьемонтѣ дворянство почти все древнее и феодальное; оно сохранило остатки той бодрости, которой германская имперія обязана своею славою; не взирая на то, что оно предано католицизму, оно напоминаетъ нѣкоторыми своими чертами и нѣсколько суровымъ духомъ свое гибеллинское происхожденіе. Дворянство Венеціи и Генуи составляетъ аристократію въ настоящемъ смыслѣ этого слова; тамъ *optimates* превратились въ *patres conscripti* золотой книги обѣихъ республикъ. Дворянство Флоренціи, за немногими исключеніями, купеческаго происхожденія и его существенный характеръ составляетъ *плутократія*. Дворяне Рима, болѣе завзятые гвельфы, чѣмъ самъ папа, черпаютъ свою силу въ наслѣднн св. Петра, которое выпало ему на долю, свое великолѣпіе въ славѣ вѣчнаго города, гдѣ ихъ господство превосходило господство самого папы. Отнимите у этихъ дворянъ ихъ обширныя владѣнія и попросите ихъ послѣдовать за своимъ законнымъ государемъ въ По,—и они превратятся въ простыхъ церемоніймейстеровъ, за весьма немногими исключеніями, какъ на примѣръ, Каэтани, Одескальки, Карпенья. Неаполитанское и сицилійское дворянство частью принадлежитъ къ старинной и феодальной аристократіи, но большею частью воспроизводитъ передъ нами *militem gloriosum* и Донъ-Кихота. Въ сущности, хотя и предполагаютъ, что Італія особенно ревностно занята дѣломъ централизаціи, но ей никогда не удастся объединить свое дворянство, вылить его въ одну форму, и лишивъ его индивидуальности, придать ему національность. Конечно, здѣсь существуютъ, какъ и во Франціи, Англии и въ другихъ странахъ, дворяне, которые послѣ своего села отъ души любятъ свое отечество и готовы на всякія жертвы для его благосостоянія, подобно тому какъ они приносили жертвы для его освобожденія, но изъ этихъ разрозненныхъ личностей никакъ не удастся создать одного тѣла: можно собрать матеріалы для созданія колосса, но напрасно старались бы вдохнуть въ него дѣятельную и мощную душу. Элементы, которые бы вошли въ его составъ, не были бы однородны. Прежде всего, весьма сомнительно, на примѣръ, чтобы какой-нибудь пьемонтскій дворянинъ, призванный на первый конгрессъ

итальянскаго дворянства и очутившійся рядомъ съ нѣкоторыми князьями и герцогами (безъ княжескихъ и герцогскихъ помѣстій) изъ южныхъ провинцій—захотѣлъ унижить себя, удостоивъ полюбому такихъ титулованныхъ особъ, которыя по происхожденію своему недалеко ушли отъ знаменитаго отпрыска *Mimus albus*. Между скромными графами-судьями среднихъ вѣбовъ, которые позволяли своему нотаріусу заявлять подъ ихъ собственными декретами, что имъ приходится довольствоваться простымъ изображеніемъ креста, *propter ignorantiam literarum*, и современнымъ пьемонтскимъ дворянствомъ, насчитывающимъ въ своей средѣ такія славныя имена какъ Альфьери, Сантароза, Колленіо, Кавуръ, Ламармора, Склописъ, Азеліо, Бальбо, Салуццо и многія другія, —существуетъ цѣлая бездна!

Первый добрый примѣръ былъ данъ въ прошломъ столѣтіи ломбардскимъ дворянствомъ. Беккарія и Верри своими собственными произведеніями, меценаты Тривульціо, Аринто, Паллавичини и Дурини, разумнымъ покровительствомъ, оказываемымъ ими ученымъ и литераторамъ, и миланское патриотическое общество, въ началѣ насчитывавшее на тридцать девять членовъ, тридцать пять дворянъ или священниковъ, своими заботами о земледѣліи начали въ Италіи новую эру. Пьемонтское дворянство въ свою очередь поняло, что истинное благородство человѣка заключается въ благородствѣ души и что умственная культура является его необходимымъ условіемъ. Оно черпало рѣдкую энергію въ твердости и прямотѣ своего характера, который часто заставлялъ его избирать своимъ девизомъ выраженіе одной упорной красоты: *frangar, non flectar!*

Подобно тому какъ самый могущественный изъ альпійскихъ феодаловъ сдѣлался, благодаря честности, съ какою относился къ своимъ подданнымъ, владѣльцемъ всего Пьемонта; подобно тому, какъ исторія Савойскаго дома представляетъ непрерывный рядъ добрыхъ дѣяній, такъ съ трудомъ можно найти въ средѣ благородныхъ семействъ Пьемонта такую, которая бы запятнала свой дворянскій гербъ. Если мы и встрѣчаемъ въ XIV столѣтіи графовъ и маркизовъ, требующихъ отъ своихъ крѣпостныхъ позорное *jus primae noctis*; если это злоупотребленіе феодальнымъ правомъ вызывало въ Пьемонтѣ кровавыя возстанія, то упрекнуть въ этомъ приходится не столько пьемонтское дворянство, сколько невѣжественное тогдашнее время и полное отсутствіе понятія о человѣческомъ правѣ. Но какъ только савойскіе графы явились посредниками между инсургентами и ихъ прежними господами, взиманіе налога *jus primae noctis* прекратилось. Пьемонтскіе

дворяне сгруппировались вокруг савоярского государя и признали его главенство. Съ той поры пьемонтское дворянство удивляло міръ своею рыцарскою преданностью. Принеся савойскимъ государямъ *osculum fidelitatis*, они постоянно раздѣляли ихъ участь и неоднократно жертвовали своимъ имуществомъ для ихъ спасенія. Савойскіе государи съ своей стороны, послѣ кровавыхъ, дорого стоющихъ и зачастую несчастныхъ войнъ, чтобы выполнить свои обязательства, отдавали все свое имущество дворянамъ и народу, такъ что если войны истощали народъ, за то прежде всего онѣ разоряли государя. Вотъ почему, не взирая на восьмисотлѣтнее царствованіе, савойскій домъ, можетъ быть, — бѣднѣйшій изъ всѣхъ фамилій, которыя царствовали и царствуютъ въ Европѣ, но за то, благодаря этой честности, онѣ такъ долго могъ рассчитывать на преданность своихъ подданныхъ. Изъ того, что я сазалъ, легко угадать, что пьемонтское дворянство, въ свою очередь, не можетъ блистать богатствомъ. Къ тому же богатство и власть въ Пьемонтѣ выпадаютъ на долю главы семейства, старшаго брата, главнаго наслѣдника, къ которому переходятъ всѣ права *nobility*, между тѣмъ какъ остальные братья пользуются лишь правами *gentry*, за исключеніемъ лишь тѣхъ случаевъ, когда отецъ семейства владѣетъ нѣсколькими дворянскими помѣстьями и титулами. Въ томъ случаѣ, на примѣръ, когда глава большой семьи будетъ въ одно время владѣть княжескимъ титуломъ и помѣстьемъ, титуломъ и помѣстьемъ маркиза, титуломъ и помѣстьемъ графа, титуломъ и помѣстьемъ барона и при этомъ имѣетъ нѣсколькихъ сыновей, то старшій сынъ получаетъ титулъ князя, второй — маркиза, третій — графа, а четвертый — барона. Если бы у него оказались и еще другіе сыновья, то имъ пришлось бы удовольствоваться титуломъ *кавалеровъ*, съ ничтожнымъ денежнымъ вознагражденіемъ или ключомъ феодальной земли. Такъ какъ въ былое время *кавалеры* съ такими жалкими ресурсами не могли бы жить прилично своему званію, то ихъ старались зачислить въ армію короля или въ духовное званіе. Этимъ путемъ надѣялись отворотить ихъ отъ женитьбы и спасти отъ нищеты и пролетаріата: офицерамъ запрещено было жениться безъ позволенія короля, который не могъ дать этого позволенія, если жена не приносила въ приданое своему мужу по крайней мѣрѣ двадцати-четыре тысячъ франковъ. Такимъ образомъ, каждая аристократическая и многочисленная семья въ Пьемонтѣ считывала, кромѣ благороднаго наслѣдника, — благороднаго прелата, также и благороднаго воина. На перваго возлагалось продолженіе рода, второй посвящался Богу, чтобы замаливать грѣхи осталь-

ныхъ членовъ семьи, третій отдавался королю изъ рыцарскаго чувства, равно какъ и изъ необходимости. Если кромѣ того были и еще сыновья, и если они проявляли какую-нибудь способность и охоту учиться, то имъ разрѣшали дѣлаться докторами права и даже отправлять свою профессию, единственную, за исключеніемъ духовной и военной, которая въ глазахъ аристократіи не унижала ихъ. Если они не выказывали никакой охоты къ ученью, или же родители — въ видѣ довольно рѣдкаго, къ счастью, исключенія—отказывали имъ въ необходимыхъ для того средствахъ, то имъ приходилось увѣковѣчивать типъ довольно рѣдкій, хотя впрочемъ весьма популярный въ Пьемонтѣ—празднаго и бѣднаго кавалера, толкующаго про свободу, равенство, демократію въ лавкѣ деревенскаго бакалейщика и проводящаго все послѣобѣденное время за игрой въ кегли вмѣстѣ съ крестьянами, когда его высородный братецъ не нуждался въ его обществѣ для партіи въ тарокъ, — родъ паріи или паразита, приносившаго въ замокъ извѣстія изъ деревни о погодѣ, помогавшаго управителю убирать жатву, а каплану служить обѣдно, въ вознагражденіе за обѣды, которыми кормилъ его старшій братъ, первенецъ его родного отца и родной матери; таковъ былъ *кавалеръ!*

Къ счастью, времена эти миновали; свобода надѣлила своими благодѣяніями даже и тѣ общественные классы, съ которыми, по-видимому, находилась въ оппозиціи; кромѣ того, усилія многихъ пьемонтскихъ кавалеровъ доказать на дѣлѣ, что они равны по благородству всякимъ маркизамъ и графамъ, содѣйствовали разсѣянію многихъ предрасудковъ. Массимо д'Азеліо былъ однимъ изъ такихъ кавалеровъ. Въ своихъ «Ricordi», онъ сообщаетъ намъ, что въ Туринѣ его сочли за помѣшаннаго, когда узнали, что онъ собирается стать живописцемъ. Тогда еще не считали возможнымъ, чтобы дворянинъ занимался искусствомъ и зарабатывалъ деньги трудомъ, который смѣшивали съ трудомъ ремесленнымъ. Кавалеръ д'Азеліо предоставилъ злословить и смѣяться надъ собой и продолжалъ рисовать прекрасныя картины, за которыя получалъ много денегъ. Въ затруднительные моменты своей жизни ему приходилось не разъ благословлять свою судьбу за рѣшимость юности, которая помогала ему выходить изъ денежныхъ затрудненій, не прибѣгая къ подачкамъ своей семьи и позволила ему покинуть кресло президента совѣта министровъ, съ утѣшительной надеждой, что искусство доставитъ ему кусокъ хлѣба. Примѣромъ кавалера д'Азеліо воспользовались многіе. Нѣсколько другихъ патриціевъ въ Пьемонтѣ посвятили себя облагороженному имъ искусству живописи; упомяну лишь о графѣ Беневелло, маркизѣ Бреме, князѣ

Сартирана, баронъ Гамбе, графъ Корси, графъ Пасторисъ, которые доказали нашимъ современникамъ, что Пьемонтъ отнюдь не такой врагъ искусствъ, какъ это воображали. Вообще, можно теперь сказать, что все пьемонтское дворянство идетъ въ уровень съ вѣкомъ. Конечно, его *jeunesse dorée*, которая толпится въ извѣстные часы дня у дверей кофейни «Фиоріо» (нѣкогда бывшей кофейни «Германскаго союза») въ Туринѣ, такъ же ничтожна, какъ и всякая другая, а отъ нѣкоторыхъ старичковъ несетъ затхлымъ запахомъ могилы; но изъ этихъ двухъ категорій, первая слабосильна и не обѣщаетъ долгой жизни, а вторая — мельчаетъ съ каждымъ днемъ. Во всякомъ случаѣ, обѣ являются одиночнымъ явленіемъ, котораго легко избѣжать, если боишься сосѣдства труповъ.

Живые между пьемонтскими дворянами, сохраняя изящество манеръ, пользуются своимъ превосходствомъ надъ другими классами общества самымъ законнымъ образомъ и употребляютъ часть своего состоянія на пособія неимущимъ, а въ послѣдніе годы и на поддержку мѣстной промышленности. Они исправляютъ такимъ образомъ ущербъ, нанесенный Пьемонту неожиданнымъ и, отчасти, коварнымъ перенесеніемъ столицы королевства, — перенесеніемъ таинственно-задуманнымъ остроумнымъ флорентинскимъ министромъ и императоромъ Наполеономъ III. Когда извѣстіе о злосчастной сентябрьской конвенціи достигло до Турина, то пьемонтское дворянство не смогло сдержать вопля горести и негодованія; но тѣмъ не менѣе, оно слишкомъ любило и слишкомъ уважало своего короля, чтобы оказывать оппозицію его министрамъ, и продолжало жертвовать ему своей кровью и своими деньгами. Оно заботилось о томъ, чтобы сохранить за стариннымъ маленькимъ государствомъ всю его силу; а Римъ — столица, ему и не снился. Совсѣмъ тѣмъ, оно примирилось бы съ мыслью о новомъ центрѣ, удаленномъ отъ Альпъ, чтобы удовлетворить южныхъ итальянцевъ, съ которыми желательно было составить одну семью; оно и не подозрѣвало, что наступитъ день, когда *insalutato hospite* ихъ король покинетъ ихъ, чтобы поселиться въ тѣни дворца Ферони. Но они вскорѣ убѣдились, что король тутъ ни при чемъ и что штуку эту сыгралъ съ ними хитрый ученикъ стариннаго воспитателя Цезаря Борджіа. Они напутствовали короля своими ревностными пожеланіями и вдали отъ двора своего возлюбленнаго государя, удалились въ свои помѣстья, гдѣ занялись земледѣліемъ на пользу народа; благородная мечь, вполне ихъ достойная! Графъ Понца-де-Санъ-Мартино, бывший накануне рьянымъ приверженцемъ абсолютизма, желая отмстить королю,

вздумалъ встать во главѣ оппозиціонной и мнимо-демократической партіи, но это ему не удалось и интриги его ровно ни къ чему не привели. Народъ нивакъ не хотѣлъ вѣрить, чтобы лучшимъ политическимъ вождемъ для него могъ быть патрицій, правительственная система котораго, когда онъ находился во главѣ управленія, выражалась въ одномъ словѣ «угнетеніе». Онъ понималъ, что лучшими друзьями для него будутъ тѣ дворяне, которые, вмѣсто того, чтобы возбуждать его противъ флорентинскаго правительства, своимъ примѣромъ доказывали ему, что можно жить вдали отъ правительства, и заботиться о своихъ собственныхъ нуждахъ помощью дѣятельнаго, честнаго и разумнаго труда.

Нельзя представить себѣ ничего демократичнѣе по своему происхожденію, своей исторіи и своему характеру, какъ флорентинское дворянство. Если существуетъ въ мірѣ страна, гдѣ за дворянскими титулами мало гоняются и мало чванятся ими, такъ это Тоскана. И здѣсь, конечно, есть графы и маркизы, но такъ какъ не народъ надѣлилъ ихъ этими титулами (а исторія Тосканы, не смотря на неоднократное существованіе насильственно навязанной монархической власти, оставалась существенно демократической), то они не признаются и фигурируютъ въ весьма рѣдкихъ, совершенно официальныхъ случаяхъ, и можно почти сказать, контрабанднымъ образомъ.

Флорентинскій народъ, не смотря на всю свою испорченность, сохранилъ отъ старинной республики глубокое презрѣніе къ преимуществамъ рожденія. Въ тринадцатомъ столѣтіи онъ постановилъ, что для того, чтобы принимать участіе въ управленіи, необходимо принадлежать къ какой-нибудь аристократической корпорации; въ четырнадцатомъ столѣтіи, онъ приказалъ разрушить всѣ замки, которыми дворяне владѣли на разстояніи двадцати миль отъ Флоренціи. Феодальное дворянство почти совсѣмъ исчезло при республикѣ; если мы еще видимъ въ настоящее время кое-какіе остатки его, то лишь благодаря Медичи и лотарингскому дому, которые не только прекратили преслѣдованіе, но старались различными уступками привязать къ себѣ это совершенно ничтожное дворянство въ Тосканѣ, гдѣ учрежденія и нравы враждебны ему. То, что я говорю, не относится до дворянъ, которые могли укрыться въ феодальныхъ помѣстьяхъ, изъятыхъ изъ-подъ власти могущественной флорентинской демократіи, и такимъ образомъ сохранили часть своей средневѣковой силы и независимости. Бароны Риказоли, де-Бролио принадлежатъ къ ихъ числу, за то они нисколько не походятъ на остальныхъ тосканскихъ дворянъ, и народъ, который не стѣсняясь зоветъ маркиза Джино Капони

просто-на-просто *son Gino*, не рѣшится звать де-Бролио иначе какъ *барономъ*, хотя послѣдній, подчиняясь обычаямъ мѣстной аристократіи, открылъ въ своемъ дворцѣ, во Флоренціи, складъ винъ изъ своего погреба, который, говорятъ, превосходенъ. Оба рода дворянства сталкиваются на одной общей почвѣ, а именно торговлѣ, которая составляетъ настоящій источникъ силы современной тосканской аристократіи; на этой почвѣ всѣ три общественныя касты сливаются въ одинъ народъ, въ одну демократію.

Говорятъ, что Каппони ввели во Флоренцію въ 1216 г. шелководство или, по крайней мѣрѣ, значительно усовершенствовали его. Слѣдовательно, торговля была первымъ источникомъ ихъ могущества и благородства; но они не только не воспользовались имъ съ тѣмъ, чтобы задуть свободу, но употребляли свое вліяніе на защиту, благосостояніе и славу своей дорогой республики. Бывшіе купцы сдѣлались государственными дѣятелями, учеными, и воинами; одинъ историкъ прозвалъ ихъ флорентинскими Циціонами. Благодаря Каппони, Пиза подпала власти Флоренціи; Козимо и Лоренцо Медичи не могли завладѣть абсолютной властью, король Карлъ VIII принужденъ былъ уважать республику; Джинно, Нери и Піетро Каппони покрыли славой свой родной городъ и гораздо болѣе облагородили свою фамилію, чѣмъ титулъ маркиза, дарованный ихъ потомкамъ. Послѣдній представитель этого славнаго семейства, маркизь Джинно Каппони, является въ теченіи 60 лѣтъ щедрымъ литературнымъ меценатомъ въ Тосканѣ.

Другіе флорентинскіе купцы стали дворянами; знаменитый Лука Питти былъ произведенъ въ кавалеры народомъ, за великія услуги, оказанныя имъ республикѣ, пока онъ былъ гонфалоньеромъ. Онъ получилъ въ даръ 20,000 дукатовъ и нажилъ баснословныя суммы, но истратилъ все свое имущество на то, чтобы украсить Флоренцію чудомъ между дворцами, извѣстнымъ подъ именемъ дворца Питти, который служилъ впослѣдствіи жилищемъ великихъ герцоговъ Тосканскихъ и перваго итальянскаго короля.

Строцци, прославившіеся своей распрей съ Медичи, были также купцы; они сумѣли сдѣлать благородное примѣненіе изъ своего колоссальнаго богатства. Дворецъ Строцци свидѣтельствуетъ объ ихъ вкусѣ и щедрости и многіе члены ихъ фамиліи выказали способности и любовь къ литературѣ и искусствамъ. Сами Медичи, эти богатые купцы, сдѣлавшіеся знаменитыми государями, были самыми щедрыми и самыми просвѣщенными изъ государей своего времени и если нанесли громаднѣйшій ущербъ свободѣ, за то связали свое имя съ памятниками искусства, которые будутъ служить вѣчной славой свободной и нѣсколько праздною

Тосканѣ нашего времени. Въ нашемъ столѣтїи Ридольфи и Альбици много сдѣлали для земледѣлія, Антинори для науки, Джинори для промышленности, Дегори по части экономическихъ учреждений и вообще можно сказать, что плутократическое дворянство Тосканы всегда полезно примѣняло свое вліяніе и богатство.

Въ Пьемонтѣ *noblesse oblige*; въ Тосканѣ богатство облагораживаетъ; но въ южныхъ провинціяхъ дворянство, исключительно ревнующее о своихъ старинныхъ феодальныхъ привилегіяхъ, напугано ходомъ человѣческаго прогресса и горюетъ объ отсутствїи двора, при которомъ оно могло бы влечить свое бесполезное и эгоистическое существованіе и щеголять своимъ отжившимъ *bon ton*. Быть можетъ, ихъ лонгобардскіе, нормандскіе, швабскіе предки и были храбрецами и завоевали эту великую территорію путемъ побѣдъ надъ греками и сарацинами; но они освободили отъ послѣднихъ страну лишь затѣмъ, чтобы подѣлить ее между собой и съ тѣхъ поръ брались за оружіе лишь для защиты своихъ феодальныхъ злоупотребленій. Они также по временамъ протестовали и возставали противъ своихъ государей, но лишь затѣмъ, чтобы помѣшать народу, задавленному ими, получить хоть какія-нибудь права. Заговоръ бароновъ при аррагонской династіи, заговоръ дворянъ противъ Мазаниелло при вице-короляхъ испанскихъ, ихъ подобострастный образъ дѣйствій при Бурбонахъ, покровительство, оказываемое нѣкоторыми изъ дворянъ бандитамъ, послѣ революціи 1860 г., достаточно доказываютъ недостатокъ благородства въ этой южной аристократіи. Разумѣется, существуютъ исключенія, особенно въ Сициліи, гдѣ Торреарсо, де-Грегорио, Рудини, князья Галати и другіе знаменитые патриціи не только не реагировали противъ прогресса, но посвятили часть своихъ богатствъ и своего досуга дѣлу цивилизаціи и свободы. Совсѣмъ тѣмъ, хотя подобныя исключенія весьма почтенны и могутъ возбудить въ насъ надежду, что все южное дворянство, возвысившись до такого же уровня, окажетъ со временемъ такія же услуги странѣ, но это не должно ослѣплять насъ относительно того зла, какое оно приносило въ прошедшемъ и приноситъ въ настоящемъ. Бѣдный Неаполь и бѣдная Сицилія! что случилось бы съ ними, если бы имъ приходилось разсчитывать только на своихъ патриціевъ. Число послѣднихъ, правда, незначительно, но вліяніе ихъ на народъ всегда было пагубно. Невѣжественные и лѣнныя выше всякаго описанія, они поощряютъ невѣжество и лѣнность народа, чтобы лучше эксплуатировать его. Такимъ образомъ, народъ въ Неаполѣ и Сициліи остается такимъ же низшимъ, какъ и его аристократія, эгоистическая, дерзкая и грубая. Не будь въ этихъ

провинціяхъ буржуазіи, въ нихъ невозможенъ былъ бы никакой прогрессъ, никакая культура, никакая цивилизація. Только этому классу, какъ мнѣ кажется, предназначено освободить южное общество; его философы, юрисконсульты, депутаты, журналисты, артисты, школьные учителя внесутъ просвѣщеніе и прогонятъ средніе вѣба, злоупотребленія, привилегіи, предрасудки которыхъ еще настолько сильны, что заглушаютъ всякую жизнь. Благодаря ихъ усиліямъ, южныя провинціи на дѣлѣ сольются съ остальной Италіей и заодно съ ней пойдутъ по пути прогресса и цивилизаціи.

III.

Разсмотримъ теперь ближе характеръ и историческое значеніе буржуазіи въ современной Италіи.

Есть большое различіе между двумя, повидимому, однозначущими словами: *bourgeois*, которое происходитъ отъ *bourg*, и *citoyen*, корнемъ котораго служить *cité*. Говоря такъ, я, конечно, не дѣлаю никакого отергтія, но дѣло въ томъ, что *bourg* всегда означало нѣчто незначительное, а *cité*—нѣчто крупное; *bourg* не имѣлъ права окружать себя стѣнами (*domogum congregatio, quae nihilo non clauditur*, согласно опредѣленію среднихъ вѣвовъ), потому что у него нѣтъ вольностей, которыя бы ему приходилось защищать. Бургъ переходитъ безразлично отъ одного господина къ другому; онъ всегда играетъ второстепенную роль и никогда не возвышается до самостоятельности. Напротивъ того, *cité*, ревнуя о своихъ правахъ и о своей независимости принимаетъ всѣ необходимыя мѣры для самообороны, къ тому, чтобы помѣшать вторженію всякаго элемента, враждебнаго ея органической свободѣ, привольному развитію ея внутренней жизни. Все это отразилось и на характерѣ самихъ обывателей. *Bourgeois* (мѣщанинъ) остороженъ; *citoyen* (гражданинъ) смѣлъ; «мѣщанинъ» охотно готовъ служить тремъ четвертямъ рода человѣческаго, лишь бы ему дали вволю повластвовать надъ остальною четвертью; «гражданинъ» самъ распоряжается и служить лишь самому себѣ. Первый добивается многого, употребляя извилистые пути; второй прямо направляется къ цѣли и раздражается всякимъ препятствіемъ, которое можетъ остановить его и задержать. Гражданинъ знаетъ, чего онъ хочетъ, потому что его волѣ приходится иногда бороться съ подводными камнями и ему случается претерпѣвать жестокія испытанія, прежде чѣмъ достигнуть берега. Буржуа дѣйствуетъ такъ, какъ ему удобно: — Здѣсь не пропускають! — Ну,

что же дѣлать!!—онъ отступаетъ назадъ, выжидаетъ другого болѣе удобнаго случая, онъ довольствуется малымъ, онъ охотно идетъ на сдѣлки, онъ принимаетъ всякія мѣры; посылаетъ жену и дочерей въ церковь молить Бога и Мадонну о помощи, а тѣмъ временемъ, памятуя старинную пословицу: «на Бога надѣйся, а самъ не плошай»,—начинаетъ дѣйствовать изподтишка. Онъ раз- узнаетъ, нѣтъ ли сильныхъ міра, которымъ можно сдѣлать какое-нибудь одолженіе; нельзя ли примирить кого-нибудь, устранить какія-нибудь затрудненія, сгладить недоразумѣнія и т. п.

Въ наше время итальянскій буржуа, пойманный въ излишнемъ стремленіи къ оппозиціи, неидушей впрочемъ далѣе фронтдерства, изворачивается въ такомъ родѣ:

— Какъ! господинъ министръ, вы думали, что моя газета враждебна вашей администраціи? Нисколько, господинъ министръ; я возставалъ не противъ васъ, но противъ системы. Что касается лично васъ самихъ...

И на слѣдующій день министръ предоставляетъ X, ловкому и вліятельному журналисту, мѣсто, котораго онъ давно уже желалъ.

Другой дуэтъ: — Послушайте, господинъ мэръ, устройте мнѣ это, и я вамъ общаю...

— Что вы можете мнѣ общать? Не вы ли постоянно и громче всѣхъ ругали мое управленіе?

— Прежде, можетъ быть; я былъ тогда очень неопытенъ и сражался въ рядахъ безумной демократіи; мои нападки относились не къ вамъ. Теперь всѣмъ извѣстны ваши способности, господинъ мэръ, и я только удивляюсь... я знаю, что вы не дорожите подобными пустяками... но, откровенно говоря, я просто удивляюсь, что правительство еще не предложило его величеству прислать вамъ орденъ...

На другой день кандидатъ Y успѣваетъ пройти на выборахъ, благодаря содѣйствію мэра, котораго три года тому назадъ онъ хотѣлъ свалить, ради торжества демократическаго дѣла.

А вотъ еще:—Не воображайте, графъ, чтобы это легко было сдѣлать; законъ равенъ для всѣхъ, какъ вамъ извѣстно.

— Я это знаю, но знаю также, что вы образецъ сборщивовъ податей; прошу васъ только помнить, что я хлопочу не о какой-нибудь привилегіи; я доказываю только, что мои доходы оцѣнены невѣрно и свыше того, что они даютъ въ дѣйствительности. Я желаю только, чтобы проверили эту оцѣнку.

— По правдѣ сказать, графъ, это дѣло агента; но я обещаю вамъ заняться вашимъ дѣломъ и устроить его къ вашему удовольствію.

— Благодарю васъ, вы право очень обязательны...

— О, графъ, не говорите этого; вся честь съ моей стороны; я желалъ бы имѣть возможность оказать вамъ какую-нибудь менѣе незначительную и болѣе существенную услугу. Кстати! извините, если осмѣлюсь васъ побеспокоить; мнѣ говорили, что вы уволили своего секретаря; такъ какъ я могу свободно располагать своимъ вечеромъ, то если у васъ нѣтъ въ виду другого человѣка, я былъ бы счастливъ...

И вотъ, близорукій графъ попадаетъ въ западню, разставленную ему дальнорукимъ буржуа. Еще примѣръ.

«Конфиденціально. Милый другъ! такъ какъ наши торговые дѣла очень расширились и вынуждаютъ къ частой перепискѣ, которая влечетъ довольно значительный почтовый расходъ, то мнѣ кажется, что стоить обратить на это вниманіе и присыкать способъ сократить ихъ. Итакъ, я васъ спрашиваю: нельзя ли намъ обоюдно уклониться отъ этихъ непроизводительныхъ издержекъ. Вы знаете, милый другъ, что депутатамъ и сенаторамъ разрѣшено получать письма, неоплаченные на почтѣ. Вы знаете, что депутатамъ и сенаторамъ можно посылать по почтѣ даромъ все, что угодно, даже тюки. Нѣтъ ли въ нашемъ городѣ какого-нибудь депутата или сенатора, съ которымъ вы были бы настолько коротки, чтобы посылать ему вашу товаръ? Что касается меня, то добрѣйшій депутатъ N, живущій въ вашемъ городѣ, мой хорошій пріятель, охотно согласится оказать мнѣ эту маленькую услугу» и т. п.

Само собой разумѣется, что подобные депутаты и сенаторы составляютъ въ Италіи столь же рѣдкое, сколько позорное исключеніе; но такъ какъ все же таковыя существуютъ, то буржуазное чутье съумѣло ихъ выслѣдить.

Дѣйствіе происходитъ въ одномъ изъ департаментовъ. Я вхожу и почтительно снимаю шляпу. Сторожъ глядитъ на меня, но не встаетъ съ мѣста, и вытянувъ ноги, подперевъ рукою голову, отяжелѣвшую отъ глубокихъ думъ и государственныхъ заботъ, продолжаетъ нѣжиться въ креслѣ, которое нѣкогда убаюкивало сладкіе бюрократическіе сны начальника отдѣленія.

Я подхожу къ нему и спрашиваю: можно ли видѣть начальника отдѣленія?

— Черезъ часъ, отвѣчаетъ сухо сторожъ, недовольный тѣмъ, что я нарушилъ его размышленія, и поворачиваетъ голову въ другую сторону, вѣжливо давая мнѣ понять, что онъ съ удовольствіемъ повернулся бы ко мнѣ спиной. Я ухожу и возвра-

щаюсь въ назначенный часъ съ однимъ замѣчательнымъ ученымъ иностранцемъ.

Сторожъ на этотъ разъ былъ на ногахъ и медленно прогуливался вдоль прихожей: онъ увидѣлъ меня, узналъ, однако удостоилъ вторично спросить, что мнѣ угодно. Я ему связалъ. Онъ сдѣлалъ еще нѣсколько шаговъ, затѣмъ прибавилъ:—Теперь у него есть посѣтители. Мы терпѣливо ждемъ. Наконецъ, черезъ полчаса сторожъ рѣшился тронуться съ мѣста и идти разыскивать начальника отдѣленія; послѣдній готовился оставить департаментъ. Извѣстie о нашемъ приходѣ ему было неприятно, но такъ какъ еще не наступилъ часъ, когда занятія служебныя оканчиваются, то онъ удостоилъ освѣдомиться: кто мы такіе, и съ видомъ усталого Юпитера нырнулъ въ свое необъятное кресло.

Цѣлью моего посѣщенія было представить начальнику отдѣленія моего знаменитаго чужеземнаго гостя, который желалъ лично ознакомиться съ ходомъ дѣлъ въ различныхъ отрасляхъ управленія въ Италіи. Сторожъ пошелъ впередъ и пробормоталъ, какъ суждѣлъ, наши имена. Затѣмъ вернулся и вѣжливо попросилъ насъ войти. Уходя, онъ поклонился такъ низко и такъ подобострастно начальнику отдѣленія, что намъ обоимъ стало противно глядѣть на него. Начальникъ отдѣленія, когда я представилъ ему иностранца, удостоилъ его улыбки и попросилъ садиться. Самъ онъ не вставалъ при нашемъ появленіи и во все время нашего визита сохранялъ невозмутимый апломбъ. Когда онъ узналъ, что иностранецъ пріѣхалъ изучать нашу административную систему, то вообразилъ, что ему представляется отличный случай просвѣтить варвара, и, начавъ съ административной азбуки, кончилъ гнусливымъ изложеніемъ всѣхъ нашихъ административныхъ промаховъ, которые онъ представлялъ, какъ послѣднее слово науки управленія. Рѣчь почтеннаго начальника отдѣленія перешла подъ конецъ въ эпическій тонъ, такъ что мы уже не слыхали его словъ, а внимали звукамъ его торжественнаго голоса. Такъ какъ вѣжливость обязывала насъ во всякомъ случаѣ поблагодарить его за трудъ, который онъ на себя принялъ, то добрякъ совсѣмъ разцвѣлъ, всталъ во весь ростъ и прощаясь съ нами завѣрялъ ученаго иностранца, что если послѣднему снова понадобятся его *свѣдѣнія*, то онъ найдетъ его въ департаментѣ въ извѣстные, опредѣленные часы.

Вотъ она, буржуазія!

Иностранецъ спросилъ меня: всѣ ли наши высшіе чиновники такъ умны и любезны.—Бываютъ исключенія, но рѣдко, вынужденъ былъ я ему отвѣтить. Въ сущности, они славные люди, но

мало образованы и ничего не понимают, кромѣ служебнаго порядка, единственной вещи, которую они хорошо изучили. Ихъ самонадѣянность есть слѣдствіе самодовольства, которое овладѣваетъ каждымъ чиновникомъ, когда онъ добьется вѣчной цѣли всѣхъ своихъ стремленій,—кресла начальника отдѣленія. Пока онъ не достигнетъ этого мѣста, онъ пресмыкается и давитъ всякаго, кто ему попадаетъ на пути или кто желаетъ обогнать его. Достигнувъ вершины своихъ желаній, онъ подымаетъ носъ и торжествуетъ. Министръ, правда, выше его; но министръ мѣняется; министръ переходящъ; онъ же въ своемъ царствѣ не имѣетъ конца и кажется безсмертнымъ. На долю министра выпадаетъ отвѣтственность; на его же долю—власть. Какое ему дѣло до прогресса, до общаго блага, до науки, свободы и всѣхъ этихъ великихъ словъ: онъ достигъ своего идеала, все остальное представляется ему бесплоднымъ. Геркулесовы столпы буржуазіи возвышаются у шеститысячнаго жалованья, отпускаемаго начальнику отдѣленія; затѣмъ—пустота!

Бюрократія—это первенствующая страсть нашей буржуазіи. Всякій буржуа, вообще, добрый мужъ и добрый отецъ семейства. Его главнѣйшая забота заключается въ томъ, чтобы обезпечить себѣ опредѣленный доходъ, на основаніи котораго онъ могъ бы распредѣлить въ новый годъ свой домашній бюджетъ, а ужъ концы съ концами онъ сумѣетъ свести—объ этомъ не беспокойтесь. Вѣдь въ буржуазной жизни дни идутъ за днями съ строгой однообразностью, за исключеніемъ нѣкоторыхъ торжествъ, когда люди позволяютъ себѣ нѣкоторыя излишества. Такъ, напримеръ, наванунѣ родительской субботы всѣ родственники собираются за ужиномъ въ честь покойниковъ; въ Рождество за обѣдомъ подается жареная индѣйка, а дѣтямъ дѣлаются крохотные подарки, которые яко-бы приносить младенецъ-Христосъ другимъ младенцамъ. Въ новый годъ опять подарки. Въ крещеніе—обычный пирогъ. На масленицѣ предстоитъ: посѣщеніе оперы, посѣщеніе комедіи и театра маріонетокъ для маленькихъ дѣтей и балъ для взрослыхъ дѣвицъ. На пасхѣ—обѣдъ. Затѣмъ, еще подарки въ день именинъ папеньки, маменьки, дядюшекъ, тетюшекъ, братцевъ, сестрицъ, дѣтей, словомъ, всей семьи; обѣдъ въ годовщину свадьбы папеньки и маменьки; по воскресеньямъ же лишнее блюдо за обѣдомъ. Всѣ эти церемоніи трогательны, не отрицаю, но умиленіе всѣхъ родственниковъ по опредѣленнымъ днямъ въ концѣ концовъ набиваетъ оскомину; а всѣ эти чувствительныя слезы, заранѣе предусмотрѣнныя добрымъ папенькой въ ежегодномъ бюджетѣ, поистинѣ могутъ бросить въ дрожь нескромныхъ

смертныхъ, которые злоупотребили бы этимъ избыткомъ наслажденій.

Такъ какъ у буржуазнаго отца семейства есть прекрасная привычка все предвидѣть въ своемъ бюджетѣ, то онъ имѣетъ также право рассчитывать на опредѣленный доходъ, а въ этомъ отношеніи ничто не представляется ему такимъ вѣрнымъ, какъ служба. На службѣ, онъ увѣренъ: 1) что онъ не изведется отъ чрезмѣрнаго труда; 2) что праздничные дни будутъ у него свободны и онъ можетъ проводить ихъ въ кругу своего добродѣтельнаго семейства; 3) что ему ежегодно будутъ давать двухмѣсячный отпускъ; 4) что характеръ его занятій не будетъ требовать отъ него слишкомъ большого умственнаго напряженія, такъ что ему нельзя опасаться воспаленія въ мозгу; 5) что достаточно будетъ въ теченіе двадцати или тридцати лѣтъ нагрѣвать одно и то же кресло и всегда говорить начальству *да*, а подчиненнымъ *нѣтъ*, чтобы съ увѣренностію рассчитывать на дальнѣйшую карьеру и на то, что въ данное время придется просунуть ленточку въ свою петличку; 6) что ни градъ, ни гроза не лишатъ его жалованья; 7) что конецъ его поприща будетъ увѣнчанъ долгимъ, покойнымъ существованіемъ отставнаго чиновника, получающаго пенсію. Шутка ли, сколько радостей!

Не удивительно, послѣ этого, что даже нѣкоторые захудалые члены дворянства и нѣкоторые люди изъ народа, которымъ предназначено выдѣлиться изъ толпы, стремятся порою достигнуть прочнаго, беззаботнаго и почетнаго положенія чиновника.

За то нѣтъ ничего забавнѣе, какъ видѣть нашего буржуазнаго чиновника въ припадкѣ либерализма, вовсе ему несвойственнаго: непремѣнно дѣло кончится чепухою. Вотъ вамъ одинъ случай.

Нѣсколько лѣтъ тому назадъ, одинъ изъ моихъ пріятелей-буржуа вдругъ пристрастился къ социалистическимъ идеямъ. Въ одинъ... весьма не прекрасный для него день онъ задумалъ основать типографію на началахъ ассоціаціи, и призвавъ къ себѣ пятерыхъ рабочихъ, сказалъ имъ: «Вотъ, братцы, капиталъ, который мнѣ принадлежалъ; теперь онъ мнѣ болѣе не принадлежитъ. Я основываю типографію; ступайте работать въ нее; будемъ трудиться заодно; будемъ сообща эксплуатировать мертвый капиталъ, который принадлежитъ всѣмъ и никому; я буду искать заказовъ для типографіи, буду руководить литературной и артистической стороною дѣла; я буду такимъ же работникомъ, какъ вы, только трудъ мой будетъ нѣсколько иной. Что касается барыша, то мы его станемъ дѣлить между собой поровну. Я буду довольствоваться такимъ же заработкомъ, какъ и вы, а такъ какъ въ пер-

вое время трудъ, быть можетъ, не въ состояніи доставить вамъ средствъ, необходимыхъ для существованія, то я согласенъ на это время открыть для васъ кредитъ, пока заведеніе станеть давать такіе барыши, что ихъ будетъ достаточно для вашихъ нуждъ. Что вы на это скажете?»

Рабочіе поглядѣли другъ на друга, затѣмъ, улыбнувшись вмѣсто всякаго отвѣта, пожали плечами и собрались-было уходить. Предложеніе, повидимому, ихъ испугало. Мой другъ удержалъ ихъ, и въ концѣ концовъ они его признали главнымъ хозяиномъ, а себѣ отвели опредѣленное мѣсто, съ опредѣленнымъ жалованьемъ. Одинъ сдѣлался техническимъ директоромъ; другой—начальникомъ первой партіи наборщиковъ; третій—начальникомъ второй партіи наборщиковъ; четвертый произвелъ себя въ начальники машинистовъ; пятый—въ начальники переплетчиковъ: итакъ, оказалось цѣлыхъ пять начальниковъ, не считая владѣльца типографіи, *chef par excellence*; однимъ словомъ, ассоціація сложилась—по образу и подобию департамента! Спустя мѣсяць, я посѣтилъ заведеніе моего бѣднаго друга; онъ точно также быстро разочаровался въ своихъ социалистическихъ фантазіяхъ и былъ совсѣмъ разстроенымъ.

— Ну, какъ идетъ твоя социальная реформа? спросилъ я его.

— Оставь меня въ покоѣ, отвѣчалъ онъ, если я проживу еще съ мѣсяць среди этихъ лѣнтаевъ, — у меня голова пойдетъ кругомъ.

— Что ты говоришь! какъ! да вѣдь это все славные рабочие....

— Погляди на нихъ теперь, и тогда, быть можетъ, ты меня пожалѣешь.

Дѣйствительно, хаосъ! и самый первобытный.

Мнѣ очень хотѣлось подтрунить надъ моимъ другомъ, но не хватило духу; въ виду его кислой физиономіи, я въ свою очередь насупился и вышелъ изъ типографіи мрачный, какъ ночь. Картина, которую показалъ мнѣ мой другъ, убѣдила меня въ двухъ истинахъ. Первая нисколько не интересна для читателей, а именно: что мой бѣдный другъ не годился въ хозяева, но какъ истый буржуа, полагалъ, что быть хозяиномъ и быть директоромъ департамента одно и то же; вѣдь дѣлаютъ же всякаго директоромъ, почему же мнѣ самому себя не сдѣлать хозяиномъ;—вторая, болѣе важная, что буржуазія, того и гляди, сообщитъ свои вкусы народу, благодаря тому, что нашъ буржуа и въ самый социализмъ умѣетъ вносить свои бюрократическія привычки и вездѣ видитъ возможность поиграть въ начальники. Быть можетъ, я

придаю здѣсь слову *буржуазный* непривлекательный смыслъ, котораго оно не имѣетъ въ другихъ странахъ, но въ Италіи это такъ. Подъ словомъ *буржуазный* у насъ нужно подразумѣвать *пошлое, вулгарное*. Я вовсе не желаю укорить средніе классы нашего общества; я знаю, что они самыя многочисленныя, самыя живучіе, самыя производительныя. Но нашия средніе классы присущъ одинъ порокъ, который заражаетъ его, какъ язва; этотъ порокъ есть *вулгарность*, удерживающаяся подъ именемъ буржуазіи. Среди нашихъ плодородныхъ хлѣбныхъ полей живетъ ядовитый грибокъ, быстро размножающійся; этотъ грибокъ есть умѣренный буржуа, утилитаристъ, бюрократъ, педантъ, эгоистъ. Слѣдуетъ его вырвать и замѣнить полезнымъ гражданиномъ съ горячимъ сердцемъ, впечатлительнымъ умомъ, трудолюбивымъ, восторженнымъ, вѣрующимъ въ будущее, стремящимся *достичь идеала*, а не обезпечить одно свое матеріальное положеніе. Солодъ итальянскаго общества — солодъ по преимуществу буржуазный. Такой порядокъ дѣлъ, такая арена для бюрократизма не можетъ существовать вѣчно; но для того, чтобы она не просуществовала слишкомъ долго, необходимо ее изобличить.

IV.

Между городскимъ населеніемъ и населеніемъ сельскимъ у насъ существуетъ цѣлая бездна; городское населеніе завидуетъ образу жизни буржуазіи; сельское населеніе стремится къ болѣе солидному — а именно желаетъ завладѣть землей разорившагося дворянства. Городское населеніе точно также несетъ тяжелое бремя налоговъ, тяготящее надъ всѣмъ королевствомъ; сельское населеніе мирно наваливаетъ это бремя на землевладѣльца, котораго старается всякими хитростями домашняго издѣлія отвратить отъ его помѣстья. Землевладѣлецъ въ замѣкъ платитъ и зѣваетъ; земледѣлецъ копить деньги и распѣваетъ пѣсни. Въ городахъ народъ больше не поетъ. Ему приходится отъазываться себѣ въ винѣ, съ тѣхъ поръ какъ оно стобить слишкомъ дорого, но онъ не отъазывается себѣ въ праздникахъ и зрѣлищахъ; онъ скорѣе откажетъ себѣ въ хлѣбѣ, чтобы сохранить за собой наслажденія *circenses*, — до того крѣпко засѣла въ нашемъ городскомъ населеніи любовь къ общественнымъ развлечениямъ. Эта любовь содѣйствовала отчасти созданію тѣхъ популярныхъ типовъ, которые подъ маской стали карриатурой различныхъ итальянскихъ населеній. Говорю — карриатурой, а не характеристичной фізіо-

номей, потому что было несправедливо судить о нашем народе по темъ маскамъ, которыя онъ носитъ. Въ этихъ типахъ есть вѣрныя черты, которыя Морисъ Зандъ хорошо подмѣтилъ, но они не безусловно правдивы. Можно было бы, на примѣръ, отчаяться въ Тосканѣ, если бы всѣ тосканцы были похожи на свой пресловутый флорентинскій типъ *Stenterello*. Какъ и они, этотъ послѣдній охотно смѣется надъ всѣмъ въ мѣрѣ и надъ самимъ собой; какъ и они, онъ старается въ своемъ образѣ дѣйствій отличиться скорѣе хитростью, чѣмъ нравственностью. Но онъ клеветаетъ на тосканцевъ, когда является трусомъ, подлымъ, сребролюбивымъ, обжорой, воромъ, подобострастнымъ, лживымъ, и я удивляюсь, что сами тосканцы, — по крайней мѣрѣ обитатели Пизы, Сиены, Ливорно и Пистойи — давно не казнили его или по меньшей мѣрѣ не преобразили его, какъ это сдѣлали весьма ловко пьемонтскіе буржуа, присвоивъ идеи независимости и единства, допущенныя при дворѣ и въ министерствѣ, совершенно ничтожному типу *Gianduja*, доброму малому, охотнику выпить, поврать, пошутить, но неспособному ни сдѣлать низость, ни выдумать порохъ, — честному слугѣ, который не смѣетъ трусить. Въ этомъ типѣ нѣтъ элементовъ для героя, но сущность его была почтенная и съ доброй волей можно было сдѣлать изъ него храбреца и даже надѣлать его извѣстною степенью ума. Легкосль, съ какою *Gianduja* преобразовался и усовершенствовался, заставляетъ насъ надѣяться, что онъ усовершенствуется еще и далѣе, и позволить намъ предсказать ему блестящую будущность. Пожелаемъ теперь такого же превращенія и еще болѣе остроумнаго, если возможно, флорентинскому *Stenterello* и неаполитанскому *Pulcinella*. Такое превращеніе будетъ хорошимъ предзнаменованіемъ для Италіи, и въ тотъ день, когда оно совершится, на берегахъ Арно и у подножія Везувія повѣетъ боаѣ живительнымъ воздухомъ.

Что касается манеры себя держать, то угѣшительно, что нашъ народъ, хотя и стоитъ ступенью ниже, чѣмъ буржуа, однако держитъ себя съ болѣе чуждымъ чувствомъ собственнаго достоинства, чѣмъ эти послѣдніе. Во-первыхъ, приятно слышать въ Римѣ, въ Асколи, въ Абрудцахъ, какъ народъ говоритъ всѣмъ «ты», на римскій ладъ. Испанская манера уснащать рѣчь титуломъ *высокороднаго* очень стѣсняетъ нашъ разговоръ и поощряетъ вѣковыя привычки подобострастія. Мы почти совсѣмъ позабыли великоблагородное *ты* германовъ и римлянъ, чтобы подчиниться троякаго рода церемоніямъ: французскому, испанскому и нѣмецкому. Эда смѣсь, превратит-

паяся у насъ въ нѣчто чудовищное, стѣсняетъ, утомляетъ и лишаетъ нашу дружескую бесѣду задушевности.

Впрочемъ, любопытно наблюдать, какъ измѣняются церемоніи въ различныхъ провинціяхъ въ Италіи. Въ Пьемонтѣ имѣютъ обыкновеніе обращаться съ мѣстоименіемъ *вы* только къ крестьянамъ. Употребленіе этого мѣстоименія въ разговорѣ свидѣтельствуесть о недостаточной почтительности къ лицу своего собесѣдника. Въ южныхъ провинціяхъ Италіи почти совсѣмъ не въ употребленіи обращеніе къ собесѣднику въ третьемъ лицѣ. Между людьми высшаго класса въ ходу почти исключительно мѣстоименіе второго лица множественнаго числа. Вслѣдствіе этого, когда неаполитанскіе эмигранты прибыли въ Туринъ, послѣ событій 1849 года, то оскорбили, сами того не подозрѣвая, много почтенныхъ пьемонтскихъ дамъ, обращаясь съ ними съ той фамильярностью, казая, по ихъ мнѣнію, позволительна только съ крестьянами; много времени прошло, прежде чѣмъ онѣ свыклись съ такимъ неприличіемъ, которое доказывало, по ихъ мнѣнію, плохое воспитаніе. Форма привѣтствія также различествуетъ, смотря по общественному положенію лица, произносящаго его. Въ Пьемонтѣ, напримѣръ, крестьянинъ не можетъ, встрѣтивъ своего господина, просто сказать *доброе утро*, или *добрый вечеръ* (*bon di', bona sera*): онъ долженъ всегда прибавить слово *segea* (господинъ); а господинъ отвѣчаетъ ему простымъ *доброе утро* или *добрый вечеръ*. Въ случаѣ, если крестьянинъ молодежь, то господинъ говоритъ ему *ты*; тогда же онъ отвѣчаетъ на почтительное привѣтствіе крестьянина словечкомъ *сiau*, которое, быть можетъ, остерегся бы употребить, если бы вспомнилъ его этимологию, такъ какъ *сiau* или *сiao* есть сокращеніе слова *schiaivo* (рабъ). Точно такъ въ Италіи многіе еще сохраняютъ обыкновеніе говорить *servo* (вашъ слуга), когда уходятъ. Часто употребляютъ при прощаніи восточную формулу *riverisco* (бью челомъ). Латинское *salve* позабыто; его употребляютъ только затѣмъ, чтобы пожелать милость божію всякому смертному, который чихаетъ; но въ Пьемонтѣ его замѣняютъ другимъ привѣтствіемъ, а именно *j'auguro* (желаю вамъ... чего—не говорится, но подразумѣвается—божіей благодати). Легко угадать, какъ всѣ эти китайскія церемоніи стѣсняютъ итальянскую бесѣду и мѣшаютъ фамильярнымъ отношеніямъ. Къ счастью, въ Тосканѣ, истинной колыбели языка, на нихъ меньше обращаютъ вниманія. Обычное привѣтствіе здѣсь «добрый день», когда встрѣчаются раньше полудня, и «добрый вечеръ», когда встрѣчаются послѣ полудня, а при прощаніи говорятъ «до свиданія» и «прощайте». Но стбитъ упомянуть о тѣхъ словахъ, которыя то-

тосканецъ заботливо прибавляетъ въ этомъ послѣднимъ привѣтствіямъ, изъ желанія удалить всякое худое предзнаменованіе. Такъ какъ возможно свидѣться на томъ свѣтѣ, а такое свиданіе желаютъ отдалить по возможности, то когда тосканецъ скажетъ *arrivedersi* или *arrivedella* (до свиданія), онъ стѣшитъ прибавить *per ora* (въ настоящее время, въ непродолжительномъ времени, чтобы не приняли его привѣтствія за торжественное послѣднее прости); такимъ же точно образомъ, когда они поручаютъ васъ Богу привѣтствіемъ *addio*, то прибавляютъ слово *a poi* (послѣ, въ слѣдствіи, дабы дать понять, что еще разсчитываютъ свидѣться въ здѣшнемъ мірѣ, что это не есть еще окончателное пожеланіе блаженства будущей жизни). Это—възлivity, но не подобострастіе; тосканецъ не преклоняется передъ другимъ человѣкомъ; онъ можетъ иногда сдержать, смирить себя, съ цѣлью обдѣлать свои маленькія дѣлишки, но я не знаю такихъ тосканцевъ, за исключеніемъ развѣ иезуитовъ и членовъ общества Сень-Венсенъ-де-Поль, которые бы унижали чувство собственнаго достоинства передъ себѣ подобными или отъ другихъ требовали подобнаго униженія. Въ этомъ отношеніи, въ Италіи не существуетъ болѣе демократическаго населенія, чѣмъ тосканское; и если бы вся Италія объединилась на этомъ пунктѣ, по примѣру Тосканы, то я охотно сталъ бы проповѣдывать такое объединеніе.

При томъ общемъ демократическомъ характерѣ, который отличаетъ жизнь въ Тосканѣ, среди населенія его попадаются личности эстетически благородныя и которыя заслуживаютъ изученія со стороны тѣхъ критиковъ, которые склонны находить искусственными нѣкоторые типы въ сельскихъ романахъ Жоржъ-Санда. Можно имъ сказать, что оригиналы этихъ типовъ встрѣчаются довольно часто въ Италіи. Ступайте, напримѣръ, въ Фіезоле; спросите про молодого «Сани» у его старшаго брата, извозчика, и вамъ пріятно будетъ слышать, съ какимъ чувствомъ этотъ добрый человѣкъ говоритъ про своего фаворита. Онъ молъ красавецъ, и всѣ дѣвушки наперерывъ стараются отбить его другъ у друга; лицо и торсъ какъ у Аполлона Бельведерскаго. Онъ нравится съ перваго взгляда, а если заговорить, то очаруетъ васъ. Голосъ у него мужественный и вмѣстѣ съ тѣмъ мягкій, — голосъ, который идетъ прямо изъ сердца, оживляется и васъ оживляетъ. Глядя на него и слушая его, вы готовы побиться объ закладъ, что у Сани есть искра небеснаго огня. Онъ ни въ какомъ политическомъ обществѣ не учился любви къ родинѣ, самъ Богъ внушилъ ее ему и неоднократно призывалъ его на поле битвы, въ рядахъ легендарнаго героя, генерала Гарибальди. Онъ сражался какъ

левь, получалъ чины на полѣ битвы, но находилъ время дѣлать добрыя дѣла. Вмѣсто того, чтобы мародерствовать, онъ розыскивалъ бѣднѣйшихъ изъ своихъ товарищей, чтобы имъ помочь, чтобы раздѣлить съ ними свой хлѣбъ. Одинъ изъ его друзей палъ раненый; вмѣсто того, чтобы руководствоваться пошлой цо-словицей: «своя рубашка къ тѣлу ближе», онъ сдѣлалъ противное: привелъ своего раненаго друга въ свой родительскій домъ; братъ ждалъ его; молодой герой обнялъ его и поручилъ ему своего друга, говоря: «возблагодаримъ Бога, который меня спасъ, и заслужимъ его милость, пріютивъ нашего несчастнаго друга». Братъ еще больше полюбилъ его за это; но онъ не рассчитывалъ благодѣтельствовать на счетъ другихъ. Онъ самый искусный, быть можетъ, изъ каменотесовъ, и флорентинскіе скульпторы очень дорожатъ имъ. Онъ удвоилъ свою работу, и въ теченіи нѣсколькихъ мѣсяцевъ работалъ за себя и за своего друга. Щедрый, великодушный, краснобай, онъ плѣнителевъ, но лишь какъ сынъ народа. Горе тому, кто вздумалъ бы выдрессировать изъ него пріятнаго въ обществѣ буржуа: онъ утратилъ бы свою оригинальность. Да онъ понимаетъ это самъ, и чуждается буржуазныхъ обычаевъ. Онъ любитъ свой костюмъ рабочаго, любитъ простоту демократической жизни. Если бы къ нему подошелъ буржуа и протянулъ ему руку, ища его дружбы, онъ почтительно снялъ бы шляпу, какъ человѣкъ, который считаетъ себя недостойнымъ такой чести или, лучше сказать, какъ человѣкъ, который не любитъ лицемерія и желаетъ, чтобы всякій оставался на своемъ мѣстѣ, сохраняя свои вкусы и привычки. Демократическія, республиканскія, социалистическія общества Флоренціи, явныя и тайныя, желали привлечь его въ свою среду. Онъ постоянно отказывался отъ этого и отвѣчалъ имъ: «Я ничего не смыслю въ политикѣ и не знаю *руководителей*, которыхъ вы хотите навязать мнѣ. Если вспыхнетъ революція, *quando si tratterà davvero di menar le mani*, вы меня всегда найдете готовымъ; ружье мое всегда на-готовѣ, но я желаю заранее знать, за кого и за что я пушу его въ ходъ. Знайте, что я обращу его только противъ враговъ моего отечества». Молодой Сани не хочетъ сдѣлаться буржуа или дворяниномъ, потому что любитъ свой народъ; ему пріятно въ его средѣ. Но онъ желаетъ облагородить этотъ народъ и вселить въ него тѣ самыя добродѣтели, которыя создали въ былое время величіе старинной флорентинской республики. Поэтому искусный ремесленникъ жаждетъ сдѣлаться великимъ артистомъ. Въ часы досуга, онъ ударяетъ молоткомъ по громаднымъ кускамъ мрамора и создаетъ изъ нихъ совсѣмъ живыя фи-

гуры, на подобіе своего чудснаго учителя Микель-Анжело. Я видѣлъ первую его грушу; она свидѣтельствовала объ его умѣ и призваніи: «Мать учить читать своего ребенка». Жажда въ образованію, овладѣвшая молодымъ ремесленникомъ, внушила молодому артисту его первый сюжетъ. Вотъ уже нѣсколько лѣтъ, какъ я не вижу больше чуднаго рабочаго; мнѣ говорятъ, что онъ работаетъ теперь въ Константинополь. Я желаю ему отъ всего сердца пробить себѣ дорогу, но не могу не пожалѣть, что онъ такъ далеко находится отъ своей родины и своей артистической среды. А пока, подобно тому, какъ уже разъ наша древняя Фіезоле сообщила жизнь и силу старой Флоренціи, я желаю, чтобы современная Флоренція подготовила намъ поколѣніе, которое бы походило на этого молодого ремесленника Фіезоле, который одинъ можетъ вамъ доказать, что боги и герои не вполне покинули Италію и могутъ уживаться и процвѣтать въ ней.

Каждый городъ Италіи насчитываетъ, быть можетъ, десятки Сани; нужно было бы только посѣщать ихъ, чтобы увѣрять въ будущее нашей страны и поучиться сильнѣе любить ее. Я восхищаюсь монументами изъ мрамора, но я могу страстно любить только тѣ красивые монументы изъ мяса и костей, которые зовутся людьми и въ особенности людьми народа, которые ближе всего стоятъ въ нашей великолѣпной и богатой природѣ. Намъ слѣдуетъ въ Италіи застаться фонаремъ Діогена и отправиться на поиски за людьми. Мы ихъ найдемъ, въ особенности въ Тосканѣ, гдѣ они говорятъ на очаровательномъ языкѣ; въ Романьи и въ Мархѣ, гдѣ они сохраняютъ печать героической красоты. Намъ нужно изучать эти прекрасные «монументы», пробудить ихъ внутренней огонь, прислушиваясь къ языку этихъ полубоговъ. Живительные соки народной жизни не иссякнутъ, пока часть этого населенія останется неиспорченной. Заставимъ его говорить и переймемъ его рѣчь: въ ней мы не найдемъ ничего искусственнаго, приторнаго, низкаго. Прекрасный эллинскій богъ, уквѣпившійся на латинской почвѣ, создалъ эту рѣчь. Итакъ, остережемся, какъ бы буржуазныя кормилицы не задушили намъ божественнаго младенца въ колыбели.

- Анж. Дв-Губернатисъ.

Флоренція.

ЛЮДИ И ПРАВЫ

ВРЕМЯ

ФРАНЦУЗСКОЙ РЕВОЛЮЦИИ.

LITTERATUR UND GESELLSCHAFT IN FRANKREICH ZUR ZEIT DER REVOLUTION, 1789—94.
VON LOTHREISSEN.

VI *).

Въ дополненіе къ общей картинѣ французской печати во время революціи, Лотхейссенъ приводитъ галерею тѣхъ матадоровъ прессы, въ личномъ характерѣ которыхъ каждое изъ направленій того времени находило себѣ полное осуществленіе. Такъ, необузданность въ увлеченіи и легкомысленная довѣрчивость къ революціонному движенію воплотились въ Камиллѣ Демуленѣ; страстность, нерѣдко принимавшая размѣры свирѣпости—въ Маратѣ. Сюлб, съ другой стороны, является представителемъ реакціоннаго духа, а Малле-дю-Панъ—тщетныхъ усилій доставить перевѣсъ партіи умѣренныхъ.

«Кто этотъ блестящій юноша, преисполненный восторга къ Риму и Греціи, который посреди нашей борьбы такъ развязно вызываетъ воспоминанія древности, — который одновременно съ улыбкой и угрозой произносить свои смертоносныя шутки, — который такъ пріятно болтаетъ о висѣлицахъ и грабежѣ и языкъ

*) См. выше: июль, 720; июль, 190 стр.

свирѣпныхъ пуасардохъ приправляетъ аттическимъ остроуміемъ, — который съ такою граціей возбуждаетъ себя до послѣдней степени ярости?»

Такъ изображаетъ Луи-Бланъ въ своей исторіи революціи замѣчательнаго человѣка, который болѣе прочихъ воплощалъ въ себѣ юношескую отвагу и легкомысліе массъ, — который въ Пале-Рояльскомъ саду впервые далъ революціи опредѣленный характеръ и цвѣтъ. Наканунѣ еще вовсе неизвѣстный и въ стѣсненныхъ обстоятельствахъ, Камилль Демуленъ разомъ приобрѣлъ себѣ популярность. Еще такъ недавно швольнигъ, не знавшій, что ему предпринять съ своими республиканскими порывами, онъ вдругъ очутился во главѣ народа! ¹⁾. День 12-го іюля, писалъ онъ позже своему отцу, былъ счастливѣйшимъ днемъ его жизни; тысячи людей его привѣтствовали, обнимали и орошали слезами ²⁾. Что же удивительнаго, если у него иногда кружилась голова? Душная атмосфера революціи, въ которой онъ отнынѣ жилъ, развила его силы мгновенно. Чѣмъ грознѣе свирѣпствовала буря, тѣмъ бодрѣе и довольнѣе онъ себя чувствовалъ и самому себѣ казался существомъ высшаго разряда. «Вы мнѣ постоянно твердите, — съ упрекомъ писалъ онъ отцу, не дававшему ему денегъ, — что у меня есть еще братья. Правда, но съ тою разницей, что природа дала мнѣ крылья, а мои братья не чувствуютъ, подобно мнѣ, цѣпей, какими нужда приковываетъ меня къ землѣ» ³⁾. Эти слова отлично его характеризуютъ; онъ навсегда остался такимъ: самоувѣреннымъ, но незрѣлымъ и неустановившимся. Воодушевленный всеобщимъ вокругъ него движеніемъ, онъ писалъ газетныя статьи и брошюры, преисполненные ума, огня и изящества, но не умѣлъ ни одному изъ своихъ предпріятій доставить прочнаго успѣха. Его журналъ: «Французскія и Брабантскія революціи» также не долго пользовался вліяніемъ, какъ и его «Патріотическая Трибуна», или его «Фонарь». А послѣднее издательское предпріятіе «Старый Кордельеръ» даже возвело его на эшафотъ. Демуленъ былъ проникнутъ духомъ Вольтера, но ему недоставало его силы и выдержки въ трудѣ. Это одно можетъ объяснить почему его дѣятельность, въ какомъ бы то ни было направленіи, подъ конецъ непременно терпѣла крушеніе. Его сочиненія въ сущности не болѣе какъ болтовня, хотя и дышущая умомъ и энергіей. Въ нихъ никакой связи, никакой си-

¹⁾ Камилль Демуленъ родился въ Гизѣ (департаментъ Эны), въ 1762 г.

²⁾ Письмо къ отцу отъ 20-го сентября 1789 г.

³⁾ Письмо къ отцу отъ 8-го октября 1789 г.

стемы; они слѣдуютъ одно за другимъ, повинуваясь минутному настроенію автора, умъ котораго перекрещивается множествомъ самыхъ разнообразныхъ идей.

Но какъ часто легкомысленно произносимыя Демуленомъ слова имѣли самыя серьезныя и печальныя послѣдствія! Въ концѣ 1789 г. онъ въ небольшомъ сочиненіи, «Свободная Франція», написанномъ съ цѣлью пріобрѣсти революціи поболѣе приверженцевъ, указывалъ на возможность близкаго грабежа и богатой добычи. Онъ самъ находилъ въ себѣ довольно мужества, чтобы жертвовать собой ради свободы, но массы, по его мнѣнію, могутъ руководствоваться только болѣе наглядными мотивами. Поэтому онъ насчитываетъ до сорока тысячъ дворцовъ и замковъ и множество обширныхъ помѣстій, которые въ случаѣ побѣды достанутся въ руки черни. Онъ рисуетъ обольстительную картину благосостоянія для того, чтобъ сильнѣе разжечь алчную фантазію неимущихъ. «Когда не существуетъ больше справедливости и меньшинство начинаетъ притѣснять массу,—вослицаетъ онъ въ другой разъ,—я не признаю никакого иного закона, кромѣ закона возмездія...». «Нѣкоторые философы не осмѣливаются вполнѣ осуждать народъ, когда тотъ въ рѣдкихъ случаяхъ въ 24 часа захватываетъ въ свои руки диктатуру и обращается къ фонарямъ за выполненіемъ своихъ приговоровъ!» Подобно древнему Катону, который каждую изъ своихъ рѣчей въ сенатѣ заключалъ требованіемъ разрушить Карфагенъ, Демуленъ въ своемъ «Фонарѣ» постоянно напиралъ на необходимость скрыть съ лица земли Версаль. Когда, наконецъ, вспыхиваетъ война, онъ предлагаетъ издать чудовищный декретъ, въ силу котораго слѣдовало всякаго плѣннаго врага вѣшать, какъ разбойника, всякому дезертиру, убитшему непріятельскаго офицера, выдавать денежную награду и вообще назначить тарифъ за всякую непріятельскую голову, начиная съ маршала и до простаго солдата.

Можно ли удивляться, если непросвѣщенный народъ, которому ежедневно предлагаютъ такое ученіе, наконецъ начинаетъ примѣнять его къ дѣлу? Не должна ли въ подобныхъ случаяхъ главная вина въ пролитой крови падать на людей, которые такимъ образомъ льстятъ самымъ низкимъ страстямъ человѣческой природы? Но Камилль Демуленъ не сознавалъ всей важности своихъ подстрегательствъ, потому что никогда не дѣйствовалъ по холодному разсчету. Это послѣднее обстоятельство объясняетъ также, почему у него по временамъ вырывались воззванія къ кротости, а также и его печатную борьбу съ Маратомъ. Онъ уже въ началѣ революціи жаловался на то, что большинство его

соотечественниковъ смотрѣло на святую свободу, какъ на способъ въ выгоднымъ спекуляціямъ, и готово было многимъ жертвовать ради тщеславія и личныхъ интересовъ. Демуленъ не былъ, подобно Марату, фанатическимъ приверженцемъ простоты и вовсе не желалъ республики въ духѣ Лигурга, который предписывалъ своимъ согражданамъ всевозможнаго рода лишенія. Онъ находилъ, что задача законодателя не въ томъ, чтобы лишать людей наслажденій, но въ томъ, чтобы не допускать до злоупотребленія ими. Не трудно удержатъ чловѣка въ границахъ воздержанія, когда ему ничего болѣе не даютъ кромѣ сыра, да отвратительной похлебки, или когда ему предлагаютъ цѣлый пиръ за десять су. Лигургъ уподобляется доктору, который хочетъ всякую болѣзнь лечить діетой и водой. Но какая болѣзнь можетъ быть хуже такого рода пожизненной діеты? Лигургъ сдѣлалъ всѣхъ лаведмонцевъ похожими одинъ на другого, и въ этомъ отношеніи онъ уподобляется бурѣ, которая равняетъ всѣхъ потерпѣвшихъ крушеніе, или Омару, который довелъ всѣхъ арабовъ до одной степени образованія тѣмъ, что сжегъ Александрійскую бібліотеку. Такое равенство далеко не по сердцу Камиллу. По его мнѣнію правительство должно заботиться о томъ, чтобы дѣлать людей счастливыми. Оно обязано всѣ дары неба, въ томъ числѣ и искусства, обращать на служеніе свободѣ и на украшеніе жизни. Не театры, не роскошь, не дворцы, сады и статуи, не цѣлующая торговля и не богатства погубили Аѳины, — а ея жестокость на войнѣ, ея деспотизмъ въ Азіи, ея гордость и презрѣніе къ союзникамъ, слѣпое довѣріе къ неопытнымъ предводителямъ, неблагодарность къ героямъ и стремленіе быть не только столицей, но и владычицей всей Греціи.

Пріятно встрѣтитъ у Камилла послѣ его безумныхъ выходовъ мысли, подобныя этимъ. Онъ невольно возбуждаетъ симпатію, когда, весь проникнутый восторгомъ къ вновь завоеванной свободѣ, мечтаетъ о зарѣ новаго счастливаго времени. Тогда, говорить онъ, всѣ люди будутъ равны, настанетъ свобода торговли, печати и совѣсти; министры и придворные перестанутъ торговать милостями и съ лица земли исчезнутъ послѣдніе остатки феодализма и фискальнаго произвола, заключающіеся въ церковныхъ доходахъ и въ ограниченіи охотничьихъ правъ.

Камиллъ Демуленъ не могъ не возбудить противъ себя неудовольствій. Онъ вскорѣ сдѣлался подозрителенъ даже собственнымъ товарищамъ по клубу явобинцевъ, которые начали считать его недостаточно крайнимъ революціонеромъ. Снасти его еще на нѣкоторое время могло только вліяніе Робеспьера, въ защиту

его презрительно сказавшаго, что къ такому взбалмошному человеку, какъ Камилль Демуленъ, не слѣдуетъ относиться слишкомъ строго. Робеспьеръ въ юношествѣ посѣщаль одну и ту же школу съ Демуленомъ, и былъ съ нимъ связанъ тѣсной дружбой. Это и побудило его въ этомъ случаѣ къ снисходительности, которая вообще была такъ чужда его натурѣ.

Но терпимость противниковъ Демулена не долго длилась. Какъ ни казался онъ, въ качествѣ «фонарнаго генерала», иногда кровожаденъ, однако отъ природы онъ не былъ жестокъ. Настало время, когда онъ въ ужасѣ отступилъ, не рѣшаясь далѣе слѣдовать за диктаторомъ. Онъ чувствовалъ, что народъ усталъ отъ кровопролитій и считалъ настоящую минуту удобной для прекращенія жестокостей. Слишкомъ увѣренный въ себя, онъ рассчитывалъ на свое личное вліяніе болѣе, чѣмъ то было благо разумно, и надѣялся одинъ совершить поворотъ къ кротости. Вслѣдствіе этого онъ предпринялъ изданіе новаго листа «Старый Кордельеръ», въ которомъ намѣревался объявить войну терроризму.

Уже въ третьемъ номерѣ своей газеты ¹⁾ онъ напечаталъ поразительную картину положенія вещей въ римской имперіи. Ему удалось, строго придерживаясь Тацита, представить столько же мастерское, сколько ужасное изображеніе условій, въ какихъ тогда находилось его собственное отечество. Каждое слово наносило метвій ударъ въ самое сердце правителей, къ которымъ до сихъ поръ еще никто не осмѣливался обращаться съ упреками. Всѣ знали, что революціонное судилище приговаривало къ смерти по одному подозрѣнію, и всѣ съ изумленіемъ и ужасомъ читали рассказъ Тацита въ передѣлѣ Камилла. «Все, говорилъ онъ, возбуждало недовѣріе тирановъ. Былъ ли какой-нибудь гражданинъ особенно любимъ народомъ—онъ заговорщикъ, который стремится раздуть пламя междоусобной войны. *Studia civium in se vertere, et si multi idem audeant, bellum esse.* Подозрительно! Убѣгалъ ли онъ, напротивъ, популярности и запирался у себя дома—*quanto metu occultior, tanto fama adeptus.* Подозрительно!» Такимъ образомъ, развертывалъ онъ печальную картину своего времени. Онъ, конечно, утверждалъ, что имѣлъ въ виду только изображеніе павшей монархіи, но никто ему не вѣрилъ. Когда рѣчь его касалась тирановъ, всѣ примѣняли его слова къ Робеспьеру. Въ надеждѣ увлечь за собой послѣдняго, онъ, нѣсколько дней спустя, выпустилъ въ свѣтъ четвертый ну-

¹⁾ Quintidi frimaire. 3-me décade II, 15 декабря 1793.

мерь своей газеты ¹⁾, въ которомъ еще смѣлѣе и рѣшительнѣе проповѣдывалъ возвращеніе къ кротости. «Нѣкоторыя личности, такъ начинается онъ, неодобрительно отнеслись къ послѣднему номеру «Старого Кордельера», потому что тотъ позволилъ себѣ порицать настоящее положеніе вещей. Эти личности согласны съ тѣмъ, что свобода еще не привилась во Франціи, но они утверждаютъ, будто надо терпѣть въ настоящемъ и надѣяться на будущее». Но затѣмъ Демуленъ спрашиваетъ, развѣ свободѣ необходимо, какъ ребяческому возрасту, переживать періодъ слезъ и болѣзни? Развѣ свобода недостаточно сильна и зрѣла при самомъ рожденіи своемъ? Народъ свободенъ съ той минуты, какъ того захочетъ. Свобода означаетъ счастье, разумъ, равенство, справедливость, человѣчность. «Раскройте,—воскликаетъ онъ съ увлеченіемъ,—раскройте тюрьмы и выпустите изъ нихъ двѣсти тысячъ гражданъ, содержимыхъ тамъ по подозрѣнію! Гдѣ признается человѣческое право, тамъ нѣтъ домовъ заточенія для подозрительныхъ, а существуютъ только тюрьмы для виновныхъ. Подозрительныхъ вовсе нѣтъ, а есть только люди, совершившіе преступленіе противъ закона». Все это раздражало террористовъ.

Далѣе, Камилль Демуленъ продолжаетъ доказывать, какъ республика можетъ только выиграть, если обратится къ системѣ кротости. Онъ спрашиваетъ у правителей, неужели они думаютъ съ помощью плахи погубить всѣхъ своихъ враговъ? Но за одного убитаго возстаютъ десять новыхъ враговъ изъ среды его семейства и друзей. Содержимые въ заточеніи женщины, старики и эгоисты вовсе не опасны. Всѣ смѣлые и храбрые, или эмигрировали, или погибли въ Ліонѣ и въ Вандеѣ. Остальные безвредны. Всѣ умѣренные, собственники и лавочники также безучастны, какъ и римская публика во времена имперіи. Примѣры Тразивула, Брута старшаго и Августа доказываютъ, что только та власть долговѣчна, которая опирается на кротость. «О, мой любезный Робеспьеръ, я къ тебѣ обращаюсь! Я пережилъ минуту, когда Питту оставалось побороть только тебя одного, когда безъ тебя государство потерпѣло бы крушеніе и республика окончательно погибла. О, другъ моей юности, рѣчи котораго станутъ возбуждать удивленіе въ потомствѣ,—вспомни уроки исторіи и философіи! Ты самъ основалъ юридическое заведеніе. Неужели кротость должна отнынѣ числиться между преступленіями? Неужели мы захотимъ быть свободнѣе аѳинянъ, которые воздвигли алтарь милосердію?»

¹⁾ 30 frimaire, 20 декабря 1793.

Смѣлость была неслыханная. Чтобъ говорить такъ въ то время, когда осторожно взвѣшивалось каждое слово,—чтобъ взывать къ кротости, когда ежедневно проливалась кровь невинныхъ, требовалось не мало мужества. Демуленъ поставилъ на карту свою жизнь, но онъ рассчитывалъ на свое прошлое, которое, онъ надѣялся, его защититъ.

Бѣдный мечтатель! Онъ и не подозрѣвалъ, какая ужасная логика управляетъ судьбой людей. Онъ слишкомъ часто требовалъ пролитія крови, чтобъ теперь имѣть успѣхъ въ качествѣ апостола кротости. Все, что онъ могъ—это сдѣлаться ея мученикомъ. Самъ Робеспьеръ, даже еслибъ хотѣлъ, не былъ бы въ силахъ его спасти. Ему слѣдовало идти впередъ. Участь Камилла была рѣшена. Изъ лагеря террористовъ, съ изящнымъ Геберомъ во главѣ, раздался крикъ ярости. Якобинцы исключили Демулена, какъ недостойнаго, изъ своей среды, несмотря на его послѣдующія усилія оправдаться въ ихъ глазахъ. Онъ растерялся въ виду угрожающей бури и пытался себя спасти возобновленнымъ революціоннымъ рвеніемъ. Въ послѣдующихъ нумерахъ «Старого Кордельера» онъ помѣстилъ статьи, въ которыхъ отрекался отъ своихъ еретическихъ возрѣній и напоминалъ о дѣяніяхъ, какими содѣйствовали успѣху революціи. Онъ дошелъ до того, что хвалился воровскимъ поступкомъ. Въ ночь взятія Бастиліи онъ помогалъ грабить одну оружейную лавку. Затѣмъ, онъ ставилъ себѣ въ большую заслугу статьи, которыя, по его мнѣнію, были главной причиной паденія Лафайета, Балли, Мирабо, Ламбета и другихъ. Но все это оказалось тщетнымъ. Люди, стоявшіе во главѣ царства ужаса, не хотѣли ему простить и, напротивъ, были рады случаю заключить его въ тюрьму. Сень-Жюсть, свирѣпый фанатикъ и приверженецъ гильотины, обвинялъ его передъ судомъ въ самомъ страшномъ преступленіи, а именно, въ измѣнѣ въ пользу кротости! Камилль Демуленъ, по его словамъ, прикрываясь маской человеколюбія, отравлялъ общественное мнѣніе, подстрекалъ народъ къ раздору, возбуждалъ надежды въ Вандеѣ и, кто знаетъ, *можетъ быть*, находился въ перепискѣ съ изгнанными «тиранами». Весь міръ считалъ его виновнымъ и судьямъ надлежало, вооружась мужествомъ, неуклонно выполнить свои обязанности.

Приговоренный къ смерти, Камилль пришелъ въ ярость. Въ тюрьмѣ онъ отчаявался, шумѣлъ, плакалъ и продолжалъ сопротивляться даже на эшафотѣ, куда взошелъ вмѣстѣ съ Дантономъ. Его молодая жена, Люсиль, гораздо спокойнѣе его встрѣтила смерть. Прелестная, исполненная жизни и отваги, она не захо-

тѣла пережить своего мужа. Неосторожными и рѣзкими рѣчами она нарочно старалась обратить на себя вниманіе тирановъ, которые дѣйствительно отправили ее на эшафотъ восемь дней спустя ¹⁾.

Если въ Демуленѣ была еще нѣкоторая доля челоуѣчности, если ему, несмотря на его преступное легкомысліе, все-таки нельзя вполнѣ отказать въ симпатіи, то съ другой стороны личность Марата не представляетъ ничего такого, что вызывало бы къ нему снисхожденіе. Какъ Дантонъ былъ представителемъ демонскаго, разрушительнаго духа революціи, а Робеспьеръ бездушнаго, кроваваго педантизма, такъ Маратъ является воплощеніемъ необузданной свирѣпости и безпощадной ненависти къ общественному порядку вещей. Отецъ Жанъ-Поля Марата, итальянецъ по происхожденію, былъ жителемъ герцогства Нѣвшательскаго, а мать его, которой онъ, по собственнымъ словамъ, главнымъ образомъ обязанъ своимъ воспитаніемъ и образомъ мыслей, была уроженка города Женевы. Онъ родился въ Будри 24-го мая 1743 г. и съ раннихъ лѣтъ уже отличался задумчивымъ, почти мрачнымъ характеромъ. Дѣтскія игры, ребяческая веселость были ему противны, и онъ постоянно удалялся отъ своихъ школьныхъ товарищей. Позднѣе онъ изучалъ медицину, много путешествовалъ, провелъ нѣсколько лѣтъ въ Бордо, въ Англіи, Шотландіи и Голландіи и наконецъ получилъ мѣсто доктора при гвардейскомъ отрядѣ графа Артуа въ Парижѣ. Но и это занятіе онъ вскорѣ бросилъ, чтобы вполнѣ отдаться наукѣ. Дѣятельность его выходила изъ разряда обыкновенныхъ. Его сочиненія по части анатоміи и психологіи, метафизики и физики составляютъ обширный, многотомный трудъ. Кромѣ того, онъ печаталъ еще политическіе трактаты и, что заслуживаетъ особеннаго вниманія въ психологическомъ отношеніи, написалъ весьма посредственный, сентиментальный романъ ²⁾. Но эта усиленная работа не принесла ему ожидаемыхъ почестей, и его самолюбіе сильно страдало отъ постоянныхъ разочарованій. Онъ становился все мрачнѣе и угрюмѣе.

¹⁾ Съ прекращеніемъ царства ужаса, Совѣтъ Пятисотъ, декретомъ отъ 25-го флорема IV, положилъ возстановить доброе имя Камилла Демулена и назначилъ сыну его, Горасу, пенсію въ двѣ тысячи франковъ, который, само собой разумѣется, тотъ никогда не получалъ. Люсьль происходила изъ достаточнаго семейства.

²⁾ Сердечный романъ (*roman de coeur*). Онъ долго оставался въ рукописи у сестры Марата, которая наконецъ, гнѣнимая нуждой, продала его извѣстному писателю Эме-Мартену. Романъ въ первый разъ появился въ печати въ 1849 г. въ фельетонѣ газеты „Siècle“, а въ слѣдующемъ году былъ изданъ въ двухъ томахъ библиофиломъ Жакобомъ.

Настала революція. Марату открылось широкое поле дѣятельности. Ему наконецъ представилось то, чего онъ искалъ. Отнынѣ онъ могъ дѣйствовать на массы. Образованный классъ людей его отвергъ, и онъ выступилъ защитникомъ неимущихъ. Общество дѣйствительно страдало, и въ этомъ заключалась сила, а также отчасти и оправданіе Марата. Но отъ него нечего было ожидать свѣта, или новыхъ, плодотворныхъ идей. Онъ не могъ подать никакого спасительнаго совѣта. У него было одно средство—декламация, рѣзкія нападки на собственниковъ, противъ которыхъ онъ возбуждалъ массу, влагая въ ихъ руки оружіе, но ни мало не подвигая ихъ къ дѣлу. Онъ повидимому чувствовалъ заодно съ бѣдняками, которые съ трудомъ перебиваются изо-дня въ день, пока голодъ и болѣзнь не сразятъ ихъ окончательно. Маратъ гораздо менѣе политикъ, чѣмъ социалистъ. Вслѣдствіе этого онъ мало заботился о томъ, какого рода начало стоитъ во главѣ правленія: конституціонное или яacobинское, монархическое или республиканское. Его нападки преимущественно обращены на общественный порядокъ, котораго несправедливость и противорѣчія онъ нивогда не устаетъ преслѣдовать. Уже въ іюнѣ 1789 г. напечаталъ онъ просьбу національному собранію, «отъ тѣхъ, которые ничего не имѣютъ, на тѣхъ, которые всѣмъ владѣютъ».

Чтобъ удобнѣе дѣйствовать на умы, онъ, какъ мы уже видѣли выше, основалъ журналъ «Другъ Народа», первый номеръ котораго вышелъ въ сентябрѣ 1789 г. Такимъ образомъ была объявлена ожесточенная война, окончившаяся только со смертію Марата. Его задача заключалась въ томъ, чтобъ все сильнѣе и сильнѣе раздувать пламя революціи, и по мѣрѣ того, что она принимала бѣльшіе размѣры, и онъ становился неумолимѣе и безпощаднѣе. Подобно Антею, который, всякій разъ что касался земли, пріобрѣталъ новую крѣпость, Марату необходимо было по временамъ погружаться въ бездну нищеты и отчаянія, чтобы почерпнуть новыя силы для своей ненависти. Тогда онъ еще громче взывалъ къ мести и побуждалъ народъ къ возстанію. Слова его дышали невѣроятной энергіей и по временамъ поражали своей практической мудростью. Такъ онъ по временамъ сильно возставалъ противъ патріотическихъ приношеній, какими, съ страшными для себя лишеніями, бѣдные старались пополнить государственную казну, въ то время когда тамъ еще царствовала величайшая расточительность ¹⁾. «Несчастный, — восклицаетъ онъ въ

¹⁾ Мерсіе рассказываетъ въ своемъ „Новомъ Парижѣ“ (I, 309, гл. 93) какъ артель башмачниковъ отдала государству всю свою сокращенную казну, состоявшую изъ

концѣ своей статьи:—возьми обратно свое рубище, заставь молчать свой голодъ, и если у тебя еще осталась въ запасѣ кроха, взгляни на братьевъ, которые гибнуть въ нищетѣ!»

Затѣмъ онъ яркими красками изображаетъ расточительность двора, роскошь, какою себя окружаетъ королева, въ одну ночь проигрывающая сумму, которой хватило бы на мѣсячное содержаніе цѣлаго квартала. Онъ предостерегаетъ общество отъ расточительности, старается его запугать, а себя выказываетъ чрезвычайно ловкимъ подстрекателемъ и доносчикомъ. Избравъ когонибудь цѣлью своихъ нападокъ, онъ ужъ болѣе отъ него не отстаетъ и можетъ во всякое время сказать, гдѣ скрывается его жертва, причемъ, даже сообщаетъ улицу, номеръ дома и этажъ квартиры несчастнаго. Ему извѣстно, что генералъ Дюморіецъ уже десять дней какъ оставилъ армию и интригуетъ въ Парижѣ. Вотъ онъ уже восьмой вечеръ, съ восьми часовъ, проводитъ у своей нимфы въ улицѣ Св. Марка и т. д. Еслибъ Маратъ ограничивался только такого рода свѣдѣніями, то на него можно было бы смотрѣть просто какъ на доносчика, но онъ этимъ не довольствовался. Уже въ первый годъ революціи требовалъ онъ, чтобъ на дворѣ Тюльери было воздвигнуто восемьсотъ висѣлицъ, для повѣшенія на нихъ измѣнниковъ и въ особенности Мирабо. Въ слѣдующемъ году ему уже и этого казалось мало. Въ своемъ журналѣ и еще въ отдѣльномъ листѣ онъ восклицаетъ: «Свершилось!» Нѣсколько времени тому назадъ достаточно было бы шестисотъ головъ, чтобы упрочить спокойствіе, свободу и счастье страны; обманчивое чувство безопасности не допустило до этого, и теперь за то должны заплатить жизнью миллионы братьевъ. Немного спустя, онъ, вмѣсто шестисотъ, требуетъ уже шесть тысячъ головъ, принадлежащихъ министрамъ, генераламъ, бургомистрамъ, муниципальнымъ совѣтникамъ и всему парижскому штабу. Всѣ реакціонеры и приверженцы деспотизма неизбѣжно должны погибнуть — это единственное средство спасти отечество (18-го декабря 1790). Наконецъ онъ перестаетъ ограничивать число своихъ жертвъ. Какъ пьяный, у котораго, по мѣрѣ того что онъ пьетъ, возрастаетъ жажда, такъ Маратъ съ каждымъ новымъ глоткомъ крови сильнѣе и сильнѣе алчетъ ея пролитія. И все это во имя человѣчности, мира, счастья! Самъ Маратъ защищается отъ упрека въ жестовости, говоря, что ему больно видѣть страданія малѣйшаго изъ насѣкомыхъ. Если онъ совѣтуетъ про-

156,650 ливровъ, удержавъ изъ нея только сумму необходимую для содержанія своихъ больныхъ и стариковъ.

ливать кровь каплями, то это единственно потому, что иначе она полетится потоками.

Въ качествѣ «друга народа», онъ подстрекаетъ его къ страшнымъ сентябрьскимъ убійствамъ. Онъ заранѣе ихъ подготовляетъ, потомъ поетъ имъ хвалу и требуетъ ихъ повторенія. Этотъ судъ черни онъ называетъ, правда, жестокимъ средствомъ, но предписываемымъ закономъ необходимости тамъ, гдѣ дремлетъ истинное правосудіе.

Проповѣдуя такое ученіе, Маратъ совершенно естественно и самъ не избѣгъ преслѣдованій. Уже въ первый годъ революціи его нѣсколько разъ пытались арестовать и за нимъ гонялись какъ за дивнымъ звѣремъ. Онъ по временамъ оставлялъ Парижъ, перебирался даже въ Англію, но отсутствіе его никогда не длилось долго. Внезапно появлялись новые номера «Друга Народа» и свидѣтельствовали, что онъ вернулся и снова начиналъ борьбу. Отдѣльный номеръ его журнала, первоначально стоившій 2 су, нерѣдко доходилъ до 18 и 20 ливровъ. Но поймать его самого не было никакой возможности. Онъ нерѣдко жилъ въ подвалахъ, въ невообразимыхъ ямахъ, скрывалъ тамъ свою типографію и бросалъ оттуда въ міръ свои зажигательные снаряды.

Въ Маратѣ было что-то ужасающее, таинственное, особенно сильно дѣйствовавшее на воображеніе народа. Чрезвычайно странное явленіе представлялъ этотъ народный трибунъ, котораго народъ едва зналъ, но одному слову котораго безусловно повиновался. Для ббльшей безопасности его, даже была устроена стража изъ пятидесяти патріотовъ, находившихся подъ начальствомъ генерала «la Pique». Кто удостоивался приближенія къ фанативу, тотъ находилъ въ немъ маленькаго, невзрачнаго человѣчка, съ желтымъ, изрытымъ оспой лицомъ, черными гладкими волосами, налитыми кровью, постоянно моргающими, глазами, судорожно искривленнымъ ртомъ и въ болѣе чѣмъ простой, поношенной, грязной одеждѣ ¹⁾. Его воодушевляло одно чувство — ненависть, одно стремленіе — создать новое общество по системѣ Руссо, гдѣ не было бы никакого неравенства, гдѣ всякая несправедливость оказывалась бы невозможной. Что при этомъ старому міру неизбежно предстояло рухнуть, было для него ясно, но нисколько его не устрашало. Безъ всякихъ средствъ, недоступный подкупу, Маратъ презиралъ почести и богатства. Чуждый всякаго состраданія, онъ скрывался въ тѣни, но зналъ до послѣднихъ подробностей все, что совершалось вoкругъ него. Такая личность сильно

¹⁾ Duval, Mémoires I, 227, Fabre d'Eglantine „portrait de Marat“.

походила на героя легенды, и было много серьезных людей, которые отказывались верить в его существование.

Только с падением монархии выдвинулся он несколько вперед, и это дало Шарлотте Корде возможность до него достигнуть и вонзить ему в сердце кинжал (13-го июля 1794 г.).

Его сочинения, несмотря на их историческую важность, едва ли могут быть причислены к достоянию истории литературы. Отвергая всякую красоту и утонченность вкуса в жизни, он вовсе не заботился о том, чтобы сообщать своим произведениям литературную форму или хотя сколько-нибудь округлять свой слог. Язык Марата, подобно его идеям, дивь, лишень благородства, изобилует грубыми картинками, но носит на себе отпечаток силы и выразительности. Ответы его часто производили неотразимое действие.

Но оставим мрачные фигуры представителей партии террористов и перейдем в лагерь, впрочем, не менее фанатически настроенных ультра-роялистов. Там прежде всего привлекает наше внимание Сюло, наиболее выдающийся человек своей партии. У него мы не встречаем ни нахмуренного чела, ни грома и молнии для поражения людских пороков и страстей. Он берет свѣтъ такимъ, каковъ онъ есть, — злымъ, испорченнымъ, и считает его неисправимымъ. Къ чему же печалиться, къ чему стараться его изменить? Не лучше ли наслаждаться жизнью: она и безъ того такъ скоротечна! Зачѣмъ плакать, когда можно смѣяться? Къ чему принимать къ сердцу то, что въ сущности не болѣе, какъ комедія?

Несмотря на такую философию, или, может быть, именно вследствие ее учения, Сюло также сильно ненавидѣлъ революцію, какъ Маратъ аристократію. Онъ былъ неустрашимѣйшимъ борцомъ своей партии и остался вѣренъ своему посту даже тогда, когда убѣдился, что стоять за потерянное дѣло. Но борьба его, какъ она ни была жестока, не имѣетъ серьезнаго характера. Онъ поражаетъ враговъ не доказательствами, а сарказмами. Для него нѣтъ большаго удовольствія, какъ раздражать своихъ противниковъ, подобно бойцу быковъ, который, махая краснымъ сукномъ, приводитъ въ ярость животное. Встрѣтивъ на улицѣ разносчика революціонерной газеты, онъ бросается на него и бьетъ его, а затѣмъ пишетъ къ президенту округа письмо слѣдующаго содержания: «Онъ, Сюло, имѣетъ честь довести до его свѣдѣнія, что сейчасъ наслаждался удовольствіемъ совершить преступленіе противъ величества народа.» Его заключаютъ въ тюрьму, и когда черезъ нѣсколько времени выпускаютъ, онъ требуетъ у тюрем-

щиза контрмарки, такъ какъ намѣренъ скоро опять вернуться. Во время казни маркиза Фавраса, онъ смѣло вмѣшивается въ толпу и оттуда громогласно посылаетъ осужденному на смерть обѣщаніе мести. «Ни одинъ фонарный столбъ,—самодовольно говоритъ онъ въ своей газетѣ,—не можетъ меня видѣть безъ страстныхъ пожеланій». Онъ былъ слишкомъ смѣлъ, революціонеръ и самостоятеленъ для собственной партіи, которая называла его «аристократическимъ Маратомъ».

Сюло отлично это понималъ. Онъ какъ нельзя лучше измѣрилъ всю пустоту и малодушіе людей, на защиту которыхъ выступилъ. Однажды онъ посѣтилъ эмигрантовъ въ Кобленцѣ, мало заботясь объ отвѣтственности, какой подвергался вслѣдствіе этого путешествія. Но онъ скоро вернулся оттуда, и вполне разочарованный. Даже его легкомысленное сердце и то преисполнилось горечи. «Разсудокъ и опытъ, пишетъ онъ, убѣдили меня, что человекъ, который безъ нужды приноситъ себя въ жертву какимъ-то неопредѣленнымъ интересамъ общества, есть существо съ извращеннымъ инстинктомъ: неблагодарность и несправедливость рано или поздно его тяжело наказываютъ». Такъ и случилось. Въ страшные августовскіе дни 1792 г., когда народъ осаждалъ Тюльери и окончательно рушилась монархія, Сюло, въ мундирѣ національной гвардіи, отправился въ ратушу собрать свѣдѣнія о настоящемъ положеніи вещей. Онъ былъ узнанъ и палъ отъ руки женщины, которая въ припадкѣ фанатизма нанесла ему ударъ кинжаломъ. Партія, которой онъ принесъ себя въ жертву, поспѣшила его забыть, довольная тѣмъ, что отъ него избавилась.

Малле-дю-Панъ является намъ представителемъ большой партіи умѣренныхъ, которымъ, несмотря на ихъ численность, не удалось организовать никакой послѣдовательной дѣятельности, почему они и не имѣли, почти, никакого вліянія. Тѣмъ не менѣе, Малле былъ самый замѣчательный, умный и добросовѣстный журналистъ своего времени. Онъ происходилъ изъ зажиточнаго женевского семейства и въ молодости принималъ участіе въ политической борьбѣ, которая тогда возмущала его родную республику. Въ немъ такимъ образомъ рано развился талантъ составлять на словахъ. Привычка вглядываться въ поступки маленькихъ партій сообщила его взгляду проницательность, которая поддѣе помогала ему вѣрно судить о событіяхъ, совершавшихся на его глазахъ во Франціи. Кромѣ того, онъ чрезвычайно какъ извѣрился въ отраженіи непріятельскихъ ударовъ. Онъ познакомился съ Вольтеромъ въ Фернеѣ, и тотъ, въ 1772 г., рекомендовалъ его гессенъ-кассельскому ландграфу, который въ то время

искалъ профессора исторіи. Малле, однако, не долго занималъ эту должность. Онъ уже черезъ годъ вернулся на родину, участвовалъ въ изданіи историческихъ лѣтописей Лэнга, затѣмъ переселился въ Парижъ и въ 1784 г. вступилъ въ редакцію «Французскаго Меркурія», гдѣ вскорѣ сталъ во главѣ политическаго отдѣла.

У Малле была одна изъ тѣхъ ясныхъ, практическихъ, трезвыхъ головъ, какія нерѣдко встрѣчаются между уроженцами города Женевы. Онъ заслуживалъ полнаго уваженія, не будучи особенно привлекателенъ, отличался благомысліемъ, но не добродушіемъ. Любя свободу, онъ стоялъ за постепенное развитіе, которое не подвергало бы опасности извѣстнаго рода привилегіи. Заботливый объ общемъ благѣ, насколько оно служитъ гарантіей частнаго благосостоянія, онъ былъ расчетливъ, остороженъ, безъ увлеченія и безъ малѣйшей идеальности въ воззрѣніяхъ. Таковы истые потомки старинныхъ фамилій, которыя Кальвинъ сформировалъ по своей системѣ. Природный діалектикъ, въ высшей степени логичный и послѣдовательный, всегда имѣя передъ собой опредѣленную цѣль, Малле составлялъ совершенную противоположность съ своимъ соотечественникомъ Руссо.

Несмотря на свое пристрастіе къ Вольтеру, котораго онъ въ послѣдствіи горячо защищалъ, онъ всегда твердо стоялъ на однажды занятой имъ средней позиціи. Однажды рѣчь шла о законахъ терпимости императора Іосифа II-го. Малле возразилъ, что терпимость есть не что иное, какъ «религіозная анархія», которая ему столько же ненавистна, какъ и «деспотизмъ суетѣрія». Его вниманіе было преимущественно устремлено на экономическіе и законодательные вопросы, которые занимали Европу въ годы, предшествовавшіе революціи. Его сжатый, ясный слогъ чрезвычайно много содѣйствовалъ успѣшной разработкѣ подобнаго матеріала. Но и въ вопросахъ чисто политическаго свойства, Малле часто обнаруживалъ изумительную проицательность. Такъ, напримѣръ, критикуя книгу Ренала о колоніяхъ, которая въ то время надѣлала много шума, онъ съ увѣренностью предсказываетъ революцію. «Вы называете себя свободными?» говорить онъ въ видѣ ироническаго предостереженія, обращаясь къ крайнимъ приверженцамъ новыхъ идей: «вы будете свободны, когда воздвигнутый на площади эшафотъ обогрится кровью вашихъ властителей!...» «Уберите знамя возмущенія, иначе оно скоро окрасится кровью вашихъ приверженцевъ!» Когда переворотъ совершился и національное собраніе открыло свои засѣданія, «Французскій Меркурій» печаталъ самыя подробныя и без-

пристрастные отчеты о дѣйствіяхъ депутатовъ. Королевская партія долго его чуждалась, не довѣряя ему, и сблизилась съ нимъ только силой обстоятельствъ. Весной 1792-го г. Малле-дю-Панъ былъ отправленъ королемъ съ тайнымъ порученіемъ въ Кобленцъ и къ германскому императору. Благодаря этому, онъ избѣжалъ грозы августовскихъ дней, которая иначе неизбежно поразила бы его. Послѣ этой катастрофы, сдѣлавшей невозможнымъ существованіе всякаго умѣренного журнала, онъ прекратилъ борьбу и вернулся въ Швейцарію.

Но оттуда Малле постоянно взывалъ къ войнѣ и раздувалъ ненависть къ республикѣ. Онъ не только ненавидѣлъ французскую революцію, но еще и страшился за независимость своей родины. Чтобы спасти ее, онъ видѣлъ только одно средство: большую европейскую войну. Его примѣръ доказываетъ, какъ далеко можетъ увлечь человека бурный потокъ страстей. Личность, съ его умомъ и самообладаніемъ, до того забывается, что пишетъ записки прусскому королю и лорду Эльджину, въ которыхъ требуетъ войны! Понятно, что ежедневная рѣзня въ Парижѣ и въ провинціяхъ возбуждаетъ въ немъ ужасъ, но, подѣ влияніемъ ненависти и страха, онъ хочетъ для спасенія одной тысячи жизней пожертвовать сотнями тысячъ. Онъ не боялся навлечь разореніе и гибель на богатая страны и въ своемъ негодованіи упускалъ изъ виду, что этими угрозами войны давалъ тиранамъ въ руки лучшее оружіе, для того, чтобы отстаивать свою власть и систему. Какъ близко приближался въ этомъ случаѣ нравственный разсудительный Малле къ столь ненавистному ему Марату! Если одинъ требовалъ смерти аристократовъ во избѣжаніе войны и пролитія крови плебеевъ, то другой требовалъ войны для того, чтобы спасти аристократовъ.

Но надежды, которыя Малле возлагалъ на чужеземное вмѣшательство, быстро разсѣялись. Несчастіе постигло также и его родной городъ, и онъ въ 1798 г. принужденъ былъ, по приязанію директоріи, покинуть Швейцарію. Онъ бѣжалъ въ Англію, гдѣ и оставался до самой смерти, занимаясь составленіемъ записокъ, которыя служатъ отличнымъ источникомъ для изученія его времени. Онъ умеръ 10-го мая 1800 г.

VII.

Отъ печати и ея вожаговъ въ различныхъ направленіяхъ, авторъ переходитъ къ изученію состоянія другой силы, далеко превосходящей печать по обширности своего вліянія на общественныя массы, именно—къ театру. Но чтобы лучше выяснить значеніе театра въ эпоху революціи, ему было необходимо бросить взглядъ назадъ и указать на главнѣйшія черты изъ его предшествовавшаго историческаго развитія.

Сцена не нашла впрочемъ въ революціи, подобно періодической печати и краснорѣчію, ни своей собственной исходной точки, ни какихъ-нибудь новыхъ задатковъ сильнаго развитія. Театръ, напротивъ, подъ вліяніемъ тревожнаго времени, страшно упалъ и вся его дѣятельность въ теченіи революціоннаго движенія представляеть только скудные остатки предыдущей плодотворной эпохи.

Театръ во Франціи изстари былъ одной изъ главныхъ опоръ образованія и прогресса. Одно время, когда всякое другое слово или умоляло, или было обращено исключительно на прославленіе придворныхъ событій, театръ одинъ сохранялъ за собой право возвѣщать міру идеи правды, независимости, терпимости и справедливости. Драматическая поэзія, хотя и безсознательно, была нѣкоторымъ образомъ учительницей народа и служила выраженіемъ общественнаго мнѣнія. Французская литература изумительно богата драматическими произведеніями, что доказываетъ не только особенный складъ ума народа и его любовь къ театру, но еще и громадное вліяніе послѣдняго на всю жизнь и на образъ мыслей націи. Во время революціи театръ не утратилъ своего вліянія на массы, но вслѣдствіе всеобщаго стремленія заниматься политикой и благодаря распространившемуся въ публикѣ дурному вкусу, онъ лишился всякаго внутренняго содержанія. А между тѣмъ сцена одна выдержала страшную бурю, не подвергшись никакимъ существеннымъ измѣненіямъ и не сдѣлавъ съ своей стороны никакихъ значительныхъ уступокъ. Форма государственнаго и общественнаго строя, основанія, на которыхъ покоились права собственности, были вполне измѣнены революціей. Вкусъ же, господствовавшій на сценѣ, оставался все тотъ же, и прошло еще много лѣтъ, потребовалось много труда, пока она освободилась отъ цѣпей узкаго формализма, который ею управлялъ. Подобное противорѣчіе не доказываетъ ли, что этотъ формализмъ, отчасти, лежитъ въ характерѣ народа, что и должно

до нѣкоторой степени объяснять и оправдывать его пристрастіе въ извѣстнаго рода сценическимъ ограниченіямъ.

До 1789 года развитіе театральнаго искусства, а слѣдовательно и драматической поэзіи были въ высшей степени стѣснены разнаго рода привилегіями. Въ Парижѣ существовало множество театровъ, но каждый изъ нихъ принужденъ былъ ограничиваться весьма небольшимъ кружкомъ дѣятельности. Такъ театръ «Variétés» могъ давать только трехъактные пьесы, «Théâtre de Monsieur» только итальянскія оперы во французскомъ переводѣ, а такъ-называемые «итальянцы» — французская драматическая труппа, расположившаяся въ прежнемъ помѣщеніи итальянской оперы, — должны были предлагать публикѣ только пьесы съ благополучнымъ концомъ. Обмороки, ядъ, слезы могли играть въ нихъ роль, лишь бы нѣкто не умирать отъ любви. Другимъ театрамъ была отведена область пантомимы и канатнаго искусства, а въ двухъ актеры даже отдѣлялись отъ публики газовой занавѣсью. Такого рода распредѣленіе имѣло единственной цѣлью избавить отъ всякаго соперничества главный и наиболѣе аристократическій театръ «Французской комедіи» (Comédie française). Подобная мѣра сама себя осуждаетъ. Притѣснять всѣ другія предпріятія, требовать отъ остальныхъ театровъ, чтобы они довольствовались одними фарсами или слезливыми драмами, и все это для того, чтобы поднять значеніе одной извѣстной труппы, — не значило ли это умышленно извращать вкусъ публики и оскорблять искусство въ угоду страннаго тщеславія? Если вопреки этой системѣ во Франціи являлись великіе драматическіе писатели, это вовсе не служить оправданіемъ привилегіи, данной «Французской комедіи», а только еще болѣе возвышаетъ заслуги этихъ людей. Неправильная атмосфера, впрочемъ, и на нихъ имѣла вредное вліяніе. Его не вполне избѣгли даже Корнель и Расинъ. Можно безошибочно сказать, что безъ этого покровительства, оказываемаго правительствомъ одному театру преимущественно передъ другими, драматическое искусство во Франціи достигло бы еще гораздо большаго развитія.

«Французская комедія» пользовалась правомъ исключительной собственности во всемъ, что касалось произведеній умершихъ авторовъ, — такимъ образомъ, весь классическій репертуаръ находился въ ея рукахъ. Кромѣ того она одна имѣла право ставить на сцену новыя трагедіи, вслѣдствіе чего большинство и живыхъ писателей находилось у нея въ полной зависимости. Уважаемые и поддерживаемые королемъ, артисты «Французской комедіи» составляли особенное общество, которое управлялось собственными

законами и стояло высоко надъ всѣмъ театральнымъ міромъ. Въ этомъ отношеніи тоже сдѣлала свое дѣло система централизаціи, которая со времени Людовика XIV все болѣе и болѣе стягивала Францію. Совершенно иное видимъ мы въ Германіи, гдѣ въ области искусства, также какъ и на другихъ поприщахъ, всѣ могли свободно состязаться. Каждый театръ могъ надѣяться на побѣду, которая дѣйствительно оставалась то за гамбургской, то за мангеймской, то за веймарской сценой. И та, и другая система, конечно, имѣютъ свои выгоды и свои опасности. Во Франціи установились прочныя традиціи и правила игры и постановки на сцену, а также рѣдая гармонія въ исполненіи. Въ Германіи большая свобода породила большую простоту, развязность и оживленіе, но, съ другой стороны, постоянное колебаніе въ значеніи и превосходствѣ той или другой сцены не давали выработаться прочнымъ правиламъ вкуса. Во Франціи писателю предписывались границы, за которыя онъ не смѣлъ переступать, что не рѣдко задерживало свободное развитіе его мысли и фантазіи. Въ Германіи полное отсутствіе стѣсненій угрожало противоположной бѣдой. Писатель, не встрѣчая на своемъ пути никакихъ ограниченій, могъ, увлекаясь собственными стремленіями, теряться въ болѣе или менѣе длинныхъ отступленіяхъ. Къ счастью, истинный гений правильно развивается среди всякихъ условій. Никакія стѣсненія не могутъ остановить его полета, и посреди самой безграничной свободы онъ всегда сумѣетъ самъ положить себѣ границы.

Драматическая литература во Франціи до революціи имѣла два цвѣтущихъ періода, въ теченіе которыхъ и сценическое искусство достигало значительной степени развитія. Первый, въ полномъ смыслѣ слова, классическій періодъ, ознаменованный Корнелемъ и Расиномъ, напелъ себѣ главнаго представителя въ Баронѣ, котораго многіе считаютъ величайшимъ французскимъ актѣромъ. Во второмъ періодѣ въ театрѣ господствовали—какъ писатель, Вольтеръ, а на сценѣ его другъ и любимецъ, Леканъ. Нѣсколько позже, Тальма создалъ третій періодъ процвѣтанія сценическаго искусства, но къ сожалѣнію онъ не находилъ соотвѣтственной опоры въ современной ему драматической литературѣ.

Въ первый періодъ театръ отличался большой простотой. Постановка на сцену ничѣмъ не поддерживала трагедій, успѣхъ которыхъ зависѣлъ единственно отъ ихъ собственной цѣны. Онѣ плѣняли зрителей гармоніей и изяществомъ языка, высотой и достоинствомъ поэзіи. Герои Расина и Корнеля имѣли мало общаго съ характерами, которые изображали, и всѣ болѣе или менѣе говорили языкомъ, употреблявшимся при версальскомъ дворѣ.

Это одинъ изъ главныхъ упрековъ, какіе имъ дѣлаютъ въ Германіи. Но самъ Гёте въ своей «Ифигеніи» влагаетъ въ уста грубаго скиѣскаго царя отборныя рѣчи, что вовсе не мѣшаетъ считать его произведеніе столько же совершеннымъ по формѣ, сколько вѣрнымъ правдѣ въ изображеніи отдѣльныхъ личностей. Нападки Лессинга на французскій театръ и на преувеличенное поклоненіе ему въ Германіи совершенно справедливы, но мы сильно ошиблись бы, еслибъ вздумали руководствоваться исключительно ими въ оцѣнѣ значенія обоихъ великихъ драматурговъ, искусство которыхъ и изящество въ отдѣлкѣ врядъ-ли могутъ быть вполне доступны другимъ.

Что бы сказала нынѣшняя публика, еслибъ, явись на представленіе «Ифигеніи» Гёте или «Короля Лира» Шекспира, увидѣла вдругъ передъ собой Ореста въ черномъ фракѣ и бѣломъ галстукѣ? Что бы мы сказали, еслибъ лишившійся разсудка англійскій король скитался бы по степи вмѣстѣ съ бѣднымъ Томомъ въ лабиринтныхъ сапогахъ и лайковыхъ перчаткахъ?

А между тѣмъ, какъ ни кажется намъ забавна мысль о подобной костюмировкѣ, она вовсе не нова, да въ сущности и не всегда одинаково поражаетъ своей странностью. Развѣ мы не видимъ въ концертахъ и собраніяхъ артистовъ, декламирующихъ цѣлыя сцены изъ драмъ и трагедій? Англійскій, французскій и испанскій театры въ самое цвѣтущее время своего существованія не знали другихъ костюмовъ, кромѣ тѣхъ, какіе предписывала современная имъ мода. Еще Гаррикъ исполнялъ шекспировскія роли въ напудренномъ парикѣ, а Людовикъ XIV принималъ бы за личное себѣ оскорбленіе, еслибъ его артисты явились передъ нимъ не въ строго-предписанныхъ этикетомъ придворныхъ нарядахъ.

Тѣмъ не менѣе тогдашніе драматическіе артисты, точно также какъ и современные намъ, умѣли воодушевлять публику. Для полноты иллюзіи во всякое время должна являться на помощь всемогущая волшебница—фантазія. Намъ кажется еще нерѣшеннымъ вопросомъ, кто далѣе отъ истины, семнадцатый или восемнадцатый вѣкъ, выводившій на сцену парики и фіжмы, или девятнадцатый, стремящійся поражать зрителей роскошью обстановки и блескомъ декораций. Тогда кое-что предоставлялось воображенію, нынче кажется недоступнымъ пониманію все, что не облечено въ самыя осязательныя формы.

Вольтеръ, находящійся во главѣ второго періода, не можетъ быть поставленъ вполне на равную ногу съ драматическими писателями предыдущей эпохи. Тѣмъ не менѣе многія изъ его трагедій, каковы: «Меропа», «Заира», «Магометъ», отличаются

силой страсти, знаніемъ сцены и благородствомъ языка. Въ немъ замѣтно, съ одной стороны, стремленіе сообщить французской трагедіи побольше свободы и движенія, — съ другой нерѣшимость сдѣлать серьезный шагъ къ отступленію отъ старыхъ традицій. Поэтому онъ ограничивалъ свои реформы только одной внѣшностью, не касаясь сущности и внутреннихъ законовъ трагедіи.

Августъ, Цинна и другіе римскіе герои все еще продолжали являться на сценѣ напудренные, съ длинными перьями на шляпахъ, въ обшитыхъ позументомъ платьяхъ, короткихъ панталонахъ, шелковыхъ чулкахъ и башмакахъ съ пряжками. Самая бѣлая изъ допускаявшихся вольностей заключалась въ панцирѣ для воиновъ, да золоченомъ племѣ, который они надѣвали поверхъ напудренныхъ локоновъ. Даже самъ многострадальный Одиссей, выброшенный волнами послѣ кораблекрушенія на островъ Схеріи, выходитъ на берегъ въ полномъ придворномъ нарядѣ и, нисколько не краснѣя отъ подобной фальши, рекомендуется царевнѣ Навзикаѣ бѣднѣйшимъ, несчастнѣйшимъ и самымъ голоднымъ изъ смертныхъ, у котораго ничего не осталось даже для того, чтобъ прикрыть свою наготу. Съ меньшей благовоспитанностью и царь Агамемнонъ, сопровождая на смерть свою дочь Ифигенію, снималъ съ головы украшенную длиннымъ перомъ шляпу.

Еще того хуже стало, когда мода времени потребовала отъ мужчинъ широкихъ, выдающихся бедръ, чего они достигали съ помощью подушекъ набитыхъ конскимъ волосомъ. А дамы носили юбки съ широкими обручами, которыя не смѣли скидывать даже представляя молодыхъ гречанокъ. Онѣ во всѣхъ роляхъ являлись разодѣтыя въ перья, флёръ, повязки и съ прической, подымавшейся на цѣлый футъ отъ головы и лишавшей лица всякаго выраженія. Можно себѣ представить такимъ образомъ расфранченнаго Одиссея въ бесѣдѣ съ разряженной на французскій ладъ царевной Навзикаей! Но, какъ мы уже говорили выше, всѣ эти личности вполне утратили свой историческій характеръ. Подобно тому, какъ дѣвица Скюдери въ своемъ романѣ «Великій Киръ» изобразила принца Конде и его кружокъ, такъ точно и трагедіи того времени, несмотря на содержаніе, заимствованное изъ древняго міра, были не иное что, какъ снимокъ съ версальской жизни. Неудивительно, если ихъ вскорѣ начали выкраивать всѣ по одной мѣркѣ. Народъ и простые граждане были совсѣмъ изгнаны со сцены, которая, казалось, существовала для однихъ принцевъ и королей. Они могли быть диваго, варварскаго происхожденія, лишь бы по рожденію имѣли право вращаться въ придворной атмосферѣ. Монголь Чингисханъ говорилъ тѣмъ же

самымъ языкомъ, какъ и наиболѣе изящные посѣтители версальскихъ гостинныхъ. Такимъ образомъ, чувство правды и простоты совсѣмъ исчезло. Писатели, гонясь за чистотой и изяществомъ языка, впали въ преувеличеніе и манерность, что, въ соединеніи съ безконечно-скучными и длинными монологами неизбѣжныхъ наперсниковъ и наперсницъ, сообщало трагедіи въ высшей степени монотонный характеръ. Подъ конецъ не удивляло уже и то, когда авторъ простымъ измѣненіемъ именъ превращалъ восточную трагедію въ испанскую. Театръ, какъ и все остальное во Франціи, нуждался въ сильномъ переворотѣ, но онъ совершился гораздо медленнѣе, чѣмъ того можно было ожидать.

Вольтеръ началъ реформы со способа постановки на сцену. Написавъ въ 1755 г. свою пьесу «Китайская сирота», онъ потребовалъ, чтобъ до тѣхъ поръ обычная, для всѣхъ пьесъ одна и та же задняя стѣна была замѣнена китайской декорацией. Кромѣ того, онъ приказалъ заготовить для актеровъ костюмы, имѣвшіе нѣкоторое сходство съ китайскимъ и татарскимъ нарядомъ. Четыре года спустя былъ сдѣланъ новый шагъ впередъ, а именно, наконецъ, рѣшились очистить сцену отъ зрителей, которые до тѣхъ поръ занимали мѣста по самымъ кулисамъ. Одинъ весьма посредственный писатель того времени, Колле, замѣчательный тѣмъ, что велъ чрезвычайно подробный дневникъ театральныхъ событий, 30-го апрѣля 1759 г. сообщаетъ слѣдующее: «я видѣлъ нынче залу «Французской комедіи», на которую никого болѣе не допускаютъ. Дай Богъ, чтобъ это такъ и осталось! Въ результатѣ получилось самое лучшее впечатлѣніе. Я самъ замѣтилъ, что голоса актеровъ раздаются несравненно явственнѣе. Театральная иллюзія сдѣлалась гораздо полнѣе. Отнынѣ Цезарь не подвергается болѣе опасности сорвать парижъ съ кого-либо изъ воссѣдающихъ въ первыхъ рядахъ франтовъ; Митридатъ не станетъ болѣе умирать въ кругу нашихъ близкихъ знакомыхъ; тѣни Нина не придется болѣе ходить по мозолямъ генеральныхъ откупщиковъ ¹⁾!»

Вольтеръ при постановкѣ нѣкоторыхъ изъ своихъ пьесъ отказывался отъ приходившейся ему авторской части, обращая ее на изготовленіе необходимыхъ костюмовъ. Даже король пожертвовалъ пять тысячъ ливровъ на новую декорацию для Вольтеровой «Семирамиды», а для «Катилины» Кребийлона приказалъ на собственный счетъ изготовить для всѣхъ актеровъ римскія тоги. То

¹⁾ Journal historique ou mémoires critiques et littéraires sur les ouvrages dramatiques et les évènements les plus mémorables depuis 1748 à 1751, par Charles Collet. Въ первый разъ напечатаны въ Парижѣ въ 1805 г.

была первая робкая попытка къ реформѣ, которая вначалѣ только ухудшила дѣло. Гордые римляне, облекшись въ тоги, продолжали носить подъ ними свои шелковые кафтаны и коротенькіе панталоны. Когда же одинъ изъ актеровъ рѣшился однажды въ роли древняго героя выступить безъ напудренного парика, ему былъ за то сдѣланъ строгій выговоръ директоромъ, который напелъ этотъ поступокъ съ его стороны чрезвычайно неприличнымъ. Вольтеръ и тотъ не рѣшился въ послѣднемъ актѣ своего «Танкредя» воздвигнуть, какъ ему то предлагали, на сценѣ эшафотъ. Онъ не понималъ, говорилъ онъ, что общаго между искусствомъ и работой плотника?

Тѣмъ не менѣе Вольтеръ сдѣлалъ уже важный шагъ впередъ. Онъ освободилъ театръ отъ необходимости выводить на сцену только древнихъ героевъ, и самъ нерѣдко заимствовалъ изъ среднихъ вѣковъ содержаніе лучшихъ своихъ произведеній. Гений его провидѣлъ и предсказалъ полное паденіе древней трагедіи. Въ 1764 г. онъ писалъ по этому поводу: «Безъ сомнѣнія, наступитъ время, когда мы будемъ выводить на сцену папъ, и Варооломеевская ночь сдѣлается предметомъ трагедіи». Онъ понималъ и говорилъ, что при этомъ должна измѣниться самая манера драматическихъ писателей ¹⁾. Одного только онъ не предвидѣлъ: что предсказаніе его сбудется такъ скоро и что именно воспроизведеніе на сценѣ Варооломеевской ночи въ пьесѣ Шенье, «Карлъ IX», въ первый же годъ революціи вызоветъ такую страшную бурю.

Въ такихъ общихъ чертахъ знакомить Лотхейссенъ съ положеніемъ драматической поэзіи въ эпоху, предшествовавшую революціи. Онъ только указываетъ, какъ она, несмотря на свои заблужденія, все же выполнила свое историческое назначеніе, подготавливая умы къ приближавшемуся перевороту. Вліяніе новаго времени давало себя чувствовать повсюду: въ философскихъ и историческихъ сочиненіяхъ, въ романахъ, въ лирикѣ и даже въ идилліи. Трагедія и драма тоже провозглашали со сцены «великіе принципы» политической и религіозной терпимости и гражданской свободы. Герои пьесъ, хотя бы они изображали личности самой отдаленной древности, непременно должны были быть знакомы съ ученіями новѣйшей эпохи и нерѣдко держали рѣчи самаго революціоннаго свойства. Съ эстетической точки зрѣнія это было очень плохо,—но кто тогда объ этомъ думалъ? Никто также не хотѣлъ видѣть въ

¹⁾ Ничто подобное говорить извѣстный аббатъ Гальяни въ своемъ письмѣ къ г-жѣ д'Эшине (1772), когда касается причинъ, вслѣдствіе которыхъ театръ утратилъ всякую естественность.

этомъ направленіи предвѣстника приближавшейся бури. Знатная публика слушала рѣзкія выходки, не пугаясь ихъ, потому что онѣ произносились устами изящныхъ, напудренныхъ кавалеровъ и принцевъ. Она видѣла себя въ хорошемъ обществѣ и съ улыбкой принимала за поэтическую вольность, за невинную мечту то, что вскорѣ должно было самымъ жестокимъ образомъ осуществиться на дѣлѣ.

Попытка Дидро создать буржуазную драму тоже принадлежить къ знаменательнымъ проявленіямъ духа времени. Третье сословіе, которое «было ничѣмъ и хотѣло сдѣлаться всѣмъ», стремилось также къ господству и въ театрѣ. Сійѣзъ и Мираббъ нѣсколько позже объявили его достаточно зрѣлымъ для участія въ политической жизни. Дидро еще прежде доказалъ, что оно достойно воспроизведенія на сценѣ, откуда даже можетъ со временемъ вовсе вытѣснить высокопарныхъ героевъ древности.

Но ни Вольтеръ, ни Кребийонъ, ни Дидро не были самыми опасными гонителями стараго на театральныхъ подмосткахъ. Настоящимъ предвозвѣстникомъ революціи явился Пьеръ-Огюстенъ Каронъ, названный Бомарше¹⁾. Онъ не подготовлялъ революціи сознательно, подобно Жанъ-Жаку Руссо, но чувствовалъ ея приближеніе и всѣмъ и каждому невольно отрывалъ глаза на несостоятельность стараго порядка вещей. Преслѣдуя ѣдкой насмѣшкой пустоту, испорченность и нравственное растлѣніе высшаго французскаго общества, онъ всякому, сколько-нибудь зрячему, долженъ былъ внушать убѣжденіе въ неизбежности катастрофы.

Весной 1784-го г. парижане даже болѣе обыкновеннаго тѣснились у входа въ театръ «Французской комедіи», который недавно нашелъ себѣ помѣщеніе въ Сень-Жерменскомъ предмѣстьѣ. Театръ объявилъ о первомъ представленіи новой комедіи Бомарше, «Свадьба Фигаро», и всѣ ожидали увидѣть веселую, нѣсколько скандальную пьесу, направленную противъ аристократіи, которая, вслѣдствіе этого, особенно и заботилась заручиться лучшими мѣстами. Никто изъ всей этой легкомысленной публики, ни даже самъ авторъ не подозрѣвалъ, что настоящій вечеръ есть какъ-бы прелюдія революціи, которая, подобно грозѣ, уже возвѣщала о своемъ приближеніи отдаленными раскатами грома.

Мы привыкли съ именемъ Фигаро соединять воспоминаніе о прелестныхъ мелодіяхъ Моцарта, граціозная опера котораго сдѣ-

¹⁾ Louis de Loménie, Beaumarchais et son temps, 2 vols. Paris. Lévy frères. Превосходное руководство къ изученію общественнаго положенія вещей въ XVIII столѣтіи и составленное весьма компетентнымъ лицомъ.

дала вездѣ столь популярной личностъ знаменитаго цирюльника. Но 27-го апрѣля 1784 г. публику привлекала въ театръ первоначальная пьеса, только позднѣе послужившая сюжетомъ для произведенія великаго композитора.

Но кто былъ этотъ Бомарше, взволновавшій весь высшій свѣтъ? Онъ не иное что, какъ первообразъ своего собственнаго Фигаро. Одинъ изъ самыхъ замѣчательныхъ и предприимчивыхъ людей своего времени, онъ былъ столько же извѣстенъ своими комедіями, сколько и похождениями. Низкаго происхожденія, онъ завоевалъ себѣ такое положеніе въ обществѣ, которое позволяло ему не только вращаться въ кругу высшей аристократіи, но и приближаться къ королю. Онъ одно время былъ владѣльцемъ нѣсколькихъ торговыхъ судовъ, потомъ испыталъ крайнюю нужду, но никогда, ни въ какихъ обстоятельствахъ не падалъ духомъ.

Пьеръ-Огюстенъ Каронъ былъ сынъ зажиточнаго часовыхъ дѣлъ мастера. Онъ родился въ 1732 г. и подобно Руссо, съ которымъ, впрочемъ, не имѣлъ никакого другого сходства, отличался музыкальными способностями. Вопреки своимъ наклонностямъ, онъ долженъ былъ принять участіе въ дѣлахъ отца. Руссо въ подобныхъ же обстоятельствахъ бѣжалъ изъ родительскаго дома; Каронъ, сильно походившій на своего собственнаго пажу Керубино, распорядился иначе. Онъ скопилъ небольшую сумму денегъ, которая дала ему возможность купить скромное мѣсто при дворѣ, возлагавшее на него обязанность вести счета и, въ парадной одеждѣ, со шпагой на боку, подавать за королевскимъ столомъ жаркое. Этимъ онъ проложилъ себѣ дорогу къ почестямъ. Ему удалось обратить на себя вниманіе своими музыкальными способностями и прекраснымъ голосомъ, что открыло ему двери въ покои королевскихъ принцессъ, сестеръ Людовика XV. Вскорѣ онъ сдѣлался распорядителемъ ихъ маленькихъ концертовъ и необходимымъ лицомъ при дворѣ.

Въ этомъ положеніи ему удалось оказать важную услугу одному чрезвычайно богатому человѣку, Парису де-Верне. Онъ, съ помощью принцессъ и своей собственной ловкости, склонилъ короля посѣтить военную школу, основанную этимъ банкиромъ. Честолюбивый Верне уже давно тщетно добивался подобной милости. Въ благодарность Карону, онъ сдѣлалъ его участникомъ въ своихъ финансовыхъ предпріятіяхъ, вслѣдствіе чего тотъ не замедлил обогатиться. Вступивъ въ бракъ съ богатой вдовой, которая вскорѣ умерла, Каронъ еще увеличилъ свое состояніе. Онъ считался между прочимъ владѣльцемъ имѣнія Бомарше, именемъ котораго и сталъ называться. Имѣніе это впрочемъ ни одинъ

человѣчскій глазъ никогда не видалъ. Разъ вступивъ на этотъ путь, ему уже не трудно было, съ помощью денегъ своего покровителя, купить себѣ высоко-аристократическую должность при дворѣ, которая несказанно льстила его самолюбію.

Гораздо болѣе важныя послѣдствія имѣло для него въ литературномъ отношеніи путешествіе въ Испанію, предпринятое имъ въ 1764 г. съ цѣлью защитить честь одной изъ своихъ сестеръ— у него ихъ было пять—отъ оскорбленія, нанесеннаго ей однимъ мадридскимъ писателемъ, Клавиго. Бомарше удалось лишить послѣдняго мѣста, которое тотъ занималъ при дворѣ. Разсказъ объ этомъ происшествіи, помѣщенный имъ въ своихъ мемуарахъ, доставилъ Гѣте предметъ для его извѣстной драмы. Бомарше пробылъ въ Испаніи цѣлый годъ. У него тамъ были значительныя денежныя дѣла. Но главное богатство, вывезенное имъ изъ-за Пиренеевъ, заключалось въ испанскихъ характерахъ, которые онъ отлично изучилъ и нашелъ весьма пригодными для сцены. Но онъ не сразу пустилъ ихъ въ ходъ, а сначала попробовалъ свои силы въ двухъ трогательныхъ пьесахъ, которыя написалъ въ подражаніе манерѣ Дидро. Ни та, ни другая не имѣли успѣха, а вслѣдъ затѣмъ у него завязался процессъ, на долгое время лишившій его возможности думать о литературной дѣятельности.

Парисъ де-Верне, умирая, завѣщалъ Бомарше значительный капиталъ; но наслѣдники его начали оспаривать духовное завѣщаніе, подняли вопросъ о какихъ-то фальшивыхъ счетахъ и потребовали съ Бомарше вознагражденіе въ сто тысячъ ливровъ. Тотъ выигралъ процессъ въ первой инстанціи, но пока дѣло рассматривалось парижскимъ парламентомъ во второй, Бомарше былъ арестованъ по особенному приказу короля. Процессъ его такимъ образомъ былъ проигранъ, и ему пришлось разстаться съ своей должностью при дворѣ. Послѣ этого ему повидимому нельзя было болѣе подняться, но тутъ-то именно и выказалъ онъ свою необыкновенную живучесть и силу характера. Больной, въ заключеніи, лишенный состоянія и положенія въ свѣтѣ, съ пострадавшей честью, онъ не побоялся вступить въ борьбу съ всемогущимъ парламентомъ. Ему удалось доказать подкупность одного изъ судей, жена котораго у него самого требовала денегъ и получила ихъ. Наконецъ, онъ рядомъ статей успѣлъ совсѣмъ уничтожить своихъ противниковъ. Тогда, недовольствуясь отстаиваніемъ собственнаго дѣла, онъ выступилъ краснорѣчивымъ защитникомъ народныхъ правъ противъ ненавистнаго судебного учрежденія.

Вскорѣ правительство сочло нужнымъ снова употребить въ

свою пользу таланты столь замѣчательнаго человѣка. Съ открытiемъ англо-американской войны, на Бомарше было возложено порученiе устроить агентство, для того чтобы, съ опасностью жизни, снабжать американцевъ оружіемъ и другими необходимыми средствами. Крутъ его дѣятельности вскорѣ принялъ огромные размѣры. Онъ одно время имѣлъ въ своемъ распоряженіи болѣе сорока судовъ и самъ снарядилъ въ пользу французскаго флота одинъ военный корабль въ пятьдесятъ двѣ пушки. Замѣчательно, что именно въ это время, посреди столькихъ промышленныхъ и финансовыхъ занятій, снова пробудилась въ Бомарше склонность къ литературѣ. Въ февралѣ 1775 г. онъ опять поставилъ на сцену комедію «Севильскій цирюльникъ». Она пала послѣ перваго представленія. Авторъ сдѣлалъ въ ней большія перемѣны и вторично предложилъ ее публикѣ, которая на этотъ разъ приняла ее чрезвычайно благосклонно. Успѣхъ ободрилъ Бомарше и побудилъ его заняться «Свадьбой Фигаро», которая, хотя въ литературномъ отношеніи и ниже «Севильскаго цирюльника», однако надѣлала гораздо болѣе шуму.

Бомарше въ теченіи десяти лѣтъ держалъ въ портфель рукопись своей второй комедіи. Въ Парижѣ много толковали о смѣломъ духѣ, какимъ была проникнута пьеса, и король, опасаясь неприятныхъ послѣдствій, запретилъ ее. Отмѣна этого запрещенія стоила огромныхъ усилій, но Бомарше, не менѣе своего Фигаро искусный въ интригахъ, повелъ дѣло такъ, что вскорѣ привлекъ на свою сторону королеву и самыхъ вліятельныхъ изъ придворныхъ. «Нѣтъ спасенія внѣ свадьбы Фигаро!» писалъ графъ Водреиль, котораго Бомарше увѣрилъ, что онъ вовсе не придворный. Король наконецъ долженъ былъ согласиться. Побѣда, одержанная поэтюмъ, доставила ему тѣмъ болѣе торжества, что самыя ядовитыя его стрѣлы были направлены именно противъ двора и придворныхъ.

Первое представленіе «Свадьбы Фигаро» имѣло почти характеръ политическаго событія. Можно было подумать, что то справлялся радостный праздникъ въ честь французской аристократіи! Знатныя дамы собирались въ театръ за нѣсколько часовъ до представленія, сѣдша занять лучшія мѣста въ ложахъ. Онѣ предпочитали обѣдать въ сумракѣ театральной залы, лишь бы присутствовать при остроумныхъ нападкахъ на самихъ себя и на свой собственный знатный кругъ ¹⁾.

¹⁾ Théodore Muret, l'Histoire par le théâtre. 1769—1851. Paris, 1865. vol. I. стр. 85 и слѣд.

Всѣмъ хорошо извѣстно содержаніе пьесы, хотя бы то было по произведенію Моцарта, оперный текстъ котораго такъ близокъ къ оригиналу, какъ это только возможно. Съ перваго взгляда едва понимаешь, почему она имѣла такое важное значеніе въ глазахъ современниковъ.

«Свадьба Фигаро» представляетъ вѣрную картину въ концѣ испорченнаго общества, причемъ авторъ выказываетъ много сатирическаго ума и большое умѣнье вести интригу и оживленные діалоги. Но при дальнѣйшемъ изученіи пьесы изъ-за любовныхъ сценъ и легкихъ, веселыхъ разговоровъ, начинаютъ выдвигаться иного рода свойства. Васъ мало-по-малу охватываетъ пламенное дыханіе страсти; вы чувствуете присутствіе здѣсь безграничнаго честолюбія и глубокой ненависти; у васъ какъ-бы на глазахъ совершается пробужденіе собственнаго достоинства въ лицѣ простолюдина Фигаро, который заставляетъ всѣхъ плясать по своей дудкѣ. Когда Бомарше писалъ свою комедію, онъ имѣлъ въ виду личную месть, но то что онъ осмѣлился высказать, многіе думали тогда втайнѣ, и «Свадьба Фигаро» такимъ образомъ получила значеніе политическаго и соціальнаго памфлета.

По формѣ эта пьеса еще принадлежитъ къ разряду старинной комедіи. Фигаро не простой цирюльникъ и камердинеръ. Онъ исполняетъ при графѣ также должность секретаря и доктора, но тѣмъ не менѣе вполне играетъ роль, какую до него играли Арлекинъ, Сганарель и другіе довѣренные слуги. Онъ и субретка, согласно духу старой комедіи, позволяютъ себѣ вольности, которыя намъ теперь кажутся въ высшей степени плоскими. Но если «Свадьба Фигаро» по внѣшней конструкціи своей принадлежитъ къ произведеніямъ стараго времени, то по воодушевляющему ея духу она составляетъ неотъемлемую принадлежность новой школы. Графу Альмавивѣ надоѣла его жена, и онъ устремляетъ свои взоры на невѣсту Фигаро, который долженъ пустить въ ходъ всю свою хитрость и способность къ интригѣ, чтобъ спасти честь своей Сюзанны и свою собственную. Наконецъ, ему удается пристыдить графа съ помощью графини, которая, въ платьѣ субретки, отправляется на заранѣе устроенное ея мужемъ свиданіе съ Сюзанной.

Въ эту узкую рамку авторъ сумѣлъ включить широкую сатиру на существовавшій тогда порядокъ вещей. Она затрогиваетъ всѣ стороны общественной жизни. Правосудіе своей страны, которое Бомарше позналъ собственнымъ опытомъ, онъ изображаетъ снисходительнымъ къ сильнымъ міра сего и жестокимъ въ отношеніи къ бѣднымъ и слабымъ. Политика и дипломатія, въ его глазахъ,

не иное что, какъ искусство лести, какъ нѣчто въ высшей степени ничтожное и пустое. Фигаро иронически восхваляетъ свободу печати въ «Мадритѣ». «Лишь бы — рассказываетъ онъ — я не говорилъ въ моихъ сочиненіяхъ о правительствѣ, о церкви, о политикѣ, о нравственности, объ «Оперѣ» и другихъ театрахъ, о комъ-нибудь, находящемся въ связи съ чѣмъ-нибудь, то я могу, подъ надзоромъ двухъ или трехъ цензоровъ, все свободно печатать». Сюзанна, въ свою очередь, бросаетъ дамамъ высшего круга слѣдующія слова, которыя безъ сомнѣнія вызвали тогда одобрительную улыбку на многія розовыя уста: «Большой свѣтъ и пребываніе въ немъ научаютъ знатныхъ дамъ лгать съ такою легкостью, что этого никто не замѣчаетъ». Далѣе Фигаро спрашиваетъ, сколько знатныхъ господъ могутъ похвалиться тѣмъ, что они лучше своей репутаціи. Въ исполненномъ горечи монолѳѣ, онъ обращается къ графу и восклицаетъ: «Потому что ты знатный баринъ, ты считаешь себя гениемъ. Высокое положеніе, богатство, почести — вотъ что заставляють тебя гордиться! Но что же ты сдѣлалъ, чтобъ все это заслужить? Ты далъ себѣ трудъ явиться на свѣтъ — ничего больше! И все-таки ты человѣкъ самый обыкновенный. Между тѣмъ какъ я, затерянный въ толпѣ, чтобъ имѣть возможность жить, нуждаюсь въ большемъ знаніи и умѣ, чѣмъ въ теченіи нѣсколькихъ столѣтій было потрачено на управленіе цѣлою Испаніею!»

Успѣхъ комедіи возрасталъ съ каждымъ представленіемъ. Для увеличенія торжества автора, не было у него недостатка и въ противникахъ. Въ одномъ изъ шуточныхъ стихотвореній, направленныхъ противъ него, говорится, что каждое лицо его комедіи изображаетъ особенный порокъ, а публика въ концѣ представленія вызываетъ автора, чтобъ увидѣть всѣ пороки, соединенные въ одномъ лицѣ. Эту и еще многія другія эпиграммы Бомарше напечаталъ на свой счетъ, приправилъ ихъ новыми островами и велѣлъ въ одинъ вечеръ разносить ихъ, между антрактами, по ломамъ и въ партерѣ. Публика далась въ обманъ, приняла это за злую выходку со стороны его противниковъ, и вознаградила автора громкими аплодисментами и нескончаемыми вызовами ¹⁾.

¹⁾ Muret (р. 9) приводитъ цѣликомъ стихотвореніе, въ которомъ между прочимъ говорится:

«Dans ce drame effronté chaque acteur est un vice.

«Bartholo nous peint l'avarice,

«Almaviva le séducteur,

«Sa tendre moitié, l'adultère.

«Mais Figaro?.. le drôle à son patron

Бомарше въ этотъ моментъ достигъ апогея своей славы. Высшій свѣтъ вовсе на него не сердился за столь безпристрастное воспроизведеніе себя. Онъ не только не былъ оскорбленъ, но, напротивъ, какъ будто считалъ себя польщеннымъ!

Но когда черезъ нѣсколько времени разразилась революція, аристократы въ своемъ паденіи увлекли за собой даже и всѣхъ тѣхъ, кто надъ ними смѣялся. Вслѣдствіе отказа американскаго правительства отъ всякаго рода платежей, Бомарше лишился значительной части своего состоянія. Революціонеры смотрѣли на него, какъ на подозрительнаго. Онъ былъ арестованъ, опять выпущенъ на свободу и наконецъ объявленъ эмигрантомъ, вслѣдствіе путешествія, которое предпринялъ въ Голландію по дѣламъ. Это послѣднее обстоятельство его въ конецъ разорило. Онъ удалился въ Гамбургъ, гдѣ жилъ въ таковой крайности, что, какъ рассказываетъ самъ, боялся истратить лишнюю зажигательную спичку.

Въ 1796 году онъ выхлопоталъ себѣ позволеніе вернуться на родину, гдѣ прожилъ еще три года въ лихорадочной дѣятельности и постоянной вознѣ съ кредиторами и работодателями. Онъ еще разъ попробовалъ выступить на литературное поприще, и написалъ драму, въ которой выставилъ семейство графа Альмавивы въ старости. Онъ еще въ 1792 году ставилъ ее на сцену, подъ названіемъ «Преступной матери». Но ни тогда, ни теперь въ печати она не имѣла успѣха. Ей недоставало смѣлости и остроумія предыдущихъ его пьесъ, да и время перестало быть благопріятнымъ литературѣ.

Апоплексическій ударъ прекратилъ существованіе этого замѣчательнаго человѣка въ маѣ 1799 года. Хотя онъ и объявилъ войну старому, отживавшему порядку вещей, однако онъ самъ имѣлъ гораздо болѣе общаго съ нимъ, нежели съ новымъ поволеніемъ. Несмотря на всѣ свои революціонныя стремленія, онъ не давалъ себѣ никакого отчета въ томъ, чего новѣйшее время было въ правѣ требовать и что оно могло обѣщать.

«Si scandaleusement ressemble,
 «Il est si frappant qu'il fait peur;
 «Et pour voir à la fin tous les vices ensemble,
 «Le parterre en chorus a demandé l'auteur.»

IX.

Событія 1789 года, отразившіяся на всѣхъ отрасляхъ общественной и частной жизни, не могли остаться безъ вліянія и на театр. Вскорѣ послѣ взятія Бастиліи, послужившаго поводомъ къ сближенію между народомъ и солдатами «французской гвардіи», актеры «Французской комедіи» дали особенное представленіе въ пользу нослѣднихъ. Такимъ образомъ, искусство, дотогѣ плававшее въ мирныхъ водахъ, внезапно бросилось въ водоворотъ политической жизни. Зрители мало-по-малу привыкли встрѣчать аплодисментами или свистками всякое произносимое на сценѣ слово, которое имѣло хоть малѣйшее отношеніе къ дѣйствительности. Аплодисменты раздавались чаще въ началѣ, когда будущее представлялось еще въ розовомъ цвѣтѣ. Въ одной старой комедіи Детуша ¹⁾, «Донъ Филиппъ», кто-то говоритъ преданному совѣтнику короля, что онъ заботится только объ интересахъ своего государя, а тотъ настолько проникателенъ, что ни подъ какимъ видомъ не хочетъ съ нимъ разстаться. Публика при этихъ словахъ внезапно поднялась, чтобъ привѣтствовать министра Неквера, надъ паденіемъ котораго сильно трудилась придворная партія. Въ той же пьесѣ говорится объ испанскомъ королѣ, который созданъ небомъ, чтобъ управлять сердцами. Публика обратила эти слова на Людовика XVI и встрѣтила его радостными восклицаніями.

Но время довѣрія между народомъ и правительствомъ недолго длилось и уступило мѣсто взаимной ненависти. Одинъ изъ поводовъ къ враждебному взрыву подалъ молодой актеръ Тальма, который въ то время игралъ второстепенныя роли и не успѣлъ еще выказать своего огромнаго таланта. Уже нѣсколько ранѣе, видя все возрастающее отвращеніе публики ко всему придворному, онъ осмѣлился сдѣлать рѣшительный шагъ къ измѣненію костюмировки. Другъ его Давидъ, подготовившій торжество античной манеры въ искусствѣ, подстрекалъ его произвести въ пользу ея переворотъ также и на сценѣ. Дѣйствительно, Тальма появился въ вольтеровскомъ «Брутѣ», гдѣ игралъ незначительную роль Прокула, одѣтый въ римское платье, съ обнаженными

¹⁾ Destouches, «L'ambitieux et l'indiscrète». — Лучшіе источники для изученія французскаго театра новаго времени представляютъ: «L'histoire par le théâtre» Muret; «Le théâtre français» p. Ch. Maurice. Paris, 1859; Gérunez, «Histoire de la littérature française pendant la révolution», а также: «Die Geschichte des französischen Theaters während der ersten Revolution». Nach dem Französischen des Toubin u. A. Hamburg, Meissner, 1858.

руками и ногами и въ своихъ собственныхъ каштановыхъ волосахъ, вмѣсто обычнаго напудреннаго парика съ локонами. Его товарищи пришли въ неописанное негодованіе, а дѣвица Контà, одна изъ первыхъ актрисъ «Французской комедіи», съ отвращеніемъ отъ него отвернулась, говоря, что онъ, какъ двѣ капли воды, похожъ на эти противныя древнія статуи. Зрители въ первую минуту тоже были поражены необыкновеннымъ видомъ Тальмы, но вскорѣ поняли смыслъ подобнаго нововведенія. Если повсюду пробуждалось стремленіе къ правдѣ и простотѣ, зачѣмъ же сценѣ придерживатъсь долѣе какаго-нибудь этикета? Большинство объявило себя за Тальму, примѣру котораго мало-по-малу послѣдовали и другіе актеры. Тѣ изъ нихъ, которые были постарше, конечно не совсѣмъ-то ловко себя чувствовали въ новомъ нарядѣ и вздыхали по прежнему, болѣе удобному. Такъ, напри- мѣръ, извѣстный актеръ Вангофъ постоянно жаловался на необходимость выходить на сцену въ греческомъ платьѣ, гдѣ нельзя даже сдѣлать кармана, куда бы прятать табакерку. Въ былое время вовсе не считалось предосудительнымъ въ роли древняго героя нюхать табакъ.

На среду 4-го ноября 1789 года была объявлена актерами «Французской комедіи» новая пьеса Мари-Жозефа Шенье, «Карль IX, или школа королей». Дѣло шло ни болѣе, ни менѣе, какъ о воспроизведеніи на сценѣ вареоломеевской ночи. Любопытство публики дошло до высшей степени возбужденія. И вотъ, какія были послѣдствія этого представленія; они оказались гораздо важнѣе, чѣмъ того можно было ожидать, такъ какъ онѣ именно привели къ распаденію главной драматической труппы во всей Франціи ¹⁾.

Актеръ, которому предназначалась сама по себѣ неблагоприятная и чрезвычайно трудная роль Карла IX, отказался отъ нея,

¹⁾ G. Duval, «Souvenirs de la Terreur», I, 126. Авторъ между прочимъ рассказываетъ слѣдующее о первомъ представленіи драмы «Карль IX»: «... Было два часа. Площадь уже кишѣла народомъ, а въ Люксембургскомъ саду толпились оживленныя группы. Сосѣдніе кафе и рестораны были переполнены; тамъ не хватало болѣе мѣста. Повсюду видѣлось сильное движеніе и нѣрѣдко встрѣчались мрачныя, угрожающія фигуры. Казалось, каждый, какъ передъ сраженіемъ, измѣрялъ свои силы. Первое представленіе «Карла IX» имѣло гораздо болѣе характеръ политическаго, чѣмъ театральнаго событія... Я не стану передавать впечатлѣнія, какое производили отдѣльныя сцены; скажу только, что успѣхъ былъ необычайный. Пьеса сначала до конца была выполнена посреди рукоплесканій, толпа ногами и крикомъ «браво». Я полагаю, что еслибъ кто осмѣлился свиснуть, то врядъ ли вышель бы изъ театра живымъ... Мирабо съ нѣсколькими другими депутатами своей партіи занималъ одну изъ ложъ на балконѣ, и первый подавалъ знаки къ одобренію».

и потому она выпала на долю Тальмы. Онъ такъ мастерски изобразилъ личность слабоумнаго, трусливаго и въ то же время кровожаднаго тирана, что сразу занялъ мѣсто въ ряду величайшихъ артистовъ своего отечества. Пьеса выдержала уже болѣе тридцати представлений, когда король вдругъ запретилъ ее, по настояніямъ одного изъ епископовъ. Столь несвоевременная мѣра только еще болѣе усилила пристрастіе публики къ драмѣ Шенье. Въ день празднованія годовщины взятія Бастиліи, въ Парижѣ явились депутаціи со всѣхъ концовъ Франціи. Вечеромъ въ театрѣ партеръ началъ настоятельно требовать возобновленія «Карла IX». Напрасно режиссеръ отговаривался болѣзнью нѣкоторыхъ актеровъ. Тальма, недовольный потерей роли, доставившей ему громкую извѣстность, внезапно выбѣжалъ на сцену и объявилъ, что представленіе драмы «Карль IX» весьма возможно: надо только немного доброй воли.

Этотъ поступокъ молодого актера, въ высшей степени непріятный для его товарищей, ускорилъ вспышку уже давно мало-помалу накопившейся вражды между членами труппы «Французской комедіи». Въ угоду публикѣ, пришлось возобновить «Карла IX»; но немного позже Тальма былъ на нѣсколько мѣсяцевъ удаленъ со сцены. Парижская ратуша отмѣнила этотъ приговоръ; но лишь только національное собраніе объявило 13-го января 1791 года театры свободными, труппа «Французской комедіи» немедленно разсѣялась. Тальма, собравъ вокругъ себя нѣсколькихъ актеровъ, основалъ «Театръ улицы Ришелье», или, какъ онъ его вскорѣ переименовалъ, «Театръ свободы и равенства». Онъ въ немъ съ особенной любовью давалъ пьесы революціоннаго характера, въ которыхъ у него уже болѣе никто не оспаривалъ первыхъ ролей. Остальные актеры бывшей труппы «Французской комедіи» соединились вмѣстѣ и основали другой театръ, который назвали «Національнымъ». Они оказывали предпочтеніе высокой комедіи. У нихъ на сценѣ еще сохранились остатки хорошаго тона образованнаго общества, и репертуаръ ихъ, въ противоположность театру Тальмы, составлялъ какъ-бы оппозицію, имѣвшую въ виду поддерживать короля и монархическое начало.

Весьма интересное въ психологическомъ отношеніи явленіе представляла все возрастающая страсть народа къ театральнымъ представленіямъ въ эпоху, которая въ дѣйствительной жизни была уже такъ богата трагическими событіями. Въ 1790 году въ ратушѣ хранилось одновременно до семидесяти-восьми проектовъ вновь открывавшихся театровъ. Большинство ихъ было одинаковаго достоинства съ безчисленнымъ множествомъ тогдашнихъ га-

зеть: то были мимолетныя явленія, которыя умирали въ теченіи того же дня, когда рождались. «Въ пятницу его (театръ) открыли, въ субботу ему несчастливо, а въ воскресенье его закрыли»,—поется въ одномъ изъ куплетовъ фарса «Тысяча и одинъ театръ». Была ли то неизвѣстность на счетъ собственной судьбы, которая побуждала каждаго извлекать какъ можно болѣе наслажденія изъ настоящей минуты; или всеобщее движеніе и безпокойное настроеніе умовъ требовало, въ видѣ отдыха, болѣе легкой пищи; или, наконецъ, то было просто слѣдствіе врожденнаго всѣмъ людямъ чувства противорѣчія, которое такъ часто въ жизни народа за погребеніемъ заставляеть слѣдовать пирь,—но скорѣе всего должно предполагать послѣднее, иначе чѣмъ объяснить возникновеніе водевиля именно въ самыя тяжелыя, кровавыя времена? Какъ бы то ни было, толпа, посѣщавшая театръ, вовсе не требовала отъ него поэзіи, и драматическая литература быстро падала наравнѣ съ сценическимъ искусствомъ. Небрежность актеровъ вскорѣ превзошла всякое вѣроятіе. Никто не помышлялъ болѣе даже о соблюденіи внѣшняго правдоподобія. Коцебу рассказываетъ въ своемъ «Бѣгствѣ въ Парижъ», какъ онъ однажды вечеромъ въ 1790 году посѣтилъ театръ «Monsieur». Давался «Процессъ Сократа», и жилище аѳинскаго мудреца изображалось современной воннатою съ каминомъ, на карнизѣ котораго лежала трубка!

Наиболѣе выдающимся писателемъ этого года былъ Мари-Жозефъ Шенье, который поставилъ на театрѣ Тальмы цѣлый рядъ трагедій. Но ни его «Генрихъ VIII Англійскій», ни «Калась», ни «Кай Гракхъ», ни «Тимолеонъ» не имѣли того успѣха, каковой сопровождалъ представленія «Карла IX». За нимъ слѣдовали: Дюсисъ съ своими передѣлками изъ Шекспира, Арно съ драмой «Марій въ Минтурнѣ», Легуве съ «Смертью Авеля» и съ трагедіей «Эпихарія и Неронъ» (1790 г.). Публика вообще довольно холодно относилась ко всѣмъ произведеніямъ подобнаго рода, ее гораздо болѣе привлекали пьесы, затрогивавшія вопросы дня и современной политики.

На очереди стоялъ вопросъ о важныхъ измѣненіяхъ въ управленіи церковными дѣлами. Шли толки объ уничтоженіи церковныхъ доходовъ, объ упраздненіи монастырей и о подчиненіи духовенства конституціи страны. Жалованье священникамъ отнынѣ должно было опредѣлять и выдавать государство. Значительная часть духовенства возстала противъ такихъ нововведеній. Театръ не замедлилъ явиться на помощь революціонному правительству и вывелъ на сцену передъ сильно возбужденнымъ народомъ

цѣлый рядъ пьесъ съ содержаніемъ, заимствованнымъ изъ монастырской жизни. Извѣстный литераторъ Лагарпъ еще въ 1770 г. напечаталъ драму «Мелани», направленную противъ монашескаго обѣта, но ему не удалось поставить ее на сцену. Въ разгаръ революціоннаго движенія театръ вспомнилъ о ней и предложилъ ее публикѣ. Вначалѣ она имѣла значительный успѣхъ, но вскорѣ другія, болѣе энергическія пьесы, совсѣмъ вытѣснили со сцены слезливую «Мелани». Пристрастіе публики къ такого рода драмамъ было столь велико, что побудило даже консервативный «Національный театръ» ставить на сцену пьесы, подобныя «Монастырскимъ жертвамъ» (*Les victimes cloitrées*) Монвеля. Содержаніе этихъ драмъ, съ небольшими измѣненіями, почти всегда одинаково: жестокосердые родители заключаютъ въ монастырь любящихъ дѣвушекъ, гдѣ онѣ несказанно страдаютъ, пока, наконецъ, въ послѣднемъ актѣ, къ нимъ является на выручку возлюбленный, отвага и постоянство котораго по истинѣ изумительны.

Еслибъ общественное мнѣніе не было уже давно настроено противъ вопіющей несправедливости, вслѣдствіе которой дочери достаточныхъ семействъ осуждались на одинокую жизнь въ монастырскихъ стѣнахъ, для того, чтобы родительское наслѣдство безраздѣльно доставалось одному любимому сыну,—врядъ ли бы эти драмы имѣли такой большой успѣхъ. Но въ настоящій моментъ онѣ приобрѣтали политическое и социальное значеніе, которое вполне вознаграждало за отсутствіе въ нихъ поэтическихъ достоинствъ. Еще въ началѣ, авторы, несмотря на всю энергію своихъ нападокъ, все-таки еще сохраняли въ нихъ мѣру и хоть сколько-нибудь старались держаться въ границахъ, предписываемыхъ искусствомъ. Но мало-по-малу театры наполнились исключительно пьесами, въ которыхъ безвкусіе и грубость достигли крайнихъ предѣловъ. Самые ничтожные фарсы, въ родѣ «Копенгагенскаго монастыря», или «Однаго дня въ Ватиканѣ», могли забавлять публику того времени, но они принадлежатъ исторіи литературы единственно настолько, насколько служатъ выраженіемъ духа данной эпохи и содѣйствуютъ къ уразумѣнію ея. Для того, кто занимается изученіемъ нравовъ, эта театральная дѣятельность имѣетъ свою цѣну. Вотъ почему необходимо указать еще на нѣкоторыя произведенія подобнаго рода. Лажонъ, бывшій любимецъ семейства Конде, написалъ драму «Монастырь», въ которой объявляетъ себя «санкюлотомъ на всю жизнь», вѣроятно, съ цѣлью защитить себя отъ подозрѣнія въ приверженности къ аристократамъ. Пьесы «Іоанна или женщина-

папа», «Драгуны и Бенедиктинки», «Драгуны на постоѣ», уже одними названіями своими доказываютъ, къ какаго рода произведеніямъ онѣ принадлежали. Весьма справедливо сказано, что трагедія въ то время превратилась въ политическое сочиненіе, комедія—въ сатиру низшаго разряда, книга—въ памфлетъ. Кромѣ того, были еще въ большомъ ходу и почетѣ патриотическія пьесы. Таковы: «Низвергнутый деспотизмъ», гдѣ при безконечныхъ ружейныхъ залпахъ и бряцаньѣ сабель изображалось взятіе Бастиліи; «Народы и цари», «Руссо», «Вандейскіе грабители», «Самовластные», «Эмигрантка и якобинецъ», «Смерть Марата». Стремленіе уничтожить всякое воспоминаніе о прошломъ заходило такъ далеко, что даже въ классическихъ произведеніяхъ повсюду, гдѣ было можно, вставлялось слово «гражданинъ», причемъ не обращалось ни малѣйшаго вниманія ни на смыслъ, ни на размѣръ стиха.

Въ началѣ ройялистская партія еще осмѣливалась выказывать нѣкоторое сопротивленіе. Иногда враждебныя партіи вступали въ борьбу во время самыхъ представленій, и ложамя нерѣдко случалось одерживать верхъ надъ партеромъ. Анти-революціонныя демонстраціи чаще всего происходили въ «Національномъ театрѣ» или бывшей «Французской комедіи». Въ «Эдипѣ», Лагарпа, говорится, что король выше своей судьбы, и зрители въ ложахъ приходили въ неописанный восторгъ. Еще съ большимъ одобреніемъ встрѣчали они стихи изъ «Дидоны», Лефранъ де-Помпильяна, въ которыхъ говорится, что цари, подобно богамъ, стоятъ превыше законовъ. Публика нерѣдко требовала отъ оркестра исполненія арій, которыя служили какъ-бы знаменемъ партій, причемъ сама сопровождала музыку пѣніемъ. Такимъ образомъ, строфы, обращенныя къ «прелестной Габріэлѣ» или арія изъ «Ричарда Львиное сердце», Гретри: «О, Ричардъ! О, мой король!» превратились въ настоящіе воинственные гимны, къ которымъ еще иногда присоединялись пѣсни съ язвительными насмѣшками надъ либералами. Неудивительно, если другіе театры, въ противоположность «Національному», тѣмъ съ большимъ ожесточеніемъ нападали на ройялистскую партію. Однажды королева присутствовала въ комической оперѣ при представленіи одной оперетки. Извѣстная артистка, госпожа Дюгазонъ, осмѣлилась вставить въ одинъ изъ дуэтовъ небольшую похвалу королевѣ. На слова актера, игравшаго роль преданнаго слуги и говорящаго: «я отъ всей души люблю своего господина!»—госпожа Дюгазонъ, въ роли субретки, должна была отвѣтить: «О! какъ я люблю свою госпожу!» Она воспользовалась этимъ случаемъ, чтобъ обратиться

въ королевской ложѣ и низво поклониться Маріи-Антуанетѣ. Дѣло происходило не въ «Национальномъ театрѣ». Публика мгновенно поднялась, послышались крики: у насъ нѣтъ болѣе госпожи, да здравствуетъ свобода! Наконецъ, шумъ и смятеніе достигли такихъ размѣровъ, что королева въ испугѣ поспѣшила удалиться ¹⁾. Немного спустя театры буквально превратились въ мѣста сборищъ, гдѣ происходила ежедневная борьба. Туда ходили болѣе не за развлеченіемъ и отдыхомъ. Поэзія, искусство и самые исполнители отодвинулись на задній планъ. Политическая лихорадка охватила всѣхъ, и политическая борьба вытѣснила изъ общества всѣ другіе интересы. Публика сама играла роль; она была довольна только когда могла кричать и шумѣть, и дѣло иногда доходило до драки. Одна газета иронически совѣтовала зрителямъ являться въ театръ вооруженными ружьями, пистолетами, саблями, чтобъ обѣ партіи могли основательно рѣшать свои споры.

Страсти, такимъ образомъ, разгорались все сильнѣе и сильнѣе. Только весьма немногія личности дѣйствовали въ примирительномъ духѣ и со сцены проповѣдывали умѣренность и терпимость. Къ числу ихъ принадлежалъ Луи-Жакъ Бейффуа де-Реньи, который свои произведенія подписывалъ псевдонимомъ «Кузенъ Жакъ». Въ концѣ осени 1790 г. онъ поставилъ на сцену комедію съ куплетами и въ трехъ дѣйствіяхъ: «Никодимъ на лунѣ, или мирная революція». Никодимъ, простой, прямотушный поселанинъ, внезапно переносится на луну, гдѣ онъ чрезвычайно нравится царствующему тамъ королю и женщинамъ, которыя изъ-за него ссорятся. Король спрашиваетъ Никодима о послѣднихъ событіяхъ во Франціи, просвѣщается съ его помощью на счетъ злоупотребленій, господствующихъ на лунѣ, и совершаетъ тамъ извѣстныя реформы. Пьеса была принята публикой благосклонно, и «Кузенъ Жакъ», ободренный успѣхомъ, написалъ въ сентябрѣ 1791 г. новую комедію: «Клубъ добрыхъ людей». Дѣйствіе происходитъ въ деревнѣ, обитатели которой занимаются политикой и вмѣсто того, чтобъ работать, цѣлые дни проводятъ въ клубѣ. Политическая вражда раздѣляетъ семейства и поселяетъ разладъ между дѣтьми и родителями. Къ счастью является

¹⁾ Duval, Souvenirs de la Terreur I. 340. Вышеописанная сцена находится въ опереткѣ Гретри, «Непредвидѣнныя обстоятельства» (*Les évènements imprévus*), которая давалась у «итальянцевъ», какъ тогда называлась комическая опера. Дуэтъ слѣдующаго содержанія:

J'aime mon maître tendrement,
Ah! que j'aime ma maîtresse!

на выручку ко всѣмъ духовный пастырь, человекъ честный и разсудительный, которому удастся всѣхъ умиротворить. Онъ, въ качествѣ тонкаго дипломата, находитъ обѣ партіи правыми, признаетъ клубы весьма полезными учрежденіями, доставляющими гражданамъ средства многому научиться, но въ то же время проповѣдуетъ обоюдное снисхожденіе. Мало того, онъ старается расположить поселянъ въ пользу ихъ помѣщика, который эмигрировалъ, напоминаетъ имъ, что всѣ они братья и французы, осмѣливается даже упомянуть о королѣ, какъ о «лучшемъ изъ отцовъ». Пьеса оканчивается всеобщимъ примиреніемъ и объятіями. Какъ ни невинна сама по себѣ эта комедія, однако публика приняла ее весьма недоброжелательно. Дальнѣйшія представленія ея были запрещены, и ревностные приверженцы революціи даже сожгли изображеніе ея автора. Самъ онъ избѣжалъ смерти только тѣмъ, что долгое время скрывался, а для позднѣйшихъ своихъ сочиненій бралъ предметы исключительно изъ древняго міра ¹⁾.

Еще гораздо болѣе мужества выказалъ другой писатель того времени Лайя (Laya). Онъ, нѣсколько дней спустя послѣ произнесенія смертнаго приговора надъ королемъ, а именно 23-го января 1793-го г., поставилъ на сценѣ «Национальнаго театра» сатирическую пьесу: «Другъ закона» (l'Ami des lois). Содержаніе ея чрезвычайно просто. Два воплощенные злые духа, граждане Номофатъ и Дуригранъ (пожиратель законовъ и крѣпкоголовый), стремятся осуществить свои политическія воззрѣнія, но это имъ не удастся, несмотря на всѣ ихъ интриги. Герой пьесы, характеръ въ высшей степени честный и благородный, возстаетъ противъ нихъ и одерживаетъ надъ ними побѣду. Вся пьеса есть не иное что, какъ смѣлый вызовъ революціи, ея каррикатурное изображеніе со множествомъ болѣе или менѣе остроумныхъ намѣвовъ на современныя политическія событія. Авторъ явно старался подражать Аристофану. Главная смѣлость его заключалась въ томъ, что онъ въ Номофатѣ и Дуригранѣ воспроизвелъ личности двухъ главныхъ республиканскихъ вождей, Робеспьера и Марата. Въ нѣкоторыхъ мѣстахъ ему действительно удалось возвыситься до значительной степени высоты и энергіи. «Война», восклицаетъ онъ между прочимъ: «вѣчная война виновникамъ анархіи! Кто бы вы ни были, тираны-роялисты, или тираны-республиканцы, склоняйтесь всѣ передъ законами: вотъ ваши настояще

¹⁾ Бузень Жакъ умеръ въ 1811 г., но его произведенія, не имѣющія ничего общаго съ современными событіями, лишены всякаго значенія.

пари¹⁾). Дурикраанъ является олицетвореніемъ безстыдства. Онъ стремится по-своему разрѣшить социальный вопросъ и объявляетъ себя врагомъ всякой собственности, въ которой видитъ источникъ всѣхъ пороковъ и несчастій. Еслибъ, говорить онъ, не было собственности, не было бы и воровъ, а слѣдовательно и необходимости въ наказаніяхъ. Безъ собственности не было бы ни корыстолюбія, ни коварства, ни зависти, ни даже супружескихъ невѣрностей, потому что женщина принадлежала бы всѣмъ и никому въ особенности. Такимъ образомъ, онъ, чтобы убить пороки, ищетъ истребить добродѣтель²⁾. Въ заключеніе, онъ хвастается еще своей бдительностью, которая помогла ему открыть въ теченіи четырнадцати дней восемь заговоровъ,—по четыре въ недѣлю.

Королевская партія еще не совсѣмъ была уничтожена, и восторгъ, съ какимъ она привѣтствовала «Друга закона», можетъ сравниться развѣ только съ негодованіемъ и злобой, съ какими на него отозвались республиканцы. Парижская ратуша запретила комедію. Лайя обратился съ жалобой въ Конвентъ, который въ эту минуту былъ занятъ угрожающей войной съ Англійей. Публика была въ такомъ возбужденномъ состояніи, что Конвентъ счелъ за нужное превратить свои совѣщанія по поводу войны и заняться прежде театральнымъ вопросомъ. Лайя былъ призванъ въ судъ для отобранія отъ него показаній, и послѣ долгихъ и шумныхъ преній приговоръ ратуши найденъ несправедливымъ³⁾.

1) Guerre, guerre éternelle aux fauteurs d'anarchie!
Royalistes tyrans, tyrans républicains,
Tombez devant les lois, voilà vos souverains!

2) De la propriété coulent à longs flots
Les vices, les horreurs, messieurs, tous les fléaux,
Sans la propriété point de voleurs, sans elle
Point de supplice donc; la suite est naturelle,
Point d'avares, les biens ne pouvant s'acquérir,
D'intrigants, les emplois n'étant plus à courir,
De libertins la femme accorte et toute bonne
Étant à tout le monde et n'étant à personne.

.....
Tout est commun; le vol n'est plus vol; c'est justice
D'abolir la vertu pour mieux tuer le vice.

3) Засѣданіе Конвента 12-го января 1793 г. „Мониторъ“ говоритъ въ своемъ номерѣ отъ 20-го января 1793 г.: „Генеральный совѣтникъ еще въ прошлый вторникъ поручилъ генералу Сантерру воспріялствовать представленію „Друга закона“. Его извѣстили актеры, которые имѣли похвальное мужество сопротивляться публикѣ, во что бы то ни стало требовавшей эту пьесу и отказывавшейся слушать всякую другую. Но зрители сумѣли себя утѣшить и повеселить: они въ теченіи всего времени, пока

Послѣдняя, съ своей стороны, не хотѣла отказаться отъ своего рѣшенія, и театръ въ теченіи нѣсколькихъ вечеровъ былъ настоящимъ полемъ сраженія. Молодые аристократы брали сцену приступомъ, и такъ какъ актеры отказывались играть требуемую пьесу, сами громко ее читали. Смерть короля, наконецъ, положила конецъ этимъ демонстраціямъ и пьеса исчезла изъ репертуара ¹⁾.

Оппозиція съ каждымъ днемъ становилась все слабѣе и слабѣе. Вскорѣ и театру пришлось умолять, какъ газетамъ. Давать пьесу, гдѣ на сцену выходили короли и придворные, становилось положительно опаснымъ. 2-го августа 1793 г. Конвентъ объявилъ, что всякій театръ, который станетъ «предсудительными» пьесами отравлять общественное мнѣніе и распространять въ публикѣ суевѣрное пристрастіе въ королевской власти, немедленно будетъ закрытъ, а директоръ его арестованъ и подвергнутъ самымъ строгимъ наказаніямъ.

Такая угроза была достаточно понятна и предписывала величайшую осторожность. Театральная цензура, хотя и не открыто, но снова вошла въ силу. Корнель и Расинъ, и тѣ казались опасными ревностнымъ поборникамъ новаго порядка вещей. Одному изъ зрителей во время представленія «Цинны» не понравился тонъ пьесы, и онъ сталъ требовать, чтобъ авторъ немедленно былъ повѣшенъ на ближайшемъ фонарѣ! Одинъ изъ извѣстныхъ писателей эпохи, Франсуа де-Нёвшато, былъ арестованъ осенью 1793 г., потому что въ своей драмѣ «Памела», переделанной изъ Ричардсонова романа, осмѣлился похвалить англійское правительство. Его заподозрили въ преданности къ аристократамъ. Пьеса была написана годъ тому назадъ, тѣмъ не менѣе авторъ подлежалъ наказанію за то, что избралъ героемъ ея англійскаго лорда! Не только писатели, но и актеры также часто подвергались большой опасности, вслѣдствіе чего они нерѣдко, по своему усмотрѣнію измѣняли стихи, которые могли не понравиться публикѣ ²⁾.

обыкновенно дится представленіе, пѣли и танцовали карманьолу"... Этотъ рассказъ доказываетъ, что „Монятеръ“ уже и въ тѣ дни былъ опытенъ въ искусствѣ смягчать неприятную истину.

¹⁾ Лафя вскорѣ былъ заключенъ въ тюрьму и обязанъ своимъ спасеніемъ только девятому термидору. Его пьеса и въ провинціи имѣла большой успѣхъ. Въ Марсели число желающихъ ее видѣть было такъ велико, что театръ въ теченіи нѣкотораго времени давалъ ее по два раза въ день.

²⁾ Въ „Тартюфѣ“ Мольера стихъ (V, 7): „Nous vivons sous un prince ennemi de la fraude, былъ измѣненъ слѣдующимъ образомъ: Ils sont passés ces jours d'injus-

Иногда актеръ, когда ему надлежало произнести фразу съ аристократическимъ оттѣнкомъ, останавливался посреди игры, подходилъ къ рампѣ и просилъ зрителей не смѣшивать личности изображаемаго имъ героя съ нимъ самимъ, искреннимъ патриотомъ.

Около этого времени особенно посчастливилось четырех-актной пьесѣ Сильвена Марешала «Послѣдній судъ королей». Бѣдный старецъ въ теченіе двадцати лѣтъ живетъ въ ссылке на далекомъ вулканическомъ островѣ. У него нѣтъ другихъ товарищей, кромѣ нѣсколькихъ индѣйцевъ, которыхъ онъ, подобно Робинзону, старается просвѣтить. Чтобъ увѣковѣчить свое ученіе, онъ прячетъ его въ нишу, высѣченную въ скалѣ. Но ему мѣшаетъ въ этомъ мирномъ занятіи толпа санюлютовъ, которые привозятъ въ ссылку на островъ всѣхъ европейскихъ королей. Между послѣдними отличаются король испанскій своимъ длиннымъ носомъ и какая-то королева своими необычными, неистовыми скачками. Она затѣваетъ ссору съ папой изъ-за куска морского сухаря. Затѣмъ поднимается всеобщая драка, островъ разверзается и всѣхъ поглощаетъ.

Но если эта пьеса есть не иное что, какъ образчикъ пошлаго фарса, каковымъ въ то время охотно развлекалась публика, то другія произведенія эпохи служатъ доказательствомъ, до какого извращенія дошло тогда нравственное чувство публики. Въ концѣ 1793 г. на сценѣ появилась драма «Мужъ-республиканецъ». Въ ней якобинецъ случайно открываетъ, что его жена аристократка. Онъ ее любитъ, но тѣмъ не менѣе доноситъ на нее и тѣмъ самымъ возводитъ ее на эшафотъ. Публика видѣла въ этомъ поступкѣ только выполненіе патриотическаго долга, неистово аплодировала пьесѣ и многократно вызывала автора.

Драматическое искусство, казалось, стояло на краю гибели. «Мониторъ», и тотъ жаловался на «варварское вторженіе на сцену жалкихъ произведеній». Но онъ приписывалъ это заговору, который, будто бы, составили Питтъ и Кобургъ (главнокомандующій союзными войсками на Рейнѣ) съ цѣлью унижить французскій театръ.

tice et de fraude. Въ „Брутѣ“ Вольтера актеръ не осмѣливался читать слѣдующіе стихи:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons
C'est agir en tyran, nous qui le punissons.

Ихъ измѣнили такъ:

Arrêter un Romain sur de simples soupçons
Ne peut être permis qu'en révolution.

Не удивительно ли, что посреди этого хаоса были еще люди, вѣрившіе въ поэзію и въ ея высокое назначеніе? Изъ числа ихъ особенно выдается личность Андре Шенье. Но если другіе писатели одного съ нимъ направленія не могутъ быть поставлены съ нимъ на ряду по силѣ таланта, тѣмъ не менѣе они заслуживаютъ вниманія, вслѣдствіе своихъ усилій вѣрно служить тому, что считали свѣтомъ и правдой. На драматическомъ поприщѣ можно, рядомъ съ Мари-Жозефомъ Шенье и Дюссомъ, указать еще на Легуве и Арно для драмы, и на Колена и Фабра для комедіи.

Габріель-Мари-Жанъ-Батистъ Легуве родился въ Парижѣ 23-го іюня 1764 г. Отецъ его былъ довольно извѣстный писатель и передалъ свои литературныя наклонности сыну, который сначала готовился быть адвокатомъ, но не замедлилъ вскорѣ весь отдаться театру. Имѣя средства къ существованію, онъ могъ вполне посвятить себя музамъ. Его идиллическая трагедія «Смерть Авеля», сразу поставила его во главѣ сентиментальной школы, которая пользовалась особеннымъ пристрастіемъ публики въ самый разгаръ царства ужаса. Намъ извѣстно, что пастушескіе рассказы и приторно сладенькія идилліи были уже въ большомъ ходу еще до революціи. Произведенія Флоріана и Геснера находили себѣ почитателей даже въ средѣ санкюлотовъ. Легуве ввелъ это направленіе и въ театръ. Его «Смерть Авеля» есть не иное что, какъ переделка Геснерова «Авеля», и она также приторна и невыносимо скучна, какъ и ея оригиналъ. Предисловіе Легуве къ этой пьесѣ чрезвычайно интересно, особенно для нѣмцевъ, по снисходительному тону, съ какимъ авторъ говоритъ о нѣмецкой литературѣ въ эпоху, когда она достигла почти высшей точки своего классическаго развитія. Легуве находитъ, что «Авель» Геснера есть «одно изъ мастерскихъ произведеній нѣмецкой литературы, которое, за исключеніемъ немногихъ длиннотъ, могло бы занять почетное мѣсто даже и во французской литературѣ». Въ этомъ же предисловіи онъ старается оправдать свою попытку ввести въ театръ идиллію. Свобода, по его мнѣнію, приводитъ людей отъ роскоши и испорченности къ простотѣ и правдѣ, и поэтому безыскусственный пастушескій міръ долженъ отнынѣ замѣнить на сценѣ выпреженныхъ героевъ древности.

Къ сожалѣнію, Легуве, несмотря на все свое отвращеніе къ вычурности, дотошѣ господствовавшей въ драмѣ, самъ тоже никакъ не могъ достигнуть простоты. Онъ не меньше другихъ щеголялъ контрастами, которые въ глазахъ тогдашняго блестящаго общества имѣли особенную поэтическую прелесть, и употреблялъ выраженія: «черная тревога», «ужасная радость», «добродѣтельныя слезы».

Но несмотря на все это и даже на свою, почти невыносимую скуку, пьеса его имѣла большой успѣхъ, и совсѣмъ исчезла изъ репертуара французскаго театра только въ 1820 году.

«Смерть Авеля» была дана въ первый разъ въ 1792 году, и за ней послѣдовала цѣлая рядъ сентиментальныхъ драмъ, авторы которыхъ нынѣ по справедливости забыты. Въ ужасные сентябрьскіе дни, когда кровь лилась рѣвой и толпы свирѣпыхъ убійцъ осаждали тюрьмы, чтобъ скорѣй лишать жизни свои жертвы, театръ «Фейдо» ставилъ на сцену идиллическую оперу Демустье: «Сыновья любви, или деревянная нога». Въ ней нѣжный сынъ воздаетъ дань любви и уваженія къ отцу тѣмъ, что во время его сна надѣваетъ ему на сѣдую голову вѣнокъ изъ душистыхъ цвѣтовъ. Сколько изъ зрителей, въ теченіи дня содѣйствовавшихъ подписанію нѣсколькихъ смертныхъ приговоровъ, вечеромъ умилялось, присутствуя при столь трогательномъ зрѣлищѣ! Подобныя пьесы имѣли наибольшій успѣхъ именно во время царства ужаса.

Самъ Легуве подъ-конецъ вернулся къ порицаемому имъ роду старой трагедіи. Онъ написалъ пьесу: «Эпихарія и Неронъ», которая еще имѣла нѣкоторый успѣхъ. Содержаніе пьесы заимствовано изъ Тацита и касается смерти тирана. Теперь эта трагедія кажется намъ пустой и подчасъ даже лишеною смысла декламацией. Въ ней заговорщики собираются во время пира въ саду цезаря, гдѣ нисколько не опасаясь, что ихъ могутъ подслушать, затѣваютъ громкій споръ; это совершенно естественно ведетъ къ ихъ открытію. Подобныхъ несообразностей въ пьесѣ еще много, и онѣ не искупаются никакими достоинствами. Впрочемъ, пятый актъ при каждомъ представленіи производилъ довольно сильное впечатлѣніе, чѣмъ былъ обязанъ Шекспиру. Легуве заимствовалъ изъ его «Ричарда III» знаменитую сцену, въ которой передъ тираномъ во снѣ встаютъ образы его жертвъ. Неронъ не спитъ, но видитъ на яву всѣ эти видѣнія въ подвалѣ своего дворца, куда скрывается прежде, чѣмъ рѣшается себя убить. Вся сцена, хотя и лишена значительной части шекспировской силы, однако еще дышетъ достаточной энергіей. Чтобъ возвысить значеніе Легуве, нѣкоторые критики стараются видѣть въ его «Неронѣ» попытку изобразить Робеспьера. Но во время перваго представленія трагедіи въ 1793 году, хотя и было уже пролито много крови, однако народъ еще поддерживалъ Робеспьера, и еслибъ тотъ подмѣтилъ въ ней хотя малѣйшій намѣкъ на себя, то конечно не оставилъ бы автора безнаказаннымъ. А Легуве между тѣмъ благополучно пережилъ царство ужаса и въ 1788 году былъ произведенъ въ члены академіи. Впослѣдствіи,

онъ стихотвореніемъ «На заслуги женщинъ» приобрѣлъ себѣ извѣстность лирика и, написавъ еще трагедіи «Этеокль» и «Генрихъ IV», умеръ въ сумасшедшемъ домѣ 30-го августа 1812 г. ¹⁾

Антуанъ-Венсенъ Арно своими главными произведеніями тоже принадлежитъ къ исторіи литературы временъ революціи, хотя жизнь его и продолжалась гораздо долѣе этой эпохи. Онъ родился въ Парижѣ въ 1766 году и рано получилъ мѣсто секретаря при дворѣ одной изъ принцессъ. Нѣсколько позже ему удалось за большія деньги купить себѣ должность при особѣ графа Прованскаго. Когда, нѣсколько лѣтъ спустя, разразилась революція и графъ Прованскій бѣжалъ за границу, Арно остался безъ мѣста и началъ писать для театра. Въ 1791 году онъ поставилъ на сцену драму «Марій въ Минтурнѣ», въ которой нашелъ случай высказать свои революціонныя симпатіи и тѣмъ загладить въ глазахъ публики свое прошлое. Марій, въ качествѣ народнаго вождя и героя, преслѣдуемаго римскими аристократами, представлялъ весьма благодарный сюжетъ, но авторъ не доросъ до своей задачи и былъ обязанъ своимъ успѣхомъ гораздо болѣе политикѣ, чѣмъ поэтическому достоинству пьесы. Его слѣдующая трагедія «Лукреція» гораздо выше въ этомъ отношеніи, но публика отнеслась къ ней чрезвычайно холодно. Послѣ катастрофы 10-го августа 1792 года Арно бѣжалъ за границу, но вскорѣ вернулся, примкнувъ къ Наполеону и, благодаря ему, достигъ важныхъ должностей. При паденіи имперіи, онъ былъ совѣтникомъ министерства народнаго просвѣщенія и главнымъ секретаремъ парижскаго университета, но послѣ ста дней Людовикъ XVIII запретилъ ему въѣздъ въ столицу, изгнавъ его на двадцать миль разстоянія отъ нея. Тогда онъ удалился въ Голландію, гдѣ и пробылъ нѣсколько лѣтъ. Изъ его драматическихъ произведеній заслуживаетъ еще вниманія послѣдняя, написанная имъ, трагедія «Германикъ», которая, при первомъ своемъ представленіи въ 1816 году, надѣлала много шума, вызвавъ со стороны публики сильныя демонстраціи отчасти въ пользу, отчасти противъ его политической дѣятельности ²⁾. Онъ вернулся во Францію въ 1819 году и умеръ въ 1834 году.

Въ комедіи точно также, какъ и въ трагедіи, рамки постепенно все суживались, пока даже самый языкъ принялъ услов-

¹⁾ Нынѣ живущій сынъ его, академикъ Е. Легуве, наследовалъ отъ отца склонность къ сентиментальности, которая сообщаетъ его сочиненіямъ нѣсколько излишнюю мягкость.

²⁾ Арно писалъ не одни драматическія произведенія; послѣ него остался еще сборникъ басенъ.

ную форму, от которой никто не осмѣливался отступать. Въ ней тоже оживленные сцены были замѣнены длинными разсказами. Кроме того, она часто грѣшила отсутствіемъ связи; дѣйствующія лица появлялись на сценѣ и исчезали безъ всякой видимой надобности. Стихи почти всегда имѣли одинъ и тотъ же александрійскій размѣръ, что все вмѣстѣ сообщало комедіи утомительное однообразіе. Уже Мольеру приходилось немало страдать отъ всѣхъ этихъ стѣсненій. Но трудности, которыя онъ превозмогалъ силой своего гения и неистощимой веселостью, для его послѣдователей оказались почти непреодолимыми. Нельзя однако отрицать, что французская комедія необыкновенно богата разнообразными талантами. Изобиліе въ ней легкихъ, веселыхъ пьесъ изумительно. Только чѣмъ дальше заглядываемъ мы назадъ, тѣмъ чопорнѣе и однообразнѣе онѣ становятся. Комедія, взятая съ точки зрѣнія картины общественныхъ нравовъ, ясно доказываетъ, какъ не полна была гражданская жизнь французовъ въ прошломъ столѣтіи, иначе она не оставалась бы такъ чужда всѣмъ политическимъ и общественнымъ интересамъ націи. Вполнѣ къ нимъ равнодушная, она почти постоянно удовлетворялась все одной и той же пустой, ничего неговорящей завязкой, подобной мыльнымъ пузырямъ, которые, на мгновеніе сверкая, забавляютъ дѣтей, а затѣмъ безслѣдно исчезаютъ. Во всѣхъ этихъ комедіяхъ повторяются одни и тѣ же положенія, воспроизводятся одни и тѣ же лица безъ крови и жизни, напоминающія китайскія тѣни. Передъ нами постоянно проходятъ добродушные дядюшки, легкомысленные племянники, добродѣтельные любовники, очаровательныя вдовушки, рядомъ съ дерзкими слугами и лукавыми субретками. Все это не иное что, какъ остатки веселой итальянской *Commedia dell'Arte*, съ установившимися въ ней личностями Тарталья, Панталоне и Арлекина. Изрѣдка только авторъ рѣшался касаться такихъ характеровъ, какъ «Тартюфъ» или «Мизантропъ», да и то, въ большинствѣ случаевъ, почти никогда не заглядывалъ глубоко въ человѣческое сердце, а довольствовался маленькими картинками изъ обиденной жизни, въ родѣ блѣдной акварели. Такъ передъ нами по временамъ мельбаютъ характеры «высокомѣрнаго», «непостояннаго», «ревниваго» и т. д.

Революція мало измѣнила въ этомъ отношеніи. Рядомъ съ революціонными фарсами и сатирами продолжали свое существованіе маленькія, скромныя комедійки, между тѣмъ какъ высокая комедія не находила себѣ мѣста ни на одномъ театрѣ. Между писателями, чуждыми всякаго политическаго направленія, особенно выдаются два: Колленъ д'Арлевиль и Фабръ д'Эглантинъ.

Андріе, который въ то время уже писалъ для театра, однако гораздо болѣе принадлежитъ слѣдующему періоду.

Жанъ - Франсуа Колленъ родился въ 1755 г. въ Ментенонѣ, близъ Шартра. Отецъ его былъ небогатъ и вмѣстѣ съ многочисленной семьей существовалъ преимущественно доходомъ съ небольшого помѣстья. Колленъ провелъ первые годы юности въ сельскомъ уединеніи, къ которому въ теченіи всей жизни питалъ особенную любовь. Его кроткій нравъ плохо уживался съ дѣятельностью адвоката, для которой онъ сначала предназначался. Онъ вскорѣ совсѣмъ оставилъ ее и весь отдался театру, гдѣ его пьесы всегда встрѣчали наилучшій приемъ. Его комедіи «Непостоянный» и «Оптимистъ» представляютъ два отлично обрисованные характера, хотя и не отличаются особенно интересной завязкой. Незадолго до революціи, а именно въ февралѣ 1789 г., онъ поставилъ на сцену свои «Воздушные замки» (les Châteaux en Espagne). Эта комедія, безспорно, лучшее произведеніе Колленъ д'Арлевиля. Два родственника, по существующему еще и по-сию пору во Франціи обычаю, порѣшили сочетать бракомъ своихъ дѣтей. Послѣдніе никогда не видались. Нареченный женихъ, подъ вымышленнымъ именемъ, отправляется въ домъ своей невѣсты, чтобы до свадьбы съ ней познакомиться. Ея отецъ узнаетъ о намѣреніи молодого человѣка и приказываетъ слугамъ какъ можно учтивѣе принять незнакомца, который долженъ явиться въ скоромъ времени. Обстоятельства располагаются такъ, что за четверть часа до пріѣзда жениха въ замокъ является другой молодой человѣкъ, по имени д'Орланжъ. Онъ сбился съ пути и проситъ, чтобы ему оказали гостепріимство. Вслѣдствіе этого возникаетъ забавная ошибка. Обитатели замка оказываютъ д'Орланжу, мнимому жениху, преимущество передъ настоящимъ. Одна невѣста видитъ себя обманутой въ своихъ ожиданіяхъ и находитъ предполагаемаго посторонняго посѣтителя гораздо болѣе приятнымъ. Д'Орланжъ добрый малый, но легкомысленный, самодвольный мечтатель, который постоянно строитъ воздушные замки и ежеминутно создаетъ новые планы. Всякая новость приводитъ его въ восторгъ, и лишь только возникнетъ въ немъ мысль о какой-либо новой дѣятельности, какъ онъ уже видитъ себя посреди самой блестящей обстановки и считаетъ успѣхъ несомнѣннымъ. Авторъ чрезвычайно ловко развиваетъ этотъ характеръ. Его герой то воображаетъ себя фельдмаршаломъ, поворающимъ весь земной шаръ, то министромъ, который пресѣкаетъ всѣ злоупотребленія и раздаетъ милости только достойнымъ людямъ. Когда владѣлецъ замка, къ великому его удивленію, объявляетъ ему о

своемъ намѣреніи выдать за него свою дочь, онъ охотно отказывается отъ всѣхъ предыдущихъ плановъ и начинаетъ уже думать о томъ, какъ онъ, поселясь въ старомъ замкѣ, займется перестройкой его въ новѣйшемъ вкусѣ. Но и эта мечта также быстро разсѣивается: дочь рѣшительно отказывается за него идти. Въ заключеніе ошибка разъясняется, и настоящій женихъ, который уже считаетъ свое дѣло проиграннымъ, наконецъ вступаетъ въ свои права. Д'Орланжъ быстро утѣшается и начинаетъ развѣивать новый планъ, какъ онъ поселится по сосѣдству, тоже женится и у него будетъ цвѣтущая семья. Но никто не сомнѣвается, что и эта его мечта разлетится, какъ и предыдущія, а на мѣсто ея возникнутъ новыя.

Комедія «Воздушные замки» ясно выказываетъ всѣ достоинства и недостатки Коллена. Почти во всѣхъ его произведеніяхъ, которыхъ числомъ двѣнадцать, начало завязки ведено чрезвычайно интересно, но потомъ дѣйствіе замедляется, интрига слабѣетъ и конецъ пьесы мало удовлетворяетъ зрителя. За то всѣ діалоги идутъ очень живо; у автора нѣтъ недостатка въ счастливыхъ оборотахъ и остроумныхъ выходахъ, стихи его плавны и почти всѣ его комедіи и теперь еще читаются не безъ удовольствія ¹⁾. Колленъ всегда былъ слабого здоровья и умеръ отъ чахотки 24 февраля 1806 г., еще далеко не въ преклонныхъ лѣтахъ.

Совершенную противоположность Коллену, какъ по сочиненіямъ, такъ и по характеру, представляетъ другой писатель комедій революціонной эпохи, Фабръ д'Эглатинъ. Если первый нравился простотой и ясностью своего изложенія, то второй отличался запутанностью и неровностями слога, недостатками, которые онъ впрочемъ искупалъ интересомъ завязки и положеній. Въ этомъ послѣднемъ отношеніи онъ далеко превзошелъ своего соперника. Колленъ имѣлъ кроткій, уживчивый характеръ; Фабръ, напротивъ, былъ неукротимъ и рѣзокъ въ обращеніи. Одинъ любилъ тишину, уединеніе и мирныя занятія; другой, со всѣмъ пыломъ своей южной натуры, очертилъ голову, бросился въ водоворотъ политической дѣятельности, лишь только революція сдѣлала ее доступной всѣмъ гражданамъ.

Филиппъ-Франсуа Назеръ Фабръ родился 28-го декабря 1755 г. въ Каркассонѣ. Предоставленный самому себѣ, онъ никогда не посѣщалъ никакого учебнаго заведенія, — лишеніе, котораго онъ не могъ вполне вознаградить даже самымъ усид-

¹⁾ Изъ другихъ комедій Коллена можно еще указать на слѣдующія: „Старый холостякъ“, „Господинъ Кракъ“, гдѣ онъ предлагаетъ слабую сатиру на гасконскую хвастливость, да „Коварство за коварство“.

чивымъ позднѣйшимъ трудомъ. Это было для него тѣмъ болѣе, что онъ отличался большимъ тщеславіемъ и честолюбіемъ. Въ молодости ему удалось одержать побѣду въ поэтической борьбѣ на заданную тему въ Тулузѣ, за что ему былъ присужденъ главный призъ въ видѣ золотого цвѣтка шиповника (églantier). Онъ немедленно присоединилъ къ своему совершенно простому и обыкновенному имени прозваніе д'Эглантье, которое сообщило ему звучность и своего рода благородство. Вскорѣ ему стало тѣсно на родинѣ. Непреодолимая жажда славы влекла его далѣе, на болѣе широкое поприще, гдѣ ему пришлось вынести жестокую борьбу и испытать много разочарованій. Онъ началъ свое новое существованіе карьерой актера въ странствующей труппѣ, но не имѣлъ успѣха. Тогда онъ, на тридцатомъ году своей жизни, отправился попытаться счастья въ Парижъ, гдѣ и принялся писать для сцены, которая его отвергла какъ актера. Но его первая пьеса пала. То была пятиактная комедія: «Писатели, или провинціалъ въ Парижѣ», въ которой онъ съ болѣею энергіей, чѣмъ тѣмъ, выразилъ свою досаду по поводу постигшихъ его неудачъ, тогда какъ люди, гораздо менѣе его достойные, пользовались всеобщимъ почетомъ и уваженіемъ. Не лучшая участь постигла и слѣдующую его пьесу «Самонадѣянный» (Le présomptueux), между тѣмъ какъ въ то же самое время публика чрезвычайно благосклонно отнеслась къ комедіи Коллена «Воздушные замки», въ которой изображался почти точно такой же характеръ. Фабръ возчувствовалъ съ этого дня глубокую ненависть къ своему болѣе счастливому сопернику, на котораго и написалъ въ предисловіи къ своему «Филинту» ядовитую критику. Эта третья пьеса, «Мольеровъ Филинтъ», доставила ему наконецъ столь желанный успѣхъ, которымъ ему и слѣдовало бы удовлетвориться. Написанная въ 1790 г. въ видѣ продолженія Мольерова «Мизантропа», комедія эта многими считается лучшимъ произведеніемъ не только Фабра, но и всей комической литературы того времени. Первый актъ начинается у Фабра послѣдними стихами Мольеровой пьесы. Это была большая смѣлость со стороны автора, который, вступая такимъ образомъ въ состязаніе съ любимѣйшимъ комическимъ авторомъ во Франціи, выказалъ не малую долю самонадѣянности. Впрочемъ, успѣхъ оправдалъ его претензію. Если характеръ Альцеста у него не такъ мастерски развитъ въ психологическомъ отношеніи, какъ у Мольера, тѣмъ не менѣе ему удалось нарисовать весьма хорошую картину нравовъ. Филинтъ—свѣтскій человѣкъ и эгоистъ, и Альцестъ—чудакъ и ворчунъ, который, несмотря на всю свою мнимую ненависть къ людямъ, въ сущности питаетъ къ нимъ

гораздо болѣе любви, чѣмъ всѣ другія лица,—очерчены у Фабра чрезвычайно ловко.

Терзаемый желаніемъ поскорѣе разбогатѣть, Фабръ, какъ кажется, потерпѣлъ большую неудачу въ несчастныхъ спекуляціяхъ. Это дало поводъ его противникамъ, подготовившимъ его гибель одновременно съ паденіемъ Дантона, обвинить его въ составленіи фальшивыхъ документовъ по дѣламъ индѣйской компаніи. Однако обвиненіе это ничѣмъ не доказано, что однако не помѣшало ему быть приговореннымъ къ смерти. Его упрекали еще въ роялистскихъ стремленіяхъ, и онъ вмѣстѣ съ своими друзьями взошелъ на эшафотъ 5-го апрѣля 1794 г. Между тѣмъ какъ Дантонъ шелъ на мѣсто казни съ презрительнымъ равнодушіемъ, а Демуленъ съ отчаяніемъ, Фабръ думалъ только объ участи оставленной имъ недописанною комедіи. Въ виду смерти онъ еще помышлялъ объ упроченіи своей литературной славы и съ телѣжки, везшей его на эшафотъ, бросилъ въ толпу рукопись, прося народъ сохранить для потомства это, столь драгоцѣнное произведеніе. Но нынче никто не помнитъ его стиховъ, да и не многіе знаютъ самое имя Фабра.

Этимъ очеркомъ литературной дѣятельности «матадоровъ» революціонной прессы и описаніемъ положенія сцены того времени заключается существенная часть вполне безпристрастнаго изслѣдованія Лотхейссена, какового можно ожидать только отъ нѣмецкаго ученаго. Изъ труда его оказывается, что это время необычайнаго, повидимому, оживленія, было въ сущности весьма глубокимъ и печальнымъ нравственнымъ паденіемъ литературы и сцены; ореоль самихъ «матадоровъ» совсѣмъ блѣднѣетъ предъ строгимъ судомъ автора; впрочемъ, рѣдкій изъ нихъ, подобно Камиллу Демулену, и самъ не приходилъ въ ужасъ отъ результатовъ собственнаго ученія. Вообще, вся эта пресса, какъ выражается Лотхейссенъ, была не что иное, какъ «болтовня, хотя и дышащая умомъ и энергіей»,—но тѣмъ не менѣе болтовня людей «незрѣлыхъ и неустановившихся», которые, не умѣя управлять собою, претендовали однако руководить другими и большею частью погибали въ волнахъ ими же безразсудно поднятаго моря человѣческихъ страстей. «Не должна ли,—спрашиваетъ Лотхейссенъ,—въ подобныхъ случаяхъ главная вина въ пролитой крови падать на людей, которые такимъ образомъ льстятъ самымъ низкимъ страстямъ человѣческой природы?» И весь трудъ нѣмецкаго ученаго является именно обвинительнымъ актомъ противъ «матадоровъ» революціонной прессы.

СОВРЕМЕННОЕ ПОЛОЖЕНИЕ РАБОЧЕЙ СИЛЫ

ВЪ ЕВРОПѢ и АМЕРИКѢ.

По доносеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.

[ФРАНЦІЯ].

IV.—Заработная плата *).

Весьма обильный матеріалъ, которымъ можно было бы воспользоваться для ознакомленія съ размѣромъ заработной платы во Франціи, представляютъ намъ изданныя въ 1863 году французскимъ правительствомъ статистическія изслѣдованія по этому предмету, озаглавленныя: „Prix et Salaires à diverses époques“. Но къ сожалѣнію ими слѣдуетъ руководиться съ большою осторожностью. Во-первыхъ, они представляютъ данныя, относящіяся до слишкомъ отдаленнаго времени, а именно до 1857 года, а во-вторыхъ, ихъ собиратели были видимо пронизнуты очень сильнымъ желаніемъ представить положеніе рабочаго класса въ возможно розовомъ свѣтѣ, какъ-бы исходившемъ отъ императорскаго правительства. Хотя по провѣркѣ представляемыхъ этимъ сборникомъ данныхъ другими данными, добытыми инымъ путемъ, какъ, напримѣръ, для Парижа—изслѣдованіями коммерческой палаты (Statistique de l'industrie de Paris résul-

*) См. выше: июнь, 756; июль, 305 стр.

tant de l'enquête faite par la chambre de commerce), изданными въ 1864 году, и для всей Франціи—изысканіями, лично произведенными на мѣстахъ дипломатическими агентами Англіи по требованію своего правительства, нельзя въ нихъ усмотрѣть явныхъ и намѣренныхъ ошибокъ, но общій тонъ всей работы столь оптимистиченъ, что изъ опасенія сдѣлать невѣрные выводы мы постараемся возможно менѣе ссылаться на эти матеріалы. Но совсѣмъ обойти ихъ нельзя, такъ какъ цѣль, съ которой было предпринято ихъ собраніе, заключалась въ томъ, чтобы изслѣдовать причины возвышенія заработной платы и связь этого повышенія съ одновременнымъ вздорожаніемъ цѣнъ на различныя жизненныя потребности, къ чему, несмотря на весь свой оптимизмъ, французскіе агенты отнеслись добросовѣстно. Пожалуй, судя по этому документу можно заключить, что благодаря наполеоновскому правительству благосостояніе рабочаго класса во Франціи такъ быстро и прочно возвышалось, что нельзя и сомнѣваться въ лучшей будущности французскаго простолюдина, если только онъ сумѣетъ оцѣнить благодѣянія, которыми осыпало его императорское правительство, и подчинится съ любовью и преданностью законамъ и распоряженіямъ, которые отъ него исходили.

„Мы не можемъ не признать, такъ приблизительно говорятъ составители этой книги, что рабочее населеніе нашей страны сдѣлало положительныя успѣхи въ нравственномъ отношеніи, стало гораздо болѣе склонно къ порядку, бережливости, и сдѣлалось несравненно предусмотрительнѣе. Невоздержность и расточительность проявляются гораздо слабѣе прежняго. Сберегательныя кассы приучили ремесленника цѣнить экономію и дали возможность вмѣсто того, чтобы растрачивать безплодно свои сбереженія, откладывать ихъ на черный день и извлекать изъ нихъ надлежащую пользу. Благотворительныя учрежденія оказываютъ рабочему существенную поддержку во время болѣзни и старости;—онъ также понялъ, насколько неблагоразумно вступать въ бракъ, не будучи увѣреннымъ въ возможности содержать свою семью, что уменьшаетъ значительно число нищихъ. Всѣ эти причины содѣйствовали правильному развитію физической стороны рабочаго: они ограждаютъ его отъ болѣзни, дѣлаютъ его трудъ производительнѣе, а жизнь продолжительнѣе. Затѣмъ, развитіе нѣкоторыхъ отраслей ремесленной и фабричной промышленности, а главнымъ образомъ устройство различнаго рода приутовъ, гдѣ матери могутъ оставлять на день маленькихъ дѣтей, требующихъ присмотра, и школь, гдѣ бѣдныя дѣвушки могутъ получать образованіе, дало женскому труду надлежащее направленіе; и жены и дочери получили возможность оказывать значительную помощь отцамъ семействъ, добывающимъ для нихъ средства къ существованію. Благодаря ма-

теріальнымъ пожертвованіямъ, которыя сдѣлали многіе города для того, чтобы украситься обширными бульварами и садами, въ которыхъ сгруппировано все, что можетъ доставить человѣку развлеченіе и наслажденіе, ремесленникъ сталъ отвѣкать отъ посѣщенія кабаковъ и вмѣсто того, чтобы проводить время въ этихъ душныхъ вертепахъ разврата, идетъ со всей своей семьей наслаждаться прогулкой на чистомъ воздухѣ, гдѣ передъ нимъ растилается зеленая мурава, сверкаетъ прозрачная вода и весело шумятъ густыя душистыя деревья. Отълучая его отъ разврата, это вмѣстѣ съ тѣмъ порождаетъ въ немъ большую любовь къ своему занятію и развиваетъ вкусъ, такъ какъ развитію вкуса всегда содѣйствуетъ созерцаніе прекраснаго". Не станемъ далѣе слѣдить за отрадными картинками, которыя рисовали агенты императорскаго правительства. Приведенныхъ нами очертаній достаточно для того, чтобы дать понятіе о томъ, сколько розовой краски было подмѣшано на палитру художниковъ, писавшихъ эти картины, и обратимся къ другой сторонѣ медали, на которую указываютъ тѣ же самые живописцы.

Другая сторона медали заключается въ томъ, что въ теченіи 30 лѣтъ, предшествовавшихъ изслѣдованію, т.-е., съ конца двадцатыхъ годовъ настоящаго столѣтія, цѣна на жизненныя потребности возросла во Франціи на 45%, а цѣна на трудъ всего на 17%, по крайней мѣрѣ въ тѣхъ отрасляхъ труда, которыя, какъ, напримѣръ, строительное мастерство, подвергались наименьшимъ колебаніямъ. Въ теченіи только послѣднихъ пяти лѣтъ, то-есть между 1852 и 1857 гг. цѣна на трудъ возросла на 14%, а цѣна на мясо въ тотъ же промежутокъ времени на 25%. Это возростаніе, на которое указываетъ официальная статистика имперіи, въ той же приблизительно пропорціи шло до нашихъ дней. Такъ, по исчисленію, сдѣланному въ англійскихъ донесеніяхъ, съ 1853 по 1870 годъ цѣна на трудъ возросла на 25%, а цѣна на нѣкоторыя жизненныя потребности — на 50%. Такъ что, принимая въ соображеніе вышеприведенныя данныя, оказывается, что съ 1824 по 1853 годъ цѣна на трудъ возросла на 3%, а цѣна на нѣкоторые важнѣйшіе жизненные припасы, напримѣръ, на мясо на 20%; съ 1853 по 1857 г. цѣна на мясо возросла еще на 25%, а на трудъ всего на 14%, а съ 1857 по 1869 г. цѣна на трудъ поднялась на 11%, а на одно мясо на 35%. Приблизительно отношеніе возростанія цѣнъ на то и другое выражается такъ: съ 1824 по 1852 г. цѣна на трудъ возростала ежегодно на 0,1%, а на жизненныя потребности на 0,7%, то-есть второе относилось въ первому какъ 7 къ 1, а съ 1853 по 1857 годъ цѣна на трудъ ежегодно возростала на 3,5%, а на жизненныя потребности на 6,3%, и отношеніе между этими числами 1:1,8; и, наконецъ, въ послѣдній

періодъ между 1857 и 1869 годами это отношеніе выражалось какъ 1:3,2. Казалось бы, что хотя за послѣдніе годы это отношеніе вновь увеличилось, но такъ какъ оно сравнительно съ годами, предшествовавшими 1853 году слабѣе, то измѣненіе цѣнъ за послѣдніе годы должно быть менѣе чувствительно для рабочаго. Но внимательно вглядываясь въ эти данныя, мы должны придти къ иному заключенію. Предположимъ, что въ 1830 году рабочій получалъ въ годъ 200 фр. и столько же издерживалъ; въ 1831 году онъ могъ получить 200,2 ф., а долженъ былъ издерживать, если бы желалъ удовлетворить всѣ свои потребности, точно также какъ въ предыдущемъ году, 201,4 ф. Разница такъ ничтожна, что ее не трудно изгладить при самомъ незамѣтномъ усиленіи труда или совершенно незамѣтномъ уменьшеніи расходовъ. Только черезъ 10 лѣтъ она становится болѣе осязательною, но все-таки не обременительною. Но взявъ примѣръ изъ другого періода, на примѣръ, между 1857 и 1869 годами мы будемъ имѣть слѣдующее. Лицо, получавшее въ 1859 г. 200 ф. и столько же издерживавшее, въ 1860 году должно было уже получать 202 ф., а издержать, не измѣняя своего образа жизни, 206,4 ф., и разница эта въ 10 лѣтъ только возросла бы до (264—220) 44 ф. Ясно, что такое возрастаніе весьма чувствительно и способно вызывать недовольство тѣхъ людей, которымъ приходится вслѣдствіе него или трудиться болѣе прежняго, или, если нельзя увеличить своей работы, то отказывать себѣ и своимъ близкимъ въ крайне-необходимомъ. Правительственные статистики утѣшаютъ себя тѣмъ, что хотя цѣны на жизненные припасы возрастаютъ несоразмѣрно съ цѣнами за трудъ, но за то нѣкоторые предметы потребленія, какъ, наприм., одежда и домашняя утварь, благодаря развитію и удешевленію фабричнаго и заводскаго производствъ, значительно подешевѣли, такъ что рабочій настоящаго времени гораздо лучше и теплѣе можетъ быть одѣтъ и можетъ пользоваться несравненно ббльшимъ домашнимъ комфортомъ, чѣмъ рабочій 30-хъ годовъ. Но, во-первыхъ, какъ мы указали въ предыдущемъ отдѣлѣ нашей статьи ¹⁾, согласно выводамъ д-ра Энгеля въ отношеніи различнаго рода расходовъ въ одномъ и томъ же хозяйствѣ къ общей ихъ суммѣ,—выводамъ, которые съ удобствомъ могутъ быть примѣнены и къ Франціи,—на пищу издерживается наибольшая часть заработка, отъ 60—70%, а на одежду несравненно меньшая; во-вторыхъ, по показаніямъ самихъ же французскихъ статистиковъ, нѣкоторое удешевленіе одежды рабочаго не уменьшаетъ общихъ его расходовъ, потому что вся экономія по этому предмету поглощается огромнымъ возвышеніемъ за

¹⁾ „Вѣстникъ Европы“, 1873, июль: Рабочія силы. Германія.

последнее время цѣны на квартиры, которыя по предположенію англійскихъ донесеній, послѣ сороковыхъ годовъ настоящаго столѣтія возросла по крайней мѣрѣ на 30%, а слѣдовательно, значительно сильнѣе, чѣмъ заработокъ рабочаго класса.

Итакъ, нельзя не признать, что такой характеръ измѣненія цѣнъ на жизненныя потребности и на трудъ не можетъ не возбуждать въ рабочихъ нѣкотораго недовольства своимъ положеніемъ. Посмотримъ теперь, какимъ безусловно заработкомъ можетъ пользоваться французскій рабочій. Обратимся къ Парижу. Самое большое число руекъ въ этомъ городѣ, болѣе 100,000 человекъ, занято строительными работами. Къ рабочимъ этой категоріи мы относимъ каменщиковъ, штукатуровъ, плотниковъ, маляровъ и проч. Самые лучшіе рабочіе получаютъ 4 шил. $9\frac{3}{4}$ п. въ день, средній около $3\frac{1}{2}$ шил., наименѣе искусные, но притомъ и наиболѣе многочисленныя, около 2 ш. 9 п., такъ что $3\frac{1}{2}$ шил. можно принять за среднюю цифру, выражающую дневной заработокъ такого рабочаго. Большинство остальныхъ парижскихъ рабочихъ, каменоломщики, кирпичники, гончары, каменотесы, портные, бочары, столяры, сапожники зарабатываютъ въ день около 4 и $4\frac{3}{4}$ шил. Нѣкоторые изъ нихъ, какъ, на примѣръ, каменотесы, простые швецы (последнихъ въ Парижѣ очень много), зарабатываютъ такія деньги только работая поштучно, работая же у хозяина поденно, они едва выручаютъ 3— $3\frac{1}{2}$ шил. Весьма большія деньги сравнительно могли бы получать шляпочники, ибо ихъ дневная плата среднимъ числомъ превышаетъ 4 шил. и для тѣхъ, которые, отличаясь особеннымъ искусствомъ, занимаются окончательною отдѣлкой, доходить до 8 шил.; но эти ремесленники любятъ побаловать себя отдыхомъ и кромѣ воскреснаго дня часто проводятъ въ праздности не только понедѣльникъ, но и вторникъ, а иногда даже и среду. Настоящимъ образомъ они трудятся только два дня въ недѣлю: четвергъ и пятницу; въ субботу, день полученія жалованья, ихъ энергія уже ослабѣваетъ, поэтому нельзя считать, чтобы они зарабатывали болѣе другихъ ремесленниковъ. Женщины, конечно, получаютъ менѣе мужчинъ, и что замѣчательнѣе, это то, что во многихъ отрасляхъ промышленности, въ которыхъ преобладаетъ женскій трудъ, размѣръ женскаго заработка остался безъ измѣненія въ теченіе весьма большого промежутка времени, что значительно умалаетъ благотѣльное вліяніе учреждений, давшихъ возможность женщинамъ шире развивать свой трудъ, на которыхъ ссылаются составители отчета о „Prix et Salaires“. Напримѣръ, прачки, которыхъ въ Парижѣ считается около 10-ти тысячъ, въ теченіи 20-ти лѣтъ зарабатывали въ день всего по $2\frac{1}{2}$ — $2\frac{3}{4}$ фр. и только въ послѣдніе 13—15 лѣтъ ихъ заработокъ поднялся до $2\frac{1}{4}$ —3 фр. или

2 ш. 4³/₄ п. Цѣточницы (ихъ въ Парижѣ болѣе 7,000) зарабатываютъ также не болѣе 2—2¹/₃ шил. Этотъ же размѣръ заработка преобладаетъ и въ другихъ отрасляхъ доступнаго женщинамъ труда.

Изъ всѣхъ этихъ данныхъ мы имѣемъ право заключить, что средній дневной заработокъ мужчины равняется 4 ш., а женщины 2 ш. Нельзя думать, судя по свѣдѣніямъ, которыми мы располагаемъ, чтобы парижане проводили за работой болѣе 250 дней въ году. Огромное предложеніе труда въ этомъ городѣ заставляетъ многихъ рабочихъ часть времени проводить безъ дѣла, а тѣ, которые его имѣютъ, не могутъ не увлечься общимъ потокомъ и не бросить работу для удовольствія чаще, чѣмъ бы слѣдовало. Принимая 250 дней среднимъ числомъ рабочихъ дней въ году и взявъ для примѣра семейство, состоящее изъ мужа, жены и двухъ дѣтей, мы предположимъ, что хотя дѣти и не зарабатываютъ ничего сами, но за то не мѣшаютъ родителямъ работать цѣлый день, то-есть предположимъ, что избранное нами семейство пользуется всѣми благодѣяніями устроенныхъ наполеоновскимъ правительствомъ *crèches, sales d'asile* и проч. Затѣмъ предположимъ, что стоимость содержанія двухъ дѣтей равняется стоимости содержанія одного взрослого человѣка. При этомъ семейство это будетъ сравнительно поставлено въ выгодныя условія, ибо, какъ мы видѣли выше, каждому лицу, добывающему непосредственно средства къ жизни, приходится среднимъ числомъ кормить 1,86 лицъ (а надо принять во вниманіе, что многіе рабочіе содержатъ только сами себя и слѣдовательно остальнымъ приходится содержать семьи болѣе многочисленныя, чѣмъ указываетъ этотъ средній выводъ). Въ нашемъ же примѣрѣ каждый рабочій содержитъ, включая самого себя, 1¹/₂ человѣка. Общая сумма заработка этого семейства выражается такъ: мужъ зарабатываетъ 1000 ш. или 50 ф. с., жена 500 ш. или 25 ф. с., что составляетъ вмѣстѣ 75 ф. ст. По исчисленію англійскаго донесенія, одинокій рабочій можетъ имѣть въ Парижѣ удовлетворительное помѣщеніе и столъ за 3 фр. или немного болѣе 2 ш. въ день, что составляетъ въ годъ около 36—37 ф. ст., такъ что у одинокаго рабочаго на одежду, уплату податей, леченіе и удовольствія остается около 13 ф. ст., часть которыхъ онъ можетъ отложить на черный день; но для семейнаго рабочаго расчетъ выйдетъ не такой; предполагая, что онъ нанимаетъ квартиру безъ стола, какъ это обыкновенно и бываетъ, и что жена его услѣдуетъ, зарабатывая 2 фр. въ день, готовить пищу, мы, согласно съ тѣмъ, что въ Парижѣ можно найти удобное помѣщеніе для рабочей семьи за 2¹/₃—3 ф. ст. въ годъ, откинемъ изъ 37 ф. ст., которые, какъ мы указали выше, издерживаетъ на свое содержаніе одинокій рабочій, 2¹/₂ ф. ст.—стоимость

квартиры, у него остается $34\frac{1}{2}$ ф. с., цифра, которая выражаетъ размѣръ остальныхъ расходовъ на одного человѣка, то-есть пищевого довольства, отопленія, освѣщенія и проч. Предположимъ, что размѣръ этихъ расходовъ долженъ быть уменьшенъ на одну треть въ случаѣ, если трое лицъ живутъ семьей, а не отдѣльно и сами готовятъ для себя пищу. Тогда расходы на каждого члена семьи, кромѣ квартиры, выразятся приблизительно 23 ф. ст. или на трехъ человѣкъ, принимая дѣтей за одного взрослого, 69 ф. ст.; прибавьте къ этому стоимость квартиры $2\frac{1}{2}$ ф. ст., и вы поймете, что при такомъ заработкѣ и существующихъ на жизненные потребности цѣнахъ безбѣдное существованіе разсматриваемой семьи невысказанно. Для того, чтобы поддержать нормальнымъ образомъ свое существованіе, такой семьѣ или придется работать болѣе чѣмъ 250 дней въ году, что при самомъ добромъ желаніи далеко не всегда возможно, также какъ и зарабатывать въ день больше того, что мы приняли за среднюю цифру, или подвергать себя и дѣтей большимъ матеріальнымъ лишениямъ, что обыкновенно и имѣетъ мѣсто, поддерживая въ парижскомъ рабочемъ недовольство своимъ положеніемъ и зависть къ лицамъ, пользующимся лучшими, чѣмъ онъ, средствами къ жизни. Женщины обыкновенно ближе видятъ семейныя язвы, порождаемыя недостаткомъ матеріальныхъ средствъ и потому не удивительно, что ихъ раздраженіе, возбуждаемое плохой матеріальной обстановкой, ихъ ненависть къ зажиточнымъ сословіямъ проявляется гораздо въ болѣе рѣзкой и даже въ болѣе безобразной формѣ, чѣмъ страсти ихъ мужей и отцовъ. Настроеніе же парижскаго рабочаго населенія и его взгляды на отношенія къ правительству и высшимъ классамъ, какъ извѣстно, служатъ камертономъ для населенія остальной части Франціи и оно тѣмъ болѣе имѣетъ вліяніе на провинцію, что Парижъ находится съ нею въ постоянномъ общеніи. Собственно парижскихъ коренныхъ рабочихъ и ремесленниковъ въ этомъ городѣ не существуетъ,—это доказывается, между прочимъ, статистическими изслѣдованіями о распространеніи нищенства въ Парижѣ, на которое мы указывали выше,—такъ на каждые 100 человѣкъ бѣдныхъ, пользующихся общественною благотворительностью и живущихъ въ Парижѣ, собственно парижанъ приходилось въ 1829 году 29 чел., въ 1841—28 чел., въ 1853—27 чел., въ 1861—23 чел.

Со всѣхъ концовъ Франціи стекаются туда люди, ищущіе выгодной работы и жаждущіе увидѣть современный Вавилонъ, французскую Мекку. Прежде во Франціи, какъ и въ Германіи, существовалъ обязательный обычай, въ силу котораго ученики, кончающіе курсъ ученія у какаго-либо мастера, ранѣе чѣмъ самому сдѣлаться таковымъ же, совершали путешествіе съ цѣлью на правтнѣхъ

ознакомиться съ избраннымъ ремесломъ. Въ настоящее время этотъ обычай видоизмѣнился, и молодой человѣкъ, обучившись какому-либо ремеслу, бываетъ не прочь попутешествовать, но совершаетъ путешествіе не столько съ дѣловой цѣлью, сколько для удовольствія, и главнымъ образомъ стремится въ Парижъ. Тамъ онъ старается найти себѣ заработокъ, и обезпечивъ себя имъ становится въ ряды парижскихъ ouvriers, преисполненныхъ недовольствомъ своимъ положеніемъ по разнороднымъ причинамъ, и между прочимъ по невозможности поддерживать существованіе своей семьи, не подвергая ее весьма горькимъ лишеніямъ. Для молодого холостяка лично могло бы житъ недурно, но онъ не въ силахъ не сочувствовать положенію своихъ сотоварищей и не опасаться, что рано или поздно ему придется также плохо какъ и имъ. Женитьба въ большинствѣ случаевъ влечетъ за собой нужду и нищету, а любовь внѣ брака весьма часто развратъ, а еще чаще заботы, горечью своей превосходящія заботы семейной жизни. А тутъ передъ глазами блескъ, роскошь, всякаго рода соблазны. Недовольство настоящимъ весьма быстро охватываетъ его, но вмѣстѣ съ тѣмъ его не покидаетъ надежда, что не сегодня—завтра дѣла измѣнятся къ лучшему. Этой надеждой объясняется то обстоятельство, что, несмотря на недовольство своимъ положеніемъ, парижскіе рабочіе отличаются большою веселостію и даже безпечностію. Они чрезвычайно обязательны, добродушны и готовы всегда всѣмъ помочь своему сотоварищу; они способны весьма стойко выдерживать свои невзгоды и добросовѣстно выполняютъ работу, несмотря на то, что столько же враждебно относятся къ своимъ нанимателямъ, сколько дружески къ товарищамъ. За дѣломъ они подчиняются хозяину, его распоряженіямъ и не выказываютъ никакихъ вредныхъ для успѣха труда знаковъ нерасположенія, но внѣ рабочей сферы не оказываютъ своему патрону никакого уваженія. Онъ не только не можетъ имѣть на нихъ въ огромномъ большинствѣ случаевъ никакого нравственнаго вліянія, но они не иначе смотрятъ на него какъ на вампира, сосущаго изъ нихъ кровь. Если фабрикантъ пожелаетъ, на примѣръ, чѣмъ-либо улучшить бытъ рабочихъ, они принимаютъ улучшеніе только какъ должное имъ, и бываютъ весьма далеки отъ того, чтобы выказывать какіе-либо знаки признательности. Одинъ изъ богатѣйшихъ парижскихъ фабрикантовъ, какъ рассказываетъ англійскій репортеръ, желая доставить живущимъ вблизи его фабрики рабочимъ возможность имѣть всегда подъ рукой чистую холодную и горячую воду, провелъ ее внѣ завода и устроилъ бассейнъ и краны. Одинъ изъ рабочихъ, котораго англичанинъ спросилъ, какъ было принято такое нововведеніе остальными рабочими, отвѣчалъ весьма просто и спокойно, ви-

димо не желая никого обидѣть, что фабрикантъ такимъ распоряженіемъ выполнилъ только весьма малую долю того, что онъ былъ обязанъ сдѣлать для нихъ, рабочихъ. Одинъ изъ альбёфскихъ суконныхъ фабрикантовъ въ неурожайный годъ, когда хлѣбъ очень поднялся въ цѣнѣ, закупилъ въ Гаврѣ большое его количество съ тѣмъ, чтобы распродать его по покупной цѣнѣ своимъ рабочимъ и тѣмъ избавить ихъ отъ необходимости платить въ три-дорога, покупая у другихъ торговцевъ. Но, увы, ни одинъ изъ его рабочихъ хлѣба у него не покупалъ, подозревая, что онъ этимъ путемъ желаетъ ихъ эксплуатировать. При такомъ отношеніи къ капиталу, молодежь, стекающаяся изъ провинціи въ Парижъ, весьма легко поддается всякаго рода увлеченіямъ и жадно слушаетъ всякаго, кто умѣетъ обѣщать имъ достиженія соблазнительныхъ благъ земныхъ. Правительство Наполеона, съ умиленіемъ указывавшее на благотѣльное вліяніе, оказанное на нравственность рабочихъ разведеніемъ въ провинціяхъ садовъ и бульваровъ, прорубившее Парижъ въ разныхъ направленіяхъ съ стратегическими и гигиеническими цѣлями, не позаботилось, однако, дать рабочимъ возможность проводить свободное время за умной книгой или полезной бесѣдой. Оно не устроило и не содѣйствовало нисколько устройству для парижскихъ рабочихъ клубовъ или читальни, и этимъ людямъ оставалось въ свободное время или предаваться разврату, требовавшему денегъ, дѣлавшему рабочаго еще болѣе раздражительнымъ, или слушать пламенные рѣчи социалистовъ и коммунистовъ, тѣмъ болѣе соблазнительныя, что онѣ носили на себѣ характеръ запретнаго плода. Проведя болѣею частью лучшее время своей жизни и молодости въ Парижѣ, рабочіе этого города обыкновенно возвращаются на родину, перенося туда парижскія идеи, парижскую веселость и вѣру въ лучшую будущность, но вмѣстѣ съ тѣмъ и парижское недовольство современнымъ положеніемъ работника и парижскую ненависть къ капиталу. Только весьма немногіе изъ нихъ, которымъ фортуна настолько улыбнулась, что дала возможность и деньгу скопить и отростить брюшко, осѣдаютъ въ столицѣ, заводятся семьей, обращаются въ достопочтенныхъ буржуа, которымъ ни до чего кромѣ своего *établissement* — нѣтъ дѣла, и которые отъ правительства требуютъ только охраненія ихъ личной безопасности и мѣръ, клонящихся къ увеличенію доходности ихъ ремесла. Относительно общаго числа рабочихъ, приходящихъ изъ провинцій въ Парижъ, число такихъ лицъ весьма ограничено. Вообще же, какъ мы сказали, рабочее населеніе Парижа до такой степени ему не принадлежитъ, что, какъ доказано обстоятельными изслѣдованіями, въ Парижѣ нельзя найти ни одного рабочаго, котораго дѣдъ тоже былъ бы парижскимъ рабочимъ. От-

части такой фактъ приписываютъ развращающему вліянію парижскаго образа жизни, изъ поколѣнія въ поколѣніе убивающаго жизненную силу въ человѣкѣ, а отчасти непрерывному передвиженію рабочихъ въ молодости изъ провинціи въ Парижъ, а въ зрѣлыхъ лѣтахъ изъ Парижа въ провинцію.

Понятно, что при такомъ порядкѣ настроеніе парижскаго рабочаго весьма легко раздѣляется его провинціальнымъ сотоварищемъ, тѣмъ болѣе, что и матеріальное положеніе этого послѣдняго мало чѣмъ лучше, а иногда и значительно хуже чѣмъ парижскаго. Только провинціалъ менѣе податливъ на увлеченія разнаго рода надеждами, менѣе оптимистично смотритъ на свое будущее и потому отличается отъ столичнаго собрата нѣкоторою серьезностію и озабоченностію, качествами, которыя трудно подмѣтить въ парижскомъ *ouvrier*.

Недовольство своимъ положеніемъ, которое парижскіе рабочіе разносятъ по всей Франціи, не оправдывается однако безусловно повсюду тѣми же основаніями, которыя порождаютъ его въ столицѣ. Если нѣкоторые провинціальныя города и даже цѣлыя провинціи находятся въ условіяхъ еще менѣе благоприятныхъ, чѣмъ Парижъ, то существуютъ между ними и такія, гдѣ, какъ мы увидимъ, то же положеніе рабочаго можетъ почестся удовлетворительнымъ. Впрочемъ, эти мѣстности составляютъ меньшинство, и прежде чѣмъ ихъ коснуться мы считаемъ необходимымъ указать на такія, которыя носятъ одинаковый съ Парижемъ характеръ.

Фабричныя и ремесленныя рабочіе сѣверо-восточной части Франціи находятся, судя по англійскимъ донесеніямъ, въ самыхъ невыгодныхъ въ этомъ отношеніи условіяхъ, и въ особенно неблагоприятномъ свѣтѣ представляется положеніе рабочихъ въ Реймсѣ, гдѣ до 40,000 рабочихъ занято обработкою шерсти. До введенія въ употребленіе чесальныхъ машинъ, хорошій рабочій, занимавшійся этимъ дѣломъ, могъ обработать въ годъ съ помощію подручника отъ 325 до 350 кил. ея и зарабатывалъ до 12 фунтовъ стерлин. (300 фран.) въ годъ, причемъ жилъ въ большой нуждѣ, ибо эта сумма не покрывала всѣхъ его весьма скромныхъ расходовъ. Въ настоящее же время, когда дѣйствіемъ одной чесальной машины вычесывается въ годъ до 20,000 кил., цѣна на ручную обработку такъ упала, что годовою зароботою далеко не достигаетъ и этой цифры 300 фран. За расческу 1 кил. шерсти въ 1860 году платили не болѣе 1 шил. 3 пен. (1½ фран.), а такъ какъ одному человѣку въ день цѣлаго килограмма не расчесать, то его дневной зароботокъ никакъ не превосходилъ 10½ пен. (1 фр. 10 сант.), и изъ этой суммы должно еще вычесть безъ малаго 2 пен. (20 сант.) на необходимыя для производства ремесла расходы, какъ-то на топливо, масло и проч.,

такъ что чистый дневной заработокъ его едва могъ достигать $8\frac{3}{4}$ п. (90 сан.) При этомъ надо имѣть въ виду, что большинство рабочихъ рукъ не имѣетъ постояннаго занятія и тратитъ не мало времени, отыскивая и выпрашивая его то на той, то на другой фабрикѣ. Едва ли работникъ бываетъ занятъ въ году 250 дней, такъ что весь его годово́й заработокъ не можетъ превосходить 9 ф. ст. (225 фр.). Между тѣмъ въ Реймсѣ за одну квартиру онъ непремѣнно долженъ дать въ годъ около 3 фун. ст. (75 фр.), такъ что на остальные расходы ему среднимъ числомъ въ день остается $3\frac{3}{4}$ пен. (42 с.) Если рабочий женатъ и его жена можетъ тоже работать, его доходъ увеличивается на одну четверть, а если у него есть сынъ подростокъ, то даже и на одну треть, что однако можетъ довести сумму, которою онъ располагаетъ для своихъ дневныхъ расходовъ, не болѣе какъ до $4\frac{3}{4}$ — $5\frac{3}{4}$ пен. (50—60 сант.). Впрочемъ, въ такомъ крайне бѣдственномъ положеніи находятся только лица, занимающіяся обработкой шерсти; положеніе остальныхъ нѣсколько лучше, ибо они получаютъ въ годъ до 400—500 и даже 600 франковъ. Необходимость вынуждаетъ первыхъ искать въ удобное время занятій внѣ своего ремесла, и то по преимуществу сельскихъ. Положеніе ремесленниковъ въ округѣ Нанта почти такое же, какъ обрабатывающихъ шерсть въ Реймсѣ. Лучшіе изъ нихъ, работая поштучно, могутъ зарабатывать до 1 ш. 7 п.—2 ш. въ день, въ видѣ исключенія даже до 3-хъ шил., и при бережливости и аккуратности сводятъ концы съ концами. Но золотошвейки, наприм., которыхъ въ Миркурѣ въ 1857 году считалось до 40,000, и кружевницы, которыхъ было болѣе 25,000, находятся въ самомъ бѣдственномъ положеніи. При собираніи въ 1857 году французскимъ правительствомъ свѣдѣній о заработной платѣ, эти работницы жаловались на чрезвычайный упадокъ цѣны на ихъ трудъ. По ихъ показаніямъ, въ 1852 году онѣ въ день выработывали 40 сан. (почти 4 пен.), тогда какъ прежде получали болѣе $9\frac{1}{2}$ пен. Это показаніе конечно нѣсколько преувеличено, но близко къ истинѣ. Чрезмѣрно низкій размѣръ платы обуславливается тѣмъ обстоятельствомъ, что сами капиталисты не входятъ ни въ какія личныя сношенія съ работницами, а передаютъ имъ матеріаль и получаютъ готовыя издѣлія иначе, какъ чрезъ посредствующихъ лицъ (entrepreneur), которыя, конечно соблюдая свои выгоды, держатъ работницъ въ полной зависимости. Тѣ изъ нихъ, у кого хватаетъ духу, совершенно безнаказанно и безконтрольно удерживаютъ иногда по своему произволу часть заработка въ видѣ вознагражденія за дурно исполненную работу, а между тѣмъ за этой работой изъ-за такого скуднаго заработка женщины просиживаютъ въ сутки до 16, 18 и даже, трудно повѣрить, но такъ свидѣтельствуютъ англійскія доне-

сенія, до 20-ти часовъ. Заглянувъ въ другой мѣстѣ промышленный уголокъ Франціи, именно Вандею, мы встрѣтимся съ такими же или приблизительно съ такими же условіями. Средній низшій заработокъ фабричнаго рабочаго или городского ремесленника, которымъ конечно пользуется большинство, доходить до 1 шил. 10 пен. (1 фр. 10 сан.), а высшій до 3¹/₂ ш. — 4 ш.; правда, нѣкоторые рабочіе, работая поштучно, получаютъ въ день вдвое болѣе. Во всякомъ случаѣ 3 шил. въ день или около 32¹/₂ фун. стер. въ годъ можно принять за хорошій средній заработокъ мужчины въ этой мѣстности. По изъ этой суммы рабочій долженъ по дороговизнѣ квартиръ въ городахъ, напр. въ Нантѣ, уплатить за свое помѣщеніе 6 и даже 8 фунт. стер. Конура почти безъ воздуха и свѣта, которая по-французски такъ и зовется *trou*, стѣбитъ тамъ почти 3 ф. ст., но въ этихъ *trou* семейному человѣку жить нѣтъ никакой возможности, какъ бы его требованія ограничены ни были. Провизія такъ дорога, что ¹/₂ килò (около фунта) мало-мальски порядочнаго мяса стѣбитъ 1 шил. Можно купить говядину и за 7 пен. ¹/₂ кило, но кромѣ дурнаго качества самой говядины, за эту цѣну продаются только такія части, въ которыхъ съѣдобнаго матеріала гораздо менѣе чѣмъ костей, кожи да жилъ. Такъ что если бы рабочій вздумалъ употреблять въ пищу мясо ежедневно и кормить имъ свою семью, даже въ весьма скромныхъ размѣрахъ, какъ, напр., по 1 ф. на всю семью, то на одинъ этотъ предметъ, почти можно сказать необходимый при такой работѣ, которую имъ приходится выполнять, издержалъ бы въ годъ около 12 фунтовъ стерлинговъ изъ 24, которые могутъ у него остаться за оплатою квартиры. Ясно, что эта роскошь для него недоступна, и рабочіе почти не знаютъ говядины.

Въ Лионѣ, какъ извѣстно, мануфактурная промышленность весьма развита, и городъ этотъ по характеру своихъ рабочихъ весьма близокъ къ Парижу. Они также, какъ и парижскіе *ouvriers*, любятъ удовольствія и наряды, въ кабаки, правда, ходятъ рѣдко, но очень склонны посѣщать *café chantant* и тому подобныя увеселительныя заведенія; также какъ парижскіе рабочіе, они весьма добродушно относятся къ своимъ сотоварищамъ и очень недружелюбно не только къ фабрикантамъ, капиталистамъ, но даже къ стоящимъ съ ними на одной общественной ступени владѣльцамъ ткацкихъ станковъ, на которыхъ они работаютъ, и также какъ и парижскіе рабочіе имѣютъ право быть недовольны своимъ матеріальнымъ положеніемъ. Надо замѣтить, что Лионъ, несмотря на то, что въ немъ существуетъ до 300 шелковыхъ фабрикъ и 175,000 человекъ работающихъ за ткацкими станками, не имѣетъ вовсе непріятнаго вида, отличающаго большинство фабричныхъ городовъ. Вы не увидите тамъ громадныхъ зданій,

выбрасывающихъ изъ своихъ высокихъ трубъ огромныя массы дыма, затмѣвающія солнце, отравляющія атмосферу и покрывающія сѣрымъ, траурнымъ цвѣтомъ пещи дома, деревья и даже людей; вась не оглушать ни свистъ паровиковъ, ни стужъ работающихъ на фабрикахъ станковъ. Городъ имѣетъ чистый, веселый, опрятный видъ, работа производится въ мелкихъ частныхъ помѣщеніяхъ и всѣ занятія фабриканта сводятся на пребываніе въ извѣстные часы дня вмѣстѣ съ двумя-тремя своими помощниками въ конторѣ, гдѣ онъ выдаетъ матеріалъ хозяевамъ ткацкихъ станковъ, получаетъ отъ нихъ готовыя издѣлія и рассчитывается съ ними за исполненную работу. Конечно, онъ же закупаетъ сырой матеріалъ и отдаетъ его кому слѣдуетъ выпрясть. Владѣлецъ станка, получивъ шелкъ, приноситъ его домой, передаетъ двумъ женщинамъ, ourdisseuse и remetteuse, которыя приготавливаютъ основу.

Почти у каждого такого владѣльца ткацкихъ станковъ на нихъ работаютъ до 5 или 6 человекъ. Но они не состоятъ отъ него ни въ малѣйшей зависимости, ѣдятъ и спятъ, одѣваются и веселятся одинаково, а за пользованіе станками и инструментами уплачиваютъ ему половину своего заработка; заработная же плата получается поштучно. Каждый сотканый метръ оплачивается 88 сант.; каждый рабочій можетъ согнать въ день (работая отъ 5-ти часовъ утра до 10 вечера) около 4 метровъ, такъ что въ день наработываетъ на 3 ф. 85 с.— 4 фр., изъ которыхъ половину, то-есть 1 фр. 92½ с., почти 2 фр., удерживаетъ владѣлецъ станка и столько же, слѣдовательно, получаетъ самъ рабочій. Различія между женщинами и мужчинами, конечно, въ этомъ случаѣ не дѣлается. Этотъ заработокъ, конечно, далеко не удовлетворяетъ въ надлежащей мѣрѣ всѣхъ потребностей рабочаго, ибо жизнь въ Лионѣ крайне дорога, какъ это легко можно убѣдиться изъ нижеслѣдующихъ цѣнъ. Одинъ кило хлѣба стбить 4½ п., одинъ кило говядины 1 ш. 1½ п., одинъ кило баранины 1½ ш.; квартиры въ Лионѣ также весьма дороги.

Неудовлетворительный размѣръ заработка лионскихъ рабочихъ англійскія донесенія приписываютъ въ значительной мѣрѣ ихъ собственной винѣ, ихъ недобросовѣстности. По словамъ англичанъ, работники выкрадываютъ изъ каждой партіи передаваемого имъ для тканья шелку нѣкоторое его количество, почти незамѣтное въ частности, но въ общемъ составляющее весьма почтенную цѣнность. Это вынуждаетъ фабрикантовъ уменьшать заработную плату настолько, насколько это мошенничество увеличиваетъ стоимость производства. Вообще англичане приписываютъ винѣ самихъ французскихъ рабочихъ неудовлетворительность платы, которую они получаютъ, и доказываютъ это тѣмъ, что въ тѣхъ отрасляхъ промышленности и въ

тѣхъ промышленныхъ мѣстностяхъ, въ которыхъ нашли примѣненіе для своего труда англійскіе рабочіе, имъ платять гораздо болѣе чѣмъ французамъ. Такъ, въ Бордо плотники, каменщики и проч. французы зарабатываютъ въ день отъ 2 до 5 шил., а англичане, въ тѣхъ же отрасляхъ промышленности, 5—8 шил. На седанскихъ фабрикахъ трудъ англійскихъ рабочихъ оплачивается также одной третью болѣе чѣмъ французскихъ. Англійскія донесенія утверждаютъ, что ихъ соотечественники за то и работаютъ вдвое усерднѣе французовъ.

Марсель по положенію рабочаго класса, то-есть по отношенію заработной платы къ стоимости содержанія, также подходит къ Парижу. Обыкновенный рабочій выручаетъ тамъ въ день $2\frac{1}{2}$ —3 шил., а искусный до 4 и болѣе. Единственное фабричное производство, существующее въ этомъ приморскомъ городѣ, составляетъ мыловареніе, которое даетъ дневной заработокъ отъ $2\frac{2}{3}$ ш. до 4 шил. Цѣны на пищевое довольствіе и одежду разнятся отъ парижскихъ не болѣе какъ на одинъ-два процента; хлѣбъ, мясо, овощи, одежда и домашняя утварь нѣсколько дороже чѣмъ въ Парижѣ, за то цѣна на квартиры, на вино и на фрукты умѣреннѣе, а мы видѣли, что положеніе парижскаго рабочаго далеко не завидно; жалованье, получаемое ими, говоритъ репортеръ—и слова его можно отнести также къ Марселю,—такъ скудно, что аккуратность и бережливость надо довести до сверхъестественнаго, чтобы свести концы съ концами“. Впрочемъ, другой репортеръ (марсельскій консуль Маркъ), описывающій Марсель, утверждаетъ, что рабочіе этого города до послѣдней, по крайней мѣрѣ, войны, жили не только безъ нужды, но даже имѣли возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія; но данныя, представляемыя имъ, далеко не вполне въ томъ убѣждаютъ и, главное, недостаточно подтверждаются цифрами. Чтобы покончить съ крупнѣйшими центрами французской промышленности, мы находимъ необходимымъ сообщить нѣкоторыя данныя относительно Бордо и Эльбѣфа, и заключимъ нашъ очеркъ описаніемъ положенія шарентскихъ рабочихъ, положеніе которыхъ, судя по словамъ англійскаго донесенія, нѣсколько разсѣваетъ мрачныя мысли, навѣяныя предыдущими фактами, и укрѣпляетъ надежду на возможность улучшенія быта французскаго рабочаго и его успокоенія.

Въ Бордо простые рабочіе зарабатываютъ въ день отъ 2 до 5 ш. или, среднимъ числомъ, принимая въ соображеніе, что высшій заработокъ достается на долю весьма немногихъ—около 3 ш. Заработокъ фабричнаго рабочаго нѣсколько выше; онъ колеблется, для мужчинъ, между 3 ш. 2 п. и $4\frac{2}{3}$ ш., а для женщинъ и мальчиковъ-подростковъ—отъ 1 ш. 7 п. до $2\frac{1}{3}$ ш. Стоимость квартиръ дохо-

дѣтъ иногда до 20 ш. въ мѣсяцъ, но въ большинствѣ случаевъ не превосходить 12—14 ш. въ недѣлю. Цѣна на хлѣбъ и на мясо, сравнительно съ примѣрами приведенными нами для другихъ мѣстностей и съ размѣромъ мѣстной заработной платы, весьма умѣренная. Одинъ фунтъ хлѣба стѣитъ 2 пен., фунтъ говядины 11 п.; такъ что положеніе бордоскаго простолюдина можетъ быть признано довольно удовлетворительнымъ. Эльбѣфъ замѣчателенъ своими суконными фабриками, на которыхъ работаетъ болѣе 10,000 мѣстныхъ жителей и около 20,000 пришлыхъ. Если на Реймсѣ можно указать какъ на примѣръ дурного вліянія, оказываемаго введеніемъ машинъ на положеніе рабочихъ, то Эльбѣфъ доказываетъ совершенно обратное. Въ 1804 году, когда объ употребленіи машинъ въ этомъ городѣ не имѣли еще никакого понятія, въ немъ приготовлялось до 15½ тысячъ кусковъ сукна, каждый метръ котораго стоилъ среднимъ числомъ 24 франка; въ 1853 году, когда механическій трудъ находился уже въ полномъ развитіи, въ Эльбѣфѣ изготовлялось 82 т. кусковъ сукна, и средняя стоимость метра понизилась до 12 фр. Въ 1804 году мужчина на фабрикѣ зарабатывалъ въ день 11½ п., женщина 7¼ п., дѣти около 2—2½ п., а въ 1853 году эти цѣны возросли для мужчины почти до 2 ш. 3 п., для женщины до 1 шил. 5 п. и для дѣтей до 8½ п. При этомъ надо замѣтить, что общее число лицъ работающих на фабрикахъ нисколько не уменьшилось и, что всего утѣшительнѣе, цѣна на работу возросла гораздо болѣе, чѣмъ цѣна на жизненные припасы.

Но самыя утѣшительныя свѣдѣнія о положеніи рабочей силы доставлены консуломъ Керикеромъ изъ Шарентскаго округа, населеніе котораго равняется почти полумилліону. По его словамъ, рабочее населеніе всей этой мѣстности находится въ весьма благопріятномъ матеріальномъ положеніи; крайняя бѣдность почти тамъ неизвѣстна, и если кто доходитъ до нищеты, то или по собственной винѣ, или вслѣдствіе какихъ-либо неотразимыхъ несчастныхъ случаевъ. Всѣ ремесленники и даже простыя рабочіе обоаго пола отличаются безукоризненною честностью, трудолюбіемъ, умѣренностью и рѣдкимъ воздержаніемъ. Средній дневной заработокъ хорошаго ремесленника колеблется между 3½ и 7½ ш., а простыхъ рабочихъ 2½ до 4 ш. Если рабочій пользуется готовымъ столомъ и помѣщеніемъ, то въ день съ него за это вычитается отъ 1 ш. до 1 ш. 8 п. Каждый рабочій можетъ найти прекрасную квартиру, просторную, чистую и свѣтлую, за 3, 5, 8 фунт. ст. въ годъ. Невысокая цѣна провизіи (напр., англійскій фунтъ мяса стѣитъ 7,68 пенса, хлѣбъ 5-ти-фунтоваго вѣса 8,64 пенса) также весьма много содѣйствуетъ хорошему положенію этихъ людей. По мнѣнію консула, причину какъ

этого благосостоянія простолюдина, такъ и прекраснаго качества исполняемой шarentскимъ простолудиномъ работы, слѣдуетъ приписать главнымъ образомъ болѣе или менѣе правильнымъ отношеніямъ, установившимся между работниками и ихъ патронами, которые стараются вникать въ нужды рабочихъ и сгладить нравственное различіе существующее между ними. „По справедливости, можно признать, говорить репортеръ, что французскій рабочій не только по трудолюбію и знанію дѣла, но и по добросовѣстности можетъ быть поставленъ наравнѣ съ лучшими тружениками въ мірѣ“.

У. П и щ а.

Согласно, основаннымъ на выводахъ науки, расчетамъ, которыми руководилось французское правительство при продовольствованіи арміи, каждый здоровый взрослый человѣкъ долженъ для поддержанія въ нормальномъ состояніи своихъ физическихъ силъ употреблять ежедневно твердой пищи, содержащей 14 унц. углероду и 7 азоту, не менѣе 31—32 унц. Такъ что среднимъ числомъ въ годъ каждый человѣкъ долженъ уничтожить не менѣе 6-ти центнеровъ мяса, хлѣба и другихъ видовъ твердой пищи, между тѣмъ во Франціи среднее потребленіе пищи далеко не соотвѣтствуетъ этому расчету и выражается только 4 центнерами фунтами на cadaго жителя старѣе 5-ти лѣтъ. Дѣти же моложе этого возраста вовсе не приняты въ расчетъ при выводѣ этой цифры, и предположено, что изъ всего потребляемаго во Франціи количества твердой пищи ничего не приходится на ихъ долю. Если принять въ соображеніе, что вся армія получаетъ пищу въ надлежащемъ количествѣ, а высшіе зажиточные классы даже въ изобильномъ, превосходящемъ среднюю норму, то легко убѣдиться, что количество пищи потребляемой низшимъ классомъ далеко не соотвѣтствуетъ потребностямъ нормальнаго человеческого организма, хотя нельзя не замѣтить, что въ общемъ итогѣ среднее количество потребленія ея съ теченіемъ времени постоянно возрастаетъ. Докторъ Сенвилле, занимавшійся изслѣдованіемъ вопроса о пищѣ во Франціи выводитъ, что указанное нами среднее количество пищи, потребляемое ежегодно каждымъ французомъ (4 центнера) соотвѣтствуетъ 44 галлонамъ пшеницы, 22 галл. ячменя или ржи, 75 англ. фун. мяса и $88\frac{1}{3}$ ф. картофеля, и что количества эти, не удовлетворяя вполне нормальнымъ требованіямъ, тѣмъ не менѣе значительно выше тѣхъ, которыя существовали въ прошломъ столѣтіи. Потребленіе одной пшеницы почти удвоилось въ теченіи 40 лѣтъ текущаго вѣка. Такъ, въ 1821 году среднее количество потребляемой

каждымъ жителемъ Франціи пшеницы равнялось 33 галлонамъ, по расчету же приведенному нами оно уже возросло до 44 гал., а по нѣкоторымъ другимъ расчетамъ въ 1862 году оно равнялось 63 галлонамъ. Потребленіе мяса также значительно возросло. Въ 1812 году его приходилось среднимъ числомъ на каждаго жителя 22,046 ф.

въ 1830 году	33,069 ф.
„ 1840 „	39,683 „
„ 1852 „	46,297 „
„ 1862 „	52,711 „
„ 1871 „	болѣе 72 „

Эти общія количества заключаютъ въ себѣ мясную пищу всякаго рода, какъ-то баранину, козлятину, телятину, а также и говядину, которая въ 1812 году составляла едва одиннадцатую часть общаго количества мясной пищи во Франціи, а въ 1869 году почти одну седьмую ¹⁾. Изъ всего этого слѣдуетъ, что въ общемъ итогѣ пищевое довольство французовъ за послѣднія 50 лѣтъ улучшилось и продолжаетъ постоянно улучшаться, но далеко все-таки не достигло еще нормальнаго состоянія. Несмотря однако на постоянно увеличивающееся во Франціи потребленіе вообще мясной пищи, низшіе классы, какъ по климатическимъ условіямъ, такъ главнымъ образомъ по его дороговизнѣ пользуются имъ весьма мало. Въ особенности мало мяса потребляется на югѣ Франціи и въ деревняхъ. Сельскіе рабочіе даже въ нѣкоторыхъ сѣверныхъ частяхъ Франціи вовсе не знаютъ говядины. Въ Бретани городскіе рабочіе не ѣдятъ болѣе одного или двухъ разъ въ недѣлю говядину или рыбу, а сельскіе только по воскреснымъ и праздничнымъ днямъ готовятъ себѣ похлебку изъ свиного сала, а мясо же употребляютъ только нѣсколько разъ въ годъ; въ городахъ, гдѣ рабочіе обеспечены хорошей заработной платой, оно входитъ относительно въ большее употребленіе; въ Марсели, на примѣръ, несмотря на то что онъ принадлежитъ къ южнѣйшимъ городамъ Франціи, потребленіе говядины рабочими почти сравнялось, по показаніямъ англійскихъ донесеній, съ употребленіемъ его въ англійскихъ мануфактурныхъ центрахъ. Вообще же пища французскаго простолюдина далеко непривлекательна. Главную часть ея почти повсемѣстно составляетъ хлѣбъ. Это краеугольный камень стола французскаго рабочаго: онъ его потребляетъ въ день среднимъ числомъ около 2¹/₂ фун. и всѣ остальные незатѣйливые сѣстные припасы служатъ только скудной приправой этого рода пищи. Утренній завтракъ фабричныхъ, не говоря уже о простыхъ чернорабочихъ, нерѣдко состоитъ изъ куска хлѣба съ лукомъ; тѣ же, которые получаютъ порядочное жалованье,

¹⁾ По другимъ свѣдѣніямъ даже болѣе одной трети.

стараятся замѣнить такую трапезу, весьма напоминающую наши нравы, чашкою кофе, который входитъ въ большее и большее употребленіе во Франціи и нѣсколько содѣйствуетъ уменьшенію тамъ употребленія спиртныхъ напитковъ. Обѣдъ рабочаго состоитъ въ большинствѣ случаевъ изъ мучной или холодной похлебки, которая иногда готовится, также впрочемъ съ примѣсью хлѣба и муки, изъ различныхъ мясныхъ остатковъ, — по преимуществу вывариваются кости, покрытыя жиромъ, — картофелю, какихъ-либо овощей и иногда куска свинины, а ужинъ изъ остатковъ обѣда. Благодаря прирожденной кажется французамъ способности къ кулинарному искусству, женщины самаго бѣднаго класса умѣютъ приготовить довольно вкусныя блюда изъ такой провизіи, которая не только отличается грубостью, но для иностранцевъ можетъ показаться отвратительною. „Супъ послѣдняго французскаго рабочаго, утверждаетъ англійское донесеніе, положительно вкуснѣе микстуръ составленныхъ изъ горячей воды, перцу и жиру, который подъ названіемъ супа подаютъ англійскимъ милліонерамъ въ провинціальныхъ и даже столичныхъ первоклассныхъ гостиницахъ“. Но за то уже не слѣдуетъ справляться изъ чего французенка приготовила свою похлебу, а тѣмъ болѣе разсматривать употребляемые ею для того матеріалы. Этимъ искусствомъ объясняется отчасти то обстоятельство, что французскій рабочій, имѣя возможность тратить невообразимо мало на свою пищу, бываетъ ею относительно доволенъ, такъ что, напримѣръ, въ Парижѣ, съ французской точки зрѣнія каждый рабочій можетъ найти для себя довольно порядочный и недорогой столъ, въ особенности если онъ живетъ не слишкомъ далеко отъ центра города. Семейные рабочіе обыкновенно закупаютъ для себя провизію, т. е. овощи и фрукты на рынкѣ по возможности рано утромъ, между 4, 5 и никакъ ни позднѣе 8-и часовъ, причемъ нерѣдко нѣсколько семействъ закупаютъ продукты сообща; это послѣднее обстоятельство вмѣстѣ съ раннимъ временемъ покупки (позднѣе провизія на рынкѣ уже продается дороже) содѣйствуетъ уменьшенію дневныхъ расходовъ рабочаго на столъ по крайней мѣрѣ процентами десятью. Бѣднѣйшіе изъ нихъ скупаютъ въ ресторанахъ и большихъ городскихъ хозяйствахъ остатки и бракъ заготовляемой тамъ провизіи. Для семейныхъ рабочихъ пища обыкновенно готовится дома и они берутъ ее съ собой на работу въ небольшой корзиночкѣ, устроенной такъ, чтобъ содержимое по возможности менѣе остывало; впрочемъ передъ обѣдомъ, покупая себѣ вино, рабочіе обыкновенно ее разогрѣваютъ у marchand de vin. Если же домъ его находится недалеко отъ мѣста работы, то кто-нибудь изъ семейныхъ приноситъ ему своевременно горячую пищу. Холостяки работники обыкновенно ѣдятъ у marchand de vin или въ какой-нибудь

дешевой кухмистерской, которыхъ въ Парижѣ по близости промышленныхъ и ремесленныхъ центровъ множество. Иногда эти рабочіе завтракаютъ просто въ колбасной, гдѣ къ ихъ услугамъ есть всегда вареное мясо, сосиски, сардинки, яйца въ крутую и прочее, а запивать свою закуску идутъ все-таки къ marchand de vin. Къ позднему обѣду или скорѣе къ ужину, т.-е. къ 7-ми или 8 часамъ вечера женатый рабочій старается возвратиться домой, а холостой идетъ въ излюбленный имъ кабачекъ.

Хотя французъ весьма неприхотливъ на столъ, тѣмъ не менѣе, какъ мы видѣли въ предыдущей главѣ, заработокъ его часто не позволяетъ ему пользоваться въ достаточномъ количествѣ и самую умѣренною пищею. Для того, чтобъ придти рабочимъ въ этомъ отношеніи на помощь, образовалось нѣсколько обществъ, имѣющихъ благотворительный характеръ, съ цѣлю доставленія пищи бѣднымъ по удешевленной цѣнѣ или даже даромъ. Учрежденія этого рода, по пользѣ ими приносимой, далеко уступаютъ тѣмъ однороднымъ съ ними учрежденіямъ, которыя чужды всякаго благотворительнаго характера, и образовались съ цѣлю доставлять рабочимъ пищу или провизію по цѣнѣ, соответствующей наименьшей стоимости ея заготовленія; во многихъ городахъ образовались на паяхъ такъ-называемыя sociétés alimentaires, или fourneaux alimentaires, которыя снабжаютъ рабочихъ пищею на этихъ основаніяхъ. Одно изъ наиболѣе развившихся обществъ этого рода представляетъ изъ себя С.-Кентенское, которое среднимъ числомъ въ годъ продаетъ:

порцій мяса	74 тыс.
„ хлѣба	73 „
„ бульону (bouillon gras) . . .	51 „
„ зелени	48 „
„ пива	32 „
„ душистой говядины (râgout) .	24 „
„ похлебки (potage maigre) . .	11 „

а всего приблизительно до 314 тысячъ порцій.

Во многихъ городахъ, во главѣ которыхъ долженъ быть поставленъ Гренобль, общества эти имѣютъ характеръ потребительныхъ, то-есть они сосредоточиваютъ сбереженія рабочихъ, закупаютъ на нихъ, при возможно-выгодныхъ условіяхъ, все необходимое для продовольствія этого класса и продаютъ товары по заготовительнымъ цѣнамъ и, главное, за наличныя деньги. Это, во-первыхъ, приучаетъ рабочаго не дѣлать долговъ, а во-вторыхъ, доставляетъ ему возможность покупать все необходимое по самой дешевой цѣнѣ. Хотя приготовленіе пищи изъ закупаемыхъ припасовъ собственно не состав-

лаять ихъ главнѣйшей цѣли, но нѣкоторые общества приняли на себя и эту обязанность; такъ, напримѣръ, одно гренобльское общество продаетъ ежедневно до 3000 разнаго рода порцій. Общество это, устроенное въ 1851 году Фредерикомъ Танлье, едвали не было во Франціи первымъ. Примѣру Гренобля послѣдовали многіе города, въ томъ числѣ Лионъ, Марсель, Бордо, Лилль, Руанъ. Кромѣ того, нѣкоторые общества желѣзныхъ дорогъ (chemin de fer de l'ouest, chemin de fer de midi) поспѣшали также взять на себя заготовку для рабочихъ разнаго рода продуктовъ по дешевымъ цѣнамъ. Чтобы дать понятіе о цѣнахъ, по которымъ эти общества имѣютъ возможность продавать заготавливаемые имъ предметы, мы приведемъ прейскурантъ руанской cuisine ouvrière, которую посѣщаютъ исключительно мѣстные фабричные рабочіе:

Мясное блюдо съ овощами стѣбитъ тамъ	3 пенса.
Хлѣба—сколько съѣсть каждый	1 ¹ / ₂ „
¹ / ₂ литра сидра, разбавленнаго водой	1 „
¹ / ₂ литра сидра чистаго	1 ¹ / ₂ „
Чашка похлебки	1 ⁷ / ₈ „

Что касается потребленія французами спиртныхъ напитковъ, то можно сказать, что если пьянство и не повсемѣстно распространено во Франціи между рабочимъ классомъ, то въ нѣкоторыхъ его частяхъ оно наноситъ все-таки немалый вредъ семейной жизни и благосостоянію простолюдина. Въ Бретани, напримѣръ, крестьяне и даже крестьянки въ воскресные, праздничные и торговые дни никогда не упускаютъ случая напиться до-пьяна сквернымъ мѣстнымъ виномъ или картофельной водкой. То же можно сказать и о бретонскихъ ремесленникахъ и другихъ рабочихъ. Они нерѣдко такъ напиваются по воскресеньямъ, что ссчершенно не бываютъ способны къ работѣ по понедѣльникамъ, и семья, перебивающаяся изо-дня въ день, бываетъ вынуждаема, чтобы не умереть съ голоду, прибѣгать къ общественной благотворительности. Въ остальныхъ частяхъ Франціи рабочіе хотя въ меньшей степени, но тоже пристрастны къ вину. Впрочемъ, мѣстныя дешевыя и слабыя бѣлыя или красныя вина рѣдко бываютъ вредны, но absinthe (водка, приготовляемая изъ полыни) и petit verre, смѣсь всякихъ дешевыхъ одуряющихъ напитковъ, положительно вредно дѣйствуютъ на здоровье рабочихъ, употребляющихъ ихъ даже не въ особенно большомъ количествѣ. Пиво за послѣдніе годы стало входить въ большое употребленіе во Франціи, и главнымъ образомъ въ Парижѣ, гдѣ въ настоящее время оно составляетъ напитокъ, который больше всѣхъ другихъ уничтожается въ ресторанахъ и кабакахъ. Сначала оно привозилось изъ Страс-

бурга, почему за нимъ и доселѣ осталось нѣмецкое названіе „bosk“. Подъ этимъ названіемъ—un bosk—его обыкновенно требуютъ французы въ ресторанахъ. Теперь же оно готовится во многихъ городахъ Франціи въ весьма большомъ количествѣ. Несмотря на то, что оно вовсе некрѣпко и, какъ слѣдовало бы полагать, должно было вытѣснять изъ употребленія другіе, болѣе крѣпкіе напитки и тѣмъ уменьшать вредное дѣйствіе, производимое на рабочихъ спиртными, англичане видятъ въ распространеніи его иной результатъ и не находятъ причинъ радоваться его распространенію во Франціи, ибо французы выказываютъ наклонность очень сильно пристраститься къ этому напитку.

VI. Ж и л и щ а.

Невозможно себѣ представить, не убѣдясь собственными глазами, какой жалкій видъ представляютъ жилища нашихъ рабочихъ, говоритъ одинъ оффиціальныи французскій документъ, составленный въ тридцатыхъ годахъ текущаго столѣтія. Низкій нравственный уровень и полная безпечность самихъ рабочихъ довели ихъ до ужасающей нищеты. Помѣщенія, которыя они занимаютъ, скорѣе можно назвать подвалами или подземельями, чѣмъ комнатами. Въ нихъ царствуетъ мракъ и отвратительная духота; свѣжая струя воздуха никогда туда не проникаетъ; стѣны покрыты всякаго рода нечистотами; постели, если только онѣ есть, состоятъ изъ нѣсколькихъ грязныхъ досокъ, на которыхъ набросано немного сырой, изгнившей соломы, покрытой простыней, утратившей подъ слоемъ грязи и цвѣтъ, и всякое подобіе ткани. Остальная мебель и утварь, находящаяся въ такомъ логовищѣ, вся переломана, перебита, засалена, заржавлена. Овна, никогда не отворяющіяся и часто забитыя гвоздями, заклеены бумагой до того почернѣвшей и закоптѣлой, что самый яркій лучъ солнца не можетъ пройти севозъ нее. Полъ невыразимо грязенъ, всякая мерзость валяется на немъ и никогда не выметается, — остатки пищи, гнилыя овощи, зола, уголь, разные черепки и пр., и пр.

Жилища рабочихъ въ Руанѣ однимъ писателемъ описаны приблизительно такъ. Войти туда возможно не иначе, какъ чрезъ низкій, узкій темный корридоръ, въ которомъ взрослый человѣкъ едва можетъ стать во весь ростъ. По полу этихъ корридоровъ обыкновенно изъ всѣхъ этажей и квартиръ бѣгутъ потоки зловонной жидкости, которая, добираясь до двориза, скопляется тамъ въ стоячихъ лужахъ. По спиральной лѣстницѣ, также совершенно темной, со ступенями, покрытыми присохшей къ нимъ грязью, вы можете добраться до низкихъ вонуръ, двери и овна которыхъ ни запираются, ни отво-

ряются. Въ комнатахъ этихъ рѣдко можно найти какую-либо мебель или хозяйственныя принадлежности. Маленькія дѣти спятъ обыкновенно на мѣшкѣ золы, а кто постарше—мать, отецъ, братья и сестры—въ повалку на какой-нибудь отвратительной подстилкѣ. Жюль-Симонъ въ одной изъ своихъ рѣчей, произнесенныхъ по поводу положенія рабочаго класса во Франціи, высказалъ, что безпечность и равнодушіе этихъ людей къ окружающей ихъ обстановкѣ составляютъ большое благополучіе, ибо даютъ имъ возможность спокойно относиться къ такимъ, какъ казалось бы, невыносимымъ сторонамъ своего существованія. Между прочимъ онъ рассказываетъ, что одна бѣдная больная старуха, лежа въ сыромъ подвалѣ на ворохѣ иструхшей соломы, съ чувствомъ нѣкотораго достоинства говорила своему сосѣду, указывая на окружающій одръ и мокрый, ничѣмъ невымощенный земляной полъ: „Si je ne suis pas riche moi, mais j'ai ma botte de paille, Dieu merci“¹⁾).

Къ счастью, однако, эти ужасныя описанія въ цѣломъ относятся къ прошлому времени, и если могутъ быть примѣнены къ нѣкоторымъ мѣстностямъ современной Франціи, то во всякомъ случаѣ не могутъ быть обобщаемы въ такой мѣрѣ, въ какой это можно было сдѣлать въ тридцатыхъ и сороковыхъ годахъ этого столѣтія. Правда, что и теперь еще, какъ свидѣтельствуетъ англійское донесеніе, писанное въ концѣ 1871 года, большинство домовъ, гдѣ живутъ рабочіе, въ деревняхъ и небольшихъ городахъ Франціи не представляютъ никакихъ удобствъ и имѣютъ видъ мазановъ, построенныхъ на скорую руку и весьма мало защищающихъ своихъ обитателей лѣтомъ отъ зноя, а зимой отъ холода; правда, что и теперь еще мѣстность около этихъ жилищъ не осушена, чистая вода къ нимъ не проведена и пр. Мы между прочимъ встрѣчаемъ въ этихъ донесеніяхъ указанія на то, что рабочіе весьма дурно помѣщены въ Шербургѣ, сѣверо-восточныхъ провинціяхъ, въ особенности въ Шалонѣ на Марнѣ и Брестѣ, въ С.-Валери на Соммѣ и нѣкоторыхъ другихъ городахъ. Недостатки этихъ жилищъ описаны почти тѣми же красками, которыми изображены и приведенныя нами въ началѣ этой главы картины, причѣмъ указано и на относительно высокую цѣнность такихъ дурныхъ помѣщеній. Въ Шербургѣ, напримѣръ, за право провести одну ночь въ скверномъ углу рабочей платитъ около 7 пенс. (почти $\frac{3}{4}$ фр.), а годовая плата за комнату и кухню весьма непривлекательнаго вида, безъ всякой мебели и утвари, достигаетъ до 4 фунт. стерл. Въ нѣкоторыхъ городахъ сѣверо-западныхъ провинцій цѣна за подобныя же помѣщенія доходитъ до 6 и 8 фунт. стерл. Въ департа-

¹⁾ Правда, я небогата, но охапка соломы у меня, слава Богу, есть.

ментахъ Финистере, Коттъ-дю-Норъ и Морбиганъ комната безъ кухни стбѣтъ въ годъ до 6 фунт., а за кухню приплачивается. отъ $\frac{1}{3}$ ф. стерл. до 1 ф. въ годъ. Крестьяне въ этой мѣстности живутъ отнюдь не лучше и даже хуже ремесленниковъ. Хижины (chaumières), имѣющія двѣ комнаты и занимаемыя однимъ семействомъ, составляютъ рѣдкость и роскошь; большею же частью каждое семейство тѣснится въ одной комнатѣ, гдѣ и дѣти, и старцы, и матери, и сыновья спятъ вмѣстѣ.

Несмотря однако на приведенные нами примѣры, общій характеръ рабочихъ жилищъ во Франціи значительно улучшился за послѣднія 30 лѣтъ. Въ 1850 году была учреждена особая постоянная комиссія, на обязанности которой лежало освидѣтельствованіе жилищъ ремесленныхъ и фабричныхъ рабочихъ и изысканіе средствъ къ ихъ улучшенію. Кромѣ того, эта комиссія имѣла право требовать отъ фабрикантовъ и вообще хозяевъ промышленныхъ заведеній, чтобы они исполняли ея указанія, а въ случаѣ уклоненія отъ исполненія, могла ихъ привлекать къ установленной закономъ отвѣтственности. Нѣкоторыя полицейско-врачебныя мѣры если далеко не устранили всѣхъ золъ, порождаемыхъ неопытнымъ содержаніемъ этихъ жилищъ, то все-таки до нѣкоторой степени ихъ ослабили. Какъ на особенно полезную мѣру, за соблюденіемъ которой полиція наблюдала весьма строго, репортеръ указываетъ на дѣйствовавшее въ большинствѣ городовъ Франціи правило, воспрещавшее всякаго рода нечистоты и помои держать внутри домовъ болѣе 24-хъ часовъ. Каждый постоялецъ обязанъ ночью вынести ихъ внѣ жилища хоть просто на дворъ, если при домѣ не устроено помойной ямы; нанимаемые на общественный счетъ мусорщики къ утру убираютъ все это съ дворовъ и съ улицъ и свозятъ въ указанныя имъ мѣста.

Фабриканты и хозяева, нѣкоторые вслѣдствіе настояній рабочихъ, а другіе по собственному побужденію, принимаютъ мѣры къ улучшенію этой стороны быта рабочаго люда; правительство и частныя лица, въ видахъ коммерческихъ или въ видахъ благотворительности, устраниваютъ дома и цѣлыя колоніи для простолюдиновъ. Нѣкоторыми изъ нихъ эти люди пользуются, нѣкоторыя же предриятія этого рода не достигаютъ своей цѣли по причинамъ, о которыхъ мы имѣемъ въ виду говорить въ концѣ настоящей главы; но какъ бы то ни было, всѣ эти мѣры содѣйствуютъ изъ году въ годъ улучшенію рабочихъ жилищъ, и если цѣна на нихъ во Франціи за послѣднія 20—25 лѣтъ и поднялась на 30 процентовъ, то ихъ достоинство въ общемъ итогѣ возросло въ такой же степени, хотя въ частности возвышеніе цѣнъ не вездѣ и не всегда соотвѣтствовало улучшенію. Въ послѣдніе годы сдѣлано весьма много, говорить марсельскій ре-

портеръ, для доставленія рабочимъ удовлетворительныхъ квартиръ. Всѣ большіе города подвергались перестройкамъ, причѣмъ было обращено большое вниманіе на устройство вентиляціи и устраненіе сырости во вновь возводимыхъ или подвергшихся передѣлкѣ домовъ. Въ Лионѣ, Марсели и другихъ большихъ городахъ Франціи рабочіе нынче могутъ находить безъ труда удобныя и здоровыя квартиры вблизи мѣста своей работы.

Въ Лионѣ отдѣльные домики или квартиры въ старыхъ, почти разрушающихся домахъ, которыя прежде занимали рабочіе, замѣняются и даже замѣнены нынче обширными зданіями, построенными специально съ цѣлью доставленія дешевыхъ квартиръ рабочимъ. Дома построены каждый въ пять-шесть этажей, при чемъ высота каждаго изъ нихъ разсчитана такъ, чтобы въ комнатахъ могли быть свободно помѣщены ткацкіе станки, что вмѣстѣ съ тѣмъ удовлетворяетъ и гигиеническимъ требованіямъ; при этомъ однако часть каждой отдѣльной комнаты, занимаемой однимъ семействомъ, бываетъ раздѣлена надвое. Большую половину занимаютъ ткацкіе станки, обыкновенно числомъ 5—6 въ каждомъ помѣщеніи, а то, что не занято ими, раздѣляется по высотѣ еще на двѣ части. Внизу помѣщается самъ владѣлецъ станковъ съ своей женой и этотъ же уголокъ служить кухней и пожалуй гостиной, а на антресоляхъ живутъ остальные члены семейства. Какъ самыя комнаты, такъ и корридоры и лѣстницы ихъ соединяющія, свѣтлы, хорошо вентилированы и просторны. Также хорошо относятся англійскія донесенія къ жилищамъ рабочихъ въ Марсели и Бордо. Жители этого послѣдняго города впрочемъ обязаны почвѣ, на которой онъ построенъ, ибо она по своему составу естественнымъ образомъ, при помощи весьма несложныхъ и не цѣнныхъ приспособленій устраняетъ всякую сырость. Зимой, помѣщенія рабочихъ отличаются нѣсколько удушливымъ воздухомъ, но въ этомъ виноваты сами жильцы. Боясь холода и не желая много тратиться на топливо, которое тамъ очень дорого, они тщательно закупориваютъ всѣ отверстія, обыкновенно содѣйствующія освѣженію воздуха въ комнатахъ. Мы имѣли случай упоминать выше о цѣнахъ на квартиры въ Бордо и Лионѣ. Въ департаментѣ ея округа, гдѣ рабочіе, какъ вѣроятно помнятъ читатели, находятся въ весьма хорошемъ положеніи, они могутъ имѣть квартиры, удобства и цѣны которыхъ соотвѣтствуютъ семейному положенію каждаго жильца. Одну комнату можно нанять въ годъ за 3—4½ фунт. стерл.; за домъ или за часть дома, заключающую въ себѣ двѣ-три комнаты и кухню, платится отъ 5 до 12½ фунт. стерл., смотря по удобствамъ представляемымъ квартирой. Всѣ такія помѣщенія чисты, свѣтлы, сухи, воздухъ въ нихъ здоровый настолько, насколько по

крайней мѣрѣ это возможно при условіяхъ представляемыхъ окружающею мѣстностію, и находятся вблизи рабочихъ центровъ.

Обратимся къ Парижу. До перестройки его Наполеономъ III, какъ фабричные и ремесленники, такъ и другіе его работники, находили себѣ квартиры повсюду. На широкихъ бульварахъ, въ домахъ, нижніе этажи которыхъ заняты были роскошными, блестящими магазинами и средніе зажиточными и даже богатыми людьми, рабочіе находили себѣ пріютъ въ верхнихъ этажахъ; подыматься приходилось высоко, но за то квартиру всегда можно было найти по близости къ своей работѣ. Теперь не то. Перестройка Парижа, доставлявшая работу огромному, неслыханному дотогѣ числу рукъ (напримѣръ, въ одномъ 1867 году, было разобрано 1746 зданій и вновь возведено 3867), создавшая въ центрѣ города около 15,000 новыхъ отдѣльныхъ квартиръ, отодвинула рабочихъ къ окраинамъ города, тогда какъ источники работы, разныя промышленныя и ремесленныя заведенія и даже самыя строительныя работы, занимающія, какъ мы видимъ, множество рабочихъ, группируются болѣе и болѣе въ его срединѣ. Цѣль Наполеона, затруднить по возможности участіе рабочихъ въ революціонныхъ движеніяхъ, была частію достигнута, но другой болѣе опасный элементъ, порождающій революціи—недовольство рабочихъ классовъ своихъ положеніемъ, при этомъ усилился. Прежде работникъ за относительно недорогую цѣну находилъ для себя помѣщеніе рядомъ съ своей мастерской, фабрикой или постройкой, а теперь долженъ или тратить много денегъ на проѣздъ, или терять много силы на переходъ изъ отдаленнѣйшихъ предмѣстій города и иногда извнѣ его къ своимъ ежедневнымъ занятіямъ. Здоровый, сильный, молодой мужчина совершаетъ эти передвиженія безъ большого труда, а люди послабѣе и постарѣе приходятъ обыкновенно на работу совершенно истомленные продолжительной ходьбой по городскимъ улицамъ. Многимъ приходится дѣлать ежедневно по нѣсколькимъ милямъ. Хотя и существуетъ окружная желѣзная дорога, *chemin de ceinture*, опоясывающая Парижъ, по которой отъ окраинъ можно доѣхать за нѣсколькую су до относительно центральныхъ частей города, но ежедневный расходъ на эти переѣзды въ общей сложности составляетъ такую сумму, которую рабочій безъ большого обремененія своего бюджета жертвовать не можетъ. Если предположить среднимъ числомъ взадъ и впередъ, что эта поѣздка будетъ обходиться ему ежедневно не дороже 5-ти су, то въ 200 рабочихъ дней это составитъ (50 фр.) 2 фунт. стерл., тогда какъ стоимость самой квартиры и безъ того такъ высока, что едва выносима для рабочаго. Мало-мальски порядочное помѣщеніе въ третьемъ этажѣ какого-нибудь ветхаго дома, состоящее изъ двухъ-трехъ комнатъ,

безъ всякой конечно мебели, едва возможно нанять за 8 фунт. стерл. (200 фр.) въ годъ. Одинокіе рабочіе нанимають для себя комнаты за половинную цѣну, что бываетъ для нихъ особенно выгодно, если они живутъ вдвоемъ, такъ что они безъ большого стѣсненія могутъ себѣ часто позволять роскошь поѣздки по *chemin de ceinture*, но для семейнаго рабочаго это очевидно невысказимо.

Чтобы нѣсколько успокоить рабочихъ, раздраженныхъ такими порядками, вызванными Наполеоновскими распоряженіями, во время его царствованія, по его инициативѣ и даже частію на собственные его средства были устроены въ Парижѣ дома съ дешевыми квартирами для рабочихъ и даже цѣлыя такъ-называемыя рабочія колоніи.

Начало такимъ постройкамъ было положено въ 1849 году. Въ улицѣ Ропшваръ (*Rochesouart*) съ большимъ торжествомъ, въ присутствіи президента республики Лудовика-Наполеона Бонапарта и при огромномъ стеченіи народа былъ положенъ архіепископомъ парижскимъ Сибуромъ первый камень въ *Cité Napoléon*. Дѣло было задумано въ широкихъ размѣрахъ, предположено было собрать выпускомъ акцій, каждая въ 25 фр., до 6 милліон. фр. Предполагали, что рабочіе разберутъ большинство акцій и оцѣнятъ значеніе задуманнаго предпріятія; но случилось не такъ. Акціи не разбирались, постройка по разнымъ причинамъ, а главное по недостатку средствъ, шла вяло, и въ 1851 году было готово только 80 квартиръ. Первоначально образовавшееся общество вынуждено было ликвидировать свои дѣла и передать окончаніе построекъ другой компаніи, которая дѣйствительно достроила дома, при значительной однако помощи со стороны правительства. Компанія эта получила безвозвратно 200 т. фр. и заимообразно 450 т. фр. Домъ вышелъ очень красивый, очень прочный, опрятный и удобный, вмѣщающій въ себѣ до 200 квартиръ и 500—600 слишкомъ жителей, пріемный покой для дѣтей, гдѣ ихъ могутъ оставлять родители, уходя на работу, ванны и общую прачешную. Жизненные удобства представлялись для рабочаго въ формѣ недоступной для него при наймѣ квартиръ въ частныхъ домахъ, но устроители упустили изъ виду одно удобство, которое необходимо человѣку—свободу: дома быть какъ дома. Всѣ жители таковаго дома обязаны были подчиняться весьма стѣснительнымъ правиламъ и бдительному оффиціальному надзору, исключавшему всякій семейный характеръ жизни подъ благодѣтельною кровлею (за квартиры впрочемъ взималась плата отъ 200 до 600 фр. въ годъ) и придававшій ей совершенно казарменный характеръ. Въ 10 часовъ вечера ворота казармъ, *baggages*, такъ ихъ рабочіе и прозвали, запирались на замокъ и никто не имѣлъ права выходить на улицу позже этого часа. Это предупреждало быть можетъ, какъ того желалъ Наполеонъ,

участіе рабочихъ въ уличныхъ революціонныхъ движеніяхъ, но далеко не располагало поселяться въ нихъ тѣхъ, для кого именно онѣ были построены. Рабочіе положительно предпочитали менѣе удобныя квартиры въ частныхъ домахъ, гдѣ они не подлежатъ никакимъ стѣсненіямъ и никакому надзору, относительно дешевымъ и удобнымъ помѣщеніямъ въ Cité. „Мы, — говорятъ рабочіе, — цѣлый день проводимъ въ мастерской или на фабрикѣ подъ надзоромъ смотрителей и приказчиковъ, цѣлый день на работѣ подчиняемся разнаго рода стѣснительнымъ правиламъ, за малѣйшее нарушеніе которыхъ насъ штрафуютъ; усталые приходимъ вечеромъ домой, хотѣли бы отдохнуть въ семьѣ, на свободѣ и опять видимъ прибитыя къ дверямъ правила, стѣсняющія положительно нашу семейную жизнь, а въ управляющихъ Cité встрѣчаемъ тѣхъ же фабричныхъ надсмотрщиковъ и приказчиковъ, которые надѣли намъ днемъ. И дома то у себя мы не хозяева“ ¹⁾. Вотъ причины, вслѣдствіе которыхъ устроенныя французскимъ правительствомъ дома съ дешевыми квартирами для рабочихъ такъ неохотно занимаютъ послѣдними и не достигаютъ своей цѣли. Та же участь, которая постигла эту первую казарму, досталась на долю многихъ другихъ построенныхъ въ Парижѣ съ благотворительною цѣлію домовъ, какъ напр. cités на Мазасскомъ бульварѣ, въ Батиньолѣ на Avenue Daumesnil, колонію состоящую изъ 50-ти небольшихъ домиковъ, каждый этажъ которыхъ вмѣщала только квартиру для одного семейства. Впрочемъ, чѣмъ при постройкѣ такихъ домовъ менѣе имѣлись въ виду благотворительныя цѣли, чѣмъ менѣе содѣйствія оказывало правительство, тѣмъ лучше достигалась цѣль, ибо, неопазывая содѣйствія предпріятію, правительство не вмѣшивалось во внутренніе порядки. Между заведеніями этого рода, созданными на частныя средства, мы можемъ указать колонію, устроенную г-жею Жуфруа Рено, въ Клиши, въ относительно отдаленной отъ центра части города, и на колонію графа де-Мадре, находящуюся въ весьма населенномъ мѣстѣ вблизи Тампльскаго бульвара.

Первая колонія состоитъ изъ двухъ рядовъ небольшихъ, разнообразныхъ по величинѣ домиковъ, построенныхъ по обѣимъ сторонамъ широкой улицы. Каждый домикъ имѣетъ отъ двухъ до четырехъ комнатъ, кухню, погребъ и непременно окруженъ садомъ. Расположеніе квартиръ весьма удобное и стоимость ихъ, относительно, не высока. Собственно за квартиру, необходимую для семейнаго рабочаго, платится въ этой колоніи въ годъ 10 фун. 11 шил. 2½ пен. (264 фран.), что составляетъ 5½ процентовъ на затраченный на ихъ

¹⁾ Audiganne. Population ouvrière.

постройку капиталъ; но если жилецъ хочетъ приобрести свое помѣщеніе въ собственность, то въ этой суммѣ прикладываетъ еще 4 фун. 13 шил. 7¼ пен. (117 фран.) въ годъ, въ теченіи 15-ти лѣтъ, по истеченіи которыхъ вступаетъ въ полное владѣніе домомъ и принадлежащимъ къ нему садомъ. Уплата общей суммы, 381 фран. въ годъ, довольно тяжела для рабочаго и поэтому пользоваться удобствами представляемыми колоніей могутъ счастливѣйшіе, но кто можетъ пользоваться ею весьма охотно. Надо, однако, замѣтить, что денежные расчеты этой колоніи далеко не чужды благотворительнаго характера, ибо Жюфруа Рено получаетъ на капиталъ ею затраченный не 5½ процентовъ, какъ это могло бы казаться по квартирной платѣ, а всего 3½ процента, ибо остальную часть своихъ доходовъ употребляетъ на такіе предметы, которые по всей справедливости должно бы было отнести на счетъ жильцовъ или будущихъ собственниковъ домовъ. Что касается до колоніи графа де-Мадре, то она построена съ чисто-коммерческою цѣлью, что не мѣшаетъ ей приносить рабочимъ пользу не меньшую, чѣмъ вышеупомянутыя нами. Капиталъ затраченный предпринимателемъ приноситъ ему 6½ процентовъ чистаго дохода. Колонія состоитъ изъ 88-ми домовъ, заключающихъ въ себѣ 4000 отдѣльныхъ квартиръ. Годовая наемная плата за одну комнату среднимъ числомъ составляетъ 4 фун. стерл. Большинство квартиръ состоитъ изъ 2-хъ комнатъ и кухни, и отдается въ годъ за 8 фун. 8 шил. 4 пен.; самыя обширныя помѣщенія имѣютъ до трехъ комнатъ съ кухней и стоили въ 1866 году 10 ф. 8 шил. 4 пен., а въ настоящее время около 14 фун. стерл. Цѣны эти соотвѣтствуютъ существующимъ вообще въ Парижѣ цѣнамъ на квартиры въ частныхъ домахъ, но послѣднія далеко не представляютъ для жильцовъ тѣхъ удобствъ, которыми они могутъ пользоваться въ колоніи графа Мадре.

Подобные дома и колоніи устроены во многихъ городахъ Франціи: въ Марселѣ, Ліонѣ, Лиллѣ, Аміенѣ, въ промышленномъ мѣстечкѣ Венго близъ Реймса и многихъ другихъ. Все, что мы сказали о парижскихъ Cités, можно повторить и объ этихъ послѣднихъ, поэтому мы ихъ описывать не будемъ, но считаемъ необходимымъ прибавить, что образцомъ учреждений этого рода, построенныхъ французами, надо признать мюльгаузенскія, которыя нынѣ принадлежатъ уже не Франціи, а Германіи.

Англійскія донесенія свидѣтельствуютъ, что устройство этой образцовой колоніи въ Мюльгаузенѣ имѣло самое благотѣльное вліяніе на нравственность рабочихъ, несмотря на то, что жильцы ея не стѣснены никакими уставами и регламентами въ своемъ образѣ жизни. Вообще сознаніе бѣдняка, что онъ, при помощи своего тру-

долюбія, можетъ сдѣлаться владѣльцемъ дома, въ которомъ живетъ, и садика, въ которомъ играютъ его дѣти, что онъ можетъ обезпечить свою семью и спокойно умереть подъ старость, необыкновенно возвышаетъ его нравственное настроеніе. Въ подтвержденіе этихъ указаній, репортеръ рассказываетъ слѣдующій случай.

У одного богатаго фабриканта въ Рубе жилъ кочегаръ, чрезвычайно смысленный и способный человѣкъ, но къ сожалѣнію горчайшей пьяница. Однажды, возвращаясь изъ кабака, этотъ бѣднякъ упалъ, сломалъ себѣ ногу и надолго слегъ въ постель. Работать, конечно, уже не могъ. Фабрикантъ его навѣстилъ во время болѣзни и былъ очень тронутъ горестью этого человѣка, которая пробуждалась въ немъ при мысли, что онъ ничего не сберегъ на черный день и ничѣмъ не обезпечилъ семью на случай какого-либо несчастія. Эта горестъ тѣмъ была осязательнѣе, что оставаясь безъ работы онъ понималъ, что семья и онъ самъ могутъ умереть съ голоду во время его болѣзни. Хозяинъ успокоилъ его, обѣщая выдавать ему во время его болѣзни жалованье, въ такомъ же размѣрѣ, въ какомъ онъ получалъ его будучи здоровъ, — съ тѣмъ, чтобы онъ уплатилъ долгъ постепенно, когда выздоровѣетъ. Онъ долго былъ боленъ и потому погашеніе долга длилось около года. Это его приучило къ бережливости и умѣренности настолько, что когда долгъ былъ уплаченъ и фабрикантъ предложилъ ему ту же сумму, которая удерживалась для уплаты долга, удерживать ежемѣсячно для того, чтобы скопить 1200 франковъ и купить домъ, въ которомъ онъ помѣщался, кочегаръ весьма охотно согласился, бросилъ пьянство и чрезъ нѣсколько лѣтъ сталъ владѣльцемъ дома, въ которомъ жилъ. Ему такъ это понравилось, что когда домъ уже былъ купленъ и ему стали уплачивать жалованье безъ вычета, онъ попросилъ продолжать удерживать часть денегъ по прежнему, чтобы со временемъ купить другой домикъ.

VII. Количество работы.

Какъ безусловное, весьма присущее человѣку стремленіе улучшить свое положеніе, такъ и непропорціональное вздорожаніе труда, вздорожаніе жизненныхъ потребностей и изъ году въ годъ возрастающее недовольство своимъ житьемъ-бытьемъ, вынуждаютъ французскаго рабочаго прибѣгать къ различнаго рода средствамъ, могущимъ благопріятно повліять на его матеріальную обстановку. Конечно, для этого представляются двѣ дороги: уменьшить свои расходы или увеличить доходы. Первое, вслѣдствіе постоянного возрастанія цѣнъ на жизненные припасы, совершенно стало невозможно. Вздорожаніе

это съ избыткомъ поглощаетъ ту экономію, которая можетъ образоваться въ бюджетѣ расхода рабочаго, вслѣдствіе усвоенія или болѣе воздержнаго противъ прежняго образа жизни. Для увеличенія же своего дохода рабочіе стараются, во-первыхъ, заставить капиталистовъ увеличить размѣръ заработной платы, и мы видѣли, въ какой мѣрѣ происходитъ это увеличеніе; во-вторыхъ, стремятся къ замѣнѣ по-деннаго труда поштучнымъ или задѣльнымъ, что съ каждымъ днемъ распространяется во Франціи все болѣе и болѣе и приноситъ дѣйствительно существенную пользу, ибо увеличиваетъ въ нѣкоторыхъ мѣстностяхъ дневной заработокъ рабочаго вдвое, причемъ, однако, рабочіе не жалѣютъ своего времени и проводятъ за дѣломъ не по 12-ти час. въ сутки—наиболѣе распространенная норма количества дневной работы—а по 16-ти и болѣе часовъ. Затѣмъ они добиваются, чтобы рабочій день, заключающій нынѣ въ большинствѣ случаевъ 12 часовъ, рѣдко и то только въ городахъ 11, а въ видѣ особыхъ исключеній въ Парижѣ 10 часовъ, длился не болѣе 8-ми часовъ. Это стремленіе весьма рѣзко проявляется въ Парижѣ и только едва становится замѣтнымъ въ провинціяхъ, гдѣ и десяти-часовая норма почти еще неизвѣстна,—ее достигли не многіе изъ парижанъ. Добиваясь установленія 8-часовой дневной работы, ремесленники и фабричные не утверждаютъ однако, что они не будутъ въ сутки работать болѣе этого количества часовъ. Напротивъ, они обѣщаютъ работать гораздо долѣе, съ тѣмъ однако же, чтобы за отработку cadaго, излишняго сверхъ 8-ми часовъ, часа имъ было уплачено по расчету одной восьмой доли дневнаго жалованья. Понятно, что уменьшеніе рабочихъ часовъ при такихъ условіяхъ было бы равносильно увеличенію поденной платы. Едва ли, однако, парижане скоро добьются достиженія своей цѣли. Какъ мы сказали, 10-часовая норма составляетъ еще въ Парижѣ исключеніе, а въ провинціяхъ, и то въ городахъ, такое же исключеніе составляетъ 11-часовая. Вообще въ весьма недавнее время, то-есть, съ небольшимъ два года тому назадъ, почти на всѣхъ большихъ фабрикахъ и заводахъ Франціи рабочіе были обязаны работать въ день до 12-ти часовъ, а въ нѣкоторыхъ, правда, весьма немногихъ, даже 13 и 14. Въ Парижѣ даже одиннадцати-часовая работа еще была принята далеко не повсемѣстно. Въ этомъ городѣ, а также и въ Руанѣ рабочимъ дозволялось въ теченіи дня два раза отлучаться для завтрака и обѣда, обыкновенно между 9 и 10 часами утра и потомъ между 2 и 3 пополудни, а въ другихъ промышленныхъ городахъ, какъ напримѣръ, въ Лионѣ, Нанси, Рубе, С.-Кентенѣ по три раза въ день. Зимой, вслѣдствіе короткости дня, работы въ промышленныхъ заведеніяхъ начинаются позднѣе, за то также и оканчиваются позднѣе, то-есть,

въ 8, а иногда и въ 9 часовъ вечера, и кромѣ того время отдыха, предоставляемаго рабочимъ для поддержанія себя пищей, сокращается до получаса. Въ сельскихъ промышленныхъ заведеніяхъ рабочий день начинается обыкновенно въ 5 часовъ утра, а оканчивается въ 7 вечера, фабричные становятся на работу чаще всего въ 6 часовъ, а за послѣднее время даже нѣсколько позднеѣ. Такъ, напримѣръ, на руанскихъ фабрикахъ рабочий день весьма недавно начинался въ 6 часовъ утра, кончался въ 7 вечера, а въ настоящее время, по настоянію рабочихъ, на многихъ фабрикахъ работа прекращается въ 6 час. 15 мин., а на нѣкоторыхъ даже въ 5 час. 15 мин. Въ этомъ заключается уступка, сдѣланная фабрикантами. Уступка весьма значительная и по словамъ самихъ, по крайней мѣрѣ, фабрикантовъ настолько для нихъ невыгодная, что они опасаются разорительныхъ для себя отъ нея послѣдствій. Такъ какъ эти опасенія повуда не подтверждаются еще никакими фактическими доказательствами и новый порядокъ существуетъ еще весьма непродолжительное время, то мы не беремся дѣлать какихъ-либо заключеній по этому поводу и можемъ только, въ видахъ успокоенія руанскихъ и другихъ фабрикантовъ, беспокоящихся за будущность промышленныхъ заведеній, уменьшившихъ величину рабочаго дня безъ уменьшенія размѣра поденной платы, сослаться, по указанію англійскихъ донесеній, на утѣшительный примѣръ больбекскихъ промышленныхъ заведеній. Тамъ число рабочихъ часовъ уменьшено съ 12 до 11, и послѣдствія этого уменьшенія оказываются самыя благоприятныя какъ для успѣховъ промышленности, такъ и для выгодъ капиталистовъ, заботящихся вообще объ улучшеніи быта своихъ рабочихъ. Благодаря этимъ заботамъ, говорятъ донесенія, рабочіе относятся къ своему труду съ гораздо бѣльшей любовью, чѣмъ прежде, лучше ее выполняютъ и этимъ самымъ вознаграждаютъ нанимателя за его вниманіе къ ихъ нуждамъ, ибо увеличиваютъ доходность заведенія и при этомъ сами совершенствуются въ нравственномъ отношеніи.

VIII. Образованіе.

Несмотря на множество прегрѣшеній, совершонныхъ передъ Франціей правительствомъ Наполеона III, нельзя не отдать справедливости этому государю въ томъ, что онъ заботился о распространеніи образованія въ народныхъ массахъ.

Размѣръ денежныхъ суммъ, употребленныхъ на этотъ предметъ правительствами Франціи въ различные періоды ея бурнаго существованія, ясно это доказываетъ. Первая республика, наимѣвшая

времени сдѣлать что-либо существенное въ этомъ отношеніи, не вносила никакой суммы на этотъ предметъ въ государственный бюджетъ; при Наполеонѣ I этотъ пробѣлъ былъ пополненъ суммою въ 160 фун. стер.; во времена реставраціи цифра эта возросла до 2000 ф. стер.; июльская монархія довела ее до 20,050 ф. ст.; правительство Наполеона III—до 72,000. Доставка же средствъ къ образованію возможно большей массѣ народа не только вполне соотвѣтствовало современнымъ требованіямъ цивилизаціи, но и желаніямъ французскаго рабочаго сословія. Вездѣ, гдѣ открывались школы, или какіе бы то ни было курсы, желающихъ учиться являлось болѣе чѣмъ достаточно. Школы ремесла и искусствъ (Ecoles des arts et métiers) составляющія нѣчто въ родѣ среднихъ учебныхъ заведеній для промышленныхъ и ремесленныхъ классовъ, могли принимать, за недостаткомъ вакансій, только четвертую часть заявившихъ на то желаніе. Всѣ низшія школы были переполнены учениками, родители которыхъ, несмотря на свой скромный заработокъ, не затруднялись вносить относительно довольно крупную учебную плату. Вечерніе курсы привлекали повсюду огромное число мастеровыхъ и фабричныхъ, приходившихъ слушать ихъ въ 7—8 часовъ вечера, послѣ двѣнадцати, а иногда и четырнадцати-часового физическаго труда, причемъ профессора находили въ этихъ людяхъ быстрый, сообразительный умъ и большое вниманіе къ преподаваемому предмету. Нѣкто г. Бурхартъ, основавшій въ Гюберлинѣ, незадолго до прусско-французской войны, курсы для фабричныхъ, пригласилъ нѣсколько наиболее даровитыхъ рабочихъ изъ Мюльгаузена ознакомиться съ ихъ устройствомъ и программю. Эти лица такъ хорошо поняли пользу дѣла, что немедленно принялись за устройство такихъ же курсовъ въ Мюльгаузенѣ, конечно, не безъ содѣйствія образованныхъ людей, и блистательно достигли своей цѣли. Нѣкто де-Марсильи, президентъ аміенской промышленной палаты, приводитъ ¹⁾ еще болѣе замѣчательный случай въ этомъ родѣ. Въ Аміенѣ было предположено построить особое зданіе для чтенія лекцій ткацкой и прядильной промышленности. Стоимость всего зданія простиралась до 25,000 франковъ слишкомъ. Расходъ этотъ менѣе чѣмъ въ годъ совершенно окупился платою за слушаніе лекцій; но мало того, во время постройки зданія рабочіе, въ свободное отъ обязательныхъ занятій на фабрикахъ время, приходили помогать его строить и, трудясь весьма усердно, упорно отказывались получить какое-либо вознагражденіе.

Учебныя заведенія, которыми могли пользоваться въ послѣдніе годы царствованія Наполеона III рабочія и промышленныя сословія,

¹⁾ Enquête sur l'enseignement professionnel.

главнымъ образомъ заключались въ пріютахъ (salles d'asiles), начальныхъ школахъ (écoles primaires), школахъ искусствъ и ремеслъ (écoles des arts et métiers). Къ высшему разряду этого рода заведеній можно также причислить находящуюся въ Парижѣ, единственную во Франціи, Conservatoire des arts et métiers. Кроме того, въ различныхъ городахъ устраивалось множество вечернихъ и воскресныхъ курсовъ. Въ организаціи и содержаніи нѣкоторыхъ изъ названныхъ нами заведеній принимали участіе и частныя лица, но главнѣйшіе по этому предмету расходы были отнесены на государственныя, городскія и общественныя средства. Salles d'asiles, пріюты, составляли учрежденія, въ которыхъ родители, не имѣвшіе возможности держать цѣлый день при себѣ маленькихъ дѣтей, отъ 2 до 7 лѣтъ, могли ихъ оставлять во время рабочихъ часовъ. Большею частію за это никакой платы не взималось, а въ тѣхъ пріютахъ, для которыхъ она была установлена, бѣдняки безъ всякаго затрудненія отъ нея освобождались. Впрочемъ, къ чести рабочихъ надо сказать, они весьма рѣдко уклоняются отъ взноса установленной платы, въ случаѣ если для нихъ къ тому представляется какая-либо возможность. Въ этихъ пріютахъ за дѣтьми не только смотрятъ, и не только ихъ кормятъ и обучаютъ ихъ чтенію, письму и закону божію, но также сообщаютъ нѣкоторыя доступныя для ихъ возраста свѣдѣнія, при помощи нагляднаго обученія. Уроки длятся не болѣе четверти часа и отдѣляются одинъ отъ другого гимнастикою, подвижными играми, вообще занятіями, развивающими физическую сторону ребенка. Въ 1866 г. всѣхъ дѣтей, пользовавшихся такимъ уходомъ, считалось 432,141. Въ 1867 г., въ одномъ Сенскомъ департаментѣ было 187 пріютовъ, содержавшихъ 25¹/₂ тысячъ дѣтей.

Въ начальныхъ школахъ Франціи, доступныхъ не только для городскихъ, но и для сельскихъ жителей, преподаваніе велось болѣе систематически и въ болѣе обширныхъ размѣрахъ, чѣмъ въ пріютахъ, ибо дѣти поступали туда не ранѣе 7-ми лѣтъ. Обязательная программа преподаванія въ этихъ учебныхъ заведеніяхъ состояла изъ закона божія, чтенія, письма, счисленія и основныхъ началъ французской грамматики. Желавшіе же могли во многихъ изъ этихъ школъ ознакомиться съ началами естествовѣдѣнія, исторіей, географіей, алгеброю, геометріей, обучаться рисованію и землемѣрію. Въ Парижѣ безусловно не взималось никакой платы за посѣщеніе начальныхъ школъ, а въ провинціяхъ эта плата взималась только съ наиболѣе состоятельныхъ лицъ. По официальнымъ отчетамъ за 1866 годъ всѣхъ дѣтей мужескаго пола, посѣщавшихъ школы, считалось 1.732,412, а женскаго 1,578,290 чел. Надо имѣть въ виду, что на обученіе послѣднихъ во Франціи было обращено вниманіе

только въ шестидесятыхъ годахъ. До тѣхъ поръ дѣвочки почти все имѣ не пользовались. Результаты, полученные отъ распространенія во Франціи начальныхъ школъ, могутъ, въ нѣкоторой степени, быть провѣрены числомъ грамотныхъ людей, поступающихъ въ военную службу. Средній для всей Франціи процентъ неграмотныхъ конскриптовъ, въ послѣдніе передъ войной годы, не превышалъ 30%, или, иначе, на каждые 100 конскриптовъ приходилось среднимъ числомъ грамотныхъ 70, и неграмотныхъ 30 человекъ. Наибольшій процентъ грамотныхъ выпадалъ на долю наиболѣе промышленныхъ 14-ти департаментовъ, между прочимъ Сенсаго, ниже- и верхне-Рейнскаго, верхне-Альпійскаго, верхне-Марнскаго и пр.; здѣсь процентъ грамотныхъ, умѣющихъ читать, простирался до 90 и даже до 96 процентовъ. Наименьшій процентъ 58—50, и ниже, падалъ на наименѣе промышленныя части страны, между прочимъ на департаменты Вандейскій, Восточно-Пиренейскій, Ландскій. Пріюты и начальные школы составляютъ общеобразовательныя заведенія, остальные же, упомянутыя нами, учреждены специально для ремесленниковъ и фабричныхъ рабочихъ. Мысль объ учрежденіи ремесленныхъ училищъ принадлежитъ еще Наполеону I. Къ лучшимъ изъ заведеній этого рода относятъ правительственныя школы, основанныя въ Шалонѣ, Анжерѣ и Э. Въ этихъ школахъ готовятъ теоретически и практически какъ ремесленные ученики, такъ и лучшіе фабричныя и заводскіе рабочіе. Воспитанники ихъ ежедневно посвящаютъ пять часовъ теоретическимъ занятіямъ, связаннымъ съ ремеслами и различнаго рода техническими и механическими производствами, какъ, напр., алгебрѣ, геометріи, химіи и 7 часовъ практическимъ занятіямъ въ мастерскихъ. Въ этихъ заведеніяхъ обращается особенное вниманіе на обученіе черченію и рисованію, — предметы весьма важныя для ремесленника. Англичане признаютъ эти школы весьма хорошими и считаютъ, что они въ общемъ итогѣ приносятъ большую пользу. Недостатокъ же ихъ заключается, судя по отзывамъ нѣкоторыхъ компетентныхъ людей, въ неудовлетворительной спеціализаціи преподаванія. Ученики получаютъ прекрасное общеремесленное образованіе, но не всегда бываютъ достаточно хорошо специально знакомы съ избраннымъ ими ремесломъ или промышленностью; поэтому, оставляя заведеніе, они обыкновенно рассчитываютъ заняты видное мѣсто между рабочими той фабрики, или той мастерской, въ которую думаютъ поступить, а попадаютъ болѣею частію въ рядовые, что вызываетъ въ нихъ раздраженіе и сразу дѣлаетъ ихъ недовольными своимъ положеніемъ. Затѣмъ, какъ ни достойны похвалы эти заведенія и какъ ни способны они приносить извѣстную пользу развитію промышленности во Франціи, вліяніе ихъ ощущается

весьма слабо, потому что ихъ относительно мало числомъ. Изъ всѣхъ правительственныхъ школъ этого разряда выпускается ежегодно болѣе 450—500 человѣкъ, что далеко не удовлетворяетъ потребности въ образованныхъ ремесленникахъ, потребности, которая во Франціи съ каждымъ годомъ возрастаетъ. Вообще, должно сказать, что хотя французское правительство за послѣднее время относительно и много заботилось о доставленіи рабочимъ, въ особенности фабричнымъ и ремесленнымъ, средствъ получить надлежащее образованіе и соотвѣтствующія свѣдѣнія, средства эти безусловно далеко недостаточны. Лучше всего доказывается это тѣмъ обстоятельствомъ, что законъ, обязывающій хозяевъ (patron) предоставлять своимъ ученикамъ не менѣе 2 часовъ въ день свободнаго времени, съ тѣмъ чтобы они могли посѣщать школу, во многихъ случаяхъ не достигаетъ своей цѣли за недостаткомъ школъ и курсовъ. Нѣсколько лѣтъ тому назадъ заходила рѣчь о томъ, чтобы этотъ законъ видоизмѣнить. Думали предоставить хозяину право требовать отъ ученика, чтобы онъ эти два часа, свободныхъ отъ физическаго труда, ни на что иное, какъ на посѣщеніе учебнаго заведенія, не употреблялъ. Но отъ этого предположенія должно было отказаться, частію по только-что приведенной нами причинѣ, т.-е. за слишкомъ ограниченнымъ числомъ школъ, и предоставить наблюденіе въ этомъ отношеніи за ученикомъ власти его родителей. Во Франціи существуютъ нѣсколько частныхъ учебныхъ заведеній, имѣющихъ цѣлю давать нѣкоторое образованіе и снабжать спеціальными свѣдѣніями молодыхъ людей, прошедшихъ курсъ ремесленнаго ученичества. Заведенія эти значительно содѣйствуютъ сформированію изъ ученика хорошаго рабочаго и нравственнаго человѣка; но, во-первыхъ, число ихъ крайне незначительно, а во-вторыхъ, и пользоваться ими могутъ весьма немногіе, ибо посѣщеніе ихъ отнимаетъ время у молодого человѣка, когда трудъ его начинаетъ уже приносить ему матеріальныя выгоды и часто доставлять средства къ существованію его семейству. Уменьшеніе общепринятаго числа рабочихъ часовъ, конечно, не мало могло бы увеличить пользу такихъ дополнительныхъ школъ. Conservatoire des arts et métiers, несмотря на свое одиночество,—ибо парижская Conservatoire составляетъ единственное заведеніе этого рода во всей Франціи,—приноситъ весьма большую пользу и оказываетъ несомнѣнное вліяніе на развитіе французской промышленности. Это огромное и красивое зданіе вмѣщаетъ въ себѣ, во-первыхъ, музей всевозможныхъ предметовъ, могущихъ интересовать ремесленника, технолога и механика, начиная отъ простаго молотка до самыхъ сложныхъ машинъ, отъ сырого матеріала, въ видѣ земли, дерева, шерсти, кусковъ желѣза и проч. до тончайшихъ произведеній фабричной и ремесленной дѣл-

тельности; во-вторыхъ, специальную бібліотеку изъ 20,000 томовъ, въ-третьихъ, коллекцію превосходныхъ чертежей и рисунковъ, въ-четвертыхъ, начальную школу и, наконецъ, въ-пятыхъ, двѣ обширныя аудиторіи, изъ которыхъ одна можетъ вмѣстѣ до 700 слушателей, а другая — 360. Лекціи, читаемыя въ этихъ аудиторіяхъ бесплатно, доступны для всѣхъ желающихъ, и несмотря на то, что на кафедрѣ являются нерѣдко лучшіе и знаменитѣйшіе ученые Франціи, языкъ, которымъ они бесѣдуютъ съ публикой, доступенъ для всякаго наименѣе образованнаго ремесленника. Читенія эти по преимуществу посѣщаются молодыми фабричными и мастеровыми. Музей и бібліотека также открыты публикѣ, и въ воскресные дни вы непременно встрѣтите тамъ цѣлыя толпы рабочихъ, осмысленно и внимательно изучающихъ тотъ или другой предметъ и помогающихъ взаимными объясненіями и разсказами понимать значеніе различныхъ орудій, машинъ и проч. Понятно, что такое заведеніе при обычаѣ французскихъ рабочихъ эмигрировать изъ провинціи въ Парижъ и изъ Парижа въ провинцію, должно оказывать сильное образовательное вліяніе и содѣйствовать успѣхамъ промышленности во всей странѣ.

IX. Кооперативныя и вспомогательныя общества, сберегательныя кассы и проч.

Какъ ни скуденъ заработокъ французскаго рабочаго и какъ ни бѣдна его матеріальная обстановка, онъ однако въ общемъ итогѣ находитъ возможность дѣлать нѣкоторыя сбереженія относительно даже весьма значительныхъ размѣровъ. Это служитъ лучшимъ доказательствомъ бережливости и умѣренности французскаго народа, пользующагося, благодаря своему живому характеру и острому уму, репутаціей безпечнаго гуляки. Свойства эти: бережливость и умѣренность выражаются какъ въ стремленіи этихъ людей приобрѣтать собственность, въ видѣ жилищъ, садовъ и огородовъ, что впрочемъ рѣдко бываетъ для нихъ доступно, такъ и въ большомъ числѣ разнаго рода обществъ взаимнаго вспоможенія, ассоціацій производителей и потребительныхъ, требующихъ отъ всѣхъ въ нихъ участвующихъ лицъ денежныхъ взносовъ въ томъ или другомъ размѣрѣ, наконецъ, сберегательныя кассы (caisses d'épargnes), учрежденныя еще въ 1818 году съ цѣлю доставить бѣдному классу возможность съ нѣкоторою выгодой хранить свои небольшія, припасенныя на черный день деньги, весьма осязательно доказываютъ, что французы вовсе не расточительны.

Судныя кассы, судя по ихъ официальнымъ отчетамъ, съ самаго

начала своего существованія постоянно расширяли свои дѣйствія; какъ ихъ обороты, такъ и число членовъ изъ году въ годъ возрастали и достигли къ концу прошлаго десятилѣтїя до весьма значительныхъ размѣровъ.

Кассы эти не имѣютъ права хранить влады, превышающіе 1,000 фран. (25 ф. ст.) на одно лицо и уплачиваютъ вкладчикамъ проценты по истеченіи каждаго мѣсяца. Проценты эти столь невысоки, что они не могли бы служить приманкою для вкладовъ. Такъ, въ 1867 году парижскія кассы выдали своимъ вкладчикамъ дивидендъ въ размѣрѣ только $3\frac{1}{2}\%$, между тѣмъ къ 1-му января 1868 года число всѣхъ кассъ во Франціи приближалось къ 500, общая сумма владовъ простиралась до 22,834,767 ф. стер., принадлежавшихъ 1,845,603 вкладчикамъ, такъ что среднимъ числомъ на каждаго изъ нихъ приходилось около 12 фун. стер. 7 шил. $5\frac{1}{2}$ пен. (около 310 фр.). Въ одномъ 1867 году новыхъ вкладчиковъ поступило 271 тысяча слишкомъ. Изъ нихъ рабочіе, какъ по числу такъ и по общему размѣру вкладовъ, составляли одну треть, лица состоящія въ личномъ услуженіи одну восьмую часть, и на каждые двадцать человѣкъ жителей Франціи приходилось по одному вкладчику этихъ кассъ.

Мы не имѣемъ въ виду подробнаго описанія кооперативныхъ и вспомогательныхъ обществъ, но для пополненія нашего очерка считаемъ необходимымъ упомянуть о нѣкоторыхъ изъ нихъ. Такъ нельзя пройти безъ вниманія общества взаимнаго вспоможенія (*sociétés de secours mutuel*), начало которымъ положено было въ 1819 году бронзовщиками, образовавшими между собой союзъ, имѣвшій цѣлю оказывать своимъ членамъ, участвующимъ въ составленіи денежнаго фонда, разнаго рода матеріальныя пособія. Общество это, носившее названіе „*Von accord*“, послужило примѣромъ для множества другихъ, сформировавшихся въ Лионѣ, Труа, Руанѣ и другихъ городахъ Франціи. Союзы этого рода до 1850 г. преслѣдовались правительствомъ, а съ 1850 года были имъ взяты подъ свое особенное покровительство и наблюденіе. Съ тѣхъ поръ число ихъ очень умножилось, хотя число ихъ членовъ не было особенно велико даже въ 1867 году. Всѣхъ обществъ этого рода было 5,829, въ нихъ состояло дѣйствительными членами мужчинъ 530,203 и женщинъ 120,387; весь капиталъ ихъ, составленный частію изъ добровольныхъ пожертвованій почетныхъ членовъ, приглашенныхъ правительственными властями, простирался къ этому времени до 185,243 фун. ст., ежегодный доходъ же отъ членскихъ взносовъ и добровольныхъ пожертвованій равнялся 560,651 ф. ст., а расходъ 498,845 ф. ст. Значительная часть этой послѣдней суммы (около 350,000 ф. ст.) была употреблена на пособіе больнымъ членамъ общества, на лекарства, плату медикамъ

и похороны умершихъ, затѣмъ, около 60,000 ф. ст. на выдачу пенсій вдовамъ, сиротамъ, вальвкамъ и старикамъ. Несомнѣнно, что общества эти приносили весьма существенную пользу, и должно удивляться отчего, сравнительно, къ нимъ принадлежало такъ мало рабочихъ. Официальные отчеты агентовъ французскаго правительства видятъ причину этого явленія въ недостаточномъ знакомствѣ населенія съ этими учрежденіями и въ непониманіи рабочими всѣхъ выгодъ, которыя они представляютъ; мы полагаемъ, что такое заключеніе едва ли справедливо. Общества эти были распространены въ такомъ большомъ количествѣ (правительство заботилось, чтобы всякая община завела у себя общество взаимнаго вспомошествованія, и ихъ было основано до 6000), что трудно было простолыдину даже случайно не наткнуться на нихъ. Пособія, раздаваемые ими, въ общей сложности были также весьма значительны, и едва ли эта операція могла ускользнуть отъ вниманія рабочихъ или оставаться ими непонятою. Французскіе *ouvriers* умѣютъ понимать и болѣе сложные и гораздо менѣе осязательные предметы, если съ пониманіемъ ихъ могутъ быть сопряжены какія-либо выгоды и надежды улучшить ихъ положеніе. Мы полагаемъ, что причину слишкомъ малаго распространенія этихъ обществъ должно искать или въ недостаткѣ денегъ у рабочихъ, или въ нерасположеніи ихъ къ этимъ учрежденіямъ, потому что Наполеоновское правительство, которому они не очень довѣряли въ особенности за послѣднее время, простерло свою заботливость объ обществахъ взаимнаго вспоможенія до весьма обстоятельной опеки. Президенты всѣхъ обществъ назначались самимъ императоромъ, число членовъ въ нѣкоторыхъ случаяхъ зависѣло отъ власти мѣстнаго президента, размѣръ взносовъ опредѣлялся правительствомъ, въ почетныя лица приглашались особы, правда, внесшія значительныя суммы денегъ, но вмѣстѣ и значительную долю не всегда пріятнаго для большинства рабочихъ правительственнаго вліянія. Словомъ, самодѣятельность этихъ обществъ была значительно подавлена правительственнымъ контролемъ, и едва ли не въ этомъ должно искать причину того, что они не пользовались вполне заслуженнымъ, по дѣли, по основнымъ свойствамъ своимъ, успѣхомъ. Мы полагаемъ даже, что недостатокъ денегъ у рабочихъ не игралъ при этомъ никакой роли. Во-первыхъ, находили же возможность рабочіе дѣлать вклады въ сберегательныя кассы и другія менѣе стѣсненныя правительственнымъ контролемъ предпріятія, отчего же они неохотно участвовали въ *sociétés de secours mutuel*?

Легко можетъ 'статься, что ихъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ было значительно поколеблено результатомъ покровительства, оказаннаго правительствомъ промышленнымъ ассоціаціямъ. Хотя происхож-

деніе этихъ послѣднихъ учрежденій приписывается вліянію февральской революціи, но въ сущности они существовали во Франціи гораздо ранѣе этого времени. Въ 1831 году, по иниціативѣ и подъ руководствомъ Бюше, образовалось общество столяровъ, а за нимъ нѣсколько другихъ производительныхъ товариществъ; правительство ихъ не воспрещало открыто, но глядѣло на нихъ враждебно, старалось ихъ поставить въ возможно неблагоприятныя условія и при первомъ удобномъ случаѣ подвергло ихъ членовъ судебному преслѣдованію. Республиканское правительство 1848 и 1849 годовъ и президентъ республики взглянули иначе на это дѣло, старались содѣйствовать развитію коопераціи и даже рѣшились оказать ему существенную матеріальную помощь, которая, однако, вовсе не достигла цѣли. Тогда же была организована особая правительственная коммиссія, на которую было возложено распространеніе коопераціи и наблюденіе за ними, въ распоряженіе которой было выдано 2.800,000 франковъ для раздачи ихъ за 5% въ годъ въ видѣ займообразнаго пособія этого рода учрежденіямъ при ихъ основаніи. Но, увы, съ этими деньгами распорядились иначе. 1.800,000 франковъ было выдано 26-ти крупнымъ капиталистамъ-фабрикантамъ, а коопераціямъ въ числѣ 31, исключительно парижскимъ, досталось менѣе 900,000 франковъ, да и то не за 5, а за 10 процентовъ въ годъ. Послѣдствія такой операціи, въ связи съ вѣдательствомъ администраціи въ дѣла чисто-экономическаго свойства, были самыя плачевныя. До 1849 года въ одномъ только Парижѣ существовало болѣе 300 товариществъ какъ производительныхъ, такъ и потребительныхъ; въ 1851 году потребительныя общества совершенно исчезли, благодаря разнаго рода стѣсненіямъ, которымъ ихъ подвергали, и изъ остальныхъ осталось не болѣе 100. Это, однако, не мѣшало многимъ учрежденіямъ этого рода, опиравшимся единственно на здравый смыслъ и трудолюбіе своихъ членовъ, довести свои дѣла до весьма цвѣтущаго состоянія. Въ началѣ 60-хъ годовъ въ Парижѣ было около 20-ти товариществъ, имѣвшихъ до 3-хъ милліоновъ франковъ въ годъ оборота, а во всей Франціи производительныхъ обществъ Пфейферъ насчитывалъ до 70-ти. Отличительная черта всѣхъ этихъ обществъ заключается въ настоящее время въ томъ, что всѣ члены ихъ участвуютъ въ прибыляхъ общества не поровну, какъ это было предположено въ началѣ, а соразмѣрно съ количествомъ и качествомъ исполняемой каждымъ изъ нихъ работы.

Кромѣ ассоціацій, образованныхъ только при участіи рабочихъ во Франціи, существуютъ и существовали еще ранѣе 1848 года нѣсколько ассоціацій капиталистовъ съ рабочими. Между ними слѣдуетъ упомянуть о типографіи Поля Дюпона, основанной въ 1847 г.,

о маслобойномъ заводѣ Жиске въ С.-Дени, и въ особенности объ устроенной въ 1842 году Леклеркомъ ассоціаціи маляровъ. Леклеркъ пригласилъ 200 рабочихъ, занимавшихся окраскою домовъ, войти съ нимъ въ такого рода сдѣлку. Онъ бралъ на себя хлопоты по присканію работы, расчетамъ за нее, доставлялъ необходимый матеріалъ, а рабочіе выполняли принятые съобща подряды. Рабочіе, участвующіе въ ассоціаціи, рассчитывались по справочнымъ цѣнамъ за исполненныя ими работы, а Леклеркъ получалъ также извѣстное вознагражденіе за свой трудъ въ заранѣ условленномъ размѣрѣ, и кромѣ того процентъ на затраченный имъ капиталъ. Въ концѣ года остающаяся за таковыми расходами прибыль раздѣлялась между товарищами и руководителемъ дѣла. Во-первыхъ, такая организація, по увѣренію по крайней мѣрѣ самого Леклерка, сдѣлала рабочихъ настолько трудолюбивыми, что они по крайней мѣрѣ въ полтора раза болѣе чѣмъ при прежнемъ порядкѣ успѣвали дѣлать въ данное время. Кромѣ того ихъ годовой заработокъ значительно увеличился, даже если принять въ соображеніе лучшія поденныя цѣны при обыкновенныхъ условіяхъ работы. Каждый изъ нихъ могъ въ день заработать не болѣе 4-хъ франковъ, что получали всѣ хорошіе маляры вообще; такъ съ ними среднимъ числомъ Леклеркъ и рассчитывался. Никогда не нуждаясь въ отыскиваніи работы, они могли работать въ годъ не менѣе 300 дней, что не всегда удавалось ихъ сотоварищамъ, не участвовавшимъ въ союзѣ, такъ что они могли въ годъ зарабатывать до 1200 франковъ; но къ этому въ концѣ года прибавлялся дивидендъ въ размѣрѣ до 300 франковъ на каждого товарища, и такимъ образомъ члены этой ассоціаціи зарабатывали вмѣсто 4-хъ франковъ въ день, получаемыхъ хорошимъ маляромъ при обыкновенныхъ условіяхъ, цѣлыя 5 франковъ, что весьма благотѣльно отражалось на ихъ образѣ жизни и ихъ нравственности.

Н. Ф.

ВНУТРЕННЕЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1873 г.

Труды Комиссіи сельскаго хозяйства.—Значеніе собранныхъ данныхъ.— Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о пьянствѣ.—Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣнія специальныхъ судовъ вообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необычайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?

Изслѣдованіе положенія сельскаго хозяйства въ Россіи — дѣло весьма трудное, по недостатку вѣрныхъ статистическихъ данныхъ и, прибавимъ, по отсутствію такихъ мѣстныхъ общественныхъ органовъ, которые могли бы помочь правительству въ этомъ дѣлѣ. Въ Англіи, во Франціи работы такого рода несравненно легче, потому что въ этихъ странахъ имѣется множество издавна и повсемѣстно дѣйствующихъ земледѣльческихъ обществъ и сѣздовъ, которыми постоянно собираются и обрабатываются данные. Тамъ, правительственному или парламентскому изслѣдованію стобитъ только обратиться къ этимъ даннымъ и привести ихъ въ систему. Наши земскія учрежденія хотя по личному составу своему весьма близко стоятъ къ сельскому хозяйству, но не имѣютъ его спеціальной цѣлю и собираютъ о немъ свѣдѣнія преимущественно въ виду обложенія; таковы свѣдѣнія земства о количествѣ земли, состоящей въ разныхъ родахъ пользованія у разнаго рода владѣльцевъ; таковы еще свѣдѣнія о количествѣ сборовъ всякаго рода, падающихъ на податное сельское сословіе, собранныя при обсужденіи земствами вопроса о податной реформѣ. Самое количество обрабатываемой земли въ Петербургской губерніи еще не приведено здѣшнимъ земствомъ въ точную извѣстность. Но если бы свѣдѣнія, собранныя земствомъ и были вполне точны, они все-таки были бы совершенно недостаточны для изслѣдованія по нимъ всего положенія нашего сельскаго хозяйства. Такимъ образомъ, администраціи, стоящей въ этомъ случаѣ одиноко, приходится начинать подобное изслѣдованіе съ самаго начала, то-

есть, и собирать данныя, и критически провѣрять ихъ посредствомъ сопоставленія и дальнѣйшихъ запросовъ, и обсуждать ихъ смыслъ, и наконецъ, дѣлать выводъ о практическихъ, законодательныхъ и иныхъ мѣрахъ улучшенія.

Работа эта—громая и требующая прежде всего осмотрительности по чрезвычайной важности изслѣдуемаго вопроса. Обсуждать положеніе земледѣлія, въ виду предположенія законодательныхъ мѣръ въ такой странѣ, гдѣ положеніе земледѣлія опредѣляетъ основныя условія быта 80 процентовъ населенія,—во всякій моментъ народной жизни должно представляться самымъ труднѣйшимъ и важнѣйшимъ изъ всѣхъ законодательныхъ дѣйствій. Обсуждать положеніе сельскаго хозяйства въ Россіи теперь, черезъ десятокъ лѣтъ по осуществленіи важнѣйшей изъ нашихъ реформъ, существенно измѣнившей условія быта сельской массы, значить до нѣкоторой степени провѣрять самую эту реформу и, буде окажется нужнымъ, дополнять ее новыми бытовыми постановленіями. Эти замѣчанія о трудности дѣла мы высказываемъ никакъ не потому, чтобы считали несвоевременнымъ самое возбужденіе вопроса о нынѣшнемъ положеніи сельскаго хозяйства. Напротивъ, вопросъ этотъ представляется намъ своевременнымъ всегда, и болѣе чѣмъ когда-либо теперь, передъ преобразованіемъ общей системы нашихъ податей. Мы убѣждены даже, что безъ приведенія въ положительную ясность тѣхъ недуговъ, какими страждетъ земледѣліе, основной источникъ всѣхъ силъ Россіи,—невозможны никакія дальнѣйшія законодательныя улучшенія съ общенароднымъ значеніемъ. Останавливаемся же мы прежде всего на самой трудности дѣла для того только, чтобы напомнить, что въ такомъ дѣлѣ важна не спѣшность мѣропріятія, но именно полнота изслѣдованія, всестороннее обсужденіе собранныхъ данныхъ и предлагаемыхъ мѣръ. Мы отдаемъ полную справедливость просвѣщенной инициативѣ нынѣшняго управленія государственными имуществами въ возбужденіи вопроса о положеніи сельскаго хозяйства, но ожидаемъ теперь съ его стороны другой заслуги—осмотрительности въ пользованіи тѣми во многихъ отношеніяхъ недостаточными данными, которыя были доселѣ собраны. По нашему убѣжденію, было бы большою ошибкой видѣть въ оконченныхъ спеціальною комиссіею трудахъ по собранію свѣдѣній нѣчто завершающее вопросъ, нѣчто могущее стать достаточнымъ основаніемъ для немедленнаго осуществленія тѣхъ весьма многоразличныхъ выводовъ, къ какимъ пришла эта комиссія послѣ годичной работы. Труды комиссіи, кажется намъ, должны служить еще только началомъ полнаго изслѣдованія и обсужденія дѣла. Вотъ почему мы остановились теперь преимущественно на громадности и трудности предлежавшей комиссіи задачи.

Результатъ трудовъ комиссiи для изслѣдованiя положенiя сельскаго хозяйства и сельской производительности въ Россiи лежитъ предъ нашими глазами: это — пять томовъ въ листъ, наполненныхъ таблицами и массою отзывовъ изъ самыхъ различныхъ источниковъ. Материалы эти весьма старательно расположены въ сводѣ, и внѣшняя обработка ихъ, то-есть расположение, сведенiе къ общимъ мотивамъ, а мотивовъ — къ практическимъ выводамъ, съ обратными ссылками въ видѣ перечней, весьма удовлетворительна. Но нельзя сказать того же о внутренней обработкѣ, то-есть о критической провѣркѣ материаловъ. При краткомъ срокѣ работъ комиссiи такая провѣрка едва ли и была возможна, потому что она непременно потребовала бы повторительныхъ запросовъ для объясненiя нѣкоторыхъ данныхъ. Сверхъ того, частные отзывы, которыхъ собрано комиссiею множество — въ числѣ ихъ попались и весьма любопытные, и поверхностные, и бездоказательные по узкости наблюдений — въ совокупности своей представляютъ нѣчто совершенно случайное. Комиссiею получены показанiя изъ 958 разныхъ источниковъ, и большею частью отъ землевладѣльцевъ; само собою разумѣется, это составило нѣчто весьма разнохарактерное. Разнохарактерными показанiя останутся и тогда, когда ихъ будетъ собрано вдесятеро болѣе, когда печать и всѣ желающiе выскажутъ свое мнѣнiе по поднятымъ вопросамъ; но разница будетъ въ томъ, что тогда показанiя имѣющiяся на лицо уже теряютъ характеръ случайности. Высказуются уже всѣ, кто имѣетъ мнѣнiе и желанiе заявить его. Среди такого всесторонняго, общественнаго обсужденiя можно уже будетъ уловить общiя черты, сходящiяся къ нѣсколькимъ главнымъ, основнымъ воззрѣнiямъ. Сверхъ того, въ такомъ всестороннемъ обсужденiи само собой сдѣлается то, чего комиссiя въ годичный срокъ не могла сдѣлать: добытыя ею данныя подвергнутся противорѣчивой провѣркѣ, критикѣ, которой имъ рѣшительно недостаетъ. Вотъ тогда только и будетъ возможно собрать и заложить прочное основанiе для принятiя законодательныхъ и другихъ мѣръ. Однимъ словомъ, желательнo было бы, чтобъ исполненная работа была принята не за конецъ, а за начало конца, и притомъ довольно отдаленнаго.

Въ поддержанiе нашего мнѣнiя о совершенной необходимости дальнѣйшаго изслѣдованiя и обсужденiя, мы должны нѣсколько ближе указать характеръ какъ свѣдѣнiй, собранныхъ комиссiею, назначенною 26 мая 1872 года, такъ и тѣхъ выводовъ, къ которымъ она пришла.

Комиссiя, какъ уже сказано, получила свѣдѣнiя изъ множества источниковъ; открылась она 21 ноября 1872, закрылась 28 апрѣля текущаго года и имѣла 52 засѣданiя для обсужденiя своихъ свѣ-

дѣній и формулированія своихъ заключеній. Въ числѣ собранныхъ свѣдѣній надо различать два главныхъ рода: свѣдѣнія сколько-нибудь положительныя, и свѣдѣнія преимущественно гадательныя. Къ числу первыхъ относятся прежде всего свѣдѣнія вполне точныя, какъ, напр., извлеченныя изъ отчетовъ контроля вѣдомости о доходахъ, долгахъ, недоимкахъ; затѣмъ, свѣдѣнія по такимъ предметамъ, о которыхъ администрація могла бы имѣть точныя данныя, какъ, напр., о количествѣ населенія, о числѣ фабрикъ и заводовъ и рабочихъ на нихъ, о числѣ бывшихъ въ разныхъ мѣстностяхъ пожаровъ и т. п. Къ числу свѣдѣній второго рода относятся тѣ, которыя, по существу своему, имѣютъ характеръ преимущественно гипотетическихъ, гадательныхъ, каковы: свѣдѣнія о посѣвахъ и урожаяхъ, количествѣ скота, вырубяемаго ежегодно лѣса и т. д. Слишкомъ ясно, что данныя этого послѣдняго рода, извлеченныя главнымъ образомъ изъ отчетовъ губернаторовъ, составленныхъ на основаніи донесеній мѣстныхъ властей, не могутъ служить основаніемъ для принятія какихъ-либо законодательныхъ мѣръ. Быть можетъ, онѣ и точнѣе, нежели мы думаемъ, но и въ такомъ случаѣ необходимо, чтобы степень точности ихъ была предварительно провѣрена предоставленіемъ всѣмъ желающимъ возможности заявить, въ какой мѣрѣ онѣ соотвѣтствуютъ или несоотвѣтствуютъ дѣйствительности въ каждой отдѣльной мѣстности. Такая провѣрка тѣмъ нужнѣе, что къ числу цифръ, по самому существу своему, очевидно—гадательныхъ, относятся тѣ именно, которыя всего важнѣе для обрисованія истиннаго положенія сельскаго хозяйства и опредѣленія его условій.

Но и тѣ официальныя цифры, которыя мы отнесли къ первой категоріи, за исключеніемъ безусловно-вѣрныхъ цифръ собственно финансоваго хозяйства, необходимо должны быть подвергнуты критикѣ, которою учрежденія, собирающія ихъ, повидимому, не занимаются, а комиссія заняться не могла за недостаткомъ времени. Возьмемъ въ примѣръ таблицу цифръ о числѣ фабрикъ и заводовъ въ Россіи по губерніямъ и годамъ. Цифры эти доставлены въ комиссію департаментомъ торговли и мануфактуръ, и тѣ изъ таблицъ, ихъ заключающихъ, которыя относятся къ производствамъ, обложеннымъ акцизомъ, не возбуждаютъ недоумѣній. Но таблицы, въ которыхъ обрисовывается состояніе всѣхъ прочихъ фабрикъ и заводовъ, вызываютъ недоумѣнія, лишающія эти таблицы всякаго значенія, безъ предварительной критической провѣрки ихъ показаній. Такъ, напр., въ этихъ таблицахъ мы находимъ, что въ Астраханской губерніи число фабрикъ и заводовъ было 30 въ 1851, а въ 1870—91; число рабочихъ также примѣрно утроилось съ 154 до 484 чел.; а сумма производства возросла въ *сорокъ разъ*, съ 32 т. р. до 1.266,000

рублей (!). Изъ сопоставленія такихъ цифръ, очевидно, нельзя составить даже никакого предположенія о ходѣ развитія промышленности въ Астраханской губерніи. Можно предположить только одно, а именно, что здѣсь большое число мельчайшихъ заведеній, каждое съ какими-нибудь пятью работниками, смѣшано съ однимъ большимъ заводомъ. Въ Костромской губерніи съ 1851 по 1870 годъ, число фабрикъ и заводовъ будто бы возросло въ 15 разъ (съ 80 до 1224), а число рабочихъ только вдвое, наконецъ, сумма производствъ—впятеро! По нѣкоторымъ губерніямъ число рабочихъ, раздѣленное на число фабрикъ, даетъ 5, а такъ какъ нельзя не предположить въ числѣ фабрикъ хоть одной большой, съ сотнями рабочихъ, то затѣмъ на остальные придется по 3, по 2 человѣка. Какія же это фабрики?! Въ Таврической губерніи прямо показано 869 фабрикъ и заводовъ съ 1610 рабочихъ, такъ что приходится въ общей сложности менѣе двухъ рабочихъ на заводъ или фабрику, а если въ числѣ послѣднихъ предположить хоть 10 болѣе значительныхъ, съ нѣсколькими десятками рабочихъ, то затѣмъ на остальные придется, пожалуй, по одному рабочему на фабрику! Очевидно, такихъ цифръ безъ проверки и разъясненія принимать нельзя, нельзя на нихъ ничего и основывать. А между тѣмъ свѣдѣнія о числѣ фабрикъ и рабочихъ въ департаментѣ мануфактуръ, безъ сомнѣнія, все-таки могутъ быть болѣе положительны, чѣмъ тѣ свѣдѣнія, какія могутъ имѣть губернаторы о посѣвахъ и урожаяхъ у крестьянъ.

Переходя къ выводамъ комиссіи относительно мѣръ, которыя, по ея мнѣнію, „надлежитъ“ принять для улучшенія положенія сельскаго хозяйства, мы должны замѣтить крайнее разнообразіе этихъ мѣръ, разнообразіе доходящее до того, что еслибы въ самомъ дѣлѣ осуществить ихъ всѣ, то произошли бы нѣкоторыя противорѣчія. Такъ, напр., комиссія находитъ нужнымъ увеличеніе числа мировыхъ участковъ и въ то же время полагаетъ необходимымъ ограничить размѣръ земскаго обложенія земли извѣстнымъ процентомъ относительно казеннаго налога, подобно тому, какъ это сдѣлано закономъ 21 ноября 1866 года въ отношеніи къ земскому обложенію промышленныхъ и торговыхъ заведеній и документовъ. Невозможно требовать въ одно время и значительнаго увеличенія земскихъ расходовъ, и сокращенія главнѣйшаго дохода земства. Вообще, приложеніе къ земскому обложенію земель закона 21 ноября было бы мѣрой чрезвычайно важной. Обложеніе земли составляетъ до 75% всѣхъ сборовъ земства, и ограниченіе размѣра этого обложенія могло бы повести прямо къ невозможности дѣятельности земства и въ томъ видѣ, какъ она существуетъ теперь. Подобную мѣру нельзя проектировать такъ слегка, въ числѣ полсотни мѣръ, рекомендуе-

мыхъ комиссіею, на ряду, на примѣръ, съ такою мѣрой, какъ „распространить въ массѣ народа правильныя понятія о предосудительности и вредѣ пьянства“.

Въ нашу задачу теперь не входитъ исчислять предлагаемыя комиссіею мѣры и подвергать разбору каждую, или хотя бы главнѣйшія изъ нихъ. Но, чтобы опредѣлить въ совокупности значеніе выводовъ и степень осуществимости уже въ настоящее время мѣръ комиссій, скажемъ, что ея выводы и мѣры можно раздѣлить на двѣ категоріи. Къ одной принадлежатъ такіе выводы и соответствующія имъ мѣры, которыя являются только подтвержденіемъ фактовъ и потребностей, уже въ значительной степени выясненныхъ доселѣ въ сужденіяхъ земства и печати. Къ другой категоріи отнесемъ такъ сказать оригинальные выводы и предположенія комиссій, гораздо менѣе спорныя, и потому немогущіе ни въ какомъ случаѣ послужить основаніемъ для немедленныхъ мѣропріятій.

Въ первой категоріи мы укажемъ на такіе выводы и мѣры, какъ признаніе несоразмѣрности во многихъ мѣстностяхъ выкупныхъ платежей, признаніе факта, что во многихъ мѣстностяхъ земля положительно не въ состояніи вынести всего бремени лежащихъ на ней повинностей, и затѣмъ указаніе на необходимость уменьшенія общаго бремени, на нестойтельность общей реформы прямыхъ податей, съ болѣе уравнительнымъ ихъ разложеніемъ, неудобства взысканія недоимокъ посредствомъ продажи крестьянскаго скота и инвентаря, необходимости пониженія цѣны на соль, устройства сельскихъ школъ, пользы женскаго преподаванія въ народныхъ школахъ, учрежденіе разныхъ специальныхъ школъ, содѣйствіе правительства къ удешевленію сельско-хозяйственныхъ орудій, распространенію полезныхъ свѣдѣній, улучшеніе ветеринарной части и т. д.

Вѣрность этихъ выводовъ и полезность истекающихъ изъ нихъ мѣръ не могутъ подлежать сомнѣнію. Образовался уже довольно обширный списокъ такихъ экономическихъ фактовъ и требуемыхъ ими мѣропріятій, которыя совершенно достаточно уяснились обществу въ настоящее время, въ чемъ большую заслугу оказывала ему и печать, въ первое время послѣ своего освобожденія отъ предварительной цензуры. Признаніе этихъ фактовъ и мѣръ со стороны комиссій является теперь только подтвержденіемъ, но и это есть немаловажная заслуга комиссій, едва ли даже не главная ея услуга Россіи. Теперь, когда комиссія изъ просвѣщенныхъ и безпристрастныхъ людей, представителей разныхъ вѣдомствъ, послѣ весьма добросовѣстныхъ трудовъ и въ виду всѣхъ официальныхъ данныхъ подтвердила тотъ кодексъ очевидно-необходимыхъ мѣръ, какой еще ранѣе образовался

въ сознаніи общества, позволительно ожидать, что не замедлится и осуществленіе этихъ мѣръ.

Изъ выводовъ и предположеній комиссіи тѣ, которые хотя и не впервые указаны ею, но менѣе спорны, а также и тѣ, которыя впервые высказываются комиссіею, мы отнесли ко второй категоріи и упомянемъ изъ нихъ только нѣкоторыя для подтвержденія нашихъ словъ, что эти взгляды и мнѣнія комиссіи не могутъ быть приняты за основаніе для немедленныхъ мѣропріятій. На мысль объ ограниченіи размѣра земскаго обложенія земли мы уже указали. Примѣненіе закона 21 ноября 1866 года къ землѣ потребовало бы отміны его въ отношеніи къ торговымъ заведеніямъ и документамъ. Въ самомъ дѣлѣ, когда мы говоримъ о необходимости уменьшенія какаго-либо государственнаго обложенія, напр., цѣны соли, то при этомъ предполагаемъ, что налогъ этотъ можетъ быть съ пользою замѣненъ возвышеніемъ налога иного рода или установленіемъ новаго налога. Но если мы представимъ себѣ такое положеніе дѣлъ, что государство ограничено въ своей возможности усиливать одну статью смѣты доходовъ взаменъ другой, то придемъ къ невозможности и отміны какакой-либо существующей подати. Если право земства облагать землю будетъ ограничено, то ему должно быть возвращено право неограниченнаго обложенія торговыхъ заведеній и документовъ, иначе, ограниченное въ обоихъ главныхъ предметахъ, подлежащихъ его обложенію, оно будетъ поставлено въ безвыходное положеніе. Относительно хозяйственной общины комиссія высказалась весьма сдержанно, но все-таки рѣшилась предложить нѣчто такое, что можетъ пожалуй оказаться вредной полумѣрой. Комиссія полагаетъ облегчить выходъ изъ общины, разрѣшивъ его (безъ согласія общества) для лицъ приобретающихъ какой-либо участокъ земли внѣ общины или арендующихъ участки въ продолженіе нѣкотораго времени, или, наконецъ занимающихся извѣстнымъ промысломъ, связаннымъ съ осѣдлостью въ другомъ мѣстѣ; такъ какъ при этомъ не сказано объ отмінѣ круговой поруки и о вознагражденіи за внесенные выкупные платежи, то мѣра эта не представляетъ опредѣленнаго значенія. Затѣмъ, комиссія полагаетъ еще установить нѣчто, по нашему убѣжденію, весьма нераціональное, а именно: „прекратить частые передѣлы полевыхъ угодій установленіемъ извѣстныхъ, болѣе или менѣе продолжительныхъ сроковъ для таковыхъ передѣловъ и притомъ съ тѣмъ, чтобы передѣлы совершались не иначе, какъ при участіи какакой-либо наблюдающей власти“. Спрашивается, рационально ли оставлять общину, какъ сборную хозяйственную единицу, отвѣтственную за поступленіе податей и въ то же время лишать ее возможности распорядиться во всякое время наиболѣе доходнымъ распредѣ-

леніемъ угодій? Относительно общины полумѣры вообще нераціональны потому, что община есть нѣчто цѣльное, связанное съ цѣльнымъ цикломъ общинныхъ хозяйственныхъ условій. Мы понимаемъ отношеніе законодательства только къ коренному факту самого существованія общины. Законодательство можетъ относиться къ факту существованія общины или благоприятно, напр., установленіемъ условія $\frac{2}{3}$ большинства для отмѣны общины, какъ сдѣлало положеніе 19 февраля, или нейтрально—установленіемъ условія большинства $\frac{1}{2}$ голосовъ или, наконецъ, неблагоприятно, требуя для самага удержанія общины большинства $\frac{2}{3}$. Но все это будетъ отношеніе къ самому факту существованія общины, а не къ нарушенію ея органическихъ условій. Разъ община существуетъ, она должна быть полноправна въ распредѣленіи угодій, и никакіе обязательные сроки, а тѣмъ болѣе вмѣшательство посторонней власти не должны быть устанавливаемы. Разъ община существуетъ, то—чѣмъ полноправнѣе она въ передѣлахъ, тѣмъ лучше. Если бы она имѣла право производить передѣлы каждый день, то-есть, если бы она приближалась къ типу земледѣльческой артели, съ общей запашкой, общимъ рискомъ и общимъ барышомъ, то отъ этого она стала бы только раціональнѣе, вѣрнѣе обезпечивала бы и прокормленіе всѣхъ своихъ членовъ и самый взносъ слѣдующихъ съ нея платежей.

Къ числу мѣръ принадлежащихъ собственно комиссіи относится и слѣдующее: „разомъ покончить съ традиціею о кабацѣ, какъ мѣстѣ исключительной продажи водки, и по примѣру большей части европейскихъ государствъ и областей западныхъ окраинъ имперіи, разрѣшить, вмѣстѣ съ продажей водки, производить продажу пива, чая и горячаго кушанья“; мѣра эта должна „по мнѣнію комиссіи, повести къ замѣнѣ кабаковъ бѣлыми харчевнями, трактирами, постоянными дворами и ограничить случаи неумѣреннаго потребленія голой водки“. Мысль эта, какъ можно заключить изъ одной записки, которую мы находимъ въ приложеніяхъ, принадлежитъ члену комиссіи В. И. Вешнякову. Она подкупаетъ своей новизною, такъ какъ доселѣ законодательство руководствовалось, какъ извѣстно, мнѣніемъ прямо противоположнымъ и старалось изгнать изъ кабака всякую постороннюю приманку. Мысль эта заслуживаетъ во всякомъ случаѣ серьезнаго вниманія, но должна еще подлежать зрѣлому обсужденію, до проведенія ея въ законъ. Комиссія приняла ее очевидно потому, что ее убѣдили приведенныя въ докладѣ ея цифры о численности заведеній съ распивочною продажей въ великорусскихъ, южныхъ и западныхъ губерніяхъ Россіи, а также за-границею, изъ которыхъ явствуется, что въ великорусскихъ губерніяхъ такихъ заведеній приходится пропорціонально населенію вдвое менѣе чѣмъ въ губерніяхъ

западныхъ и въ 8 разъ менѣе, чѣмъ напр. во Франціи. Такъ какъ въ числѣ членовъ комиссіи находился г. Бушень, который уже доказывалъ въ печати, что пьянство не находится въ зависимости отъ числа распивочныхъ продажъ, то позволительно думать, что постановка вопроса о пьянствѣ въ комиссіи принадлежала ему, а изъ этой постановки г. Вешняковъ и вывелъ свою мѣру о преобразованіи кабаковъ въ харчевни. Мы не отвергаемъ мѣры этой безусловно, но позволимъ себѣ усомниться въ убѣдительности тѣхъ сравнительныхъ цифръ, которыя послужили основаніемъ его мысли. Когда рѣчь идетъ о вліяніи пьянства на ходъ сельскаго хозяйства, то статистику распивочныхъ заведеній слѣдуетъ дѣлать отдѣльно по городамъ и мѣстечкамъ и отдѣльно по селеніямъ. Тогда окажется, прежде всего, что сравнительная многочисленность распивочныхъ продажъ въ западномъ краѣ и въ особенности за-границей зависитъ отъ многочисленности городовъ и мѣстечекъ. Затѣмъ, нашъ кабакъ, который прикроется именемъ харчевни, будетъ все-таки имѣть совсѣмъ иное значеніе, чѣмъ напр. закусовая во Франціи, которая есть вмѣстѣ и *débit de boissons*. Французскіе *marchands de vins-traiteurs* и англійскіе *public-houses* по меньшей мѣрѣ настолько же съѣстные лавки, насколько они—продавцы питей. Это обусловливается тамъ какъ огромными, сравнительно съ нашими обстоятельствами, движеніями по дорогамъ, большимъ числомъ странствующихъ ремесленниковъ, почти повсемѣстнымъ присутствіемъ фабричнаго населенія, наконецъ бѣльшимъ благосостояніемъ всего сельскаго населенія и привычкою его къ лучшей пищѣ. Нашъ крестьянинъ, которому и чистаго хлѣба часто не хватаетъ, не можетъ содержать такого числа харчевенъ, какое можно найти въ сельскихъ округахъ за-границей. Въ своей деревнѣ онъ въ харчевню обѣдать не пойдетъ, въ дорогѣ у него пища съ собой. Да и какую же пищу онъ сталъ бы покупать въ харчевнѣ? Ъсть ветчину и запивать ее пивомъ онъ не въ состояніи; въ харчевню онъ зайдетъ только выпить. Значитъ, харчевня все-таки останется преимущественно продажей голой водки, и вся разница можетъ оказаться въ томъ, что, прикрываясь удобствами постоялаго двора, ночлежной, харчевни,—кабакъ получитъ бѣльшую возможность торговать заложенными и краденными вещами и въ особенности развратомъ. Подобныя соображенія и побуждаютъ насъ отнести преобразование кабаковъ, предлагаемое комиссіею, къ числу тѣхъ изъ предположенныхъ ею мѣръ, которыя никакъ не могутъ быть немедленно осуществлены, но должны предварительно быть провѣрены всестороннимъ обсужденіемъ.

Изъ всего вышеизложеннаго истекаютъ слѣдующія заключенія:

1) что трудъ комиссіи, какъ прекрасное начало работъ для собранія

свѣдѣній о нашемъ сельскомъ хозяйствѣ, есть трудъ почтенный, полезный и заслуживающій полнаго уваженія; 2) что трудъ этотъ, насколько онъ подтверждаетъ своимъ свидѣтельствомъ общезвѣстные уже факты и выясненную уже земствами и печатью необходимость нѣкоторыхъ безспорно полезныхъ мѣропріятій, можетъ послужить рѣшительнымъ толчкомъ къ неотлагательному обсужденію мѣръ для осуществленія такихъ *безспорно*-полезныхъ мѣропріятій; и 3) что собранныя коммисією свѣдѣнія должны быть критически разработаны, повѣрены, дополнены, и мѣры впервые ею предложенныя подвергнуты весторонней контраверсіи, и только затѣмъ могутъ быть употреблены какъ вѣрныя основанія для выводовъ или же приведены въ исполненіе. Лучшимъ средствомъ для такой разработки должна послужить полная гласность, къ которой уже обратилась коммиссія, разославъ экземпляры своего труда органамъ печати. Но необходима была бы рассылка этихъ матеріаловъ по всей Россіи и совершенно свободное обсужденіе ихъ не только въ печати, но и въ земскихъ собраніяхъ и ученыхъ обществахъ. Тогда, чрезъ нѣсколько лѣтъ оживленной полемики въ виду всей Россіи, министерство государственныхъ имуществъ получило бы рядъ надежныхъ данныхъ, на которыхъ можно бы основать дѣйствительно полезныя мѣропріятія, сохранивъ за собою всю славу почина въ такомъ огромномъ и безконечно полезномъ дѣлѣ.

Мы не теряемъ надежды со-временемъ возвратиться спеціально къ трудамъ коммиссіи и ближе всмотрѣться въ массу собранныхъ ею свѣдѣній всякаго рода. Но на это нужны не часы, и не дни, а цѣлыя недѣли. Въ связи съ этими трудами мы рассмотримъ тогда и напечатанное въ нашемъ журналѣ мнѣніе почтеннаго гр. В. П. Орлова-Давыдова подъ заглавіемъ: „Земледѣліе и землевладѣніе“, о чемъ мы тогда же общіями высказались, по возможности, съ полною откровенностью. Эта статья прямо примыкаетъ къ трудамъ коммиссіи и можетъ быть рассматриваема, какъ 959-й источникъ, въ дополненіе къ тѣмъ 958-ми, которые вошли въ сборникъ коммиссіи. Трудъ гр. Орлова-Давыдова также вызванъ мыслью о томъ, что Россія отстала отъ всѣхъ странъ, и отстала именно въ томъ дѣлѣ, которое составляетъ главную основу жизни ея народныхъ массъ, а именно въ земледѣліи; точно также въ этой статьѣ приводятся различныя наблюденія опытнаго сельскаго хозяина, но авторъ сдѣлалъ именно ту капитальную, по нашему мнѣнію, ошибку, отъ которой, мы увѣрены, избавится коммиссія. А именно, онъ въ этой же самой статьѣ поспѣшилъ отъ отдѣльныхъ фактовъ быстро перейти къ предложенію законодательныхъ мѣропріятій, и притомъ нѣкоторыя изъ нихъ уже

не выдержали или плохо выдерживаютъ испытаніе въ другихъ странахъ. Но обо всемъ этомъ послѣ.

Въ истекшемъ мѣсяцѣ обнародованы официальные свѣдѣнія о важныхъ законодательныхъ предположеніяхъ относительно преобразования духовно-судебной части. Въ январѣ 1870 года учрежденъ былъ при св. синодѣ особый комитетъ для составленія основныхъ положеній этого преобразования, и притомъ, какъ узнаемъ изъ официального сообщенія, „сообразно тѣмъ началамъ, на основаніи которыхъ совершено преобразование суда по гражданскому, военному и морскому вѣдомствамъ, насколько окажется возможнымъ примѣнить сіи начала къ свойству, цѣлямъ и потребностямъ суда духовнаго“. Итакъ, при нашемъ взглядѣ на условія духовно-судебнаго преобразования, мы должны, согласно самой цѣли указанной предварительнымъ работамъ по этой части, соображаться съ духомъ и смысломъ общихъ судебныхъ уставовъ, стараясь прослѣдить, насколько допущенныя уклоненія отъ нихъ обусловливаются коренными потребностями специально-духовнаго суда.

Въ составѣ комитета духовныя лица составляли меньшинство, именно 5 изъ 16; въ числѣ членовъ были два профессора петербургскаго университета, старшій предсѣдатель здѣшней судебной палаты и нѣсколько юрисконсультовъ, среди которыхъ находился и бывшій предсѣдатель петербургскаго столичнаго мирового съѣзда г. Неклюдовъ. Тѣмъ не менѣе, въ проектѣ выработанномъ комитетомъ, усматриваются весьма значительныя отступленія отъ духа гражданскаго судоустройства. Весьма важно прежде всего опредѣленіе самой специально-духовной юрисдикціи. Проектъ предполагаетъ подсудность суду только лицъ духовнаго званія, такъ что ему не будутъ подсудны и наемные церковнослужители, и послушники въ монастыряхъ, непостриженные въ монашество. Что касается лицъ свѣтскихъ, то они духовному суду подлежать не будутъ и въ дѣлахъ о расторженіи браковъ; по предположенію комитета, всѣ дѣла касательно браковъ должны быть изъяты изъ вѣдомства духовнаго суда, хотя и не изъ вѣдѣнія епархіальной администраціи. Это изыятіе дѣлъ брачныхъ изъ вѣдомства духовнаго суда, на ряду съ широкимъ примѣненіемъ въ духовномъ судоустройствѣ начала выборнаго, и представляютъ двѣ главныя заслуги комитета, два главныхъ достоинства выработаннаго имъ проекта.

При обсужденіи круга юрисдикціи духовнаго суда, комитетъ напелъ крайне неточными и неполными существующія доселѣ опредѣленія подсудности суду епархіальному, какъ они выражены въ уставѣ духовныхъ консисторій 1841 года; комитетъ далъ болѣе точное опре-

дѣленіе подсудности духовному суду лицъ духовнаго званія, причѣмъ расширилъ вѣдомство суда духовнаго относительно преступленій и проступковъ лицъ духовнаго званія въ сравненіи съ нынѣшнимъ. Нельзя однако сказать, что и то опредѣленіе, какое дано комитетомъ, достаточно полно и не подастъ повода къ недоразумѣніямъ. Такъ, въ исчисленіи преступленій лицъ духовныхъ подлежащихъ духовному суду мы находимъ кощунство, отступленіе и отвлеченіе отъ православной вѣры (за которыя доселѣ священникъ подлежалъ суду свѣтскому, по уложенію о наказаніяхъ), но не находимъ ни богохульства, ни святотатства. Подчиненіе всѣхъ этихъ преступленій духовныхъ лицъ суду свѣтскому доселѣ было вполне рационально потому, что епархіальному суду не предоставлялось налагать наказанія, соединенныя съ лишеніемъ гражданскихъ правъ. Тѣ самыя соображенія, которыя приводятся комитетомъ въ пользу подчиненія кощунства и отступленія отъ православія суду духовному, очевидно, относятся въ равной мѣрѣ и къ богохульству и святотатству. А между тѣмъ, такъ какъ духовному суду и нынѣ не предполагается права налагать наказанія соединенныя съ лишеніемъ правъ гражданскихъ, и высшая мѣра наказанія въ новой „лѣстницѣ“ ихъ есть только лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства, то не ясно, какимъ образомъ въ преслѣдованіи преступленій духовныхъ лицъ противъ вѣры можно будетъ и впредь обходиться безъ суда свѣтскаго, а въ такомъ случаѣ и кощунство и отступленіе отъ православія лицъ духовныхъ казалось бы правильнѣе оставить въ вѣдѣніи свѣтскаго суда. Впрочемъ, всего рациональнѣе было бы подвергнуть пересмотру самое уложеніе о наказаніяхъ во всемъ, что касается преступленій противъ вѣры, исключить вовсе изъ уложенія эти преступленія и затѣмъ подчинить ихъ исключительно духовному суду, какъ относительно лицъ духовныхъ, такъ и лицъ свѣтскихъ, съ тѣмъ разумѣется, чтобы духовному суду все-таки не было предоставляемо несвойственное ему право налагать такія кары, которыя соединены съ лишеніемъ правъ гражданскихъ. Относительно свѣтскихъ лицъ духовному суду за преступленія противъ вѣры могло бы быть предоставлено только право налагать эпитимію, безъ всякаго лишенія свободы и правъ.

По проекту комитета, оскорбленіе чести, угрозы и насиліе, наносимыя духовными лицамъ свѣтскимъ, остаются въ вѣдѣніи суда духовнаго, какъ то было и доселѣ по уставу духовныхъ консисторій 1841 года. Между тѣмъ допущеніе такого изъятія изъ общей юрисдикціи въ чисто-свѣтской, уголовной сферѣ, проведенное также въ военно-судныхъ уставахъ и касательно лицъ военнаго сословія по отношенію къ лицамъ гражданскимъ, составляетъ настоящую со-

словную привилегію, даетъ судамъ военно-сухопутному, морскому и духовному значеніе чисто-сословныхъ судовъ, тогда какъ имъ слѣдовало бы быть только судами по нарушенію военныхъ и духовныхъ постановленій. Существованіе отдѣльныхъ судовъ, вѣдающихъ проступки и преступленія по должностямъ духовной и военной, понятно по тѣмъ особенностямъ военной и духовной дисциплины, которыя обусловливаются специальными требованіями той и другой службы. Но существованіе отдѣльныхъ судовъ военно-сухопутнаго, морского и духовнаго въ смыслѣ судовъ сословныхъ устанавливаетъ сословное преимущество, создаетъ въ государствѣ если не неравенство гражданъ, то раздѣленіе ихъ на группы, стоящія не въ равныхъ условіяхъ отвѣтственности предъ закономъ за одни и тѣ же дѣянія. Такъ, въ судахъ военныхъ, по дѣламъ объ оскорбленіи лицъ гражданскихъ, защита всегда приводитъ, а обвиненіе иногда допускаетъ мотивъ прямо-сословнаго преимущества, ссылаясь на то, что такія-то дѣйствія, хотя и незаконныя, были однако вызваны необходимостью защищать честь мундира, мотивъ совершенно анти-юридическій, такъ какъ законъ не допускаетъ ни понятія о насиліи для возстановленія чести, ни понятія о нарушеніи чести насиліемъ. Сверхъ того, въ глазахъ закона честь всѣхъ гражданъ совершенно равна и неприкосновенна въ совершенно одинаковой степени. То же самое можно сказать и о вѣданіи духовнымъ судомъ дѣлъ по оскорбленію или насилію, причиняемыми лицами духовными лицамъ свѣтскимъ. Необходимо избѣгать, чтобы отдѣльный духовный судъ сталъ судомъ сословнымъ, потому что сословнаго суда не должно быть. Вотъ почему желательно ограничить обширность вѣдомства всѣхъ судовъ специальныхъ. Даже не всѣ проступки и преступленія по должности необходимо должны подлежать такому суду. Если лицо служащее растратило казенныя деньги, то не все-ли равно какія это были деньги: духовнаго, военнаго, морского или гражданскаго вѣдомствъ, и не все-ли равно въ какомъ вѣдомствѣ состоялъ обвиняемый? Въ этомъ послѣднемъ отношеніи, впрочемъ, надо отдать духовному проекту ту справедливость, что онъ не подчиняетъ духовному суду такіе проступки и преступленія по должности, которые свѣтскими законами преслѣдуются, за исключеніемъ нѣсколькихъ правонарушеній специально-духовнаго характера. Но военно-судебныя уставы—замѣтимъ при этомъ случаѣ—могли бы впоследствии съ удобствомъ быть пересмотрѣны съ цѣлью такого же, и притомъ весьма значительнаго ограниченія круга ихъ вѣдѣнія. Необходимо избѣгать, чтобы судъ имѣлъ характеръ сословнаго, и чтобы въ государствѣ вѣдомству придавалось значеніе сословія. Иначе, для логическаго проведенія мысли противоположной, пришлось бы въ

каждомъ вѣдомствѣ учредить спеціальныя суды и спеціальныя судебныя уставы, такъ какъ „гражданское“ вѣдомство не есть одно вѣдомство, но включаетъ въ себѣ множество вѣдомствъ. Пришлось бы учредить таможенные суды, лѣсные суды, суды желѣзнодорожные, суды банковыя, почтовые, акцизно-питейныя и табачныя суды и такъ далѣе, потому что служба по каждому изъ названныхъ вѣдомствъ имѣетъ свои совершенно особенныя условія, которыми и можно бы мотивировать учрежденіе спеціальныхъ для каждаго изъ нихъ судовъ.

Высказавъ наше убѣжденіе въ необходимости ограничить юрисдикцію спеціальныхъ судовъ, въ томъ числѣ и ту, каковая проектомъ предначертана для вѣданія духовнымъ судомъ дѣлъ лицъ духовныхъ, возвратимся къ предположенному проектомъ исключенію изъ вѣдѣнія духовнаго суда брачныхъ дѣлъ свѣтскихъ лицъ. По существующимъ постановленіямъ дѣла о незаконныхъ бракахъ и о расторженіи браковъ вѣдаются частью духовнымъ, частью свѣтскимъ судами, при чемъ нѣкоторыя изъ всѣхъ этихъ дѣлъ первоначально вчинаются въ духовномъ, другія же въ свѣтскомъ судѣ. Проектъ полагаетъ всѣ эти дѣла передать въ вѣдомство суда свѣтскаго, съ тѣмъ чтобы фактъ насилія, обмана, неспособности, прелюбодѣянія или безвѣстнаго отсутствія былъ выясняемъ свѣтской слѣдственной властью и окончательно утверждаемъ свѣтскимъ же судомъ; при этомъ духовному начальству (а не суду) предоставляется только предварительное увѣщаніе къ примиренію и затѣмъ распоряженіе о расторженіи брака, когда состоится рѣшеніе свѣтскаго суда. Въ пользу изъятія бракоразводныхъ дѣлъ изъ вѣдѣнія духовнаго слѣдствія и духовнаго суда, въ запискѣ комитета приводится самая сущность такихъ дѣлъ, сложность нѣкоторыхъ и соблазнительная обстановка многихъ изъ нихъ. Для доказательства есть ссылки на факты, какъ, на примѣръ, что для производства слѣдствія по прелюбодѣянію, по требованію одной изъ сторонъ, лицу, назначенному для производства слѣдствія, протоіерею, пришлось произвести осмотръ такого помѣщенія, въ которое духовное лицо, по каноническимъ правиламъ; не имѣетъ права и входить. Любопытенъ удостовѣряемый комитетомъ фактъ, что доселѣ „для доказательства факта прелюбодѣянія, въ ббольшей части бракоразводныхъ дѣлъ выступаютъ свидѣтели, которые за весьма умѣренную плату даютъ показанія подъ присягою нерѣдко о такомъ событіи, свидѣтелями котораго никогда не были“.

Мы уже упомянули, что въ „лѣстницѣ наказаній“ проекта высшей мѣрой наказанія, налагаемаго духовнымъ судомъ, опредѣлено лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства. Наказанія вообще опредѣлены такія, которыя имѣютъ характеръ дисциплинарный, въ томъ числѣ штрафъ до 100 рублей и заключеніе въ мона-

стырь до трехъ мѣсяцовъ. Только относительно одного пункта мы сдѣлаемъ замѣчаніе. Этотъ пунктъ постановляетъ, что „тѣ изъ вышеисчисленныхъ наказаній, которыя по роду своему не могутъ имѣть примѣненія къ обвиняемымъ монашествующаго духовенства, замѣняются одиночнымъ заключеніемъ въ монастырѣ или перемѣщеніемъ изъ одного монастыря въ другой или монастырскими трудами“. Столь тяжкое наказаніе, какъ одиночное заключеніе, казалось бы должно быть налагаемо не иначе, какъ по формальному опредѣленію суда и непременно съ означеніемъ срока такому заключенію. Редакція этого пункта представляется намъ неполною. Она можетъ подать поводъ какому-либо суду въ приговорѣ за сравнительно легкій проступокъ монаха, за такой напр., который въ лицахъ бѣлаго духовенства наказуется перемѣщеніемъ на другое мѣсто, предоставить епархіальному начальству или игумену примѣнить приведенный пунктъ по усмотрѣнію начальства или игумена. Казалось бы необходимо изложить этотъ пунктъ такъ, что наказанія непримѣнимыя къ монахамъ замѣняются въ приговорѣ суда одиночнымъ заключеніемъ не свыше трехъ мѣсяцовъ, или монастырскими работами не свыше такого-то срока и столько-то часовъ въ день. Иначе, одиночнымъ заключеніемъ или непоумѣрной работой можно привести человѣка въ положеніе не лучше того, какому подвергаются осужденные въ военно-исправительныя роты. Извѣстно, что доселѣ монастырское начальство произвольно налагаетъ наказанія въ видѣ неопредѣленнаго числа поклоновъ, а епархіальное начальство по своему усмотрѣнію подвергаетъ бѣлое духовенство „надзору“ и „усугубленію надзора“. Проектъ весьма рационально исключаетъ такія кары по ихъ неопредѣленности, но по тому же соображенію, тѣ мѣры взыскація, которыя онъ допускаетъ, должны быть по возможности точно опредѣлены.

Переходя теперь къ начертанному въ проектѣ судоустройству, мы должны привести нѣкоторыя критическія замѣчанія комитета на устройство нынѣшняго, епархіальнаго суда, и высказанныя въ немъ основы новаго судоустройства, какъ потому что замѣчанія эти сами по себѣ весьма интересны, такъ и съ цѣлью показать важное значеніе того улучшенія въ бытѣ духовенства, которое будетъ осуществлено введеніемъ новыхъ началъ духовнаго судоустройства. Въ уставѣ консисторій 1841 года указаны въ числѣ законоположеній, на основаніи которыхъ долженъ производиться судъ — правила святыхъ апостолъ, святыхъ соборовъ, святыхъ отецъ и уставы гражданскіе, а относительно видовъ и мѣръ наказаній постановлено, что въ случаяхъ, которые въ уставѣ консисторій не означены, надлежитъ руководствоваться церковными правилами и

сводомъ законовъ. Но, замѣчаетъ записка комитета, „церковныя правила по предмету судопроизводства, при дѣйствиі устава духовныхъ консисторій, никогда не примѣнялись и не могли примѣняться на практикѣ, потому что правила сіи въ самыхъ основныхъ своихъ началахъ не имѣютъ никакого сходства съ уставомъ консисторій, и наоборотъ, едвали можно указать хотя одно дѣло, при производствѣ котораго не былъ бы принимаемъ за основаніе сводъ законовъ“. Понятно, отчего это происходило: въ дѣйствительности епархіальный судъ, на основаніи устава консисторій, былъ судъ секретарей консисторій, и потому, не соотвѣтствуя церковнымъ правиламъ, могъ соотвѣтствовать тѣмъ статьямъ свода законовъ, которыя секретарями приводились въ справкѣ.

Недостатки, какими долженъ былъ страдать таковой судъ, очевидны, но для насъ важно показать, какъ ихъ опредѣляетъ самъ комитетъ, потому что ими онъ доказываетъ необходимость введенія въ судоустройство духовное общихъ юридическихъ началъ. Главнѣйшій недостатокъ нынѣшняго епархіальнаго суда указывается въ томъ, что „власти судебная, обвинительная и административная смѣшаны“. Представляя въ себѣ всѣ недостатки прежняго негласнаго письменнаго гражданскаго суда, епархіальный судъ представляетъ собой еще большее смѣшеніе властей. „Смѣшеніе власти судебной съ властью административною въ духовномъ вѣдомствѣ доходитъ до такой степени, въ какой по гражданскому вѣдомству никогда не было“. Судъ и управленіе производятся чрезъ одно и то же присутственное мѣсто—консисторію, подъ начальствомъ епархіальнаго архіерея, который имѣетъ право, въ случаѣ несогласія съ мнѣніемъ консисторіи, положить собственное рѣшеніе, которое и приводится въ исполненіе. Такимъ образомъ, по единоличному усмотрѣнію начальника епархіи, священники могутъ быть подвергаемы всѣмъ наказаніямъ, указаннымъ въ уставѣ консисторій, въ томъ числѣ и весьма тяжкимъ, каковы, напримѣръ, лишеніе сана и исключеніе изъ духовнаго вѣдомства, которыя сопровождаются запискою въ мѣщане или крестьяне и воспрещеніемъ на время отъ 12-ти до 20-ти лѣтъ вступать въ государственную и даже общественную службу. „Подобное право епархіальнаго архіерея, замѣчаетъ записка, несогласно ни съ церковными правилами, ни съ законами, дѣйствующими по гражданскому вѣдомству. По канонамъ, для суда надъ пресвитеромъ нужно присутствіе семи епископовъ, а для суда надъ дьякономъ необходимо присутствіе четырехъ епископовъ“. „При соединеніи администраціи и суда въ однихъ рукахъ“, сказано въ запискѣ далѣе, „ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ“. Недостатки самаго судопроизводства,

какъ оно происходило доселѣ въ духовномъ вѣдомствѣ, общи нынѣшнему духовному суду со старымъ гражданскимъ судомъ: онъ производится въ тайнѣ и безъ бытности подсудимаго, по письменнымъ актамъ, составленнымъ при слѣдствіи, между тѣмъ, какъ сами церковныя правила требуютъ, чтобы обвиняемый непременно былъ лично вызванъ въ суду и допускаютъ заочное рѣшеніе не иначе, какъ вслѣдствіе неявки, то-есть, ослушанія. Наконецъ, нынѣшніе духовные суды постановляютъ свои рѣшенія на основаніи теоріи формальныхъ доказательствъ, и безъ принятія въ основаніе личнаго убѣжденія судьи. Отдаленность нынѣшняго суда и долговременность его процедуры, то-есть переписки, влеку за собою еще тѣ послѣдствія, что иногда утрачивалась даже возможность открыть какіе-либо слѣды при слѣдствіи, и дѣла о маловажныхъ проступкахъ вовсе не возбуждались и многіе пороки оставались безъ преслѣдованія.

Проектъ духовно-судебной реформы принялъ въ основаніе новаго судоустройства и судопроизводства рациональныя, выработанныя теорію и подтвержденныя опытомъ общія начала нашихъ гражданскихъ судебныхъ уставовъ. Комитетъ поставилъ себѣ задачей: отдѣлить судебную власть отъ обвинительной и административной, учредить суды болѣе близкіе къ подсудимымъ, замѣнить письменное производство устнымъ съ публичностью засѣданій суда, и отмѣнить теорію формальныхъ доказательствъ. Проектъ создаетъ особые судебные органы изъ лицъ духовнаго сана, „которые, производя судъ, не принимали бы никакого участія въ дѣлахъ административныхъ“, и притомъ изъ лицъ избранныхъ самимъ духовенствомъ, съ утвержденіемъ ихъ въ должности судей епархіальнымъ архіереемъ.

Такимъ образомъ, проектъ предполагаетъ учредить въ каждой епархіи по нѣскольку *духовныхъ судей*, по образцу мировыхъ судей, и съ соответственнымъ опредѣленіемъ круга ихъ власти. Эти духовные (мировые) судьи будутъ избираемы духовенствомъ изъ числа священниковъ. Въ запискѣ приведены цифры судимости за послѣдніе годы, изъ которыхъ видно, что огромное большинство судебныхъ дѣлъ имѣли предметомъ именно неважные проступки. Изъ этого выводится заключеніе, что за учрежденіемъ духовныхъ судей, которые будутъ вѣдать маловажные проступки, уже нѣтъ необходимости учреждать коллегіальный судъ въ каждой епархіи и достаточно учредить по одному такому суду на округъ изъ нѣсколькихъ епархій. При этомъ для облегченія недостаточнаго духовенства допущено правило, что обвиняемый можетъ и не являться въ духовно-окружной судъ, если его не потребуетъ самъ судъ,—правило едва ли вполне рациональное, такъ какъ обвиняемый, полагаясь на сознаніе своей правоты, можетъ не явиться въ судъ и тѣмъ не менѣе быть осуж-

постановленные этимъ учрежденіемъ въ качествѣ первой инстанціи, и судъ надъ членами и присутствующими синода. Такимъ образомъ, въ духовномъ судоустройствѣ не будетъ особой высшей инстанціи для разсмотрѣнія законодательныхъ вопросовъ и для наблюденія за правильнымъ исполненіемъ законовъ и соблюденіемъ установленныхъ ими формъ судопроизводства, той инстанціи, которая представляется двумя кассационными департаментами сената, и въ военномъ вѣдомствѣ главнымъ военнымъ судомъ. Разъясненіе законодательныхъ вопросовъ поручается судебному отдѣленію синода, котораго заключеніе въ этомъ случаѣ восходитъ на утвержденіе верховной власти. Что касается наблюденія за правильностью судопроизводства, то особой кассационной инстанціи въ духовномъ вѣдомствѣ не предполагается, потому что число духовныхъ лицъ въ имперіи не превышаетъ 120 тысячъ, а особое кассационное учрежденіе значительно увеличило бы расходы.

Мы уже замѣтили, что въ предполагаемомъ духовномъ судоустройствѣ не будетъ и отдѣльныхъ учреждений, прямо соотвѣтствующихъ мировымъ сѣздамъ и судебнымъ палатамъ. Жалобы на рѣшенія духовныхъ судей будутъ восходить къ окружному суду, который, представляя въ одно время и окружной судъ и мировой сѣздъ, будетъ обремененъ дѣлами, тѣмъ болѣе, что духовнымъ (т.-е. мировымъ) судьямъ власть безапелляціоннаго приговора предоставляется только весьма ограниченная: замѣчанія и выговоры безъ внесенія въ формуляръ (это справедливо) и штрафы въ размѣрѣ не свыше 15 рублей (вотъ это казалось бы слишкомъ низкій максимумъ). Судебныя палаты, въ качествѣ второй инстанціи, т.-е. апелляціоннаго суда, представляются судебнымъ отдѣленіямъ синода. Но отсутствіе судебныхъ палатъ весьма будетъ чувствительно на практикѣ въ ихъ качествѣ обвинительныхъ камеръ. По неимѣнію судебныхъ палатъ ихъ функцію, въ смыслѣ обвинительныхъ камеръ, предположено поручить епархіальнымъ архіереямъ, что представляетъ явныя неудобства. Такимъ образомъ, епархіальные архіереи хотя не будутъ принимать участія въ рѣшеніи дѣлъ въ духовно-окружныхъ судахъ, но окажутъ вліяніе чисто-административной власти на вѣдѣніе и производство духовно-окружныхъ судовъ, потому что обвинительные акты, составляемые прокуроромъ, т.-е. административнымъ лицомъ, будутъ утверждаемы не судебнымъ учрежденіемъ, но административною же властью — епархіальнымъ архіереемъ, которому, сверхъ того, предоставляется право предавать лицъ своей епархіи суду и безъ обвинительнаго акта; никакое дѣло въ духовно-окружномъ судѣ (въ первой инстанціи) не начинается иначе, какъ по обвинительнымъ актамъ (утвержденнымъ епархіальнымъ архіереемъ) или по постановленію самаго епархіальнаго архіерея о преданіи суду лица имъ обвиняемаго.

Основныя условія духовнаго судопроизводства будутъ общи ему съ судопроизводствомъ гражданскимъ: публичность засѣданія, судебное слѣдствіе, постановленіе приговора по внутреннему убѣжденію судей, основанному на совокупности обстоятельствъ, обнаруженныхъ при слѣдствіи и судѣ, наконецъ, ограниченіе приговора только двумя видами, т.-е. осужденія или оправданія, съ отмѣною оставленія въ подозрѣніи. Спрашивается только, почему меньшія дисциплинарныя взысканія, какъ-то замѣчанія и выговоры, включены въ атрибуцію духовныхъ судей, когда начальству предоставляется налагать ихъ и безъ суда?

При каждомъ духовно-окружномъ судѣ и при судебномъ отдѣленіи синода состоятъ прокуроры съ товарищами; эти лица, имѣющія тѣ же права и обязанности, какія присвоены имъ въ гражданскомъ судопроизводствѣ, опредѣляются не изъ духовныхъ, но изъ гражданскихъ чиновъ, съ юридическимъ образованіемъ или хотя бы однимъ высшимъ образованіемъ. Всѣ они назначаются или непосредственно оберъ-прокуроромъ синода, то-есть начальникомъ духовной администраціи, или верховной властью, по представленію оберъ-прокурора, и всѣ состоятъ подъ его наблюденіемъ. Наконецъ, и общій надзоръ за всѣми духовно-судебными установленіями сосредоточивается въ лицѣ оберъ-прокурора синода. Итакъ, если эти предположенія проекта осуществятся, то оберъ-прокуроръ синода будетъ совмѣщать въ себѣ слѣдующія атрибуціи: органа верховной власти по отношенію къ духовному законодательству, суду и администраціи вмѣстѣ; главнаго начальника всей духовной администраціи и вмѣстѣ органа общаго надзора за духовнымъ судомъ; по его представленіямъ будутъ назначаться административныя лица и вмѣстѣ какъ всѣ члены прокурорскаго надзора, такъ и члены высшаго духовнаго суда. При такомъ чрезмѣрномъ расширеніи круга правъ и обязанностей одного лица, посмотримъ, каково будетъ отношеніе священнослужителей къ этому лицу сравнительно съ отношеніемъ прочихъ гражданъ къ высшему начальству: служащій гражданскій чиновникъ подвѣдомственъ своему министру только въ дѣлахъ службы, въ повышеніи и наградахъ; до частной жизни его начальству нѣтъ дѣла, а если возникаетъ судебное преслѣдованіе за частныя его дѣла, то главою обвинительной власти по отношенію къ нему является не высшій его начальникъ по службѣ, но особое въ государствѣ лицо—министръ юстиціи.

Теперь возьмемъ священника: начальство его слѣдитъ не только за его службою, не только держитъ въ своихъ рукахъ его служебную судьбу, но еще слѣдитъ за его частной жизнью, наблюдаетъ, нѣтъ ли

у него пороковъ, и главою такого всеильнаго начальства священника является главный начальникъ духовной администраціи, оберъ-прокуроръ синода; но это еще не все — самое привлеченіе его къ суду, чрезъ мѣстнаго прокурора, за частную жизнь, составленіе и утвержденіе обвинительнаго акта, чрезъ прокурора и епархіальнаго архіерея, находятся въ зависимости отъ его же главнаго начальника по службѣ, отъ министра духовныхъ дѣлъ, то-есть оберъ-прокурора синода; самый составъ суда, который будетъ судить обвиняемаго, и надзоръ за ходомъ этого суда будутъ зависѣть все отъ того же главнаго начальника обвиняемаго по службѣ. Такимъ образомъ, въ лицѣ оберъ-прокурора синода для священника соединяются—и еще въ высшей мѣрѣ—всѣ тѣ власти, которые, напр., для чиновника министерства финансовъ представляются министромъ финансовъ, министромъ внутреннихъ дѣлъ и министромъ юстиціи.

Подобное сосредоточеніе власти въ одномъ лицѣ и притомъ властей столь разнообразныхъ, какъ отправленія законодательныя, административныя и вмѣстѣ судебныя, представляются недостаточно рациональнымъ. Оно прямо и самымъ существеннымъ (особенно на практикѣ) образомъ противорѣчило бы тѣмъ принципамъ, какіе были приняты комитетомъ въ основу реформы, именно, что „соединеніе въ одномъ лицѣ или въ какомъ-либо установленіи властей судебной и обвинительной или административной представляетъ весьма важныя неудобства“, что „при соединеніи администраціи и суда въ однихъ рукахъ ничто не представляетъ ручательства въ томъ, что каждая изъ двухъ властей будетъ держаться въ ея естественныхъ предѣлахъ“, и что одинъ изъ главнѣйшихъ недостатковъ нынѣшняго устройства есть именно тотъ, что „власти судебная, обвинительная и административная—смѣшаны“. Какъ же не примѣнить этого отзывая къ такому лицу, которое будетъ вѣдать всѣ административныя дѣла, производить всѣ высшія административныя назначенія, управлять и хозяйственною и учебною частями, подносить на утвержденіе верховной власти законодательные проекты и разъясненія законодательныхъ вопросовъ, назначать прокуроровъ, наблюдать за ними и имѣть надзоръ за судомъ, имѣть высшее вліяніе на составленіе и самое утвержденіе обвинительныхъ актовъ, и не говоря уже о раздачѣ и лишеніи мѣстъ и наградъ въ административномъ порядкѣ, будетъ подносить къ верховному утвержденію указы о назначеніи самихъ членовъ высшаго суда? Это было бы нѣчто въ родѣ административной власти всемогущей, каковой нигдѣ не существуетъ примѣра.

А между тѣмъ устранить это громадное неудобство весьма легко. Соглашаясь съ запискою въ томъ, что учрежденіе особаго кассационнаго суда въ духовномъ вѣдомствѣ было бы сопряжено съ большимъ

расходомъ, мы никакъ не можемъ допустить подобнаго соображенія противъ назначенія одного высшаго представителя прокурорскаго надзора: всѣ атрибуціи оберъ-прокурора духовной судебной власти могутъ быть переданы особому оберъ-прокурору синода по судебной части, совершенно независимому отъ нынѣшняго административнаго оберъ-прокурора. Такое раздѣленіе тѣмъ болѣе необходимо, что дѣйствіямъ обвинительной власти присвоивается, по проекту, болѣе независимость отъ судебныхъ мѣстъ, чѣмъ та, которая установлена судебными уставами. Учрежденіе особаго судебного оберъ-прокурора необходимо уже и потому, что главный начальникъ духовной администраціи легко можетъ быть обремененъ еще и другими обязанностями совершенно внѣ духовнаго вѣдомства. Раздѣленіе, на необходимость котораго мы указываемъ, придадо бы духовному судоустройству ту стройность и правильность, каковую оно должно имѣть и устранило бы изъ предположеній комитета очевидное и весьма важное взаимное противорѣчіе.

Судьба Хивы повидимому все еще не рѣшена; по крайней мѣрѣ нѣтъ никакихъ официальныхъ извѣстій о томъ, присоединяется ли Хива къ Россіи, или остается независимой, остаются ли тамъ только на время или окончательно наши войска. Правда, одна изъ петербургскихъ газетъ распространила слухъ объ условіяхъ мнимаго мирнаго договора съ ханствомъ, о сохраненіи его самостоятельности, наложеніи на него контрибуціи, временномъ удержаніи нѣсколькихъ пунктовъ, отгнѣнъ смертной казни и выступленіи массы нашихъ войскъ изъ Хивы уже въ нынѣшнемъ августѣ. Но мы не видимъ основаній придавать этому слуху значеніе. Въ томъ, что касается восстановленія власти хана и удержанія нами нѣсколькихъ пунктовъ, слухъ этотъ весьма сходенъ съ тѣми предложеніями, какія дѣлаетъ Россіи г. Вамбери въ послѣдней своей статьѣ аугсбургской „Allgemeine Zeitung“. Даже нѣкоторые пункты подлежащіе удержанію указываются изъ того и другого источника совершенно сходно. Между тѣмъ Вамбери передаетъ не слухъ, а именно высказываетъ свои предположенія, которыхъ полезность для Россіи едва ли несомнѣнна. Онъ совѣтуетъ намъ оставить независимость хану и обезпечить себѣ вліяніе на Хиву удержаніемъ нѣсколькихъ пунктовъ и возведеніемъ новыхъ укрѣпленій, отговаривая Россію отъ непосредственнаго управленія Хивой, какъ по трудности (?) этого дѣла, по безпокойному характеру подвластныхъ Хивѣ племенъ, такъ и по неизбѣжности увеличенія того дефицита, какой представляетъ намъ уже непосредственное владѣніе прежде покоренными областями Средней Азіи.

Признаемся, мы крайне сомнѣваемся въ возможности прямо опре-

дѣлать отношеніе Россіи къ Хивѣ на условіяхъ подобныхъ тѣмъ, какія высказаны русскою газетою и г. Вамбѣри. Признавъ и возстановивъ хана и заключивъ съ нимъ договоръ, мы тѣмъ самымъ обязались бы поддерживать его власть и власть его преемниковъ, даже по отношенію къ кочующимъ туркменамъ, особенно при наложеніи на Хиву контрибуціи. Контрибуція эта, во всякомъ случаѣ весьма тяжкая для Хивы, была бы разложена частью и на кочевниковъ, и невозможность принудить ихъ къ платежу стала бы отговоркой для хана, въ виду которой намъ пришлось бы быть всегда готовыми къ новому походу. Но это не все. Контрибуція для того, чтобы она соотвѣтствовала нашимъ издержкамъ, должна была бы простираться до двухъ или трехъ милліоновъ рублей. Уплатить такую сумму въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ ханство, котораго весь доходъ составляетъ около 400 т. рублей, было бы не въ состояніи безъ наложенія новыхъ, высокихъ пошлинъ на торговлю. Между тѣмъ торговля съ Хивою уже сильно поражена теперь огромными реквизиціями перевозочныхъ средствъ, то-есть, верблюдовъ, для самого похода. Верблюдовъ взято съ Хивы до 14 тысячъ, а всѣхъ ихъ въ туркестанскомъ краѣ считается только около 100 тысячъ. Уже это одно обстоятельство заставляеть опасаться за вздорожаніе фрахтовъ въ Россію. Доселѣ фрахтъ отъ Бухары до Пешаура былъ 4 р. 50 к. съ пуда, а до Москвы 3 рубли, и въ этой разницѣ вся выгода нашей торговли съ Хивой передъ англійскою. Если фрахты, вслѣдствіе уменьшенія перевозочныхъ средствъ со стороны русскихъ владѣній, сравнятся, то весьма вѣроятно, что хивинскій рынокъ будетъ захваченъ англійскою промышленностью, съ которою наша не можетъ конкурировать дешевизною издѣлій; вѣдь вывозятъ же къ намъ въ Закавказье изъ Персіи англійскіе ситцы. Наложеніе тяжелой контрибуціи, которая главной частью падеть на торговлю, можетъ разорить ее хуже чѣмъ самая необезпеченность пути, которая, впрочемъ, все-таки устранена не будетъ.

Такимъ образомъ наложеніе на Хиву контрибуціи милліона въ три рубля, съ одной стороны ослабитъ власть хана, возстановитъ противъ него его подданныхъ, а съ другой — можетъ лишить насъ хивинскаго рынка. Да и спрашивается еще, удобно ли въ одно и то же время устраняться самимъ отъ управленія Хивой, возстановлять власть хана съ обязанностью ее поддерживать, и уменьшить самымъ существеннымъ образомъ ту силу, какою эта власть могла располагать доселѣ. А между тѣмъ незначительною контрибуціа быть не можетъ, потому что, несоотвѣтствуя нашимъ расходамъ на походъ, контрибуція не имѣла бы смысла. Мы же издержали на походъ уже болѣе 600 тысячъ рублей деньгами, да обязались упла-

тять по 50 рублей за каждаго павшаго верблюда; и такъ какъ по слухамъ, да и судя по официальнымъ реляціямъ погибла бѣольшая часть верблюдовъ, которыхъ было взято 14 тысячъ, то выходитъ, что издержки похода уже теперь должны простираться болѣе чѣмъ до 1¼ милліона рублей, а предстоитъ еще походъ обратно и возведеніе укрѣпленій.

По всѣмъ этимъ соображеніямъ, заслуживаетъ еще бѣольшаго вниманія вопросъ: не слѣдуетъ ли просто присоединить къ Россіи Хиву, такъ какъ главныя трудности уже преодолены, тѣмъ болѣе, что недалеко время, когда по всей вѣроятности утратитъ тѣнь своей самостоятельности и остальная часть Бухары. Само собою разумѣется, что мы говоримъ здѣсь о самой сущности дѣла, а не объ одной формѣ, которая можетъ быть обусловлена дипломатическими соображеніями. Бухара во всякомъ случаѣ — цѣнное приобрѣтеніе, но и Хива, по увѣренію самого Вамбери, можетъ стать цѣннымъ приобрѣтеніемъ въ будущемъ. Главное же, что было бы достигнуто такимъ окончательнымъ рѣшеніемъ вопроса, былъ бы именно тотъ важный фактъ, что вопросъ былъ бы рѣшенъ окончательно, такъ что уже не могло бы представиться въ будущемъ хивинцамъ возможности вызывать насъ на бой, а намъ перспективы новыхъ подвиговъ и соединенныхъ съ ними — славы и преимуществъ. Исторія постепеннаго завоеванія Чамкента, Ташкента, Ходжента и Ура-Тюбе, Шахрисябза и Самарканда показываетъ, какъ трудно остановиться на какомъ-либо этапѣ, когда путь лежитъ еще далеко. Зачѣмъ же, пройдя весь путь, возвращаться этапомъ назадъ, когда очевидно, что придется со временемъ пройти его вновь съ новыми жертвованіями? Говоря такъ, мы, впрочемъ, не хотимъ выразить убѣжденія въ безусловной необходимости окончательнаго присоединенія Хивы. Но такъ какъ въ печати вслѣдъ за проникшими въ нее слухами было уже неоднократно выражено мнѣніе въ пользу восстановленія независимости ханства, то мы сочли не бесполезнымъ указать на другую сторону вопроса. Очень вѣроятно, что и англичане счумѣли бы оцѣнить выгоду прекращенія всякаго дальнѣйшаго поступленія русскихъ войскъ въ Азію, и удовлетворительно объяснили бы себѣ наше намѣреніе остаться при нынѣшнемъ положеніи дѣла и have done with it, то-есть совсѣмъ раздѣлаться съ среднеазиатскимъ вопросомъ.

ОДИНЪ ОТВѢТЪ НА ВСѢ ВОПРОСЫ.

ОТЪ РЕДАКЦІИ.

Намъ особенно посчастливилось въ іюлѣ мѣсяцѣ: почти одновременно напали на насъ и закидали вопросами и предположеніями „Голось“ (6-го іюля) и „Гражданинъ“ (9-го іюля). „Голось“ составилъ предположеніе о переходѣ „Вѣстника Европы“ въ лагерь ретроградовъ и сопричислилъ насъ (ужасно сказать!) къ „Гражданину“, „Русскому Міру“, увѣривъ своихъ читателей при этомъ, что „Вѣстнику Европы“ и такихъ союзниковъ было мало, почему онъ нисходилъ во адъ, чтобъ протянуть руку еще покойной „Вѣсти“. „Итакъ, — восклицаетъ „Голось“, — лагера покойной „Вѣсти“ и здравствующаго „Русскаго Міра“ прибыло: „Вѣстникъ Европы“, наконецъ, открылъ глаза и *ужалъ, откуда вѣтеръ дуетъ*“... „Возрадуйтесь же „Русскій Миръ“, „Гражданинъ“ и tutti quantil“ Все это говорилъ „Голось“ 6-го іюля; но не прошло и трехъ полныхъ дней, какъ нашъ новый „союзникъ“, а именно „Гражданинъ“ хотя и не сопричислилъ насъ къ „Голосу“, но все же началъ гнать изъ своего лагера, обвинивъ чуть не въ измѣнѣ государству, а главное, въ намѣреніи поколебать уваженіе къ православной церкви. Мы могли бы почти не отвѣчать представителямъ „либеральнаго“ лагера нашей печати и другого лагера, который принимается первымъ за противоположный ему, и не безъ выгоды для чести остаться на нейтральной почвѣ. Но „Голось“ въ томъ же номерѣ усмотрѣлъ въ нашемъ молчаніи по другому вопросу сознание въ своей ошибкѣ, и вотъ мы вынуждены отвѣчать хоть въ немногихъ словахъ. „Голось“ упустилъ изъ виду то обстоятельство, что каждый органъ, помимо своего направленія, которое можетъ быть либерально, ретроградно и т. д., долженъ поступать въ полемикѣ добросовѣстно. Вышеприведенная тирада построена въ „Голосѣ“ на томъ основаніи, что въ іюньской выжкѣ нашего журнала помѣщена статья гр. В. П. Орлова-Давыдова: „Земледѣліе и Землевладѣніе“; но газета при этомъ совершенно умалчиваетъ о нашемъ заявленіи (см. стр. 813), что наша редакція печатаетъ ту статью въ силу „убѣжденія о необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ“; что настоящее мнѣніе редакціи по этому предмету было только-что выражено въ майской книгѣ, а именно въ статьѣ Е. Л. Маркова: „Всесловная волюсть“; и что, наконецъ, наша редакція сохраняетъ за собою право выразить и свое мнѣніе о томъ же предметѣ съ полною искренностью“, т.-е. по возможности.

При добросовѣстности, хотя бы и на счетъ здраваго смысла, „Голось“ могъ бы обвинить насъ въ томъ, что мы убѣждены въ необходимости выслушать каждое откровенное мнѣніе въ дѣлахъ общественныхъ; а онъ вмѣсто того взялся за то, что мы хотѣли сдѣлать сами, и сдѣлалъ это по весьма неодобрительному приему, какъ-бы съ убѣжденіемъ, что бросаніе гравя въ противника и гверство составляютъ самые вѣскіе аргументы въ полемикѣ. Пусть „Голось“ не говоритъ, что онъ-моль не замѣтилъ сказаннаго редакціею на 813-й стр. майской книги! Мы очень хорошо знаемъ изъ „Голоса“ же, что онъ прочелъ на этой самой страницѣ наше увѣщаніе ему отказаться отъ прежняго своего способа дѣйствій по отношенію къ нашимъ „Варшавскимъ письмамъ“; а онъ именно увѣрялъ, что авторъ ихъ „покровительствуетъ польскимъ стремленіямъ, претендующимъ на нашу плоть и кровь“. Онъ отвѣчалъ намъ на это увѣщаніе увѣреніемъ, что въ наше время вовсе не опасно быть полякомъ или благосклонно говорить о польскихъ дѣлахъ. Это совершенно справедливо; но не одно и то же — быть полякомъ и „претендовать на нашу плоть и кровь“; послѣднее — преступно во всякое время, и потому на-обумъ сказать, что какой-нибудь журналъ покровительствуетъ подобнымъ претензіямъ — вовсе не значитъ высказать невинную мысль, какъ думаетъ „Голось“. По нашему мнѣнію, такіа претензіи и безумны, и преступны; неужели „Голось“ думалъ иначе, или онъ забылъ собственные слова? Вотъ, было бы другое дѣло, еслибы „Голось“ оправдывался тѣмъ, что его толки не имѣютъ никакой цѣны, и что мы напрасно обращаемъ вниманіе на нихъ, такъ какъ на нихъ никто не обращаетъ вниманія. Но „Голось“ не приводитъ этого смягчающаго обстоятельства въ свое оправданіе.

Кстати, сообщимъ „Голосу“, что прежнее аналогическое его обвиненіе г. М. Т—ова, автора статьи: „Русскіе въ Галиціи“, найдетъ себѣ отвѣтъ въ новомъ трудѣ того же автора: „Литературное движеніе въ Галиціи“, которое, къ нашему сожалѣнію, по недостатку мѣста мы не могли помѣстить въ настоящей книгѣ журнала.

Что же касается до упрека намъ со стороны „Голоса“, что въ іюльской книгѣ мы промолчали о литературномъ курьѣзѣ по поводу „легкомысленной выходки“ (какой снисходительный отзывъ со стороны органа—представителя нашего либерализма!) г. Ястржембскаго, — то и этотъ упрекъ напрасенъ: если наша послѣдняя книжка вышла для публики 1-го іюля, то, какъ понятно „Голосу“, она была со-всѣмъ отпечатана 26-го іюня, когда именно этотъ „курьѣзъ“ только-что появился въ газетахъ. Мы не имѣли физической возможности сдѣлать даже и „намѣкъ“, котораго ожидалъ отъ насъ, „Голось“, и исполняемъ это дѣло теперь, не ограничиваясь за то однимъ „намѣкомъ“.

Едва умолкъ „Голосъ“, какъ раздался противъ насъ другой голосъ „Гражданина“, отрывшаго въ прежнихъ книгахъ „Вѣстника Европы“ критику г. Спасовича на извѣстную книгу г. Стронина. Не говоримъ о томъ, что авторъ этой выходки съ первыхъ словъ наивно сознается, что онъ „незнакомъ съ книгой г. Стронина и потому не можетъ точно провѣрить, насколько вѣрно передано ея содержаніе г. Спасовичемъ“. Затѣмъ, разумѣется, онъ перепутываетъ мнѣнія г. Стронина съ мнѣніями г. Спасовича, возражаетъ первому, думая, что онъ имѣетъ дѣло съ послѣднимъ и т. п.,—однимъ словомъ, все это до крайности продиво! Оставляемъ также въ сторонѣ всѣ обвиненія въ государственной измѣнѣ; въ нашей современной литературѣ такія обвиненія стоятъ не дорого самимъ обвинителямъ, и дѣлаются сплеча;—но „Гражданинъ“ заключаетъ всю свою галлюцинацію вопросомъ: „Не потрудится ли намъ объяснить *это* г. редакторъ *Вѣстника Европы*?“. Оказывается, что г. Спасовичъ въ довершеніе всего злокозненно объявилъ ту церковь, которой онъ принадлежитъ самъ вмѣстѣ съ авторомъ обвинительной статьи, „младшею“ изъ всѣхъ церквей. „Удивительно,—вослицаетъ „Гражданинъ“,— что многоученный редакторъ не поправилъ такой грубой ошибки! Исторіку должно быть извѣстно, какъ совершилось раздѣленіе церквей, ему извѣстно, конечно, что восточная церковь въ какомъ видѣ была до раздѣленія, въ такомъ и осталась“. Но редактору „Гражданина“ и его доблестнымъ витязямъ слѣдовало бы къ ихъ обширнымъ познаніямъ присоединить еще одну подробность, извѣстную впрочемъ и гимназисту третьяго класса, а именно, что мы всѣ принадлежимъ не просто восточной и православной церкви, но греко-россійской церкви, которая считаетъ своему самостоятельному существованію не 1873 года, а несравненно меньше. Вотъ почему г. Спасовичъ называетъ ее младшею церковью, и такимъ образомъ инсинуаціи оказываются не съ его стороны, а со стороны „Гражданина“, который притомъ облекъ ихъ въ формы невѣжества, отъ котораго впрочемъ можетъ по этому вопросу освободиться при помощи перваго попавшагося ему въ руки краткаго историческаго учебника; или быть можетъ онъ считаетъ нашу греко-россійскую церковь не самостоятельною церковью? По основательности этого сужденія „Гражданина“, пусть читатель судить объ основательности остальныхъ; а по характеру всѣхъ выходокъ „Голоса“ и „Гражданина“ пусть сообразить степень современнаго хаоса отечественной публицистики, среди которой неудивительно, если случилось то, что „своя своихъ не познаша“, и „Голосъ“ за нашу „измѣну“ либерализму выбранился „Гражданиномъ“, а „Гражданинъ“ отдалъ насъ за радикализмъ подъ судъ исторіи и другихъ вѣдомствъ. „Все это было бы смѣшно“...

ИНОСТРАННОЕ ОБОЗРѢНІЕ

1-е августа, 1878.

Предстоящее родство съ королевскимъ домою Англій. — Конецъ сессіи французскаго національнаго собранія. — Отмѣна протекціонизма и очищеніе территоріи. — Правительство Пи-и-Маргалля. — Правительство Сальмерона. — Новая возстанія и война съ карлистами.

Въ послѣднее время такъ много говорили о независимости въ нашъ вѣкъ международныхъ отношеній отъ династическихъ связей, что впали въ преувеличеніе, отвергая всякое вліяніе послѣднихъ. Это правда, что вопросъ о войнѣ мало зависитъ отъ нихъ, но онѣ усиливаютъ мирныя общенія націй и ставятъ въ болѣе близкое соприкосновеніе именно тѣ сферы, которыхъ вліяніе на внутреннюю политику нигдѣ отвергать нельзя. Вотъ почему на первое мѣсто между политическими событіями прошедшаго мѣсяца слѣдуетъ поставить помолвку Августѣйшей Дочери нашего Государя съ сыномъ англійской королевы, принцемъ Альфредомъ. Общественное мнѣніе Англій и ея государственные люди справедливо оцѣнили всю важность этого счастливаго событія, и да послужитъ оно символомъ дружескаго сближенія двухъ великихъ націй.

Принцъ Альфредъ, герцогъ Эдинбургскій родился 6-го августа 1844 года; онъ пэръ Англій съ титулами графа Кентскаго, графа Ульстерскаго и герцога Эдинбургскаго, и наслѣдникъ герцога Эрнста саксенъ-кобургъ-готскаго. Принцъ посвятилъ себя морской службѣ и на одной изъ своихъ продолжительныхъ морскихъ экспедицій, какъ извѣстно, уже посѣтилъ Петербургъ. Почтенный г. Гладстонъ, британскій первый лордъ казначейства, по поводу дотации принца, выразивъ въ палатѣ общинъ тѣ чувства, съ какими англійская нація взираетъ на предстоящую родственную связь между августѣйшими домами Великобританіи и Россіи, продолжалъ такъ: „Недавно еще англійскій народъ, вслѣдствіе особыхъ обстоятельствъ, считалъ Россію враждебнымъ себѣ государствомъ, но надо надѣяться, что новый

родственный союзъ повлечетъ за собой полное измѣненіе въ настроеніи народа Англій. Надобно радоваться, что союзъ этотъ заключается во время правленія императора, который прославился не завоевательными планами, но дѣлами человѣколюбія, которыхъ однихъ было достаточно, чтобы сдѣлать его имя всѣми почитаемымъ и прославляемымъ, а именно — отмѣною крѣпостного состоянія". Слова Гладстона вполне примѣняются и къ настроенію нашего общества въ настоящемъ счастливымъ случаѣ: мы можемъ также ему отвѣчать, что враждебное чувство къ Англій и у насъ было явленіемъ переходящимъ, вызваннымъ внѣшними причинами, и оно изгладилось уже много лѣтъ тому назадъ, вмѣстѣ со слѣдами возбудившихъ это чувство причинъ. Прежнее неприязненное настроеніе, подѣ влияніемъ тѣхъ же великихъ реформъ нынѣшняго царствованія, просвѣтившихъ нашу политическій смыслъ, смѣнилось теперь чувствомъ симпатіи и уваженія къ націи, являющей всему міру примѣръ высокой политической мудрости, и къ ея вѣковымъ учрежденіямъ. Русскій народъ впрочемъ никогда и ни въ чемъ не отдѣлялъ себя отъ своего Монарха, и потому, помимо всякихъ соображеній, вполне будетъ радъ Его радостью и пожелаетъ Дочери Государя всего, что онъ только можетъ пожелать Дочери Россіи.

Сессія французскаго національнаго собранія, наконецъ, прервалась 29-го іюля (н. с.) на продолжительное время, а именно до 5-го ноября. Положеніе дѣлъ въ теченіи послѣдняго мѣсяца измѣнилось только въ одномъ, впрочемъ довольно существенномъ пунктѣ: около 40 членовъ умѣренной лѣвой стороны (лѣваго центра) пристали къ большинству. Явленіе это, весьма любопытное въ отношеніи нравственномъ, имѣетъ и практическое значеніе. Въ нравственномъ отношеніи оно означаетъ, что реакція въ томъ видѣ, какъ ее производить нынѣшнее правительство преобразованіемъ въ консервативномъ смыслѣ личнаго состава администраціи, усиленіемъ преслѣдованія всѣхъ участниковъ возстанія 18-го марта 1871 г., остававшихся доселѣ въ покоѣ, и заявленіемъ всякаго покровительства принципамъ и актамъ религіознаго характера — не только не возбуждаетъ сильной оппозиціи въ большинствѣ французскаго образованнаго общества, но наоборотъ, повидимому, признается имъ соотвѣтствующему положенію дѣлъ, хотя и не особенно пріятною необходимостью. Иными словами, усиленіе правительственнаго большинства въ національномъ собраніи, несмотря на реакціонерное направленіе политики правительства, показываетъ, что большинство образованныхъ достаточныхъ классовъ во Франціи, въ теоріи положительно несочувствующее реакціи, тѣмъ же

менѣе нынѣ, точно такъ какъ при Кавеньягѣ и при Лудовикѣ-Наполеонѣ, считаетъ реакцію необходимою для „спасенія Франціи“. На практикѣ же присоединеніе части лѣваго центра къ правительственному большинству имѣетъ то значеніе, что оно дѣлаетъ менѣе нужнымъ, легитимистамъ и орлеанистамъ собранія, союзъ съ бонапартистами. При помощи нѣсколькихъ десятковъ членовъ лѣваго центра, коалиція будетъ имѣть возможность не всегда уступать требованіямъ незначительной, но весьма энергической группы бонапартистовъ.

Послѣ побѣды 24-го мая, когда коалиція испровергла правительство Тьера, и побѣды 10-го іюня, когда коалиція одержала верхъ по поводу циркуляра Паскаля о печати, то-есть укрѣпилась успѣхомъ, одержаннымъ при самыхъ неблагопріятныхъ обстоятельствахъ, собраніе 24-го іюня выразило довѣріе къ „правительству борьбы“ по поводу распоряженія ліонскаго префекта относительно гражданскихъ похоронъ, оставивъ безъ послѣдствій, большинствомъ 422 противъ 261, запросъ Леройе и принявъ переходъ къ порядку, предложенный Белькастелемъ. Послѣ этого собраніе, обсуждая довольно равнодушно важный законъ о преобразованіи арміи, имѣло засѣданія, въ которыхъ разразилась буря по совершенно ничтожнымъ предлогамъ. Такъ, по поводу пріѣзда шаха въ Парижъ былъ произведенъ президентомъ смотръ, которому придано было значеніе настоящаго событія. Въ свитѣ маршала находились два орлеанскихъ принца въ мундирахъ дивизионныхъ генераловъ и самъ Макъ-Магонъ надѣлъ мундиръ того же чина, для того, чтобы не казаться ихъ начальникомъ. Это произвело неудовольствіе въ республиканской и, въ особенности, въ бонапартистской партіяхъ. Вскорѣ послѣ того, принцъ Наполеонъ, выѣхавшій-было изъ Парижа, вновь явился туда, какъ говорили, чтобы требовать признанія и за собой чина дивизионнаго генерала, и въ случаѣ отказа правительства, жаловаться въ государственный совѣтъ. Депутаты, сидѣвшіе въ амфитеатрѣ на смотрѣ, расположились и здѣсь по партіямъ, то-есть чѣмъ либеральнѣе, тѣмъ выше, и старались взапуски апплодировать каждой проходившей части войскъ, такъ чтобы не было полка, который могъ бы замѣтить сравнительную холодность къ нему которой-либо изъ партій собранія. Все это было уже довольно смѣшно, но еще забавнѣе былъ энтузіазмъ, произведенный какъ на публику, такъ и на законодателей Франціи — *народомъ*. Газеты наперерывъ выражали восторгъ населенія при видѣ такой превосходной, образцовой арміи, какъ будто существенныя качества арміи могутъ обнаружиться на смотрѣ. Но восторгъ былъ столь единодушенъ и силенъ, что президентъ собранія Бюффѣ началъ засѣданіе слѣдующаго дня выраженіемъ этого восторга, хвалою ар-

ми и правительству. Въ засѣданіи 12-го іюля де-Шуазель замѣтилъ, что президентъ собранія нарочно умолчалъ о заслугахъ Тьера, между тѣмъ какъ возсозданіе арміи есть дѣло не нынѣшняго правительства, которое существуетъ всего пять недѣль, но дѣло Тьера. Волненіе, произведенное этимъ замѣчаніемъ, еще не утихло, когда на трибуну взошелъ Гамбетта, чтобы, по поводу одного личнаго нападенія, объяснить нѣсколько словъ извѣстной гренобльской его рѣчи, въ которой упоминалось „о различныхъ общественныхъ наслоеніяхъ (couches sociales)“ во Франціи. Само собою разумѣется, что онъ потребовалъ окончательнаго признанія республики, а министръ Эрнѹ, отвѣчая ему, обѣщавъ „подавить революціонную гидру“ и назвалъ правительственную партію — „союзомъ добродѣтельныхъ людей (la ligue des gens de bien)“. Засѣданіе это было одно изъ самыхъ бурныхъ, а между тѣмъ поводы къ бурѣ были, очевидно, совершенно ничтожны. Президентъ собранія, въ засѣданіи 15-го іюля, объяснилъ, что заслуга возсозданія арміи принадлежитъ и Тьеру, и маршалу Маеъ-Магону, и собранію, и генераламъ.

Въ томъ же засѣданіи депутатовъ Паріи внесъ предложеніе объ отсрочкѣ сессіи собранія съ 27 іюля. Предложеніе это было предварительно одобрено правительствомъ, какъ оказалось изъ того обстоятельства, что министръ юстиціи Эрнѹ тотчасъ же внесъ важное дополненіе къ предложенію Паріи, предложивъ собранію предоставить постоянной комиссіи, которая будетъ засѣдать во время перерыва сессіи собранія, право разрѣшать судебныя преслѣдованія противъ тѣхъ депутатовъ, которые навлекли бы на себя обвиненіе въ оскорбленіи собранія. Цѣль этой мѣры усмотрѣли въ томъ, чтобы предупредить возможность агитации со стороны членовъ лѣвой стороны въ пользу распушенія собранія. АрагѠ, Гамбетта и де-Прессансе сильно возставали противъ этой мѣры, доказывая, что постоянная комиссія, избираемая большинствомъ, должна представлять одну партію и потому ей не можетъ быть передано собраніемъ принадлежащее ему право разрѣшать судебное преслѣдованіе депутатовъ, тѣмъ болѣе, что засѣданія ея негласны. АрагѠ замѣтилъ, что постоянная комиссія съ такимъ полномочіемъ будетъ имѣть значеніе «комитета спасенія (comité du salut public)», органа революціоннаго деспотизма. Такъ какъ неотлагательность предложенія Эрнѹ была признана, то члены лѣвой стороны рѣшились требовать возможно бѣльшаго сокращенія вакацій собранія. Но собраніе приняло 19 іюля предложеніе Паріи и рѣшило, согласно докладу своей комиссіи, что вакаціи будутъ продолжаться съ 27 іюля по 5 ноября, отвергнувъ два предложенія лѣвой стороны о сокращеніи этого срока и одно предложеніе

о дозволеніи всѣмъ желающимъ депутатамъ присутствовать въ засѣданіяхъ постоянной коммисіи съ правомъ совѣщательнаго голоса.

Затѣмъ, и еще до принятія закона Эрнѹ, а именно въ засѣданіи 21 іюля происходили пренія по запросу Жюль Фавра о внутренней политикѣ правительства.

Жюль Фавръ доказывалъ необходимость положить конецъ нынѣшнему порядку вещей и установить окончательно республику, спрашивалъ „правительство борьбы“, съ кѣмъ оно имѣетъ цѣлью бороться, съ настоящими ли мятежниками только или со всѣми, кто не раздѣляетъ образа мыслей правой стороны, наконецъ, требовалъ отъ правительства объясненій относительно терпимыхъ имъ происковъ бонапартистовъ. Жюлю Фавру отвѣчалъ первый министръ, герцогъ де-Брольи. Онъ отрицалъ существованіе опасности со стороны бонапартистскихъ заговоровъ и доказывалъ, что республику столь же трудно провозгласить, какъ и монархію, такъ какъ существуютъ не только три монархическія партіи, но и нѣсколько республиканскихъ лагерей.

Для перехода къ очередному порядку предложены были три формулы: формула Шангарнье, выражавшая довѣріе къ правительству, формула Леона Сэ, оговаривавшая необходимость искренняго отправленія республиканскихъ установленій, и формула Ж. Симона, выражавшая сожалѣніе, что правительство неудовлетворительно отвѣчало на предшествовавшій запросъ. Первою, по рѣшенію собранія, была пущена на голоса формула Шангарнье, которая и была принята большинствомъ 400 голосовъ противъ 270.

Если сравнить этотъ результатъ съ цифрами голосованія 24-го мая, основавшаго нынѣшнее правительство, то окажется, что правительственное большинство стало нынѣ въ 130 голосовъ вмѣсто 14-ти, рѣшившихъ участь правительства Тьера. Итакъ, въ этомъ случаѣ весь лѣвый центръ, за исключеніемъ нѣсколькихъ членовъ, перешелъ на сторону коалиціи. То же самое большинство сказалось въ засѣданіи 23-го числа, когда собраніе 396 голосами противъ 263, то-есть перевѣсомъ 133 голосовъ утвердило законъ Эрнѹ относительно права постоянной коммисіи разрѣшать преслѣдованіе депутатовъ, притомъ безъ всякаго измѣненія этого закона. Еще гораздо значительнѣе было большинство, которымъ оно разрѣшило архіепископу парижскому построить на Монмартрѣ церковь по подпискѣ. Въ пользу этого разрѣшенія подано было 382 голоса, противъ только 138; но такое соотношеніе произошло оттого, что многіе депутаты совсѣмъ воздержались отъ подачи голоса по этому вопросу. По поводу этого послѣдняго дѣла не мѣшаетъ сдѣлать замѣчаніе о преувеличеніяхъ, въ какія вдаются всѣ вообще партіи во Франціи въ своихъ отзывахъ

о противникахъ. Нѣтъ сомнѣнiя, что нынѣшнее правительство Францiи заражено клерикальнымъ духомъ, но тѣмъ не менѣ обвиненiя его дѣйствiй въ этомъ смыслѣ преувеличены, такъ какъ пока оно еще не сдѣлало ничего напоминающаго какую-либо клерикальную тираннiю. Оно допускаетъ процессiи и пилигримства, приглашаетъ духовенство къ совершенiю богослуженiя по поводу возобновленiя законодательныхъ работъ, назначило въ армию полковыхъ священниковъ, наконецъ разрѣшаетъ постройку церкви. Все это, правда, весьма необыкновенно во Францiи и потому представляется особенно рельефнымъ. Все это противорѣчитъ принципу строгаго отдѣленiя государства отъ церкви, но гдѣ же этотъ принципъ доселѣ проведенъ строго? Въ самой Италiи, его провозгласившей, права папы на почести, присвоенныя особамъ государей, вписаны въ конституцiю. Но либералы въ Европѣ до такой степени усвоили себѣ, отчасти несознательно, словарь французскихъ либеральныхъ партiй, что въ рѣчахъ своихъ о Францiи впадаютъ въ тѣ же преувеличенiя, хотя о своихъ собственныхъ дѣлахъ судятъ иначе. „Pall Mall“, которая пресерьезно рассматриваетъ вопросъ о пользѣ или вредѣ конфессiоналовъ въ англиканствѣ, или по поводу смерти епископа винчестерскаго высказываетъ сожалѣнiе, что въ остальныхъ членахъ англиканскаго духовенства мало людей, равныхъ ему по энергiи, мало людей „сильныхъ убѣжденiй“ (strong convictions),—говоритъ съ иронiей о Дюпанлугу и видитъ верхъ клерикализма въ дѣйствiяхъ коалицiи нынѣ правящей Францiею, хотя этой коалицiи не можетъ придти и мысли создать что-либо въ родѣ духовныхъ пѣровъ, присяги членовъ парламента защищать религiю и вообще господства церкви, какъ оно существуетъ доселѣ въ Англии къ полному удовольствiю „Pall Mall“. „Indépendance Belge“ увѣряетъ, что назначенiе полковыхъ священниковъ во французскую армию равносильно принужденiю солдатъ исповѣдываться, негодуетъ на предложенiе, внесенное въ національное собранiе, чтобы члены его присутствовали при закладкѣ церкви на Монмартрѣ, и тутъ же подробно описываетъ религiозное торжество въ Брюсселѣ, въ которомъ участвовала палата депутатовъ in corpore, вмѣстѣ съ королемъ, всѣмъ министерствомъ, войсками и національной гвардiей, рассказываетъ, чью мессу пѣли при этомъ случаѣ и т. д., не выражая по этому поводу никакого удивленiя. „Кѣльнская Газета“ пронизиваетъ надъ разрѣшенiемъ подписки на постройку монмартрской церкви, забывая, что въ предложенiяхъ къ самой „Кѣльнской Газетѣ“ разсылается „Листокъ кѣльнскаго собора“, и что всякое приношенiе королей прусскихъ изъ казны на построение этого собора было предметомъ самыхъ благоговѣйныхъ выраженiй благодарности на страницахъ самой „Кѣльн-

ской Газеты". Та же самая газета, объявлявшая не разъ принципъ республиканизма несостоятельнымъ въ Европѣ, искусственно занесеннымъ изъ Америки принципомъ, постоянно ратуетъ за упроченіе республики во Франціи. Такимъ образомъ, либеральные органы Европы, привыкая третировать Францію съ пренебреженіемъ, въ то же время предъявляютъ къ ней несравненно большія требованія, чѣмъ къ собственнымъ своимъ странамъ, и тѣмъ крайне нелогично заявляютъ какъ-будто бы убѣжденіе, что Франція ушла несравненно далѣе остальной Европы, и что то, что въ остальной Европѣ еще не вполне естественно, во Франціи должно казаться возмутительно-реакціоннымъ. Въ особенности рѣзко это самопротиворѣчіе выступаетъ въ томъ, что англійскія и нѣмецкія газеты, которыя всегда относятся къ своимъ монархамъ съ похвальнымъ почтеніемъ, называя ихъ не иначе какъ *our beloved Queen* и *unser hochverehrte Kaiser*, не могутъ говорить безъ всегдашней язвительной, — но весьма странной съ ихъ стороны — насмѣшки о преданности французскихъ легитимистовъ претенденту, въ которомъ тѣ видятъ своего законнаго короля. Вообще, кажется, еще не было эпохи, когда политическая двуличность и господство „двоякихъ мѣръ и вѣсовъ“ были бы столь всеобщимъ, характеристическимъ явленіемъ времени, какъ нынѣ.

Національное собраніе, разрѣшивъ постройку церкви, однако, отвергло (равенствомъ голосовъ) предложеніе присутствовать при ея закладѣ. Въ то же время, сами члены комиссіи, разсматривавшей предложеніе о постройкѣ церкви, отказались обозначить въ законодательномъ актѣ ея специальное посвященіе, хотя извѣстно, что предполагалось посвятить церковь на Монмартрѣ „св. сердцу Иисуса“ во искупленіе грѣховъ Франціи.

Протекціонистская политика, которую Тьеръ навязалъ Франціи, и въ которой лѣвая сторона поддерживала его только потому, что вообще желала сохранить за нимъ власть, рушилась послѣ его паденія. Налогъ на сырые продукты и дифференціальная пошлина на иностранныя суда, входящія во французскіе порты, отмѣнены, торговые трактаты съ Англіею и Бельгіею пересмотрѣны вновь сообразно съ этими измѣненіями таможенныхъ законовъ. Обсужденіе этихъ экономическихъ предметовъ вызвало необходимость продлить сессію. По новому предложенію того же депутата Парі, автора предложенія объ отсрочкѣ засѣданій, собраніе постановило разойтись не ранѣе, какъ по обсужденіи названныхъ сейчасъ мѣръ. Въ засѣданіи 28-го іюля національное собраніе утвердило законъ объ отмѣнѣ дифференціальной пошлины съ иностранныхъ судовъ, а въ засѣданіи 29-го числа утвердило новые коммерческіе трактаты съ Англіею и Бельгіею. Нынѣшній торговый трактатъ съ Англіею въ основныхъ сво-

ихъ чертахъ сходенъ съ трактатомъ 1860 года, основанномъ на принципѣ свободной торговли. Это дѣло правительства Макъ-Магона произвело замѣтное измѣненіе въ настроеніи англійскаго общества по отношенію къ нему.

При назначеніи членовъ постоянной комиссіи большинство собранія совсѣмъ не выказало того деспотизма, какой былъ предсказанъ преувеличеніями либеральныхъ газетъ. Избраніе это послѣдовало въ засѣданіи 24-го іюля; изъ 24-хъ членовъ комиссіи 2 принадлежать къ лѣвому центру (группа Казимира Перье) и 7 къ лѣвой сторонѣ. Вотъ имена болѣе извѣстныхъ членовъ: герцогъ д'Одиффрѣ-Паякѣ, виконтъ д'Оссонвиль, маркизъ Жюинье, графъ Кергорлѣ, Лабулѣ, адмиралъ Ла-Ронсьеръ-ле-Нури, герцогъ Ла-Рошфукъ-Бизачча, адмиралъ Сессѣ, Леонъ Сэ, Шереръ. Въ томъ же засѣданіи былъ окончательно утвержденъ законъ о преобразованіи арміи.

Послѣднее засѣданіе собранія было 29-го іюля. Въ немъ прочтено было посланіе президента республики маршала Макъ-Магона. Заявляя собранію, что оно можетъ „разойтись безъ опасенія“, что „общественный порядокъ ничѣмъ не будетъ нарушенъ“, президентъ говорилъ о счастливыхъ результатахъ единогласія между собраніемъ и правительствомъ, упомянулъ утвержденіе закона о преобразованіи арміи и выражалъ удовольствіе по поводу выступленія нѣмецкихъ войскъ, называя освобожденіе территоріи „дѣломъ общимъ, общаго патріотизма, дѣломъ, которому особенно много содѣйствовалъ г. Тьеръ своими переговорами. Миръ намъ теперь необходимъ,—продолжалъ президентъ;—Франція, освободившись отъ чужеземныхъ войскъ, будетъ способнѣе прежняго поддерживать съ иностранными державами отношенія искренней дружбы. Такими чувствами исполнены къ Франціи и другія державы, въ чемъ правительство ея получаетъ ежедневно положительныя увѣренія“. Затѣмъ засѣданія собранія были закрыты.

Между тѣмъ Франція окончила уплату пяти миллиардовъ контрибуціи, и къ сожалѣнію, не Тьеру было дано завершить то дѣло, которое онъ повелъ столь блистательнымъ образомъ. Полное очищеніе всей территоріи Франціи должно было послѣдовать ко 2-му августа (н. с.), за исключеніемъ впрочемъ Вердена и этенской дороги. Правительство воспретило всякія манифестаціи въ очищаемыхъ мѣстностяхъ по поводу удаленія германскихъ войскъ. Однако повсюду вступленіе войскъ французскихъ вызвало радостныя встрѣчи, а въ нѣсколькихъ мѣстахъ произошли демонстраціи въ честь Тьера. Такъ, столица французской Лотарингіи Нансі пригласила Тьера пріѣхать на устраивавшійся для него праздникъ. Такое же приглашеніе прислалъ ему Бельфоръ, „оставшійся благодаря вамъ французскимъ городомъ“, какъ

было сказано въ приглашеніи. Въ Шарлевиллѣ демонстрація въ честь Тьера приняла шумный характеръ; носили транспарантъ съ надписью: „Тьеру, освободителю территоріи, благодарное шарльвилльское юношество“. Полиція разгнала толпу и отняла транспарантъ. Коалиція сильно опасалась, что Тьеръ совершитъ триумфальное шествіе въ Нансі и Бельфоръ, но онъ съ благоразуміемъ, вполне соответствующимъ его заслугѣ, отклонилъ предложеніе Нансі и Бельфора, а также Лилля, который звалъ его на банкетъ. За то въ Валансьениѣ, куда онъ пріѣхалъ безъ приглашенія, ему устроена была овація.

Мы давно не говорили объ испанскихъ дѣлахъ, потому что нынѣшнее положеніе Испаніи дѣлаетъ призрачными всѣ отдѣльныя явленія, какъ, напр., образованіе новыхъ министерствъ, новыя назначенія, побѣды надъ мятежниками и побѣды мятежниковъ. Въ промежуткѣ между занесеніемъ этихъ фактовъ, имѣющихъ характеръ волянь, въ ежемѣсячную лѣтопись и выходомъ ея изъ печати, вся внѣшняя обстановка измѣняется: оказывается другое правительство, а взаимное положеніе его силъ и силъ мятежа представляется въ совершенно новомъ видѣ. Однакоже, повидимому, не скоро еще можно ожидать установленія сколько-нибудь прочнаго порядка въ Испаніи и потому приходится занести въ нашу хронику, по крайней мѣрѣ, главнѣйшіе факты современной исторіи этой страны. Въ Испаніи каждый мѣсяцъ имѣлъ богатую фактами исторію, но факты эти смѣнялись такъ быстро, что излишне было бы излагать съ точностью хотя бы одну смѣну министерствъ. Для примѣра сошлемся на фактъ, что въ теченіе іюня была такая недѣля, на которой въ Испаніи перебивалось пять кабинетовъ. Что касается стычекъ съ карлистами и мятежныхъ движеній вообще, то перечислять ихъ невозможно и достаточно охарактеризовать нѣсколькими чертами общій ходъ дѣлъ.

Учредительные кортесы провозгласили въ Испаніи 8 іюня федеративную республику. Фигэрасъ, послѣ тщетныхъ усилій составить новое министерство, самъ подалъ въ отставку и выѣхалъ изъ Испаніи. Кортесы поручили составленіе кабинета товарищу Фигэраса Пи-и-Маргалю. Но такъ какъ никто не былъ увѣренъ въ томъ, что кортесы завтра же не выважутъ ему недовѣрія, то составлять Пи-и-Маргалю кабинетъ пришлось непосредственно самимъ кортесамъ. Умѣренная и крайняя федералистскія партіи были сперва почти равны силами въ кортесахъ и потому обѣ въ равномъ числѣ были представлены въ избранномъ министерствѣ, которое состояло подъ президентствомъ Пи-и-Маргалля изъ Сорни, Эстебанеса, Орейро, Мура, Гонсалеса и проч. Президентомъ кортесовъ былъ избранъ

Николай Сальмеронъ, а Кастеларъ стать во главѣ слабого умѣреннаго большинства. Проектъ будущей организаціи федеративной республики былъ начертанъ Кастеларомъ. Согласно его же предложенію избрана была коммиссія для составленія конституціи, такимъ образомъ: 12 членовъ по выбору палаты, пополамъ отъ двухъ раздѣляющихъ ее партій, и 13 членовъ—представителей тѣхъ отдѣльных штатовъ, на которые, по проекту Кастелара, должна дѣлиться испанская республика. Штаты эти должны быть: Галисія и Астурія, Старая Кастилья, Бискайя и Наварра, Арагонъ, Каталонія, Валенсія и Мурсія, Новая Кастилья, Эстремадура, Нижняя Андалузія, Верхняя Андалузія, Балеарскіе острова, Канарскіе острова, Куба, Порторико и Филиппинскіе острова. Основныя черты проекта Кастелара заимствованы изъ конституціи Сѣверо-американскихъ Соединенныхъ Штатовъ. Президентъ республики избирается всеобщей подачею голосовъ, на 4 года, сенатъ состоитъ изъ представителей законодательныхъ палатъ отдѣльных штатовъ, палата представителей исходитъ изъ всеобщей подачи голосовъ. Центромъ управленія и резиденціею конгресса долженъ быть Мадридъ.

Между тѣмъ, при наступленіи новаго министерскаго кризиса, кортесы 21 іюня, по просьбѣ Пи-и-Маргалля, отказались отъ провозглашеннаго ими, вслѣдъ за назначеніемъ кабинета 9—10 іюня, принципа непосредственнаго избранія всѣхъ членовъ правительства собраніемъ и предоставили главѣ правительства самому образовать новое министерство. Огромные успѣхи анархіи, въ особенности крайняя распущенность войскъ, непрерывныя явленія ослушанія солдатъ начальникамъ, отказовъ сражаться и даже насильственныхъ дѣйствій противъ начальниковъ, произвели нѣкоторую реакцію въ самыхъ кортесахъ, такъ что умѣренное большинство окрѣпло. Въ виду этого, Пи-и-Маргалль образовалъ 28 іюня министерство нѣсколько болѣе консервативное въ томъ смыслѣ, что изъ крайней партіи въ него включено только двое членовъ. Новое министерство состояло изъ Пи-и-Маргалля, Мэзоннаве, Хиль-Бергеса, Карвахала, Гонсалеса и проч. Относительная умѣренность этого министерства соотвѣтствовала появленію такихъ признаковъ анархіи, которые уже начинали страшить самихъ крайнихъ, за исключеніемъ тѣхъ „крайнихъ изъ крайнихъ“, которые называются „отвергающими всякія уступки (intransigentes)“. Такъ, въ Малагѣ волонтеры сперва изгнали регулярныхъ солдатъ, а потомъ передрались между собой и умертвили алькальда (городскаго главу); въ Севильѣ волонтеры овладѣли четырьмя пушками и взяли изъ арсенала все лучшее оружіе; остальное же оружіе было разграблено. Между тѣмъ карлисты въ Наваррѣ разбили 26 іюня, близъ Памплоны, полковника Кастаньона, что возбу-

дило общее недовѣріе въ генералу Нувеласу, командующему республиканскими войсками на сѣверѣ. Въ Каталоніи около того же времени бригадаръ Кабринетти одержалъ побѣду надъ карлистами, въ отрядѣ которыхъ былъ и донъ-Альфонсъ бурбонскій; но побѣда Кабринетти не принесла того результата, какой она могла имѣть, потому что альколейскій батальонъ стрѣлковъ, посланный для поддержанія Кабринетти, отказался идти противъ непріятели и выступилъ нарочно въ противоположномъ направленіи. Храбрый Кабринетти былъ оставленъ и далѣе правительствомъ безъ поддержки.

Между тѣмъ, конституціонная коммисія образовала въ своей средѣ редакціонную подкоммисію, которая составила слѣдующія точнѣйшія предположенія о конституціи: президентъ республики назначаетъ самъ министра-президента, а послѣдній избираетъ себѣ товарищей, т.-е. отдѣльныхъ министровъ. Палата представителей избирается всеобщей подачей голосовъ, сенатъ—законодательными палатами штатовъ. Въ республикѣ дѣйствуетъ общее уголовное положеніе. Управление будетъ имѣть три слоя: община, штатъ (*estado regional*) и союзъ (*estado nacional*). Вѣдѣнію союзной власти подчинены армія, флотъ, почты, телеграфы, государственныя дороги, таможни. Конгрессъ долженъ состоять изъ 406 членовъ, союзный сенатъ изъ 52, конгрессъ каждаго изъ 13-ти штатовъ по 100 членовъ. Въ штатахъ будутъ еще окружныя представительства, такъ что число всѣхъ представителей и сенаторовъ въ Испаніи будетъ болѣе 3700 человекъ. А такъ какъ представителямъ предположено опредѣлить содержаніе, хотя и весьма умѣренное, то это было благополучіемъ для той громадной арміи искателей мѣстъ, арміи служащаго непріязнительнаго класса, которая составляетъ коренное зло Испаніи.

Въ виду проявившейся анархіи и успѣховъ карлистовъ, Пи-и-Маргалль нашелся вынужденнымъ потребовать себѣ у кортесовъ права объявлять осадное положеніе въ тѣхъ мѣстностяхъ, гдѣ то окажется необходимымъ. Такая необходимость имѣла именно характеръ "роковой" необходимости для Пи-и-Маргалля. Дѣло въ томъ, что онъ самъ былъ въ числѣ подписавшихъ въ 1869 году декларацію въ смыслѣ отмѣны на вѣчныя времена всякаго приостановленія дѣйствія законовъ, ограждающихъ личную неприкосновенность и конституціонныя права вообще. Въ той деклараціи подобное приостановленіе дѣйствія законовъ ограждающихъ свободу было названо актомъ деспотизма, причемъ напоминалось, что всѣ государственныя перевороты, т.-е. захваты власти въ Испаніи и во Франціи истекли прямо изъ существованія въ законодательствѣ принципа о временномъ приостановленіи гарантій свободы. Обстоятельства рѣшительно приуждали Пи-и-Маргалля стать въ такое противорѣчіе съ самимъ

собою, и необходимость права прибѣгать къ осадному положенію была столь очевидна, что кортесы предоставили правительству это право весьма значительнымъ большинствомъ, причемъ часть крайней партіи вотировала за правительство, но съ тѣмъ вмѣстѣ самое существованіе правительства Пи-и-Маргалля теряло свой смыслъ. Съ министерствомъ, составленнымъ изъ сравнительно-умѣренныхъ людей, съ правомъ объявлять осадное положеніе, для чего же стоялъ во главѣ управленія не Фигарасъ, не Кастеларъ, не Николай Сальмеронъ, однимъ словомъ, не кто-либо изъ вождей умѣренныхъ федералистовъ, но именно Пи-и-Маргалль, ученикъ Прудона, рассчитывавшій на поддержку крайнихъ? Крайняя партія раздѣлилась при голосованіи объ осадномъ положеніи; одни члены ея подали голоса въ пользу права объявлять его и такимъ образомъ правительство одержало верхъ значительнымъ большинствомъ, но за то „непримиримые“, человекъ около 50, и во главѣ ихъ Оренсе, остались вѣрны деклараціи 1869 года, и вида въ новомъ законѣ актъ деспотизма большинства, прибѣгли къ той мѣрѣ, которая такъ употребительна въ испанскомъ и австрійскомъ парламентахъ: они удалились изъ кортесовъ. Замѣчательно, что въ то время, какъ одинъ изъ патриарховъ республиканской партіи въ Испаніи, дон-Хосе Оренсе, маркизъ д'Альбаида произнесъ рѣшительное осужденіе мысли объ осадномъ положеніи, сынъ его донъ-Антонио Оренсе, который дрался съ карлистами въ Каталоніи въ качествѣ волонтера и только-что пріѣхалъ въ Мадридъ, горячо отстаивалъ въ кортесахъ необходимость осаднаго положенія. Въ рѣчи чисто-фактической, молодой Оренсе мрачными красками описалъ то состояніе анархій, въ какое впала страна и въ особенности армія; онъ сказалъ, что карлисть Сабальсъ въ дѣйствительности господствуетъ въ Каталоніи, что республиканскій бригадиръ Мартинесъ Кампосъ дѣлаетъ что можетъ противъ карлистовъ, но можетъ мало; что Кабринетти, оставленный безъ поддержанія, находится въ большой опасности; что республиканизмъ понимается въ арміи въ томъ смыслѣ, что „каждый волосъ на головѣ солдата дороже головъ десяти офицеровъ“, а въ городахъ въ томъ смыслѣ, что слѣдуетъ сочувствовать контрабандистамъ; что страна начинаетъ забывать, что убійство всегда убійство и убійство вождей безчеститъ армію, а вража все-таки вража, хотя бы называлась и контрабандою.

Правительство сдѣлало нѣсколько новыхъ назначеній, предписало Нувеласу покончить съ карлистами въ двѣ недѣли, въ Севильѣ само населеніе возстановило порядокъ прогнавъ матежниковъ, захватившихъ арсеналъ и ратушу, и отняло у нихъ пушки. За то въ Малагѣ нѣкій Эдуардо Карвахаль (не министръ финансовъ Карвахаль, разу-

жѣтся) съ 600-ми волонтерами учредилъ революціонное правленіе, изгнавъ городскія власти. При этомъ были умерщвлены второй алькальдъ и еще одинъ членъ городского совѣта. Въ Алькоѣ, городѣ аlicantской провинціи, около 3-хъ тысячъ рабочихъ сперва прекратили работы, потомъ провозгласили „коммуну“, убили алькальда, сожгли нѣсколько фабрикъ и другихъ зданій, а когда часть солдатъ и волонтеровъ заперлась въ ратушѣ, мятежники пытались поджечь это зданіе. Сгорѣло около 10-ти домовъ и около 50-ти человекъ лишились жизни. Республиканскій генераль Беларде вступилъ съ своимъ отрядомъ въ Алькою и возстановилъ тамъ спокойствіе. Но важнѣе было возстаніе въ Картахенѣ и побѣда карлистовъ при Риполлѣ, въ Каталоніи. Картахеною овладѣли „интернаціоналы“ и главное начальство надъ ними принялъ генераль Контрерасъ, который прежде былъ генераль-капитаномъ Каталоніи. Картахена есть военный портъ съ морскимъ арсеналомъ; мятежники захватили и арсеналъ и военныя суда; морской министръ поспѣшно выѣхалъ туда, но не былъ допущенъ. При Риполлѣ 9-го іюля былъ наконецъ разбитъ Кабринетти; побѣду надъ нимъ одержали Сабальсъ и донъ-Альфонсъ бурбонскій; карлисты взяли 2 пушки и около 800 плѣнныхъ; въ числѣ 100 убитыхъ республиканцевъ былъ и самъ Кабринетти. Около того же времени другой республиканскій отрядъ близъ Памплоны сдался карлистамъ безъ бою, и наконецъ, 15-го іюля, самъ донъ-Карлосъ вступилъ въ Испанію и во главѣ 10-ти т. чел. двинулся на Бильбоа.

Между тѣмъ въ правительствѣ произошелъ новый кризисъ. Пи-и-Маргалль, предвидя, что умѣренное большинство не долго потерпитъ его во главѣ правленія, сдѣлалъ опять эволюцію налѣво, чтобы сблизиться съ „непримиримыми“. Умѣренные члены его кабинета Мазоннаве, Хиль Берхесъ и Хосе Карвахаль (опытный въ дѣлахъ министръ финансовъ) удалились, для того чтобы Пи-и-Маргалль могъ измѣнить кабинетъ въ смыслѣ крайней лѣвой. Но отношенія свои къ непримиримымъ Пи-и-Маргалль уже испортилъ законами объ осадномъ положеніи; примириться съ „непримиримыми“ ему было возможно не иначе, какъ пожертвовавъ для того своимъ положеніемъ главы правительства. Умѣренное же большинство, въ свою очередь, было разумѣется недовольно новой эволюціею Пи-и-Маргалля и громко требовало, чтобы правительство, наоборотъ, было преобразовано именно въ консервативномъ смыслѣ, и притомъ съ Николаемъ Сальмерономъ во главѣ.

Все это привело къ тому, что Пи-и-Маргалль подалъ въ отставку 18-го іюля, а на другой день кортесы избрали президентомъ Николая Сальмерона, большинствомъ 119 голосовъ противъ 93. Замѣчательно,

что эти 93 голоса, то-есть меньшинство весьма значительное, были поданы въ пользу Пи-и-Маргалля, который стало-быть уже однимъ своимъ прошеніемъ объ отставкѣ искупилъ свой грѣхъ въ глазахъ лѣвой. Сальмеронъ составилъ свое министерство исключительно изъ членовъ правой стороны, то-есть изъ умѣренной федералистской партіи, къ которой принадлежатъ и Фигерасъ, и Кастеларъ. Последний заранѣе объявилъ, что никакой должности не приметъ, но влияние его въ кортесахъ тѣмъ значительнѣе. Мэзоннаве, Хосе Карвахаль, Гонсалесъ, Орейро, остались въ кабинетѣ, который дополнили собою Солеръ, Фернандо Гонсалесъ, Паланка. Карлисты, подъ начальствомъ Сабалльса, взяли городъ Игваладу и сожгли значительную часть его. Мурсія и Валенсія объявили себя независимыми областями. Это ухудшеніе дѣлъ, впрочемъ, укрѣпило въ умѣренной партіи сознание въ необходимости самыхъ рѣшительныхъ мѣръ. Правительство принялось за дѣло съ энергією; генераловъ Контрераса и Пьерра оно исключило изъ списковъ арміи, образовало 2 образцовыхъ баталіона изъ отпусковыхъ и отставныхъ офицеровъ подъ командою генераловъ; эти баталіоны должны подать примѣръ дисциплины, восстановленію которой въ арміи правительство посвятило первыя свои заботы. Въ Андалузіи было сосредоточено 10 тыс. чел. регулярной арміи для прекращенія мятежей; военныя суда, которыхъ экипажи возмущились въ картагенскомъ портѣ: „Альманса“, „Викторія“, „Мендесъ-Нуньесъ“ и „Фердинандъ-Католическій“ декретомъ 21-го іюля объявлены виѣ закона; силамъ дружественныхъ Испаніи державъ предоставлено захватывать ихъ и отправлять находящихся на нихъ людей въ качествѣ пиратовъ къ военному суду. У береговъ Испаніи находились въ это время германскія военныя суда „Фридрихъ-Карль“ и „Елисавета“. Капитанъ перваго изъ этихъ судовъ послушался подзадориванья нѣмецкой печати, которая приглашала его воспользоваться этимъ поводомъ къ военному маневру, и захватилъ пароходъ „Вихиланте“, вышедшій изъ картагенскаго порта. Тогда картагенскіе инсургенты угрожали разстрѣлять прусскаго консула и захватить все имущество нѣмцевъ въ портѣ.

Впрочемъ, по требованію испанскаго правительства, германскій корабль привелъ свой призь въ Гибралтаръ, чтобы сдать его уполномоченнымъ правительства Испаніи. Неожиданное вмѣшательство нѣмецкаго капитана было встрѣчено съ замѣтнымъ раздраженіемъ французской печатью; по извѣстію оффиціозной „Сѣверо-германской газеты“, однако, германское правительство потребовало отъ капитана „Фридриха-Карла“ оправдательнаго отчета въ его поведеніи. Самъ Контрерасъ, предводитель картагенскихъ инсургентовъ, не опасень, такъ какъ въ его собственномъ лагерѣ и на его судахъ про-

исходить дезертирство массами, мѣшающее ему предпринять что-либо. Нѣтъ сомнѣнія, что если бы нынѣшнее правительство имѣло въ своемъ распоряженіи: во-первыхъ, прочное большинство въ кортесахъ, а во-вторыхъ, хоть тысячь тридцать надежныхъ солдатъ, то оно могло бы установить порядокъ, потому что всѣ мятежныя движенія сами по себѣ незначительны и всегда парализованы внутреннимъ разладомъ. Три надежныхъ дивизіи по 10 т. чел. каждая, поставленныя въ трехъ разныхъ пунктахъ, изъ которыхъ онѣ могли бы быстро двинуться въ каждую мѣстность, гдѣ произошелъ мятежь, такъ что никто не могъ бы рассчитывать на безнаказанность, безъ сомнѣнія скоро поправили бы все дѣло. Но успѣетъ ли нынѣшнее правительство создать какія-либо надежныя силы, хотя оно и издало декретъ о призывѣ къ оружію 80 тысячъ чел.?

Правительственныя войска повели атаку на Севилью, возмущенную снова, и на Валенсію; 16 іюля оба эти города предложили покориться на условіяхъ, но правительство потребовало безусловной сдачи. Въ тотъ же день вечеромъ, генераль Павія началъ бомбардировать Севилью. Въ Валенсіи же артиллерія перешла на сторону инсургентовъ.

Съ карлистами справиться труднѣе, чѣмъ съ прочими инсургентами потому что у карлистовъ больше порядка, хотя порядокъ у этихъ „друзей порядка“ не образцовый, какъ о томъ можно судить по декрету донъ-Карлоса, отнимающаго всякую власть у одного изъ начальниковъ отрядовъ, именно у священника Санта-Крусъ, за слушаніе. Сверхъ того, карлисты получаютъ съ моря на англійскихъ судахъ и изъ Франціи чрезъ Пиренеи оружіе и даже пушки. Въ теченіи первыхъ 10 дней пребыванія „законнаго короля“ въ Испаніи, карлисты однако не одержали ни одного значительнаго успѣха. Они даже еще не осадили Бильбао, они только атаковали городъ Бергу. Впрочемъ, по заявленію лорда Энфильда, помощника статсъ-секретаря иностранныхъ дѣлъ въ палатѣ общинъ 28-го іюля, карлисты усиливаются на сѣверѣ.

Кортесы уже получили полный проектъ федеральной конституціи, немного дополненный въ общемъ присутствіи конституціонной коммисіи. Большинство повидимому готово утвердить конституцію однимъ голосованіемъ. Между тѣмъ, меньшинство не возвращается въ кортесы и въ Мадридѣ опасались, что оно явится въ Картажену, къ Контрерасу, чтобы представить изъ себя отдѣльные кортесы. Говорятъ, что „непримиримые“ сдѣлали бы это непременно, но хотѣли увлечь съ собой Пи-и-Маргалля, который однако отказался. Вотъ куда привело бывшаго президента примиреніе его съ „непримиримыми“. Съ другой стороны, о вождѣ настоящей консервативной пар-

тіи въ Испаніи маршалъ Серрано, бывшемъ регентѣ, сообщаются странныя извѣстія. Сперва было извѣстіе, будто произведено было покушеніе на его жизнь. Затѣмъ изъ Байонны разослана была слѣдующая телеграмма отъ 26-го іюля: „всѣ вліятельные члены испанской либеральной партіи (?) собрались вчера въ Біаррицъ, подъ предсѣдательствомъ маршала Серрано и рѣшили единогласно предложить испанскому правительству, чрезъ адмирала Топете, свою поддержку для спасенія свободы и порядка въ Испаніи“. Подъ именемъ либеральной партіи здѣсь разумѣются, конечно, Сагаста, его друзья и нѣсколько уніонистовъ. Такимъ образомъ, монархисты хотятъ идти на помощь республикѣ—явленіе сходное съ тѣмъ, какое происходитъ во Франціи. При успѣхѣ ихъ сходство довершилось бы тѣмъ, что президентомъ испанской республики сталъ бы маршалъ Серрано. Впрочемъ, реакція, въ той или другой формѣ, неминуемо восторжествуетъ въ Испаніи, если нынѣшнее положеніе дѣлъ продлится еще нѣкоторое время: или карлизмъ съ попами, или „либеральная унія“ съ генералами-авантюристами. Правительство Николая Сальмерона едва-ли не представляетъ собой послѣдній шансъ собственнаго спасенія для федеративной республики въ Испаніи.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ БЕРЛИНА.

12 (24) іюня 1873.

Военный вопросъ въ Пруссіи и въ Германіи.

Нашъ рейхстагъ закрылся еще 13-го (25-го) іюня; продолжительность парламентской сессіи, которая началась въ ноябрѣ, съ открытіемъ прусскаго ландтага, до крайности истощила силы членовъ парламента и участіе народа. Уже начиная съ Троицына дня засѣданія устраивались все труднѣе, отсутствіе необходимаго числа членовъ для составленія какаго-нибудь рѣшенія проявлялось все чаще, точно обмороки при иныхъ агоніяхъ. Къ продолжительнымъ до отчаянія и утомительнымъ утреннимъ засѣданіямъ, присоединились еще и вечернія засѣданія, но президентъ имѣлъ за то удовольствіе указать, при заключеніи сессіи, на почтенный по своему объему трудъ, выполненный за настоящую сессію. Изъ 31 законопроекта, предложенныхъ правительствомъ, принято 27, а изъ 23,

предложенных членами палаты — 14, и въ этомъ числѣ находятся нѣсколько важныхъ. Но особенно важныхъ нѣтъ между ними. Хотя „имперскій военный законъ“ былъ предложенъ правительствомъ, но даже и не обсуждался рейхстагомъ, и эта проволочка омрачила конецъ парламентскаго періода, да и теперь вопросъ этотъ стоитъ чернымъ облакомъ на горизонтѣ нашей внутренней политики.

Въ принципѣ дѣло идетъ о первой попыткѣ доставить въ конституціонномъ государствѣ нѣкоторое вліяніе народному представительству на управленіе арміей, безъ всякаго ущерба для послѣдней, и если удастся создать такой порядокъ, который бы дѣйствительно удовлетворилъ обѣ стороны, то тяжелая борьба, которой стоила эта попытка, прошла не даромъ.

Для того, чтобы понять настоящій фазисъ процесса, намъ слѣдуетъ вернуться къ эпохѣ „внутренняго кризиса“, и въ краткихъ чертахъ изобразить тѣ метаморфозы, черезъ которыя проходилъ военный вопросъ, и затѣмъ можно будетъ связать съ настоящимъ положеніемъ дѣлъ обзоръ всего политическаго положенія.

При мобилизаціи прусской арміи въ 1859 г. выказалось, что тогдашній порядокъ далеко не соответствовалъ требованіямъ настоящаго времени. Мобилизація заняла тогда столько времени, что Пруссія опоздала съ своимъ вмѣшательствомъ, и между Австріей и Франціей заключенъ былъ виллафранкскій миръ. Кто присутствовалъ при быстрой мобилизаціи послѣдняго времени, тотъ не повѣритъ какъ дѣла шли въ то время. Быть можетъ, одной чертой удастся лучше обрисовать тогдашнее положеніе, чѣмъ подробнымъ описаніемъ. Врачи, чиновники интендантства и всѣ другіе не боевые члены арміи должны были въ то время на свой собственный счетъ запасаться лошадьми. Барышники при этомъ зачастую доставляли имъ самыхъ жалкихъ, „бракованныхъ“ влячъ. Одинъ опытный всадникъ, на глазахъ котораго все это происходило, говорилъ мнѣ тогда: „я желаю одного только, чтобы дѣло окончилось пустяками, потому что послѣ одного перехода всѣ эти господа будутъ валяться въ пыли“.

Дѣло кончилось пустяками, и прусская дипломатія могла занести въ свои анналы новый пропущенный случай. Принцъ-регентъ вознамѣрился исправить зло. Припомнимъ, какимъ грознымъ представлялось тогда политическое положеніе. Въ манифестѣ, которымъ австрійскій императоръ возвѣщалъ своимъ народамъ о заключеніи мира, онъ высказывалъ такіе упреки Пруссіи, какіе обыкновенно высказываются лишь наканунѣ войны, и многіе предполагали, что теперь Франція и Австрія соединенными силами нападутъ на Пруссію. Благодаря отчасти этому обстоятельству, мобилизація войскъ не была поставлена на мирное положеніе, но удерживалась на военной ногѣ,

и необходимыя денежныя средства, которыя отпущены были правительству для мобилизаци и на случай войны, превысили 30 милліоновъ талеровъ.

Въ засѣданіи палаты депутатовъ отъ 9-го февраля 1860 г. правительство внесло законопроектъ касательно воинской повинности, предназначенной регулировать желанныя переимѣны, и другой проектъ, въ которомъ требовался необходимый для реорганизаци арміи дополнительный бюджетъ въ размѣрѣ 9¹/₂ милліоновъ.

Реорганизаци предполагалась въ такомъ видѣ, что призываемыя во время мобилизаци баталіоны ландвера удерживались на службѣ подъ названіемъ коренныхъ баталіоновъ ландвера, и ихъ рекруты предназначались къ военнымъ эзерциціямъ, вслѣдствіе чего вмѣсто 40,000 рекрутовъ, набираемыхъ ежегодно, число ихъ отнынѣ возросло до 60,000.

До сихъ поръ мирный контингентъ арміи состоялъ изъ 120,000 солдатъ; пѣхота насчитывала 4 гвардейскихъ, 32 пѣхотныхъ и 8 резервныхъ полковъ, между тѣмъ какъ теперь формировалось 4 новыхъ гвардейскихъ и 32 новыхъ пѣхотныхъ полковъ. Все это совершалось безъ всякаго шума и только въ военныхъ кружкахъ знали, куда мѣтитъ правительство.

Но палата депутатовъ не могла рѣшиться принять оба вышеупомянутые закона; она не могла также и отвергнуть ихъ, а потому избрала средній путь и 15-го мая 1860 г. порѣшила *„временно удержавъ и дополнивъ тѣ мѣропріятія, которыя необходимы для дальнѣйшаго развитія военныхъ силъ и усилившихся потребностей войска, и которыя совмѣстима съ существующими законами“*, сверхъ обычнаго бюджета на періодъ времени отъ 1-го мая 1860 до 30-го іюня 1861, отпустить еще кредитъ въ 9 милліоновъ талеровъ.

Какъ видите, палата сдѣлала все, что могла для того, чтобы не поступиться своимъ правомъ и не допустить, чтобы новыя учрежденія могли пройти безъ ея согласія.

Вскорѣ послѣ этого рѣшенія ландтагъ закрылся, прежде чѣмъ приступлено было къ обсужденію закона о воинской повинности.

2-го января 1861 г. умеръ король Фридрихъ-Вильгельмъ IV; теперешній императоръ Вильгельмъ, бывшій до тѣхъ поръ лишь принцемъ-регентомъ, отнынѣ могъ слѣдовательно свободно дѣйствовать и первой важной мѣрой было освященіе знаменъ новыхъ полковъ, происходившее 18-го января (въ день величайшаго торжества монархической Пруссіи, а именно юбилея коронаціи перваго короля), Подъ-Липами. Этимъ реорганизаци устанавливалась окончательно, но вмѣстѣ съ тѣмъ и столкновение становилось неизбежнымъ, если только палата депутатовъ не сдастся. Въ слѣдующую же сессію въ

палату депутатовъ внесенъ былъ бюджетъ, заключавшій въ себѣ какъ обыкновенныя статьи расхода, такъ и тѣ, которыя обусловливались реорганизаціей арміи. Палата рѣшила не принимать этого бюджета, она вычеркнула изъ него издержки на реорганизацію, удержала такимъ образомъ бюджетъ на 1861 г. и сверхъ того опредѣлила около 4 милліоновъ талеровъ на экстраординарные расходы на второй семестръ 1861 г. и настоятельно потребовала отъ правительства внести законъ о воинской повинности не позже ближайшей сессіи ландтага. Не взирая на это рѣшеніе правительство руководствовалось относительно бюджета по военному управленію тѣми же принципами, какихъ оно держалось относительно бюджета на 1861 г. Одновременно съ этимъ народному представительству предложень былъ законопроектъ о воинской повинности, который хотя и былъ принятъ въ палатѣ господъ, но въ палатѣ депутатовъ, вслѣдствіе ея распушенія, воспослѣдовавшаго 11-го марта, даже не обсуждался, равно какъ и бюджетъ.

Тѣмъ временемъ борьба партій разгорѣлась не на шутку. Рѣчи, раздававшіяся въ палатѣ депутатовъ, въ собраніяхъ и въ прессѣ носили почти революціонный характеръ. Распушеніе палаты депутатовъ произвело дѣйствіе какъ разъ обратное тому, какое желали произвести. Палатѣ депутатовъ сессій 1858—1861 гг., въ которыхъ большинство состояло изъ старо-либераловъ, наслѣдовала палата депутатовъ, въ которой засѣдало всего-на-все 12 консерваторовъ, и умѣренные старо-либералы вытѣснены были „нѣмецкой прогрессивной партіей“, которая изъ незначительной кучки быстро разрослась въ большинство. Она состояла изъ элементовъ прежней демократической партіи и цѣлью себѣ поставила приобрести, путемъ конституціоннымъ, извѣстное вліяніе на правительство. Ибо, подобно тому, какъ великій математикъ древней Греціи говаривалъ: дайте мнѣ одну лишь точку опоры и я поверну землю, такъ и въ конституціи требовалось установить лишь одно единственное, неизмѣнное, ненарушимое право, чтобы получить возможность завоевать всѣ остальные. Это право повидимому заключалось въ прусской конституціи и именно въ статьѣ 99-й, которая опредѣляетъ, что экономическій бюджетъ государства долженъ ежегодно опредѣляться *посредствомъ новаго закона*. Оппозиція утверждала, что это постановленіе абсолютно обязательно и нарушеніе его со стороны правительства равносильно нарушенію конституціи. Правительство, напротивъ того, утверждало, что въ конституціи существуетъ пробѣлъ, такъ какъ въ ней не предусмотрено тотъ случай, когда законъ о бюджетѣ, для проведенія котораго, какъ и всякаго другого закона, требуется согласіе всѣхъ трехъ законодательныхъ факторовъ: короля, палаты господъ и палаты депутатовъ, — будетъ отвергнуто.

Составители конституціи вовсе не проглядѣли этого случая, но представляли себѣ ходъ событій такимъ образомъ, что, въ случаѣ отверженія закона о бюджетѣ, министерство выходитъ въ отставку, или же палата депутатовъ распускается и правительство апеллируетъ къ народу. Если выборы окажутся въ пользу правительства, то послѣднее окажется правымъ относительно распушенной палаты депутатовъ, такъ какъ народъ перейдетъ на его сторону; если же случится наоборотъ, то министерство должно будетъ удалиться и уступить мѣсто такому, на сторонѣ котораго окажется парламентское большинство. Но эти конституціонныя теоріи, примѣненіе которыхъ необходимо перенесло бы центръ тяжести въ государствѣ на большинство народа, не допускались правительствомъ. Послѣднее утверждало, что оно остается вѣрно конституціи, но что самая эта вѣрность требуетъ, чтобы права короля никакъ не могли быть нарушаемы.

Быть можетъ, на счетъ военнаго вопроса и удалось бы столковаться, если бы онъ не былъ усложненъ конституціонными вопросами, и исторія по всей вѣроятности упрекнетъ старо-либеральное большинство ландтага съ 1858 по 1861 г. въ томъ, что оно не согласилось на требованія правительства, которыя въ сущности—и въ особенности съ точки зрѣнія позднѣйшаго опыта—были чрезвычайно умѣренны. Населеніе и благосостояніе Пруссіи въ послѣднія 50 лѣтъ чрезвычайно какъ усилилось, а между тѣмъ расходы по арміи не особенно увеличились, даже и по введеніи реорганизаціи они доходили всего до 43¹/₂ милліоновъ, между тѣмъ какъ гражданское управленіе стоило вдвое, и страна на дѣлѣ могла выдержать безъ труда и усиленіе арміи, и увеличеніе издержекъ по ней. Что „войско—народъ“ вещь совершенно невозможная въ виду грозныхъ армій Франціи, Россіи, Австріи, въ этомъ собственно не могъ сомнѣваться ни одинъ разумный человѣкъ.

Министерство фонъ-деръ-Гейдта, которое 18 марта 1862 г. наследовало либеральному министерству Ауэрсвальда-Шверина, удержалось недолго. 23 сентября палата депутатовъ отвергла военный бюджетъ большинствомъ 308 голосовъ противъ 11 и въ тотъ же самый день Бисмаркъ-Шёнгаузенъ вступилъ на мѣсто Гейдта; 13 октября закрыть ландтагъ; министерство пополнялось постепенно и послѣ распушенія палаты произведены новые выборы при новомъ министрѣ внутреннихъ дѣлъ, графѣ Эйленбургѣ, впервые подъ давленіемъ правительства, которому однако не удалось выжить оппозицію изъ парламента.

Между тѣмъ Бисмаркъ уже провелъ тѣ нити, которыя должны были, помощью внѣшней диверсіи, если не вполне устранить

внутреннее столкновение, то значительно смягчить его. Прусская политика могла сложиться совсѣмъ иначе, послѣ того, какъ реорганизація арміи была бы произведена въ полномъ ея объемѣ. Линейное войско усилено было посредствомъ значительнаго набора и воинскаго обученія ландвера перваго призыва, и насчитывало теперь 203,000 въ мирное время и 609,000 (не считая ландвера позднѣйшихъ призывовъ) въ военное время, слѣдовательно, вдвое больше противъ его прежняго состава; между тѣмъ, какъ благодаря ревностному обогащенію государственной казны и усиленію государственныхъ доходовъ по всѣмъ отраслямъ, денежные средства такъ возросли, что уже въ 1862 г. избытокъ доходилъ до 50-ти милліоновъ.

Снова собрался ландтагъ, но даже нѣкоторый успѣхъ въ политикѣ, напр., крайне-либеральная торговая политика—ничто не могло ослабить ожесточенія; вслѣдствіе поистинѣ судорожныхъ сценъ ландтагъ, собравшійся въ январѣ 1863 г., былъ уже снова распущенъ 27-го мая, и 1-го іюля изданъ тотъ законъ о печати, который въ конституціонной исторіи Пруссіи составляетъ такое явленіе, которое всего труднѣе оправдать съ конституціонной точки зрѣнія. Въ ту эпоху Пруссіи дѣйствительно угрожалъ государственный переворотъ, и только честности короля обязаны мы тѣмъ, что онъ не былъ произведенъ. Палата депутатовъ снова была распущена (2 сентября), 9 ноября собрался новый ландтагъ, но большинство палаты депутатовъ было снова оппозиціонное. Не взирая на непрерывное распущеніе, которое должно было утомить избирателей, не взирая на крайнее давленіе, оказываемое правительствомъ на выборы, правительственная партія въ палатѣ депутатовъ едва насчитывала 40 членовъ.

Этому ландтагу снова предложены были бюджетъ и проектъ закона о воинской повинности, тождественный съ тѣмъ, который предлагался раньше, съ тою только разницею, что въ немъ приняты были во вниманіе предложенія комиссіи, которая обсуждала прежній проектъ. Быть можетъ, здѣсь встаетъ будетъ прервать историческое изложеніе событій и заняться самимъ закономъ.

Основаніемъ для организаціи арміи въ абсолютномъ прусскомъ государствѣ принятъ былъ законъ 3 сентября 1813 г., который опредѣляетъ два самыхъ главныхъ пункта во всякомъ законѣ объ организаціи арміи, а именно воинскую повинность, выпадающую на долю личности, и общій составъ арміи. Касательно перваго пункта, законъ опредѣлялъ: каждый двадцати-лѣтній пруссакъ обязанъ нести воинскую повинность, какъ скоро онъ физически годенъ къ военной службѣ; онъ находится три года подъ знаменами, два года въ резервѣ и въ теченіи 14-ти лѣтъ состоитъ въ ландверѣ. Касательно втораго пункта онъ гласитъ: „составъ арміи опредѣляется сообразно

даннымъ государственнымъ отношеніямъ“. Кѣмъ? Разумѣется королемъ, пока этотъ послѣдній является единственнымъ законодателемъ, какъ это и бываетъ въ неограниченномъ государствѣ; въ конституціонномъ же государствѣ король дѣйствуетъ при содѣйствіи всѣхъ законодательныхъ властей. Въ силу этого закона съ теченіемъ времени изданъ былъ цѣлый рядъ королевскихъ указовъ, которые ограничивали контингентъ арміи. Такимъ образомъ создались рамки старой арміи: 9 армейскихъ корпусовъ, 18 дивизій и т. д., въ общей сложности 135 баталіоновъ пѣхоты, 152 эскадрона кавалеріи, 115 ротъ артиллеріи и т. д. Впрочемъ, правительство и не отвергало, что король не можетъ больше измѣнить этихъ рамокъ своей собственной властью, безъ согласія палатъ; король ссылался главнымъ образомъ на свой долгъ передъ страной, который не позволяетъ ему отложить реорганизацію арміи, сдѣлавшуюся настоятельной потребностью.

Такъ, напр., онъ говорилъ въ тронной рѣчи, которою открылъ вышеупомянутую сессію ландтага (9 ноября 1863 г.):

„Новое образованіе войска вытекаетъ изъ неотразимой необходимости идти въ уровень съ усиленіемъ военныхъ силъ въ сосѣдникъ странахъ и содѣйствовать экономическимъ интересамъ собственнаго населенія, посредствомъ болѣе правильнаго распредѣленія воинской повинности.

„Войско, какъ я уже на этомъ самомъ мѣстѣ высказалъ это въ 1860 г. — даже послѣ реорганизаціи, является прусскимъ народомъ подъ оружіемъ и съ болѣею истиной, чѣмъ прежде, ибо между тѣмъ, какъ усиленная организація линейныхъ войскъ дѣлаетъ возможнымъ облегченіе для ландвера позднѣйшаго призыва, общій составъ ландвера остается неизмѣннымъ. Это преобразование стало уже постояннымъ государственнымъ учрежденіемъ, въ протекшіе годы, на основаніи согласія ландтага, даннаго въ парламентскія сессіи 1860—61 годовъ, и существованіе его не можетъ больше оспариваться, не компрометируя самыхъ важныхъ интересовъ страны. Сознаніе этой опасности налагаетъ на меня обязанность дать свое одобреніе, которое необходимо въ силу конституціи, только такому экономическому порядку, который обезпечиваетъ существующія военныя учрежденія“.

Взглядъ короля выраженъ съ величайшей ясностью и точностью.

Законопроектъ о воинской повинности въ томъ видѣ, въ какомъ онъ былъ предложенъ ландтагу въ ноябрѣ 1863 г., заключаетъ 22 статьи, изъ которыхъ однако первыя исчерпываютъ все органически важное. Поэтому я привожу ихъ буквально, такъ какъ благодаря этому можно будетъ видѣть, какія перемѣны внесены въ проектъ позднѣе, пока наконецъ (въ 1867) онъ не сталъ закономъ для сѣверо-германскаго союза, а въ 1871—имперскимъ закономъ.

§ 1. Образование вооруженной силы опирается, какъ и доселѣ, на всеобщую воинскую повинность. Каждый пруссакъ, какъ скоро онъ достигнетъ 17-лѣтняго возраста и пока ему не минетъ 49 лѣтъ, обязанъ защищать отечество. Но для того, чтобы привести эту всеобщую воинскую повинность, преимущественно въ мирное время, на такую ногу, чтобы она не мѣшала развитію наукъ и ремеслъ, на счетъ служебныхъ обязательствъ и срока службы, утверждаются слѣдующія градаціи:

§ 2. Вооруженная сила состоитъ изъ арміи, флота и ландштурма. Армія распадается на: а) постоянное войско; б) ландверъ перваго призыва и с) ландверъ втораго призыва. Флотъ распадается на: а) военный флотъ и б) морскую оборонительную силу.

§ 3. Наличный составъ постоянного войска, ландвера и флота всякій разъ опредѣляется согласно существующимъ государственнымъ отношеніямъ.

§ 4. Постоянное войско всегда готово выступить въ походъ. Оно является главной образовательной школой для цѣлой націи, въ дѣлѣ войны, и обнимаетъ всѣ ученые отдѣлы арміи.

§ 5. Постоянное войско состоитъ: 1-е изъ призывныхъ солдатъ, которые служатъ по требованію; 2-е, изъ годовыхъ волонтеровъ; 3-е, изъ трехгодовыхъ волонтеровъ; 4-е, изъ солдатъ, набираемыхъ властями, завѣдывающими замѣной.

§ 6. Обязательство служить въ постоянной арміи начинается для каждаго пруссака вмѣстѣ съ наступленіемъ того года, въ которомъ ему исполнится 20 лѣтъ, и продолжается 7 лѣтъ. Въ теченіи этихъ 7-ми лѣтъ солдаты пѣхоты, кавалеріи, артиллеріи и пионеровъ обязаны находиться непрерывно подъ знаменами въ первые 3 года — солдаты, которые назначены къ обозной службѣ въ теченіи полугода; — въ остальной же служебный срокъ могутъ быть отпускаемы на родину (въ резервъ), въ томъ случаѣ, если необходимыя для ежегодныхъ маневровъ поддержанія или мобилизація войска не потребуютъ ихъ призыва на службу.

Вотъ, что гласятъ самые главные параграфы. Нижеслѣдующіе содержатъ затѣмъ постановленія о ландверѣ, годовыхъ волонтеровъ, службы во флотѣ и т. д.

Палата депутатовъ продолжала быть враждебно настроенной противъ законопроекта, и два пункта въ особенности встрѣчали яростную оппозицію: трехгодичный срокъ службы и униженіе, если можно такъ выразиться, ландвера. Что касается перваго пункта, то я воздерживаюсь отъ всякаго сужденія. Что же касается втораго, то со времени войны 1813 г. къ ландверу относились съ нѣкотораго рода идолопоклонствомъ. Само правительство, конечно, было въ томъ ви-

новато, ибо, съ цѣлью возбудить и оживить патріотизмъ, оно превознесло выше всякой мѣры подвиги ландвера. Въ школахъ преподавали, что ландверъ вездѣ побѣждалъ Наполеона, а линейныя войска оставались въ тѣни. Специалисты военные знали, конечно, что это несправедливо и доказывали въ спеціальныхъ сочиненіяхъ. Но слово „ландверъ“ приобрѣло популярность, а извѣстно, что всего труднѣе бороться съ предубѣжденіемъ.

Пренія по военному закону начались еще въ послѣднемъ засѣданіи того достопамятнаго ландтага (25 [13] января 1864 г.). Война съ Даніей еще не начиналась, но уже предвидѣлась, и правительство потребовало заключенія займа въ 12 милліоновъ талеровъ. Палата депутатовъ не согласилась исполнить требованіе правительства. Въ парламентскихъ лѣтописяхъ Пруссіи не существуетъ другой эпохи, которую такъ желательно было бы предать забвенію, какъ эта сессія, которая будетъ служить вѣчнымъ аргументомъ противъ парламентскихъ порядковъ: хотя много возвышенныхъ и патріотическихъ словъ произнесено было въ теченіи этой сессіи, однако послѣдующій опытъ показалъ что *иностранная политика*, которую желала провести палата депутатовъ, была чистѣйшей безсмыслицей, и Бисмаркъ представляется единственнымъ трезвымъ человѣкомъ, заблудившимся среди умалишенныхъ. Самыми яростными противниками его были, по странной случайности, два врача, докторъ Лѣве, бывшій нѣкогда претендентомъ такъ-называемаго штутгартскаго *rumpf-parlaments* ¹⁾, и докторъ Вирховъ, который въ то время стоялъ на вершинѣ своей научной и политической славы. Послѣдній въ особенности безпощадно металъ стрѣлы своего остроумія въ Бисмарка, возбуждая живое сочувствіе всей палаты. Опытъ показалъ, что докторъ Вирховъ былъ несовсѣмъ правъ.

Какъ я уже сказалъ выше, въ засѣданіи отъ 25 (13) января военный законъ былъ отвергнутъ, и президентъ Грабовъ сказалъ послѣ того одну изъ тѣхъ громовыхъ рѣчей, которыя онъ регулярно приносилъ при каждомъ новомъ фазисѣ внутренняго кризиса, и въ тронной рѣчи, которою была закрыта палата депутатовъ, сильно порицался образъ дѣйствія послѣдней.

Нѣсколько дней спустя начались военныя операціи противъ Даніи, причемъ прусскія войска претерпѣли пораженіе, а австрійцы одержали двѣ побѣды при Ягелѣ, а позднѣе при Оверзее. Долго казалось, что Пруссіи не суждено стяжать лавровъ во время этой кампаніи. Затѣмъ произошелъ штурмъ дюппельскихъ шанцевъ, и съ

¹⁾ Такъ назывались остатки франкфуртскаго національнаго собранія, когда этотъ послѣдній переселился съ іюня 1849 г. въ Штутгартъ.

этого дня произошел переворотъ въ общественномъ мнѣніи, хотя онъ и не отразился на настроеніи палаты депутатовъ, когда ландтагъ былъ снова созванъ въ январѣ 1865 г. Во весь годъ внутренняя политика отличалась, конечно, реакціоннымъ характеромъ. и голосъ партіи „Крестовой Газеты“, проповѣдывавшей „внутренній Дюпелъ“, отнюдь не былъ гласомъ вопіющаго въ пустынь. Но въ тронной рѣчи, которою самъ король открылъ ландтагъ, ясно высказывалось желаніе примиренія. Непремѣннымъ условіемъ этого примиренія ставилась, однако, неприкосновенность новой военной организаціи. Благодаря ей, не представилось необходимости въ минувшую войну призывать ландвера; благодаря хорошему управленію финансами, война могла быть ведена безъ займа. Не безъ гордости, но тѣмъ не менѣе въ примирительномъ тонѣ говорилъ король въ своей тронной рѣчи:

„Самымъ искреннимъ моимъ желаніемъ является то, чтобы разладъ, возникшій въ послѣдніе годы между моимъ правительствомъ и палатой депутатовъ, былъ бы устраненъ. Знаменательныя событія послѣдняго времени должны содѣйствовать тому, чтобы разъяснить взгляды на потребность усовершенствованной организаціи арміи, которая выказалась въ побѣдоносно оконченной войнѣ. Права, которыя даются представительству страны конституціей, я намѣренъ уважать и охранять, какъ и доселѣ. Но если Пруссія желаетъ сохранить свою самостоятельность и подобающее ей мѣсто въ ряду европейскихъ державъ, то ея правительство должно быть вѣрно и сильно, и оно можетъ придти въ соглашеніе съ представительствомъ страны не иначе, какъ подъ условіемъ сохраненія военныхъ учрежденій, которыя обезпечиваютъ военную силу, а слѣдовательно и безопасность отечества“.

Сессія открылась при самыхъ неблагопріятныхъ предзнаменованіяхъ. Грабовъ произнесъ одну изъ вышеупомянутыхъ рѣчей, которая была рѣзче, чѣмъ когда-либо, и немедленно привелъ и правительство, и палату въ сильнѣйшее ожесточеніе. Объ организаціи арміи не говорилось ни слова; тѣмъ не менѣе ландтагъ засѣдалъ до іюня мѣсяца и выработалъ нѣсколько важныхъ законовъ; военный же законъ былъ снова отвергнутъ и при этомъ дѣло не обошлось безъ ужасающихъ сценъ. Профессоръ Гнейстъ сказалъ, въ качествѣ референта, что организація войска „носитъ на лбу отпечатокъ влѣтвѣ преступленія Каина“, а фонъ-Роонъ объявилъ, что такое заявленіе безстыдно.

Редакція законопроекта была измѣнена сравнительно съ прежней. Главныя опредѣленія гласили:

§ 1. Всеобщая повинность въ службѣ въ арміи и флотѣ сокра-

щается срокомъ съ 19-ти до 16-ти лѣтъ. § 2. Въ теченіи этого общаго срока службы повинные военной службѣ обязаны прослужить первыя 7 лѣтъ въ постоянной арміи или также въ военномъ флотѣ. Но имъ разрѣшается, если необходимость въ поддержаніи для арміи и флота не требуетъ иного, проводить на родинѣ, вмѣсто обычныхъ двухъ лѣтъ, послѣдніе четыре года. § 3 опредѣляетъ, что причисленіе къ ландверу перваго призыва должно продолжаться четыре года, къ ландверу втораго призыва—пять лѣтъ; съ истеченіемъ 36-ти лѣтняго возраста повинный въ службѣ отчисляется и отъ этого послѣдняго. § 5 опредѣляетъ, что отнынѣ ландверъ можетъ быть призывается для укрѣпленія постоянной арміи лишь въ весьма серьезныхъ, грозящихъ отечеству опасностью случаяхъ, но что постановленія закона 3-го сентября 1814 г. касательно ландвера остаются въ силѣ (то-есть правительство могло, не взирая на поддержаніе постоянной арміи, призвать ландверъ въ случаѣ войны). Въ комиссіи происходили весьма обстоятельныя совѣщанія касательно законопроекта, при которыхъ присутствовали также военный министръ и нѣсколько комиссаровъ правительства. Съ самаго начала опредѣлилось разногласіе между правительствомъ и палатой депутатовъ на пяти пунктахъ: 1) Наличный составъ постояннаго войска доходилъ въ эпоху изданія конституціи до 131,000 человекъ, въ 1858 г. до 151,000 человекъ, а послѣ реорганизаціи до 212,000. 2) Число кадровъ было прежде: 120 баталіоновъ пѣхоты, 132 эскадрона кавалеріи, теперь: 243 баталіона и 200 эскадроновъ. 3) Ландверъ перваго призыва имѣлъ прежде такой же наличный составъ, какъ и постоянная армія въ соответствующихъ кадрахъ; теперь же, послѣ реорганизаціи на 243 баталіона постояннаго войска приходится 117 баталіоновъ ландвера. 4) Увеличенный съ 5-ти на 7 лѣтъ срокъ службы въ постоянной арміи. 5) Трехгодичный срокъ службы подъ знаменами. Военный министръ мотивировалъ точку зрѣнія правительства. При остромъ характерѣ войнъ новѣйшаго времени, говорилось въ немъ, всего важнѣе обезпечить себя отъ наступательныхъ дѣйствій сосѣда, посредствомъ вполне готоваго къ войнѣ и значительнаго войска, и какъ общее правило, первые удары бывають самыми рѣшительными. Поэтому надо стремиться къ тому, чтобы уже въ первой стадіи войны быть равнымъ по силамъ своему сосѣду и при этомъ обезпечить себя организаціей собственнаго войска, не разсчитывая на контингентъ мелкихъ германскихъ государствъ. Благодаря реорганизаціи, Пруссія получаетъ возможность не бояться никого изъ своихъ сосѣдей. Такая увѣренность была невозможной при старинномъ устройствѣ арміи. Совсѣмъ тѣмъ, военному министру не удалось убѣдить комиссію. Нельзя было столкнуться на

счетъ постояннаго состава мирнаго контингента арміи. Коммиссія считала, что 200,000 слишкомъ много, и что вполне достаточно 180,000, хотя 200,000 составляли всего 10% съ тысячи населенія,—отношеніе, далеко превышаемое во Франціи, въ Австріи, въ Россіи и въ Италіи.

Коммиссія между тѣмъ была неумолима и единодушно отвергла проектъ. Засѣданіе *in plenum* привело къ тому же результату. Снова созванъ былъ ландтагъ въ январѣ 1866 года, но снова распущенъ уже 23-го (11-го) февраля.

Короткое засѣданіе прошло бурнѣе, чѣмъ когда-либо, и правительство, во избѣжаніе неприятныхъ для него рѣшеній, совсѣмъ неожиданно возвѣстило закрытіе ландтага. Хотя въ тронной рѣчи и говорилось, что отношенія Пруссіи къ иностраннымъ державамъ весьма дружественны, но на дѣлѣ напряженныя отношенія между Пруссіей и Австріей росли съ каждымъ днемъ и война казалась неизбежною. Положеніе дѣлъ было далеко не спокойное, и въ то время проявились первые симптомы *національнаго* настроенія, ибо до тѣхъ поръ оппозиція въ парламентѣ и въ странѣ хлопотала только о торжествѣ своихъ принциповъ, не заботясь о томъ, что изъ этого выйдетъ. *Fiat justitia, pereat mundus!* Что станется съ прусскимъ государствомъ—это было безразлично для честныхъ, но близорукихъ политиковъ, лишь бы они одержали верхъ, въ томъ ли отношеніи, что правительство нашлось бы вынужденнымъ отказаться отъ военнаго закона, или открыто нарушить конституцію, чего до сихъ поръ, къ счастью, оно избѣгало.

Теперь впервые зародилась мысль, что существуютъ еще высшія цѣли, чѣмъ конституціонныя, спорныя вопросы, и что духъ партій долженъ смолкнуть, когда дѣло коснется существованія государства. Во Франкфуртѣ должно было состояться собраніе депутатовъ со всей Германіи, имѣвшее цѣлью высказать нравственное осужденіе прусскому правительству. Тогда-то Твестень, который велъ ожесточеннѣйшую борьбу съ этимъ правительствомъ, которое дѣйствительно злобно преслѣдовало его, какъ никого другого, выказалъ настолько національнаго сознанія, что отвѣчалъ отказомъ на приглашеніе присутствовать въ этомъ собраніи, говоря, что онъ интересуется не одними только правами народа, но и могуществомъ Пруссіи, и что онъ не желаетъ участвовать въ такихъ дѣйствіяхъ, которыя направлены противъ Пруссіи, такъ какъ эта послѣдняя единственная держава въ Германіи, которая можетъ что-либо сдѣлать для Германіи. Шлезвигцы, выступавшіе постоянно въ первыхъ рядахъ оппозиціи, прислали адресъ королю, въ которомъ удостовѣрили его, что охотно принесутъ всѣ жертвы, какихъ только потребуетъ отъ нихъ война,

въ случаѣ если она окажется неизбежной. Баснословный успѣхъ той семидневной войны измѣнилъ затѣмъ совершенно общественное настроеніе. Пруссія, не задолго до заключенія мира, могла опасаться, что Франція также вмѣшается въ дѣло, и выставила 640,000 чело-вѣкъ въ поле: было бы настоящимъ безуміемъ продолжать бороться противъ реорганизаціи, давшей такіе блистательные результаты; партія кромѣ того измѣнила свой характеръ, вслѣдствіе образованія національно-либеральной партіи и распаденія прогрессивной партіи при первыхъ же выборахъ, которые послѣдовали за кампаніей 1866 года.

5 августа (24 іюля)—по окончаніи войны—открылся прусскій ландтагъ. Тронная рѣчь короля возвѣщала объ образованіи новаго союза, о созваніи общаго народнаго представительства сѣверо-германскихъ союзныхъ государствъ (на сѣверъ отъ Майна) и требовала вознагражденія за безбюджетное управленіе, существовавшее доселѣ, дабы происшедшее столкновеніе могло вполне уладиться, что—какъ говорилось въ тронной рѣчи—тѣмъ необходимѣе, „что политическое положеніе отечества дозволить расширеніе границъ и образованія однородной союзной арміи, подъ прусскимъ главенствомъ; расходы же по этой арміи будутъ равномерно распредѣлены между всѣми членами союза“.

Уже днемъ раньше Пруссія сдѣлала запросъ всѣмъ сѣверо-германскимъ государствамъ о заключеніи союзнаго договора и представила проектъ таковаго, который былъ одобренъ всѣми, за исключеніемъ Мейнингена и Рейсса, старшей линіи. Тѣмъ временемъ прусскій ландтагъ занялся своей задачей съ патриотическимъ одушевленіемъ. Требуемое министромъ вознагражденіе за безбюджетное управленіе было вотировано большинствомъ 230 противъ 75 голосовъ. Требуемый правительствомъ кредитъ въ 60 милліоновъ для пополненія государственной казны и для покрытія чрезвычайныхъ расходовъ, вотируется такимъ же большинствомъ голосовъ. Настроеніе было самое благопріятное, и хотя прогрессивная партія все еще ворчала, но за то страна была чрезвычайно довольна, что бесплодная борьба, наконецъ, окончилась. На текущій годъ (1866) правительство не представило никакого бюджета, такъ какъ расходы уже были по бѣльшей части сдѣланы, но потребовало просто-на-просто кредита на 154 милліона, сумму, которая покрывала почти всѣ расходы. За то оно своевременно представило бюджетъ на 1867 г., въ который, разумѣется, были внесены и военныя издержки. Борьба могла снова разгорѣться. Дѣйствительно, большинство снова стало ненадежно, всякаго рода неожиданныя соображенія начинали возникать, и еслибы разъ умы разгорячились, то нельзя было бы ни за что ручаться. Нѣсколько обстоятельствъ содѣйствовали устраниенію

этой опасности. При открытіи сессіи, палатѣ депутатовъ было конфиденціально сообщено, что король приметъ избраніе Грабова, съ именемъ котораго соединялось воспоминаніе о самыхъ непріятныхъ сценахъ, за вызовъ, исключаящій мысль о примиреніи. Вслѣдствіе этого Грабовъ объявилъ рѣшительно, что не приметъ избранія, и палата избрала фонъ-Форкенбека, безстрашнаго и весьма умнаго и ловкаго человѣка, который умѣлъ благополучно обходить всякіе подводные камни. Къ этому присоединялось политическое положеніе, которое дѣлало яснымъ для всякаго, что Пруссія придется еще бороться для того, чтобы обезпечить результаты послѣдней войны. Но пуще всего выяснилось, что при ожидаемомъ основаніи Сѣверо-Германскаго Союза управленіе военными дѣлами должно перейти въ руки этого послѣдняго и что, слѣдовательно, и военный бюджетъ долженъ будетъ обсуждаться представителями Союза. Прогрессивная партія желала назначить валовую сумму, то-есть вообще отпустить кредитъ, но министерство объявило, что не желаетъ ничего временнаго, а требуетъ настоящаго бюджета, и хотя большинство вычеркнуло при второмъ чтеніи многія статьи бюджета (напр., фондъ, опредѣленный для секретныхъ цѣлей министерства внутреннихъ дѣлъ), которыя правительство считало совершенно необходимыми, но послѣднее объявило при третьемъ чтеніи, что готово принять бюджетъ, если не будетъ сдѣлано никакихъ перемѣнъ въ заключеніяхъ, установленныхъ при второмъ чтеніи. Такъ и случилось, и впервые, со времени послѣднихъ пяти лѣтъ, выработанъ былъ правильный государственный бюджетъ; мало того: впервые, со времени введенія конституціи, онъ своевременно былъ выработанъ въ началѣ того года, на который предназначался.

Но палатѣ депутатовъ пришлось въ послѣдній разъ заниматься военнымъ вопросомъ. 12 февраля 1867 г. избранъ былъ, на основаніи всеобщей, равномѣрной подачи голосовъ, первый парламентъ Сѣверо-Германскаго Союза, 24 февраля онъ собрался и уже къ 17 (5) апрѣля окончилъ свою задачу и могъ разойтись. Конституція Сѣверо-Германскаго Союза была принята рейхстагомъ и правительствами.

Въ союзную конституцію, во II-й отдѣлъ, касающійся союзнаго военнаго дѣла, вошли принципы прусской военной организаціи, которые вызывали такую жестокою распрю.

Мы находимъ въ ней:

Стат. 57. Каждый сѣверо-германецъ повиненъ военной службѣ и не можетъ поставить взаимно себя кого другого...

Стат. 59. Каждый сѣверо-германецъ, годный для военной службы, причисляется въ теченіе 7 лѣтъ,—по достиженіи 20-ти-лѣтняго воз-

раста и до 28 лѣтъ—въ постоянной арміи—причемъ въ первые годы находится подъ знаменами, въ послѣдніе 4 года въ резервѣ—а въ теченіе 5-ти слѣдующихъ лѣтъ состоитъ при ландверѣ...

Стат. 60. Нормой наличнаго состава союзной арміи въ мирное время, до 31 декабря 1871 г. принимается одинъ процентъ съ населенія и *pro rata* его доставляется отдѣльными союзными государствами. Въ позднѣйшее время наличный составъ арміи въ мирное время будетъ устанавливаться путемъ союзаго законодательства.

Стат. 61. По обнаруженіи этой конституціи во всей союзной области вводится прусское военное законодательство... По введеніи союзной военной организаціи союзное президентство внесетъ въ рейхстагъ и въ союзный совѣтъ для обсужденія, согласно конституціи, обстоятельный союзный военный законъ.

Стат. 62. На покрытіе издержекъ союзной арміи и связанныхъ съ нею учреждений, до 31-го декабря 1871 г. въ распоряженіе союзнаго главнокомандующаго отпускается ежегодно по 225 талеровъ на человѣка, принимая въ расчетъ наличный составъ арміи въ мирное время, какъ онъ опредѣляется статьей 60-й.

Вотъ опредѣленія союзной конституціи по военному дѣлу, и онѣ вошли безъ измѣненія въ имперскую конституцію. Важное заключительное постановленіе статьи 61-й не находилось въ проектѣ, предложенномъ правительствомъ, но было внесено въ него вслѣдствіе принятія поправки Форкенбека. Въ немъ слѣдуетъ признать настоящую причину теперешняго проекта имперскаго военного закона. Назначеніе валовой суммы въ 225 талеровъ на человѣка съ самаго начала признавалось средствомъ устранить опасность столкновенія въ младенческіе годы германскаго союза. Съ этой суммой военному министру предоставлялось дѣлать то, что ему угодно. Въ 1871 г. долженъ былъ собственно прекратиться временный порядокъ, но правительство и рейхстагъ (ибо сѣверо-германскій союзъ уже въ ту эпоху разросся въ германскую имперію) порѣшили продлить его до конца 1874 г., хотя военный министръ зналъ, что ему собственно не справиться съ валовой суммой, такъ какъ всѣ цѣны необыкновенно поднялись. Но вслѣдствіе войны можно было отнести на счетъ реорганизаціи арміи многое такое, что собственно принадлежитъ къ текущимъ расходамъ по военному управленію. Въ этотъ промежутокъ введены въ Германіи прусскій военный законъ и кромѣ того цѣлый рядъ специальныхъ законовъ, такъ напр. законъ о воинской повинности 9-го ноября 1867 г., почти тождественный съ тѣмъ, который былъ предложенъ въ эпоху кризиса прусскому ландтагу. Слѣдовательно много вопросовъ уже улажено законнымъ порядкомъ.

Главный пункт имперскаго военнаго закона заключается теперь въ опредѣленіи наличнаго состава войска въ мирное время.

За исключеніемъ социалистической партіи, никто почти въ парламентѣ не считаетъ возможнымъ заимствовать англійскіе порядки по этому пункту. Существованіе арміи не можетъ быть поставлено въ зависимость отъ голосованія парламента. Но съ другой стороны конституціонное развитіе невозможно, если парламента лишенъ всякаго вліянія на бюджетъ. Умѣренные либералы обуславливаютъ это вліяніе слѣдующимъ образомъ: извѣстный *minimum* расходъ остается неприкосновеннымъ, но затѣмъ согласіе рейхстага необходимо какъ для опредѣленія численности мирнаго состава арміи, такъ и относительно срока службы подъ знаменами. Вышеупомянутый законъ 3-го сентября 1814 г. весьма мудро постановилъ, что наличный составъ арміи въ мирное время находится въ каждую данную минуту въ зависимости отъ существующихъ государственныхъ отношеній. О томъ же, каковы эти отношенія, рѣшаетъ король. Если положеніе дѣлъ совсѣмъ мирное, то и мирный составъ арміи можетъ быть уменьшенъ. Если финансы плохи, то является двойное основаніе сдѣлать это. Такая же идея лежитъ въ назначеніи процентнаго отношенія къ населенію, но населеніе растетъ, и черезъ нѣкоторое время армія или увеличивается сама собой, или приходится уменьшать процентъ.

Новый военный законъ, внесенный въ рейхстагъ въ маѣ мѣсяцѣ, весьма мало соотвѣтствуетъ однако этимъ конституціоннымъ требованіямъ. Онъ *устанавливаетъ* въ первыхъ параграфахъ перваго отдѣла, трактующаго объ организаціи имперской арміи, численный составъ арміи въ мирное время, въ размѣрѣ 401,659 человекъ (по народной переписи 1867 г. что составляетъ 1% со всего населенія Германіи), и это „до изданія другихъ законныхъ постановленій“. Численный составъ арміи мирнаго времени — такъ гласятъ мотивы, сопровождающіе проектъ — находится въ такой тѣсной связи съ общей организаціей арміи, что такъ же невозможно регулировать закономъ первое, какъ и прочно установить второе. Непостоянный, изъ году въ годъ мѣняющійся наличный составъ арміи мирнаго времени можетъ быть цѣлесообразенъ въ такихъ государствахъ, въ которыхъ удерживается большая часть военныхъ силъ и въ мирное время, но онъ несовмѣстимъ съ кадровой системой, при которой каждое измѣненіе численнаго состава арміи мирнаго времени отзывается на временахъ, политическаго состоянія которыхъ невозможно предвидѣть. Сокращеніе наличнаго состава арміи мирнаго времени на 5000 произвело бы въ теченіи 12-ти лѣтъ сокращеніе военнаго наличнаго состава слишкомъ на 20,000. Сосѣднія съ Германіей государства на-

считываютъ 157 милліоновъ душъ европейскаго населенія; кромѣ того страна ихъ пользуется обширнымъ морскимъ берегомъ. Наличный составъ прусской арміи мирнаго времени составлялъ въ 1816 г. $1\frac{1}{4}\%$ населенія, въ 1861 г. $1,065\%$; въ 1867 г. 1% ; теперь же всего только $0,978\%$, и это процентное отношеніе будетъ все уменьшаться, пока наличный составъ мирнаго времени будетъ оставаться неизмѣннымъ. Офицеры и годовые волонтеры (число послѣднихъ доходитъ отъ 3500 до 4000) въ наличномъ составѣ мирнаго времени не принимаются въ расчетъ.

Въ слѣдующихъ параграфахъ законопроекта регулируются кадры для различнаго рода оружія и закладывается фундаментъ для общаго расчлененія имперской арміи. Въ законопроектѣ постановляется, что пѣхота формируется въ 469 баталіоновъ, кавалерія въ 465 эскадроновъ, пѣшая артиллерія въ 29 баталіоновъ, піонеры и обозъ въ 18 баталіоновъ, и всякое измѣненіе ставится въ прямую зависимость отъ согласія рейхстага. Весьма важнымъ нововведеніемъ является усиленіе наличнаго состава офицеровъ, почти на 1700 человекъ, что при существующемъ отношеніи составляетъ 40—45%. Эта переиѣна признается необходимой и мотивируется большимъ урономъ, который несетъ офицерскій корпусъ при новѣйшемъ веденіи войны.

§§ 3—5 постановляютъ распредѣленіе арміи на армейскіе корпуса, дивизіи, бригады и т. д.; затѣмъ, число офицеровъ и отношенія офицерскихъ ранговъ. Другіе отдѣлы содержатъ правила, касательно набора, юрисдикціи которой подчинены принадлежащіе къ арміи и т. д. Всѣ эти правила соотвѣтствуютъ нынѣ дѣйствующимъ законамъ. Политическій споръ, въ случаѣ, если онъ разгорится, будетъ возбужденъ первыми параграфами и установленіемъ наличнаго состава арміи мирнаго времени.

Въ концѣ мая правительство внесло законопроектъ, послѣ того, какъ онъ былъ одобренъ союзнымъ совѣтомъ, въ рейхстагъ, но послѣдній не имѣлъ никакой охоты имъ заниматься. Со дня на день тшестно ожидали, что президентъ внесетъ законопроектъ въ очередной списокъ для перваго чтенія, послѣ котораго собраніе должно рѣшить, передать ли оно его комиссіи или же рѣшить обсудить при вторичномъ чтеніи *in plenum*, но президентъ этого не дѣлалъ. Тѣмъ временемъ законопроектъ служилъ предметомъ оживленныхъ преній въ правительственныхъ кружкахъ, и вскорѣ установилось мнѣніе, что совершенно невозможно, чтобы проектъ уже въ настоящую сессію допущенъ былъ къ обсужденію, такъ какъ не было ни малѣйшей надежды на то, чтобы его вотировали прямо, безъ всякихъ разсужденій. Даже тѣ изъ депутатовъ, которые въ принципѣ вполнѣ одобряли законъ, считали совершенно необходимымъ основательное

обсужденіе его, а для такового парламентская сессія уже не представляла достаточнаго простора, рады рейхстага пустѣли съ каждымъ днемъ, и центръ и прогрессивная партія, бывшіе въ принципѣ врагами закона, грозили въ случаѣ преній сдѣлать рѣшеніе рейхстага недѣйствительнымъ.

Многіе проникательные наблюдатели, слѣдящіе за политическимъ положеніемъ, ставили правительству въ упрекъ то, что оно не ставило болѣе энергично на томъ, чтобы законъ былъ подвергнутъ обсужденію. Они говорили, что врядъ ли снова составитя собраніе, столь симпатично настроенное въ пользу военнаго дѣла, какъ настоящій рейхстагъ, избранный непосредственно подъ впечатлѣніемъ великихъ событій послѣдней войны. Кромѣ того, враги Бисмарка должны были непосредственно воспользоваться совѣтъ непонятной, но крайней мѣрѣ для непосвященныхъ, отсрочкой преній, чтобы обвинить его передъ королемъ въ томъ, что законъ не былъ допущенъ до обсужденія, и было даже обнародовано письмо, которое графъ Роонъ, въ качествѣ предсѣдательствующаго въ комитетѣ союзнаго совѣта по арміи и флоту, адресовалъ канцлеру князю Бисмарку и въ которомъ онъ проситъ послѣдняго употребить свое вліяніе съ тѣмъ, чтобы рейхстагъ не оставялъ безъ обсужденія закона, обезпечивающаго военную силу и политическую самостоятельность Германіи и мирное, органическое развитіе ея внутреннихъ отношеній. Письмо, конечно, было напечатано съ согласія графа Роона и подтверждало носившіеся слухи о рѣзкой размолвкѣ, существующей между Бисмаркомъ и двумя вождями прусскаго министерства: Роономъ и Эйленбургомъ. По всей вѣроятности, невѣроятно-бурная сцена, вызванная княземъ Бисмаркомъ въ засѣданіи рейхстага отъ 16/4 іюня, не имѣла иной цѣли, кромѣ какъ очистить его въ глазахъ двора отъ подозрѣнія въ черезъ-чуръ жаркихъ симпатіяхъ къ парламентаризму. Президентъ Симсонъ внесъ въ вышеупомянутое засѣданіе законъ о печати въ очередной списокъ. Дѣло было вотъ какъ, если резюмировать его въ краткихъ словахъ: уже въ началѣ сессіи гг. Виндгорстъ (изъ Берлина) и Виндгорстъ (изъ Меппена), первый членъ прогрессивной, второй—клерикальной партіи, внесли въ высшей степени либеральные законопроекты о печати. Первый весьма обстоятельно обсуждался въ комиссіи и имѣлъ всѣ шансы быть принятымъ. Князь Бисмаркъ, какъ извѣстно, не изъ поклонниковъ свободы печати; всего же менѣе желалъ бы онъ въ настоящую минуту лишиться репрессивнаго средства, которое даетъ ему прусскій законъ о печати, такъ какъ онъ опасается, что одни только ультрамонтаны и воспользуются имъ для того, чтобы извлечь всѣ выгоды изъ предстоящихъ выборовъ. Самыми важными пунктами для печати является

отмѣна залоговъ и предварительной конфискаціи. Какая-нибудь еженедѣльная газета, издающаяся въ незначительномъ городкѣ, должна вносить по меньшей мѣрѣ 1000 талеровъ залога, между тѣмъ какъ большая, ежедневная газета, издающаяся въ Берлинѣ, вносить всего 5000 талеровъ залога. Для большой газеты это сущіе пустяки, но для маленькой газетки 1000 талеровъ — большіи деньги. Отмѣните залого, и въ каждомъ ничтожнѣйшемъ городишкѣ можете издавать капелланъ газету; бумага и печать стоятъ недорого, а гонорара онъ платить не будетъ. Такимъ образомъ, католическія области могутъ быть наводнены ультрамонтанской печатью и,—говорю это съ опасностью прослыть въ вашихъ глазахъ за аркиреакціонера—долженъ сознаться, что *такая* свобода печати мнѣ не по вкусу, ибо, какъ скоро ультрамонтаны *посредствомъ* свободы достигнутъ господства, такъ немедленно примутся огнемъ и мечомъ подавлять свободу, и осмѣютъ тѣхъ, кто помогъ одержать побѣду. Всѣмъ, конечно, извѣстенъ *Syllabus*, который почитается за непреложный законъ каждымъ изъ ультрамонтановъ. Вы можете, конечно, возразить мнѣ, что свободномыслящіе люди могутъ основать такое же множество маленькихъ газетъ и что могущество свободы и истины одержитъ верхъ! Но тотъ, кто живетъ не въ сферахъ идеальной жизни, а возвращается въ жизни практической, тотъ знаетъ, что это невозможно, потому что либералы дѣйствуютъ въ одиночку, между тѣмъ какъ ультрамонтаны опираются на самую могущественную организацію, какая когда-либо существовала, и каждый капелланъ сознаетъ себя членомъ *ecclesia militans*. Прибавьте къ тому, что эти люди воодушевлены фанатизмомъ! Я не стану утверждать, чтобы они охотно записывались въ мученики, но пока борьба обходится безъ кровопролитія и пока ихъ проклятія и отлученія отъ церкви производятъ свое дѣйствіе, до тѣхъ поръ они дѣйствуютъ съ натискомъ, достойнымъ какихъ-нибудь гусаровъ.

Однако мое мнѣніе тутъ ни причемъ; я говорю про Бисмарка, которому законъ о печати былъ непріятенъ и который охотно бы устранилъ принятіе его. Неразборчивый на средства, лишь бы они приводили его къ цѣли, онъ—если позволено мнѣ будетъ выразиться вульгарно—подставилъ ножку докладчикамъ. Онъ объявилъ, что въ прусскомъ министерствѣ уже выработывается законъ о печати, который затѣмъ поступитъ въ союзный совѣтъ и еще въ нынѣшнюю сессію будетъ внесенъ въ рейхстагъ. Тогда будетъ легче столкнуться. Собраніе пошло на удочку и отсрочило пренія. Прошло еще нѣсколько времени, прежде чѣмъ законъ о печати, на который указывалъ опять Бисмаркъ, сталъ извѣстенъ, и ваши читатели знаютъ изъ иностранной хроники послѣдней книжки „Вѣст. Европы“, какое

впечатлѣніе произвелъ здѣсь этотъ проектъ. Я до сихъ поръ остаюсь при убѣжденіи, что онъ задуманъ совсѣмъ не въ серьёзъ, а просто въ видѣ военной хитрости. Но прежде чѣмъ дѣло дошло до обсуждения въ конституціонныхъ бесѣдахъ, между президентомъ рейхстага, вліятельными членами рейхстага и президентомъ имперской канцеляріи, Дельбрюкомъ, условлено было, что собраніе отсрочить обсужденіе закона о печати, закона о гражданскомъ бракѣ, а правительство за то отложить пренія по военному закону, такъ какъ невозможно успѣть выработать всего этого. Бисмаркъ довелъ до свѣдѣнія императора объ этихъ конституціонныхъ переговорахъ и послѣдній изъявилъ свое согласіе, хотя и не охотно пожертвовалъ военнымъ закономъ въ теченіи настоящей сессіи. Но тутъ возникло злополучное недоразумѣніе. Рейхстагъ все еще не могъ разойтись, потому что экономическій бюджетъ не былъ выработанъ окончательно и кромѣ того оставалось провести нѣсколько мелкихъ, но крайне необходимыхъ законовъ. Довѣренныя лица поняли вышеупомянутое соглашеніе такъ, что рейхстагъ отсрочить обсужденіе вышеуказанныхъ законовъ въ томъ случаѣ, если будетъ имѣть постоянно матеріалъ для занятій, но что въ противномъ случаѣ рейхстагъ можетъ поступить такъ, какъ ему угодно. Подобный случай и произошелъ; Симсонъ внесъ въ очередной списокъ законъ о печати, но Бисмаркъ принялъ это за нарушеніе договора, о которомъ онъ сообщилъ императору и вслѣдствіе этого пришелъ въ вышеописанное настроеніе. Рейхстагъ снова далъ канцлеру доказательство своего миролюбія, и законъ о печати былъ вычеркнутъ изъ очередного списка, но правительство успѣшило закрыть рейхстагъ, прежде чѣмъ даже выяснилось, что оно намѣрено дѣлать съ военнымъ закономъ. Какъ извѣстно, избирательный (трехгодичный) періодъ настоящаго рейхстага истекаетъ будущей весной. Слѣдовательно, если правительство все еще желаетъ предложить ему на обсужденіе военный законъ, то должно созвать его осенью, чего большинство его членовъ вовсе не желаетъ. Къ этому присоединяется еще и то, что уже осенью должны начаться выборы въ пользу депутатовъ и что страна, слѣдовательно, не обойдется безъ политической смуты.

Рѣшеніе правительства будетъ зависѣть оттого: найдетъ ли оно шансы для военнаго закона болѣе вѣрными при настоящемъ или при будущемъ рейхстагѣ, причѣмъ можетъ играть роль слѣдующее соображеніе: теперешній рейхстагъ во вниманіе къ мнѣнію избирателей можетъ начать дѣйствовать съ болѣею осмотрительностью, чѣмъ будущій. Извѣстный фактъ, что члены собранія, находящагося уже у предѣла своего поприща и которымъ, слѣдовательно, предстоитъ въ непродолжительномъ времени предстать передъ судомъ

своихъ избирателей, больше дорожатъ своею популярностью, чѣмъ въ началѣ своей дѣятельности. Кромѣ того составъ будущаго рейхстага можетъ быть болѣе или менѣе благопріятенъ, чѣмъ составъ настоящаго. Это дѣло гадательное. Правительство повидимому думаетъ, что на его сторонѣ окажется болѣе значительное большинство, такъ какъ страна вообще весьма спокойна и довольна. Ультрамонтаны, конечно, приобретутъ извѣстное число голосовъ, но даже въ соединеніи съ прогрессивной партіей и партикуляристами, имъ далеко еще до большинства. До сихъ поръ правительство еще не приняло никакого рѣшенія, но приметъ его въ сентябрѣ, когда вообще политическая жизнь оживляется.

Въ настоящую минуту Берлинъ совсѣмъ замеръ, и политическая жизнь угасла совершенно. Единственное министерство, въ которомъ еще замѣчается нѣкоторая дѣятельность — это министерство народнаго просвѣщенія, въ которомъ принимаются мѣры необходимыя для приведенія церковныхъ законовъ въ исполненіе. Назначеніе школьных инспекторовъ изъ неультрамонтанскаго лагеря идетъ повсемѣстно своею чередой, и духовныя заведенія, которыя не подчиняются требованіямъ закона, не признаются государствомъ. Доселѣ все дѣло еще смахиваетъ на шутку, но оно должно имѣть самыя серьезныя послѣдствія. Если, напримѣръ, ректоръ духовной семинаріи откажется подчиниться школьной программѣ или назначенному отъ государства школьному ревизору, то семинарія утрачиваетъ право образовывать духовныхъ лицъ, которыя бы признавались государствомъ и вслѣдствіе этого, напримѣръ, семинаристы не будутъ уже, какъ прежде, освобождены отъ воинской повинности. Разумѣется, и содержаніе непокорнымъ ректорамъ и духовнымъ лицамъ будетъ превращено, и съ теченіемъ времени этотъ дефицитъ станетъ ощутителенъ. Ультрамонтаны все еще продолжаютъ надѣяться на побѣду и выказываютъ даже высокоуміе. Всего рельефнѣе доказали они это недавно въ Силезіи. Высшее дворянство этой провинціи по большей части католическаго вѣроисповѣданія и тѣ изъ его членовъ, которые принадлежатъ къ мальтійскому ордену (который, какъ извѣстно, требуетъ пространнаго и безупречнаго родословнаго древа), составили, равно какъ и мальтійскіе кавалеры вестфальской провинціи, общество, во главѣ котораго стоитъ герцогъ Ратиборскій. Большинство членовъ этого общества ультрамонтаны, герцогъ же Ратиборскій и нѣкоторые изъ его друзей — нѣтъ. Эти послѣдніе скорѣе принадлежатъ къ такъ-называемымъ вѣрнымъ имперіи католикамъ, которыхъ не слѣдуетъ смѣшивать съ старо-католиками. Послѣдніе, со времени обнародованія догмата о непогрѣшимости, котораго они не признаютъ, отдѣлились отъ римской церкви; напротивъ того, первые объяв-

ляютъ, что дѣло совѣсти каждаго человѣка: вѣрить ли онъ въ догматъ непогрѣшимости или нѣтъ, но что они требуютъ только, чтобы каждый подчинялся власти государственныхъ законовъ. Вотъ звено, соединяющее ихъ, и вы, какъ и я, найдете невѣроятнымъ, что такое повиновеніе законамъ представляется ультрамонтанамъ преступленіемъ.

Герцогъ Ратиборскій составилъ адрессъ къ императору, въ которомъ онъ и его единомышленники объявляютъ, что выходя изъ того убѣжденія, что цѣли императорскаго правительства „не направлены, ни противъ свободы совѣсти католиковъ, ни ихъ равноправности въ государствѣ, ни религіозной жизни церкви въ странѣ, крѣпко стоятъ за имперію и за правительство“, и признаютъ за государствомъ право провести демаркаціонную линію между областью государственной и церковной.

Чтобы наказать герцога Ратиборскаго за этотъ адрессъ, ультрамонтаны не выбрали ни его друзей, ни его самого въ силезское общество, изъ котораго они теперь и вышли. Дѣло это, понятнымъ образомъ, возбуждаетъ много шума, потому что нельзя ничего представить себѣ чудовищнѣе того, когда одна какая-нибудь партія отвергаетъ законы, выработанные совершенно легальнымъ и конституціоннымъ путемъ. Палата депутатовъ и палата господъ самымъ тщательнымъ образомъ обсуждали законы, смягчили во многихъ пунктахъ проекты, предложенные правительствомъ, множество католиковъ въ обѣихъ палатахъ вотировали за законы, но епископамъ нѣтъ ни до чего этого дѣла! Они отвергаютъ эти законы и становятся въ явную оппозицію власти.

Но событіе въ Бреславлѣ имѣетъ однако ту выгоду, что компрометируетъ положеніе ультрамонтановъ при дворѣ, гдѣ они пользовались значительнымъ вліяніемъ, которое часто парализовало усилія Бисмарка, причѣмъ они весьма ловко умѣли носить личину вѣрноподданности и увѣрять, что они стремятся установить миръ между церковью и государствомъ, между тѣмъ какъ въ сущности стремились только къ господству.

Что касается наступающихъ выборовъ, то до сихъ поръ лишь незначительное число депутатовъ посѣтило своихъ избирателей и представило имъ отчетъ въ своей дѣятельности. Тамъ-и-сямъ сходились избиратели для переговоровъ, но до сихъ поръ очень трудно составить себѣ вѣрное понятіе о господствующемъ настроеніи, тѣмъ болѣе, что недостаетъ популярнаго лозунга. Всѣхъ дѣятельнѣе, хотя и исподтишка, ультрамонтаны, и недавно еще опасались какъ бы они не приобрѣли 40 или 50 голосовъ. Но теперь утверждаютъ, что шансы ихъ ослабили, такъ какъ народъ утратилъ враждебнаго отношенія

духовенства къ правительству, ибо, хотя я и не стану утверждать, чтобы верхне-силезскій департаментъ вполне ясно сознавалъ то, что происходитъ вокругъ него, но онъ чувствуетъ известнаго рода почтеніе къ королю, быть можетъ даже не меньшее почтеніе, чѣмъ къ своему деревенскому священнику, и когда этотъ послѣдній постоянно толкуетъ о правительствѣ, какъ о безбожномъ и жестокомъ гонителѣ католицизма, а на дѣлѣ, между тѣмъ, этихъ гоненій вовсе не видно, то не мудрено, что крестьянинъ перестаетъ, наконецъ, въ это вѣрить.

Не менѣе дѣятельны также и социалисты-демократы, но они имѣютъ нѣкоторые шансы лишь въ немногихъ избирательныхъ округахъ, гдѣ существуетъ значительное фабричное населеніе, какъ, напр., въ Саксоніи. Національно-либеральная партія дѣлится на правое и лѣвое крыло. Съ послѣднимъ прогрессивная партія охотно заключила бы союзъ, если бы только правое крыло было вытѣснено изъ либеральнаго эдема въ пустыню, гдѣ царитъ консервативный стонъ и скрежетъ зубовъ. Но національно-либералы лѣваго фланга благодарятъ за отличіе и предпочитаютъ держаться старыхъ союзниковъ, такъ что всѣ партіи выступаютъ подъ старыми знаменами. Только строго-консервативная партія распалась на двѣ части, изъ которыхъ самая значительная, такъ-называемые ново-консерваторы, сдѣлались совсѣмъ правительственной партіей, между тѣмъ какъ крайняя правая живетъ въ открытой враждѣ съ правительствомъ, за то, что это послѣднее слишкомъ либерально. Правительство, надо полагать, не будетъ настолько добродушно, чтобы покровительствовать на выборахъ крайней правой, и вслѣдствіе этого она окончательно распадется, такъ какъ не имѣетъ никакой почвы въ странѣ и только тогда всплываетъ наверхъ, когда ее поддерживаетъ реакціонное правительство.

Но теперь еще преждевременно ломать себѣ надъ всѣмъ этимъ голову; черезъ два мѣсяца мы снова увидимся, и кто знаетъ, что до тѣхъ поръ можетъ случиться. Во всякомъ случаѣ, тогда разъяснятся многія стороны настоящаго положенія дѣлъ въ Германіи.

К.

КОРРЕСПОНДЕНЦІЯ ИЗЪ ФЛОРЕНЦІИ.

12 іюля, 1873.

Политическій кризисъ въ Италіи.

Въ послѣдніе четыре года въ Италіи не поднималось внутреннихъ политическихъ вопросовъ; министерство Селлы и Ланца, прозванное „министерствомъ посредственности“, царило скорѣе по закону инерціи, чѣмъ въ силу своихъ достоинствъ, которыя бы придавали ему власть и силу. Ни одно еще министерство, со времени провозглашенія итальянскаго королевства, не жило такъ долго; ни одно другое министерство не казалось такимъ неспособнымъ къ разрѣшенію всякихъ важныхъ вопросовъ. Нельзя сказать, впрочемъ, чтобы оно состояло все изъ людей совсѣмъ безталанныхъ. Селла, какъ финансистъ, Рикотти, какъ военный министръ, выказали замѣчательныя способности, а Висконти-Веноста заслужилъ славу осторожнаго дипломата. Объ остальныхъ членахъ министерства нельзя отозваться ни худо, ни хорошо. Но характеръ прошлаго министерства всего болѣе зависѣлъ отъ министерства внутреннихъ дѣлъ и президента совѣта, доктора Джованни Ланца, человѣка здравомыслящаго, честнаго, въ мѣру энергичнаго, преданнаго королю и конституціи, но—съ умомъ ограниченнымъ. Онъ началъ свою карьеру съ медицины въ Виньяле, городѣ Пьемонта; въ 1848 г. былъ избранъ депутатомъ въ парламентъ и подружился съ Ратацци. Когда составилъ союзъ между Кавуромъ и Ратацци, докторъ Ланца игралъ въ парламентѣ въ нѣкоторомъ родѣ роль звена между обѣими партіями, пока, наконецъ, благодаря своимъ политическимъ заслугамъ, не очутился въ одинъ прекрасный день въ званіи министра народнаго просвѣщенія. Кавуръ не ходилъ далеко за своими министрами; для него было достаточно, если они были усердны; онъ поступалъ отчасти въ родѣ иныхъ первыхъ актеровъ, которые полагаютъ, что ихъ игра выкажется рельефнѣе, если всѣ остальные актеры, вмѣсто того, чтобы блеснуть самостоятельно, будутъ служить лишь фономъ для ихъ собственной игры.

Ланца былъ причисленъ къ свитѣ Кавура; это—честный малый, но онъ имѣлъ странное обыкновеніе писать слово *Italia* при помощи буквы *g*, т.-е. *Itaglia*, что казалось довольно безграмотнымъ для министра народнаго просвѣщенія; но Кавуръ не унывалъ; съ него

было достаточно, что Ланца, взаимно грамотности, былъ хорошимъ администраторомъ, человекомъ смирнымъ, не гонявшимся за новизной: Кавуръ, въ дѣлѣ новизны, любилъ только ту, которую самъ вводилъ. Вслѣдствіе всего этого, Ланца, не смотря на свое умственное убожество, могъ оставаться министромъ народнаго просвѣщенія въ Пьемонтѣ въ теченіи нѣсколькихъ лѣтъ; можно почти сказать, что въ это время онъ научился искусству министерской долговѣчности. Никогда и ничѣмъ не рискуя, онъ никогда и не компрометировался. Такимъ образомъ, мы видѣли его лицомъ къ лицу съ вопросомъ о франко-германской войнѣ, съ вопросомъ о римской экспедиціи, съ вопросомъ о религіозныхъ корпораціяхъ. Онъ ни къ одному не подходилъ съ фронта. Въ вопросѣ о войнѣ сохранялъ нейтралитетъ, увѣряя, что желаетъ добра пруссакамъ, но не питаетъ зла и противъ французовъ, изъ чего вовсе еще не слѣдовало, чтобы хотя одинъ итальянскій солдатъ двинулся на помощь тѣмъ или другимъ. Въ вопросѣ объ освобожденіи Рима онъ мѣшквалъ, елико возможно, ждалъ, чтобы удалились французы, чтобы демократическая партія пригрозила, будто она отправится въ Римъ провозглашать республику, прежде чѣмъ выйдетъ приказъ итальянской арміи вступить въ Римъ. Но вступить въ Римъ было одно дѣло, а перенести туда столицу—другое. Онъ прежде пожелалъ выслушать мнѣніе иностранныхъ державъ. Когда убѣдился, что ни одна держава не вмѣшается съ оружіемъ въ рукахъ въ наши дѣла, тогда перенесеніе столицы было рѣшено. Наступилъ вопросъ о гарантіяхъ для папы и о примѣненіи закона о религіозныхъ корпораціяхъ къ Риму; отсюда новыя сомнѣнія, новыя тревоги, новыя промедленія. Вопросъ не былъ рѣшонъ окончательно; вышло ни то, ни сѣ, и желая угодить всѣмъ, Ланца не угодилъ никому. Совсѣмъ тѣмъ, Ланца, благодаря своей уклончивой политикѣ, спасъ насъ отъ многихъ бѣдъ. Онъ творилъ на половину волю націи и на половину волю иностранныхъ державъ; такимъ образомъ, хотя и не удовлетворилъ никого, однако не далъ повода итальянскимъ демократамъ возставать противъ своей нерѣшительности, ни ультрамонтанамъ протестовать, съ оружіемъ въ рукахъ, противъ черезъ-чуръ рѣшительныхъ мѣръ. Поддерживая равновѣсіе, министерство Ланцы продлило свои дни, и тѣмъ временемъ нѣкоторые изъ его министровъ успѣли оказать добрыя услуги странѣ: Рикотти—реорганизовавъ на болѣе современную и научную ногу армію, Селла—стремясь возстановить равновѣсіе между нашимъ приходомъ и расходомъ. (Онъ надѣялся добиться этого черезъ пять лѣтъ). Къ несчастію, въ выборѣ средствъ Селла былъ не всегда счастливъ. Такъ, напримѣръ, онъ довелъ систему взиманія податей до инвизиторскихъ крайностей. Его ревностныя

агенты свирѣпствовали безъ милосердія и истомили страну своими мелочными, непрерывными придирками. Селла навлекъ на себя сильную общественную ненависть, которая нашла отголосокъ въ Римѣ и даже въ самомъ парламентѣ, въ средѣ наиболѣе умѣренныхъ депутатовъ, изъ которыхъ, напримѣръ, старый герцогъ ди-Сермонетъ перешелъ съ правой на лѣвую изъ ненависти къ Селлѣ и его чрезвычайнымъ налогамъ. Военный министръ Рикотти реорганизовалъ армию по прусской системѣ, примѣнивъ ее къ своеобразнымъ потребностямъ Италіи, озаботился объ оборонѣ страны на случай нападенія и въ то же самое время ввелъ значительную *экономію*. Ланца, Селла, Рикотти, три пьемонтца, представляли въ бывшемъ министерствѣ силу; управление въ ихъ рукахъ было обезпечено. Никто изъ нихъ не питался иллюзіями; никто не желалъ потрясеній и насильственныхъ реформъ. Они стремились мало-по-малу привести въ равновѣсіе государственные финансы, установить внутреннее спокойствіе, сдѣлать армию внушительной. Не было никакого основанія мѣнять министерство, если только не желали ввести болѣе энергичную, болѣе предприимчивую, болѣе оживленную, болѣе демократическую политику. Одна только парламентская лѣвая, поставленная во главѣ управленія, могла бы начать въ Италіи новую политику, менѣе осторожную, быть можетъ, но болѣе характерную. А такъ какъ Ратацци со времени 1869 г. сталъ главой лѣвой, то всѣ предполагали, что съ паденіемъ министерства Ланца-Селла ему наследуетъ министерство Ратацци. Предполагали и страшились! такъ какъ всякій разъ, какъ Ратацци становился во главѣ управленія и руководилъ преобладающей политической партіей въ Италіи, демократическая партія непременно совершала какую-нибудь крупную неосторожность. Главнымъ совѣтникомъ злосчастной экспедиціи противъ Австріи въ 1849 г., которая окончилась пораженіемъ при Новарѣ—былъ Ратацци. Когда Ратацци сдѣлался министромъ, при Кавурѣ, то Маццини, черпавшій смѣлость въ демократическихъ принципахъ Ратацци, пытался произвести республиканское возстаніе въ Генуѣ, вслѣдствіе котораго Ратацци пришлось выдти изъ министерства; въ 1862 г. министерство Ратацци было потрясено гарибальдійскимъ крикомъ: Римъ, или смерть! который привелъ къ катастрофѣ при Аспромонтѣ; въ 1867 г., когда Ратацци снова вступилъ въ министерство, предпринята была римская экспедиція, окончившаяся катастрофой при Ментанѣ. Все это заставляло опасаться, какъ бы новое министерство Ратацци не привело къ рѣзкому столкновенію съ Ватиканомъ и новому французскому вооруженному вмѣшательству. Тѣмъ не менѣе, еслибы Ратацци оставался въ живыхъ, то его министерство, рано или поздно, должно было наследовать министер-

ству Ланца, которое должно было пасть по тремъ причинамъ: 1) оно само чувствовало себя старымъ, дряхлымъ, отжившимъ; въ конституціонномъ государствѣ кабинетъ, существующій четыре года, успѣваетъ выдохнуться окончательно; 2) чрезмѣрность налоговъ, которыми Селла отяготилъ страну, создала въ парламентѣ сильную оппозицію противъ него, преимущественно на скамьяхъ лѣвой; 3) честолюбіе извѣстной части правой и нетерпѣніе, съ какимъ она стремится стать во главѣ управленія, заставили ее вступить въ оппозицію съ министерствомъ Ланцы, хотя она и не могла привести въ оправданіе своего поведенія никакой серьезной причины. Правая въ итальянскомъ парламентѣ имѣетъ на своей сторонѣ большинство, но она распалась на двѣ фракціи; одна стояла за министерство, другая его низвергла безъ всякаго серьезнаго основанія. Мингетти стоялъ во главѣ диссидентовъ правой и при первой okazji, изъ-за финансоваго закона, относительно котораго Селла былъ совершенно правъ, завязалъ битву съ министерствомъ. Мингетти очень хорошо зналъ, что однихъ голосовъ правой было недостаточно для того, чтобы низвергнуть министерство; онъ рассчитывалъ на сильную поддержку лѣвой и не ошибся. Съ помощью лѣвой Мингетти успѣлъ низвергнуть одрахлавленное министерство и получилъ отъ короля порученіе образовать новое. Онъ принялся за дѣло, и такъ какъ хорошо зналъ, что ему не обезпечить за собой побѣду безъ помощи лѣвой, а также и по непремѣнному желанію королю, обратился къ депутату Депретису, одному изъ семи пьемонтскихъ депутатовъ, которые постоянно были избираемы въ члены парламента, начиная съ 1848 г. и по настоящее время, и котораго, по смерти Ратацци, лѣвая признала своимъ главой. Депретисъ былъ министромъ финансовъ при Ратацци, морскимъ министромъ при Риказоли. Онъ не особенно даровитый человѣкъ, но пользуется славой хорошаго администратора. Характеръ у него нѣсколько слабый, но эта слабость не доходитъ до безчестности. Онъ не отличается инициативой, но уважается общественнымъ мнѣніемъ; придерживается либеральныхъ принциповъ и если не обладаетъ гениемъ, необходимымъ для того, чтобы руководить партіей, за то можетъ похвалиться такими качествами, которыя необходимы, чтобы умѣрять ее. Лѣвая насчитываетъ въ своей средѣ нѣсколькихъ патріотовъ и нѣсколькихъ фразеровъ, но мало истинныхъ ораторовъ, мало истинныхъ, на дѣлѣ доказанныхъ политическихъ и административныхъ талантовъ.

Если бы изъять изъ ея среды для управленія финансами депутатовъ Сеисмита Дода и де-Лука, для управленія юстиціей Манчини, для управленія народнымъ просвѣщеніемъ Коппино и Феррари, а по части общаго завѣдыванія конституціонной правительственной маши-

ной Депретиса, то немногіе изъ остальной сотни съ небольшимъ депутатовъ, которыхъ насчитываетъ наша парламентская лѣвая, были бы способны къ управленію. Мингетти, повидимому, понявъ это, когда вступилъ въ переговоры съ Депретисомъ, которые однако ни къ чему не привели. Мингетти не трудно было бы предложить пять или шесть портфелей депутатамъ лѣвой; и въ послѣднее время называли имена Депретиса, де-Лука, Коппино, Манчини, Сеисмита Дора, которые могли бы вступить въ министерство Мингетти. Прибавимъ при этомъ, что каждый изъ этихъ депутатовъ лично охотно бы принялъ предложеніе Мингетти, но не могъ, не смѣлъ этого сдѣлать, потому что его собратья изъ лѣвой грозили проклятіемъ всякому перебѣжчику. Лѣвая слишкомъ хорошо понимала, что если четверо или пятеро изъ ея членовъ вступятъ въ управленіе дѣлами, то она, лишившись самыхъ выдающихся и самыхъ способныхъ изъ своихъ представителей, будетъ осуждена на безсиліе, такъ какъ она не могла бы похваляться тѣмъ, что стоитъ во главѣ дѣлъ, вслѣдствіе присутствія нѣсколькихъ членовъ въ кабинетѣ, причемъ направленіе политическое давалось бы новому кабинету Мингетти и его сочленами по правой. Лѣвая прекрасно поняла все это и приказала Депретису вести переговоры съ Мингетти единственно лишь въ качествѣ представителя лѣвой и вступить въ кабинетъ лишь подъ тѣмъ условіемъ, что лѣвая будетъ руководить политикой новаго министерства. Въ виду такихъ притязаній Мингетти прекратилъ свои переговоры съ Депретисомъ.

Такимъ образомъ, лѣвая, не взирая на паденіе дряхлаго министерства, осталась въ сторонѣ отъ управленія и должна была дожидаться болѣе удобнаго случая. Мингетти поневолѣ пришлось искать себѣ помощниковъ между членами правой и онъ рассчитывалъ, что во всякомъ случаѣ тѣ изъ его сочленовъ, которые вмѣстѣ съ нимъ вотировали противъ министерства Ланцы и Селлы, поспѣшатъ принять отъ него портфель. Мингетти отправился во Флоренцію. Одна фракція депутатовъ южныхъ провинцій и депутаты Тосканы были главными диссидентами въ средѣ правой, вызвавшими кризисъ. Мингетти обратился къ неаполитанскому депутату Пизанелли, который пользуется большимъ авторитетомъ въ южныхъ провинціяхъ, съ просьбой вступить въ министерство. Пизанелли на неоднократныя просьбы отвѣчалъ отказомъ. Мингетти просилъ во Флоренці Камбрэ Диньи принять портфель финансовъ, Перуджи — портфель внутреннихъ дѣлъ: оба флорентинца улыбались, благодарили... и отвѣтили отказомъ. Какіе мотивы руководили ихъ отказомъ? По всей вѣроятности они были недовольны тѣмъ, что Мингетти обратился прежде къ Депретису, чѣмъ къ нимъ. По всей вѣроятности даже они мало вѣрили

въ прочность министерства, которое, организовавшись при такихъ условіяхъ, имѣло бы, конечно, противъ себя всю лѣвую и значительное число депутатовъ правой, которые стояли за Ланцу съ Селлой. Кромѣ того Камбрэ Диньи долженъ былъ сообразить, что Селла въ свое четырехлѣтнее министерство ввелъ такую финансовую систему, что его преемнику ничего больше не оставалось, если только онъ не хотѣлъ поставить все вверхъ дномъ, какъ идти по стопамъ своего предшественника, въ противность собственнымъ принципамъ. Перуджи долженъ былъ сообразить, что онъ не могъ оставить въ данную минуту муниципалитетъ Флоренціи, котораго онъ былъ синдикомъ, безъ важныхъ неудобствъ; онъ вошелъ въ такіе долги, что оставивъ Флоренцію въ данную минуту, поставилъ бы своего преемника въ большое затрудненіе. Онъ охотно сказалъ бы, по примѣру Меттерниха, *après moi le déluge*, но не желалъ быть свидѣтелемъ потопа. Пусть погибаетъ Флоренція, но только тогда, когда его не станетъ. Пока же онъ живъ, всё должны превозносить его за то, что онъ сдѣлалъ изъ Флоренціи настоящій рай. Послѣ этого Мингетти не зналъ, что ему и дѣлать. Онъ, вызвавшій кризисъ, онъ, долженствовавшій образовать новый кабинетъ, получалъ отказы отъ всѣхъ, къ кому ни обращался. Тогда кризисъ вступилъ въ третій фазисъ своего развитія. Когда рушилась первая попытка войти въ соглашеніе съ Депретисомъ; когда рушилась вторая попытка привлечь въ министерство Перуджи, Мингетти, надѣясь привлечь хоть часть парламента на свою сторону, обратился къ нѣкоторымъ членамъ прежняго кабинета, съ просьбой удержать свой постъ, при посредствѣ того самаго Ланцы, низверженію котораго главнымъ образомъ содѣйствовалъ. Миролюбіе Ланцы дошло даже до того, что онъ лично упрашивалъ главнаго секретаря Селлы, депутата Беллацци, принять портфель финансовъ, тѣхъ самыхъ финансовъ, которые послужили поводомъ для Мингетти вызвать кризисъ, а главнаго секретаря министерства земледѣлія и торговли, депутата Луццати, принять портфель этого министерства. На этой почвѣ Мингетти встрѣтилъ новыя затрудненія; но въ концѣ-концовъ, послѣ неотступныхъ просьбъ, ему удалось удержать Скиалойю министромъ народнаго просвѣщенія, Рикотти — военнымъ министромъ, Висконти-Веноста — министромъ иностранныхъ дѣлъ. Чтобы удержать Скиалойю на его постѣ, достаточно было личнаго честолюбія этого министра; чтобы удержать Рикотти потребовалось вліяніе самого короля, который просилъ его продолжать свои реформы по арміи. Чтобы удержать Висконти-Веноста, кромѣ тѣсной дружбы, существующей между нимъ и Мингетти, повліяла еще необходимость продолжать иностранную политику въ томъ духѣ, въ какомъ она велась до сихъ поръ. У насъ

настойчиво говорятъ, что Висконти-Веноста составилъ оборонительный договоръ съ одной великой иностранной державой, имя которой вамъ легко будетъ угадать, на тотъ случай, если Италия будетъ вовлечена въ войну съ другой сосѣдной державой.

Нельзя также не предположить, что военныя реформы министра Рикотти находятся въ связи съ нѣкоторыми дипломатическими операціями министра Висконти-Веноста. Поэтому мы можемъ быть увѣрены, что новый кабинетъ станетъ продолжать иностранную политику предыдущаго кабинета. Но какое направленіе примутъ внутренняя политика и администрація? Мингетти удержалъ за собой портфель финансовъ, которыми онъ уже управлялъ въ 1862—63—64 годахъ къ великому ущербу для страны; портфель внутреннихъ дѣлъ онъ вручилъ графу Кантелли, хорошему администратору, энергическому человѣку, но который не знаетъ иной системы, кромѣ системы угнетенія. Объ остальныхъ портфеляхъ не стѣбитъ и говорить, потому что если ихъ обладатели и перемѣнились, то разумѣется къ худшему. Но, спрашивается: стѣбало ли вызывать кризисъ, чтобы достичь такого ничтожнаго результата? Вся заслуга Кантелли по части управленія внутренними дѣлами ограничится только тѣмъ, что онъ подавитъ всякія революціонныя попытки, въ случаѣ если бы таковыя проявились; но такъ какъ подобной опасности не существуетъ въ настоящую минуту, то абсолютизмъ министра внутреннихъ дѣлъ является совсѣмъ ненужной роскошью. Что касается Мингетти, то въ дѣлѣ финансовъ онъ совершенная противоположность Селла, хотя и согласился, единственно изъ честолюбія, принять въ свой кабинетъ представителя системы Селлы, противъ которой онъ боролся и ради которой вызвалъ кризисъ. Селла былъ безжалостнымъ хирургомъ; онъ не заблуждался на счетъ состоянія итальянскихъ финансовъ и никого не желалъ ввести въ заблужденіе. Вступивъ въ управленіе, онъ ввелъ строжайшую экономію, новые налоги и болѣе быстрый и вѣрный способъ ихъ взиманія. Я уже говорилъ, что агенты его черезчуръ усердствовали, приводя въ исполненіе волю министра, и возбудили въ Италиіи крайнее неудовольствіе; но въ сущности Селла шелъ къ тому, чтобы уравновѣсить нашъ приходъ и расходъ, и благодаря такому результату итальянская рента стояла очень высоко при министрѣ Селлѣ. Мингетти же поэтъ, оптимистъ. У него обширныя теоретическія познанія по части политической экономіи; онъ хорошо пишетъ, говоритъ; писанія его и рѣчи ласкаютъ слухъ; ему все представляется въ розовомъ цвѣтѣ. Будучи министромъ финансовъ онъ сдѣлалъ разорительный заемъ, который разстроилъ итальянскіе финансы; онъ обѣщавъ привести въ равновѣсіе приходъ съ расходомъ въ теченіи двухъ лѣтъ, но не только не выполнилъ этого обѣщанія, а такъ плохо

распоряжался финансами, такъ размоталъ общественныя деньги, что отяготилъ итальянскій бюджетъ новымъ, громаднымъ дефицитомъ. Будетъ ли онъ и теперь держаться той же системы? Или же станетъ осмотрительнѣе и осторожнѣе? Будемъ надѣяться на послѣднее. Но пока никакъ не можемъ взять въ толкъ мотивы, по которымъ въ такой несвоевременный моментъ онъ низвергъ министерство, политическіе принципы и административныя мѣры котораго заимствуетъ по всей вѣроятности. Подобный кризисъ создаетъ настоящую пертурбацію въ нашихъ конституціонныхъ порядкахъ. Понятно, что умѣренная партія и партія прогрессивная могутъ вступать въ борьбу между собой и стремиться стать во главѣ управленія, чтобы вызвать торжество своихъ принциповъ; но непонятно, чтобы одна группа правой возставала противъ другой группы, и чтобы онѣ разбивали свои силы, если разъ стоятъ во главѣ управленія. При такихъ обстоятельствахъ невозможно организовать большинства, а безъ большинства невозможно управлять при конституціонныхъ порядкахъ. Мингетти вступилъ въ управленіе въ концѣ парламентской сессіи; пока будутъ длиться парламентскіе каникулы кабинетъ его просуществуетъ; но не надо быть пророкомъ, чтобы предсказать, что когда парламентъ соберется вновь, то при первомъ серьезномъ столкновеніи кабинетъ Мингетти, втянутый въ борьбу, проиграетъ ее, потому что противъ него выскажется та часть правой, которая осталась вѣрна Ланцѣ и Селлѣ и вся лѣвая. Въ такомъ случаѣ для того, чтобы создать умѣренное парламентское большинство и реорганизовать конституціонныя партіи, потребуется вступленіе лѣвой въ управленіе дѣлами: можно заранѣе предвидѣть, что въ борьбѣ съ лѣвой вся правая сольется въ одну оппозиціонную партію, фракціи ступаются и явится дружное большинство, единодушное въ проведеніи тѣхъ принциповъ, которые депутаты правой съ нѣкоторымъ противорѣчіемъ желаютъ окрестить консервативными и прогрессивными. Въ настоящую минуту въ средѣ правой заключаются самыя разнообразныя настроенія; пробиваются наружу подозрѣнія, честолюбія, ревность. Одна побѣдоносная кампанія, совершенная правой противъ лѣвой, можетъ внести миръ и единодушіе въ разстроенныя ряды нашей правой.

Смерть Ратацци привлекла вниманіе парламента на заслуги этого политическаго дѣятеля: выяснилось, какъ онъ своимъ авторитетомъ, своей ловкостью и дѣятельностью сумѣлъ организовать парламентскую лѣвую, и превратить фракціи недовольныхъ оппозиціонистовъ *quasi tème* въ правильную политическую партію, которая со дня на день можетъ сдѣлаться правительственной партией. Пока Ратацци не предпринялъ дисциплинировать лѣвую, въ ея средѣ существовали

лишь личныя мнѣнія, совершенно противорѣчивыя; ей недоставало настоящей политической программы, которая свидѣтельствовала бы объ ея правительственныхъ дарованіяхъ. Подъ руководствомъ Ратацци самые способные изъ членовъ лѣвой стали отставать отъ риторическихъ рѣчей, пустыхъ декламацийъ противъ злоупотребленій правительства, и вмѣсто этого занялись практическими вопросами и на этой почвѣ доказывать заблужденія правительственной партіи и бороться противъ нихъ. Такимъ образомъ, лѣвая представляетъ извѣстный строй политическихъ идей, придающихъ ей опредѣленный характеръ и позволяющихъ надѣяться, что будучи призванной къ управленію дѣлами она будетъ держаться извѣстной нормы, и помощью ея регулировать свои поступки. Если бы Ратацци не оказывалъ другихъ заслугъ отечеству, то этой одной было бы достаточно, чтобы благословлять его память. Но, кромѣ того, онъ заслуживаетъ нашу благодарность за могучее содѣйствіе, оказанное имъ постепенному развитію нашей конституціи, за либеральныя идеи, внесенныя имъ въ управленіе, за свою горячую вѣру въ національное возрожденіе, которому онъ дѣятельно содѣйствовалъ и какъ депутатъ, и какъ министръ. Поэтому понятны почести, оказанныя ему въ Италіи, не смотря на то, что онъ умеръ нѣсколько дней спустя послѣ того, какъ Италія лишилась самаго знаменитаго, несравненнаго гениа своего — Манцони.

D. G.

НОВѢЙШАЯ ЛИТЕРАТУРА.

АНГЛІЙСКІЙ РАБОЧІЙ.

De la situation des ouvriers en Angleterre. Mémoire présenté à la commission d'enquête sur les conditions du travail par M. le Comte de Paris. (О положеніи рабочихъ въ Англіи. Мемуаръ, представленный графомъ Парижскимъ комиссіи, назначенной для изученія условій труда). Paris, Michel Lévy frères, 1878.

Положеніе рабочихъ въ Англіи, какъ предметъ науки и опыта общественной жизни, представляетъ значительный интересъ не для англичанъ только, но для всѣхъ, чья любознательность ищетъ себѣ пищу въ экономическихъ и политическихъ движеніяхъ и вопросахъ современной Европы. Съ 20-хъ годовъ, но особенно съ 40-хъ положеніе рабочихъ въ Англіи стало вопросомъ жизни и смерти для мно-

гихъ экономическихъ теорій въ примѣненіи ихъ къ политической дѣятельности. Рабочее движеніе въ Англіи стало краеугольнымъ камнемъ для многихъ предположеній самаго фантастическаго свойства. Одни увѣряли, что это движеніе должно неминуемо придти къ революціонной катастрофѣ, которая разсѣе измѣнитъ весь строй старой, отжившей, *буржуазной* Англіи. Другіе, напротивъ, старались доказать, что агитація, происходившая въ Англіи, должна быть подавлена и уничтожена, такъ какъ она шла будто бы противъ непоколебимаго закона опредѣленія заработной платы посредствомъ спроса и предложенія, и потому ни къ чему путному привести не могла. Но Англія не впала въ революціонную горячку и не только не испугалась рабочаго движенія, но мало-по-малу вводила его въ предѣлы своей политической свободы: она доказала, что экономическая свобода не только не мѣшаетъ политической свободѣ, но что, напротивъ, обѣ онѣ другъ друга дополняютъ и другъ друга обуславливаютъ. Алармисты утверждали, что Англія страна вполне буржуазная и что, поэтому, рабочіе не получаютъ отъ парламента никакихъ правъ и никакихъ льготъ: ни политическихъ, ни образовательныхъ, ни матеріальныхъ. Но это мнѣніе основывалось, въ дѣйствительности, не на серьезномъ изученіи положенія рабочихъ въ Англіи и ея политическаго строя, а на такихъ же крайнихъ заявленіяхъ буржуазной партіи, которая, ссылаясь на знаменитое правило тогдашней экономической школы: „*laissez passer, laissez faire*“, знать не хотѣла ни о какихъ уступкахъ въ пользу рабочихъ людей. Между тѣмъ, благодаря той политической свободѣ, которою пользовались въ Англіи всѣ граждане, и рабочіе въ томъ числѣ, рабочее движеніе обратило на себя вниманіе всего общества и возбудило къ нему мало-по-малу столь сильный интересъ, что и частные люди и самъ парламентъ принялись за серьезное изученіе всѣхъ фактовъ, касающихся такъ или иначе положенія рабочихъ людей. Изученіе шло успѣшно, и результаты его видны въ важныхъ парламентскихъ работахъ и новыхъ законахъ, въ силу которыхъ рабочіе люди стали въ настоящее время почти полноправными гражданами и въ значительной мѣрѣ обезпечили за своими будущими поколѣніями всѣ блага образованія. Нѣтъ никакого сомнѣнія, что тѣ пріобрѣтенія, которыя уже сдѣланы, достались не даромъ, стоили много усилій и многихъ лишеній, но тѣмъ не менѣе они достигнуты путемъ мирной политической агитаціи, безъ всякихъ политическихъ переворотовъ — не кровопролитными стычками разъяренныхъ партій, за которыми неминуемо воцаряется диктатура, но общою болѣе или менѣе согласною дѣятельностью всѣхъ классовъ и всѣхъ партій въ обществѣ, съ справедливымъ охраненіемъ интересовъ каждой изъ нихъ. Цивилизація, такимъ об-

разомъ, развивалась постоянно впередъ, спокойно, и въ умахъ гражданъ не угасала надежда на лучшее будущее, на возможность болѣе или менѣе прочно устроить свои дѣла, а такая надежда, какъ известно, имѣеть громадное вліяніе на дѣятельность страны, на расширение, быстроту и плодovitость этой дѣятельности.

Всѣ ложныя представленія о политической и экономической жизни Англіи поддерживались долгое время тѣмъ, что у ярыхъ экономическихъ полемизаторовъ не было въ рукахъ достовѣрныхъ фактовъ общей соціальной жизни британскаго королевства, и что, съ другой стороны, разные отдѣльные факты и контрасты нищеты и роскоши, не повѣренные научною критикою, но озаренные всѣми свойствами для воздѣйствія на фантазію и страсти, служили полемизаторамъ удобнымъ орудіемъ для доказательства своихъ незрѣлыхъ измышлений, то чисто эгоистическаго свойства, то крайне сантиментальныхъ. Только съ тѣхъ поръ, какъ парламентскія коммиссіи собрали цѣлыя десятки томовъ всевозможныхъ свѣдѣній о положеніи рабочихъ людей въ Англіи, объ отношеніи рабочихъ въ капиталистамъ, о вліяніи разныхъ законодательныхъ мѣръ и соціальныхъ вліяній на бытъ рабочихъ классовъ, — только съ этихъ поръ и въ самой Англіи, и въ Европѣ стали появляться болѣе или менѣе здравые взгляды на умственную и матеріальную жизнь англійскихъ рабочихъ, и вмѣстѣ съ тѣмъ на экономическое значеніе политической свободы. Къ сожалѣнію, надо признаться, что надлежащую оцѣнку парламентскихъ рабочихъ сдѣлали пока лишь сами англичане; въ остальной Европѣ мы встрѣчаемъ и теперь широко распространенное невѣжество относительно нравственной и матеріальной силы рабочихъ въ Англіи. Графъ Парижскій не принадлежитъ въ числу распространителей этого невѣжества, и потому въ его новой книгѣ нельзя не отнестись съ полнымъ сочувствіемъ, хотя она упустила изъ виду одно изъ важнѣйшихъ англійскихъ учрежденій, имѣвшихъ огромное вліяніе на развитіе характера трудящихся классовъ въ Англіи — на приказъ общественнаго призрѣнія (Poor-Law Board), главная цѣль котораго заключается въ непосредственной борьбѣ съ нищетою.

Книга графа Парижскаго не представляетъ никакихъ прочно установленныхъ выводовъ, — она излагаетъ свой предметъ не догматически, безъ всякихъ заднихъ цѣлей, безъ преднамѣреннаго желанія поддержать то или другое экономическое ученіе. Это въ полномъ смыслѣ „мемуаръ“, записка; — это сводъ фактовъ, касающихся всѣхъ сторонъ рабочаго быта въ Англіи, и потому способныхъ служить читателю отвѣтомъ на всѣ вопросы, возникающіе при обсужденіи рабочаго движенія. Графъ дѣлитъ свою книгу на три отдѣла. Въ

первомъ изъ нихъ онъ излагаетъ разныя свѣдѣнія о заработной платѣ; въ этихъ свѣдѣніяхъ онъ видитъ — и совершенно справедливо — „основу всѣхъ вопросовъ, возбуждающихъ столь опасныя столкновения въ промышленности“. Во второмъ отдѣлѣ авторъ перечисляетъ разные способы, употребляемые частнымъ починомъ для улучшения быта рабочихъ людей; — къ этимъ способамъ графъ причисляетъ не только усилія высшихъ классовъ, богатыхъ и образованныхъ, но и усилія самихъ рабочихъ, личныя и ассоціаціонныя. Въ третьемъ отдѣлѣ описываются усилія парламента въ томъ же дѣлѣ, вмѣшательство законодательной власти въ видахъ охраненія интересовъ рабочихъ людей.

Между многими экономическими положеніями, самыя важныя изъ нихъ побиваются весьма рѣшительно фактами у графа Парижскаго, какъ напримѣръ: вредность замѣны ручного труда машиннымъ, опасность и бесполезность допущенія рабочихъ стачекъ и рабочихъ союзовъ, имѣющихъ цѣлью борьбу труда съ капиталомъ, несостоятельность государственной власти въ дѣлѣ охраненія интересовъ рабочихъ людей и ея вмѣшательства въ организацію фабричныхъ работъ, и т. п.

Въ нашей статьѣ мы не можемъ съ достаточною подробностью доказать несправедливость всѣхъ этихъ предрассудковъ разныхъ экономическихъ школъ, но за то мы постараемся дать по крайней мѣрѣ главныя, наиболѣе поразительныя факты въ опроверженіе хотя нѣкоторыхъ теорій, которыя старались основать свою достовѣрность на положеніи рабочихъ людей въ Англіи.

Англія, какъ извѣстно, начала примѣнять машины къ промышленному дѣлу съ конца прошлаго столѣтія, и въ ней именно это примѣненіе состоялось въ самыхъ обширныхъ размѣрахъ; въ настоящее время британская промышленность приняла почти исключительно машинный характеръ. Вопросъ о вліяніи машинъ на положеніе рабочихъ былъ поднятъ также давно, какъ само примѣненіе машинъ къ разнымъ отраслямъ мануфактуры. Имѣя въ виду тотъ выводъ экономической науки, что заработная плата опредѣляется спросомъ на трудъ и его предложениемъ, и тотъ очевидный фактъ, что введеніе машины уменьшаетъ спросъ на трудъ, близорукіе друзья рабочаго класса сразу провозгласили, что введеніе машинъ должно необходимо уменьшить заработную плату и послужить, при наиболѣе сильномъ развитіи машиннаго приспособленія, исключительно однимъ интересамъ капиталистовъ, еще сильнѣе стянувъ узы матеріальнаго рабства, въ которыхъ находились рабочіе до введенія машинъ. Въ доказательство вѣрности своей теоріи, противники машинъ рассказывали массу фактовъ, по которымъ можно было судить о возмож-

ности цѣлаго ряда злоупотребленій при машинной организаціи промышленности: злоупотребленій гигиеническаго и экономическаго свойствъ; они утверждали, сверхъ того, что положеніе рабочаго класса въ Англіи ухудшилось со времени введенія машинъ, и постоянно ухудшается, между тѣмъ, какъ зажиточные классы богатыютъ все сильнѣе, причежъ рознь между бѣдными и богатыми классами видѣется въ странѣ все глубже и глубже.

Нѣтъ никакого сомнѣнія, что машина, вступая въ соперничество съ ручнымъ трудомъ, дѣйствительно создавала сначала тамъ-и-сямъ временныя замѣшательства между рабочими, но эти замѣшательства происходили вовсе не такъ быстро, чтобы они могли производить *постоянное* ухудшеніе въ бытѣ рабочихъ; а съ другой стороны, англійское законодательство скоро вмѣшалось въ организацію фабричнаго труда, чтобы устранить изъ него всѣ тѣ вліянія, которыя могли вредно отзываться на гигиеническомъ и умственномъ развитіи рабочихъ, нисколько не касаясь одного: экономической борьбы труда съ капиталомъ и, напротивъ, давъ самое широкое примѣненіе свободы къ этой борьбѣ. Благодаря этому обстоятельству, вся агитація рабочаго движенія осталась въ предѣлахъ чисто экономической борьбы, принимая лишь изрѣдка легкой политической отгѣнокъ. Законодательство потребовало отъ фабрикантовъ хорошаго гигиеническаго содержанія мастерскихъ, сокращенія дневнаго труда до 10-ти часовъ, ограниченія женскаго и дѣтскаго труда въ нѣкоторыхъ вредныхъ, для женскаго пола и дѣтскаго возраста, промыслахъ, и недопущенія женщинъ и дѣтей къ ночнымъ работамъ; оно понудило фабрикантовъ учредить школы для дѣтей-работниковъ, ежедневный трудъ которыхъ былъ ограниченъ шестью часами. Но этого мало; государственная власть вмѣшалась даже въ столь непосредственныя отношенія между капиталистами и рабочими, какъ плата заработныхъ денегъ и назначала строгія наказанія за такъ-называемую *truck-system*, то-есть за понужденіе рабочихъ брать за свой трудъ вмѣсто денегъ какіе-либо товары, фабрикуемые или продаваемые нанимателями. Рабочимъ дозволено было составлять между собою всевозможные союзы какъ для улучшенія своего быта путемъ какихъ-либо торговыхъ, промышленныхъ или кредитныхъ операцій, такъ и для прямой борьбы съ капиталистами путемъ конкурентнаго побужденія ихъ къ повышенію уровня заработной платы или къ улучшенію организаціи той или другой части мастерской, или отношеній между разными разрядами рабочихъ, работающихъ на одной и той же фабрикѣ. Наконецъ, государство, въ лицѣ своего собственнаго учрежденія: „приказа общественнаго призрѣнія“ (*Poor-law Board*), понуждало всѣхъ людей, имѣвшихъ извѣстную собственность, платить особый налогъ въ пользу

бѣдныхъ или, другими словами, содержать на свои средства всѣхъ бѣдныхъ своего района, всѣхъ рабочихъ, случайно брошенныхъ на произволъ судьбы въ моментъ промышленнаго кризиса. Само собою разумѣется, что приказъ общественнаго призрѣнія долженъ быть въ своихъ заботахъ установить строгія правила для отличенія лѣтчиковъ и бродягъ отъ рабочихъ трудолюбивыхъ и осѣдлыхъ, и есть много фактовъ въ его практикѣ, изъ которыхъ видно, что онъ обижалъ честныхъ труженниковъ и мямлюлъ негодныхъ, занимавшихся нищенствомъ какъ ремесломъ, но тѣмъ не менѣе это учрежденіе постоянно напоминало, съ одной стороны, рабочимъ о заботливости государства относительно ихъ матеріальнаго существованія, а съ другой—всѣмъ собственникамъ о необходимости содержать своихъ нищихъ, то-есть, бороться съ нищетою вообще, со всѣми ея причинами.

Пользуясь всѣми этими благами государственнаго вниманія, и приобрѣвъ, наконецъ, добрую долю политической силы въ представительномъ собраніи всей страны, рабочій самъ понялъ, что борьба за улучшеніе его быта въ экономическомъ отношеніи должна быть чисто экономическая, и вотъ онъ создалъ свои двѣ тысячи „Unions“ съ нѣсколькими милліонами членовъ, съ десятками милліоновъ шиллинговъ, которые со временемъ, когда прекратятся несправедливыя попытки фабрикантовъ къ искусственному пониженію заработной платы, могутъ быстро превратиться въ то же число производительныхъ ассоціацій (это предсказываетъ также графъ Парижскій). Англійскій рабочій понялъ уже давно, что политическія учрежденія сами по себѣ, какъ бы совершенны они ни были, не могутъ обезпечить за народомъ полное его благосостояніе, если сами угнетенные, пользуясь политическою свободою, не умѣютъ постоять за себя; они поняли, что такая свобода необходима для всѣхъ классовъ, что она одна обезпечиваетъ нравственный порядокъ въ обществѣ, безъ котораго немислимо ни развитіе общества вообще, ни промышленности въ особенности, и что вопросъ о болѣе равномерномъ распредѣленіи благъ земныхъ между отдѣльными классами не можетъ быть разрѣшенъ иначе, какъ при помощи политической свободы и политическаго почина всѣхъ членовъ общества, а не одного какого-либо класса или союза нѣсколькихъ классовъ противъ всѣхъ остальныхъ. Не будь этой увѣренности въ рабочемъ классѣ, и Англія представляла бы намъ ту же арену кровопролитныхъ столкновеній и сословныхъ стѣсненій, какую мы видимъ еще теперь почти во всѣхъ странахъ Европы. И англійскій рабочій не напрасно питалъ такую увѣренность въ свои собственныя силы и въ политическія учрежденія своей страны, такъ какъ матеріальный бытъ его, хотя медленно, но постоянно улучшался, и такъ какъ въ то же время росло и усили-

важилось политическое вліяніе всего рабочаго сословія. Правда, и въ настоящее время въ спискахъ приказа общественнаго призрѣнія числятся тотъ же миллионъ несчастныхъ, нуждающихся въ общественной помощи, какой числился тамъ лѣтъ 40 — 50 тому назадъ, но *относительная* цифра нищеты стала гораздо меньше, такъ какъ съ тѣхъ поръ населеніе британскаго королевства увеличилось на цѣлую половину: если въ тотъ историческій періодъ одинъ призрѣваемый приходился на каждыя 20 душъ населенія, то теперь онъ приходится лишь на 30 душъ. Нищета все еще существуетъ, и она громадна, но тѣмъ не менѣе она становится слабѣе, она уменьшается, и это уменьшеніе указываетъ во всякомъ случаѣ, что страна движется впередъ по вѣрной дорогѣ.

Заработная плата, взятая въ среднихъ числахъ, стоитъ въ Соединенномъ Королевствѣ выше, чѣмъ въ остальной Европѣ. По вычислениямъ извѣстнаго экономиста Леоне Леви, средняя цифра ея представляется въ слѣдующемъ видѣ для:

	Мужчинъ.	Мальчикъ.	Женщинъ.	Дѣвочекъ.
въ Англіи	28,12 фр.	8,12	15,62	10,62
„ Шотландіи . . .	25,62	9,57	13,12	10,21
„ Ирландіи. . . .	17,91	7,81	12,18	9,17
„ Соединенномъ Королевствѣ вообще. . .	23,75	9,06	13,75	9,80

Но заработная плата, выраженная лишь въ цифрахъ, какою бы крупною ни казалась, можетъ имѣть вмѣстѣ съ тѣмъ лишь весьма незначительную покупательную силу. Поэтому, для опредѣленія ея дѣйствительной цѣнности для рабочихъ, весьма важно знать много ли можно купить на нее вещей первой потребности въ жизни. Графъ Парижскій увѣряетъ, что ежегодная заработная плата въ 1,250 по 1,750 франковъ „можетъ обезпечивать за семьей рабочаго человѣка въ Англіи существованіе если не вполне удовлетворительное (*aisée*), то по крайней мѣрѣ довольно далекое отъ нищеты“. Цифры мелкихъ вкладовъ (менѣе 125 франковъ) въ сберегательныхъ кассахъ, въ почтовыхъ конторахъ и обществахъ взаимнаго вспоможенія доказываютъ весьма положительно, что большинство рабочихъ пользуется такимъ достаткомъ, что дозволяютъ себѣ сберегать лишнюю копѣйку на черный день: въ сберегательныхъ кассахъ мелкихъ вкладовъ сравнительно немного: 520,015, въ почтовыхъ конторахъ ихъ уже насчитываютъ до 1.592,344, а въ обществахъ взаимнаго вспоможенія было въ 1867 году болѣе 3 миллионъ членовъ; общая цифра вкладовъ всѣхъ этихъ бережливыхъ рабочихъ простирается до полумиллиарда франковъ. А какія суммы еще потребляются рабо-

чими для поддержки ихъ trade-unions! Сколько истрачиваютъ они, въ сожалѣнiю, на наслажденiе спиртными напитками, которое, какъ мы узнаемъ изъ книгъ графа Парижскаго, сильно распространилось въ послѣднiе годы!..

Общая цифра всѣхъ мелкихъ владѣвъ простирается, какъ мы видѣли, за пять миллионовъ, а такъ какъ всѣхъ рабочихъ семействъ въ Англии, считая по 4 человѣка на семью, тоже не болѣе пяти миллионовъ, то ясно, что почти всѣ они имѣютъ возможность отлагать изъ своей заработной платы кое-что на черный день. Нѣтъ никакого сомнѣнiя, что нѣкоторые рабочiе имѣютъ по нѣсколько владѣвъ, но во всякомъ случаѣ можно предположить, что по крайней мѣрѣ половина всѣхъ рабочихъ семействъ живетъ съ нѣкоторымъ комфортомъ. Французскiй рабочiй Надó (Nadaud), жившiй долгое время среди лондонскихъ рабочихъ, опредѣляетъ, что отдѣльный рабочiй, живя экономно, можетъ сократить въ Лондонѣ свои ежегодные расходы до 868 франковъ, и что бюджетъ семьи, состоящей изъ родителей и четырехъ маленькихъ дѣтей, доходитъ среднимъ числомъ до 2,144 фр. въ доходныхъ статьяхъ и только до 2,049 въ расходныхъ. А жизнь въ Лондонѣ дороже, чѣмъ во всей остальной Англии.

Чтобы еще яснѣе представить отношенiе между заработною платою и цѣнами жизненныхъ средствъ, графъ Парижскiй, пользуясь трудомъ Леоне Леви, входитъ въ нѣкоторыя подробности касательно пищи, жилища, одежды, гигиены, наслажденiй и образовательныхъ средствъ англiйскихъ рабочихъ. Относительно одежды нашъ авторъ находитъ значительное улучшенiе, благодаря сильному удешевленiю тканей и машинному приготовленiю платья. Медицинскiя пособiя, наслажденiя и образование въ разныхъ семьяхъ различны, смотря по величинѣ заработной платы и умственному развитiю родителей. Наемная плата за квартиру, отопленiе и освѣщенiе жилищъ значительно повысились въ цѣнѣ лишь въ самое послѣднее время, особенно цѣна на уголь. Что касается до наемной платы, повышение ея отозвалось обременительно лишь въ Лондонѣ; въ другихъ мѣстахъ это повышение сопровождалось значительнымъ улучшенiемъ жилищъ въ гигиеническомъ отношенiи. Большинство семействъ англiйскихъ рабочихъ платитъ за квартиру менѣе 175 фр. ежегодно, но подобныя квартиры „далеко не доставляютъ всѣхъ условiй, необходимыхъ для здоровья и благосостоянiя ихъ обитателей;—это очень важное препятствiе для физическаго развитiя и нравственнаго улучшенiя семьи“. Относительно пищи бытъ англiйскихъ рабочихъ устроенъ лучше. Взрослый сельскiй рабочiй, получающiй сравнительно меньшую заработную плату, тратитъ еженедѣльно на свое прокормленiе въ Ан-

глин—3,74 фр., въ Уэльсѣ:—4,32 фр., въ Шотландіи:—4,08 фр., въ Ирландіи—2,27 фр. Но самые предметы пищи неодинаковы въ разныхъ частяхъ королевства; судя по потребленію мяса, Англія занимаетъ первое мѣсто: только одинъ процентъ ея рабочихъ не пользуется вовсе этимъ родомъ пищи,—въ Уэльсѣ 84 процента ѣдятъ мясо, въ Шотландіи 72, въ Ирландіи не болѣе 59. Въ 1865 году, каждый англичанинъ въ королевствѣ потреблялъ по 3 фунта и 4 унціи чаю и по 36 фунтовъ сахару. Хлѣбъ и мясо составляютъ основу питанія английскихъ рабочихъ; но тѣ изъ нихъ, которые получаютъ высшія платы, какъ напримѣръ, рабочіе въ рудникахъ и желѣзодѣлательныхъ заводахъ, а также по строительному искусству, живутъ гораздо шире и нерѣдко съ нѣкоторою изысканностью. Многіе собственники угольныхъ копей рассказывали графу Парижскому, что разные „первинки“ появляются на столѣ иного рабочаго прежде, чѣмъ на столѣ хозяина. Но самый главный фактъ тотъ, что по таблицѣ Леви (стр. 91), опредѣляющей цѣны на мясо, хлѣбъ, муку, масло, сыръ, пиво, свѣчи, уголь, сахаръ и чай, съ 1740 года по 1865, ясно видно, что жизнь становилась дороже лишь до окончанія войнъ начала нынѣшняго столѣтія, и что потомъ она стала дешевле, благодаря великимъ реформамъ въ таможенномъ тарифѣ; цѣна на уголь стала возрастать лишь въ самое послѣднее время, послѣ 1865 года.

Даже общая система налоговъ въ Англіи принаровлена такъ, чтобы бѣдные рабочіе классы платили гораздо меньше богатыхъ. Слѣдующая таблица очень хорошо опредѣляетъ процентъ податного бремени, лежащаго на английскихъ рабочихъ:

Предметы обложенія.	Вся сумма налога.	Средняя цифра на каждаго рабочаго.
Чай	25,000,000 франковъ.	1 фр. 15
Сахаръ	50,000,000 „	2 „ 30
Хлѣбъ и другіе ввозные продукты	18,750,000 „	0 „ 77
Спиртные напитки и пиво .	350,000,000 „	16 „ 25
Табакъ	50,000,000 „	2 „ 30
Патенты	18,750,000 „	0 „ 77
Штемпельная пошлина . . .	12,500,000 „	0 „ 63
Мѣстные налоги	75,000,000 „	3 „ 33
Итого	600,000,000 франковъ.	27 фр. 50

Спиртные напитки и пиво составляютъ въ этихъ 27½ франкахъ общаго налога, лежащаго на каждомъ рабочемъ въ Англіи, почти три-пятыхъ всей суммы. Такимъ образомъ, членъ общества трезво-

сти, который не пьетъ спиртныхъ напитковъ и не куритъ табаку, платитъ на общія потребности государства не болѣе 9-ти франковъ въ годъ, между тѣмъ какъ средняя цифра налога, падающаго на богатые классы въ Англіи, простирается до 150-ти франковъ на каждую душу. Рабочіе вовсе не участвуютъ ни въ подоходномъ налогѣ, ни въ поземельныхъ податяхъ.

Всѣ факты, касающіеся матеріальнаго быта англійскихъ рабочихъ, если сравнить ихъ съ фактами изъ рабочей жизни въ другихъ странахъ, говорятъ самымъ рѣшительнымъ образомъ въ пользу британскаго законодательства, и потому нѣтъ ничего удивительнаго въ томъ, что изъ всѣхъ европейскихъ государствъ только въ одной Англіи рабочее движеніе не направляетъ своихъ ударовъ въ политическую систему страны. Въ Англіи же, болѣе чѣмъ гдѣ бы то ни было, стараются о распространеніи солиднаго образованія среди народныхъ массъ путемъ полной свободы печатнаго и устнаго слова и посредствомъ такихъ шеоль, программа которыхъ не ограничивается распространеніемъ одной грамотности. Новый законъ (1870-го года) о первоначальномъ образованіи простираетъ уже свои виды, а особенно въ большихъ городахъ, на обязательность обученія всѣхъ дѣтей основнымъ началамъ всякаго серьезнаго знанія. Вообще говоря, англійскій рабочий поставленъ въ положеніе несравненно лучшее того, въ какомъ находятся рабочіе другихъ странъ Европы: сравнительно съ ними онъ получаетъ высшую заработную плату, платитъ меньшую сумму налоговъ, пользуется бѣльшимъ равенствомъ передъ закономъ страны, обладаетъ серьезною силою въ политическихъ дѣлахъ, и за его дѣтьми обезпечены право и возможность на приобрѣтеніе полезныхъ знаній.

Всякій разъ, когда защитникамъ рабочихъ въ другихъ странахъ приходится доказывать необходимость улучшить бытъ рабочихъ людей, они всегда ссылаются на Англію и ставятъ въ образецъ своихъ требованій по крайней мѣрѣ то, чѣмъ уже пользуются рабочіе въ Англіи. Противники ихъ, не имѣя чѣмъ опровергнуть вышеприведенные историческіе и экономическіе факты, о которыхъ мы уже говорили, стараются пугать будущимъ Англіи и, пользуясь нѣкоторыми экономическими предразсудками партіи капиталистовъ, утверждаютъ, что повышеніе заработной платы на англійскихъ рынкахъ должно въ концѣ-концовъ оказать на тамошнихъ капиталистовъ столь подавляющее вліяніе, что они наконецъ бросятъ свое отечество и пойдутъ искать высшей прибыли въ другихъ странахъ, гдѣ рабочіе поставлены въ болѣе невыгодныя условія относительно своей борьбы съ капиталистами. Но при болѣе глубокомъ изученіи этого вопроса, англійскій капиталистъ и инженеръ Брэсси (Brassey) убѣ-

дился прямо въ противоположномъ: въ особомъ сочиненіи онъ доказываетъ, съ массою фактовъ въ рукахъ, что если Англія до сихъ поръ могла выдерживать промышленное соперничество на всѣхъ рынкахъ, то лишь благодаря физической силѣ и ремесленной ловкости своего рабочаго. Англійскій рабочій получаетъ больше рабочаго въ другихъ государствахъ Европы, онъ живетъ и питается лучше ихъ, онъ работаетъ ежедневно въ продолженіи меньшаго, чѣмъ они, числа часовъ, но сумма продуктовъ, которую онъ приготовляетъ въ данную единицу времени, настолько превосходитъ вырабатываемое другими рабочими въ Европѣ, что въ окончательномъ результатѣ оказывается, что наниматель англійскихъ рабочихъ получаетъ болѣе большой процентъ на свой капиталъ, чѣмъ наниматель другихъ европейскихъ рабочихъ, хотя послѣдніе получаютъ меньшую заработную плату и работаютъ ежедневно въ продолженіи болѣе большого числа часовъ. Даже въ самой Англіи Бресси замѣтилъ, что одно повышение заработной платы можетъ увеличить производительность труда; его замѣчательная таблица желѣзнодорожныхъ работъ ставитъ своими цифрами такую параллельность внѣ всякаго сомнѣнія:

	Годы:	1843.	1846.	1849.	1851.	1855.	1857.	1860.	1863.	1866.	1869.
		фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.	фр.
Средняя заработная плата въ недѣлю...		23,62	34,87	26,25	23,00	27,75	26,00	25,12	27,00	29,37	27,87
Цѣна кубическаго арда кирпичной стѣны...		2,81	4,68	3,43	3,12	3,12	2,91	3,12	3,12	3,33	3,12
Цѣна кубическаго арда земляныхъ работъ .		0,46	0,78	0,52	0,41	0,57	0,54	0,52	0,57	0,60	0,57

Бресси участвовалъ въ построеніи желѣзныхъ дорогъ не только въ Англіи, но почти во всѣхъ государствахъ Европы, и вездѣ онъ находилъ ту же параллель между уровнемъ заработной платы и производительностью труда. Въ Англіи поденщикамъ на желѣзныхъ дорогахъ онъ платилъ по 4 фр. 37 с., а въ Ирландіи по 2,07; между тѣмъ постройка дороги въ Ирландіи обходилась всегда дороже, чѣмъ въ Англіи. На желѣзной дорогѣ въ Руанѣ, во Франціи, англійскій землекопъ получалъ по 6,87 фр. въ день, а французскій только 3,12, и между тѣмъ первый найденъ болѣе выгоднымъ, чѣмъ послѣдній. Въ Канадѣ англійскій рабочій, получавшій по 7,50 фр. въ день, былъ выгоднѣе канадца, получавшаго по 4,37. То же самое было въ Остѣ-Индіи, Италіи, Румыніи и на островѣ св. Маврикія. Такіе же факты Бресси собралъ въ другихъ производствахъ: въ каменноугольныхъ копанияхъ, на ткацкихъ фабрикахъ, въ морскомъ судоходствѣ и желѣзномъ производствѣ: въ книгѣ графа Парижскаго они представлены въ большомъ числѣ.

Вообще говоря, графъ представилъ въ своемъ мемуарѣ столько данныхъ о всѣхъ вопросахъ, которыхъ онъ касается, что о каждомъ изъ нихъ можно составить довольно хорошее понятіе.

Russian Folk-tales, by W. R. S. Ralston. London, 1879. Русскія народныя сказки, В. Ролстона.

Подъ этимъ заглавіемъ вышло въ свѣтъ новое сочиненіе г. Ролстона, служащее продолженіемъ его „Пѣсенъ Русскаго народа“. По плану автора, за сказками должны послѣдовать былины, такъ что съ появленіемъ третьяго тома европейская публика получитъ возможность ознакомиться съ главными произведеніями русской народной литературы.

Появленіе „сказокъ“ было встрѣчено сочувственно англійскими журналами и возбудило всеобщій интересъ. Поэтическая сторона нашихъ сказокъ высказалась ясно въ мастерскихъ переводахъ г. Ролстона и оцѣнена по достоинству. Намъ, русскимъ, эта сторона знакома давно. На нее указывали лучшіе наши художники: поэтическіе „Вечера“ Гоголя, переложеніе Пушкина и послѣднее драматическое произведеніе Островскаго ¹⁾ заимствованы изъ сказочнаго міра и передаютъ его чарующую прелесть.

Но есть и другая сторона сказокъ, которая представляетъ интересъ научный. Извѣстно, что въ настоящее время особеннымъ вниманіемъ пользуется все, относящееся къ такъ-называемой первобытной культурѣ, къ первичнымъ вѣрованіямъ и преданіямъ народнымъ. Книга г. Ролстона пополняетъ замѣтный пробѣлъ въ европейской литературѣ, касающейся этого вопроса и вмѣстѣ съ тѣмъ она служитъ весьма важнымъ приобрѣтеніемъ для всѣхъ изучающихъ русскую народную литературу. Знакомство автора съ сборниками сказокъ почти всѣхъ народовъ дало ему возможность объяснить смыслъ и значеніе нѣкоторыхъ нашихъ легендъ посредствомъ сопоставленій, сближеній и аналогій; онъ воспользовался всѣми новѣйшими трудами, относящимися къ арійской мифологіи, между прочими изданіемъ индѣйскихъ сказокъ и сочиненіемъ г. Де-Губернатиса, флорентинскаго профессора, „Зоологическая мифологія“. Поэтому русскіе ученые найдутъ въ книгѣ г. Ролстона весьма многоинтересныхъ указаній; авторъ даетъ полный переводъ лишь тѣхъ сказокъ, которыя имѣютъ характеръ оригинальности, ограничиваясь въ другихъ случаяхъ ссылкой на аналогическія сказки другихъ народовъ.

¹⁾ „Сивѣгурочка“, — печатается въ сентябрьской книгѣ. — *Ред.*

Основная мысль г. Ролстона заключается въ томъ, что между всѣми народными сказками существуетъ сходство и происходило заимствованіе. Это относится не только къ содержанію, но часто и къ внѣшней формѣ сказокъ. „Русскій, знакомый исключительно съ сказками своей родины—говоритъ авторъ (стр. 36)—можетъ подумать, что многія прибаутки существуютъ только въ нихъ; а въ дѣйствительности тѣ же самыя прибаутки составляютъ репертуаръ деревенскихъ весельчаковъ среди виноградниковъ Франціи и Германіи; онѣ повторяются на холмахъ Греціи и Норвегіи, на берегахъ Бретани и Аргайлшира; онѣ вызывали много вѣковъ тому назадъ смѣхъ въ Каирѣ и Испагани, и въ часъ вечерней прохлады веселили сердце рабочаго, утомленнаго дневнымъ трудомъ подъ палящимъ солнцемъ Индіи“.

На основаніи такого сходства сказокъ, г. Ролстонъ старается отыскать ихъ прототипъ и видитъ его въ той формѣ, которая наиболѣе понятна и получаетъ свой смыслъ въ религіозныхъ вѣрованіяхъ народа; сказка неясная, темная есть непременно заимствованная. Такимъ образомъ, по мнѣнію автора, происхожденіе многихъ изъ нашихъ сказокъ слѣдуетъ искать въ Индіи, другія перешли къ намъ съ Востока и пр.

Г. Ролстонъ предоставляет себѣ обратиться впоследствии къ подробному изслѣдованію вопроса о происхожденіи сказокъ; въ настоящемъ трудѣ своемъ онъ даетъ лишь матеріалъ для его разъясненія и группируетъ всѣ сказки около міеологическихъ существъ, которыя играютъ главную роль въ сказкахъ. Таковы олицетворенія злого духа въ самыхъ разнообразныхъ видахъ, затѣмъ привидѣнія, наконецъ авторъ приводитъ легенды, связанныя съ именами святыхъ, которымъ онъ приписываетъ языческое происхожденіе.

Книга г. Ролстона посвящена памяти А. Н. Аванасьева. Она вся проникнута любовью къ избранному предмету и написана увлекательно. Мы позволимъ себѣ привести послѣднюю страницу этого прекраснаго труда.

„Въ мое первое посѣщеніе Россіи, разъ вечеромъ поѣздъ остановился на небольшой станціи между Петербургомъ и Москвою. Пока чинили машину, пассажиры прохаживались около дороги, а толпа ребятшекъ изъ окрестныхъ деревень собралась поглазѣть на нихъ. Это были первыя русскія крестьянскія дѣти, которыхъ я увидалъ вблизи, и меня поразило сходство ихъ съ англійскими дѣтьми: тѣ же черты и то же выраженіе лица. Съ тѣхъ поръ мнѣ случалось видѣть много крестьянскихъ дѣтей, но у меня сохранились въ памяти мальчики и дѣвочки на станціи, лица которыхъ заходящее солнце обливало своимъ золотымъ свѣтомъ. Казалось, они составляли звено между

страною, которую я покинулъ и обширнымъ государствомъ, съ которыми я начиналъ мое знакомство. Можетъ быть, подобнымъ звеномъ англійскаго и русскаго чувства послужать сказки, услаждающія англійскихъ и русскихъ дѣтей. Общность сказокъ способна вызвать мысль о всеобщемъ родствѣ. Надѣюсь, что сказки, заключающіяся въ этой книгѣ, возбудятъ—по крайней мѣрѣ во многихъ англичанахъ—задушевное чувство къ родственнымъ намъ славянамъ, хотя и живущимъ далеко отъ насъ (стр. 378)“.

М. КАПУСТИНЪ.

Лондонъ, 4-го іюля 1878.

ПОДДѢЛКА ГОГОЛЯ.

ЗАМѢТКА.

Литературная фальсификація у насъ еще большая рѣдкость,—потому вонечно, что наша литература еще очень небогата произведеніями, которыхъ поддѣлка могла бы представить тотъ или другой интересъ и вызвать промышленниковъ этого рода. Тѣмъ не менѣе, недавно произошелъ фактъ подобнаго рода, гдѣ впрочемъ поддѣлка—чего обыкновенно не бываетъ—заявлена и ревниво доказывается самимъ лицомъ, совершившимъ поддѣлку.

По рѣдкости подобныхъ вещей въ нашей литературѣ и оригинальности самаго факта поддѣлки, считаемъ нужнымъ изложить послѣдовательно всю исторію.

Въ январской книжкѣ „Русской Старины“ 1872 г. напечатаны были „Новые отрывки и варианты“ въ трехъ первыхъ главахъ второго тома „Мертвыхъ Душъ“. По объясненію редакціи „Старины“, эти отрывки сохранились въ рукописи, принадлежавшей извѣстному другу и товарищу Гоголя по Нѣжинскому лицію, Н. Я. Прокоповичу (ум. въ 1857 г.); рукопись была подарена Прокоповичемъ на память его сослуживцу по преподаванію въ одномъ изъ петербургскихъ кадетскихъ корпусовъ, полковнику Н. Ѳ. Я—му (впослѣдствіи эта фамилія оказалась: Ястржембскій). Полковникъ Ястржембскій, живя впослѣдствіи въ губернскомъ городѣ Могилевѣ, познакомился съ директоромъ училищъ Могилевской губерніи М. М. Боголюбскимъ,

нынѣ директоромъ петербургскаго коммерческаго училища, и по его просьбѣ, охотно позволилъ снять точную копию съ своего манускрипта. Эта копія и была напечатана въ „Р. Старинѣ“.

Сличивши новый вариантъ съ извѣстными прежними двумя текстами второго тома „Мертвыхъ Душъ“, редація „Старины“ нашла въ своемъ вариантѣ нѣсколько новыхъ эпизодовъ, на примѣръ, въ первой главѣ — въ разсказѣ о службѣ Тентетникова — столкновение его съ начальникомъ его Лѣницынымъ, разсказъ дяди Тентетникова о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, рѣчь Тентетникова къ крестьянамъ; во второй — размышленіе генерала Бетрищева о службѣ и о „подлецахъ“, которые ее продолжаютъ; сватовство Чичикова, у генерала, дочери его Уленьки за Тентетникова; обѣдъ Чичикова у генерала; возвращеніе къ Тентетникову, и примиреніе послѣдняго съ генераломъ; въ третьей — предобѣденная закуска у Пѣтуха и сонъ Чичикова. Затѣмъ остальная рукопись вообще сходна съ напечатанными прежде текстами, хотя во многихъ мѣстахъ встрѣчаются отдѣльныя маловажныя различія въ словахъ и выраженіяхъ.

Редація „Старины“ выразила мнѣніе, что хотя изданные ею новыя отрывки и незначительны по объему, „но въ нихъ искрится неподражаемый, умершій съ Гоголемъ, юморъ, поразительная мѣткость выраженія и художественное воспроизведеніе лицъ, мѣстностей, всего, до чего только касалась кисть гениальнаго мастера“. Редація находила, что для каждаго изъ почитателей Гоголя — а таковы всѣ грамотные русскіе — даже мельчайшіе варианты къ его сочиненіямъ интересны уже потому, что „знакомать съ процессомъ творчества безсмертнаго художника“.

Напечатаніе этихъ отрывковъ обратило на себя нѣкоторое вниманіе въ литературѣ: собственно говоря, они мало могли бы прибавить къ извѣстному характеру второго тома, и „процессъ творчества“, который совершался надъ вторымъ томомъ, былъ уже достаточно извѣстенъ изъ напечатанныхъ прежде двухъ его вариантовъ. Г. Чижевъ обратилъ вниманіе на нѣкоторыя частности, которыя показались ему довольно знаменательными, потому что несомнѣнно касались отношеній Гоголя къ Бѣлинскому: именно, въ одномъ изъ прежнихъ вариантовъ находится ясный и очень враждебный намѣкъ на Бѣлинскаго; этого намека въ третьемъ вариантѣ уже нѣтъ, и въ изображеніи Тентетникова являются, съ другой стороны, новыя черты, по которымъ можно было предполагать новый оттѣнокъ въ мысляхъ Гоголя. Эти подробности упомянуты были нѣсколькими словами и въ „Характеристикахъ литературныхъ мнѣній“, въ главѣ о Гоголѣ.

Прошло почти *полтора года* со времени напечатанія новаго варианта въ „Старинѣ“, и въ литературѣ, — въ которой до сихъ поръ

дѣйствуютъ многіе изъ давнихъ почитателей Гоголя и даже изъ его личныхъ друзей, — не было возбуждено никакого сомнѣнія о томъ, чтобы этотъ третій вариантъ почему-либо не могъ принадлежать Гоголю.

Наконецъ, въ одно прекрасное утро, то самое лицо, которое нѣсколько лѣтъ назадъ сообщило г. Богоявленскому этотъ вариантъ, именно г. Ястржембскій напечаталъ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“ (№ 167, 20-го іюня) заявленіе, что этотъ третій вариантъ никогда не принадлежалъ Гоголю, что это — поддѣлка, мистификація.

Г. Ястржембскій рассказываетъ, что „былъ пораженъ“ появленіемъ въ печати записокъ, сообщенныхъ имъ г. Богоявленскому *тринадцать лѣтъ* назадъ, *подъ условіемъ*, что онъ *никогда не будетъ напечатанъ*. Поразившись, *въ началѣ 1872 года*, г. Ястржембскій „хотѣлъ тотчасъ же“ написать въ редакцію „Р. Старины“, что варианты не принадлежатъ Гоголю, но „удержался, полагая, что читающая публика сама увидитъ въ нихъ грубую поддѣлку подъ Гоголя и оставить ихъ безъ вниманія“.

Но онъ ошибся: въ *іюльской книжкѣ* „В. Европы“ 1872 г. помѣщена была статья г. Чицова, придававшая большое значеніе новому варианту и заключавшая изъ него объ отреченіи Гоголя отъ идей, высказанныхъ въ „Перепискѣ съ друзьями“. Тогда, „по важности этого заключенія“, г. Ястржембскій „счелъ уже необходимымъ“ заявить редакціи „Р. Старины“ о непринадлежности 3-го варианта Гоголю. (Впоследствии оказалось, что и послѣ того г. Я—ій собрался написать въ редакцію „Р. Старины“ только *31-го октября*). Редакторъ „Старины“ въ *февралѣ 1873 г.* просилъ его сообщить, на чемъ основано его „предположеніе“. Тогда г. Ястржембскій — *съ полною откровенностью*, къ которой его *обязывало уваженіе къ имени Гоголя* — написалъ редактору „Старины“ письмо (вопію котораго напечаталъ при письмѣ въ „Спб. Вѣдомостяхъ“) и вмѣстѣ послалъ свою рукопись вариантовъ. Но редакторъ „Старины“ медлил печатаніемъ письма, а между тѣмъ г. Ястржембскій увидѣлъ, что въ „Характеристикахъ“ вновь упомянуто о третьемъ вариантѣ: поэтому онъ и обратился наконецъ съ письмомъ въ „Спб. Вѣдомости“, — „желая положить конецъ этой прискорбной мистификаціи и вывести изъ заблужденія читающую публику“.

Въ приложенномъ письмѣ къ редактору „Старины“, отъ *13-го февраля 1873 г.* Ястржембскій объясняетъ „откровенно“, что этотъ 3-й вариантъ написанъ имъ *тринадцать лѣтъ* тому назадъ, никогда не предназначался къ печати, и написанъ по особенному случаю, состоявшему въ слѣдующемъ. Въ 1859 г., ему случалось въ Могилевѣ спорить съ г. Богоявленскимъ, ему „коротко знакомымъ“, о разныхъ

литературныхъ предметахъ, и между прочимъ о второмъ томѣ „Мертвыхъ Душъ“, который г. Ястржембскій считалъ неудачнымъ произведеніемъ.

„Я прибавилъ,—разсказываетъ г. Ястржембскій,—что у меня есть передѣлка трехъ первыхъ главъ 2-й части, *гораздо удачнѣе произведенія Гоголя*, и что М. М. (Богоявленскій) не узнаеть, *Гоголь ли это писалъ или кто другой*. М. М. пожелалъ видѣть эту передѣлку, и я обѣщаль ему отыскать ее въ хламѣ старыхъ бумагъ“.

У г. Я—го, по его словамъ, была рукопись 2-й части „Мертвыхъ Душъ“ въ томъ видѣ, какъ она была послѣ напечатана, и онъ, „недовольный этой 2-ю частью, передѣлалъ три первыя главы ея“ и сообщилъ г. Б—му. Тотъ прочелъ и объявилъ, что „это не поддѣлка подъ Гоголя, а самъ Гоголь“. Г. Я—ій—по его словамъ—увѣрялъ его въ противномъ, но г. Б—ій стоялъ на своемъ и утверждалъ, что эту драгоценную вещь слѣдуетъ напечатать. Г. Я—ій отвѣчалъ, что, „дорожа именемъ Гоголя, не осмѣлится никогда выдать за гоголевское то, что принадлежитъ чьему-то досужему перу“. Онъ позволилъ только г. Б—му списать копію съ его рукописи, но съ условіемъ: никогда не печатать. — Подлинникъ остался у г. Я—го, который и переслалъ его теперь, въ февралѣ 1873, редактору „Старинны“—въ томъ видѣ, въ какомъ былъ написанъ, съ помарками и поправками, доказывающими, что статья была написана на-скоро и вовсе не предназначалась для печати“.

Затѣмъ г. Ястржембскій забылъ о своей рукописи, и теперь, когда она была напечатана и вызвала литературныя сужденія, онъ рѣшился кончить мистификацію: „шутка зашла слишкомъ далеко... Я могъ позволить себѣ шутку въ дружескомъ кружкѣ, *желая испытать литературное чутье* человека, изучавшаго Гоголя; но я не могу вводить въ заблужденіе читающую публику и выдавать за гоголевское то, что не принадлежитъ ему“. О г. Б—мъ онъ заявляетъ, что тотъ, печатая рукопись въ „Р. Старинѣ“, „поступилъ опрометчиво“. Въ заключеніе, г. Я—ій заявляетъ, что въ этомъ — „*вся истина*“.

Благородная откровенность, съ которой г. Ястржембскій заявилъ о своей поддѣлкѣ, заслуживаетъ конечно всякой похвалы. Г. Богоявленскій поступилъ очень опрометчиво, печатая, какъ гоголевское, то, о чемъ ему прямо говорили, что это писано не Гоголемъ. Но, къ сожалѣнію, при ближайшемъ разсмотрѣніи дѣла, въ разсказѣ г. Я—го на первыхъ же порахъ оказались прискорбныя неточности, трудно объяснимыя,—такъ что „вся истина“ г. Я—го выходила какъ будто бы не „вся“.

Издатели „Старины“ помѣстили въ „С.-Петербургскихъ Вѣдомостяхъ“, № 175, 28-го іюня, свое объясненіе, гдѣ замѣтили прискорбины неточности г. Я—го, и даже представили ихъ въ очень странномъ свѣтѣ.

Несмотря на то, что г. Ястржембскій, по его словамъ, былъ такъ „пораженъ“ появленіемъ отрывковъ, оказывается, что прошелъ почти годъ, пока редакция „Старины“ получила отъ него, въ ноябрѣ 1872-го г., первыя замѣчанія, бросавшія тѣнь подозрѣнія на 3-й вариантъ. Г. Ястржембскій предлагалъ въ это время редакціи печатаніе его „Воспоминаній“, и въ *притиски* къ этому письму выразилъ удивленіе, какъ г. Богоявленскій безъ его вѣдома и согласія, напечаталъ отрывки: „а что если отрывки поддѣлка? А въ этомъ я почти не сомнѣваюсь“. Прискорбно, что г. Я—ій въ это время, повидимому, не желалъ говорить „всей истинны“; редакціи „Старины“ естественно было спросить его, на чемъ онъ основываетъ свое „предположеніе“. Къ сожалѣнію, и здѣсь опять г. Я—ій обнаружилъ нѣкоторую медленность, и только въ *февралѣ* 1873-го г. сдѣлалъ свои первыя признанія въ письмѣ къ редакціи „Старины“, которое потомъ напечаталъ въ „Спб. Вѣд.“ и содержаніе котораго мы видѣли.

Издатели „Старины“ говорятъ въ своей статьѣ, что г. Я—ій прислалъ въ редакцію этого журнала, въ томъ же февралѣ 1873-го г., другое письмо, гдѣ объяснялъ, что былъ знакомъ съ *Прокотовичемъ* (ум. въ 1857) по службѣ въ кадетскомъ корпусѣ и *получилъ отъ него*, для списанія, 2-ю часть „*Мертвыхъ Душъ*“, ходившую тогда въ рукописи; а затѣмъ въ 1859 г., когда у него зашелъ споръ съ г. Богоявленскимъ, г. Я—ій — по его словамъ — устроилъ и самую поддѣлку. Именно: „когда я сказалъ, что М. М. Богоявленскій не узнаетъ поддѣлки подъ Гоголя, я *перетисалъ* имѣвшуюся у меня рукопись, и *на-скоро сдѣлалъ* извѣстныя вамъ *вставки*. Я счелъ неудобнымъ тогда же сознаться предъ М. М. въ *мистифкаціи*, которую онъ могъ бы найти обидною для себя. Я позволилъ ему снять копію съ моей рукописи, *взявъ съ него слово, что рукопись никогда не будетъ напечатана*“.

Такъ объясняетъ г. Я—ій. Но рукопись, присланная имъ къ издателямъ „Старины“, написана,—по словамъ послѣднихъ,—на одной и той же пожелтѣвшей отъ времени бумагѣ „безъ всякихъ слѣдovъ вставокъ или помарокъ и передѣлокъ, вромѣ исправленія немногихъ описокъ: такимъ образомъ, чтобъ устроить свою шутку, г. Я—ій, судя по внѣшнему виду доставленной имъ рукописи, долженъ былъ предварительно составить тѣ измѣненія и дополненія, какія имъ признаны нужными, и потомъ своею рукою не только написать всѣ

74 страницы тетради въ листъ, но и „разрѣшить“ такую работу г. Б—му.“

Шутка подобнаго рода казалась редакціи „Старины“ не совсѣмъ вѣроятной, — это дѣйствительно была странная шутка между хорошими пріятелями, — но редакція готова была напечатать заявленіе г. Я—го по его желанію, когда другой участникъ дѣла, г. Б—ій сообщил редакціи отыскавшееся старое письмо г. Я—го, которое относилось прямо къ этому предмету.

Письмо, отъ 14-го февраля 1861-го года, изъ Могилева, излагаетъ въ началѣ чувства нѣжнѣйшей дружбы г. Я—го къ г. Б—му, и затѣмъ говоритъ о вариантѣ „Мертвыхъ Душъ“ слѣдующими словами:

„Напечатаніе вариантовъ „Мертвыхъ Душъ“ предоставляю вашему усмотрѣнію, но прошу васъ при изданіи не упоминать обо мнѣ. Хотя я и получилъ этотъ списокъ отъ покойнаго Прокоповича въ сороковыхъ годахъ, но не вполне увѣренъ, что это сочиненіе самаго Гоголя, а вводить публику въ заблужденіе было бы грѣшно“.

„Что же все это значитъ?“ — спрашиваютъ издатели „Старины“ и резюмируютъ дѣйствія г. Ястржембскаго: въ 1859 г. онъ *шутитъ*, представляя своему глубоко уважаемому знакомому свою предполагаемую поддѣлку подъ любимаго автора, для чего не жалѣетъ времени и труда, исписывая, повидимому вдвойнѣ, 74 страницы. Въ 1861, когда шуткѣ пора бы было кончиться, онъ предоставляетъ *усмотрѣнію* того же „дорогаго“ знакомаго напечатать эту поддѣлку какъ произведеніе Гоголя, съ умолчаніемъ только имени его, Ястржембскаго, и положительно говоритъ, что *имѣю этотъ*, т. е. сообщаемый г. Богоявленскому, списокъ онъ получилъ отъ Прокоповича, въ сороковыхъ годахъ. Въ 1873 г., онъ печатно обвиняетъ г. Богоявленскаго въ опрометчивости, называетъ *тотъ же списокъ* поддѣлкой, и себя авторомъ.

Въ концѣ-концовъ, редакція „Старины“ убѣждалась, что во всемъ этомъ есть дѣйствительно „прискорбная мистификація“, но совершенно недоумѣвала о томъ, что именно было мистификаціей — то ли, что говорилъ г. Я—ій, передѣлывая — по его словамъ — Гоголя; то ли, что онъ въ 1861 г. увѣрялъ г. Б—го, что именно *этотъ списокъ* онъ получилъ отъ Прокоповича; или же наконецъ мистификаціей было напечатанное теперь покаяніе г. Я—го въ „неосторожной шуткѣ“.

Читатель видѣлъ изъ предыдущаго, что въ показаніяхъ г. Я—го, при всей *полной откровенности* ихъ, вкралось очень странное противорѣчіе. Онъ говоритъ о *справедливомъ негодovanіи* своемъ на г. Б—го за напечатаніе отрывковъ, когда г. Б—ій имѣлъ полное

его разрѣшеніе, и могъ негодовать на него самого. Нельзя скрыть, что редакція „Старины“ могла придти въ недоумѣніе относительно владѣльца варианта. Г. Я—ій самъ положительно говоритъ (еще въ письмѣ отъ 22-го февр. 1873 г.), что у него была все-таки въ сороковыхъ годахъ *рукопись, полученная отъ Прокоповича*, о которой въ письмѣ 1861-го г. онъ говоритъ, что *именно она* и была сообщена г. Б—му (по новому разсказу 1873-го г., сообщенъ былъ вариантъ, составленный якобы г. Я—мъ): гдѣ же *эта* рукопись, полученная отъ Прокоповича, была ли *эта* рукопись сообщена тогда г. Б—му? При ихъ дружескихъ отношеніяхъ, при общемъ интересѣ къ Гоголю мудро себя представить, чтобы г. Я—ій не сообщалъ ее своему другу.

Теперь г. Богоявленскій долженъ былъ бы, въ виду заявленій г. Я—го, разсказать, въ какомъ видѣ могли происходить споры 1859 г., о которыхъ послѣдній упоминаетъ. Г. Б—му можетъ казаться неприятно вступать въ препирательства съ столь уважающимъ его г. Я—мъ, но онъ долженъ одолѣть это естественное неприятное чувство, онъ долженъ помочь своему другу, которому, повидимому, нѣсколько измѣняетъ память (самъ г. Я—ій подаетъ ему въ этомъ примѣръ: онъ огорченъ, что долженъ говорить противъ своего друга г. Б—го,—но, *amicus Plato*, замѣчаетъ онъ чрезвычайно справедливо, *sed magis amica veritas*). Правда, дѣло было давно, но общее впечатлѣніе, вѣроятно, сохранилось, и г. Б—ій, въ настоящихъ обстоятельствахъ, *обязанъ* собрать свои воспоминанія. Противъ г. Б—го выставляется серьезное обвиненіе, которое ему необходимо разъяснить: правда-ли, что г. Я—ій, какъ онъ говоритъ, тогда прямо увѣрялъ его, что вариантъ не принадлежитъ Гоголю, и что такимъ образомъ г. Б—ій только по упрямству настаивалъ на противномъ и такимъ образомъ впоследствии сознательно выдалъ публикѣ за гоголевскій—тотъ вариантъ, о которомъ такъ или иначе былъ предупрежденъ. Показывалъ-ли ему тогда г. Я—ій одну рукопись, или двѣ, т.-е. списокъ полученный отъ Прокоповича и свой собственный; и какъ же онъ объяснялъ себѣ слова г. Я—го въ самомъ письмѣ 1861-го г.

Относительно списка, полученнаго отъ Прокоповича, самъ г. Я—ій допускаетъ еще одну неясность, которой не замѣтили пока его противники, но которая требуетъ точнаго объясненія. Въ письмѣ къ редакціи „Старины“ (13-го февр. 1873 г.) онъ говоритъ, что у него была (Прокоповичева) рукопись 2-й части—„въ томъ видѣ, въ какомъ впоследствии она напечатана“. Въ какомъ же это видѣ? Рукопись 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, какъ извѣстно, состоитъ изъ текста, переполненнаго нѣсколькими разными слоями поправокъ и измѣненій,

такъ что издатели Гоголя печатають обыкновенно два текста по одной и той же рукописи. Откуда была рукопись Провоповича, и была ли она только спискомъ съ уцѣлѣвшей рукописи, послужившей для изданія, или у Прокоповича сохранился какой-нибудь особенный текстъ? Это послѣднее было очень возможно. Во всякомъ случаѣ, если рукопись г. Я—го была „въ томъ видѣ, въ какомъ впоследствии она напечатана“, то въ 1859 году, когда было уже нѣсколько изданій 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, какая была надобность г. Я—му „переписывать имѣющуюся у него рукопись“ и дѣлать въ ней „наскоро“ вставки—когда проще было бы взять прямо печатную книгу?

Наконецъ, въ № 184-мъ „Спб. Вѣдомостей“, 7-го іюля, г. Я—ій дѣлаетъ еще заявленіе въ отвѣтъ на статью издателей „Р. Старины“, и намѣревается „разяснить, по возможности, это темное дѣло“.

Дѣло это дѣйствительно темное; но какъ мы увидимъ, г. Я—ій къ сожалѣнію все еще не разяснилъ его. Онъ повторяетъ вначалѣ свои прежнія объясненія; послѣ отвѣта издателей „Старины“ напоминаетъ „одно обстоятельство“, о которомъ за давностью времени забылъ. Онъ вспомнилъ, что въ 1861 году г. Б—й выразилъ желаніе напечатать „интересные“ варианты. „Помнится, — говоритъ г. Я—ій („Р. Старина“ очень это напомнила, напечатавши его собственное письмо),—я отвѣчалъ, что предоставляю это его усмотрѣнію, но прошу не упоминать обо мнѣ, потому что я не увѣренъ, что это сочиненіе Гоголя, а вводить въ заблужденіе публику было бы грѣшно. Я полагалъ, что сказаннаго будетъ достаточно для удержанія М. М. (г. Богоявленскаго) отъ напечатанія вариантовъ, и что если онъ и рѣшится на это, то непременно заявить, что есть сомнѣніе, Гоголь ли это писалъ, или нѣтъ“.

Странное ожиданіе! Г. Я—ій такимъ образомъ предоставлялъ дѣло все-таки чистому случаю. Рукопись оставалась въ рукахъ г. Б—го, не имѣвшаго сомнѣнія о вариантѣ, и могла быть напечатана,—и г. Я—му пришлось бы обличать своего друга: онъ завѣдомо ставилъ его въ фальшивое положеніе, — или, еслибы что-нибудь помѣшало ему поправить дѣло,—оставилъ бы въ литературѣ въ обращеніи фальшивую монету. Впоследствии, онъ молчитъ почти цѣлый годъ, и послѣ появленія статьи г. Чижова ждетъ еще полгода для признанія въ мистификаціи. Теперь г. Я—ій раскрывается, что не сдѣлалъ признанія раньше. Но мы опасаемся, что и послѣ „полной откровенности“, „всей истины“ и раскаянія есть основанія считать дѣло очень сомнительнымъ.

Съ своей стороны, г. Я—ій дѣлаетъ, по поводу напечатанія варианта, слѣдующіе вопросы: 1) отчего г. Б—ій, если не былъ связанъ

словомъ въ 1859, не напечаталъ статьи, и въ 1861 просилъ разрѣшенія на это? 2) Отчего, получивъ разрѣшеніе поступить по своему усмотрѣнію въ 1861, г. Б—ій не печаталъ рукописи до 1872? 3) Почему, печатая вариантъ, онъ не упомянулъ о томъ, что есть сомнѣніе, принадлежитъ ли сочиненіе Гоголю? 4) Почему редакція „Старины“ не печатала четыре мѣсяца заявленія г. Я—го? Наконецъ 5) „если бы статья моя,—говорить г. Я—ій,—была спискомъ съ чьей-нибудь рукописи, неужели въ теченіе 13-ти лѣтъ не нашелся бы другой списокъ этой рукописи? Да и могъ ли бы я рѣшиться выдавать за свое то, что могло быть въ другихъ рукахъ и въ чемъ меня можно было бы легко уличить?“

Для разъясненія дѣла, дѣйствительно нужно, чтобъ г. Богоявленскій отвѣтилъ на относящіяся къ нему вопросы, вмѣстѣ съ тѣми, какіе указаны нами выше. Редакція „Рус. Старины“ слѣдуетъ отвѣтить на 4-й вопросъ, и также разъяснить подробнѣе свойства рукописи,—такъ какъ,—говорить г. Я—ій,—не получая обратно своей рукописи, „я лишился единственнаго документа, которымъ хотя до нѣкоторой степени могъ бы доказать, что статья *писана*, а не *списана* мною. Въ рукописи, сколько мнѣ помнится, есть помарки и поправки, ясно доказывающія, что статья *писана*, а не *списана*“.

Все это относится пока къ внѣшней сторонѣ дѣла; но затѣмъ г. Ястржембскій сообщаетъ и свои внутреннія помысленія. Единственнымъ побужденіемъ его обратиться въ редакцію „Р. Старины“ было—разъясненіе дѣла. „Я не ищу,—говорить онъ,—*литературной извѣстности*, не придаю никакого значенія написаннымъ мною вариантамъ, удивляюсь, что въ нихъ не признана сразу недовкая поддѣлка подъ Гоголя“ и проч. Скромность г. Я—го безъ сомнѣнія похвальна, какъ и откровенность; но въ его понятіяхъ и здѣсь есть нѣкоторая ошибочность. „Литературная извѣстность“, о которой можетъ думать здѣсь г. Я—ій, есть извѣстность фальсификатора—единственная, какую онъ могъ бы приобрѣсти. Мы можемъ только одобрить его, что этой презрѣнной извѣстности онъ не искалъ ¹⁾; но должно сказать, что на другую, болѣе почетную извѣстность онъ не могъ бы рассчитывать; мы скажемъ далѣе, почему.

Затѣмъ г. Я—ій объясняетъ,—„какимъ образомъ онъ могъ поддѣлаться подъ Гоголя *до того*, что *многие* не узнали поддѣлки“ ²⁾. Объясненіе состоитъ въ томъ, что Гоголь былъ любимый писатель г.

¹⁾ Г. Ястржембскому вѣроятно извѣстно, что и въ литературѣ поддѣлка цѣнится также, какъ и въ другихъ вещахъ: настоящій алмазъ можетъ стоить сотни и тысячи рублей, а поддѣльному алмазу цѣна—грошъ.

²⁾ Сколько мы помнимъ, не *многие*, а *никто* не говорилъ въ печати о поддѣлкѣ, до заявленія самого г. Я—го.

Я—го, что онъ долго изучалъ Гоголя, зналъ почти наизусть всѣ его творенія, и притомъ сильно негодовалъ на него за „Переписку“ и за 2-ю часть „М. Душгъ“. *Подъ вліяніемъ известнаго письма Бллингскаго* г. Я—й долго обдумывалъ, какъ бы слѣдовало передѣлать 2-ю часть „Мертвыхъ Душгъ“, чтобы она сдѣлалась „достойнымъ продолженіемъ“ первой. Процессъ поддѣлки описанъ слѣдующимъ образомъ:

„Еще до прискорбной мистификаціи съ М. М. (г. Богоявленскимъ) у меня были наброски вставокъ и передѣлокъ второй части, и я воспользовался ими, когда предстала надобность испытать, до какой степени М. М. изучилъ любимаго имъ и мною автора. Мнѣ не стоило большого труда передѣлать три первыя главы второй части, и я это сдѣлалъ въ теченіе нѣсколькихъ дней. Имѣй я тогда больше времени, я передѣлалъ бы и остальныя главы. Я вставилъ извѣстный въ свое время *всему* Петербургу анекдотъ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, *случившійся* въ 1854 году, т.-е. послѣ кончины Гоголя. Я заставилъ генерала Бетрищева сказать о Михайловскомъ-Данилевскомъ то, что вмѣстѣ со многими *слышалъ въ Витебскѣ*, за обѣдомъ, въ 1856 году, отъ одного генерала, участвовавшаго въ отечественной войнѣ, и тоже какъ-то забытаго Данилевскимъ; я описалъ завтракъ у Петра Петровича Пѣтуха со сцены, которой, вмѣстѣ съ другими, былъ свидѣтелемъ здѣсь, *въ Мошлеви*, у одного барина-сибарита, любившаго плотно поѣсть и угостить, и хваставшаго тѣмъ, что онъ не знаетъ что такое скука; я дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентетникова съ Бетрищевымъ и сватовство Чичикова. Однимъ словомъ я, а не кто другой, написалъ варианты, напечатанные въ „Русской Старинѣ“. На этомъ я *стою твердо (?)*—и останусь навсегда“ и пр.

Прежде, чѣмъ закончить эту исторію, мы должны упомянуть о нападеніяхъ, какимъ подвергся по этому случаю „Вѣстникъ Европы“: вотъ-де на чемъ этотъ журналъ строить свои выводы; вотъ какъ онъ близорукъ, что не разобралъ столь грубой поддѣлки. Газета „Русскій Миръ“ въ № 169 (1-го іюля), принявъ роль какого-то бульварнаго Демокрита, нашла мѣсто для вопроса о nepозволительной шуткѣ надъ Гоголемъ среди фельетонной, какъ всегда мнимо-остроумной, болтовни о персидскомъ шахѣ, г. Егаревѣ, m-me Ривьерѣ и т. п. Фельетонистъ, вычитавъ заявленіе г. Я—го, нашелъ, что все это только—забавно; увѣрился, что варианты поддѣльны (онъ называетъ ихъ „довольно удачной поддѣлкой“, но рядомъ же говоритъ объ „относительной ничтожности вариантовъ“), подшутилъ надъ „прогрессирующей критикой“, поторопившейся „воспользоваться поддѣл-

кой для своихъ тенденціозныхъ цѣлей“. Демокритъ не потрудился прочесть уже напечатанный тогда (28-го іюня) отвѣтъ издателей „Старины“, гдѣ вопросъ о поддѣлкѣ переставалъ уже быть только забавнымъ ¹⁾).

Газета „Голосъ“, въ № 185 (6-го іюля), одинаково съ „Русскимъ Міромъ“ находитъ дѣло только забавнымъ, и прибавляетъ еще обвиненіе противъ редакціи „Вѣстника Европы“, „хранящей краснорѣчивое молчаніе и ничего не говорящей о ложныхъ выводахъ своихъ критиковъ“. Неужели столь опытная газета не понимала, что заявляла къ „Вѣстнику Европы“ невозможное требованіе? Когда же возможно было „Вѣстнику Европы“ говорить объ этомъ дѣлѣ? Заявленіе г. Я—го сдѣлано было 20-го іюня. Редакція „Вѣстника Европы“ не могла же говорить о дѣлѣ, не дождавшись отвѣта *другой стороны*, — это и всегда бываетъ необходимо для оцѣнки факта, а въ настоящемъ случаѣ было необходимо особенно, потому что, какъ мы видѣли, г. Я—ій, несмотря на „полную откровенность“ и на „всю истину“, допустилъ въ своемъ разсказѣ нѣсколько весьма прискорбныхъ неточностей, а отвѣтъ другой стороны явился только 28-го іюня, когда іюльская книга „Вѣстника Европы“ должна была уже находиться въ цензурѣ. Наконецъ, послѣдній отвѣтъ г. Я—го, на которомъ онъ „сталъ твердо“, явился уже въ іюлѣ.

Возвращаемся къ г. Ястржембскому.

Итакъ, хотя г. Ястржембскій раскаявается въ своей неосторожности, но въ „темномъ“ дѣлѣ еще остаются темныя стороны, которыя онъ, а не кто другой долженъ разъяснить. Мы отчасти указывали, въ чемъ онѣ состоятъ. Въ его разсказѣ, несмотря и на послѣднее его заявленіе, остаются вещи, вынуждающія недоумѣніе и недовѣріе, остаются противорѣчія, очень сомнительныя и имъ не разъясненныя.

Главнымъ изъ нихъ остается то, которое не было замѣчено ни имъ самимъ, ни его противниками, ни тѣми газетными фельетонистами, которые успѣли воспользоваться скандаломъ поддѣлки для своего ремесла. Вопросъ въ томъ: гдѣ рукопись 2-й части, полученная отъ Прокоповича, какимъ образомъ г. Ястржембскій могъ въ со-

¹⁾ Газета „Русскій Міръ“ получила тогда уже своего новаго редактора: мы посоветовали бы ему — постараться зарекомендовать себя передъ читателями болѣе серьезнымъ отношеніемъ къ литературѣ и отстать отъ бульварныхъ ухватокъ: это было бы очень не лишнимъ для человѣка, который до сихъ поръ имѣлъ въ русской литературѣ положеніе болѣе чѣмъ скромное, потому что извѣстенъ только плохими ребяческими стихами.

роковикъ *юдахъ* получить ее отъ Прокоповича „въ томъ видѣ, какъ она была напечатана?“

Тѣмъ, кто знаетъ способъ писанія или „процессъ творчества“ Гоголя, извѣстно, что надъ 2-й частью „Мертвыхъ Душъ“ онъ работалъ вѣроятно больше, чѣмъ надъ какимъ-нибудь изъ своихъ другихъ произведеній. Онъ обдумывалъ и мѣнялъ текстъ множество разъ; переписанная начисто рукопись дополнялась и измѣнялась приписками и поправками, переписывалась начисто снова, потомъ опять на чистомъ экземплярѣ дѣлались новыя поправки и вставки. Извѣстно, что даже въ короткіе промежутки времени его друзьямъ случилось отъ него слышать первую главу въ весьма различномъ видѣ, какъ будто она была имъ послѣ „вновь написана“. Самъ Гоголь говорилъ въ послѣднее время своей жизни, — вѣроятно, чтобы оправдать вѣдущую медленность своей послѣдней работы, — что по его мнѣнію писатель долженъ поступать такъ съ своей рукописью до девяти разъ — одинъ изъ людей, его знавшихъ, предполагалъ даже, что со второй частью это было вѣроятно и больше девяти разъ, потому что вторая часть никакъ ему не давалась.

Послѣдняя рукопись, надъ которой работалъ Гоголь, не существуетъ; онъ ее сжегъ. Достаточно прочесть предисловіе г. Кулиша къ 2-й части „Мертвыхъ Душъ“, чтобы видѣть, что если бы сохранилось нѣсколько, двѣ-три, изъ предварительныхъ рукописей Гоголя, то конечно, ни одна *не могла быть* совершенно сходна съ другой. Та черновая рукопись, по которой 2-я часть была напечатана послѣ его смерти, дала возможность напечатать съ нея два разныхъ текста. Очевидно также, что если у Прокоповича была *въ сороковикѣ юдахъ* рукопись 2-й части, она могла представлять собой только одну изъ предварительныхъ редакцій, и по указанному основанію, — можно положительно сказать — *никакъ не могла* походить на ту рукопись, которая была впоследствии напечатана: наконецъ „напечатано“ два текста, — который же разумѣетъ г. Я—ій?

Г. Ястржембскій можетъ сколько ему угодно упражняться въ поддѣлываньи Гоголя — намъ было бы нисколько не трудно признать, что онъ самъ сочинилъ 3-й вариантъ; но онъ обязанъ сказать, *какая же рукопись была имъ получена отъ Прокоповича, и куда она дѣвалась?*

Если г. Я—ій хочетъ доказывать, что имъ сочиненъ 3-й вариантъ, то доказательствомъ должна была бы служить не *та* рукопись, которую онъ сообщилъ г. Б—му, а *та*, которую онъ получилъ отъ Прокоповича.

Переходимъ въ объясненіямъ г. Я—аго, какъ онъ производилъ свою поддѣлку. Въ этихъ объясненіяхъ мы также въ сожалѣнію на-

ходимъ нѣкоторую неточность и такъ-сказать легкость въ мысляхъ. Прежде всего, г. Я—ій — по его словамъ — именно *подъ вліяніемъ* известнаго письма Бѣлинскаго думалъ передѣлать 2-ую часть такъ, чтобъ она была *достойнымъ продолженіемъ* первой. Въ передѣлкѣ его это замѣтно очень мало. Единственная передѣлка, которой можно придать *такой* смыслъ, это — исключеніе прежнихъ намековъ Гоголя на Бѣлинскаго и вставка *одной* фразы о человѣческомъ достоинствѣ. Все остальное нисколько не служитъ для цѣли, на которую ссылается г. Я—ій; все остальное совершенно безразлично, не вноситъ *никакой* новой особенности, которая бы могла доставить „достойное продолженіе“, — такъ что объясненіе г. Я—го далеко не оправдывается дѣломъ.

Прибавки, сдѣланныя г. Я—мъ и, по его словамъ, доказывающія *позднѣйшее* сочиненіе, состоятъ въ „анекдотѣ“ о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ, и словахъ о Данилевскомъ, слышанныхъ въ Витебскѣ. Но въ томъ, что сказано объ этомъ графѣ, нѣтъ никакого *анекдота, смущившагося* въ 1854 году ¹⁾. То, что сказано о Данилевскомъ, столь безразлично, что могло быть сказано въ 1856 году точно также, какъ и въ 1846, и точно также въ Витебскѣ, какъ во всякомъ другомъ столичномъ и губернскомъ городѣ.

Но еще страннѣе то, что г. Я—ій какъ будто считаетъ своей выдумкой и то, что принадлежитъ настоящему Гоголю. Для описанія завтрака у Пѣтуха (всего нѣсколько строкъ, которыхъ нѣтъ въ известныхъ спискахъ 2-й части и которыя впрочемъ только повторяютъ общую тему этого описанія) вовсе не нужно было могилевскаго „барина-сибарита, хваставшагося тѣмъ, что онъ не знаетъ, что такое скука“. Г. Я—ій забылъ, что разсужденіе Пѣтуха о скукѣ принадлежитъ не ему, г. Я—му, а самому, настоящему Гоголю. — Неточность, которой не долженъ былъ допускать человѣкъ, столь глубоко изучившій Гоголя, какъ г. Я—ій.

Еще страннѣе другое совпаденіе г. Я—го съ настоящимъ Гоголемъ. Г. Я—ій говоритъ, что онъ „дополнилъ недосказанное у Гоголя примиреніе Тентетникова съ Бетрищевымъ и сватовство Чичикова“. (NB. Замѣтимъ, что это — *единственная большая вставка* въ 3-мъ вариантѣ, сочиненнаго г. Ястржембскимъ). Что эти сю-

¹⁾ Вставка о графѣ Сидорѣ Андреевичѣ вся состоитъ въ слѣдующемъ:

„Знаешь ли, братъ, каковъ мой начальникъ, графъ Сидоръ Андреевичъ (—говорить Тентетникову его дядя). Вотъ ужъ, можно сказать, собака, а добрыйшная, благороднѣйшая душа. Сколько разъ онъ меня, дѣйствительнаго статскаго совѣтника, называлъ дуракомъ, ну что дуракомъ, просто по матерному выругаетъ, и что же? черезъ два часа ничего не помнить, и опять дружески разговариваетъ, спрашиваетъ, скоро ли жена опять отелится“.

жеты, „примиреніе“ и „сватовство“, которые остались недосказаны въ сохранившемся текстѣ 2-й части, были однако у Гоголя, это было извѣстно изъ воспоминаній лицъ, слышавшихъ 2-ую часть отъ самого Гоголя: г. Я—ій могъ это узнать изъ примѣчаній Шевырева, повторяемыхъ до сихъ поръ въ изданіяхъ 2-й части. Но чего не могъ узнать г. Я—ій въ 1859 году ни изъ какихъ печатныхъ данныхъ, это — *подробностей*, съ какими эти сюжеты являлись у Гоголя: эти подробности должны были уже вполнѣ принадлежать фантазіи г. Я—го, и онъ дѣйствительно говорить, что самъ „дополнилъ недосказанное“.

И намъ остается признать, что въ самомъ дѣлѣ г. Я—ій изумительно изучилъ Гоголя и изумительно угадывалъ, что могъ бы написать объ этомъ *самъ Гоголь*, — потому что оказывается, что подробности, вставленныя г. Я—мъ въ рассказъ о „примиреніи“ въ 1859 году, до чрезвычайности *совпадаютъ* съ тѣмъ, что только въ 1862 году стало извѣстно объ изложеніи этого сюжета у *самого Гоголя*, — изъ напечатанныхъ тогда воспоминаній людей, лично слышавшихъ чтеніе 2-й части отъ самого Гоголя. Для нагляднаго объясненія дѣла мы приведемъ рядомъ и то, и другое, en regard:

Дополненія, сочиненная г. Ястржембскимъ (въ 1859 г.).

[Чичиковъ посылалъ генерала Бетрищева, говорилъ тамъ въ пользу Тентетникова и посваталъ за него Уленьку:]

Въ тотъ же вечеръ онъ воротился къ Тентетникову. Андрей Ивановичъ встрѣтилъ его на крыльцѣ и повидному ожидалъ съ нетерпѣніемъ.

— Ну, Андрей Ивановичъ, сердитесь на меня, если хотите, но я обвороженъ генераломъ.

— Да, я и самъ нахожу, что онъ человекъ почтенный, но гордость его...

— Не договаривайте пожалуйста. Знаете-ли вы, что онъ *самъ къ вамъ собирался сегодня?*

— Зачѣмъ?

— Доказать вамъ, что онъ не гордъ; что онъ васъ цѣнитъ и уважаетъ; что для него крайне больно, что одно пустое слово поселило между вами размовку.

— Онъ *хотѣлъ ко мнѣ прійхать первый?*

— Уже были поданы лошади, когда я прійхалъ.

— Такъ стало-быть я въ немъ ошибся. Я *поправлю мою ошибку и завтра же предупрежу его*. Видѣли вы Уленьку?

Воспоминанія о чтеніи 2-й части „М. Душъ“ самимъ Гоголемъ. (Напечатано въ 1862 г.).

Прощаясь съ нимъ (съ Чичиковымъ), онъ (генералъ Бетрищевъ) просилъ его возвратиться скорѣе и привезти съ собою Тентетникова. Пріѣхавъ къ Тентетникову въ деревню, Чичиковъ рассказываетъ ему какъ грустна Уленька, какъ жалѣетъ генералъ, что его не видитъ, что генералъ совершенно раскаивается, и чтобы кончить недоразумѣніе, *намеренъ самъ первый къ нему прійхать съ визитомъ*, и просить у него прощенія. Все это Чичиковъ выдумалъ. Но Тентетниковъ, влюбленный въ Уленьку, разумѣется, радуется предлогу, и говоритъ, что если все это такъ, то онъ *не допуститъ генерала до этого, а самъ завтра же тотъ же ѣдетъ, чтобы предупредить его визитъ*. Чичиковъ это одобряетъ, и они условливаются ѣхать вмѣстѣ на другой день къ генералу Бетрищеву.

— Дивное, прелестное созданіе. Знаете, Андрей Ивановичъ, вы родились въ рубашкѣ. Соединить въ себѣ и молодость, и умъ, и красоту, и состояніе, и найти подругу жизни, подобную Уленькѣ... Это такіа блага, которыя не всякому посылаются судьбою.

Тентетниковъ вскочилъ со стула и сталъ быстро прохаживаться.

— Такъ вы думаете, что онъ не откажетъ?

— Не думаю, а увѣренъ въ этомъ.

— Увѣрены?

— Увѣренъ, потому что изъ любви къ вамъ, изъ преданности вамъ, я обдѣлалъ за васъ ваше дѣло, (и проч.).

...Тентетниковъ не далъ договорить и бросился на шею Павлу Ивановичу.

— Вы мой благодѣтель, вы мой лучший другъ — я никогда не забуду оказанной вами услуги...

До поздней ночи продолжался разговоръ Чичикова съ Тентетниковымъ. Нужно было сказать про исторію о генералахъ, и это крайне затрудняло Павла Ивановича, знавшаго, что Тентетникова мать не любитъ. Однако-жь и это сошло благополучно (и проч.)...

— Помилуйте, сказалъ Тентетниковъ, да за что же это, да я никогда и не думалъ заниматься исторіею 12-го года.

— Знаю, любезнѣйшій, знаю, что вы занимаетесь исторіею человѣчества вообще. Но подсудите, генералъ, русскій генералъ, пойметъ-ли онъ важность, пользу вашихъ изслѣдованій. Иное дѣло исторія о генералахъ. Это ему понятно, онъ самъ генералъ. Да притомъ же что такое? Вѣдь вы ученый человѣкъ; вѣдь вы можете написать исторію не только 12-го, но какого угодно года! И почему же не написать, когда будущему вашему тестю, отцу вашей Уленьки, желательно имѣть истинную исторію 12-го года... (и проч.).

— Ну вотъ видите, Павелъ Ивановичъ, въ какое положеніе вы меня поставили вашею излишнею ревностью; генералъ станетъ говорить со мною о генералахъ 12-го года и о Данилевскомъ, а вѣдь я и не читывалъ Данилевскаго.

— Что же за бѣда, Андрей Ивановичъ. Почему же не угодить вашему будущему тестю... Вы только дайте ему поговорить, да соглашайтесь, и, по-

Вечеромъ того же дня Чичиковъ признается Тентетникову, — что совралъ, рассказавъ Ветрицеву, что будто бы Тентетниковъ пишетъ исторію о генералахъ. Тотъ не понимаетъ, зачѣмъ это Чичиковъ выдумалъ, и не знаетъ, что ему дѣлать, если генералъ заговорить съ нимъ объ этой исторіи. Чичиковъ объясняетъ, что и самъ не знаетъ, какъ у него это сорвалось съ языка; но что дѣло уже сдѣлано, а потому убѣдительно проситъ его, ежели онъ уже не нахренъ мать, то чтобы ничего не говорилъ, а только бы не отказывался рѣшительно отъ этой исторіи, чтобы его не скомпрометировать передъ генераломъ. За этимъ слѣдуетъ поѣздка ихъ въ деревню генерала...

жалуй, по временамъ вверните, что у Михайловскаго-Данилевскаго это со-всѣмъ иначе изложено.

Тентетникову не совсѣмъ нрави-лся этотъ совѣтъ; но нечего было дѣлать. Онъ видѣлъ, что Чичиковъ, добрыйшій, благородныйшій душа, изъ усердія зашелъ немножко далеко, и рѣшился, ради Уленьки, сдѣлаться историографомъ 12-го года.

...Тентетниковъ... рѣшился не от-кладывать въ дальній ящикъ. На дру-гой же день, онъ отправился вмѣстѣ съ Чичиковымъ къ генералу...

Сходство очевидно, и до такой степени удивительно, что г. Я—ій долженъ бы былъ открыть намъ подробности тѣхъ способы его изученія Гоголя, какими онъ достигъ такого феноменальнаго отгадыванія того, что *дѣйствительно было* у Гоголя. Еслибы мы вѣрили въ спи-ритизмъ, мы подумали бы, что когда г. Я—ій „наскоро“ дѣлалъ свои вставки, онъ, вѣроятно, бесѣдовалъ съ духомъ Гоголя... Мы повто-римъ г. Я—му просьбу—подѣлиться съ публикой этимъ удивительнымъ способомъ изученія великихъ писателей, и повторили бы также же-ланіе, чтобы онъ разъяснилъ, какова была рукопись, полученная имъ отъ Прокоповича, и куда она дѣвдась?

Но отдавая справедливость поддѣлкѣ Гоголя, мы должны ука-зать нѣкоторыя заблужденія, въ какія впалъ г. Я—ій въ своемъ те-перешнемъ мнѣніи объ этой поддѣлкѣ. Онъ удивляется, какъ въ на-писанныхъ имъ вариантахъ не была *сразу* узнана *неловкая* поддѣлка подъ Гоголя. Это, напротивъ, очень неудивительно, и вотъ почему:

Во-первыхъ, надо, конечно, приписать скромности г. Ястржемб-скаго, что онъ называетъ свою поддѣлку неловой. Мы видѣли сей-часъ, что *въ нѣкоторыхъ частяхъ* это—поддѣлка очень, даже какъ будто слишкомъ ловкая. Естественно было нѣкоторымъ слабымъ кри-тикамъ ошибиться, когда г. Я—ій такъ изумительно совпадалъ съ настоящимъ Гоголемъ ¹⁾.

Но отдавъ здѣсь справедливость „ловкости“ поддѣлки и невольно нарушая этимъ ложную скромность г. Я—го, мы должны однако ска-зать, что вообще г. Я—ій все-таки преувеличиваетъ дѣло. Вставки, имъ сдѣланныя, по его словамъ,—въ цѣломъ такъ не велики, пред-ставляютъ такъ мало чего-нибудь яркаго и характернаго, что ихъ очень легко было потерять въ общемъ впечатлѣніи чтенія: какія-нибудь

¹⁾ Читатель отчасти найдетъ въ этомъ отвѣтѣ на 5-й изъ вопросовъ г. Я-го, при-веденныхъ нами выше.

6—7 страницъ вставокъ въ разныхъ мѣстахъ на 80 страницъ цѣлаго подлиннаго текста даютъ слишкомъ мало опоры для заключеній объ ихъ подлинности или неподлинности. Рюмка воды на цѣлую бутылку крѣпкаго вина очень мало измѣнила бы его вкусъ и его крѣпость,—эта „поддѣлка“ была бы почти незамѣтна на обыкновенный вкусъ.

Кромѣ того, главное, на что обращали вниманіе въ 3-мъ вариантѣ, была не столько *прибавка*, сколько *исключеніе*, именно исключеніе того мѣста, гдѣ былъ сдѣланъ враждебный намекъ о Бѣлинскомъ и введеніе двухъ словъ о „человѣческомъ достоинствѣ“. Отсюда и было выведено мнѣніе, что въ настроеніи Гоголя могла произойти нѣкоторая перемена. Исключеніе этого враждебнаго намека не представляло ничего невѣроятнаго: этотъ намекъ находится во 2-мъ изъ извѣстныхъ текстовъ 2-й части; но въ 1-мъ текстѣ его также нѣтъ, какъ и въ 3-мъ вариантѣ. Этотъ намекъ былъ, безъ сомнѣнія, помѣщенъ въ эпоху переписки Гоголя съ Бѣлинскимъ; и весьма естественно могъ быть выпущенъ послѣ, когда Бѣлинскій умеръ, и Гоголя могли посѣтить другія мысли. *Прибавка* словъ о „человѣческомъ достоинствѣ“, какъ замѣна прежняго, могла имѣть значеніе; и странно было бы говорить, что подобная мысль была бы невозможна для самого Гоголя.

Начало первой главы вообще сокращено; но изъ этой отрицательной передѣлки, конечно, трудно было бы что-нибудь заключать о поддѣлкѣ. Прибавка о ссорѣ Тентетникова съ Лѣницынымъ столь безразлична, что изъ нея также ничего не слѣдовало.

Мы упоминали выше, что г. Ястржембскому не слѣдуетъ заблуждаться о литературномъ значеніи ея поддѣлки. Правда, издатели „Р. Старины“ нашли въ прибавкахъ новаго варианта искры Гоголевскаго юмора; г. Чижевъ увлекался возможностью найти новую черту изъ послѣдней дѣятельности Гоголя; авторъ „Характеристикъ“ указалъ мнѣніе г. Чижова, но если г. Я—ій, въ роли автора вставокъ, могъ быть польщенъ отзывами „Р. Старины“ и г. Чижова, то отзывъ автора „Характеристикъ“ о 2-й части таковъ, что едва ли г. Я—ій съ своими „вставками“ найдетъ для себя лестнымъ подойти подъ этотъ отзывъ.

Излагая свойства 2-го тома „Мертвыхъ Душъ“, авторъ „Характеристикъ“, повидимому, вовсе не увлекся новыми красотами, которыя г. Я—ій прибавилъ съ цѣлю сдѣлать 2-ую часть „достойнымъ продолженіемъ“ первой. Авторъ „Характеристикъ“, упоминая содержаніе 2-го тома, высказываетъ о немъ (сравнительно съ первымъ) такое общее впечатлѣніе: „... все это такія безжизненные, натянутыя фигуры, все это такъ фальшиво, что бросается въ глаза явное и жамкое

паденіе таланта, загнаннаго на совершенно ему несвойственную дорогу—точно, вмѣсто Гоголя, читаешь „нравственно-сатирической“ романъ тридцатыхъ годовъ“. Авторъ „Характеристикъ“ былъ, конечно, не совсѣмъ справедливъ къ Гоголю, если въ этомъ выводѣ основывался и на вставкахъ, сочиненныхъ г. Ястржембскимъ. Но послѣдній долженъ видѣть, что его поддѣлка имѣетъ не весьма высокую литературную цѣну, если ее нельзя было отличить отъ произведенія, обличающаго „жалкое паденіе“ Гоголевскаго таланта, если въ своихъ вставкахъ онъ могъ сравняться только съ „нравственно-сатирическимъ романомъ тридцатыхъ годовъ“, т.-е. романомъ, напр., Фаддея Булгарина. Когда авторъ „Характеристикъ“ дѣлалъ свое заключеніе о настроеніи Гоголя въ послѣдніе годы, то и это заключеніе утверждалось главнымъ образомъ вовсе не на 3-мъ вариантѣ, а на томъ впечатлѣніи, которое 2-я часть „Мертвыхъ Душъ“ произвела на *Аксакова*. Аксаковъ-отецъ считалъ „Переписку“ Гоголя поворной книгой, слѣд., далеко не сочувствовалъ ея тенденціямъ, но послѣ, слушая Гоголево чтеніе 2-го тома, онъ все-таки могъ быть „пораженъ удивленіемъ“. По этому впечатлѣнію Аксакова-отца, повторившемуся при двухъ чтеніяхъ различныхъ текстовъ 1-й главы 2-го тома,—и можно было предполагать, что настроеніе Гоголя становилось иное, чѣмъ то, какимъ отмѣчена эпоха „Переписки“.

Въ ожиданіи новыхъ разъясненій со стороны „Р. Старины“ и г. Богоявленскаго, намъ остается высказать, относительно г. Ястржембскаго, одно желаніе.

Г. Ястржембскій повиновался прекрасному побужденію, когда рѣшился на „полную откровенность“ и на „всю истину“, чтобъ раскрыть мистификацію и вывести изъ заблужденія читающую публику. Побужденіе похвально; такіе почтенные органы нашей печати, какъ газеты „Голосъ“ и „Русскій Міръ“, привѣтствовали откровенность г. Ястржембскаго и вполнѣ удовлетворились его заявленіями. Но, по нашему понятію, дѣло еще не доведено до конца: какъ выше изложено, мы, съ прискорбіемъ, видимъ въ признаніи г. Ястржембскаго слишкомъ много неточностей, и не можемъ присоединиться къ привѣтствіямъ упомянутыхъ изданій. Мы желали бы, чтобы г. Ястржембскій сказалъ, наконецъ, все, что дѣйствительно слѣдуетъ сказать въ его положеніи, и выяснилъ тѣ пункты „темнаго“ дѣла, о которыхъ выше упомянуто. Иначе, мы опасаемся, онъ можетъ навлечь на себя обвиненія, способныя дать неблагоприятный оборотъ литературной извѣстности, приобрѣтенной его поддѣлкою Гоголя.

Отъ Редакціи. — Ко всему сказанному г-нъ Д. позволимъ присоединить отъ себя еще одно соображеніе. Можно ли себѣ представить, чтобы кто-нибудь, желая подшутить надъ разсѣянностью пріятеля, спрятавъ, напримѣръ, его часы, и потомъ черезъ годъ или два возвратилъ ихъ, объясняя, что это была шутка. Обыкновенно, это бываетъ такъ, что пошутившій пріятель, видя слишкомъ продолжительную недогадливость своей жертвы, самъ начинаетъ наводить ее на развязку, спрашивая, напримѣръ, который теперь можетъ быть часъ и т. п. Въ примѣрѣ же г. Я—го мы не видимъ ничего подобнаго: онъ пошутилъ и не ожидаетъ никакой развязки, для которой и устраивается вся шутка. Потомъ, далѣе, г. Я—ій пытается увѣрить насъ, что теперь онъ признается, повинувшись голосу совѣсти; но развѣ г. Я—ій считалъ себя безсмертнымъ? Развѣ онъ не могъ думать, что не только 13 лѣтъ спустя послѣ „шутки“, но 13 дней послѣ того онъ могъ умереть, и теперь было бы некому разсѣять ложь. Да оно такъ и могло бы случиться, еслибъ г. Б—ій пережилъ г-на Я—го. Зная манеру г-на Я—го отвѣчать на возраженія, мы почти впередъ знаемъ, что онъ теперь сдѣлаетъ: вѣроятно, на-дняхъ онъ пошлетъ въ газеты извлеченіе изъ своего духовнаго завѣщанія, которое онъ могъ составить на слѣдующій день послѣ шутки, и гдѣ онъ кается въ своемъ грѣхѣ. Дѣло въ томъ, что г. Я—ій очень хорошо понимаетъ, что его могъ бы поразить окончательно одинъ воскресшій Гоголь; увѣренный въ невозможности такого опроверженія, онъ и взялся стоять „твердо“. Все это походитъ со стороны г. Я—го болѣе на „утку“, нежели на шутку, и за нимъ пока можно признать не „славу“ поддѣлки Гоголя, а ловкость въ поддѣлкѣ подъ поддѣлку—и то не очень большую.

ВОЗРАЖЕНІЕ НА КРИТИЧЕСКУЮ ЗАМѢТКУ Г-на А. И.

Письмо въ редакцію.

Въ апрѣльской книжкѣ „Вѣстника Европы“ помѣщена „критическая замѣтка“ о первой части моей книги: „Основы геологій“. Уже съ третьей строки авторъ выражается о моемъ руководствѣ, какъ о сочиненіи, „претендующемъ на оригинальность“, хотя я въ предисловіи къ нему ясно высказался, что „лично своего я внесъ лишь малую долю“. Значитъ ли это „претендовать на оригинальность“? Критику моему не нравится, что я во введеніи отбросилъ

господствующую теорію образованія коралловыхъ острововъ и предпочелъ ей мои собственные воззрѣнія; при этомъ пользуется онъ случаемъ навязать мнѣ бессмыслицу, которую я и не думалъ никогда говорить. Вотъ что онъ пишетъ: „съ перваго взгляда уже можно видѣть, что г. Траутшольдъ понимаетъ опусканіе дна моря отъ тяжести нарастающихъ коралловъ“. Этотъ „первый взглядъ“ — чистѣйшая выдумка автора, такъ какъ у меня сказано: „къ числу несостоятельныхъ объясненій я отношу, напримѣръ, пониженіе дна морского подъ коралловыми рифами по мѣрѣ ихъ возростанія“.

Далѣе критикъ мой торжествуетъ надъ моимъ незнаніемъ, потому что я выразился о доломитѣ какъ о минералѣ, содержащемъ углекислую магнезію, и сильно негодуетъ на то, что я назвалъ лаву минераломъ. Ему нѣтъ дѣла, что въ другомъ мѣстѣ моей книги (стр. 37) я подробно привелъ составъ доломита, и онъ умышленно игнорируетъ, что въ учебникахъ минералогіи часто называютъ то минераломъ, что въ учебникахъ петрографіи называется горною породою.

Какъ искажаетъ критикъ мои слова, извращая ихъ въ ошибки, всего лучше доказываетъ ссылка его на то мѣсто, гдѣ говорится о плотныхъ массахъ известняка, которыя я въ своей книгѣ (стр. 36) отношу къ массамъ не кристаллическимъ, въ противоположность не вполне кристаллизованному мрамору, о которомъ рѣчь идетъ у меня нѣсколько выше.

Далѣе, критикъ нападаетъ на меня за то, что я при описаніи образованія глетчеровъ упоминаю только о шрамахъ по бокамъ долины глетчера, и не говорю о знакахъ на днѣ долины. У меня буквально сказано: „обломки скалъ дѣйствуютъ вслѣдствіе давленія ледника въ высшей степени разрушительно и на дно долины“ (стр. 61). Это возраженіе похоже на то, какъ если бы мнѣ былъ сдѣланъ упрекъ, что я, говоря объ вцѣлѣвшихъ стѣнахъ сгорѣвшаго дома, не упомянулъ объ оставшемся фундаментѣ. Слово „щебень“ слышалъ я часто въ томъ смыслѣ, въ какомъ оно употреблено у меня, а народъ лучшій судья въ употребленіи словъ.

Представленіе о взаимодействіи въ природѣ; мысль, что дѣятельность человѣка оказываетъ противодѣйствіе процессамъ природы, недоступно, какъ кажется, пониманію моего критика. Сильное развитіе промышленности, благодаря примѣненію силы пара и вызванное этимъ большое потребленіе каменнаго угля, видно неизвѣстно моему противнику, такъ какъ онъ находитъ страннымъ, что я говорю о большемъ развитіи углекислоты въ атмосферѣ въ настоящее время. Онъ не хочетъ понять, что чѣмъ больше жгутъ углерода, тѣмъ больше образуется и углекислоты.

Разбирая главу объ углекислотѣ (стр. 73 „Основы“), критикъ мой

выпустилъ въ цитатѣ частицу *не*; онъ выписываетъ такъ: „испареніе углекислоты происходитъ обыкновенно на склонахъ горъ, но они опасны человѣку только въ углубленіяхъ, гдѣ они могутъ смѣшиваться съ атмосферой“,—тогда какъ у меня сказано: „гдѣ они *не* могутъ смѣшиваться“. Что это: умысленный или случайный пропускъ? Какъ бы то ни было, только противникъ мой обрушивается за это на меня.

Затѣмъ мнѣ дѣлается упрекъ, что я не пользовался сочиненіями Рота и Циреля при составленіи главы объ образованіи плутоническихъ, метаморфическихъ и осадочныхъ породъ. Отъ такого начитаннаго критика я могъ бы ожидать, чтобы онъ указалъ мнѣ на извлеченіе. Далѣе, новыя нападки на то, что я упустилъ изъ виду методъ микроскопическаго изслѣдованія горныхъ породъ, хотя мой критикъ легко могъ видѣть, что я пишу не подробный учебникъ, а руководство (Leitfaden), гдѣ не должны имѣть мѣста отрывочныя наблюденія и изслѣдованія, которыя не привели еще ни къ какимъ общимъ выводамъ.

Г-нъ А. И. нападаетъ на „положительность и авторитетность“, съ какою я высказался объ образованіи гнейса, но не замѣтилъ или не хотѣлъ замѣтить, что я говорю: „полагаютъ“ а не „полагаю“. Сланцеватость гнейса критикъ объясняетъ „отдѣльными скопленіями минераловъ“, но и пласты глинистаго сланца, у котораго нѣто не станеть отрицать сланцеватости, не что иное какъ отдѣльныя скопленія, иначе эти пласты не раздѣлялись бы такъ легко на листки.

Нашъ критикъ продолжаетъ такъ: „пропускаемъ нѣсколько невѣрностей до 100 стр.“ Признаться, такъ критиковать легко и удобно! Въ другомъ мѣстѣ онъ говоритъ: „можно было бы указать массу элементарныхъ невѣрностей относительно фактическихъ данныхъ“, и насчитываетъ 23 страницы, гдѣ должны быть эти невѣрности. Такимъ образомъ, критикъ взваливаетъ на плеча своихъ читателей работу, которую долженъ бы былъ выполнить самъ. И онъ ждетъ разрѣшенія задачи не отъ геологовъ, а отъ публики, у которой врядъ ли хватить настолько свѣдѣній, чтобы отыскать предполагаемыя невѣрности. И не остроумно ли задавать загадки, не указывая на признаки того, что нужно разгадать. Но критику важно только произвести сильное впечатлѣніе на непосвященнаго читателя „23 страницами“ невѣрностей!

Далѣе критикъ нападаетъ на то, что я на стр. 100 упоминаю, что отъ расширенія полевого шпата образуется глина, хотя уже на стр. 23-й я говорилъ о разложеніи полевого шпата. Но развѣ химическому разложенію полевого шпата не предшествуетъ механическое измельченіе его?

Говоря о вулканахъ, г. А. И. находитъ нужнымъ замѣтить, что

я слишкомъ мало придаю значенія формѣ вулкановъ. Ссылаюсь на моихъ предшественниковъ, которымъ я слѣдовала тѣмъ охотнѣе, что, знаю, есть и другія не вулканическія горы конической формы. Въ учебникѣ геогнозіи Наумана сказано, напр.: „самая гора имѣетъ такое же второстепенное значеніе для вулкана, какъ отваль руды для шахты“ (томъ I, стр. 67).

Касательно кратеровъ поднятія г. А. И. говоритъ, что теорія конусовъ поднятія всѣми заброшена. Довольно было бы заглянуть ему въ недавно вышедшій нѣмецкій переводъ сочиненія Poulet Scrope о вулканахъ, и онъ убѣдился бы, что и доселѣ есть еще весьма явные приверженцы этой теоріи, и что вовсе не лишнее упомянуть о ней въ учебникѣ.

Онъ недоволенъ также слѣдующимъ выраженіемъ: „Кратеры поднятія узнаются тѣмъ, что слои находятся въ наклонномъ положеніи“. Фраза эта приведена не такъ, какъ у меня въ книгѣ; тамъ сказано: „когда слои подняты, и поэтому находятся въ наклонномъ положеніи“, смыслъ чего совершенно иной. Я долженъ возразить также на положеніе критика, будто „всѣ конусы сложены изъ наклонныхъ слоевъ: лавы, шлаковъ и пепла“; вулканическіе конусы никогда не слагаются съ математическою правильностью, а шлаки и зола, какъ извѣстно, весьма часто наслоены горизонтально. Выраженіе *кратеръ* поднятія, которое г. А. И. отвергаетъ и желаетъ замѣнить названіемъ *конуса* поднятія, принадлежитъ Л. фонъ-Буху и указываетъ на то, что конусы могутъ быть подняты, не будучи вулканами; горы же съ кратерами — непременно вулканы, изъ чего, въ добавокъ, слѣдуетъ еще, что коническая форма вулкановъ имѣетъ лишь побочное значеніе, какъ сказано уже выше.

Критикъ старается также изобличить меня во лжи относительно того, что Помпеи были засыпаны пепломъ. Помпеи покрыты слоемъ золы толщиною среднимъ числомъ отъ 21 до 25 футовъ; точныя изслѣдованія показали, что $\frac{5}{6}$ этого количества выпало сухого пепла, и лишь верхній слой, около двухъ футовъ толщиною; состоялъ изъ lava d'acqua, т.-е. изъ золы, смѣшанной съ водою (Overbeck. Pompeji, стр. 28). Слѣдовательно, свидѣтельство г. А. И., будто Помпеи погибли только отъ lava d'acqua, вполне невѣрно.

Неудачное, по мнѣнію г. А. И., сравненіе огненножидкой лавы съ медомъ или кашей изобрѣтено не мною, а употреблено впервые Фридр. Гофманомъ (см. Наумана Геогнозію, стр. 152).

На стр. 126 моихъ „Основъ“ г. А. И. нашелъ яко-бы извращенные факты, не говоря, впрочемъ, какіе. Читатель могъ уже убѣдиться изъ вышеизложеннаго, что я не слѣдую примѣру моего критика, но выставляю тѣ извращенные факты, какіе покажу въ его замѣткѣ.

Изъ опредѣленія простиранія и паденія пластовъ г. А. И. выво-

дить заключеніе, что свѣдѣнія мои объ этомъ предметѣ крайне недостаточны. Я готовъ повѣрить, что онъ обладаетъ свѣдѣніями болѣе обширными, хотя и не нахожу тому доказательствъ въ его критической замѣткѣ, но не могу отереть, чѣмъ же мое опредѣленіе существенно разнится отъ опредѣленій, принятыхъ въ учебникахъ геологіи?

Разбирая строки объ образованіи каменнаго угля, критикъ величаетъ тоны моихъ основъ „авторитетнымъ, безапелляціоннымъ“, потому только, что я предпочелъ одну теорію образованія каменнаго угля другимъ. Но какъ разъ въ этомъ мѣстѣ постоянно употребляю я слова: почти, вѣроятно, большая часть и т. д., а ими вѣдь не пользуется тотъ, кто „слѣдуетъ догмату непогрѣшимости“. Причина же, почему я предпочелъ теорію образованія каменнаго угля въ прѣсноводныхъ бассейнахъ, заключается въ томъ, что еще не доказано существованіе большихъ массъ каменнаго угля, образовавшагося изъ фукусовъ. Науманъ подробно отстаиваетъ то же воззрѣніе (Геогнозіа. Томъ II, стр. 587).

Сравненіе каменноугольнаго бассейна центральной Россіи съ условіями, въ которыхъ находится Голландія, не заслужила то же одобренія критика потому, что онъ полагаетъ, будто Голландія защищена искусственными плотинами отъ вторженія моря. Пусть поразмыслитъ мой критикъ, не сдѣлается ли и въ настоящее время Голландія хотя отчасти дномъ моря, еслибы она не была почти вся отдѣлена отъ моря естественными плотинами, — дюнами шириною въ 3 версты и вышиною отъ 40 до 50-ти футовъ, и если бы человѣкъ мѣстами не пособилъ тутъ природѣ, хотя (по человѣческимъ силамъ) и въ значительныхъ размѣрахъ (Klöden. Geographie. I. стр. 468).

Моему критику кажется страннымъ, что я сказалъ: „каменный уголь московскаго бассейна покрытъ небольшимъ слоемъ известняка“. Укажу хоть на одинъ примѣръ. У Новоселебно близъ Тулы уголь покрываютъ два слоя известняка: въ 1½ аршина и въ 1 арш. 3 вершка. Такъ какъ система слоевъ горнаго известняка доходитъ до сотенъ футовъ, то слой въ аршинъ съ небольшимъ можно, я полагаю, назвать „небольшимъ слоемъ“.

Далѣе г. А. И. критикуетъ мой взглядъ на образованіе высокаго праваго берега Волги, а за давленіемъ воды многочисленныхъ широкихъ рѣвъ, текущихъ съ сѣвера, не признаетъ естествоисторическаго факта. Не считаетъ ли мой критикъ давленіе воды юридическимъ или теологическимъ фактомъ? Мое опроверженіе теоріи Бэра тѣмъ, что на восточномъ берегу Америки не замѣчается такого явленія, какъ въ Россіи, онъ не удостоиваетъ никакого вниманія: ссылаясь на авторитетъ Бабина, онъ находитъ всякое возраженіе излишнимъ.

Хотя безъ воображенія немислимо никакое открытіе, и хотя воображеніе неизбѣжно нужно геологу, тѣмъ не менѣе г. А. И. находитъ возможность и тутъ привести мнѣ много возраженій. Я сказалъ, что горы Финляндіи и Урала были прежде много выше, чѣмъ теперь. Уже до меня Кемцъ вычислилъ прежнюю высоту ихъ (я не могъ найти этихъ вычисленій въ его трудахъ), но расчетъ такъ простъ, что его можно повторить безъ особыхъ затрудненій. Если принять, что бѣльшая часть Финляндіи и Олонецкой губерніи (говорю—бѣльшая часть, потому что съ сѣверной части этой области продукты разрушенія унесены въ Ледовитый океанъ) и половина Урала (такъ какъ съ восточной половины тѣ же продукты унесены въ Сибирь) составляютъ площадь въ 8—9000 кв. миль, а пространство европейской Россіи, покрытое осадочными породами въ области этихъ горъ, занимаетъ 40—50,000, и если принять еще, что толща этихъ осадковъ составляетъ по крайней мѣрѣ отъ 1000 до 1200 футовъ, то окажется масса въ 5000 футовъ вышиною, если представить себѣ, что осадки (даже безводные) этой части Россіи нагромождены на тѣ плутоническія горы. Эта цифра конечно не преувеличена, потому что, съ одной стороны, не принято въ расчетъ массы осадковъ унесенныхъ въ Балтійское, Черное и Каспійское моря, съ другой — осадки Россіи представляютъ толщи болѣе значительныя. До сихъ поръ неизвѣстно другихъ источниковъ дитритуса кромѣ эруптивныхъ породъ, и такъ какъ во время вторичной и третичной эпохъ никакія эруптивныя массы, повидимому, не пробивали земной коры въ области европейской Россіи, то вся масса дитритуса на ней могла образоваться только изъ окружающихъ ее плутоническихъ горъ.

Разсуждая о перенесеніи эратическихъ валуновъ критикъ мой утверждаетъ, что я говорю будто они перенесены съ юга; но на указанномъ мѣстѣ (стр. 63 „Основъ“) я не нахожу ни малѣйшаго на то намека.

Относительно „классической“, какъ выражается г. А. И., гипотезы о поднятіи и опусканіи такъ-называемаго храма Сераписа, я долженъ замѣтить, что именно тотъ авторъ, котораго сочиненіе о вулканахъ такъ настоятельно рекомендуетъ мнѣ г. А. И., Фувсъ, высказываетъ совершенно такой же взглядъ, какъ и я (Jahrbuch der Mineralogie. 1865, стр. 39); онъ говоритъ именно, что повторныя поднятія и опусканія этой мѣстности сомнительны; я прибавилъ только объясненіе, какое казалось мнѣ болѣе вѣроятнымъ. Впрочемъ, упомянутое мѣсто моей книги о храмѣ Сераписа я вставилъ во время корректуры моихъ „Основъ“, уже по возвращеніи изъ Италіи, гдѣ я посѣтилъ Пуццоли, осмотрѣлъ основательно эту мѣстность и узналъ, что и археологи пришли къ тому же убѣжденію, что тамошніе теплые источники служили мѣстомъ купанья во времена римлянъ, какъ

и теперь. Въ сочиненіи Овербека „Помпей“ на стр. 118 читаемъ: „новѣйшими (археологическими) изслѣдованіями Серапеума въ Пуццоли дознано, что это было зданіе для цѣлебнаго источника, который билъ ключемъ въ центральномъ зданіи, заднія помѣщенія служили для религіозныхъ цѣлей, а маленькія комнаты для гаданій“. Предоставляю моему критику противопоставить этому объясненію „классическую гипотезу“.

Образованіе коралловыхъ острововъ (атолловъ) я пытался объяснить постепеннымъ пониженіемъ уровня моря, а послѣднее постояннымъ переходомъ безводныхъ минераловъ въ водные и инымъ изгачіемъ воды изъ общаго круговорота. Хотя авторъ критической замѣтки не остается доволенъ моимъ взглядомъ, тѣмъ не менѣе мнѣ крайне пріятно заявить ему, что я установилъ эту теорію и провелъ ее, и насколько мнѣ извѣстно, противъ нея не было сдѣлано никакихъ серьезныхъ возраженій; общее пониженіе морского уровня тѣмъ процессомъ, который я привожу, признается всѣми; оспаривается еще только степень этого пониженія. Безспорно, нѣтъ ничего легче, какъ объяснять разнообразныя явленія въ области геологіи (какъ отверстія камнеточцевъ въ колоннахъ Серапеума, такъ и образованіе атолловъ) поднятіемъ и опусканіемъ дна, проходя молчаніемъ причины этого поднятія и опусканія. Г-нь А. И. скорбитъ о томъ, что я изложилъ эту теорію въ учебникѣ; да развѣ это не долгъ нашъ, не обязанность заботиться о распространеніи ученій, которыя мы считаемъ болѣе вѣрными, болѣе основательными, чѣмъ другія? Не стараться же мнѣ въ моей собственной книгѣ развивать такія ученія, которыя противорѣчатъ моимъ убѣжденіямъ.

Изъ вышеизложеннаго читателю будетъ ясно, что необходимо пожелать автору „Критической Замѣтки“ быть болѣе основательнымъ; онъ говоритъ, напр., о барышахъ, которые доставить мнѣ продажа книги (и которые онъ старается подорвать), хотя на оберткѣ выставлено, что сочиненіе издано книгопродавцемъ Рикверомъ въ С.-Петербургѣ. Даже и тотъ lapsus calami, который былъ просмотрѣнъ во время корректуры, не замѣтилъ г. А. И.; на стр. 59, вторая строка снизу, напечатано „выше“, а должно быть „ниже“.

Въ заключеніе мнѣ остается только выразить сожалѣніе, что между моими товарищами по наукѣ нашелся одинъ, который рѣшился написать подобную „Критическую Замѣтку“. Есть, правда, одно смягчающее его вину обстоятельство, а именно, авторъ почувствовалъ настолько стыда, чтобы скрыть свое имя.

Петровское-Разумовское.
9 іюня 1878.

Г. Траутшольдъ.

Мы, въ сожалѣнію, не имѣемъ возможности принять дѣятельнаго участія въ деталяхъ ученаго спора гг. геологовъ, возникшаго случайно на страницахъ нашего журнала, и позволимъ себѣ коснуться только менѣе ученой его стороны. Если г. А. И. заговорилъ о „барышахъ“, между тѣмъ какъ теперь оказывается, что выгоды изданія принадлежатъ одному книгопродавцу Рикверу, то безъ сомнѣнія потому, что онъ (г. А. И.) вовсе не догадывался, что авторъ подарилъ свой трудъ г-ну Рикверу, какъ то надобно думать изъ вышеприведеннаго имъ возраженія. Не смѣя касаться геологическихъ теорій г. Траутшольда, мы не можемъ однако согласиться съ его теорією „стыда“: вовсе не по стыду замѣняютъ имя начальными буквами, а именно потому, что желаютъ предоставить говорить однимъ фактамъ. Но какъ бы то ни было, мы считали своимъ долгомъ сообщить своимъ читателямъ доводы почтеннаго автора „Основъ геологіи“ въ пользу своего труда; теперь специалистамъ предоставляется рѣшить возникшій между двумя учеными споръ безапелляціонно. *Ред.*

НЕКРОЛОГЪ.

Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.

15-го іюля скончался Ф. И. Тютчевъ, на 70-мъ году отъ рожденія, оставивъ надолго жить по себѣ счастливое воспоминаніе о рѣдкихъ своихъ душевныхъ качествахъ; онъ, казалось, весь состоялъ изъ одного сердца, которое только и жило добрымъ и прекраснымъ и для добраго и прекраснаго. Но природа наградила его сердцемъ вовсе не на счетъ ума и таланта, несомнѣннаго поэтическаго таланта, который вырывался иногда на свободу со всею силою и грацією, достойными той плеяды нашихъ прежнихъ маститыхъ поэтовъ, въ средѣ которой дѣлалъ свои первые шаги нашъ тогда еще юный поэтъ. Все это, конечно, были дары природы, но вотъ чтò принадлежитъ лично покойному: онъ умѣлъ сохранить въ цѣлости свою сердечность, цѣлость и безмятежность ума, вѣру въ правду, до самаго конца своего жизненнаго поприща, несмотря на всю, повидимому, несоотвѣтственность его различныхъ общественныхъ положеній съ его же нравственнымъ обликомъ. Самая старость въ немъ казалась только болѣзненностью, — такъ мало физическое разрушеніе, общее всѣмъ, касалось его умственной и сердечной жизни!

Мы не можемъ, въ сожалѣнію, сообщить біографическихъ подробностей жизни покойнаго; Ф. И. принадлежалъ именно къ числу людей,

которые постоянно живутъ въ настоящемъ, и потому знавшіе даже близко покойнаго рѣдко имѣли случай уловить въ его разговорѣ какую-нибудь подробность изъ его прошлаго, какъ то часто бываетъ съ людьми, начинающими уже жить однимъ прошлымъ. Мы знаемъ о немъ только, что онъ получилъ отличное домашнее образованіе и едва-ли не цѣлую половину жизни провелъ за-границей. Въ послѣднее время онъ былъ предсѣдателемъ комитета цензуры иностранной и въ этомъ качествѣ состоялъ членомъ Главнаго управленія по дѣламъ печати. Эту послѣднюю карьерою — мы такъ предполагаемъ — онъ былъ обязанъ тому личному интересу, который онъ обнаруживалъ къ вопросамъ о реформѣ старой цензуры, совершившейся въ 1865 году, хотя, очевидно, задолго передъ тѣмъ въ высшихъ правительственныхъ и общественныхъ сферахъ шли обсужденія того, какъ выполнить эту реформу на практикѣ. По крайней мѣрѣ, мы теперь знаемъ, что О. И. Тютчевъ, еще задолго до новаго закона о печати (1857 г.) обратился съ обширною запискою къ одному изъ членовъ государственнаго совѣта, напечатанною только въ апрѣльской книжкѣ „Русскаго Архива“ за нынѣшній годъ. Эта записка останется лучшимъ памятникомъ покойнаго и вмѣстѣ свѣтлымъ зеркаломъ его души. Говоря его же языкомъ, „среди колебаній и сомнѣній“, онъ ясно и просто формулировалъ свои убѣжденія, и притомъ съ полною искренностью, не допуская въ немъ самомъ никакихъ „колебаній и сомнѣній“.

„Если, среди многихъ другихъ — такъ писалъ О. И. на французскомъ языкѣ ¹⁾ — существуетъ истина, которая опирается на полнѣйшей очевидности и на тяжеломъ опытѣ послѣднихъ годовъ, то эта истина есть несомнѣнно слѣдующая: намъ было жестоко доказано, что нельзя налагать на умы безусловное и слишкомъ продолжительное стѣсненіе и гнѣтъ, безъ существеннаго вреда для всего общественнаго организма. Видно, всякое ослабленіе и замѣтное умаленіе умственной жизни въ обществѣ неизбѣжно влечетъ за собою усиленіе матеріальныхъ наклонностей и гнусно-эгоистическихъ инстинктовъ. Даже сама власть съ теченіемъ времени не можетъ уклониться отъ неудобства подобной системы. Вокругъ той сферы, гдѣ она присутствуетъ, образуется пустыня и громадная умственная пустота, и правительственная мысль, не встрѣчая извнѣ ни контроля, ни указанія, ни малѣйшей точки опоры, кончаетъ тѣмъ, что приходитъ въ смущеніе и изнемогаетъ подъ собственнымъ бременемъ еще прежде, чѣмъ бы ей суждено пасть подъ ударами злополучныхъ событий. Къ счастью, этотъ жестокій урокъ не пропалъ даромъ. Здравый смыслъ и благодушная природа царствующаго Императора ура-

¹⁾ Мы приводимъ переводъ редакціи „Русскаго Архива“.

зумѣли, что наступила пора ослабить чрезвычайную суровость предшествовавшей системы и вновь даровать умамъ недостававшій имъ просторъ“.

Формулируя такимъ образомъ мотивы для необходимости реформы, изъ которыхъ послѣдній не допускаетъ и тѣни возраженія, авторъ не менѣе искренно отвѣчаетъ на тѣ опасенія, которыя, вѣроятно, ходили тогда въ нѣкоторыхъ кругахъ:

„Можно положительно утверждать, что въ настоящую минуту въ Россіи преобладаютъ два господствующія чувства, всегда почти тѣсно связанныя другъ съ другомъ, а именно: раздраженіе и отвращеніе при видѣ законсѣлости, злоупотребленій, и священное довѣріе къ чистымъ, благороднымъ и доброжелательнымъ намѣреніямъ Монарха. Всѣ вообще убѣждены, что никто сильнѣе Его не желаетъ ихъ исцѣленія, но нигдѣ, быть можетъ, это убѣжденіе не существуетъ такъ живо, такъ цѣльно, какъ именно среди сословія писателей, и обязанность всякаго благороднаго человѣка состоитъ въ томъ, чтобы громко провозглашать, что въ настоящую минуту едва-ли въ обществѣ можно найти другой разрядъ людей, болѣе благоговѣнно преданныхъ Особѣ Государя! Не скрываю отъ себя, что подобная оцѣнка, вѣроятно, можетъ встрѣтить недовѣріе со стороны многихъ лицъ въ нѣкоторыхъ слояхъ нашего оффиціального міра. Во всѣ времена существовало въ этихъ слояхъ какое-то предвзятое чувство сомнѣнія и нерасположенія, и это весьма легко объясняется спеціальностью ихъ точки зрѣнія. Есть люди, которые знаютъ литературу на столько, насколько полиція въ большихъ городахъ знаетъ народъ, ея охраняемый, т.-е. лишь тѣ несообразности и тѣ безпорядки, которымъ иногда предается нашъ добрый народъ“.

Нельзя никакъ этого сказать о самомъ Федорѣ Ивановичѣ, вращавшемся одинаково постоянно и въ высшемъ свѣтскомъ обществѣ, и въ литературныхъ кружкахъ какъ прежняго, такъ и новѣйшаго времени, и который самъ занималъ почетное мѣсто въ литературѣ.

Стихотворенія Ф. И. были собраны вмѣстѣ по настоянію и при содѣйствіи И. С. Тургенева въ первый разъ въ 1854 г., и сначала напечатаны въ „Современникѣ“, а потомъ—особою книжкой. Затѣмъ, въ 1868 г. вышло и второе изданіе, дополнившее первое пропущенными тогда и вновь появившимися его стихотвореніями, между которыми весьма многія, при блестящемъ стихѣ, полны неподдѣльнаго поэтическаго вдохновенія и сердечной теплоты и любви. Напомнимъ стихотвореніе на повѣсть И. С. Тургенева „Дымъ“. Поэтъ въ первыхъ строфахъ крупными чертами набрасываетъ картину лѣса, который всѣмъ представлялся нѣкогда могучимъ и зеленѣющимъ лѣсомъ; и вотъ, онъ съ прежнею любовью подходитъ къ этому лѣсу...

Но гдѣ же онъ? Кто опустилъ завѣсу,
 Спустилъ ее отъ неба до земли?
 Что это: призракъ, чары ли какія?
 Гдѣ мы? И вѣрять ли глазамъ своимъ?
 Здѣсь дымъ одинъ, какъ пятая стихія, —
 Дымъ безотрадный, безконечный дымъ!
 Кой-гдѣ на-сквозь торчатъ, по обожженнымъ
 Пожарищамъ, уродливыя пни,
 И бѣгаютъ по сучьямъ обожженнымъ,
 Съ зловѣщимъ трескомъ, бѣлые огни.
 Нѣтъ, это сонъ! Нѣтъ, вѣтерокъ повѣтъ
 И дымный призракъ унесетъ съ собой,
 И вотъ, опять нашъ лѣсъ зазеленѣетъ,
 Все тотъ же лѣсъ — волшебный и родной!

Гораздо рѣже поэтомъ овладѣвало сомнѣнiе, но и оно однако овладѣвало имъ по временамъ, когда онъ въ 1857 году спрашивалъ себя въ глубинѣ своего сердца и не рѣшался окружающую дѣйствительность признать сномъ:

Надъ этой темною толпой
 Непробужденнаго народа
 Взойдешь ли ты когда, свобода,
 Блеснетъ ли лучъ твой золотой?
 Блеснетъ твой лучъ и оживить,
 И сонъ разгонитъ, и туманъ...
 Но старья, гнилыя раны,
 Рубцы насилій и обидъ,
 Раствлѣныя душъ и пустота,
 Что гложетъ умъ и въ сердцахъ ноетъ...
 Кто ихъ излечитъ, кто прикроетъ? —
 Ты, риза чистая Христа...

Не можемъ не вспомнить съ признательностью, — въ половинѣ шестидесятихъ годовъ, Э. И. почтить и нашъ журналъ своимъ стихотворенiемъ на юбилей Карамзина. Поэта смущалъ опять тотъ же вопросъ:

Какой пошлемъ тебѣ привѣтъ —
 Тебѣ, нашъ добрый, чистый гений,
 Средь колебаній и сомнѣнiй
 Многотревожныхъ этихъ лѣтъ?

Позже, въ отдѣльномъ изданiи этого же самого стихотворенiя онъ дополнилъ свой вопросъ:

При этой смѣси безобразной —
 Безсильной правды, дерзкой лжи —
 Такъ ненавистной для души
 Высокой и ко благу страстной...

А къ числу именно такихъ-то душъ принадлежала вселюбящая, незлобивая душа самого поэта; намъ кажется, говоря такъ, мы выражаемъ не одно наше личное мнѣнiе, но мнѣнiе всѣхъ тѣхъ, кто близко зналъ покойнаго и вмѣстѣ съ нами искренно скорбѣлъ о его утратѣ.

ИЗВѢСТІЯ.

I. Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.

Засѣданіе комитета 28-го мая, 12-го и 26-го іюня.

1) Доложено письмо г. управляющаго министерствомъ народнаго просвѣщенія, которымъ увѣдомляетъ, что Государь Императоръ, по всеподданнѣйшему докладу министра народнаго просвѣщенія, основанному на представленіи комитета Общества для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ, въ 16-й день мая, высочайше соизволилъ, чтобъ, за исключеніемъ городовъ, гдѣ имѣютъ свое пребываніе попечители учебныхъ округовъ, во всѣхъ прочихъ — публичныя чтенія въ пользу вышеупомянутаго Общества разрѣшаемы были губернаторами, съ предоставленіемъ имъ, въ случаѣ надобности, поручать просмотръ программъ чтеній и самыхъ статей директорамъ мѣстныхъ гимназій.

2) Выдано, на основаніи п. д § 5-го устава, 150 руб. молодому писателю, для предоставленія ему средствъ къ окончанію образованія.

3) Выдано 50 р. больной переводчицѣ.

4) Выдано въ ссуду: одному лицу 250 руб. и другому — 100 руб.

5) Выданы 4-мъ лицамъ единовременныя пособія въ размѣрѣ: одному 100 р., одному 75 р., одному 50 р. и одному 20 р.

6) Выдано, въ счетъ стипендіи, назначенной молодому писателю для предоставленія ему способовъ къ окончанію образованія, 50 р.

7) Положено ходатайствовать о назначеніи пенсіи матери покойнаго профессора.

8) Удовлетвореніе ходатайства двухъ просителей отложено до представленія ими болѣе точныхъ свѣдѣній о правахъ ихъ на пособіе изъ литературнаго фонда.

Годовыя платежи членовъ Общества и единовременныя пожертвованія могутъ быть вносимы въ *Москву* — въ книжномъ магазинѣ И. Г. Соловьева (на Страстномъ бульварѣ). Для избѣжанія всякихъ недоразумѣній, комитетъ Общества покорнѣйше просить членовъ Общества и жертвователей записывать вносимыя ими деньги въ особо заведенную для того въ магазинѣ И. Г. Соловьева книжку.

Засѣданіе комитета 10-го іюля 1873 г.

- 1) Выдано 30 р. писателю, въ видахъ предоставленія ему возможности отправиться на родину.
- 2) Выдано 100 р. писательницѣ, лишившейся мѣста, на уплату долга и на леченіе.
- 3) Отклонено ходатайство одного лица о пособіи, такъ какъ проситель не удовлетворяетъ тѣмъ условіямъ, при существованіи которыхъ выдаются пособія изъ литературнаго фонда.
- 4) Выдано 300 р. писателю, лишившемуся, за оставленіемъ службы, средствъ къ жизни.
- 5) Отпущено 100 р. на воспитаніе сына писателя.
- 6) Изъявлена благодарность Общества В. А. Манассеину за сообщеніе свѣдѣній объ одномъ переводчикѣ и за помѣщеніе въ „Военно-Медицинскомъ Журналѣ“ отчета Общества за 1872 г.

Отчетъ казначея за май и іюнь.

Къ 1-му мая въ кассѣ состояло 63,251 р. 14 к.—Поступило: 2,486 р. 70 к., въ томъ числѣ отъ 53 членовъ Общества 1,195 р. и процентовъ съ капитала 1,241 р. 70 к.—Израсходовано: на пенсіи шести лицамъ 487 руб.; на единовременныя пособія 945 р.; на воспитаніе 3-хъ лицъ 225 руб.; за храненіе процентныхъ бумагъ 14 р. 5 к.—Къ 1-му іюня въ кассѣ находилось 64,066 р. 79 к.—Въ іюнѣ поступили: взносы 6 членовъ 80 руб.; отъ Его Императорскаго Величества 1,000 р.; отъ Ея Императорскаго Величества 300 руб.; проценты съ капитала 179 р. 86 к.—Израсходовано: на пенсіи 225 р.; на единовременныя пособія 379 р.; на ссуды 550 р.; на стипендію 50 руб.—Къ 1-му іюня въ кассѣ состояло 64,422 р. 75 к.

О П Е Ч А Т К И.

Въ послѣдней іюльской книгѣ просятъ сдѣлать слѣдующія исправленія, незамѣченныя въ корректурѣ:

Стр.	Строк.	Напечатано:	Видѣно:
142	12 св.	Мадарата	Мадарале
179	8 св. и разлн	Сезени	Сѣзени
185	13 "	Штарксфельдъ	Штарксфельсъ
189	7 "	Каллепа	Каллепа
221	5 "	Дюмуленъ	Демулень

М. Стасюлевичъ.

СОДЕРЖАНИЕ

ЧЕТВЕРТАГО ТОМА.

ВОСЬМОЙ ГОДЪ.

ИЮЛЬ—АВГУСТЪ 1873.

Книга седьмая. — Июль.

	СТР.
Филиппъ изъ Кононлей.—Рассказъ ВЛ. СЫРОКОМЛИ. Перев. М. П—СКАГО.	5
Русскій рабочій у американскаго плантатора. — Рассказы и воспоминанія. — II. — А. К***	19
Вторая имперія въ романѣ Эмиля Золя.—Les Rougon-Macquart, histoire naturelle et sociale d'une famille, sous le second empire, par <i>Emile Zola</i> . Tome troisième: Le Ventre de Paris. Paris, 1873.—А. Э.	76
Новѣйшая исторія Австріи.—Десять лѣтъ реакціи: министерство шварц- енбергъ-ваховское. 1849—1859.—III-IV.—В. Д. СПАСОВИЧА.	148
Люди и нравы времени французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen. — III-V.—С.	190
Характеристики литературныхъ мнѣній отъ двадцатыхъ до пятидесятыхъ го- довъ.—Историческіе очерки.—IX.—Заключеніе.—А. Н. ПЫПИНА	222
Хроника.—Переделки судебныхъ уставовъ. — Ъ.	264
Операциі государственнаго банка.—Г.	278
Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ ста- тистическихъ работъ.—Н. Ф.	305
Внутреннее Овозрѣніе.—Возвышеніе виннаго акциза и пошлины.—Предполагае- мое измѣненіе патентнаго сбора и правилъ раздробительной продажи вина.—Еще судебное преслѣдованіе раскольниковъ.—Запросъ петербург- скому воспитательному дому.—Общество подачи помощи при корабле- крушеніяхъ.—Женскіе курсы при с.-петербургской медицинской академіи и московскомъ университетѣ.—Полезно или вредно оспопрививаніе?	345
Иностранное Овозрѣніе.—Занятіе Хивы.—Персидская концессія. — Французскія дѣла.—Циркуляръ о печати.—Германскіе законопроекты о печати.—За- мѣтка для газеты «Голось»	362
Корреспонденція изъ Парижа.—Н.	372
Варшавскія письма. — Письмо третье.—Л. Л.	384
Новѣйшая Литература.—Современный взглядъ на происхожденіе эн- демій.—Die Seichen, ihre Ursachen, Gesetze und Bekämpfung. Von Dr. Fr. Oesterlen. Tübingen, 1873	402
Новыя Книжки. — Очерки анатоміи и физиологіи человека. Лекціи профессора Э. К. Брандта. Спб. 1873	423
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	431
Библиографическій Листокъ.	

Книга восьмая. — Августъ.

	СТР.
Распоряженіе г. Управляющаго министерствомъ внутреннихъ дѣлъ, 6 іюля . . .	482
Вана, Мюнхенъ, Венеція.—Художественныя замѣтки.—ЕВГ. Л. МАРКОВА . . .	483
Познанскіе поляки въ 1848 году.—Б. Л.	489
Садео у морского царя.—Былина.—И. СУРИКОВА	510
Русскій рабочий у американскаго плантатора.—IV.—А. К***	519
Вопросъ о реформѣ монастырей.—Д-ВЪ	559
Взятіе Хивы и хивинская экспедиція 1878 года.—Материалы для исторіи похода.—Статья первая.—Ф. И. ЛОБЫСЕВИЧА.	583
Изъ Байрона.—I—II.—В. П. ПОПОВА	620
Эскизы итальянскаго общества.—II—IV.—АНЖ. ДЕ-ГУВЕРНАТИСЬ	622
Люди и нравы времени французской революціи.—Literatur und Gesellschaft in Frankreich zur Zeit der Revolution, 1789—94, von Lotheissen.—VI—VII.—С	648
Хроника.—Современное положеніе рабочей силы въ Европѣ и Америкѣ.—По донесеніямъ англійскихъ дипломатическихъ агентовъ и новѣйшимъ результатамъ статистическихъ работъ.—Франція.—IV—IX. Н. Ф.	669
Внутреннее Овозраженіе.—Труды комиссіи сельскаго хозяйства.—Значеніе собраннхъ данныхъ.—Вопросъ объ общинѣ.—Вопросъ о пшяствѣ.—Проектъ новаго устройства духовнаго суда.—Кругъ вѣдѣній специальныхъ судовъ вообще.—Виды наказаній.—Составъ суда.—Прокурорская часть.—Необычайное сосредоточеніе власти.—Что будутъ дѣлать съ Хивой?	736
Одинъ отвѣтъ на всѣ вопросы.—ОТЪ РЕДАКЦІИ.	760
Иностранное Овозраженіе.—Предстоящее родство съ королевскимъ домомъ Англіи.—Конецъ сессіи французскаго національнаго собранія.—Отмѣна протекціонизма и очищеніе территоріи.—Правительство Пн-и-Маргалла.—Правительство Сальмерсона.—Новыя возстанія и война съ карлистами	763
Корреспонденція изъ Берлина.—Военный вопросъ въ Пруссіи и въ Германіи.—К.	778
Корреспонденція изъ Флоренціи.—Политическій кризисъ въ Италіи.—D. G.	801
Новѣйшая Литература.—Англійскій рабочий. De la situation des ouvriers en Angleterre, par le Comte de Paris.	809
Новыя Книжки.—Russian Folk-tales by W. R. S. Ralston.—М. КАПУСТИНА	820
Литературная замѣтка.—Поддѣлка Гоголя.—Д.	822
Письмо въ Редакцію.—Возраженіе на критическую замѣтку г. А. И.—А. ТРАУТНОЛЬДА.	840
Некрологъ. Федоръ Ивановичъ Тютчевъ.—М. С.	847
Извѣстія.—Общество для пособія нуждающимся литераторамъ и ученымъ.	851
Библиографическій Листокъ.	

ВИДНОГРАФИЧЕСКІИ ЛИСТОКЪ.

Доклады и журналы Высочайше утвержденной комиссии для исследования антинавигационных положений сельского хозяйства, съ Приложениями въ 4-хъ томахъ in-folio, Спб. 1873. Ц. 25 руб.

Мы поздравляем читателей въ вышедшемъ „Обзорѣ“ съ общимъ характеромъ этой въ высшей степени замѣчательной работы, значеніе которой усилится тѣмъ болѣе, чѣмъ внимательнѣе отнесется къ нему наше общество, а она заслуживаетъ полного общественного вниманія и признательности. Огнѣи эсперантовъ, записанные стенографически, сообщаютъ оживленіе матеріаламъ. Изданіе выполнено по строгой системѣ, и въ этомъ отношеніи не оставляетъ ничего болѣе желать. Мы можемъ только пожелать наибольшаго распространенія въ публикѣ этихъ „журналовъ“ и нѣкотораго простора для обсужденія и критической проверки матеріала, заключающагося въ нихъ.

Первобытная культура. Соч. Эд. Тэйлора. Перев. съ англ. подъ редакціею Д. Корончевскаго. Т. II. Спб. 1873. Стр. 484. Ц. 3 р.

Вторымъ томомъ заключается начатое авторомъ изложеніе въ первомъ томѣ объ „анимизмѣ“, т. е. жизни души внѣ физическихъ условій, какъ онъ выразился въ представленіяхъ различныхъ древнихъ эпохъ, какъ, постепенно развиваясь, онъ достигъ полнаго ученія о духахъ въ философіи естественной религіи, и легъ потомъ въ основаніе установленной морали. Въ видѣ иллюстраціи къ ученію объ анимизмѣ, авторъ посвящаетъ особую главу разсмотрѣнію обрядовъ и церемоній, въ связи ихъ съ различными фазами ученія о душѣ. Выходя изъ точки зрѣнія, прямо противоположной ученію: „цуть шрошеднее будетъ на-вѣки шрошеднимъ“. — авторъ ищетъ въ самыхъ отдаленныхъ изгибахъ древней культуры слѣдовъ вліянія ея на практической складъ высшей культуры, которая такимъ образомъ перѣдко служитъ хранилищемъ „пережившихъ“ идей культуры дикаго человѣка. Въ этомъ отношеніи, авторъ указываетъ особенно на человѣческой языкъ, система котораго изобрѣтена въ соотвѣтствіи вовсе не съ нашею современною культурой и не для удовлетворенія ея нужды, а съ культурой варварскихъ эпохъ. „Языкъ — говоритъ Тэйлоръ — есть одинъ изъ тѣхъ умственныхъ отдѣловъ, въ которыхъ мы мало поднялись надъ уровнемъ дикарей, и въ немъ мы какъ будто до сихъ поръ продолжаемъ рубить каменными топорами и съ трудомъ добывать огонь посредствомъ тренія“, между тѣмъ какъ въ другихъ отдаленныхъ высшей культуры мы пользуемся также и орудіями, добытыми этою же самою высшею культурою. Таково въ общихъ чертахъ заключеніе автора.

Быть военнымъ арестантомъ въ крѣпостяхъ. В. Н. Никитина. Спб. 1873. Стр. 528.

Въ виду современнаго, впрочемъ, довольно медленнаго движенія тюремнаго вопроса на практикѣ, трудъ г. Никитина пріобрѣтаетъ чрезвычайную важность, и по своей новостѣ въ нашей литературѣ, и по основательности личнаго изученія авторомъ мало изданнаго вопроса. Три преобразования гражданскихъ тюремъ могутъ легко впасть на мысль о пользѣ примѣ-

ненія къ нимъ правилъ военно-исправительныхъ ротъ. Но трудъ автора весьма убѣдительно доказываетъ, что такая мысль можетъ повести къ нецѣлесообразному результату для гражданскихъ тюремъ, что изучать порядокъ военно-исправительныхъ ротъ нужно также и съ цѣлью устраненія тѣхъ недостатковъ, которые въ послѣднихъ, несмотря на всю добрую волю законодательства, замедляютъ достиженіе главной цѣли тюремъ — не столько карать, сколько исправлять. Авторъ приводитъ съ своей стороны рядъ измѣненій, желательныхъ для ротъ, и весьма справедливо указываетъ, что въ виду всеобщей военной повинности вообще было бы необходимо заблаговременно пересмотрѣть законы о правахъ, обязанностяхъ и отвѣтственности солдата, рассчитанные очевидно на солдата сословнаго, а не бессословнаго, какому ему предстоитъ быть. Г. Никитинъ оживилъ свое изложеніе цѣлыми сценами изъ жизни въ ротѣхъ и записалъ свои бесѣды съ осужденными, изъ которыхъ читатель можетъ ознакомиться наглядно съ тѣми причинами, которыя приводятъ иногда человека въ роту, а практикѣ указать отсюда способы къ пресѣченію дальнѣйшаго развитія преступныхъ наклонностей въ человѣкѣ. Нельзя не радоваться появленію такой книги.

Юнкерскія училища. Г.-М. П. Бобровскаго. Т. II. Спб. 1873. Стр. 614 и LVII.

Авторъ посвятилъ первый томъ своего обширнаго труда историческому изслѣдованію предмета, съ цѣлью доказать необходимость спеціальныхъ учрежденій для образованія строевого офицера изъ вольноопредѣляющихся. Впрочемъ, юнкерскія училища въ послѣдніе годы росли съ чрезвычайною быстротою, и изъ 4-хъ училищъ съ 700 обучающихся въ 1864—1865 гг., достигли въ 1872 г. замѣтной цифры 16 училищъ съ 3790 обуч.; всего прошло чрезъ нихъ, за 8 лѣтъ, около 11 тысячъ, давшихъ безъ малаго 5½ тысячъ офицеровъ. Второй томъ авторъ посвящаетъ именно описанію хода обученія и воспитанія юнкеровъ за этотъ 8-ми-лѣтній періодъ, выдѣляя для третьяго тома обзоръ условій благоустройства училищъ. Не будучи специалистомъ, не судимъ о подробностяхъ, но мы не можемъ не отнестись сочувственно къ одному изъ основныхъ взглядовъ автора на военное воспитаніе: „Нравственности только одна, — итъ особой военной нравственности, но есть военная дисциплина“, которая складается „изъ уваженія къ закону, къ личности человѣка и къ исполненію своихъ обязанностей“. О „чести мундира“, которую такъ легко можно понимать прератно, авторъ не говоритъ ничего.

Основаніе вѣтаники. Руководство для начинающихъ. М. Масперса. Перев. съ англ. Волкенштейна. Спб. 1873. Стр. 186. Ц. 75 к.

Составитель руководства имѣлъ главнымъ образомъ въ виду изъ громадной массы подробностей выдѣлить строго одно необходимое для образованія въ участіемъ первыхъ общихъ понятій. Съ этою же цѣлю онъ ограничился самыми обыкновенными растениями, попадающимися на каждомъ шагѣ. Книжка снабжена рисунками, удовлетворительными для дешеваго изданія.

„ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“

ВЪ 1873-мъ ГОДУ.

ПОДПИСНАЯ ЦѢНА

НА ГОДОВОЙ ЭКЗЕМПЛЯРЪ — 12-ТЬ КНИГЪ:

- I.—Въ С.-Петербургѣ: 1) *Безъ доставки* на домъ 15 руб. 50 коп. — 2) *Съ доставкой* по городской почтѣ 16 р.
- II.—Въ Москвѣ: 1) *Съ пересылкою чрезъ книжный магазинъ Н. Г. Соловьева* 16 р. 2) *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.
- III.—Въ губерніи: *Съ пересылкою чрезъ Газетную Экспедицію* 17 р.
- IV.—*Заграницею*: За пересылку чрезъ Иностранную Экспедицію къ вышеупомянутой цѣнѣ (17 р.) прилагается: а) 2 руб. — въ *Германію* и *Австрію*; б) 3 р. — въ *Бельгію*, *Нидерланды* и *Придунайскія Книжества*; в) 4 р. — по *Францію* и *Данію*; д) 5 р. — въ *Англію*, *Швецію*, *Испанію*, *Португалію*, *Турцію* и *Грецію*; е) 6 р. — въ *Швейцарію*; ф) 7 р. — въ *Италію* и *Японію*.

1. — **ПОДПИСКА** принимается: а) отъ городскихъ подписчиковъ въ Главной Конторѣ журнала при книжномъ магазинѣ А. Ф. Вазунова, въ С.-Петербургѣ, Невск. Пр., 30; б) Иногородные и иностранцы высылаютъ по *почтѣ* исключительно въ Редакцію (Галерная, 20), съ сообщеніемъ подробнаго адреса: имени, отчества, фамиліи и того *почтовой учрежденія*, его губерніи и уѣзда, гдѣ есть выдача газетъ и журналовъ.

2. — **ПЕРЕМѢНА АДРЕССА** сообщается въ Редакцію такъ, чтобы извѣщеніе могло постигнуть до сдачи книги въ Газетную Экспедицію. За невозможностью извѣстить Редакцію своевременно, слѣдуетъ сообщить мѣстной Почтовой Конторѣ свой новый адресъ для дальнѣйшаго отправления журнала, а Редакцію извѣстить о перемѣнѣ адреса для слѣдующихъ номеровъ. При перемѣнѣ адреса, необходимо указывать мѣсто прежняго отправления журнала, и съ какого номера начать перемѣну.

Примчаніе. — По почтовымъ правиламъ, городскіе подписчики, переходя въ иногородные, прилагаютъ 1 р. 50 к., а иногородные — въ городскіе 50 коп.

3. — **ЖАЛОБА**, въ случаѣ недолученія книги журнала въ срокъ, препровождается прямо въ Редакцію, съ помѣщеніемъ на ней свидѣтельства мѣстной Почтовой Конторы и ея штемпеля. По полученіи такой жалобы, Редакція немедленно представляетъ въ Газетную Экспедицію дубликатъ для отсылки съ первою почтою; но безъ свидѣтельства Почтовой Конторы, Газетная Экспедиція должна будетъ предварительно сноситься съ Почтовою Конторою, и Редакція удовлетворить только по полученіи отвѣта послѣдней.

Примчаніе. — Жалоба должна быть отправлена никакъ не позже полученія слѣдующаго номера журнала; въ противномъ случаѣ, Редакція лишится возможности удовлетворить подписчика. — Точно также Редакція не можетъ удовлетворять жалобы тѣхъ подписчиковъ, которые, въ противность первому условію подписки, требуютъ высылки журнала на такія станціи желѣзныхъ дорогъ, гдѣ нѣтъ почтовыхъ учреждений.

М. Стасюлевичъ

Надатель и отвѣтственный редакторъ.

РЕДАКЦІЯ „ВѢСТНИКА ЕВРОПЫ“:
Сиб., Галерная, 20.

ГЛАВНАЯ КОНТОРА ЖУРНАЛА:
Невск. просп., 30.

3 2044 051 712 206

